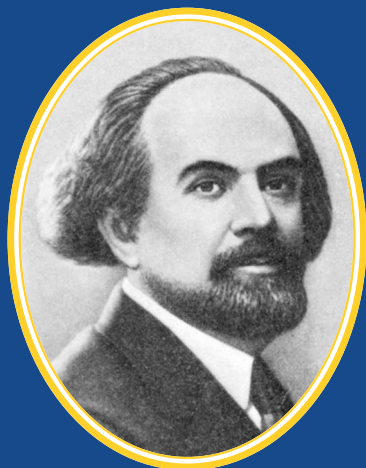

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

ФИЛОСОФИЯ
НЕРАВЕНСТВА

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Коялович М. О.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Москва – Третий Рим	Беляев И. Д.	Трубецкой Е. Н.
Иван Грозный	Филиппов Т. И.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Гиляров-Платонов Н. П.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Страхов Н. Н.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Данилевский Н. Я.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Достоевский Ф. М.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Митр. Антоний Храповицкий
Шишков А. С.	Победоносцев К. П.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Фадеев Р. А.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Киреев А. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Хомяков А. С.	Черняев М. Г.	Башилов Б.
Аксаков И. С.	Ламанский В. И.	Концевич И. М.
Аксаков К. С.	Астафьев П. Е.	Зеньковский В. В.
Самарин Ю. Ф.	Св. Иоанн Кронштадтский	Митр. Иоанн (Снычев)
Валуев Д. А.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Белов В. И.
Черкасский В. А.	Тихомиров Л. А.	Лобанов М. П.
Гильфердинг А. Ф.	Суворин А. С.	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.		Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

**ФИЛОСОФИЯ
НЕРАВЕНСТВА**

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2012

УДК 1(091)

ББК 87.3

Б 48

Бердяев Н. А.

Б 48 Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 624 с.

В книге публикуются труды русского мыслителя, философа и публициста Николая Александровича Бердяева (1874–1948). В его философии есть немало того, что не может принять человек, живущий идеалами Святой Руси. Тем не менее в его книгах содержатся глубокие мысли и предвидения, основой которых является национальная русская философия – от митрополита Илариона до славянофилов. Исследуя происхождение социалистических учений, он видит их корни в иудейских доктринах построения Царства Божьего на земле для избранного народа. В первооснове социализма лежат свойственные иудеям неверие в бессмертие, жадность к земным благам, а главное – забвение Христа, отхождение от тайны искупления, происходит подмен божественного миропорядка безбожным царством.

Пророчески звучат слова Бердяева о масонстве как страшной разрушительной силе, возвращенной на иудейских доктринах. По его мнению, «масонство в конце концов хочет ослабить все нации, лишит их индивидуального характера и подменить Церковь Христову ложной гуманистической лжецерковью, конкретное всеединство человечества – абстрактным единством». То, о чем писал Бердяев в 1918 г., претворилось в жизнь в странах сегодняшнего Евросоюза.

ISBN 978-5-4261-0012-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Александрович Бердяев (6[18].03.1874–24.03.1948), философ и публицист, учился в Киевском университете (на физико-математическом и юридическом факультетах), откуда в 1898 г. исключен за участие в студенческих беспорядках. Примыкал к легальному марксизму, но впоследствии отошел от него.

В годы революции (1918–1922) Бердяев вместе с другими философами и писателями создает Вольную религиозно-философскую академию, пишет книгу «Философия неравенства», направленную против советской идеологии и увидевшую свет уже за границей (Берлин, 1923). В 1922 году вместе с другими философами-идеалистами Бердяев был изгнан из России; он поселился в Берлине, стал редактором журнала «Путь» и руководителем религиозно-философского издательства «ИМКА-ПРЕСС».

Бердяев впитал в себя самые различные влияния. В. Соловьев и Несмелов, Розанов и Мережковский из русских мыслителей ярче всего сказались в творчестве Бердяева, но не менее сильно было и влияние Достоевского, что отмечает и сам Бердяев. Из иностранных писателей больше всего повлияли на Бердяева Шопенгауэр, Ницше и Беме, но он глубоко впитал в себя и основные идеи трансцендентализма. Широта и разносторонность философских интересов, постоянное и пристальное внимание к чужим идеям, к чужим построениям – все это умерялось тем даром синтеза, который особенно сближает Бердяева с В. Соловьевым. В Православии Бердяев нимало не считался с церковной традицией, без колебаний

отклонялся от него, легко вбирал в себя чужие религиозные установки – отсюда у него убеждение, что он защищает некое «универсальное» (или «вечное») христианство. Когда Бердяев окончательно утвердился в мысли о «примате свободы над бытием», тогда ему стало совсем легко уходить в вольные построения.

Если внимательно проследить эволюцию моральных воззрений Бердяева, то становится ясно, что он не сразу осознал характерные для него моральные идеи. В начале своего творчества Бердяев еще не до конца осознал внутреннюю «независимость» этического сознания: он хотел, чтобы «идеал получил научную санкцию», он думал, что свобода в человеке открывается тогда, когда «необходимость благосклонна к нашему идеалу», принимает еще учение марксизма о том, что «свобода есть осознанная необходимость». Но критический идеализм его постепенно освобождает от исканий «научной санкции идеала» – и чуть позднее Бердяев учит об «абсолютности и вечности нравственного закона», о том, что он дан «для мира сего», но что «он не от мира сего». Свобода в человеке совсем и никак не связана с необходимостью («нравственный закон принадлежит царству свободы, а не царству необходимости»). «Давно уже пора, – пишет он, – уничтожить этическую фикцию “ты”... отношение человека к человеку этически производно и зависит от отношения к самому себе». Моральное сознание осложняется у Бердяева при этом его религиозными и мистическими идеями: у него уже выступает идея «нового эона», он ищет «нового религиозного сознания». Так как, по мысли Бердяева (которая отныне уже навсегда входит в предпосылки его морального сознания), «человек нового религиозного сознания не может отречься ни от язычества, ни от христианства», то у него начинается отрыв от христианской культуры, а позже и борьба с ней, и отвращение к ней (во имя «нового религиозного сознания»).

Новый этап в эволюции морального сознания Бердяева проглядывается в книге «Смысл творчества». Книга эта начинается период дуализма (с которым так и остался до конца

дней Бердяев, хотя самые формулировки дуализма несколько раз у него менялись): «мир есть зло, – пишет он, – из него нужно уйти. Свобода от мира – пафос моей книги». Уже из этих слов ясно основоположное значение моральной сферы во всем творчестве Бердяева (поскольку дуализм, вытекающий из моральной основы, остался, как еще увидим, решающей предпосылкой всех его высказываний). С другой стороны, уже вся эта книга есть такой апофеоз человека, такое возвышение его, что ни к кому в русской философии не относится знакомый уже нам упрек Леонтьева в антрополатрии (т. е. в возведении человека в предмет поклонения), как именно к Бердяеву. «Бесконечный дух человека, – читаем здесь, – претендует на абсолютный, сверхприродный антропоцентризм, он сознает себя абсолютным центром не данной замкнутой планетной системы, а всего бытия, всех миров». При такой позиции (которая определяется вовсе не онтологией человека, а именно его моральным самовозвеличением) основной задачей (даже долгом) человека является творчество. «Цель человека не спасение, а творчество», – пишет Бердяев, но тут же смягчает свою мысль тем, что признает, что все же «для творческого восхождения нужно спасение от зла и греха». «Не творчество должны мы оправдывать, – пишет Бердяев, – а наоборот – творчеством должны мы оправдывать жизнь». «Старое религиозное сознание» не знало, подчеркивает Бердяев, такого отношения к творчеству – и потому с новым отношением к творчеству мы вступаем в эпоху «нового, небывалого религиозного сознания», ибо «творческий акт есть самоценность, не знающая над собой внешнего суда». «Культ святости должен быть дополнен культом гениальности» (как творческой силы). Но мысль Бердяева идет дальше. Для него «творческий акт задерживается в мире искуплением», и в моральном сознании, по Бердяеву, открывается внутренняя двойственность: «Христианство, как мораль искупления, не раскрыло морального творчества». Перед нами открылось два моральных пути, заключает Бердяев, «слушание и творчество, устройство мира и восхождение из

мира». Это уже не просто отрыв от «морали, основанной на борьбе против собственных грехов», т. е. по существу против христианской морали («нельзя жить в мире и творить новую жизнь, – пишет Бердяев, – с одной моралью послушания»), это уже попытка найти новую «этику творчества» («возлагающую на человека... ответственность за его судьбу и судьбу мира»). «Творческое откровение о человеке, – пророчествует Бердяев, – есть единственный путь возрождения и развития омертвевшей жизни Церкви».

Все эти новые построения с достаточной ясностью выражены в книге «Философия свободного духа», в которой уже выступает и новая метафизика мира (элементы чего были, впрочем, и раньше): прежде всего учение о «символизме» природного бытия (что предваряет дальнейшее учение об «объективации» духа), а затем о божественности «энергии человеческой» и о «теономической природе» морального сознания (что вытекает из нового учения о человеке). Здесь же есть зачатки построения, которые развиваются позже: о том, что «можно идти к высшему добру через зло». Но своего высшего расцвета новая моральная установка у Бердяева достигает в его книге «О назначении человека» («Опыт парадоксальной этики», 1931).

Здесь следует отметить настоящий «панморализм». «Этика шире той сферы, – пишет Бердяев, – которую ей обычно отводят», «в основании философии лежит нравственный опыт». Для Бердяева «оценки по критерию добра и зла носят лишь символический характер»: «глубина бытия в себе, глубина жизни совсем и не “добрая” и не “злая”... она лишь символизируется так». «Наша этика, – пишет он, – символична», и потому она «слагается из парадоксов»: «ее основной вопрос совсем не о добре... а об отношениях между свободой в Боге и свободой в человеке». Бердяев различает 3 ступени в этической эволюции: этику закона (Ветхий Завет), этику искупления (Новый Завет) и этику творчества. О том, что этика закона есть низшая, не может быть для Бердяева и спора – она есть «этика социальной обыденности»,

она проходит мимо личности, она «исходит из религиозного страха», хотя и охраняет личную жизнь, но и калечит ее; она есть и в христианскую эру – здесь она создает психологию христианского законотворчества. Даже если мы кладем в основу этики идею добра, то этика все же «становится снова законнической и нормативной», – евангельская же мораль есть «мораль благодатной силы, неизвестной закону, т. е. уже не есть мораль... ибо христианство поставило человека выше идеи добра». Бердяев раскрывает то, что Евангелие нельзя понимать законнически, но при своем обычном максимализме доходит до нарочитого противопоставления «живой личности» и «идеи добра». Превосходные мысли о «тайне искупления» и тайне «преодолимости прошлого» в благодатной силе искупления быстро переходят у Бердяева в учение о том, что «этика искупления во всем противоположна миру», что «на Евангелии нельзя обосновать государство, хозяйство, семью, культуру», что «правда духовной жизни неместима в жизнь природную». В сущности этика искупления собственно не есть этика, – ибо само по себе христианство «есть не что иное, как приобретение силы во Христе и через Христа», – подлинно христианская этика есть поэтому этика творчества.

«Творчество стоит, – пишет Бердяев, – как бы вне этики закона и вне этики искупления и предполагает иную этику. Творец оправдывается своим творчеством... творец и творчество не заинтересованы в спасении и гибели»... «творчество означает переход души в иной план бытия»: «страх наказания и страх вечных мук не может играть никакой роли в этике творчества». Бердяев уверен, что «творческое горение, эрос божественного побеждает похоть и злые страсти», что «сублимация или преобразование страстей означает освобождение страсти от похоти и утверждение в ней свободной творческой стихии». Этика творчества есть этика творческой энергии – и тогда как наш «закон сковывает энергию добра», этика творчества, преодолевая этику закона, «заменяет абсолютные веления... бесконечной творческой энергией». Творчество, уверяет

Бердяев, «есть благодатная энергия, делающая волю свободной от страха, от закона», творчество «есть первожизнь», оно обращено «не к старому и не к новому, а к вечному».

Этот апофеоз творчества, чтобы быть правильно понятым, должен быть связан с той персоналистической метафизикой, которую позже развивал Бердяев – особенно в книге «О рабстве и свободе человека» (а также в книге «Я и мир объектов»), с учением об «объективации духа», с утверждением, что «быть в мире есть уже падение». По словам Бердяева, в нем всегда была «влюбленность в высший мир», а к «низинному миру – только жалость», т. е. жалость к миру, который есть лишь «объективация духа», не есть «подлинное бытие, не есть первореальность». Есть поэтому два выхода личности из самой себя. Первый есть объективация, когда человек выходит в общество, в царство «обыденщины», «общеобязательных» форм жизни, и второй – путь «трансцендирования», когда сохраняется «жизнь в свободе». Объективация же всегда «антиперсоналистична», ибо обезличивает человека, вызывает в нем приспособление к обыденщине, создает «рабью» психологию; объективация всегда есть источник рабства. «Личность вообще первичнее бытия», – утверждает Бердяев, борясь со всяческим онтологизмом.

Бердяев находит «рабство» уже в богословии, которое учит о Боге как «Господе» (это есть «рабство» перед Богом – потому недопустимое, что этим «унижается» человек). «На отношения между Богом и человеком были перенесены отношения между господином и рабом, взятые из социальной жизни». В этом есть неверное понимание самой сути религии. Бердяеву всюду видится «покушение» на человека, на его свободный дух, – а отвращение к «объективации» и презрение к ней требует того, чтобы отгородиться от «объективного» мира. «Всякое выражение творческого акта во вне, – признается Бердяев, – попадает во власть этого мира», – и отсюда, по его мысли, печать трагизма на творчестве вообще. «Объективация духа, – читаем в книге Бердяева “Опыт эсхатологической метафизики”, – есть его искажение, самоот-

чуждение», объективация ведет «к падшести»: «мир явлений и есть порождение его объективации».

Таким образом, личность в самом своем подлинном и творческом движении стеснена этой неотвратимой и роковой объективацией. Идея об объективации как о сфере, иноприродной в отношении к личности, внутренне связана с персоналистической метафизикой Бердяева. Учение об объективации (Бердяев сам говорит о «таинственном процессе объективации») на том ведь только и держится у Бердяева, чтобы отделить личность от мира, освободить ее от мира, до конца вообрать всякое творчество (в т. ч. и моральное) внутрь человека. Но тогда творчество, которое всегда стремится «овладеть» миром (в той или иной его стороне), теряет свой смысл, раз результаты творчества снова связывают нас с «падшим» миром. Бердяев долго не замечает того, что его персонализм, отчуждая личность от мира, создает не простую трагичность творчества, но и обесмысливает его: если творчество лишь закрепляет нас в «падшем» мире, то не стоит стремиться к творчеству в мире. А есть ли творчество вне мира? Бердяев намечает некоторый выход из тупика: он вводит понятие «экспрессивности», которая признана стать на место «объективации». «Экспрессивность» вводит нас в творчество, конечно, тоже во внешний мир, но она сохраняет всецело то, что было в личности. Однако дальнейшие замечания Бердяева показывают, что, отрекаясь от «падшего» мира, он не смог до конца осмыслить творчество. Бердяев приглашает различать между «воплощением творчества и объективацией», но сам же пишет, что «воплощение может оказаться объективацией духа», что, очевидно, «творческие воплощения двойственны», и даже оказывается, что «воплощения творческого акта попадают во власть закона объективации мира». Но тогда творчество теряет смысл... Не помогает и утверждение Бердяева, что «всякий творческий моральный акт есть по существу конец этого мира, основанного на поругании добра». Если «всякий творческий акт (моральный, художественный и т. д.) есть акт наступления конца мира, взлет в иной, новый план существования», то ведь

все это остается фиктивным, ибо «результаты» творческих актов внедряют нас обратно в мир (падший) и тем его лишь укрепляют. Воспевание «творческой» морали сначала поставило Бердяева в противоречие с тайной искупления (которое, по Бердяеву, лишь «задерживает» (!) творчество), а затем апофеоз творчества ведет к безразличию в отношении к реальности. Чистейший романтизм у Бердяева ведет к презрению ко всякой «объективации» – и этим создается неизбежно полная безвыходность данного тупика. Бердяев запутался в своих моральных исканиях именно в силу его презрения к реальному миру, который лишь мешает нашему «я».

Из автобиографии Бердяева известно, что он, собственно, не получил религиозного воспитания в семье, а когда началось «духовное пробуждение», то не Библия – по собственному признанию Бердяева – а Шопенгауэр запал ему в душу. В более позднее время, уже когда Бердяев отходит от марксизма, у него произошло настоящее «обращение» к Церкви – но под знаком «нового религиозного сознания» и «неохристианства». Бердяев сразу же склонился к отвержению «исторического христианства», ибо пришла «новая всемирно-историческая эпоха». «Историческое» христианство он (вслед за Мережковским) воспринимает как чисто аскетическое, а для «человека нового религиозного сознания нужно сочетание язычества и христианства». Новые перспективы, которыми занят Бердяев: «пространство и время должны исчезнуть», «будет “земля” преобразенная... вневременная и внепространственная»; государство есть «одно из диавольских искушений», в апокалиптическом христианстве будет вмещено то, что не вмещалось историческим христианством», «человекобожество, богоборчество, демонизм являются божественным началом»... Даже о «религиозном организме» говорит Бердяев. Несколько позже – уже более скромные и трезвые слова о том, что «новое религиозное сознание» надо мыслить в «неразрывной связи со святыней и священством»; Бердяев уже «не хочет в области священной человеческого самомнения», ожидает «глубочайшей революции», верит, что в мир входит новый

религиозный принцип, что наступает время «теургического искусства, преображающего бытие». В книге «Философия свободы» узнаем, что «философия не может обойтись без религии», что она должна быть «органической функцией религиозной жизни» и даже «должна быть церковной». О Церкви Бердяев пишет, что она есть «душа мира», соединившаяся с Логосом. Знание оказывается «формой веры». Бердяев считает, что «законы логики – болезнь бытия»; индивидуальный разум ниже разума церковного, а «категории, над которыми рефлектирует гносеология, имеют своим источником грех»; «смысл истории – в искуплении греха». Даже так далеко идет Бердяев в этой книге (являющейся вершиной его внимания к Церкви), что считает теперь, что «обновление христианства» состоит не в синтезе с язычеством, а наоборот – в освобождении христианства от языческого быта.

Книга Бердяева «Смысл творчества» (1915) проникнута «почти манихейским дуализмом»; по его собственному признанию, – это начало влияния Беме, острое чувство зла в мире, акцент на «теургии»: «не только человек нуждается в Боге, но и Бог нуждается в человеке». «Человек должен из состояния религиозно-пассивного и рецептивного перейти в состояние религиозно-активное и творческое» – это есть «новое, небывалое еще религиозное сознание». «Бог ждет от человека откровения творчества»... и цель жизни – «не спасение, а творческое восхождение».

Все эти мотивы достигают своего высшего выражения в главной книге Бердяева (по вопросам религии) – «Философия свободного духа». Бердяев не хочет быть богословом, он позволяет себе остаться философом и тогда, когда фактически трактует богословские темы. Здесь он часто впадает не в «ереси» (диалектика которых все же имеет богословский смысл), а позволяет себе «вольности», являющиеся часто перетаскиванием из одного плана в другой. Таковы «мнения» Бердяева о Святой Троице и других богословских вопросах... В книге «Философия свободного духа» гораздо больше чистой метафизики, чем того «христианства свободы», о кото-

ром Бердяев хотел бы говорить в противовес «христианству авторитета» или в противовес «своеобразному христианскому позитивизму» (христианство свободы, думает Бердяев, как «духовное, мистическое – более истинное и подлинно реальное, чем понимание душевное, символизированное в плане природно-историческом»).

«Реальность совершающегося в истории, в пространстве и времени есть реальность символическая». Все природное бытие – символично, но не в смысле простого феноменализма (что Бердяев называет «идеалистическим символизмом»), а в смысле «символического отражения» перворельности. «Вся плоть мира есть символ мира», и потому и Боговоплощение, и все события в жизни Спасителя (рождение, смерть, Воскресение) есть лишь символ, хотя «и центральный и абсолютный». «Мы живем во вторичном, отраженном мире».

Как и Соловьев, Бердяев учит, что «Бог возжелал “другого” и ответной любви, в силу чего и сотворил мир», – но миротворение совершилось лишь «в духовном плане», наш же природный мир «есть уже результат грехопадения». По Бердяеву, «в природном мире, замкнутом в себе, нельзя открыть смысловой связи, и природная жизнь человека лишена смысла».

Бердяев боится всякого «натурализма» в учении о Боге – он против «статического» понятия о Боге, которое не чувствует «мистерии» в Боге; Бердяев учит о «богорождении», о «теогоническом процессе в божественной Бездонности». Эволюция религиозных воззрений Бердяева движется к возвышению человека и к ослаблению реальности Бога. Во имя этого Бердяев склоняется к антропологии, почти аналогичной антропологии Беме, и постоянно учит о первичности «духа», отвергая первичность «бытия», – это важно именно в отношении человека, – свобода в котором «не сотворена». Так как «Бог всемогущ над бытием, но не над свободой», то отсюда и решение проблемы теодицеи: поскольку «внутренняя жизнь Бога осуществляется через человека и мир», то в истории и осуществляется «просветление темного начала в космогонии и теогонии»; «опыт зла может привести к величайшему добру».

Страх перед «натурализацией», т. е. перед усвоением бытия свойств «объекта» или «природы», ведет Бердяева к учению о мире как «символическом бытии», к невозможности применять категории «бытия» к духовной сфере, к отращению в отношении к действительному миру как «падшему». Поэтому невозможно никакое освящение бытия («сакрализация всегда есть символизация» и только), – надо искать «новой духовности», которая освободит нас от объективации.

Преобразование христианства в некое «неохристианство» во имя возвышения человека ведет Бердяева к тому, что он чувствует отращение к действительности; он как бы не замечает, что учение о неизбежности «объективации» лишает творчество всякого смысла и делает религиозную жизнь или лишенной связи с преображением мира, или целиком связанной только с «взлетами духа». Романтизм в сфере религиозной неизбежно ведет к субъективации религиозных переживаний, т. е. лишает обращенность души к Богу реальной силы.

Тот же процесс самосковывания наблюдается и в философии истории Бердяева, хотя именно историософские темы особенно занимали его. Уже его ранний марксизм был, прежде всего, историософской концепцией, полной уступок «научной санкции». Преодолев марксизм, перейдя к идее «религиозной общности», Бердяев от прежнего историософского детерминизма переходит к учению об «иррациональности действительности»; историософские темы неизбежно получают новое освещение. «Действие истории зачато в недрах Абсолюта» – и «настоящая основа истории есть свобода зла». В «Философии неравенства» Бердяев исходя из иррациональности в истории учил о «непостижимой тайне власти», о том, что «онтология власти исходит от Бога», но это переходящий момент в размышлениях Бердяева на исторические темы: его всецело захватывает иное понимание истории. Вначале ему представляется, что историческая действительность есть «откровение ноуменальной сферы», и потому «человеческая судьба есть не только земная, но и небесная судьба, не только историческая, но и метафизическая». Бердяев различает

«время испорченное» (действительное) и «глубинное», но оно еще у него не оторвано одно от другого. Отрыв становится неизбежным при дальнейшем развитии Бердяева. И здесь, прежде всего, влияет его романтическое отталкивание от действительности (отталкивание от «объективации», которая есть всегда «мещанство»), влияет его «противление мировой давности, противоположение свободы духа необходимости мира». История (действительная) характеризуется как «неудача духа» – «в ней не образуется Царство Божие». Объективация уже отделяет (а не только создает различие) феномены от ноуменальной сферы (хотя остаются возможны «прорывы» ноуменов в феномены), и Бердяев утверждает, что «во власти нет ничего ноуменального», ничего «священного». Благодаря, однако, указанным выше «прорывам» ноуменов в феномены «метаистория входит в историю», но в сущности это лишь разрушает историю: в устремлении к «концу объективного мира» и состоит метафизика эсхатологического процесса. Всякое творчество знаменует вхождение «конца» в действительность, знаменует разрушение объективного мира; поэтому «творческий процесс происходит как бы вне христианства и, во всяком случае, вне видимой Церкви».

Бердяев различает 3 времени: 1) время космическое; 2) время историческое и 3) «экзистенциальное» («метаисторическое»).

Так как «Бога нет в объективации» Бердяева, т. к. всякая объективация (= мир феноменов) подлежит разрушению через «прорывы» метаисторического начала в историю, то собственно весь смысл творческой активности сводится к «мессианской страсти», к ускорению «конца»... Так и в своей историософии Бердяев отходит от действительности, жаждет ее разрушения – и этим создает для себя безысходный тупик.

Корни персоналистической метафизики Бердяева лежат в его раннем романтическом отчуждении от действительности с ее прозой, с ее исторической скованностью, с ее неправдой и злобой. Бердяев готов был признать «иерархическое единство» одухотворенных монад, объединенных во вселенское

единство Первичной Божественной Монадой путем эманации первично творящей множественность бытия». «Идее личности, – пишет Бердяев, – должно принадлежать центральное место в новом религиозном сознании». Рядом с этим стоит рецепция учения Шеллинга о «свободе на грани бытия» (что в сущности ведет к метафизическому плюрализму): «все монады, – пишет Бердяев в «Философии свободы», – сами избрали свою судьбу в мире, свободно определили себя к бытию в мире, подчиненном необходимости и тлению». В книге «Смысл творчества» пламенный апофеоз творчества и апология гениальности углубляют тему персонализма. В «Философии свободного духа» Бердяев уже отвергает категорически метафизический плюрализм, но потому, что «тайна личности невыразима... на языке отвлеченной метафизики. О личности не может быть построено никаких метафизических учений». Бердяев утверждает, что «свобода предшествует бытию», т. к. «моя природа не может быть источником моей свободы»; Бердяев стремится к разрушению идеи субстанции как коренной идеи метафизики; материальное бытие для него есть «утрача свободы духа». Первичность свободы ведет Бердяева к ослаблению связи человека с Богом, т. к. «человек есть дитя Божие, но и свободы», «над которой бессилен Бог». «Человек не свободен, – говорит Бердяев, – если он наделен свободой Богом-Творцом и ничего божественного не заключает». Это есть скрытый плюрализм, в чем упорно не хочет сознаваться Бердяев, но что он называет прикровенно «антииерархическим персонализмом», подчеркивая лишь этический момент различия в личностях. По существу у него персонализм обособляет, а не соединяет людей; и т. к. личность «первичнее бытия», не рождается из «лона бытия», то момент плюрализма налицо. Иное «прикрытие» плюрализма находим в учении о том, что свобода «не онтична, а меонична», т. е. что фактическая множественность дана первично в потенции. Не случайно здесь вырывается у Бердяева сочувствие мысли Лейбница о «закрытости» монад друг другу (в действительном мире) или сочувствие учению о предсуществовании душ.

Чтобы смягчить эту тенденцию к изоляции одной личности от другой и дать обоснование для «этики творцов», Бердяев вводит понятие «коммуотарности» или «общности». Собственно «окончательное преодоление одиночества происходит, – по мысли Бердяева, – лишь в мистическом опыте, где все во мне и я во всем», иначе общение легко впадает в мир объективации («монастырь есть форма социальной объективации»). Страх перед обыденщиной делает мнимым «творческое» социальное общение. Персонализм у Бердяева становится самозамыканием, боится всяческого прикосновения к миру, чтобы не растерять «взлетов духа», т. е. фактически превращается в метафизический плюрализм и солипсизм.

Прот. Зеньковский В. В.

ФИЛОСОФИЯ НЕРАВЕНСТВА

(Письма к недругам по социальной философии)

Письмо первое О русской революции

Письма эти, в которых я хочу подвести итог всем мыслям моим по социальной философии, обращаю непосредственно к моим недругам, людям враждебного мне духа, противного мне чувства жизни, чужих мне мыслей. Много у меня недругов, бесконечно больше, чем друзей, и очень разнообразны они, с самых противоположных сторон обступают они меня. Самые первые мои недруги – это недруги моей веры, это – отступившие в духе своем от Христа, предающие Его и восстающие на Него во имя земных идолов и богов. Мир вступает в такое трудное и ответственное время, когда должно быть религиозно изобличаемо все двусмысленное, двоящееся, прикрытое и переходное. Не мир, но меч принес Христос. И мечом духовным должен быть рассечен мир на стоящих за Христа и против Христа. Но это основное деление не может быть механически и внешне применено к бесконечной сложности жизни. В Евангелии нет той раскрытости и полноты, которые позволяли бы непосредственно применить евангельские критерии ко всем жизненным оценкам. Всякая жизненная оценка ставит перед духом человеческим творческую задачу. В Евангелии дана лишь закваска

новой жизни, лишь семя, из которого произрастает высшая жизнь духа, но нельзя видеть в нем собрание правил и заповедей. В Новом Завете нет положительного откровения христианской общественности. Проблема отношения христианства и общественности – сложная творческая проблема, поставленная перед свободным человеческим духом; она не допускает упрощенного и однообразного решения. Проблема христианской общественности всегда была великим соблазном и для верных христиан, и для врагов христианства. Христом и Евангелием очень злоупотребляли для самых противоположных целей. Самая крайняя реакционность и самая крайняя революционность одинаково готовы оправдать себя христианством. Слишком ясно, что абсолютность христианского духа не может быть так легко переведена на относительность исторического мира. Всегда остается несоизмеримость. Одинаково ошибаются и те, которые считают христианство благоприятным абсолютному цезаризму, и те, которые считают его благоприятным анархизму. Христианство так же не реакционно, как и не революционно, из него нельзя извлечь никаких выгод для мира сего.

Ныне торжествуют в мире те, которые хотели бы или совершенно опрокинуть христианство, или извлечь из него революционные выгоды, выгоды социалистические и анархические. Против этих недругов прежде всего направлена моя книга. Их хочу я изобличить, ибо в них грядущая опасность и грядущее зло. Зло прошлого, отошедшего, умершего или умирающего менее опасно. Антихрист явится в грядущем, его соблазны – грядущие соблазны человечества. В старом зле нет этой острой соблазнительности двоящихся и двусмысленных образов грядущего. Нет в мире народа, который был бы так подвержен этим соблазнам двоящихся и двусмысленных образов грядущего, образов антихристовых, как мой народ, народ русский. Нет в мире страны, которая могла бы так легко сделаться очагом этих соблазнов, как моя страна – Россия. Вам, отравившим душу русского народа страшным ядом, вам, губившим Россию, посвящаются мои

письма. Вас много, вы – большинство, вы давно начали свою работу, вы начали свою работу, подтачивающую духовные основы жизни русского народа, как угнетенные, с невинной и возвышенной проповедью гуманных и прогрессивных идей. Но скоро начал обнаруживаться дух ваш, дух небытия, скоро превратились вы в угнетателей. Сначала вы были угнетателями духовными, вы овладели слабыми душами русской интеллигенции, вы стали гонителями всей высшей духовной жизни и объявили бойкот всем, кто верил в высшие духовные реальности и духовные ценности, кто признавал религиозный смысл жизни и религиозную цель жизни. Вы оправдывали свое гонение тем угнетенным положением, в которое вы были поставлены ошибочной политикой старой власти. Но настал час, когда окончательно обнаружилась ваша природа, – вы получили возможность быть и материальными угнетателями и создали неслыханную тиранию, грозящую окончательно уничтожить человеческий образ. Вы всегда были ненавистниками свободы, всегда были гасителями человеческого духа, истребителями божественного. Вы всегда продавали человеческое первородство за чечевичную похлебку преходящих благ и временных интересов. Вы – истребители вечности, вы хотели бы вырвать из человеческого сердца чувство вечности и тоску по вечности. Это через вас время, приносящее смерть, ведет борьбу с вечностью. Я давно уж чувствовал это, давно духовно боролся с вами в меру сил своих. Ныне начинают узнавать вас и те, которые раньше были соблазнены вашим духом, все эти просветители, прогрессисты и гуманисты, остававшиеся на поверхности жизни, не ведавшие зла, прекраснодушные, невинно мечтавшие о благе народа и о счастье на земле. Мы давно уже предупреждали, давно уже вскрывали, к чему приведут те пути, по которым шло интеллигентное русское общество и на которые толкали русский народ. Говорили мы и о той страшной ответственности, которая падает на власть имевших, на классы господствующие, почти ничего не делавшие для творческого предотвращения этого рокового ниспадения России и рус-

ского народа в бездну. Пусть вспомнят ныне сборник «Вехи» и оценят его более беспристрастно.

План этой книги зародился в стихии русской революции. И писать ее я начал в день годовщины революции. Менее всего я собираюсь писать систему социальной философии. Время таких систем прошло уже. Я хочу вскрыть духовные основы общественной мысли, дать то, что можно было бы назвать онтологической психологией или феноменологией общественности. Русская революция дает внутренние импульсы и толчки для такой работы мысли. Революция дает великий опыт и обостряет все основные проблемы социальной философии. Не сама революция обостряет и углубляет мысль. Наоборот, те, которые делают революцию и захвачены ее потоком, выброшены на поверхность и теряют всякую способность различения и углубленных оценок. Люди эти оторваны от глубины, от всех источников духовной жизни и не способны ни к какому познанию. Но в духовной реакции на революцию, во внутреннем ее осмысливании обостряется мысль, углубляется познание и много нового приоткрывается. Есть такие, которые думают, что революция – религиозна и что русская революция – религиозна по преимуществу, что в ней рождается новый человек, открывается новое сознание. Такая игра в сопоставление революции и религии, такое покрытие революционной стихии пышным одеянием религиозной фразеологии, такое мистическое ее идеализирование есть духовное блудодейство. Рассудочный прозаизм настоящих революционеров, делающих революцию, а не поэтизирующих и не мистифицирующих ее со стороны, в тысячу раз лучше и чище. Когда романтический, лирический поэт начал петь гимны неистовствам революции и писать статьи, оправдывавшие все ее злодеяния, он обнаружил лишь разложение собственной души, потерявшей всякое различие между правдой и ложью, между реальностями и призраками, и совершил предательство Духа. Вы, люди духа и духовного творчества, призванные быть «хранителями тайны и веры», когда вы

пассивно и бессильно отдавались господствующим стихиям, когда потворствовали бушующей черни, громящей величайшие святыни и ценности, когда не нашлось у вас ни одного сильного слова в защиту вечности и высшей жизни духа, вы явили собой самое жалкое и низменное зрелище. В самый страшный и ответственный час жизненных испытаний, когда проявляется удельный вес всех человеческих мыслей и слов, всех человеческих верований и упований, вы оказались духовно немощными и растерянными, потеряли все критерии духа, у вас не оказалось собственных слов, добытых из духовного опыта общения с вечностью. Вы заговорили чужими словами, и шум улиц и площадей почувствовался в ваших речах и статьях. Вы не обнаружили рыцарской верности и рыцарского благородства, вы оказались плебеями духа. Вы забыли вечное различие между рыцарями духа и чернью. В вас никогда не было силы духа, вы не стяжали себе даров духа. Вы – слабые, безвольные, двоящиеся люди, неспособные к цельному избранию предмета любви, своей истины, правды и красоты. Если красота ваша, правда ваша, истина ваша зависят от дуновения ветров, от бушевания стихий, от шума и гула улиц, площадей и дорог, то у вас нет красоты, нет правды и нет истины, вы нищие, не вооруженные в час борьбы, не готовые к войне. А иные из вас любили говорить, что человек должен заковать себя в броню, надеть латы и шлем, взять щит и копье. Где же оказались ваши рыцарские доспехи в час битвы, в страшный час рокового поединка противоположных духов? Вы оказались слабыми и колеблющимися, как тростник, безоружными и беззащитными. Из малодушия начали вы выдумывать оправдания своей слабости перед темными силами, своего потворства духам тьмы. Но никого вы не обманули. Вы лишь унизили достоинство русского писателя, русского поэта, русского мыслителя. Имен ваших я не буду называть, меня интересуют сейчас явления духа, а не отдельные люди с их слабостями, с их загадочной судьбой. Революция никогда не была и никогда не может быть религиозной. Революция, всякая революция, по природе своей антирелигиозна, и низ-

ки все религиозные ее оправдания. Но революция большого масштаба может иметь религиозный смысл, в ней можно искать знаки Промысла Божьего, «судьбины Божьей приговор». Этот смысл и эти знаки вижу я и в самой антирелигиозной из всех революций, в революции русской.

Революция есть свыше ниспосланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла. Так смотрели на французскую революцию те, которые глубже вникали в ее смысл, не останавливались на ее поверхности. Для Ж. де Местра революция была мистическим фактом, он считал ее провиденциальной, ниспосланной свыше за грехи прошлого. Карлейль, написавший лучшую историю революции, видел в ней последствия неверия, потери органического центра жизни, наказание за грехи. Революция – конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции искупаются грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения. И осуждением до революции господствовавших слоев общества бывает то, что они довели до революции, допустили ее возможность. В обществе была болезнь и гниль, которые и сделали неизбежной революцию. Это верно и по отношению к старому режиму, предшествовавшему революции русской. Сверху не происходило творческого развития, не излучался свет, и потому прорвалась тьма снизу. Так всегда бывает. Это – закон жизни. Революциям предшествует процесс разложения, упадок веры, потеря в обществе и народе объединяющего духовного центра жизни. К революциям ведут не созидательные, творческие процессы, а процессы гнилостные и разрушительные. Чувство любви, порывы творчества, акты созидания никогда не приводят к революциям. На всякой революции лежит печать безблагодатности, богооставленности или проклятия. Народ, попавший во власть революционной стихии, теряет духовную свободу, он подчиняется роковому закону, он переживает болезнь, имеющую свое неотвратимое течение, он делается одержимым и бесноватым. Не люди уже мыслят и действуют, а за них и в них кто-то и что-то мыслит

и действует. Народу кажется, что он свободен в революциях, это – страшный самообман. Он – раб темных стихий, он ведется нечеловеческими элементарными духами. В революции не бывает и не может быть свободы, революция всегда враждебна духу свободы. В стихии революции темные волны захлестывают человека. В стихии революции нет места для личности, для индивидуальности, в ней всегда господствуют начала безличные. Революцию не делает человек, как образ и подобие Божие, революция делается над человеком, она случается с человеком как случается болезнь, несчастье, стихийное бедствие, пожар или наводнение. В революции народная, массовая стихия есть явление природы, подобное грозам, наводнениям и пожарам, а не явление человеческого духа. Образ человека всегда замутнен в революции, затоплен приливами стихийной тьмы низин бытия. Тот светлый круг, который с таким страшным трудом образуется в процессе истории и возвышается над необъятной тьмой, в стихии революции заливадается дурной бесконечностью ничем не сдерживаемой тьмы. Дионисова стихия свергает всякое аполлоново начало, всякую форму и границу, всякий лик и образ, связанный с формой и границей. Наивно думать, что народ, попавший во власть закона революционной стихии, вошедший в магический круг революции, может быть руководим более разумными, просветленными и умеренными направлениями, жирондистами или кадетами. Нет, в революциях неотвратимо господство якобинцев или большевиков. Болезнь должна быть изжита, яд должен сам себя истребить. Руководить революцией невозможно. И напрасно вы, делающие революцию и прославляющие ее, думаете, что вы руководите ею, управляете и созидаете. О, как наивны, как темны и бессильны вы, думая, что вы свободны, что дух свободы действует в вас, что вы активны, что вы могущественны. Нет, вы – бессильные и пассивные рабы, рабы темных страстей, орудие темных стихий. Вы, большевики, максималисты, анархисты и т. п., вы – самые пассивные люди, духовно бездвижные, не способные к сопротивлению стихиям, к душевному усилию, одержимые

энергиями, вне вас находящимися. Не видно вашего лица и нет у вас лица. Вы – медиумы безликих стихий, в вас говорят чужие голоса, и в голосах этих нельзя разобрать голоса человеческого, а слышен лишь шум и рев элементарных природных стихий. Напрасно вы, люди революции, думаете, что вы – новые души, что в вас рождается новый человек. Вы – старые души, в вас кончается старый человек со старыми своими грехами и немощами. Все ваши отрицательные чувства – злоба, зависть, месть – приковывают вас к старой жизни и делают вас рабами прошлого. Вы – пассивный рефлекс на зло прошлого, вы не можете освободиться от него. Но у вас нет памяти о добре прошлого, о нетленной истине и красоте в нем, у вас нет памяти творческой и воскрешающей.

Был ли Робеспьер новой душой, новым человеком? Нет, он до глубины своего существа был старым человеком, человеком старого режима, полным старых насильнических инстинктов. Французскую революцию делали старые души, и они внесли в нее все старые грехи и страсти. Новая душа родилась позже, после глубокой духовной реакции на революцию, когда Шатобриан писал своего «Ренэ» и «Гений христианства». Тогда началась новая эра, внутренне отличная от двух предшествовавших столетий. Новый человек родился в католической и романтической реакции. Это удостоверяется самыми позитивными историками. Напрасно вы, делатели революции, одержимые ее демонами, думаете, что вы – творческие люди и дела ваши – творческие дела. Напрасно думаете вы, что эпохи революций – творческие эпохи в жизни человечества. Вы люди, совершенно лишённые творческого духа, обделенные им, ненавидящие и истребляющие творчество. Ибо поистине творчество – аристократично, оно есть дело лучших, оно не терпит власти худших, господства толпы, которой служите вы. Есть ли творческий дух в Робеспьере или Ленине? Не истребители ли они всякого творческого порыва? Творчество не терпит равенства, оно требует неравенства, возвышения, оно не допускает оглядки на соседей, как бы не опередить их. Дух революции, дух лю-

дей революции ненавидит и истребляет гениальность и святость, он одержим черной завистью к великим и к величию, он не терпит качеств и всегда жаждет утопить их в количестве. Никогда в эпохи революций не процветало духовное творчество, не бывало религиозного и культурного возрождения, не бывало расцвета «наук и искусств». Измерение революции – плоскостное, а не глубинное. В революциях нет подлинного внутреннего движения. Революция означает остановку внутреннего движения. Революция лишь внешне динамична, внутренне же она статична. Революции никогда не ценят людей духовного движения и духовного творчества; они извергают этих людей, часто ненавидят их и всегда считают их ненужными для своего дела. Ваши бурные внешние движения, люди революции, не должны вводить в обман. В этих движениях есть безвыходное кружение. В кружении этом изживаются пустые страсти. Движение революции всегда истребляет само себя, оно не ведет к новой жизни. Это не есть движение в глубину, это есть движение на поверхность поверхности. И с поверхности оно рассеивается, как пыль. Идите в глубину, люди революции, и все ваши неистовые движения, все ваши жесты и все производимые вами шумы прекратятся. Тогда начнется и в вас, людях поверхности жизни, истинное движение, тогда, быть может, и для вас откроется возможность творчества. Начало внутреннего движения, начало творчества, духовного углубления означает конец революции, начало реакции. Котел революции выкипает. И является потребность углубленно осмыслить опыт революции, познать трагические противоречия жизни.

Революция не духовна по своей природе. Революция рождается от убыли, ущербленности духовной жизни, а не от ее подъема, не от ее внутреннего развития. Лица людей, захваченных революцией, говорят о падении духовной жизни. Выражение этих лиц до ужаса недуховно, и оно уже является осуждением революции. Ваши лица выражают злобу и одержимость, на них нельзя прочесть ни углубленных мыслей, ни благородных чувств. Ваши лица не одухотворены, в них

чувствуется падение до самых низин материального мира. Революция отрицает значение духовной жизни. Идеология революции исходит от внешнего и материального и им все определяет, а не от внутреннего и духовного. И потому никогда люди духа не могут одобрить ваших революций, у них свои, неведомые вам революции. Революция духа ничего общего не имеет с вашими внешними, материальными, политическими и социальными революциями. Никогда Маркс не был революционером духа. Революционером духа был Ницше. Но что общего он имеет с вашими внешними революциями? Он их презирал как восстание плебеев. Революционером духа был Достоевский. Но вы его всегда считали консерватором и реакционером. А что вам делать с пророчески настроенным Вл. Соловьевым, что ему делать с вами? Все, что было духовно значительного в истории русской мысли и русского творчества XIX века, было не с вами, было против вас. Величайшее явление русской культуры – Пушкин – не ваш. Вы его поносили и ниспровергали, вы ему противоплагали печной горшок и сапоги. Даже Л. Толстой не любил вас и осуждал дела ваши. С вами были лишь люди второго и третьего сорта, ни одна гениальная мысль не родилась в вашей среде, не изошла от вас, от вашего бездарного серого духа. Вы – люди революции – люди духовной середины и посредственности, люди средних, серых, популярных мыслей. И ваша ярость – ярость серой массы, завидующей всякому величию, всякой славе, всякой гениальности. Природу вашу гениально постиг Достоевский и пророчески предсказал, к чему вы придете. Лишь в состоянии полной слепоты и одержимости можно сопоставлять и смешивать ваши революции с революциями духа. Революция духа рождается от глубокой внутренней реакции против ваших революций, против вашего отрицания всякого духа. Вы – гасители духа, вы – самые черные реакционеры в самом глубоком смысле этого слова. Вы всегда были гасителями мысли, инерция вашей мысли страшна, она производит впечатление окаменелости. Вы всегда гнали религию, философию, поэзию, эстетику жизни.

Ваши революции делают не лучшее, а худшее, за революции хватаются и на них наживаются все считающие себя неудачниками и обиженными, все озлобленные, все пасынки Божии, а не сыны Божии. Революции рождаются не от благородного сознания вины сынами Божиими, а от неблагородного сознания обиды сынами праха.

Все революции кончались реакциями. Это – неотвратимо. Это – закон. И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее бывали реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг. Много мрачного бывает в реакциях, – в них та же ярость и мстительность, что и в революциях. И вы, люди чистой реакции, не способные возвыситься над плоскостным движением вправо и влево, над противоположностью революции и реакции, вы тоже не способны видеть истины более полной, более далекой. Вы часто бываете обратными подобиями революционеров. Но после потрясений яростной революции реакция неотвратима, в ней есть своя правда, преломленная в темной человеческой стихии. Вы, люди банального и плоского революционного сознания, привыкли употреблять слово «реакция» в поверхностном смысле слова, исключительно отрицательном. Вы противопоставляете «реакцию» всему прогрессивному, творческому, всякому развитию, движению. Для вас реакция есть застой или движение назад, возврат к тому, что было до революции. Это – неправда. В реакциях есть иная глубина. Реакция может быть и творческой, в ней может быть и подлинное внутреннее движение к новой жизни, к новым ценностям. И никогда реакция не возвращает просто к старой жизни. Во всякой духовной реакции на революцию открывается что-то новое, неведомое старому миру, рождаются творческие мысли. Нарождается что-то третье, отличное и от того, что было в революции, и от того, что было до революции. В третьем приоткрывается что-то новое, небывшее. Пережитое столкновение двух миров обостряет сознание, изошряет мысль, дает новое чувство жизни. Этому научает духовная реакция

во Франции начала XIX века против революции. Вам, идеологам революции, советую я изучать это духовное движение и вникнуть в его поучительный смысл. Быть может, главное значение французской революции нужно видеть в том, что она вызвала в начале XIX века движение католическое и движение романтическое, оплодотворившее всю мысль XIX века. Явление Жозефа де Местра было самым замечательным результатом французской революции, более замечательным, чем явление Марата и Робеспьера внутри революции. «Прогрессивное», творческое значение идей Ж. де Местра начинают признавать самые позитивные и объективные историки мысли XIX века. В глубине своего духа пережил он страшный опыт революции, и от этого произошло углубление всей католической мысли. Ж. де Местр был уже новым человеком, человеком пореволюционным, а не дореволюционным. Он осуждал французских эмигрантов и их внешние реставрационные замыслы. И все французское католичество XIX века было новым, пореволюционным католичеством, очень углубленным по сравнению с католичеством XVII и XVIII веков. «Реакционер» Ж. де Местр шел так далеко, что допускал возможность нового откровения, откровения Св. Духа. Также новым, пореволюционным явлением был и христианский романтизм Шатобриана. Обращение «реакционеров» начала XIX века к прошлому и искание в средневековье своих корней было творческим обращением и творческим исканием. Рационалистическое просвещение, подтачивавшее духовные основы жизни французского народа и заразившее и самое католичество, было побеждено в творческой духовной реакции начала XIX века. И после этой творческой победы возврат к рационалистическому просвещению нужно рассматривать как реакцию мысли в самом отрицательном смысле слова. Католики и романтики эпохи духовной реакции против французской революции и против отрицательного просветительства – наши духовные деды. С тех пор наша мысль еще более изощрилась, усложнилась и обогатилась новыми испытаниями, но по духу они нам близки, и чужды нам те, которые ве-

дут свою генеалогию от Вольтера или Дидро. Я бы с радостью повторил слова Монталамбера: «Мы внуки крестоносцев и не уступим семени Вольтера». Вы же, люди революции нынешнего дня, не имеете предков, вы люди без происхождения, ибо происхождение от Робеспьера или Маркса не является происхождением. Революционная идеология не может быть названа глубокой, она не знает древних истоков, она обречена быть поверхностной. Не глубоко в идеологии революции это рационалистическое отрицание зла, заложенного в природе человека и в природе мира, не глубок этот оптимистический взгляд на будущее. Революционный разрыв между будущим и прошлым может быть лишь отрыванием поверхности от глубины, отхождением от духовного центра жизни. Революционизм есть всегда разрыв между сыновней и отчей ипостасью, отрицание отечества, т. е. утверждение смерти и тления вместо вечной жизни. В ваших внешних революциях нарушается вечное иерархическое начало, начало органической связи, т. е. отрицается божественный миропорядок.

Русская революция имеет типические родовые черты, характерные для всякой революции. В ней раскрывается та же стихия, которая раскрывалась во всех революциях, над ней царит рок, царивший над всеми революциями. Все большие революции имели свое неотвратимое течение, все были яростны, злобны и мстительны, во всех революциях побеждали самые крайние течения, во всех революциях отрицалась свобода и искажался образ человека. Наивны и слепы были те из вас, которые делали себе иллюзии о революции и представляли ее себе идиллической. Революции не идиллии, никогда революции не были прекрасными и добрыми, никогда не торжествовали в них лучшие стороны человеческой природы. Все революции будили темную и злую стихию в человеке, древний хаос. Никогда не были революции разумны. Никогда не приносили они радости и не давали того освобождения, о котором мечтали предшествующие поколения. Никогда в истории не бывает того, чего ждут мечтатели. И в русской

революции, как и во всяком историческом событии, есть неповторимо индивидуальные особенности. Это особенности народа, не похожего ни на один народ мира, и особенности исторической обстановки, не похожей ни на одну из обстановок бывших до сих пор революций. Русская революция есть событие производное от мировой войны. Она есть эпизод мировой войны. И революция эта имеет прежде всего один горестный и унижительный для русского народа смысл: русский народ не выдержал великого испытания войны. Все народы приняли участие в мировой борьбе с тем духовным и материальным багажом, который накопился у них за долгую историю. Русский народ оказался банкротом. У него оказалось слабо развитым чувство чести. Но не народная масса в том виновата, вина лежит глубже. И не об этой связи революции с войной хочу я сейчас говорить. Я хочу говорить об особенностях русского народа и о влиянии этих особенностей на русскую революцию. Русский народ непонятен западным людям. Непонятна им и русская революция. Вся ткань русской природы иная, чем ткань природы западной.

Русский народ не есть народ западноевропейский, он – в большей степени народ восточноазиатский. Душа русского народа – сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной. И эти две стихии в душе русского народа не были органически претворены в цельный характер, в единую волю и единый разум. Вы все, усвоившие себе верхушки западной мысли, но никогда не проникавшие в ее тайники, вы, русские интеллигенты, в которых непросветленная восточная стихия соединяется с поверхностным западным сознанием, вы не способны к акту самосознания, вы бессильны постигнуть тайну России. И западники, и славянофилы не могли понять тайны русской души. Чтобы понять эту тайну, нужно быть в чем-то третьем, нужно вознестись над противоположностью двух начал – восточного и западного и двух сознаний – славянофильского и западнического, нужно знать Восток не только по смутным переживаниям восточной стихии и Запад – не только по по-

верхностному западническому сознанию. Острота познания рождается от выхода в третье из двух противоположностей. Россия есть великий и цельный Востоко-Запад по замыслу Божьему, и она есть неудавшийся и смешанный Востоко-Запад по фактическому своему состоянию, по эмпирическому своему состоянию. Вы, революционеры, – восточники по своей стихии и западники по своим учениям, вы загубили великий замысел Божий о России, вы помешали претворенью двух стихий и двух начал в высшую полноту, подлинную всечеловечность. Тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий – в недолжном, в ложном соотношении мужественного и женственного начала. В тайниках России, в душе русского народа не совершилось внутреннего брака, брачного соединения мужественного и женственного начала, не был осуществлен андрогинный образ. Мужественный дух не соединился органически с женственной душой России, не овладел изнутри народной стихией. В России не произошло того, что произошло во Франции, в Англии, в Германии, у всех народов Запада. Там на известной ступени развития в национально своеобразной форме пробуждался мужественный дух и изнутри, органически оформлял народную стихию. Русская земля все оставалась женственной, все невестилась, все ждала жениха со стороны. Она отдавалась многим мужьям, со стороны приходившим, но никогда не происходило от этого истинного брака. Русский народ никогда не мог из собственных недр родить мужественной власти, он искал ее на стороне, призывал варягов или немецких чиновников. Русская Церковь и русское государство организовались и держались византийскими началами. Сама же русская стихия – хлыстовская, языческо-дионисическая и противокультурная. Разложение византийских начал подвергло опасности разложения и всю Россию. В строении великого русского государства, ныне сокрушенного и разделенного, был какой-то надрыв, какое-то нездоровое, ненормальное отношение народа к власти. Народ нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти. Народ был безвластен, анархичен, и

народ поддерживал, санкционировал власть самодержавную, неограниченную. Незрелость в России общественных классов и сословий и совершенно исключительное развитие начала бюрократического и было недостатком мужественности в народе, мужественной активности и самостоятельности. Русское самодержавие, как оригинальное явление русской жизни, объясняется исключительной женственностью русской души. Явлением мужественным в русском государстве был Петр. Но Петр был не столько мужем, сколько насильником. Он изнасиловал женственную душу русского народа. Законного брака русской мужественности и русской женственности не совершилось и через него. Часть народа приняла Петра за антихриста. А потом покорно подчинился народ вошедшему через Петра немецкому бюрократическому началу. Петр вздернул Россию на дыбы, он призвал Россию к великому будущему. Но в женственной русской душе осталось глухое недовольство против мужественного призвания Петра, и оно перешло в озлобление. Русская интеллигенция целые столетия готовила уничтожение и истребление дела Петра. Раскол в душе России остался непреодоленным и привел к страшной катастрофе, к падению России как великого государства. В русской истории не было рыцарства, и потому не прошла Россия через закал и дисциплину личности, через культуру личной чести.

В русской духовной жизни, в русской духовной культуре всегда было то же надрывное и болезненное соотношение между мужественным и женственным началом, что и в жизни русского государства. Духовно народ русский слишком подчинился чуждой ему Византии, и это подчинение многое исковеркало в душе его. Византизм тяжелым гнетом лег на русскую жизнь. И под этим гнетом подымалась, бушевала и трепетала русская хлыстовская стихия. В самом русском Православии было какое-то неорганическое смешение византизма и хлыстовства. Русское Православие – оригинальное явление русского духа, оно очень отличается от греческого. Я говорю не о Вселенской Церкви, заключающей в себе единую истину, я говорю о своеобразной религиозности русского народа.

Русский народ получил иное религиозное воспитание, чем народы Запада. Русский народ религиозно воспитан в культуре святых и святости. Православная Церковь дала русскому народу возможность вынести его тяжелую историческую долю. Но православное религиозное воспитание не давало того закала личности, той самодисциплины души и культуры души, которые давало на Западе католическое религиозное воспитание, а по-своему и протестантское. Католичество бронировало душу, давало душе твердые очертания и ясные, кристалльные критерии добра и зла. Кристаллизованность католичества укрепляла душу, но она же и закрывала безбрежные и бесконечные перспективы, делала ее недостаточно чуткой к мистическим веяниям. Русская душа оставалась в безбрежности, она не чувствовала грани и расплывалась. Темные стихии обступают русскую душу и овладевают ею, не встречая сопротивления. Поэтому русская душа восприимчива к духам, к которым мало восприимчива душа западная. Это можно назвать апокалиптичностью русской души. Но для исторической жизни, для создания культуры Православие не воспитало русского человека. Западное религиозное воспитание и после отпадения от веры оставляло крепкий осадок в форме норм культуры, добродетелей цивилизации. Душа русского человека после отпадения от веры попадает во власть нигилизма. Француз бывает догматиком или скептиком; немец – мистиком или критицистом; русский – апокалиптиком или нигилистом. Самый трудный удел – удел русской души. Можно строить культуру догматически или скептически, мистически или критически. Но невозможно строить культуру ни апокалиптически, ни нигилистически. Апокалипсис и нигилизм – конец всего. Ни апокалипсис, ни нигилизм не признают срединного царства культуры. Поэтому так трудно русскому человеку участие в историческом процессе, в творчестве культуры. Он хочет, чтобы поскорее все кончилось или всем, или ничем. Русская народная стихия одинаково находит себе выражение и в черносотенстве, и в большевизме. Крайние правые и крайние левые у нас схо-

дятся, как одна и та же темная стихия, та же смесь неосознанного и извращенного апокалипсиса с нигилизмом.

Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. Без царя немислим народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому. Без царя для огромной массы русского народа распалась Россия и превратилась в грудку мусора. Царь предотвращал атомизацию России, он сдерживал анархию. Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре. Или царь, или полная анархия – между этими полюсами колеблется мысль народная. С царем была связана и церковная дисциплина. Когда была вынута идея царя из души народа, душа рассыпалась, исчезла всякая дисциплина, всякая скрепа, все показалось дозволенным. То, что создано долгой историей народа и связано с глубиной его духовной жизни, не может быть так скоро изменено. К этому все относились слишком легкомысленно, не только вы, русские революционеры, социалисты, анархисты, нигилисты, но и многие из нас. Женственная и пассивная душа русского народа подверглась разложению, когда выпала из нее дисциплинирующая мужественная идея царя. Православие много веков воспитывало русский народ в религиозной покорности царю. Самодетельности же и самодисциплины народа Православие не воспитало. Вот в чем одна из причин нашей трагедии. Это нужно признать независимо от того, какой политический идеал мы исповедуем.

Вы, русские мальчики-интеллигенты, о которых так хорошо писал Достоевский, вы, женственные по своей природе, всегда искали духовного брака на стороне. Вы никогда не могли раскрыть мужественного духа изнутри, из собственной глубины, вы брали его на Западе, в западных мужествен-

ных учениях. В глубине вашей всегда шевелился русский, восточный хаос. Но с тем большим неистовством усваивали вы себе последние западные учения и отдавались им в каком-то иступлении. Мужественного закала духа вы никогда от этого не приобретали. Всего более искали вы мужественного оплодотворения в духе германском. Дух Маркса совершил над вашими душами самое страшное насилие. Мужественный германский дух давно уже ставил себе задачей цивилизовать женственную русскую землю, он навязывался ей в мужья. Сложными и многообразными путями действовал германский дух: и через Маркса, и через Канта, и через Штейнера, и через многих других учителей, соблазнявших нас и ослаблявших русскую волю. Исключительная власть германизма в России, в нашей государственной и духовной жизни, объясняется тем, что в душе русского народа не совершилось внутреннего брака, что мужественное и женственное начало остались разделенными. На этой почве выработалась метафизическая истерия в русском характере, склонность к одержимости. В этом нужно искать разгадку многих наших несчастий. Когда русские люди делались культурными западными людьми, когда они проникались дисциплинирующим духом, они не из себя рождали культуру, не из органических своих основ, не собственным духом овладевали своей душевной и телесной стихией, а извне брали культуру, извне прививали себе оформляющий дух. Это путь, противоположный тому, по которому Фихте вел германский народ к национальному самосознанию. Зрелое национальное самосознание народа и есть таинственное соединение в нем мужественного и женственного начала, мужественного духа и женственной душевной стихии. В каждом народе это происходит совершенно оригинально и своеобразно. В России этого до сих пор не произошло. И вы, русские интеллигенты самых разнообразных направлений, не помогали, а мешали этому зрелому, мужественному национальному самосознанию, не исполняли своего национального долга. Зрелое национальное самосознание будет у нас преодолением сла-

вянофильства и западничества, которые были связаны с нашим несовершеннолетием. Русский может походить на немца в двух противоположных смыслах: он может относиться к России, как немец относится к России, и может относиться к России, как немец относится к Германии. Мы должны походить на немцев во втором смысле.

Препятствием на пути нашего зрелого национального самосознания всегда стояло русское народничество, которое в разных формах владело умами и сердцами русских людей. Было у нас народничество консервативное и народничество революционное, народничество религиозное и народничество материалистическое. Но всегда оно было капитуляцией нашего культурного слоя, призванного нести свет во тьму, перед необъятной тьмой мужицкого царства, всегда оно было выражением русской отсталости, русской экстенсивности, всегда означало недостаток духовного мужества. Народническое сознание вело к идолопоклонству перед народом как эмпирическим фактом, как количественной массой, всегда подчиняло оно духовную жизнь материальной социальной среде, всегда подавляло творческое личное начало, погружало личность в коллектив. Это нужно сказать и про славянофильство, которое представляет своеобразный тип религиозного народничества. Но славянофильство стоит бесконечно выше того революционного и материалистического народничества, которое владело русской интеллигенцией почти целое столетие и привело к катастрофе русской революции. В славянофильстве была односторонность, были иллюзии, но была и своя правда. Левое же народничество было сплошной изменой религиозным, национальным и культурным ценностям. Бог был подменен народом, ценности – интересами, духовные реальности – преходящими благами социальных классов. Вот это безбожное идолопоклонническое народничество, изменившее всем непреходящим святыням и ценностям, и подорвало Россию. Оно на протяжении столетия подтачивало духовные основы России, растлевало русскую Церковь, русское государство, русскую культуру, мешало и

материальному развитию России. Это вы, народники разных оттенков, гасители духа во имя призрачного блага народа, убивали Россию и губили ее. Для вас не существует России как высшей реальности, как цельного замысла Божьего, для вас существует лишь народ, не народ – нация, не живое существо, не цельный организм, существующий тысячелетие, объединяющий все поколения, а народ – крестьяне и рабочие с их преходящими материальными интересами. Во имя блага народа вы убивали Россию, убивали великую нацию с великой судьбой. Во имя малого и маленьких вы восстали против великого и великих. Вы – истребители всякого величия. Вы не могли вынести величия России. Под разными обличиями вы возрождались все вновь и вновь. Вы, русские народники, плоть от плоти и кровь от крови русской тьмы и русской культурной отсталости, надевали на себя разные западные одеяния, и самые страшные, самые разрушительные деяния свои вы совершали в немецких одеждах социал-демократии. Но и в качестве социал-демократов вы остались народниками, вы были выразителями экстенсивного духа раздела, а не интенсивного духа творчества. Ведь это – исконная идея русской интеллигенции, что социальный вопрос нужно решать разделом, а не увеличением производительности, не творческим трудом. Вы, русские социал-демократы, забывшие некоторые стороны учения своего кумира Маркса, внесшие в свой социал-демократизм русскую пугачевщину и русский анархизм, произвели всероссийский погром и раздел и ввергли Россию в нищету, обрекли ее на долгое бедственное существование. Так осуществили вы давние мечты народников о разделе, о всеобщем уравнивании, так низвергли вы русскую культуру в темную бездну. Русское государство и русская культура были отданы на растерзание темным массам, в которых разожгли вы самые хищные инстинкты. Так потонуло русское государство и русская культура в необъятной тьме народной, на славу и возвеличение наших врагов. Вот что совершили вы, вначале выступившие с невинными лозунгами народолобцев, а потом превратившиеся в раз-

ярных зверей. Злодеяний ваших не простят вам грядущие поколения русского народа.

Вы, русские народники всех оттенков, всегда были врагами культуры, это вы всегда противопоставляли благо народа культуре. Для вас ничто никогда не обладало самоценностью, все превращалось в утилитарное орудие. Ни религия, ни Церковь, ни государство, ни национальность, ни философия, ни наука и искусство, ни нравственность и право – ничто не обладало для вас самоценностью, ничто не было подлинно, духовно реальным. Все подчинялось благу народа, интересам людей, удовлетворению людей. И все низвергли вы в темную бездну массовых интересов и инстинктов. Вы всегда признавали культуру буржуазной, ибо создана она господствующими классами. Но сами вы – самые измененные, самые тупые, самые убогие мещане, буржуа духа. Вы хотите мир превратить в промышленную ассоциацию, вы хотите все общество человеческое сделать обществом потребительским. Ваш жизненный идеал – животный идеал. Но к горю нашему нужно признать, что не только народники-революционеры и материалисты, но и народники славянофильского типа, стоявшие на почве религиозной, обнаруживали враждебное отношение к культуре и ее ценностям, искали правды не в культурном слое, не в творческих личностях, а в простом народе, в коллективе. Исконный русский коллективизм всегда был враждебен культуре, враждебен личному началу, всегда тянул нас вниз, всегда мешал нам выйти к свету, в мировую ширь. Этот коллективизм парализовал у нас чувство личной ответственности и делал невозможной личную инициативу. Коллективизм этот был не новый, а старой нашей жизни, остатком первобытного натурализма. Но многие у нас смешивали его с духовной соборностью, с высоким типом братства людей. На этой почве идеализировали русскую общину и т. п. явления русской жизни. С русским коллективизмом связано и отрицательное отношение к праву, смешение права с моралью. Но отрицание права, которое у русских шло справа и слева, есть отрицание личности, порабощение ее коллективу.

Право охраняет личность от посягательства на нее злой воли. Право делает свободу человеческой личности независимой от добродетелей и пороков других людей, от их нравственного уровня, от их произвола. Право делает возможной свободу личности даже при существовании зла, при дурной воле людей. Русские смешивают право с моралью и ставят судьбу личности в зависимость от нравственного сознания людей, от их добродетелей. Но есть свобода, которая должна быть мне гарантирована и при порочности людей, и при склонности их к насилиям. Этого никогда не понимало народническое сознание, и правое, и левое. Такое отрицание права есть знак ослабления личного самосознания, есть недостаток личного достоинства, есть погруженность в безликий коллектив. Это свойство оказалось роковым для России.

Русская революция есть тяжелая расплата за грехи и болезни прошлого, за накопившуюся ложь, за неисполнение своего долга русской властью и господствующими классами, за столетний путь русской интеллигенции, вдохновлявшейся отрицательными идеалами и обманчивыми лживыми призраками. Русская революция есть гибель многих, слишком многих русских иллюзий, иллюзий народнических, социалистических, анархических, толстовских, славянофильских, теократических, империалистических и др. Традиционное миросозерцание русской интеллигенции потерпело страшный крах. Дорогой ценой покупается ныне обучение русской интеллигенции, дорогой ценой стяжается для нее познание. Россия должна была быть доведена до края гибели, чтобы обучились элементарным истинам. Близоруко и несправедливо во всем винить большевиков. Вы, более умеренные русские социалисты и русские радикалы всех оттенков, русские просветители, все вы, происходящие от Белинского, от русских критиков, от русских народников, все вы должны и на себя возложить вину. Большевики лишь сделали последний вывод из вашего долгого пути, показали наглядно, к чему ведут все ваши идеи. Многие из вас испугались, когда дав-

но желанная вами социалистическая революция, основанная на вами же заложенном материалистическом базисе, начала истреблять вас и выбросила вас за борт жизни. Вы даже говорили о пользе религии, которую вы всегда отрицали, и начали обращаться к Церкви, которую всегда ненавидели и травили. Но слишком поздно обратились вы к помощи религии, и слишком утилитарно ваше отношение к религии. Благодать Божья не нисходит на тех, которые прибегают к ней по соображениям утилитарным, из потребности к самоохранению. Нужно было раньше думать о Боге и о духовных основах жизни. Еще совсем недавно вы думали, что народ может существовать без духовных основ, без веры в высший божественный смысл жизни, без святынь, что для жизни народа достаточно материальных основ и рационалистического просвещения. Теперь вы увидели, что происходит с народом, когда падают святыни в его душе, когда отпадает он от веры во все, что стоит выше его интересов. Но вы слишком долго хотели, чтобы в народе пала всякая святыня и всякая вера, и все для этого делали. Поймите же страшную вину свою, отнеситесь поглубже к переживаемой трагедии. Перестаньте думать, что все было бы прекрасно, если бы применена была более разумная и умеренная тактика. В такие минуты нельзя уже оставаться на поверхности. Необходимо сознание, что произошел страшный крах, не внешний только, но и внутренний крах, что избличена ложь того духа, которому вы служили почти столетие. Позорно пала ваша земная вера, низвергнуты ваши земные идола. Произошло страшное падение исконного русского атеизма и материализма, русского социализма и анархизма, всего, чем вы дышали, питались и жили. Час слишком легкого торжества ваших исконных идей и был часом их страшного падения, часом жестокого избличения их лжи и призрачности. Никогда, никогда уже вы не возродитесь духовно, никогда идеи ваши не будут иметь обаяния. Новые поколения русских людей вырастут и воспитаются в ненависти и отвращении к вашим идеям и будут проклинать те злодеяния, к которым эти идеи привели. И,

вероятно, слишком далеко они зайдут в этом. Слишком многое было ложно в вашем сознании и в вашей настроенности. Ложно было ваше отношение к государству, ваше отношение к национальности, ваше отношение к жизни хозяйственной и к развитию промышленности. Ложна была ваша интеллигентская мораль, ваш морализм, соединенный с нигилизмом, ваш утилитаризм. Ложно было ваше отношение к красоте и ваше гонение на красоту. Ложна была ваша нелюбовь к познанию и ваше равнодушие к истине, которую вы всегда подвергали утилитарным расценкам. И самой первой, самой страшной ложью вашей было ваше безверие и безбожие, ваша измена духовным основам жизни, ваша оторванность от религиозных истоков жизни. Ваша исступленная жажда равенства была истреблением бытия и всех его богатств и ценностей, была жаждой ограбления божественного мира и уничтожения всякого величия в мире. Дух небытия двигает вами, это он внушил вам ваши эгалитарные идеи и страсти. Закон энтропии, который ведет к смерти вселенной путем равномерного распространения тепла, действует через вас в жизни социальной. Но вы всегда не любили свободу и вам всегда было чуждо братство. В духе революционном никогда не бывает ни свободы, ни братства. В вашем царстве, в пределах вашего сознания и вашего духовного кругозора не может быть уже никакого движения. Царство большевизма было пределом движения на ваших путях, в вашем духе. Это – конец, предел, темная бездна небытия. Вы никогда не любили творчества, оно всегда казалось вам недозволенной роскошью. Творчество – аристократично. Вы давно догадались об этом. И когда начнется эра творчества, когда настанет час подлинного возрождения, вы будете устранены как ненужности, как духовные трупы. Вы давно уже подтачивали иерархическое начало жизни. И в русской революции произошло еще небывалое в истории разрушение иерархического строя, ниспровержение всякой иерархии качеств. Но разрушение всякого иерархизма есть также разрушение личности, ибо личность связана с иерархизмом. Лишь в иерар-

хии возможны разнокачественные индивидуальности. Вы же привели все к равенству небытия.

Духовные последствия русской революции будут огромны. Эти последствия будут не только отрицательные, но и положительные. Мы переходим в другое измерение бытия. Все традиционные оценки подвержены сомнению. Приходится переоценить все социальные ценности. Бисмарк выразил когда-то желание, чтобы нашлась такая страна, которая сделала бы опыт применения социализма, в надежде, что после этого не явится уже желания вторично производить такой опыт. Такая страна нашлась, и она произвела этот опыт в колоссальных размерах. Правда, опыт осуществления социализма в России очень напоминает грабеж и разбой. Но социальная революция и не может не напоминать грабежа и разбоя. Это окончательно вскрыла русская революция. Но это видно уже было в античном мире. Либеральная и радикальная русская интеллигенция всегда склонна была думать, что социализм очень возвышенная вещь, хотя может быть и неосуществимая в данное время. Вы, русские радикалы, всегда в глубине души думали, что нет ничего выше, как революционный социализм, что революционер-социалист представляет самый высший человеческий тип, но что вы сами по слабости своей и связанности своей житейской средой не можете стоять на этой высоте и идете на компромисс. Русский радикализм никогда не имел своей собственной идеи, он всегда жил чужими идеями, разбавленными водой. Вы, русские радикалы, многоликие и разнообразные, – самый ненужный род людей, у вас нет ничего своего. Вам наступил конец. Ныне нужно уже иметь свою идею. Отныне нельзя уже будет восторгаться социализмом со стороны, как прекрасной далью. Отныне социализм стал проблематическим, стал сложной проблемой для сознания, и все нужно переоценить в социализме. Не время теперь и для бесхарактерного, лишённого глубокой духовной основы либерализма. Ваше время прошло, всех вас – и социалистов, и радикалов, и либералов, и консерваторов старого

типа, колеблющихся и сидящих между двух стульев. Ныне наступает страшное, ответственное время. И лишь более огненные, более глубокие идеи могут победить тьму, которой мы объаты. Новые души должны придти, новый дух должен снизойти на несчастную, исстрадавшуюся, погибающую родину нашу. Мало, слишком мало надежды, что вы, люди старого духа, инертной мысли, радикально переродитесь, узнаете вину свою, выйдете из заколдованного круга, откроете глаза свои для восприятия нового света и уши свои для звуков иного мира, непохожего на ваш затхлый, подпольный мир, мир уродливой кружковщины. Многие из вас безнадежны, вы – обреченные, вы так и умрете слепыми и глухими. Новые люди должны придти в Россию, чтобы творить новую жизнь. Вся ткань вашего существа негодна для творчества жизни. Вы – конец старого, вы – не начало нового. И также никогда не могут быть названы новыми людьми разные реставраторы и внешние контрреволюционеры.

Огромный жизненный материал дает революция для социально-философской мысли, внутренние толчки и импульсы сообщает она. Вы были всегда ленивы, неподвижны в своем мышлении. Вы любили повторять заученные мысли и излагали их своим отвратительным жаргоном в своих легковесных брошюрах. Вы носили в карманах своих маленькие катехизисы и при всех случаях вычитывали из них трафаретные мысли. Отныне нельзя уже будет этого делать. Отныне нужно сжечь все ваши катехизисы и все ваши брошюры и предать проклятию все шаблоны вашей серой, безликой мысли. Почему мысль ваша никогда не была индивидуальной? Почему у писателей ваших никогда не было своего лица? Это – не случайно. В этом – осуждение ваше. Настало время крушения всех ваших утопий земного рая, серых, безличных, пустынных утопий, утопий предельного равенства и предельного счастья в небытии. Настало время здорового социального пессимизма, более благородного, более сложного и утонченного, чем оптимизм тупых социальных фанатиков. Ныне необходимо более суровое отношение к социальной

жизни, более ответственное отношение. Социальная мечтательность есть разврат. Плоды этой развратной мечтательности уже известны. Они всегда были одинаковы. Стремление к отвлеченному социальному совершенству есть нечестивое, безбожное стремление. Опыты осуществления земного рая всегда вели к аду на земле, к злобе, к ненависти, взаимному истреблению, к крови, к насилию, к оргии. Так было в эпоху реформации, когда анабаптисты создавали Новый Иерусалим. Человек не имеет права быть наивным и мечтательным в жизни социальной, не смеет распускать своей сентиментальности. Он должен быть ответственным мужем, должен видеть зло и грех, должен научиться различать духов. Слишком дорого стоила ваша мечтательность, ваша сентиментальность, ваша наивность, ваше неведение зла. Будьте суровы, будьте ответственны, познайте зло в огненном испытании. Будьте мужами. Русский народ должен исполнить закон, закон культуры, закон государственности, закон относительного существования на земле. Таков удел грешного человечества. Путь к высшей творческой жизни лежит через закон и искупление. Русский народ – великий, но грешный народ, полный слабости и соблазнов. И ожидание социального чуда есть одна из слабостей русского народа, один из самых больших его соблазнов. Этот соблазн был отвергнут Христом в пустыне. Русскому народу предстоит пройти через суровую дисциплину труда. Революция научает нас, что есть трагическое несоответствие и разлад между духовными вершинами русской жизни и низинной тьмой ее. На вершинах давно уже происходит кризис культуры, в то время как в низинах нет еще никакой культуры. Вы революционеры – вы люди середины. Вы не знаете еще кризиса культуры, ибо не знаете еще культуры. Вы – люди полупросвещения. И не вам говорить о том, что народ русский выше культуры. Вы сами ниже ее. Необходимо народу русскому пройти ступени, подымающие тьму к свету. Сложна проблема русского мессианизма, и в понимании ее можно сбиться на пути самой страшной лжи. Слишком часто русские люди сбивались на этот путь лжи. И

самой большой ложью является революционный мессианизм. Большевизм показал, что такое революционный мессианизм, и в этом заслуга его. И еще имеет он заслугу изобличения лжи гуманизма, в которой целиком пребывают социалисты-революционеры. В большевизме гуманизм переходит в свою противоположность, в истребление человека. Всегда остается противоположность между большинством и меньшинством, между духовными вершинами и материальными низинами жизни. И вечной остается правда аристократии духа, древняя правда человечества, которой не могут низвергнуть никакие революции. Человеческий дух должен мужественно противиться напору эмпирии. Он не может получить от эмпирии с ее стихийным хаосом и тьмой свои высшие ценности, он находит эти ценности в своей глубине. Революция еще раз этому научает. Революция есть царство эмпирии, опрокидывающей свободу человеческого духа. Но после революций происходит переработка темных масс. В этом положительное значение революции. В письмах моих о социальной философии хочу я противопоставить свободу человеческого духа хаотической эмпирии и хаотической тьме. Моя социальная философия имеет религиозный исток, лежащий в глубинном пласте жизни. Вечная истина христианства еще раз раскрывается в испытаниях революции, но раскрытие ее в социальной философии есть вечная творческая задача. Писать я хочу не об отвлеченной, а о конкретной социальной философии.

Письмо второе
**О религиозно-онтологических
основах общественности**

Господствующее сознание XIX века, которое мнило себя «передовым» и «прогрессивным», заменило теологию социологией. Социология стала евангелием «передовых» людей века. Бога начали искать в социальности, в обществен-

ности. Ваше социологическое мироощущение и миросознание затмило для вас тайны Божьего мира, оторвало вас от жизни космической. Вы, «передовые» люди века, выпали из божественного миропорядка и утвердились на ограниченной поверхности земли. Все сделалось у вас социальным, производным от социальных категорий, все подчинилось социальности. Поэтому все у вас стало поверхностным, все лишилось глубоких основ, лишилась глубоких основ и сама социальность. Социальность ваша, общественность ваша есть абстракция из абстракций. Социологическое мирозерцание О. Конта и К. Маркса – абстрактное мирозерцание. Социологизм ваш оторвал вас не только от жизни космической, но и от жизни исторической. Отвлеченный социологизм одинаково противоположен и конкретному космизму, и конкретному историзму. Поистине, это отвлеченное социологическое мирочувствие порождено глубоким уединением человека, превращением его в атом. Уединенные атомы хотят механически соединиться, чтобы не чувствовать так своей беспомощности и уединенности. Все вы, крайние общественники, проповедующие религию социальности, все вы – распавшиеся атомы. Мироощущение одного из первых ваших апостолов и пророков – К. Маркса – атомистическое мироощущение, отвергающее все органические реальности, все разлагающее на интересы. Социализм ваш есть самый крайний номинализм, есть самое крайнее отрицание реальных, онтологических общностей – церковных, национальных, культурных и др., реальностей космических и божественных. Скажите, положив руку на сердце, забыв на мгновение о социальной борьбе и социальных изобличениях, скажите перед собой, перед своей глубиной, перед высшей правдой, что для вас подлинно есть? Все давно уже превратилось у вас в призрак и мираж, в быстротечную и обманчивую игру человеческих страстей и интересов. Обманчивый социальный покров бытия подменил у вас само бытие. И нет у вас, давно уже нет онтологических, бытийственных основ жизни. Ваша социальность не довела вас до добра, она опустошила ваши души. Люди

прежних, более органических и реальных эпох знали более глубокие формы общения и общности. Вы – общественники по горькой нужде, из душевной пустоты. Шумлива и криклива ваша общественность, но нет в ней глубокого реализма, нет в ней связи с тайнами жизни, с тайнами человека, мира и Бога. Давно, давно уже пора вам ослабить ваше движение по поверхности и начать движение вглубь, давно пора одуматься, заглянуть в глубину души, в которой поистине должна открыться вся бесконечность мира и бесконечность Бога. Необходимо вам преодолеть замкнутость вашего социального самочувствия, необходимо ощутить общественность неотрывной частью и ступенью божественного миропорядка. Тысячи нитей связывают общественность человеческую, затерянную на небольшой точке необъятного мирового целого, с жизнью великого космоса, Божьего мира. Вечно совершается таинственный эндосмос и экзосмос между жизнью общественной и жизнью космической. Вы же захотели устроиться общественно на земле, забыв о космосе, отвернувшись от божественного миропорядка. Вы строили утопию за утопией окончательного общественного устройства и общественного благополучия, не желая знать приливов космических энергий, опрокидывающих все ваши построения, все ваши утопии, все ваши общественные земные раи. Вы захотели спрятаться в своей земной и рационалистической общественности от мира и от Бога, от таинственных сил, темных и светлых, от страшной бесконечности и от притягивающей вечности. В общественности захотели вы укрыться от ужаса смерти и тления и создавали кратковременные призраки жизни. Вы обманываете себя тем, что вы находитесь в подлинной жизни. Но вы двигаетесь в царстве смерти. Каждый миг грядущего пожирает у вас прошедшее и будет пожран мигом последующим. И ни в одной точке вашего внешнего и шумного движения не утверждается подлинная жизнь. Ибо всякая подлинная жизнь есть приобщение к вечности, победа над смертью и тлением. Древние египтяне, воздвигавшие свои пирамиды во имя вечности, лучше вас, «передовых»

людей нашего века, знали тайну жизни. Эти древние строители пирамид лучше всего опровергают выдуманные вами «экономические материализмы», все ваши удушливые и порабощающие социологические абстракции. Поистине, менее утопично было строить эти безумные пирамиды для жизни вечной, чем строить все ваши совершенные общества для жизни временной и тленной. Ваша социальная мечтательность и ваш социальный утопизм – порождение оторванности вашего социологического сознания от сознания космического. Социальный утопизм ваш есть крайний рационализм, он кончается рассудочным помешательством, самой скверной и уродливой формой из всех помешательств. Безумна ваша мечта создать совершенную и блаженную общественность в несовершенном и страдальческом мировом целом. Безумно и нечестиво ваше желание создать совершенную и блаженную общественность в мире, лежащем во зле, в мире, в котором хаос не претворен еще в космическое состояние. Поистине совершенным и блаженным может быть лишь весь космос, лишь при космическом состоянии мирового целого возможно и совершенное общество. А это и значит, что совершенство и блаженство возможны лишь в Царстве Божьем. Общественность человеческая несет на себе все грехи и несовершенства мирового целого, на ней лежит печать мирового рабства и мировой необходимости. Нужно искупить и освободить весь мир, всю тварь, чтобы искуплена и освобождена была человеческая общественность. Вы же, безумные в своей рассудочности, в своей рациональной ограниченности, вы замыкаетесь в своем субъективном произволе, в своем общественном психологизме, так глубоко противоположном общественному онтологизму, и строите свои жалкие утопии, свои призрачные раи, пока железная поступь мировой необходимости не опрокидывает вас и не принуждает вас глубже задуматься над тайнами жизни. Если вы свободно не обратитесь к шири космической жизни, то будете принудительно обращены к ней суровой необходимостью. Ибо поистине, необходимость – великое благо для несвободных духом.

Ваше социологическое мироощущение всегда было оторвано от подлинной исторической действительности. И потому оно было рационалистично и утопично. Вы изолировали вашу общественность не только от мирового космоса, но и от космоса исторического. Вы отвлеченно, в теориях ваших подчинили человека природной и социальной среде, вы отвергли его духовную свободу и превратили его в пассивный рефлекс природного и социального круговорота. Но вы же признали, что человек от себя может произвольно и в разрыве с прошлым начать историю, согласно рассудочным своим построениям. Вы любили говорить о «скачке из царства необходимости в царство свободы», который совершит этот раб социальной среды, рефлекс природной необходимости. И потому именно, что вы не признали человека свободным духом, потому и оторвали вы его от конкретной, исторической действительности, за которой стоит живой дух народов. Все сделалось у вас отвлеченным: отвлеченна, рассудочна ваша необходимость и отвлеченна, рассудочна ваша свобода, живой человек и живая история исчезли в отвлеченностях. Поистине, историческая действительность – живая, конкретная реальность, реальность своеобразная, отличная от других ступеней бытия, живущая по своему закону, знающая свое добро и зло, несоизмеримая с рассудочными критериями добра и зла. Вы отрицали эту историческую действительность, не видели в ней внутренней органической жизни и подменили ее социологическими абстракциями. Применение абстрактных социологических категорий к конкретной исторической действительности умерщвляло ее, вынимало из нее душу и делало невозможным живое, интуитивное созерцание исторического космоса. Вашими социологическими отвлеченностями вы разлагали историческую действительность как иерархическую ступень космического целого и сводили ее на простейшие элементы, открываемые другими науками, предшествующими вашей социологии. Вы – упростили и смесители. Поэтому реальность ускользает от вас, не дается вам, поэтому в ваших руках остаются лишь отвлеченные

ключья реальности, лишь осколки бытия. Вы давно уже совершаете погром бытия как конкретной целостности, как иерархического лада. Этот рассудочный и иступленный погром совершаете вы и в вашей науке, и в вашей политике. Вы любите морализировать над исторической действительностью и историческим прошлым. Вы любите переносить свои ограниченные индивидуальные моральные оценки на сверхличную историческую жизнь. И вы злобно относитесь к прошлой истории своего народа и всего человечества, вы не видите в прошлом ничего, кроме зла и насилия. Вы не способны понять, что в самих насилиях, совершавшихся в истории, была своя правда, было преломление Божьего Промысла во тьме. Толстой был человеком вашего духа, когда он отвергал всю историю, как сплошное зло, когда он совершал неслыханный погром истории во имя своего индивидуалистического морализма. Но он был радикальнее и последовательнее вас. Свой последовательный индивидуалистический морализм он применил и ко всей общественности. Вы же отвергаете и поносите историю и во имя индивидуалистического морализма, и во имя общественности, которая строится вами на новых, неслыханных насилиях, на новом, небывалом порабощении человека. Вы должны признать самобытную природу исторической действительности, увидеть в ней свой закон добра, рационально несоизмеримый с законом добра действительности индивидуальной. В исторической действительности нельзя видеть лишь свершение судеб индивидуального человека – атома и масс, механически соединяющих эти индивидуальные атомы, произвольных человеческих коллективов; в ней нужно видеть свершение судеб наций, человечества, мира как реальностей, как конкретных общностей. Общества – реальные организмы. Для вас же существуют только атомы и массы. Вы хотели бы провести всю историю через всеобщее избирательное право, и вы заранее знаете, что голосующие массы не признают истории своей. По большинству голосов история не только не могла бы совершаться, но она никогда бы и не началась. Мир остался бы в первоначальной

тьме и нераскрытости, в равенстве небытия. Атомы и массы не пошли бы на те жертвы, которыми покупается история. Нельзя применить к истории всеобщего избирательного права и большинства голосов, нельзя морализировать над историей и требовать от нее уравнивания атомов.

Вы, рационалисты-утописты, одержимые рассудочным безумием, не научились уроками истории, не постигли смысла ниспосланных вам испытаний. У вас была возможность многое узнать и понять после опыта французской революции. Духовная реакция против революции очень обострила познание творческих и передовых людей духа. Вы признали этих людей «реакционерами». Но они во многих отношениях оплодотворили ту науку XIX века, которую и вы принуждены признать своей. Духовная реакция против революции была также реакцией против всего рационализма XVIII века. В этой творческой реакции обретено было чувство истории и раскрылись иррациональные основы общественности. После опыта революции, одержимой рационалистическим безумием, ясно стало, что общество никогда не было и не может быть основано на чисто рациональных началах, вполне понятных малому человеческому разуму и по произволу этого разума устанавливаемых. Основы человеческого общества заложены в божественном миропорядке. Есть таинственная основа человеческого общества, столь же таинственная, как и основа всей органической природы, от которой нельзя оторвать человеческого общественного мира. Более углубленному, пореволюционному сознанию открывалось таинственное свершение истории, связь времен, и оно ограничило человеческий произвол в построении общества, произвол человеческого рассудка. Ж. де Местр стоял на почве религиозной и религиозно боролся с духом революции, с духом рационалистического просвещения XVIII века. Но в этой духовной борьбе сознанию его открылась закономерность общественной жизни, объективная основа общественности. Была опознана органическая, а не произвольно-искусственная

природа человеческого общества и государства. Так «реакционное» мышление Ж. де Местра и близких ему по духу в дальнейших своих последствиях породило социологический натурализм. Даже дарвинизм в социологии может быть связан с этой реакцией против рационализма XVIII века. А О. Конт прямо признавал свое родство с Ж. де Местром. Эспинас верно указывает, что именно к де Местру и теологической школе начала XIX века восходит открытие той истины, что общество есть создание природы, а не человеческого произвола, и представителей этой школы готов он признать основателями научной социологии. Тогда, хотя в частичной и ограниченной форме, но все же была обнаружена связь человеческой общественности с совокупностью природы. Для религиозного сознания эта объективная основа общественности, эта природная в ней закономерность есть выражение греховности человеческого мира. Мир, лежащий во зле, должен быть подчинен закономерности. Иначе злой хаос опрокинет всякий миропорядок, уничтожит всякий космический лад. В этом откровении закона для природного и общественного порядка есть своя моральная правда, изобличающая первородный грех. Нельзя изнасиловать природу. Нужно искупить ее грехи. Так объективная закономерность общественной жизни открывается в двух аспектах – в аспекте религиозном и аспекте натуралистическом.

Вы не только признали науку, вы обоготворили ее, вы превратили ее в рационалистическую утопию. Но вы никогда не были смиренными перед объективным знанием, никогда не ограничивали страстей и вожделений своих непреложными велениями знания. Вы были крайними позитивистами и материалистами, но пафос знания вам чужд. Никогда не было у вас жажды знания. Знание ваше было субъективным, а не объективным. Оно было орудием разрушения. Не знание, не наука вдохновляли вас, а отрицательное «просвещение», которое есть полупросвещение и нигилизм. Из объективной закономерности природы и общества делали вы вывод, что все позволено и что по своему произволу вы можете перестраи-

вать жизнь. И вас давно уже пора привести в состояние покорности суровой науке, бескорыстному знанию. Ваша наука всегда была корыстна и потому не была истинной наукой. Вы выдумали, что существует наука «буржуазная» и наука «пролетарская», и этим убили для себя возможность всякого знания, этим истребили самую идею науки. Крупица объективной науки в марксизме была окончательно поглощена субъективно-классовым его пафосом, отдана на растерзание человеческих интересов и страстей. Смирение перед наукой, познание объективных основ общественности уменьшило бы вашу злобность и разъяренность, привело бы к катарсису ваш больной дух. Вы перестали бы повсюду видеть злую волю правительств и господствующих классов, глубже вникли бы в причины зол и бедствий человеческой жизни. Но для этого вы должны смириться не только перед наукой, но и перед религией, должны обратиться к высшему источнику света. Общество и государство могут быть основаны лишь на религиозных, духовных началах. Общество и государство атомизируются и распадаются, когда подорваны эти источники человеческого общения и властвования. Вы подымаетесь до понимания этой элементарной истины лишь тогда, когда разражается катастрофа и когда вам самим грозит гибель.

Редко, слишком редко люди вашего типа, вашего чувства жизни и вашего сознания задумываются над первоисточниками жизни, над теми первоисточниками мировой жизни, которые определяют и жизнь общественную. Вы не ищете смысла жизни. Вы ищете лишь благ жизни. Такая направленность вашего духа закрывает для вас познание тайн жизни космической и жизни общественной. В поле вашего зрения попадает лишь ограниченный отрывок природы и общественности, поддающийся рационализации в вашей бедной мысли. Говорю – в вашей мысли, потому что в действии вашем вечно бушуют иррациональные страсти и вечно приливает тьма из непонятого для вас бездонного источника. Поистине есть темный, бездонный и бесконечный источник в нашей жизни и жизни мировой. И ваш рассудочный свет бессилён осветить

окружающую нас темную бесконечность. Две бесконечности обнимают нас – верхняя и нижняя, светлая и темная, хорошая и плохая бесконечность. Ни одна из этих бесконечностей не может быть постигнута вашим малым разумом. Для вашего ограниченного сознания не дана ни божественная бесконечность, ни бесконечность темная и хаотическая. Ваше сознание улавливает лишь ограниченную промежуточную сферу, поддающуюся рационализации. На этих путях невозможно никакое углубленное познание, невозможно и углубленное познание общественности. Мир человеческой общественности есть целый малый мир, в котором отражены те же начала, действуют те же энергии, что и в большом мире. В мире общественном, как и в великом мире, как и во всей вселенной, борются космос и хаос. И познание общественности должно помочь началу космическому победить начало хаотическое. В истинном познании есть онтологический свет, побеждающий хаотическую тьму, есть начало космологическое. Но ваш ограниченный рационализм не в силах не только преодолеть хаотическую тьму, но не в силах и увидеть ее, опознать ее. Поэтому вы находитесь в ее власти.

Старым германским мистикам открывалась истина о темном источнике бытия, о бездне, лежащей в его основе. Величайший из них, Я. Беме, учил об *Ungrund'e*, бесосновности, бездне, которая глубже Бога. И Мейстер Экхардт учил о Божестве, божественности, которая глубже Бога. Божественный свет загорается в бездонной тьме. Эта темная бездна не может быть наименована даже бытием, она лежит под всяким бытием, к ней неприменимы никакие категории, никакие определения. Этот изначально, в вечности загорающийся свет и есть теогонический процесс богорождения. Но процесс теогонический неверно было бы понимать по аналогии с эволюцией, совершающейся в этом мире; он не подчиняет вечность времени с его законом тления, с его пожиранием последующим моментом момента предшествующего. Он есть откровение света в глубине самой вечности. И малый разум наш встречается тут с неразрешимыми антиномиями, с непреодолимыми

противоречиями. То, что происходит в вечности, отражается и во времени, во временном мировом процессе. В процессе космогоническом и антропогоническом загорается свет и побеждает хаотическую тьму. Темные волны приливают из бездны, и бушующий хаос должен побеждаться в мире и в человеке, чтобы образ человека и образ космоса не захлестнулись и не погибли, чтобы продолжалось дело Божьей победы над тьмой, Божьего творения космического бытия. Рождение света во тьме, переход от хаоса к космосу есть возникновение неравенства бытия в равенстве небытия. И в человеческом обществе есть не только таинственное, но и темное начало, в массе человеческой бушует хаос, и космос общественный с великим усилием создается и сохраняется. Все новые и новые приливы тьмы, требующие новой силы преобразующего света, в истории именуются нашествием варваров, внешних и внутренних. Эти напоры варварства знал еще Древний Египет и Древний Рим. Варварское, скифское начало говорит о бездне, скрытой под самой успокоенной и консервативной общественностью. Напоры варварства были полезны и поучительны для эпох слишком довольных, успокоенных, законченных и заковывающих. Человек всегда живет над бездной, и никакой консерватизм не должен закрывать этой истины. В массе, в толпе всегда есть темная бездна. И революции всегда бывали таким же приливом хаотической тьмы, как и нашествие варваров. И варвары, и революции нужны дряхлеющему миру. Нельзя отрицать значение этих исторических приливов. Но значение их не в том, в чем полагаете вы, идеологи варварства и революции.

Космическая жизнь – иерархична. Иерархична и жизнь общественная, поскольку есть в ней космический лад и не разорвана органическая связь с космосом. Вот тайна, которая непонятна людям вашего духа. Всякое разрушение космической иерархии атомизирует бытие, разрушает реальность общего и реальность индивидуального (государства, нации и др. реальные общности в такой же мере, как и личности) и сцепля-

ет, сковывает атомы в механические коллективы. С древних времен происходила борьба в человеческом обществе начал космических, т. е. иерархических, с началами хаотическими, т. е. атомистическими и механическими. Иерархическое начало, как и все в этом мире, может вырождаться, оно может не исполнять своей светоносной миссии и порождать самые ужасные злоупотребления. Иерархическое начало может сделаться косным и инертным и ставить препятствие всякому творческому движению. Так, с древних времен иерархическая власть царя и жреца не только водила народы и вела их к свету, но и задерживала творческое движение. Слишком часто иерархия царства и священства становилась во враждебное отношение к свободному пророчеству. И всякий раз, когда слишком много грехов накоплялось за началами иерархическими и не исполнялся долг излучения света его носителями, снизу подымались темные хаотические волны и грозили смести общественный космос, уничтожить всякий космический лад в общественной жизни. Иерархия царства и священства должна давать простор и свободу пророческому духу, иначе вырождается она в мертвящее законничество и получает заслуженную кару. Но необходимо отделить самый принцип, самую идею от фактического греховного состояния. Излучение света в этом мире должно происходить по ступеням. Есть вечное различие между эзотерическим и экзотерическим; оно охраняет возможность высшей творческой духовной жизни для избранной части человечества, для подлинной его аристократии. Не может быть мгновенно допущена к высшему свету вся необъятная хаотическая тьма человеческой массы. Человеческая масса выводится из царства тьмы, из плена у хаоса по ступеням, в процессе воспитания. Иерархические преграды для разлива хаотической тьмы, для мгновенного торжества количественной массы спасают источники света, охраняют светильники, защищают светоносный дух от растерзания его душевным и материальным хаосом. Повсюду в древнем мире дух, пробуждающийся к высшему сознанию, вел борьбу с этими волнами душевного и материального хаоса.

са в жизни народной. Все великие религии знали различие между эзотерическим и экзотерическим и создали иерархический строй, обращенный не к сокровенному миру, а к миру внешнему. Этим путем охранялось качество от растерзания его количеством и само количество велось к просветлению. В религиях древнего Востока была таинственная, сокровенная сторона, оказавшая определяющее влияние и на высшие достижения греческой культуры, в ней были подлинные откровения, упреждающие христианство. Но народная религия Египта не знала этих высших откровений, – она погружена еще была в языческую тьму. То же было и в Греции. Волны стихийных и хаотических откровений духов и демонов непросветленной природы со всех сторон обступали Грецию и грозили затопить пробуждающийся дух. Язычество не могло освободить народы древности от страшной власти демонологии, от терзавших его демонов хаотической природы. Но всякий иерархический строй был попыткой оградить духовную жизнь от власти этой хаотической природы, создать начала оформляющие и ставящие границы стихийному разливу. Высших достижений духовной жизни Греции нельзя искать в религии Диониса, в этой народной мистике, находящейся во власти темных хаотических стихий. Их нужно искать в орфизме, в элевзинских мистериях, у Пифагора, Гераклита и Платона. В разливе дионисических оргий народ терзался демонами и искал освобождения и избавления от горестного и ограниченного бытия в приобщении к стихийному круговороту природы. Окончательное и безраздельное торжество дионисизма было бы гибелью Греции. И начало аполлоновой формы должно было ограничить эти дионисовы стихии, чтобы лик человеческий мог подняться из тьмы. Начало дионисово – демократично. Начало аполлоново – аристократично. Дионисизм дает стихийную, народную основу. Ничем не ограниченное и ничему не подчиненное торжество народной стихии, господство демократии превращается в дионисическую оргию, сметающую лик человека, погружающую дух человека в природный хаос. Дионисизм враждебен всякому

иерархизму и всякому эзотеризму. Дионисизм торжествует в эпохи революций, в массовых народных движениях. Это торжество всегда подвергает опасности величайшие духовные ценности, оно отдает на растерзание величайшие духовные реальности. Начало аристократическое, начало иерархического лада, формы и предела, устанавливающее различия и дистанции, спасает высшую духовную жизнь, охраняет источники света и защищает личность человеческую от растерзания. Бытие личности предполагает различия и дистанции, формы и границы. Революционный дионисизм уничтожает все различия и дистанции, все формы и границы, и потому он глубоко враждебен личности, не признает и не опознает лика. Когда христианская Церковь вела борьбу со стихийной демонолатрией, она охраняла лик человека, образ и подобие Божие, помогала ему стать на ноги. Во всех революциях стихийная демонолатрия в секуляризованной форме вновь овладевает человеком и терзает его. Личное начало связано с иерархическим началом, оно раскрывается в космосе и гибнет в хаосе. Личное начало – по существу аристократическое начало, оно предполагает различие и границу. Личность не терпит хаотического смешения, плебейского стирания всех границ и различий. Личное начало есть начало качественное, оно и есть неповторимое качество, не допускающее количественных смешений. Лишь тайна Христовой любви ведет к соединению, не разрушая личности, утверждая лик в каждом. Вы же все, находящиеся во власти дионисических стихий, терзаемые демонами хаотической природы, вы не знаете личности и не знаете свободы. Ваши революции несут с собой порабощение человека, погружение его в изначальную тьму. Дух ваш погружается в коллективное душевное тело и теряет свои высшие достижения. Духовное начало – аристократично, а не демократично. Демократична – душевно-телесная стихия. Возникновение аристократического начала в мире было борьбой света с тьмой, рождением личности, освобождением духа. Ваш революционный дионисизм всегда был и будет мгновенным торжеством количества, смещающего грани ли-

ков и образов, восстанием из тьмы безликого и безобразного плебейства. Вот почему принцип органического развития по ступеням, через свет, изливающийся сверху вниз, в исторической жизни имеет нравственное и религиозное значение: он охраняет личность, свободу и духовную жизнь.

Многие из вас любят говорить о свободе и освобождении. Но кто освобождается у вас, о чьей свободе говорите вы, существует ли у вас субъект свободы? Освобождение хаотической стихии не есть освобождение человека, хаотическая стихия не может быть субъектом освобождения, она – источник порабощения. Человек прежде всего находится в плену у хаотической стихии. Темная бездна тянет образ человека, лик человека вниз, мешает человеку подняться и стать во весь рост. Освобождение человека, человеческой личности и есть освобождение из плена у хаотической стихии, а не освобождение хаотической стихии в человеке и народе. Вот почему все глубокие люди понимали, что истинное освобождение предполагает момент аскезы, самодисциплины и самоограничения. Разнуздание стихийных страстей порабощает, делает рабом. Когда человек находится во власти собственного хаоса, он – раб, личность его распылена страстями, обессилена грехами. Вам, «освободителям» человека и народа, снимающим со стихии все оковы, давно уже пора глубже задуматься над проблемой личности. Почему в революциях ваших нет личности, почему отдана она на растерзание стихийных бурь, почему образ человека тонет в стихиях, которым вы поете хвалу? Вы никогда не умели не только решить, но и поставить проблему отношения личности и общества. Вы утратили реальности, для вас и личность не реальна, и общество не реально, для вас все давно уже распылено. Ваше «революционное» мирозерцание есть крайний номинализм в социальной философии, крайний атомизм. Ваш коллективизм есть лишь обратная сторона этого номинализма и атомизма. Вы потеряли подлинные реальности и на их место хотите поставить новую, искусственную, призрачную реальность. Ваше мироощущение

и миросозерцание отрицает всякий онтологический реализм. Предки ваши – софисты. Вы отвергли заложенные Платоном основы онтологической социальной философии. Слишком аристократичен для вас Платон, и вы увидели в нем источник мировой «реакции». Социализм Платона был аристократический социализм, он основан на признании иерархии онтологических реальностей. Платон признавал онтологическую реальность целого, реальность верховного блага и правды. Вы же исходите из атомизации всякого целого, начинаете с отвержения верховного блага и правды. Ваша правда – произвольная, субъективная, классовая правда, рожденная из интересов и страстей. Вы начинаете свое дело после того, как все реальности, все целости, все общности распылены и атомизированы. Поистине, вы хотите построить свое дело ни на чем и из ничего. И это прямо сказал самый радикальный и самый смелый из вас, Макс Штирнер, хотя он и не пользуется у вас достаточной популярностью. Но и Штирнер не был до конца последовательным и радикальным. Он признал «единственного», не имея на это никакого права, без всяких на это оснований. Ибо поистине его «единственный» лишен всякой реальности, «единственный» обобран, голым и нищим пущен по миру. «Единственный» лишен реальности «я», реальности личности. Ибо личность есть онтологическая реальность, она входит в иерархию онтологических реальностей. Личность предполагает реальность других личностей и реальность того, что выше ее и глубже ее. Личности нет, если нет ничего выше ее. В номиналистическом индивидуализме личность разлагается и распадается. В нем так же атомизируется личность человеческая, как атомизируется нация, государство, Церковь, космос, Бог. Если нет никаких реальных целостей, то нет и реальной целостности личности, она разделяет судьбу всех реальностей в мире и падает вместе с ними. Если нет Бога, то нет и личности человеческой. Личность связана с универсализмом, а не с индивидуализмом.

Гибель личности человеческой должна окончательно завершиться в вашем человеческом коллективе, в котором по-

гибнут все реальности, в вашем грядущем муравейнике, этом страшном Левиафане. Об этом не раз еще я буду говорить. Ваш коллектив есть лжереальность, которая должна восстать на месте гибели всех подлинных реальностей, реальности личности, реальности нации, реальности государства, реальности Церкви, реальности человечества, реальности космоса, реальности Бога. Поистине, всякая реальность есть личность и имеет живую душу – и человек, и нация, и человечество, и космос, и Церковь, и Бог. Никакая личность в иерархии личностей не уничтожается и не губит никакой личности, но восполняет и обогащает. Все реальности входят в конкретное всеединство. Ваш же безличный коллектив, лишенный души, оторванный от онтологической основы, несет с собой смерть всякому личному бытию. И потому торжество его было бы торжеством духа небытия, победой ничто. В революционном коллективизме нет ничего человеческого, как нет ничего и сверхчеловеческого, в нем есть что-то нечеловеческое и безбожное, есть истребление человека и Бога. Судьба человека и Бога неразрывны во веки веков. И сам диавол бессилен изменить эту предвечную общность судьбы, в середине которой сам Бог был распят на кресте как человек.

Вы отрицаете и истребляете личность, все вы глашатаи материалистической революции, социалисты и анархисты, радикалы и демократы разнообразных оттенков, все уравниатели и смесители, провозвестники религии равенства. Вы хотели бы превратить людей в атомы и общество человеческое в механику атомов, в коллектив безличных атомов. Но поистине, человек не атом, а индивидуум, индивидуальность, разностное существо. Каждый человек имеет свою неповторимо индивидуальную судьбу в этой земной жизни и в жизни запредельной, в вечности. Не случайно, не по внешним и бессмысленным причинам выпадает на долю каждого человека его судьба со всеми испытаниями и страданиями. Не случайно и не бессмысленно выпала на долю замученного ребенка слезинка, о которой говорит Иван Карамазов. Бунт

против слезинки ребенка, против страданий, которыми покупается мировой и исторический процесс, есть отвержение высшего смысла жизни, неприятие божественного миропорядка. Атеист не принимает слезинки ребенка и всех страданий жизни, он восстает против Бога во имя счастливого и блаженного удела человека на земле. Но он сейчас же готов пролить неисчислимое количество слез и причинить неисчислимое количество страданий, чтобы поскорее достигнута была счастливая и безболезненная у человечества жизнь. Таково нравственное противоречие всех революционеров. Вы, русские революционеры-интеллигенты, много всегда говорили о слезинке ребенка, о нестерпимых страданиях народа, это была ваша излюбленная тема. Вы впадали в ложную сентиментальность и декламировали, вы обещали безболезненный рай. А когда настал час вашего господства, вы проявили неслыханную жестокость, вы превратили страну вашу в море слез и причинили народу вашему неисчислимое количество страданий. Сентиментальность часто кончается жестокостью. Предохраняет от жестокости более суровый, более жесткий взгляд на жизнь. Постигание и принятие высшего смысла всех слез и страданий жизни просветляет человека. Для всякого, у кого есть религиозное чувство и видение лица человеческого, судьба человека таинственна и не может быть решена в пределах того небольшого отрывка огромной и вечной жизни, который мы именуем земной, эмпирической жизнью человека, от рождения до смерти. Судьба каждого человека погружена в вечность, и в вечности нужно искать разгадки ее смысла. Все кажется случайным, бессмысленным и несправедливым в пределах этой кратковременной жизни. Все приобретает смысл и получает оправдание в вечности. Но вы, бунтующие против божественного миропорядка и восстающие против вечности, вы не чувствуете и не видите лица человека, вы чувствуете и видите лишь отрывки и клочья личности, лишь преходящие ее состояния, лишь временные страдания и удовлетворения. Ваше гуманистическое и сентиментальное заступничество за человека, ваше исступленное желание освободить его от стра-

даний и есть ваше неверие в Бога и неверие в человека, ваш атеизм. И это всегда ведет к истреблению личности во имя освобождения человека от страданий. Принятие смысла страданий, смысла судьбы, которая со стороны представляется столь несправедливой и неоправданной, и есть утверждение личности, и есть вера в Бога и человека. На долю людей выпадает разная судьба, полная страданий и слез, именно потому, что человек – разностное, глубоко индивидуальное существо. Человека нужно брать конкретно, а не отвлеченно, со всей его неповторимой историей, эмпирической и метафизической, во всех его органических мировых связях. Тогда только можно хоть что-нибудь понять в его судьбе. Вы же берете человека как атом, и все люди представляются вам равными и заслуживающими равного удела. Так хотите вы освободить человека от несправедливостей и страданий, но так вы убиваете человека. Перед вами стоит не человек, а отвлеченный атом. На эти отвлеченные атомы распыляете вы все бытие. Для человека конкретного и неповторимо индивидуального имеет значение его связь с предками, с родиной, с историей. Не случайна и связь человека с тем или иным сословием и классом. Отвлеченный же и бескачественный человек берется вне истории, вне прошлого, вне родины, вне отцов и дедов. Но это уже не человек, не личность, а атом, абстракция абстракций. Бессмысленно и безбожно само ваше желание сравнивать страдания людей и рационально учесть, кто страдает больше, а кто меньше, чьи страдания справедливы и чьи несправедливы. Вам не дано быть судьями судеб человеческих и судеб Божиих. Вам дано лишь деятельной любовью к ближним облегчать их страдания, вносить радость в их жизнь. Но это дело любви и помощи людям не может иметь ничего общего с рационалистическим взвешиванием судеб людских, с рационалистическим сравнением этих судеб и принудительным их уравнением. Ваша революционная религия равенства и есть атеизм, отрицание высшего смысла мировой жизни. Она ведет не к творчеству лучшей и высшей жизни, а к разрушению и к унижению всех богатств бытия.

Я знаю, все, что я говорю вам, вы назовете «реакционным» и увидите в мыслях моих оправдание социального зла. Но я давно уже перестал придавать значение всем вашим определениям. И все слова ваши звучат для меня, как скверный шум. И потому меня не остановят все ваши выкрики и осуждения. Неравенство религиозно оправдано неповторимо индивидуальной судьбой человеческой личности в вечности. Это не значит, конечно, что не должно облегчать и улучшать земной удел человека. Наоборот, это облегчение и улучшение есть исполнение заповеди любви. Но это значит, что нельзя бунтовать против первооснов божественного миропорядка, разрушать их и противопоставлять свой ограниченный и произвольный смысл божественному смыслу жизни. Неравенство есть основа всякого космического строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире. Всякое рождение света во тьме есть возникновение неравенства. Всякое творческое движение есть возникновение неравенства, возвышение, выделение качеств из бескачественной массы. Само богорождение есть извечное неравенство. От неравенства родился и мир, космос. От неравенства родился и человек. Абсолютное равенство оставило бы бытие в нераскрытом состоянии, в безразличии, т. е. в небытии. Требование абсолютного равенства есть требование возврата к исходному хаотическому и темному состоянию, нивелированному и недифференцированному, это есть требование небытия. Революционное требование возврата к равенству в небытии родилось из нежелания нести жертвы и страдания, через которые идет путь к высшей жизни. Это и есть самая страшная реакция, отрицание смысла всего творческого мирового процесса. Пафос революции – реакционный пафос. Насильственное требование уравнивания, исходящее из низов хаотической тьмы, есть посягательство на разрушение космического иерархического строя, образовавшегося творческим рождением света во тьме, посягательство на разрушение и самой личности человеческой как иерархической ступени, как рожденной в неравенстве. Так совершается

посягательство на царственное место человека в космическом строе. Ибо место это добывается страшным неравенством и выделением. Требование равенства может быть распространено и на низшие, нечеловеческие ступени космической жизни. В уравнительных неистовствах всегда поднимаются не человеческие, но по существу уже аристократические начала, а низшие, нечеловеческие начала в самом человеке, элементарные стихии, элементарные духи природы. Во всех коммунистических движениях масс всегда чувствовалось что-то нечеловеческое, восстание каких-то низших природных стихий, мешавших раскрытию образа человеческого в самих массах. Нужно внести наконец разделяющий свет в тьму ваших смещений. Пафос равенства есть зависть к чужому бытию, неспособность к повышению собственного бытия вне взгляда на соседа. Неравенство же допускает утверждение бытия во всяком, независимо от другого. Вы, уравнители в небытии, любите пользоваться и христианством для своих целей, вы не прочь даже сослаться на Евангелие, в которое вы не верите и которого вы не признаете. Но в христианстве вы не можете найти для себя ничего, кроме внешних звуков и непонятных для вас сочетаний слов. Вам нет доступа внутрь христианских тайн. Христианство признает абсолютную ценность всякой человеческой души и равноценность всех душ человеческих перед Богом. Но отсюда нельзя сделать никаких благоприятных выводов для внешних механических уравнений и смещений. Христианство не произвело восстания и революции даже против рабства на известной ступени мирового развития, оно признавало лишь, что душа человека, находящегося в рабском социальном состоянии, имеет абсолютную ценность и равна перед Богом душе господина. Раб и господин могли быть братьями во Христе, и раб мог в Церкви Христовой занимать более высокое положение, чем господин. Христианское равенство душ перед Богом принадлежит благодатному царству Духа и непереводаемо на социальную материальную плоскость. Для христианского сознания душа человеческая имеет абсолютную ценность, но не имеет абсолютной ценности

земная, эмпирическая жизнь человека. Ценность, святыня, духовная реальность имеет большее значение, чем земная эмпирическая жизнь людей, чем их благо и удовлетворение, чем самая жизнь их. Христианство не боится страданий на земле, оно принимает их и признает их значение в свершении судьбы человека. Для христианского сознания страдания и слезы очищают душу. Это сознание не учит возвращать билет Богу, как того требует атеист Иван Карамазов во имя страданий людей, из невозможности осмыслить зло жизни. С христианством вам нечего делать. Вы – отщепенцы от христианства.

Вы шумно восстали на защиту постижимых целей человеческой жизни против целей таинственных, в защиту человека против Бога. Вы восстали против жертв, которых требует все таинственное и великое. Во имя понятного и рационального производите вы революции и восстания, во имя мещанских утопий, понятного и малого земного благополучия каждого и всех отвергаете вы величайшие святыни и ценности. Человеческое благо каждого и всех противоположили вы сверхчеловеческим ценностям. И столкнулись два непримиримых мировоззрения, два непримиримых чувства жизни. Мы, люди религиозного мировоззрения и религиозного чувства жизни, религиозно принявшие божественный порядок, склонившиеся перед религиозным смыслом жизни, мы принимаем жертвы малой, близкой, понятной земной человеческой жизнью и земным человеческим благом во имя таинственных и великих целей жизни человеческой и мировой. Мы не бунтуем против истории и культуры, купленных дорогой ценой, жертвенной кровью бесчисленных поколений наших предков. Мы религиозно отвергаем, как низменную и предательскую, самую мысль о создании благополучия и блаженства на земле, в которой схоронены все поколения наших страдавших и приносивших жертвы предков, на кладбище великих покойников и великих памятников прошлого. Неблагодарна и безбожна сама эта мысль ваша освободить от жертв и страданий поколения грядущего за счет поколе-

ний прошедших. С более глубокой, не материалистической и не позитивистической точки зрения непонятно даже, почему поколения грядущие должны для нас обладать большей реальностью и больше интересоваться нами, чем поколения прошедшие. Есть что-то низкое и безобразное в этом торжестве временного над вечным. Вы, обращенные исключительно к грядущей благополучной жизни, находитесь во власти духа смерти, а не духа жизни. Как глубок был Н. Федоров, когда он поставил перед блудными сынами проблему воскрешения всех умерших предков. Это – задача более радикальная, более великая и достойная, чем ваш рационалистический и моралистический суд над историей, чем ваше истребление прошлого во имя блага грядущего. В тот день, когда окончательно восторжествовала бы точка зрения блага каждого и всех и победила бы точку зрения сверхличной и сверхчеловеческой ценности и святости, в мире невозможно было бы уже ничто великое, ничто истинно могущественное и прекрасное. Жизнь человеческая пала бы до самых низин, она стала бы элементарной и упрощенной, полуживотной жизнью.

Торжество точки зрения личного блага привело бы к падению личности. К возвышению личности ведет лишь точка зрения сверхличной ценности. Это – непререкаемый исторический факт, который требует истолкования. Личность подымается и восходит, когда в ней раскрываются и творятся сверхличные ценности. Человеческое в истинном смысле этого слова утверждается, когда в нем утверждается божественное. Всякая ценность есть лишь культурное выражение божественного в исторической действительности. Божественное требует жертв и страданий. Воля к божественному в человеке не дает ему успокоения, она делает невозможным никакое благополучие на земле, она влечет его в таинственную даль, к великому. Точка зрения личного блага каждого и всех направлена к низвержению божественного, она по существу антирелигиозна. Жажда божественного в человеческой душе действует как пожирающий огонь, и сила этого огня может произвести впечатление демонической. Многие из вас – мо-

ралистов – видят демоническую силу во всякой исторической судьбе, в создании государств и культур, в их славе и величии. Проблему эту с гениальной остротой чувствовал К. Леонтьев, когда говорил: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах *для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде* благодушеествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?» Вы стали за «индивидуальное» и «коллективное» благодушеествование, за серый социальный рай против Моисея и гениального красавца Александра, против акрополей и пунических войн, против апостолов и мучеников, против рыцарей, поэтов и живописцев. Прошлое величие основано на жертвах и страданиях. Вы же не хотите более жертв и страданий во имя таинственной дали, непонятной каждому в отдельности и всей массе в целом. Прошлое величие хотите вы поставить на всеобщее голосование и отдать на суд для всем понятного человеческого блага в этой краткой земной жизни. Но вы не знаете и любви к ближнему, живому в плоти и крови, конкретному существу. Человек для вас не ближний, а абстракция. Любовь к ближнему знает лишь христианство и соединяет ее с любовью к Богу.

Социологию вашу вы пробовали основать на том ложном предположении, что общество должно быть однородным, упрощенным, недифференцированным, для того чтобы личность была развитой, дифференцированной и разнородной. Цветение личности, личности каждого и всех хотели вы связать с отцветанием общества, государства, нации, с переходом их в состояние, которое К. Леонтьев называл «упростительным смешением». У вас всегда было отвращение к сложному цветению культуры, к славе и величию госу-

дарств, к великой исторической судьбе наций. В этом сложном цветении, в этой славе и величии видели вы угрозу для личности, для ее блага. Но поистине, вы всегда заботились не столько о личности, сколько о равенстве личностей. Вы все оглядывались на соседа каждой личности и присматривались, чтобы он не оказался выше, не расцвел бы более другого. Вас всегда интересовала безличная личность, личность всякого, уравнение личностей. Но равенство ваше пребывает в каком-то промежуточном царстве небытия, в пустоте, его нет ни в одной живой, конкретной личности. Во имя уравнения личностей готовы вы истребить всякую личность, подрезать возможность всякого ее цветения. Поистине всякий творческий порыв в личности есть порыв к неравенству, нарушение равенства, возвышение. Н. Михайловский со своей теорией борьбы за индивидуальность был выразителем того социологического учения, по которому лишь уравненное и упрощенное общество благоприятно расцвету каждой личности. Тому же учил и Л. Толстой, но учение его было не социологическое, а морально-религиозное. Моралистический индивидуализм Толстого требовал прекращения всемирной истории, упразднения всех государств и всех культур, чтобы центр тяжести жизни был окончательно перенесен в человеческую личность каждого и всех. И Толстой, и Михайловский радикально отвергают общественное разделение труда как начало, враждебное личности. И социализм требует упрощения и смешения общества, уравнения общественной среды и от этого ждет блага для личности каждого и всех. Полярной противоположностью Михайловскому был К. Леонтьев, мыслитель более глубокий и оригинальный, чем все ваши учителя и идеологи. Сложное цветение личности связывал он со сложным цветением общества, со сложной государственностью, с великой исторической судьбой наций. Упростительное смешение общества, которое несет с собой торжество либерально-эгалитарного прогресса, век демократии, связано с отцветанием личности, с обезличиванием, с угашением личностей творческих и ярких. Век возрождения был веком

сложного цветения общества, огромных неравенств в строе общества, но он же был и веком сложного цветения личностей, расцвета гениев. Святые были ярким и необычайным проявлением личного начала, но наибольшее развитие святости бывало в эпохи великих неравенств. В век равенства и упрощительного смешения, в век торжества демократии нет уже святости и гениальности, с которыми связаны величайшие победы личного начала. Единство в разнообразии – критерий совершенной красоты культур. Романтическое учение К. Леонтьева может получить и вполне научное социологическое подтверждение. Так, Зиммель, в противоположность Михайловскому, объективно обосновывает ту истину, что дифференцированность личности не обратно пропорциональна, а прямо пропорциональна дифференцированности общества. Развитию личности благоприятно не однородное и уравненное состояние общественной среды, а дифференцированное и сложное ее состояние. Без общественного разделения труда никогда личность не могла бы подняться, не могла бы выделиться из первоначального коммунизма равной тьмы. Индивидуальность, личность человеческая не дана изначально в природном и историческом мире, она в потенциальном состоянии дремлет в хаотической тьме, в зверином равенстве и освобождается, поднимается и развивается лишь путем трагической истории, путем жертв и борьбы, через величайшие неравенства и разделения, через государства и культуры с их иерархическим строем и принудительной дисциплиной. Людям XX века, столь искушенным в познании, столь много испытавшим, не пристало уже строить идиллические теории о благодном естественном состоянии, о природном порядке, в котором будто бы торжествует индивидуальное и личное начало, и о разрушении этого благодного состояния и этого природного торжества индивидуальности и личности неравенством, принуждением и дисциплиной государств и культур. Всякий раз, когда свергается иерархический строй, когда хотят освободить личность от всякой дисциплины и государства и культуры, подымается звериный хаос, истребляет лич-

ность, убивает образ человека. Свобода личности всегда имеет своим коррелятивом тысячелетнюю дисциплину сложной культуры, претворяющей хаос в космос. Всякий космический мир – дифференцирован, основан на неравенствах и дистанциях. Личность утверждается и расцветает в космическом мире, в космическом ладе общественной жизни. В мире хаотическом, в массах, окончательно потерявших всякую иерархическую дисциплину, личность отцветает и погибает.

Вы не знаете личности, вы утопили ее в массах. Вы потеряли чувство различий и дистанций. И связано прежде всего это с тем, что вы перестали ощущать и сознавать радикальное зло человеческой природы. Зло одержало над вами победу, заставив себя отрицать. Иные из вас готовы еще признать Бога в какой-то расплывчатой форме, но никто из вас не способен увидеть зло. Это радикальное отрицание радикального зла получило наименование гуманизма. Вы надеялись освободить человека путем отрицания зла. На этой безгрешности человеческой природы, якобы испорченной и поработенной иллюзиями религии, насилиями государства и социальными неравенствами, построили вы свои теории прогресса. В прошлом человечества вы видели много зла, но это не было радикальное зло, заложенное в метафизической глубине, это всегда было зло социальное, лежащее на поверхности общественной среды. В будущем же вы провидите одно добро. Ваша социальная философия оптимистична. Гуманизм всегда оптимистичен. Но есть ли основания для такого оптимизма, оправдывается ли он, если заглянуть в глубину жизни? Я думаю, что социальный оптимизм всегда поверхностен. Вашему гуманистическому оптимизму необходимо противопоставить пессимизм более глубокий, суровый и здоровый. Ваш социальный оптимизм и ваша социальная мечтательность говорят об отсутствии в вас необходимого для всякого освобождения аскетизма, о распушенности вашего духа. Для духовного оздоровления необходима аскетика, воздержание от нездоровой социальной мечтатель-

ности. Розовые теории прогресса и совершенного грядущего общества слишком часто на практике вели к жестокости и к понижению уровня человека. Гуманизм имел свое значение в истории человеческой культуры, и через него необходимо было пройти. Но последние плоды гуманизма как отвлеченного начала истребляют человека, они – самоубийственны. Это с глубокой остротой было создано Ницше, после которого невозможен уже пафос гуманизма.

Неблагородны и некрасивы самые духовные основы вашего социально-революционного мироощущения и мирозерцания, темен самый подпольный его источник. В основе этого мироощущения и мирозерцания лежит психология обиды, психология пасынков Божиих, психология рабов. Сыны Божии, свободные в духе своем, не могут иметь такого чувства жизни. Свободные сыны Божии, сознающие свое высокое происхождение, не могут испытывать чувство рабьей обиды, не могут сознавать себя духовными пролетариями, поднимающими восстание, потому что им нечего терять и нечем дорожить. Поистине, существует не только социальная, но и духовная категория пролетария, особый духовный тип. Этот духовный тип пролетария делает все внешние революции, оторванные от глубины жизни, от мирового целого. Обида, озлобление, зависть – вот душевная стихия, вот подпольная психология духовного типа пролетария. На таком душевном основании нельзя построить прекрасного и свободного человеческого общества. Свободные сыны Божии чувствуют не обиду, а вину. Сознание вины соответствует царственному достоинству человека, оно является печатью его богосыновства. И пролетарии по своему социальному положению могут иметь это царственное, богосыновское сознание, могут раскрыть в себе свободу духа. Благодество духа человеческого не зависит от внешнего социального положения. Но когда обида, зависть и месть отравили сердце человеческое, дух перестает быть свободным, он в рабстве, он не сознает своего сыновства Богу. И потому истинные освобо-

дители человека должны призывать его к сознанию вины, а не обиды, должны пробуждать в нем сознание свободы сынов Божиих, а не рабства сынов праха, сынов необходимости. Вот почему свободный в духе своем не может исповедовать пролетарско-революционного миросозерцания.

Письмо третье О государстве

Как слабы и беспомощны все ваши рационалистические теории государства. В XVIII веке вы хотели рационально объяснить природу государства теорией общественного договора, в XIX веке вы пробовали объяснить ее из борьбы классов и факторов экономических. Но все, все объяснения, старые и новые, наталкиваются на какой-то рационально неразложимый остаток, на непостижимую тайну власти. В государстве есть мистическая основа, и эта мистическая основа должна была бы быть признана и с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению. Начало власти – совершенно иррациональное начало. Во всякой власти есть гипноз, священный или демонический гипноз. Никто еще и никакой власти в мире не подчинялся по рассудочным, рациональным основаниям. Власть никогда не была и никогда не может быть организацией человеческих интересов, организацией господства каких-либо интересов или равнодействующей интересов. Власть всегда есть проникновение какого-то таинственного начала в человеческие отношения, исходящего от Бога или от дьявола. Государство есть особого рода реальность, неразложимая на элементы чисто человеческие и на чисто человеческие интересы. Бытие государства есть факт мистического порядка. Государство не выводимо ни из каких человеческих интересов и расчетов, и нельзя принудить признать государство, подчиниться государству никакими рациональными доводами. На почве номиналистического и атомистического

миросозерцания, которого держится большая часть позитивистов и материалистов, невозможно признать государство и не имеет смысла подчинять себя ему. Государство самым фактом своего существования свидетельствует об онтологическом реализме, о существовании реальностей иного порядка, чем те, которые признаете и видите вы – эмпирики-номиналисты разных оттенков. Вам кажется, что организация государства – рациональная организация. Но поистине безумно подчинение власти государства, и все революционные идеологии строятся во имя рационалистического восстания против этой власти. Революция всегда хочет разрушить священный гипноз власти. Но сама она немедленно же попадает во власть другого гипноза. Существует неразрушимая магия власти, которая лишь переходит из одного состояния в другое. И новая революционная власть обладает магией власти, она заимствует ее от магии старой власти, она пользуется старым и вечным гипнозом масс. Никакие рассудочные рациональные мотивы не могут заставить массы подчиниться государству и нести для него жертвы. Это не может быть оправдано никакими интересами. Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей. Объективно-онтологический элемент государственной власти присутствует и действует во всех формах, как бы они ни были плохи и какому бы разложению ни подвергались. Он действует и в советской власти. Природу власти нельзя смешивать и отождествлять с какой-либо формой власти. Государство не может определяться никаким данным человеческим поколением. Государство поддерживает реальную связь времен в жизни народов, и потому оно не может стоять в такой зависимости от времени, какой хотят те, которые отдают его временному потоку. Государство не может быть создано и не может быть разрушено никаким человеческим поколением. Оно не является собственностью людей, живущих в каком-либо периоде истории. В этом смысле государство имеет сверхвременную и сверхэмпирическую природу.

Вы хотите растворить государство в обществе, отождествить его с обществом и этим рационализировать его без остатка. Но поистине государство не может быть целиком сведено к обществу и выведено из общества, в нем всегда есть иррациональный остаток, привнесенный не из общества и несводимый на взаимодействие или противодействие общественных сил. С этим остатком, несводимым на общество, и связан *specificum*¹ государства. Этот *specificum* не связан ни с какой формой государства, он присутствует во всякой форме, если государство не упразднено и не уничтожено, он переживает революции и революционные учения о государстве. Ваши общественные учения о государстве всегда приходят к ложной конструкции власти. Эти учения видят во власти не обязанность и тяготу, а право и притязание. Они толкают по пути свирепой борьбы за власть. Этим они подрывают нравственную опору у власти и отрицают за ней нравственный смысл. При такой конструкции власти она должна быть равнодействующей интересов и обслуживающей интересы. И ищут путей для отстаивания интересов, для обеспечения за интересами надлежащей власти. На путях этих происходит атомизация государства и теряется всякая онтологическая его основа. Государство не может быть также выведено из взаимодействия личностей как единственных реальностей. Государство есть реальность *sui generis*², реальность иного порядка, чем личность. Реальность государства и реальность личности находятся во взаимодействии, они воздействуют друг на друга и нуждаются друг в друге, но могут и сталкиваться, и из столкновения их могут рождаться трагические конфликты. Государство может преступать пределы, предназначенные ему Богом, и попирает реальности другого порядка. Тогда начинается болезненный процесс в жизни государства и ему грозят большие потрясения. Но и личности, общественные группы и целые общества могут переступать свои пределы и посягать на реальность государства. Тогда тоже происходят болезненные процессы в жизни общества и государства. Нередко болезненные процессы этих порядков бывают связаны

друг с другом. В революционных движениях и революциях личности, общественные группы и государства выходят из своих пределов и нарушают иерархический строй и лад.

Власть государственная имеет религиозную первооснову и религиозный исток. Этой древней истины не удалось вам опровергнуть вашими рационалистическими теориями. Истина эта представляет собой положительный факт. Власть имеет онтологическую основу, и она восходит к первоисточнику всего, что имеет онтологическую реальность. Онтология власти исходит от Бога. Это поведал всему христианскому миру гений апостола Павла, когда он сказал, что «всякая власть от Бога» и что «начальствующий носит меч не напрасно». Не случайно враждуете против апостола Павла все вы, желающие христиански оправдать анархизм. Апостол Павел – самое большое преткновение на пути вашем. Это он не допустил превращения христианства в еврейскую революционно-апокалиптическую секту, это он ввел христианство во всемирную историю. Вы же, христиане-анархисты, христиане-сектанты, вновь хотите вывести христианство из всемирной истории. Вы хотели бы сорвать дело всемирной истории. Это – ложь, что христианство – анархично, что христианство отрицает государство. Сам Христос учил воздавать кесарево кесарю. Но он воспретил воздавать кесарю Божье. Христос признал самобытную сферу царства кесаря, он признал значение этой сферы для царства Божьего. Вы же, христиане-анархисты, хотите обеднить царство Божье, выбросить из него окончательно большую самобытную сферу, хотите своим максимализмом довести его до минимума по объему. Поистине, ваш максимализм есть минимализм, он не видит и не хочет знать многообразия и богатства бытия, в нем есть иудейская бедность. Христианский анархизм мыслит христианство как маленькую секту, противящуюся всемирно-историческим судьбам человечества. И потому христианско-анархическое сознание – безответственное сознание. Апостол Павел сделал христианское сознание ответственным.

Вы, желающие соединить христианство с анархизмом, вы, отвергающие государство во имя Христовой правды, вы заглушили в себе чувство первородного греха, вы забыли, что природа человека во зле лежит. Ваш розовый оптимизм непримирим с религией Голгофы. Государство противится греховному хаосу, мешает окончательному распадению греховного мира, подчиняя его закону. Вл. Соловьев хорошо сказал, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. Грешное человечество не может жить вне государства, вне онтологических основ власти. Оно должно быть подчинено закону, должно исполнить закон. Отмена закона государства для человечества, пораженного грехом, есть возвращение к звериному состоянию. Государство есть соединяющая, упорядочивающая и организующая онтологическая сила, преломленная во тьме и грехе. Принуждающая и насилующая природа государства сама по себе не есть зло, но она связана со злом, есть следствие зла и реакция на зло. Принуждение и насилие может быть добром, действующим в злой и темной стихии. Но это не значит, конечно, что всякое государственное принуждение и насилие хорошо, оно и само может быть злом и тьмой. В свете христианского сознания должны быть познаны аскетические основы государства. В природе государства есть суровость. Государственное сознание видит силу зла и слабость естественного добра в человеке. В нем нет слащавого оптимизма, в нем есть суровый пессимизм. В идее государства нет мечты о земном рае и земном блаженстве. Такая мечта всегда связывается с отрицанием государства. Государство менее притязательно, более элементарно и просто. В государственной идее есть аскетическая суровость. Мечтательное отрицание государства во имя утопии земного рая и блаженства есть разврат в жизни общественной, отсутствие аскетической самодисциплины и воздержанности. Ваша анархическая социальная мечтательность нравственно столь же предосудительна, как и сексуальная мечтательность, вечно представляющая себе

любовные объятия. Будьте суровее и трезвее. Это и эстетически более привлекательно. Безбрежная социальная мечтательность антиэстетична. В ней есть антиэстетическая распушенность. Железная необходимость тяжело ударяет по этой мечтательности и обращает к действительности. И в этой необходимости есть воспитывающее начало, есть ограничение субъективного произвола. Здоровый религиозный пессимизм должен признавать суровость государства, правду закона для злой и звериной человеческой природы, природы ветхого Адама. В государстве есть правда сдержанности и самоограничения, есть своя красота аристократической холодности и оформленности. Безгосударственные утопии и мечты не знают формы, границы, расстояния, в них всегда чувствуется недостаток духовного аристократизма.

Все вы, исповедующие демократическую метафизику, восстаете против иерархической природы власти. Но поистине власть не может не быть иерархична, и низвержение всякого иерархизма есть низвержение всякой власти, т. е. возвращение к изначальному хаосу. Доныне и во всех демократиях сохранялось иерархическое начало. Последовательной демократии, низвергающей всякий иерархизм, никогда не было и быть не может. Такая последовательная демократия и есть анархия. Она возможна лишь как кратковременное переходное состояние, после которого вновь образуется власть через дифференциацию и неравенство, через восстановление иерархического начала, хотя бы и в совершенно новых формах. После французской революции и после всех революций, следовавших за французской, Европа осталась иерархической. Европа пытается сочетать иерархическое начало с демократическим. Процесс этот протекает в непрерывной борьбе, он означает в высшей степени неорганическое состояние всех европейских государств и народов. Но цивилизованные народы не могут допустить низвержения своего существования в анархический хаос и потому держатся за вечно обновляющееся и возрождающее иерархическое начало. Всякое государство

основано на неравенствах, на дифференциациях в строении общества, на различиях и расчленениях в народной стихии, в массе. История советской социалистической республики блестяще это доказывает. Нет государства и нет власти, пока существуют нерасчлененные, хаотически смешанные стихии и массы. В этих стихиях и массах все тонет и исчезает, ничто не направляется и не осуществляются никакие цели. Направляющая и осуществляющая цели власть родилась лишь в тот день, когда возникло неравенство, произошло расчленение и дифференциация, выделились качественные элементы. Власть государственная родилась в насилиях, но насилия эти были благодетны, и они поставили цели мирового движения в тьме, неспособной ни к каким различиям. Первый насильник, образовавший власть в хаосе, установивший различия, поставивший цели, был благодетелем человечества, и на нем почил Божье помазание. Вы же ведете процесс против этого первого насильника и против его рода, вы в нем видите источник зла, от которого хотите освободить мир. В этом ваша ошибка. Происхождение власти – монархическое, а не демократическое, она возникла из почитания героя. Вы ложно мыслите о природе человека и природе мира, вы, ни во что высшее не верующие, позитивисты, материалисты и рационалисты, вы впадаете в слащавый оптимизм и прекраснородушную идеализацию, когда заходит речь о первобытной природе человека и человеческом обществе. Вы не видите зла, не видите его в изначальной глубине человеческой природы, вы забываете о той хаотической звериности, о которой учит и признаваемая вами положительная наука, и потому зло относите к возникновению государства, социальных дифференциаций или неравенств, в которых образовывались все культуры. Один из ваших учителей, Ж. Ж. Руссо, выдумал нелепую теорию общественного договора. В основе этой теории лежало прекраснородушно-оптимистическое представление о безгрешности и доброте естественного человека – предположение, прямо противоположное всему, чему учит и религия, и наука. В теории этой были разложены все органические

единства, общество человеческое было атомизировано и воссоздание общества и государства поставлено в зависимость от механической суммы атомов. Не только общество и государство в этой теории потеряли органическую целость, но и человек перестал быть органической индивидуальностью, всегда неповторимой в своем своеобразии и своей судьбе, превратился в атом. Так сначала государство ставится в зависимость от человеческого произвола, а потом человек ставится в зависимость от произвола государства. В этом есть истребляющее противоречие. То отождествление государства с обществом, которое утверждается теорией общественного договора и народного суверенитета, ведет к совершенному деспотизму. Поистине, государство менее деспотично, чем общество, возмнившее себя государством. Отрицаются религиозные истоки государства, независимые от человеческой воли и человеческого произвола, но именно потому и утверждается безграничная власть государства-общества над человеком. Учение Руссо есть самоистребление человека, самая горькая из неволей – неволя человека у человек, а не у начал высших, чем человеческие. Государство, как объективное начало, не утверждает, что ему целиком принадлежит человек, оно претендует лишь на часть человека. Общество же человеческое, произвольно создаваемое людьми, не знает границ своим притязаниям, оно готово забрать человека целиком. Государство спасает человека от коллективизма, поглощающего личность. В этом одна из миссий государства. Человек ограничивается стоящими над ним объективными началами и этим охраняется. Теория общественного договора не только религиозно и научно несостоятельна, но и ужасна по своим тираническим последствиям. Другой учитель ваш, К. Маркс, признавал объективную необходимость, он любил ссылаться на железную закономерность. Но не в этом был его пафос. Пафос объективности, природной необходимости и закономерности не пленил бы вас. Вы потому за ним и пошли, что он провозгласил беспредельный классовый субъективизм, что он обоготворил волю пролетариата. Объективную, обра-

щенную к закономерности и необходимости сторону в учении Маркса вы никогда не могли принять до конца и быстро забыли о ней. Но вас пленяло учение о том, что государство есть организация классового господства. В этой поверхностной и жалкой теории вам понравился субъективный человеческий произвол, с которым можно низвергать одно классовое господство и заменять его другим. Для этого сознания общества и государства слагаются не из абстрактных атомов, а из абстрактных классов. Но и в том и в другом случае пафос ваш есть пафос вражды ко всему онтологическому в жизни общества, ко всему, проистекающему из большей глубины.

В общественной философии, в учениях о государстве здоровым противоядием против революционного произвола, против субъективного разложения всех объективных реальностей может быть и социологический натурализм. В социологическом натурализме есть ограниченность, он не видит последних, онтологических, духовных основ в жизни обществ и государств. Но в нем есть какая-то частичная правда против неправды социологического субъективизма, царящего во всех революционных идеологиях. Не случайно великий «реакционер» Ж. де Местр может быть признан одним из вдохновителей натуралистической социологии XIX века. Он дал религиозное обоснование тому учению об обществе, которое было в высшей степени благоприятно для утверждения объективной, природной закономерности общественных процессов и которое получило научное обоснование. Пафос объективной закономерности и необходимости может дезинфицировать разгоряченную революционную атмосферу, он склоняется перед непреложными и непреодолимыми реальностями. И более всего необходим он в отношении к государству. Государство есть объективная природная и историческая реальность, которая не может быть ни создаваема, ни разрушаема по человеческому произволу. И те, которые не хотят и не могут принять этой реальности религиозно, должны принять ее натуралистически, в силу принуждения научной закономерности. Объективная необходимость, железная

закономерность тяжело ударяют по тем, которые добровольно и осмысленно не принимают исторических реальностей. Бунт карается законом необходимости. И если все революции кончались контрреволюциями, иногда очень жестокими и безобразными, то это были необходимые реакции исторических реальностей, реакции самой природы в ее глубине, не соглашающейся быть изнасилованной, а не только злой воли людей и людских групп. Такова онтологически существенная сторона «реакций», совершенно недоступная вашему «просвещенному» сознанию, а не поверхностная их сторона, в которой всегда бывало много человечески дурного.

Нельзя отрицать значения борьбы рас и завоеваний в образовании государства. Через эти «натуралистические» пути организовалась государственная власть в первоначальных стадиях развития обществ. В суровой борьбе и войне образовалась раса правителей, происходил подбор лучших, укреплялась аристократия власти. В жизни человеческих обществ, в историческом процессе раса имеет огромное значение. Без образования расы лучших и сильнейших, расы царственной, мир человеческий никогда не вышел бы из темного нерасчлененного хаоса. В истоках истории дифференциация и качественные подборы происходили путем воинственной борьбы рас и народов, путем завоеваний и побед более сильных над более слабыми. И эти «натуралистические» способы образования и организации государств нисколько не противоречат религиозным и мистическим основам государства. В социологическом натурализме Л. Гумпловича есть несомненная доля истины, и он вполне может быть отделен от позитивизма Л. Гумпловича. Государства основывались на расовых неравенствах, на преобладании расы сильнейших и лучших. И в первоначальной истории человеческой в преобладании естественной силы есть своя правда. Если мы справедливо восстанем против преобладания силы над правом, то этим не выражена еще последняя истина. Это идеалистическое суждение должно быть возведено к каким-то реалистическим основам и источникам. Гуманистические декламации об отношении

силы и права не решают проблемы. На большей глубине сила должна быть признана источником права, но сила, имеющая онтологическую основу. Натуральная же сила на известных ступенях развития человечества может быть выражением онтологической силы, т. е. через нее может осуществляться какая-то правда. Без силы, возникающей из недр природы, не могла бы начаться и торжествовать правда в мире. Через силу, силу природы и породы, должен быть введен свет в тьму. И не могло быть гуманитарного отношения к этой тьме, не могло быть построено отношение к ней на праве бессильном. Волны первоначального хаоса, тьмы и дикости захлеснули бы человеческую цивилизацию, если бы в побеждающей силе не было подбора более высоких качеств и более светоносных начал. Все государства родились в кровавых насилиях. Первый властитель был величайшим насильником. Но так жалки все ваши декламации против этих насилий, все ваши бунты против этих царственных насильников. Поистине, ветхозаветно благостны и праведны были эти насилия, и никогда без них не поднялись бы мы из тьмы и хаоса до человеческого космического состояния. Без этих священных насилий род человеческий утонул бы в зверином хаосе у самых истоков своей истории. Вы должны подчиниться божественному миропорядку, принять внутреннюю правду водительствующих в истории сил, или вы будете раздавлены природными силами, которые для бунтующих принимают форму внешней закономерности и необходимости.

Самые рассудительные из вас готовы признать значение государства. Но слишком утилитарно признаете вы государство и потому хотели бы ограничить его каким-нибудь служебным минимумом. Но государство не есть способ устройства ватерклозетов. Государство есть некая ценность, и оно преследует какие-то большие цели в исторической судьбе народов и человечества. Не только с малым, но и с большим связано государство. По природе своей государство стремится к усилению и расширению. Сила государства есть ценность. Сила

государства имеет не утилитарную цель, не для мещанского благополучия людей она существует, а для выполнения более высокой миссии. Государство не может потерпеть, чтобы у него были подрезаны крылья, – оно устремлено в историческую даль. Неотвратный рок влечет всякое большое государство к стяжанию себе могущества, к увеличению своего значения в истории. Большое государство не может добровольно согласиться на ограниченное мещанское существование и никогда в истории не соглашалось на это. Империализм есть рок всякого большого государства, его мечта о величии и мировой шири. Империализм есть не только реальная политика больших государств, претендующих на мировую историческую роль, но и их романтика. Империализм есть завершение и цветение всякого большого государства, его предел. В империалистической мечте есть что-то демоническое и пожирающее. Большие государства великих исторических народов подчинены неотвратимой империалистической диалектике, через которую они достигают могущества и погибают, возносятся на вершину и ниспадают. В империализме на вершине его достижений нарушаются границы государства, государство переступает свои пределы и переходит во всемирное единство, которое уже не может быть названо единым государством, отличным от всех других государств. Империя всегда стремится быть всемирной империей. И по идее только и может быть одна, единая мировая империя. Империя с трудом терпит существование рядом с собой других империй. Такова чистая идея империи, это – идея всемирного объединения. Эмпирически же в истории идея эта не реализуется в чистом виде, она подвергается замутнению и дроблению. Империалистическая идея противоположна всякому мещанству в государственном существовании, всякой ограниченности, сдавленности и прикованности к небольшому куску земли. Вы, подымающие уличные крики против империализма и изобличающие его «буржуазность», вы – настоящие мещане и во имя мещанских идеалов бунтуете против великих и непонятных вам исторических задач. Вы хотите, чтобы

государство и общество жили исключительно понятными, рассудочно осмысленными целями, малыми, близкими, ограниченными, вы бунтуете против всякой исторической дали, таинственной и иррациональной, для большинства людей непостижимой. Ибо непостижимо для большинства людей, почему Александру Македонскому с огромными жертвами нужно было образовать великую монархию и объединить Восток и Запад, почему нужна была Римская империя, почему лучшие люди средневековья жили мыслью о всемирной монархии, о священной империи, почему Наполеон предпринял свои безумные походы в погубившую его даль, почему в наши дни разгорелась страшная мировая война и столкнулись империалистические воли к преобладанию. Все это – безумие, бессмыслица и преступление перед судом рассудочного мещанского сознания, знающего лишь благо людей и людских поколений. От неведения, от страха перед всем далеким и таинственным ведете вы ваши мещанские бунты против великих исторических сил и великих исторических задач. Вы схватились за «буржуазность» современного империализма, но вы забыли, что стиль современного империализма «буржуазен» потому, что все в современной жизни имеет «буржуазный» стиль, на всем лежит печать современного экономического. Как будто бы менее «буржуазен» ваш социализм, как будто бы менее «буржуазны» все ваши революции? Не «буржуазен» разве стиль вашей души, не «буржуазны» разве все ваши цели? Вы забыли в суете наших дней о древних истоках империализма, забыли о существовании империализма «священного», столь непохожего по стилю своему на современный торгово-промышленный империализм.

Империализм стар, как мир, он возник не в нашу буржуазно-капиталистическую эпоху. Империализм – одно из вековых мировых начал. В Древнем Египте, Ассирии, Вавилоне, Персии была уже империалистическая воля к образованию всемирной империи, к выходу за пределы мещанского государства. В образовании великих восточных монархий, всегда стремившихся к всемирному объединению, действова-

ли, казалось бы, факторы самые натуральные и экономические. На древнем Востоке происходила естественная борьба монархий, естественная смена одной монархии другой, подбор сильнейших и гибель слабейших. Но в этой природной среде, через эти природные силы реализовались какие-то далекие, таинственные цели истории, свершался смысл истории. Древний империализм имел не только естественную, но и священную основу, и он был освящен религиозно. Величайшим достижением древнего империализма была всемирная монархия Александра Македонского. Религиозное освящение своей власти Александр Великий получил из Египта, от египетских жрецов. К всемирной монархии Александра вели все предшествующие великие империалистические образования и непосредственно империализм персидский. В ней совершилось небывалое еще столкновение, соприкосновение и объединение двух миров – Запада и Востока. Оба мира вышли из своего замкнутого состояния, и образовалась небывалая еще ширь и даль горизонта. Вся эллинистическая эпоха была духовным объединением и обогащением человечества на почве империалистической борьбы, империалистических достижений. В истории обычно достигается и реализуется не то, что ставилось непосредственной целью. Всемирная монархия, к которой стремился Александр Великий, оказалась очень непрочной и кратковременной. Но результаты дела Александра Великого для мира и человечества оказались неисчислимыми и вечными по своему значению, – выковывалось единство человечества. Следующий империалистический этап – Римская империя – была величайшим достижением в истории империй, в ней достигнута была истинная всемирность. Но те римляне, которые создавали Римскую империю, и не подозревали, что они служат более далекой и таинственной цели, чем образование великого мирового государства, что они создают естественную основу в едином человечестве для Вселенской Церкви Христовой и что дело их останется и после того, как будет разрушено созданное ими великое государство. Так всегда бывает в истории. Ближайшие реальные цели служат

лишь временным средством для далеких и таинственных исторических целей. Империализм английский преследовал довольно эгоистические торгово-морские и промышленные цели. Но послужил он делу мирового объединения человечества, выходу европейской культуры за свои пределы в мировую ширь. И состязание современных «буржуазных» империалистических воль к мировому могуществу имело какой-то высший таинственный смысл. Но вам, мешчанам от демократии и социализма, сдавленным рассудочным сознанием, не дано понять этого смысла. Пора уже перестать прямолинейно морализировать над историей и переносить на историческую действительность критерии индивидуалистической морали. Морально одинаково были правы или одинаково не правы персы и греки, когда боролись за свою силу и свое преобладание, и морально одинаково правы или не правы германцы и англичане, когда они боролись за свою силу и преобладание. Борьба империалистических воль в истории не есть борьба добра и зла; это свободное состязание народов и государств, среди которых нет совершенно отверженных Богом и исключительно Им избранных. И не так уж не прав английский империалист Крэмб, когда он говорит: «Если страшному событию войны с Германией когда-либо суждено совершиться, то земля увидит столкновение, которое более чем что-либо напомнит описание великих греческих войн... И мы можем представить себе древнее могучее Божество тевтонского племени, обитающее под облаками, спокойно взирающее на землю, на столкновение своих любимых детей, англичан и германцев, ринувшихся в смертельную борьбу; Божество, улыбающееся героизму этой борьбы, героизму детей Одина, Бога войны». Бог Крэмба – языческий бог, но и христианский Бог предоставляет своим народам свободу в проявлении своей духовной и материальной мощи. Никакая побеждающая сила не может быть исключительно материальной, она всегда имеет и духовную основу, духовный источник. В историческом процессе необходим естественный подбор духовно-материальных сил. Торжество слабости вело бы к понижению уровня человечества.

Вы выбросили проблему империализма на поверхность. Ее необходимо рассматривать на большей глубине. Тогда лишь раскроется нам двойственная природа всякого большого, сильного и возрастающего государства: с одной стороны, государство хочет быть отдельным национальным государством в ряду других, имеющим пределы и индивидуальные формы, с другой стороны оно стремится преступить пределы особого государства и стать государством мировым. Национальное государство – мещанское государство, оно может быть более спокойным и довольным. Империалистическое государство находится во власти таинственного исторического рока, который сулит ему и величие и гибель, оно вступает в историческую трагедию, из которой нет уже выхода. Но великий народ притягивают дали и пленяет слава более, чем мещанское спокойствие и довольство. Нужно, впрочем, огорчиться, что в путях своей трагической исторической судьбы империализм создает и мещанское довольство, которым пользуется для своих целей. Но империализм есть лишь путь, судьба народов и государств. Он несет в себе семя смерти. На смену ему идет всемирный империалистический коммунизм. И самая идея принудительного всемирного единства и господства есть ложная и призрачная идея.

Существование государства в мире имеет положительный религиозный смысл и оправдание. Власть государства имеет божественный онтологический источник. Отрицание онтологического источника власти в наше время есть разрушение органических реальностей, нарушение космического строя. Но государство не обладает безгрешной и чистой природой, в нем может обнаружиться злое и даже дьявольское начало, оно может переродиться и служить цели, противоположной своему назначению. Всякое начало может обращаться в свою противоположность и падать. Государство имеет не только природный, но и божественный исток. Он есть действие божественного начала в замутненной природной среде, преломление абсолютного начала в относительном. Но недо-

пустимо обоготворение государства, недопустимо превращение его в абсолют, недопустимо воздаяние ему божеских почестей. Абсолютный империализм есть антихристова ложь. Государство не должно быть самодержавным, неограниченным, не подчиненным никаким высшим, сверхгосударственным началам. Эта высшая истина была еще закрыта для языческого сознания. Древний, дохристианский мир не знал границ государства. Он не был способен к различиям. Божественное тонуло для него в природном, и природная необходимость не ограничивалась божественной правдой. Государство было природной необходимостью, ограничивающей звериный хаос. Проблема же ограничения самого государства не могла еще стать перед сознанием древнего мира. Все народы древнего мира стремились создать могущественную власть, которая овладела бы хаотическими стихиями, которая вывела бы из звериного состояния. Эта власть была освящаема религиозным сознанием народов древнего мира. В великих монархиях Востока царской власти придавалось божественное значение и ей воздавались божеские почести. Древний Египет был колыбелью этого религиозного освящения царской власти. Там цари непосредственно происходили от богов. И в этом выделении царской расы из остальной расы человеческой была своя мудрость. Человеческая природа не была еще достаточно освобождена от стихийных сил низшей природы и поднята вверх, чтобы права ее могли быть противопоставлены государству и могли ограничить его власть. Через деспотии Востока человек медленно и трудно выходил из природно-хаотического, стихийно-звериного состояния. Государство не было ограниченной и очерченной сферой для людей древнего мира, оно было для них всем. И так ценили люди древнего мира защищающую от природных стихий силу государства, что даже в Греции, наиболее человеческой, гуманистической Греции не могли поставить границы государству. Этих границ не знал и сам божественный Платон.

Религиозное освящение и обоготворение царской власти на Востоке заключало в себе семя, из которого впоследствии в

Риме, в иной духовной атмосфере, в ином возрасте человечества, возник культ цезарей, признание цезаря человекобогом. И тогда произошло столкновение культа римских цезарей, воздававшего им божеские почести, со светом Христовым, просветившим мир. Когда первый христианин принял мученическую смерть, потому что не пожелал воздать божеские почести цезарю, он навеки религиозно ограничил притязания государственной власти, он противопоставил им бесконечную природу человеческого духа как духовный предел. На крови мучеников созиждилась церковь Христова и образовалось новое царство духовное, противоположное языческому царству кесаря и его безграничным притязаниям. Духовное самодержавие государства кончилось. Открылся новый духовный источник правды, от государства независимый. Лишь христианскому сознанию впервые открылись границы власти государства, лишь для него стало впервые возможно различие и разделение двух царств. От слов Христа «воздайте кесарево кесарю и Божье Богу» началась новая эра в истории государств в мире. «Царство кесарево» и «Царство Божие» различаются и вступают в очень сложные, полные драматизма соотношения. Драматическое взаимодействие и столкновение «царства кесаря» и «Царства Божьего» не прекратилось и донныне, оно будет существовать до конца времен и лишь вступает в новые фазисы. Христианское сознание отвергло всякое самодержавие государственной власти, будь то самодержавие кесаря или самодержавие народа. Оно поставило предел всякой человеческой власти, власти одного, многих или всех. Эта христианская истина возвышается над всеми формами государственной власти и не означает еще предпочтения той или иной формы. В христианском мире царство кесаря ограничено Церковью Христовой и бесконечной природой человеческого духа, раскрывшейся лишь через Христа. Источник ограничения власти государственной – чисто религиозный, духовный. В первооснове своей это не есть ограничение государства обществом и общественными группами, требующими тех или иных конституционных гарантий, это есть прежде

всего ограничение государства Церковью и душой человеческой. В христианском откровении заключалась совсем особая «декларация прав» человеческой души, усыновленной через Христа Богу. В христианском мире государство не может уже претендовать на человека целиком, власть его не распространяется на глубину человека, на его духовную жизнь. Глубина человека принадлежит Церкви, а не государству. Государство имеет дело лишь с оболочкой человека, оно регулирует лишь внешние отношения людей. И в мире христианском государство слишком часто переступает свои пределы, вторгается не в свою область, насилует душу человеческую. Но это уже грех государства, уклонение его от правого пути. Духовно государству положены пределы на веки веков и признаны права человеческой души. Это верно и по отношению к самодержавным монархиям, которые не ограничены обществом и общественными группами, но ограничены Церковью и правами человеческой души. Поскольку же самодержавие переступило пределы национально-исторической формы монархии, религиозно священной, но не обоготворенной, и склонялось к обоготворению кесаря, оно изменяло Христовой правде и вступало на путь культа человекобога. Этот уклон всегда сильнее был на Востоке, в Византии и России, чем на Западе. На Западе, в католичестве, с особой силой был признан и установлен предел власти государства, царства кесаря. Культ кесаря из Рима вернулся на свою родину, на Восток. На Западе сильнее были почувствованы права человека. И вы все, отступившие от христианства, забывшие свою духовную родину, вы требуете освобождения человека и ограничения власти государства над ним, не ведая, откуда идет это освобождение и ограничение. Вы утратили религиозное знание отцов ваших и беспомощно, искаженно, в секуляризованном виде выражаете старую христианскую истину. Всякое ограничение притязаний государства и всякое утверждение прав человека имеет своим источником христианскую Церковь и христианское откровение о богосыновстве человека. Это забыли люди нашего времени. И потому, когда они в революциях хотели освобо-

дить человека и утвердить его право, они создавали новую и более страшную тиранию – самодержавие общества и народа. Они расковывали старый хаос, и тогда старая правда государства вступала в свои права.

Но утверждение мистичности государства, религиозного характера власти не означает непременно теократической концепции государства и власти. Теократия есть прежде всего начало древнееврейское. Христианская теократия, западная – папистская и восточная – цезаристская, означала преобладание ветхозаветных начал внутри христианства. Большая правда была не в папской теократической идее и не в царской теократической идее, а в дуалистической концепции Данте, который был не только выразителем духа средневековья, но и провозвестником новых времен. Священный смысл империализма не означает непременно теократической его концепции. В империализме есть напряжение человеческой воли, воли народов, и в этом историческом напряжении человеку и народу предоставлена значительная свобода. Задача создания великой империи не может быть простым выполнением религиозного закона, религиозной заповеди, как хотело бы теократическое обоснование империалистической идеи. Империалистическая воля всегда переходит за пределы закона. Героями империалистической идеи были Александр Великий, Юлий Цезарь, Петр Великий, Наполеон, Бисмарк – люди демонической воли. Теократический империализм – слишком гладкая концепция, стирающая глубочайшие и трагические противоречия человеческой души. Антиномия «царства кесаря» и «Царства Божьего» никогда не может быть замирена и преодолена в пределах земной эмпирической жизни. Государство и Церковь не могут быть ни окончательно соединены, ни окончательно разделены, – они находятся в антиномическом взаимодействии, они и помогают друг другу, и противятся друг другу. Христианство оправдывает и освящает государство, но в строгом смысле слова «христианское государство» невозможно. В природе государства всегда будут если не антихристианские, то во всяком случае внехристианские, языческие элементы. Госу-

дарство не может быть до конца христиански благочестивым. Государство не есть откровение христианской любви и благодати, братства людей в Духе. Государство – явление порядка природного, а не благодатного. И во всех построениях христианского государства чувствуется фальшь и ложь. Царство Божие есть благодатное, сверхприродное царство, и в нем нет уже принудительного государства. Но ошибочно было бы видеть в государстве необходимый минимум, необходимое зло, наименьшее зло для греховного человечества, которое отменяется, когда человечество подымается на более высокую ступень. Так думают многие из вас, сочувствующих христианскому анархизму. Нет, вам не удастся загнать государство в темный угол. Государство имеет положительные задачи, оно стремится к максимуму.

Империалистическая идея вечно волнует государство. «Царство кесаря» есть самобытная сфера, необходимая для богатства и мощи Божьего мира, в нем осуществляются какие-то творческие задачи, неосуществимые другими путями. Царство кесаря – огромная ступень иерархии бытия. Оно становится царством зла лишь тогда, когда требует себе божеских почестей, когда его обоготворяют, когда им подменяют Царство Божие, когда оно посягает на глубину человеческого духа, на бесконечную его природу. Вот почему так важно различение и разграничение двух царств, которое навеки пред-указано Христом. Государство имеет религиозную основу, и разложение этой религиозной основы подвергает его опасности разложения. Имманентная основа государства – духовная, а не материальная. Но в секуляризации государства есть своя относительная правда. Государство выходит из старых, трансцендентных религиозных санкций. Оно проходит через расщепление органического своего склада. Но поскольку оно теряет свою внутреннюю духовную религиозную основу, оно подвергается процессам разложения и испытывает великие потрясения. Мы должны прямо и бесстрашно признать, что бытие государства в мире перед судом религиозного христианского сознания антиномично и что антиномизм этот

не может быть преодолен никакими гладкими христианско-теократическими и христианско-анархическими построениями. Бог хотел государства для выполнения своих предначертаний. И вам не переделать и не исправить воли Божьей. Нам остается лишь изжить до конца религиозные противоречия государства. Для всякого христианина его отношение к государству порождает трагические конфликты. Их нельзя избежать, их нужно до конца принять. Та христианская истина, что душа человеческая стоит дороже, чем все царства мира, не есть отрицание и уничтожение государства. Не правы все вы, враги государства, хотящие использовать христианскую истину для своих целей. Вы любите иногда пользоваться христианством для утилитарных целей. И в этих случаях в ваше обладание не поступает и крупинцы христианской правды, она целиком от вас ускользает. У вас остается лишь шелуха, лишь внешние формулы и слова, потерявшие свой смысл. Как злоупотребляют Евангелием те, которые в него не верят. В этом есть что-то внутренне безобразное. Это безобразие достигает чудовищных размеров у Толстого. Вы бы очень хотели переделать христианство на гуманистический лад. Но это не удастся вам. Все ваши «христианские» возражения против государства – в сущности гуманистические возражения. Весь анархизм ваш, для обоснования которого вы привлекаете и христианские аргументы, основан на позитивистическом гуманизме, христианство же для вас есть лишь шелуха.

Очень сложно отношение государства и гуманизма. В государстве действует не только божественное начало, от которого оно произошло и которым освящено, но и начало гуманистическое, чисто человеческое начало. Это гуманистическое начало всегда действовало в царской власти. Оно было в Александре Великом, и оно достигло крайнего выражения в Наполеоне. Чисто человеческая активность была и в русской царской власти и бюрократии, быть может единственная историческая активность в России. В основе государств и империй лежит аристократический гуманизм. Но есть другой, расслабляющий демократический гуманизм, который ведет к разло-

жению и крушению государств и империй, который враждебен всякой исторической силе и всякому историческому величию. Он не хочет допустить жертв человеческими личностями и человеческими жизнями, так как не может оправдать этих жертв в пределах эмпирической земной жизни, а иной жизни не признает. Ваш демократический и антирелигиозный гуманизм исполнен размягчающего и сентиментального отвержения суровости, жестокости и холодности государства, потому что вы не верите в смысл жизни, превышающий эмпирический отрывок человеческой жизни. Демократический гуманизм возникает как кара за ложные пути аристократического гуманизма. Вы по всему построению своего духа не можете признать, что с государством связана ценность, переходящая в вечность. Ваш гуманизм допускает государство лишь как утилитарное средство для блага и удовлетворения земной жизни людей. Вы превращаете государство в организацию интересов и хотели бы свести его к коммерческому хозяйственному учреждению, превратить его в торгово-промышленную контору. И вы разлагаете государство как самостоятельную реальность и ценность. Государство не может быть оправдано интересами. Оно ограничивает интересы всякого живущего поколения и подчиняет их великому прошлому и великому будущему. В нем действуют не только ныне живущие, но также умершие предки и не родившиеся еще потомки. Все ваши либеральные, демократические и социалистические учения о государстве идут мимо природы государства. Учения ваши не улавливают существа государства, но они выпускают энергии, разлагающие это существо. Судьба государства и диалектика его такова, что, когда в абсолютной монархии обнаруживается гуманистическое самоутверждение, изменяющее религиозной миссии власти, когда Людовик XIV говорит: «L'état c'est moi», – революционный народ отвечает другим гуманистическим самоутверждением, и демократия говорит: «L'état c'est moi».

Все утопии совершенного, божественного государства на земле основаны на смешении разных планов, смешении этого мира – с миром иным; все они являются негодными

попытками вместить четвертое измерение в трехмерное пространство. На этом же основаны и все утопии, отрицающие государство, утопии безгосударственного совершенного состояния на земле. Государство есть трудный и жертвенный путь человеческий в трехмерном, а не четырехмерном пространстве, в природном мире, лежащем во зле. Государство не может быть основано лишь на любви. Царство любви есть царство благодати, Царство Божие, а не царство кесаря. На любви основана Церковь, а не государство. Царство это есть иное измерение бытия, чем государство. Эти два царства существуют, соприкасаются, приходят во взаимодействие, но никогда не сливаются, не отождествляются и не исключают друг друга, не вытесняют друг друга. Все попытки навязать государству христианскую любовь как единственную основу ведут к тирании. Христианская любовь может быть лишь свободным цветом человеческой жизни и человеческого общения, а не принудительной их основой. Право потому и имеет такое огромное значение в человеческом общении, что оно является охраной и гарантией минимума человеческой свободы, что оно предохраняет человека от того, чтобы жизнь его целиком зависела от моральных свойств, от любви или ненависти другого человека. Свобода и независимость человека требуют того, чтобы в основу государства была положена не только любовь, но также принуждение и право. В этом есть высшая правда. Монизм в общественной жизни, исключительное преобладание лишь одного начала всегда ведет к тирании, к угашению многообразия и богатства жизни. Наибольшую свободу и многообразие дает совмещение множественных начал, взаимодействующих друг с другом, внутренне подчиненных духовному центру*. Все утопии страдают крайним социальным монизмом и потому ведут к тирании. И, быть может, самая страшная тирания та, которая пленена полным отрицанием государства во имя того или

* Французский оккультист Фабр д'Оливе построил остроумную социальную систему, основанную на совмещении трех начал – Божественного Провидения, необходимости и человеческой свободы. В этом есть много верного.

иною начала, классового или индивидуалистического, международного или народного. Наибольшая же свобода дается тогда, когда человек чувствует и сознает себе имманентным, а не трансцендентным государство, как и все сверхличное реальности и единства.

Письмо четвертое О нации

Люди вашего, враждебного мне, склада мало думали о нации и национальной проблеме. Вы готовы еще признать государство по утилитарным соображениям. Но вы не способны были проникнуть в интимную тайну национального бытия. Правда, вы признаете права угнетенных национальностей и для этих национальностей готовы стать самыми крайними националистами. Многие из вас выставляют на своем знамени право самоопределения национальностей. Но это и доказывает, что к тайне национального бытия вы можете подходить лишь внешне, что внутрь ее вам нет доступа. Вы готовы были признать национальное бытие и национальные права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать. И это потому, что вас интересовала проблема угнетения, но совершенно не интересовала проблема национальности. Вы провозгласили право свободного самоопределения национальностей, нисколько не интересуясь самими национальностями и даже не веря в существование такого рода реальностей. Вам нужно это «свободное самоопределение» как способ борьбы за ваши политические и социальные идеалы, за отвлеченное равенство и свободу, а отнюдь не за конкретное национальное бытие, не за национальный расцвет. Поистине, в национальном бытии есть недоступная для вас иррациональная тайна, скрытая глубоко в земле. Вы никогда туда не проникаете, вы всегда остаетесь на поверхности. Вы

очень чувствительны к еврейскому вопросу, вы боретесь за права евреев. Но чувствуете ли вы «еврея», чувствуете ли вы душу еврейского народа, проникали ли вы когда-либо в эти тайны, в эти таинственные судьбы еврейства, восходящие к древним истокам человечества? Нет, ваша борьба за евреев не хочет знать евреев, не признает существования «еврейского», она есть лишь интернациональная борьба за уравнение, борьба за человека абстрактного, за абстракцию человека. Вы не знаете конкретного человека в плоти и крови, в роде и племени, человека национального. Ваша борьба за освобождение угнетенных национальностей и за уравнение их есть интернациональная борьба, борьба геометрическая, борьба, отвлекающая и отрывающая национального человека от живого лика, от материнства и отечества. «Угнетатели» национальностей иногда больше их признают, чем «освободители». «Угнетают» живого национального человека в роде и племени, в плоти и крови, «освобождают» же отвлеченного геометрического человека. Я не хочу «угнетать» еврея и еврейское, но не хочу и «освободить» отвлеченно, как абстракцию, человека, теряющего все свое еврейство. Я глубоко чувствую еврея и еврейство, всю особенность и неповторимость еврейской судьбы, всю исключительность и непреодолимость ее. Это мое чувство переходит в сочувствие. Но я не верю в уравнительное и смесительное разрешение еврейского вопроса. Тайна всякого национального бытия заслуживает сочувствия. В нее нужно вникать даже тогда, когда речь идет о враждебной нам нации. Германский народ был нашим врагом, и мы должны были бороться против него. Но неповторимо своеобразное в германском, самое интимное в германском духе, подлинно индивидуальное в выражении германского лика всегда, и в момент борьбы, казалось мне заслуживающим сочувственного вникновения. В нашей интернационалистической борьбе за освобождение и уравнение национальностей не чувствуется восприятия национальных ликов, нет в ней любви к национальному образу. Прав был К. Леонтьев, когда он признал вашу национальную политику лишь ору-

дием всемирного разрушения и увидел в ней лишь торжество демократии и космополитизма. Ваш принцип «право самоопределения национальностей», столько опошленный в русской революции, есть антиисторическая абстракция, выдуманная теми, которые отрицают ту неповторимую реальность, которая именуется национальностью. Национальность не может быть вырвана из конкретной истории, и право ее не может быть рассматриваемо абстрактно. Каждая национальность в разные периоды своего существования имеет разные права. И все исторические национальности имеют разные права. Эти права не могут быть уравнены. Существует сложная иерархия национальностей. Бессмысленно и нелепо уравнивать права на самоопределение русской национальности и национальности армянской, грузинской или татарской. Бессмысленно и нелепо подходить с одной абстрактной меркой к правам национальности германской и национальности испанской в данный момент мировой истории. В жизни наций бывают периоды расцвета и периоды отцветания, периоды высшего напряжения их силы и периоды слабости. И права их на самоопределение в этих случаях различны. Вопрос о правах самоопределения национальностей не есть вопрос абстрактно-юридический, это прежде всего вопрос биологический, в конце концов мистико-биологический вопрос. Он опирается в иррациональную жизненную основу, которая не подлежит никакой юридической и моральной рационализации. Все исторические национальности имеют совершенно разные, неравные права, и они не могут предъявлять одинаковых притязаний. В историческом неравенстве национальностей, неравенстве их реального веса, в историческом преобладании то одних, то других национальностей есть своя большая правда, есть исполнение нравственного закона исторической действительности, столь непохожего на закон действительности индивидуальной.

Нация есть категория *историческая* по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая.

Она есть порождение совершенно своеобразной исторической действительности, и тайна ее недоступна тем, которые совершенно лишены чувства исторической действительности, которые пребывают целиком в абстрактных социологических категориях. Вы, люди абстрактного социологического миросозерцания, не можете понять тайны национального бытия, потому что вы вообще разлагаете нацию на абстрактные социологические элементы. После анализа вашего от нации ничего не остается. Поистине, нация не поддается никаким рациональным определениям. Никакие рационально уловимые признаки не исчерпывают ее бытия. Все дальше и дальше, в таинственную, иррациональную глубину уходит бытие нации по мере приложения к ней рациональных психологических или социологических определений. Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы. Сознание этого единства и есть национальное сознание. Но единство исторической судьбы и есть иррациональная тайна. В этой точке национальное сознание погружено в глубину жизни, в недра исторической реальности, единой и неповторимой. Еврейский народ глубоко чувствует это таинственное единство исторической судьбы, хотя он потерял почти все признаки национального бытия, и язык, и территорию, и государство, отступал и от старой веры своей. Сознать это таинственное единство исторической судьбы могут элементы смешанной крови, происходящие от сложных расовых слияний. В биологических основах исторической национальности не бывает чистой крови, чистых рас. Образование исторической национальности есть уже результат сложного взаимодействия и смешения рас. Раса сама по себе есть фактор природно-биологический, зоологический, а не исторический. Но фактор этот не только действует в исторических образованиях, он играет определяющую и таинственную роль в этих образованиях. Поистине,

в расе есть таинственная глубина, есть своя метафизика и онтология. Из биологических истоков жизни человеческие расы входят в историческую действительность, в ней действуют они как более сложные исторические расы. В ней разное место принадлежит белой расе и расе желтой, арийской расе и расе семитической, славянской и германской расе. Между расой зоологической и национальностью исторической существует целый ряд посредствующих иерархических ступеней, которые находятся во взаимодействии. Национальность есть та сложная иерархическая ступень, в которой наиболее сосредоточена острота исторической судьбы. В ней природная действительность переходит в действительность историческую. Образование еврейской исторической национальности было уже результатом скрещивания рас и смешения крови, в ней элемент чисто семитический встретился с элементами несемитическими. Чемберлен видит причину отрицательных сторон еврейской национальности в том, что смешение это было преступным кровосмешением, соединением чистого семита-араба с сирийцем. Но как бы ни объяснялось расовое происхождение еврейства, единая и таинственная историческая судьба еврейского народа началась после того, как образовалась еврейская национальность. В судьбе этой кровь играет огромную роль. Но еврейская национальность представляет уже иную иерархическую ступень, чем, например, семитическая раса, в которой осуществляются разные исторические судьбы. Именно историческая судьба еврейского народа, совершенно необъяснимая рационально, дает нам исключительное чувство истории, исторической реальности. Образование исторических национальностей не есть переплетение явлений биологического характера с явлениями характера социологического, это есть образование исторической конкретности, исторической индивидуальности из природного расового хаоса. Образование исторической национальности есть борьба с изначальной хаотической тьмой, есть выделение лика, образа из безликой и безобразной природы. Это есть благодный процесс возникновения дифференциаций

и неравенств в исторической действительности, где все конкретно. Если одностороння и неверна исключительно антропологическая, расовая философия истории (Гобин, Чемберлен и др.), то все же в ней есть какая-то правда, которой совсем нет в отвлеченной, социологической философии истории, не ведающей тайны крови и все сводящей к рациональным социальным факторам. Исторические дифференциации и неравенства, путем которых образовался исторический космос, не могут быть стерты и уничтожены никакими социальными факторами. И голос крови, инстинкт расы не может быть истреблен в исторической судьбе национальностей. В крови заложены уже идеи рас и наций, энергия осуществления их призвания. Нации – исторические образования, но заложены они уже в глубине природы, в глубине бытия. В самых недрах жизни космической есть потенции национальных судеб, есть энергия, влекущая к осуществлению этих судеб. История внедрена в природу. Историческая действительность есть огромная иерархическая ступень космической жизни. В ней космическая энергия концентрируется и разрешает судьбы мира. Раса, как начало космическое, действует концентрированно в национальностях как в начале историческом. В исторической действительности происходит оформление космоса, величайшая борьба и одоление начал хаотических началами космическими. Историческая национальность есть вечное достижение космического бытия. Разрушение ее есть разрушение космоса, возврат к хаосу.

Нация не есть эмпирическое явление того или иного отрыва исторического времени. Нация есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса. Нация не есть живущее поколение, не есть и сумма всех поколений. Нация не есть слагаемое, она есть нечто изначальное, вечно живой субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения, не менее, чем поколения современные. Нация имеет онтологическое ядро. Национальное бытие побеждает время. Дух нации противится пожиранию прошлого настоящим и будущим. На-

ция всегда стремится к нетленности, к победе над смертью, она не может допустить исключительного торжества будущего над прошлым. Вот почему в национальном бытии и национальном сознании есть религиозная основа, религиозная глубина. Религия есть установление связи и родства, преодоление чуждого инобытия, и в родине прежде всего обретает человек эту связь. И всякая попытка оторвать национальность от этой религиозной глубины выбрасывает ее на поверхность и подвергает ее опасности распыления. Истинное национальное сознание есть глубинное сознание, оно утверждает не истребляющую и смертоносную силу исторического процесса, а охраняющую все жившее и воскрешающую его силу. Национальное сознание консервативно не потому, что оно враждебно творчеству, а потому, что оно охраняет подлинную жизнь, цельную жизнь от смертоносных истреблений грядущего; оно признает наших дедов и отцов, наших предков, столь же живыми, как и нас самих, как и грядущих потомков наших. Жизнь нации, национальная жизнь есть неразрывная связь с предками и почитание их заветов. В национальном всегда есть традиционное. И поскольку революционизм ваш разрывает связь времен, уничтожает память о прошлом, о предках, он глубоко антинационален. Интернационализм есть религия будущего, не знающего границ в своих притязаниях, а не религия вечно-го, несет он всему жившему весть о смерти и истреблении, а не о жизни и воскресении. Революционный интернационализм и есть последовательная религия смерти, отрицание нетленности. Эта религия не признает надгробных памятников. Она прямо противоположна тому великому воскрешающему духу, который побуждал древних строить свои могилы и надгробные памятники. Эта религия всепожирающего грядущего не хочет уже заботиться о связи с предками, о могилах предков, об их нетленности и об общей жизни с ними. Национальное сознание глубоко противоположно этому духу. И поверхностно и противоречиво то национальное сознание современных европейских народов, которое отрывается от религиозных своих корней. Современный национализм народов Европы ло-

жен в своих корнях. Но и через ущербное и недостаточно глубокое национальное чувство современные народы приобщаются к религиозной жизни, по-своему стремятся к нетленной жизни. В национальности жизнь противится смерти, которой интернационализм угрожает всем народам. Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории. Это – творческая сторона национализма, и ей интернационализм так же враждебен, как и сохраняющей и воскрешающей его стороне. Интернационализм хотел бы остановить рост силы народов, хотел бы сорвать их цвет. Он хотел бы направить жизненное движение народов в сторону, в пустые, промежуточные пространства, в страшные абстракции грядущего. Он хотел бы угасить волю наций к бытию, к историческому восхождению. Он морально пленяет аскетическим отречением от национального эгоизма. Но за этим отречением, толкающим на путь небытия, скрыто человеческое самоутверждение, эгоизм классовый и личный, жажда благополучия, отказ от жертв, которых требует историческая судьба, историческое движение народов ввысь. Революционный интернационализм истребляет прошлое наций и не хочет допустить их до собственного их будущего. Он повергает их в иное будущее, страшное своей пустотой, своей отвлеченностью. И в самом элементарном, инстинктивном национальном эгоизме есть больше жизненной правды, чем в вашем интернационализме.

Вы, интернационалисты всех оттенков, совершили самую отвратительную подмену: вы подменили бытие всечеловечества, единого конкретного человечества небытием, которому дали наименование интернационала. Вы безнадежно смешали вселенскость и интернационализм. И вы многих соблазнили, вы привлекли к себе сердца обличием добра. Смешение, подмена и обман начались раньше, до нарождения интернационала социалистического, в гуманистическом пацифизме, в либеральном космополитизме, в масонстве. Там уже конкретное всечеловечество подменено было абстрактным об-

щечеловечеством. В положительное, конкретное всеединство человечества входят все ступени бытия человека, вся полнота, в нем ничто не отменяется и не уничтожается, все достигает наибольшей силы и выражения. Но конкретного всеединства вы не знаете. Оно дано прежде всего во Вселенской Церкви, в нем единство человечества мыслится религиозно. Вам совершенно чужда та идея, что человечество есть конкретная реальность, как бы некая личность в космической иерархии. В вашем отрицательном абстрактном единстве человечества все иерархические ступени бытия человечества упраздняются, от них происходит отвлечение. В конкретном всеединстве не может быть противоположения между нацией и человечеством: во всеедином человечестве утверждаются все нации, в нем они достигают силы и цветения. В абстрактном единстве человечества бытие наций отменяется – человечества нет в нациях и через нации, и нации нет в человечестве и через человечество. Человечество есть отвлечение от всех ступеней конкретного индивидуального бытия. Во вселенскости нация и человечество – нераздельные и предполагающие друг друга члены единой космической иерархии. В интернационализме нация и человечество взаимно исключают друг друга и, в конце концов, нет ни нации, ни человечества, ибо нет никакой конкретной реальности, никакой конкретной индивидуальности, есть лишь отвлечение. Нет конкретного человека, а лишь абстрактный человек или класс, нет конкретного человечества, а лишь абстрактное человечество, отвлечение от всего органического, живого, индивидуального. Интернационализм противоположен не только национализму, но и вселенскости, и положительному всеединству; в нем действует дух небытия, истребляющий реальности во имя призраков.

Я не знаю ничего более отталкивающего и ложного, как попытки некоторых из вас дать интернационализму христианское обоснование и оправдание. Иные наивные и слабые христиане соблазняются этим. Но христианство может быть лишь враждебно интернационализму, оно враждебно духу небытия, духу, истребляющему конкретные реаль-

ности во имя абстракций. Христианство утверждает конкретное положительное всеединство, в которое входят все богатства бытия. Но оно не может и иметь ничего общего с тем абстрактным монизмом, в котором исчезает Бог и мир, тонет человек, нация и человечество. Для христианства прежде всего существует душа каждого человека, душа народа, душа человечества. Но оно не знает того, что не имеет души. А имеет ли душу ваш интернационал, ваше интернациональное человечество? Абстракция не может иметь души. Да и ваш интернационализм утверждает не единое человечество, а единый пролетариат. Вы создаете величайшую рознь в человечестве, какую только знает история мира. Вы отрицаете образ и подобие Божие в человеке и утверждаете в нем образ и подобие экономического положения. Для вас не существует человека и человечества, для вас существуют лишь экономические категории, лишь то, что материально есть у человека или чего у него материально нет. И кощунственно всякое сопоставление вашего интернационализма с христианством. Это вы, вы, интернационалисты, отрицаете, что человечество есть единый род Божий, вы самые страшные враги единства человечества. Вы окончательно разрываете в роде человеческом духовную связь будущего с прошлым и духовную связь избранного вами класса – пролетариата – с остальной отверженной частью человечества. И потому вы – убийцы человечества и человека. Христианство зовет к братству народов, как и к братству людей. Но братство народов предполагает существование людей, человеческих личностей. Истинная любовь всегда есть утверждение лика любимого, его неповторимой индивидуальности. И моя русская любовь к французу, англичанину или немцу не может быть любовью к отвлеченному человеку, человеку вообще, она может быть лишь любовью к французскому, английскому или немецкому человеку, к французскому, английскому или немецкому в нем, к индивидуальному образу. Вы же не знаете любви, не знаете братства. Для вас ничего не существует, кроме абстрактных экономических и социологиче-

ских категорий, вносящих великую рознь в человечество. Любовь к какой-нибудь национальности, братское к ней отношение предполагает утверждение вечного бытия этой национальности, не допускает исчезновения ее в абстрактном человечестве. И вам ли быть глашатаями братства народов? Интернационализм есть безобразная карикатура, изолгание вселенского христианского духа, лживое его подобие. Так и антихрист будет лживым подобием Христа, карикатурой.

На французском языке есть два слова для обозначения двух существенно различных понятий – *nation* и *peuple*. По-русски нет соответствующих хороших слов. Противоположение *нации* и *народа* звучит плохо, потому что противопоставляются иностранное слово и русское. Но по установившейся у нас терминологии приходится все-таки прибегнуть к этому противоположению. На слове «народ» лежит у нас роковая печать народнического сознания, от которого так трудно русским освободиться. Всем вам, русским народникам, сознательным или бессознательным народолюбцам и народопоклонникам, очень трудно принять национальное сознание, вы безнадежно смешиваете его с сознанием народническим. Ваш народ не есть нация. К народу применяете вы категорию количества и категорию социально-классовую. Но к нации категории эти неприменимы. Ваш народ есть прежде всего эмпирическое количество, огромная сумма Петров и Иванов. Ваш народ не есть великое органическое целое, объемлющее все классы и все поколения, он есть лишь масса простонародья, крестьян и рабочих, лишь физически трудящиеся классы. Слишком многие исключены из вашего народа, и интеллигенция, и дворянство, и бюрократия, и купечество, и промышленники. И вы требуете служения народу как чему-то внеплотному для всякого, не принадлежащего к физически трудящимся классам, как верховному началу жизни и идолу. Я лишен был права чувствовать себя народом, себя в народе и народ в себе. Народное не было моей глубиной. Народное было вне меня и надо мной. Я должен служить народу, должен видеть в нем критерии истины и правды,

должен склоняться перед народом и во имя народа отрешиться от величайших ценностей. На этой социально-классовой и количественной конструкции понятия народа основано было традиционно русское противоположение интеллигенции и народа. Народническое сознание разорвало органическую целостность национальной жизни и создавало непреодолимые противоположности. Интеллигенты-народники хотели преодолеть пропасть между интеллигенцией и народом, шли в народ, отреклись от всего во имя народа, но их народническое сознание лишь увековечивало пропасть между народом и интеллигенцией, ибо толкало на путь социально-классовой борьбы и противоположности. Эта пропасть исчезнет лишь на почве национального сознания, обращенного к большей глубине. Вы оставались на социальной поверхности жизни, вы никогда не доходили до того духовного национального единства, в котором исчезает противоположность между бариним и мужиком, между интеллигенцией и народом. Нации нельзя противопоставлять интеллигенцию или дворянство. Национальное есть моя собственная глубина и глубина всякого, более глубокий слой, чем социальные наши оболочки, в котором и обнаруживается русское, французское, английское, немецкое, связывающее настоящее с далеким прошлым, объединяющее дворянина и крестьянина, промышленника и рабочего.

Нация не есть тот или иной класс, не есть эмпирическое количество ныне живущих людей. Нация есть мистический организм, таинственную жизнь которого мы постигаем в собственной глубине, когда мы перестаем жить поверхностной жизнью, жизнью внешних интересов, когда мы освобождаемся от исключительной власти оболочек, разделяющих людей. Крестьянин может быть менее народом-нацией, чем дворянин или интеллигент, если жизнь его оторвана от глубины и выброшена на поверхность, в то время как жизнь дворянина или интеллигента может быть обретена на этой глубине и черпать творческую силу из глубоких источников. Так, все ваши революционные демократии, все ваши советы рабочих и крестьянских депутатов ничего общего не имеют с народом как наци-

ей, как мистическим организмом. В тысячу раз более народом был дворянин Пушкин или интеллигент Достоевский. Самого совершенного и высшего своего выражения нация достигает в гении. Гений всегда народен, национален, в нем всегда слышится голос из недр, из глубин национальной жизни. Дух нации всегда выражается через качественный подбор личностей, через избранные личности. Никакая рациональная демократия с ее механикой количеств не может быть выразительницей духа наций. И воля нации невыразима арифметически, в количествах, не есть воля большинства. В воле нации говорят не только живые, но и умершие, говорит великое прошлое и загадочное еще будущее. В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы. Но вашим революционно-демократическим шумом вы хотите заглушить голоса умерших поколений, хотите убить чувство прошлого. Вам закрыт подход к великому органическому целому, побеждающему истребляющую власть времени. И потому вы не можете знать воли нации, не можете выразить ее. Вы противопоставляете нации народ, который хотите превратить в революционную демократию. Но нация не есть демократия и невыразима в демократии. Более таинственны пути ее выражения. И то поколение, которое порвет всякую связь с национальным прошлым, никогда не выразит духа нации и воли нации. Ибо в духе нации и воле нации есть сила воскрешающая, а не смертоносная. Пора, пора уже обратиться нам не к «народу», а к нации, т. е. перейти от поверхности к глубине, от количества к качеству. Национальное начало в общественной жизни есть начало качественное, а не количественное. *Национальное* заложено в древних недрах природы, и эти потенциальные энергии национального бытия раскрываются в истории. Безмерно глубже заложено национальное, чем ваша демократия, чем ваш «народ», чем все ваши количества и массы сегодняшнего дня. Нация есть дух, Божий замысел, который эмпирический народ может осуществить или

загубить. Эмпирический народ должен быть подчинен нации, ее задачам в мире. В нации есть ноуменальное, онтологическое ядро, которого нет в том эмпирическом явлении, которое вы именуєте «народом». Не народниками, а русскими должны вы быть. *Россия* бесконечно ценнее, священнее должна быть для вас, чем народ, чем человеческое население того или иного времени, в той или иной своей части.

Государство не является определяющим признаком бытия нации. Но всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Это есть здоровый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжелая болезнь, калечащая душу нации. То, что еврейский народ в древности уже постоянно подпадал под чужеземное иго и терял свою государственную самостоятельность, а потом совсем лишился государства и жил скитальцем в мире, изломало и искалечило душу еврейского народа. У него накопилось недоброе чувство против всех народов, живущих в собственных государствах, он склонен к революционному отщепенству и к интернационализму, который есть лишь обратная сторона его болезненного национализма. Но и у еврейского народа не умерла окончательно воля к образованию собственного государства, и страстная мечта о нем воскресает в утопии сионизма. Отношение между бытием нации и бытием государства очень ложно. Всякая нация стремится образовать государство и укрепиться в нем. Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, национальное ядро, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным. Русское государство было русским государством, оно имело в своей основе русское ядро и осуществляло русскую идею в мире. Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни. Такое государство, как Австро-Венгрия, представляло исключение,

и существование его определялось не внутренней энергией, а стечением внешних исторических обстоятельств. Государства исключительно династические – болезненное явление исторической действительности. Династическое начало не может быть самодовлеющим. Оно должно быть подчинено началу национальному. Но государство по природе своей стремится выйти за рамки замкнутого национального государства. Чисто национальными остаются лишь государства малых наций. Большие нации, сознавшие свою миссию в мире, стремятся образовать империалистическое государство, которое выходит за пределы бытия национального. Воля больших наций направлена к империалистическому объединению, в котором и осуществляется национальное призвание. Есть диалектика национального бытия, которая разрушает границы национальностей и стремится перелить государство национальное в государство империалистическое. Великобританская империя есть конец Англии как национального государства, есть выход английской национальности в мировую ширь. И национальный вопрос совершенно разно стоит для наций малых и слабых и для наций больших и сильных. Для наций малых и слабых национальный вопрос есть вопрос освобождения и независимости, вопрос образования или сохранения национального государства. Для наций больших и сильных национальный вопрос есть вопрос мировой мощи и мировой миссии, вопрос образования и расширения империалистического государства. Национальные движения XIX века, которым сочувствуют демократы и революционеры, были борьбой за независимость наций малых и слабых и за объединение наций раздробленных. В этом осуществлялась историческая тенденция к индивидуализации, которая есть несомненная часть исторической правды. Но наряду с этим происходила борьба за большие империалистические единства, за великие исторические тела, в которой осуществлялась историческая тенденция к универсализации, которая есть другая часть исторической правды. Вы никогда не могли понять правды и смысла этой демонической воли великих наций, этой пожира-

ющей жажды осуществления своих мировых миссий. Для вас национальный вопрос был всегда исключительно мещанским вопросом. Вы всегда отрицали существование национального вопроса для русских, для самой России, русского национального вопроса. И вы утопили русский национальный вопрос в вопросе армянском, грузинском, польском, финляндском, еврейском и многих других. Ложная политика старой власти, не понимавшей, что империалистическая политика великого народа может быть лишь помогающей и дарящей для малых национальностей, нравственно благоприятствовала вам и помогала вашему делу разрушения. Национальное сознание на известных ступенях исторического могущества наций переходит в сознание империалистическое. Но национальное сознание переходит все пределы и достигает вершин в сознании мессианском. Мессианизм есть безумное сознание народа, оно по природе своей противоположно и национализму, и империализму. Национализм и империализм остаются в природном порядке. Мессианизм выходит из природного порядка, он мистичен. В мессианизме есть жертвенность, которой нет в национализме и империализме. Мессианское сознание требует уже от народа жертвенного мирового служения, служения спасению мира.

Всякое мессианское сознание имеет своим истоком мессианское сознание еврейского народа. Дух мессианства чужд был арийским народам. Он раскрывался лишь в еврействе, в еврейском напряженном ожидании Мессии, в еврейском сознании себя избранным народом Божиим. Еврейское сознание не было националистическим сознанием, и еще менее было оно сознанием империалистическим; оно было сознанием мессианским. Христос-Мессия явился в еврейском народе, но Он явился для всех народов мира, для всего мира. И после явления Христа невозможен уже в христианском мире еврейский мессианизм. Не может уже быть избранного народа Божьего, в котором явится Мессия. Но может быть исключительное по напряженности сознание народом своего религиозного и духовного призвания в мире. Это чув-

ство избрания и призвания в народе, подобное тому, которое чувствует отдельный человек, совершенно иррационально, и притязания его могут быть безумны. Выполнение мессианского призвания есть свободный подвиг духа, выводящий за пределы не только природы, но и истории. В пределах истории невыполнимо мессианское призвание. В мире христианском мессианское призвание всегда обращено к концу, оно всегда апокалиптично, дали его всегда сверхисторичны. Положительная историческая почва может быть подготовляема лишь в национализме и империализме. Мессианизм же есть блеск молнии, есть безумие во Христе. Мессианизм не поддается никакой рационализации. Мессианское сознание в христианстве легко уклоняется к древнееврейскому мессианизму. Этот уклон есть и в мессианизме польском, и в мессианизме русском. Те, которые считали русский народ народом-богоносцем, многое восприняли от древнееврейского духа. В мессианском огне может сгореть и бытие национальное, и бытие империалистическое. Польский мессианизм последовал за гибелью польского государства, русский мессианизм предшествовал гибели русского государства. Бытие всякой нации имеет религиозную основу. Мессианское же сознание есть религиозная его вершина. Моменты национальные и религиозные переплетаются и в некоторых точках таинственно скрепляются. Так, в основе русской национальности лежало Православие, им духовно крепок был наш народ. На вершинах же нашего сознания загорелся мессианский религиозный свет. Русскую идею невозможно отделить от религиозной идеи. Но это сплетение религиозных и национальных моментов и создавало очень сложное отношение между национальностью и Церковью в России. Церковь подверглась слишком большой национализации, и было ослаблено вселенское христианское сознание. Русский мессианизм из христианского делался древнееврейским. И нам необходимо прежде всего оздоровление религиозных основ нашего национального сознания. Русский мессианизм оторвался от своих религиозных основ и явился в новом обличи мессианизма революцион-

ного. И этот революционный мессианизм нанес страшные раны России. В самой национальной русской стихии обнаружилось начало самоистребления.

Если вы хотите прикоснуться к тайнам национального бытия, то задумайтесь глубже и серьезнее над еврейским вопросом. Если неистребимая, неповторимо оригинальная и таинственная сила еврейства в истории не дает вам чувства национальности, то вы безнадежны. Вы придумывали разные способы решения еврейского вопроса, чтобы угасить всю остроту этого вопроса. Вам никогда, никогда не справиться с «еврейством», оно сильнее всех ваших учений, всех ваших смещений и упрощений. Еврейство существует в мире для того, чтобы доказывать всем народам существование тайны национальной и тайны религиозной. Поистине слишком легко и поверхностно относятся к еврейству и филосемиты, и антисемиты. На большей глубине нужно брать этот вопрос. В вопросе этом чувствуется судьбина Божья в истории. Еврейство имеет свою миссию в мировой истории, и миссия эта переходит за границу национальных миссий. Оно говорит о существовании более широкого объема, чем существование национальное. В истории есть образования и объединения большего объема, чем образования и объединения национальные, есть духи рас и миссии рас. Есть мир латинский, который принес человечеству особый дух и особую культуру, есть мир германский, есть мир славянский. Есть смена в истории духовного господства этих рас и этих миссий. Но есть духовные общности еще большего объема – мир арийский, мир семитический, мир монгольский. Раса арийская, которую так трудно определить исследованиями антропологическими и этнографическими, имеет свою идею в мире, свою духовную миссию. Арийский мир через христианство принял в себя семитическую прививку и тем осололся. Но он не может допустить торжества семитического духа, он освобождает и само христианство от исключительного господства семитства. Невыносимое самомнение германцев в том и заключается, что они считают себя единственными чистыми арийцами, носи-

телями и выразителями чисто арийского духа. У германцев есть свое мессианское сознание, но это мессианизм не столько религиозный, сколько расовый и духовно-культурный. В германском мессианизме нет ничего апокалиптического. Если русских соблазняет, что единственная истинная Церковь есть русская Церковь, что истинный Христос есть русский Христос, то германцев соблазняет, что истинная культура есть германская культура. Но такой культурный мессианизм есть внутреннее противоречие, ибо мессианизм имеет религиозную, а не культурную природу. Культура может быть лишь национальной, а не мессианской. Мессианизм всегда жаждет выхода за пределы культуры. Германский культурный мессианизм есть столь же ложное притязание, как и русский революционный мессианизм.

Может быть два типа национализма, два типа понимания национализма. Национализм может быть идеализацией стихийных свойств народа, самодовольством народа. Он может быть в упоении от этих свойств и не допускать никакой критики и самокритики. Это – стихийный национализм, и в низших своих проявлениях он может быть зоологическим национализмом. Этот тип национализма может также переходить в отрицание национальной идеи и видеть в слабости национального чувства и национального сознания – национальную особенность. Русские интернационалисты нередко бывают националистами такого типа. Самоотрицание и самоистребление России готовы признать русской национальной особенностью. Русская революционная интеллигенция лишена была всякого национального чувства и национального сознания. Но в ней были характерно русские национальные свойства. Они истребляли Россию, но истребляли по-русски. Русский нигилизм был русским национальным явлением. Но он истреблял наше национальное бытие. К тому же типу стихийного национализма принадлежали и более правые славянофильские течения, утверждавшие национальную идею. Эти течения упивались национальными особенностями, независи-

мо от того, способствуют ли они или препятствуют разрешению национальных задач, увеличивают ли они нашу силу и нашу ценность в мире. Но существует другой тип национализма – национализм творческий. Для этого типа национального сознания национальное бытие есть творческое задание. Этот тип национального сознания не только допускает, но и требует самокритики, он призывает к самокритике и перевоспитанию во имя национального бытия. Второй тип национального сознания более высокий. Но он не может быть оторван от национальных основ и корней, от национальной онтологии. Он несет свет в темные недра национальной жизни. Целостное, органическое понимание национальной проблемы упирается в мистическую иррациональную основу. Механическое понимание национальной проблемы приводит к разным теориям федерализма, персональной автономии и т. п. К чему ведет ваше неорганическое отношение к национальной проблеме, ваши механические измышления, ваши рационалистические утопии в этой области, показывает судьба несчастной России. Отрицание органического национального бытия во имя отвлеченных мышлений, во имя отвлеченной справедливости, равенства, единства и т. п. есть всегда посягательство на убийство живого существа. И все вы, интернационалисты, уравниватели, упростили, смесители, вы все убийцы, у вас руки в крови. Вы убивали нашу родину, живое существо, носившее имя России. Вы были убийцами всегда и повсюду.

Письмо пятое **О консерватизме**

Я хочу говорить сейчас о консерватизме не как о политическом направлении и политической партии, а как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества. Вам неведома проблема консерватизма в ее духовной глубине. Для вас консерватизм есть исключительно лозунг

в политической борьбе. И этот смысл консерватизма существует, он создан и сторонниками его, и противниками. Консервативные политические партии могут быть очень низменны и могут исказить консервативное начало. Но это не должно затмевать той истины, что невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил. Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Революционизм поверхностен, оторван от онтологических основ, от ядра жизни. Эта печать поверхностности лежит на всех революционных идеологиях. Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины. Никогда не могли они держаться на революционной поверхности.

Без консервативной среды невозможно появление великих творческих индивидуальностей. Много ли вы насчитываете творческих гениев среди идеологов крайнего революционизма? Лучшие люди не были с вами. Все они черпали творческую энергию в глубине жизни. И если чужд им был консерватизм внешний и политический, то начало консерватизма глубинного и духовного всегда можно найти у них. Эта консервативная глубина есть у самых больших людей XIX века, она есть у Гете, у Шеллинга и Гегеля, у Шопенгауэра и Р. Вагнера, Карлейля и Рескина, у Ж. де Местра, у Вилье де Лиль Адана и Гюисманса, у Пушкина и Достоевского, у К. Леонтьева и Вл. Соловьева. Она есть у тех, которые жаждут новой, высшей жизни и не верят в революционные пути ее достижения.

Исключительное господство революционных начал истребляет прошлое, уничтожает не только тленное в нем, но и вечно ценное. Революционный дух хочет создать грядущую жизнь на кладбищах, забыв о могильных плитах, хочет устроиться на костях умерших отцов и дедов, не хочет и отрицает воскресение мертвых и умершей жизни. Революционный дух хочет отдать жизнь человеческую истребляющей власти вре-

мени. Он бросает все прошедшее в пожирающую пучину будущего. Этот дух обоготворяет будущее, т. е. поток времени, и не имеет опоры в вечности. Но поистине, прошедшее имеет не меньшие права, чем будущее. Прошедшее не менее онтологично, чем будущее, умершие поколения не менее онтологичны, чем поколения грядущие. В том, что было, не меньше от вечности, чем в том, что будет. И чувство вечности острее чувствуем мы в нашем обращении к прошлому. В чем притягивающая нас тайна красоты развалин? В победе вечности над временем. Ничто не дает так чувства нетленности, как развалины. Развалившиеся, поросшие мхом стены старых замков, дворцов и храмов представляются нам явлением иного мира, просвечивающим из вечности. В этом ином мире подлинно онтологическое сопротивляется разрушающему потоку времени. Разрушающим потоком времени сносится все слишком временное, все, устроенное для земного благополучия, и сохраняется нетленная красота вечности. В этом тайна красоты и обаяния памятников прошлого и памяти о прошлом, магия прошлого. Не только развалины дают нам это чувство победы вечности над временем, но и сохранившиеся старые храмы, старые дома, старые одежды, старые портреты, старые книги, старые мемуары. На всем этом лежит печать великой и прекрасной борьбы вечности с временем. Никакой современный, недавно построенный храм, хотя бы он представлял совершенную копию стиля древних храмов, не может дать того трепетного и томительного чувства, которое дает древний храм, ибо чувство это рождается в нас оттого, что время пробовало положить свою роковую печать и отступило. И воспринимается нами как нетленная красота, не истребление и разрушение времени, а борьба вечности против этого истребления и разрушения, сопротивление иного мира в процессе этого мира. Все новое, сегодняшнее, недавно созданное и построенное не знает еще этой великой борьбы нетленного с тленным, вечности мира иного с потоком времени этого мира, на нем нет еще этой печати приобщения к высшему бытию, и потому нет в нем еще такого образа красоты. Необходимо глубже вдумать-

ся в эту магию прошлого, в это таинственное его очарование. Эта притягивающая и странная магия есть и в старых усадьбах, и в старых парках, и в семейных воспоминаниях, и во всех материальных предметах, говорящих о старых человеческих отношениях, и в старых книгах, и в самых посредственных портретах предков, и во всех вещественных остатках древних культур. Ничто новое, сегодняшнее и завтрашнее, не может дать такого острого чувства, ибо не произошло еще в нем великой борьбы мира вечности с миром времени. Притягивающая красота прошлого не есть красота того, что было, что было когда-то сегодняшним и новым, это – красота того, что есть, что вечно пребывает после героической борьбы с истребляющей властью времени. Я хорошо знаю, что в прошлом не все было столь прекрасным, что много в нем было уродства и безобразия. Но тайна красоты прошлого объясняется совсем не тем, что мы идеализируем прошлое и представляем себе его не таким, каково оно было на самом деле. Красота прошлого совсем не есть красота того настоящего, которое было в действительности триста или пятьсот лет тому назад. Красота эта есть красота того настоящего, которое есть сейчас, после преобразования этого прошлого борьбой вечности со временем. Красота старого храма, как и красота семейных преданий, есть красота преобразованного храма и преобразованной семейной жизни. Образ красоты не есть уже образ того храма, который строился тысячу лет тому назад, и не есть образ той семейной жизни, которая двести лет тому назад протекала на земле со всеми грехами, пороками и уродством человеческим. Мы знаем большую красоту, чем наши предки. Вот на какой глубине нужно искать основ консерватизма. Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем, сопротивление нетленности тлению. В нем есть энергия не сохраняющая только, но и преобразующая. Об этом не думаете вы, когда судите о консерватизме по вашим критериям.

Ваше революционное отношение к прошлому есть полярная противоположность религии воскресения. Революци-

онный дух несовместим с религией Христа, потому что он хочет не воскресения, а смерти всего отошедшего и прошедшего, потому что он исключительно обращен к будущим поколениям и не думает об умерших предках, не хочет сохранить связи с их заветами. Религия революции есть религия смерти именно потому, что она исключительно поглощена современной и будущей земной жизнью. Религия Христа есть религия жизни именно потому, что она обращена не только к живым, но и к умершим, не только к жизни, но и к смерти. Кто отвращается от лика смерти и бежит от него ко вновь возникающей жизни, тот находится в истребляющей власти смерти, тот знает лишь ключья жизни. То, что революция хоронит своих покойников в красных гробах, религиозное отпевание заменяет революционными песнями, не ставит крестов на могилах, и значит, что она не хочет восстановления жизни, воскресения умерших, что всякий покойник для нее есть лишь орудие и средство, лишь повод для утверждения сегодняшней и завтрашней жизни. Религия революции покорно принимает тот злой закон природного порядка, в силу которого будущее пожирает прошедшее, миг последующий вытесняет миг предшествовавший; она поклоняется этой бедности и косности природной жизни, этой розни и смертоносной ненависти. Эта религия смерти не только охотно мирится со смертью прошедших поколений, отцов и дедов, но и хотела бы истребить самую память о них, не допускает продолжения их жизни в нашем воспоминании и почитании, в сохранении связи с их традициями и заветами. Вы, люди революционного сознания, отвергнувшие всякую правду консерватизма, не хотите прислушиваться к той глубине своей, в которой вы услышали бы не только свой голос и голос своего поколения, но и голос отошедших поколений, голос всего народа во всей его истории. Вы не хотите знать воли всего народа в истории его, вы хотите знать лишь свою волю. Вы неблагородно и низко пользуетесь тем, что наши отцы, деды и прадеды лежат в земле, в могилах и не могут подать своего голоса. Вы ничего не делаете для того, чтобы они встали из могил, вы пользуетесь их отсут-

ствием, чтобы устроить свои дела, чтобы использовать их наследство, не считаясь с их волей. В основе вашего революционного чувства жизни лежит глубокое неверие в бессмертие и нежелание бессмертия. На торжестве смерти зиждется царство ваше. Консерватизм, как вечное начало, требует, чтобы в решении судеб обществ, государств и культур был выслушан не только голос живых, но голос умерших, чтобы было признано реальное бытие не только за настоящим, но и за прошедшим, чтобы не порывалась связь с нашими покойниками. Учение Н. Ф. Федорова о воскрешении умерших предков есть прямая противоположность революционизма, есть религиозное обоснование правды консерватизма. Правда консерватизма не есть начало, задерживающее творчество будущего, она есть начало, воскрешающее прошлое в его нетленном. В учении Федорова о воскрешении есть много утопической фантастики. Но основной мотив его необычайно глубок. И по сравнению с радикализмом Федорова все кажется таким умеренным и поверхностным.

Революционное отрицание связи будущего с прошлым, связи поколений, по религиозному своему смыслу есть отрицание тайны предвечной связи Сына и Отца, тайны Христа как Сына Божьего. В революции утверждается сыновство без отчества, Сын Человеческий не имеет отца. Сыны революции – *parvenus*³. Революция по духовной своей природе есть разрыв отчей и сыновней ипостаси. Она разрушает тайны единства Св. Троицы в мире, в истории, в обществе. А поистине, Божественная Троичность действует не только на небе, но и на земле. И человечество может быть в единстве Троичности или выходить из него и восставать против него. В христианстве утверждается предвечная связь Отца и Сына, Сын рождается от Отца. Но нарушение этой связи может идти с двух сторон, может иметь два противоположных источника. Когда консерватизм отрицает творчество новой жизни, когда он задерживает движение жизни и представляет лишь силу инерции и косности, он также разрывает отчую и сыновнюю ипостась, он утверждает отца без сына, отца нерождающего.

Отцы, восставшие на творческую, а не разрушительную жизнь сыновей, воздвигающие гонение на всякую динамику сыновей жизни, также разрушают единство Божественной Троичности, как и сыновья, революционно порывающие всякую связь с отцами, истребляющие прошлое. Они становятся гасителями Духа. И потому начало консервативное не может быть единственным, отвлеченным началом, оно должно быть соединено с началом творческим, с динамическим движением. Правда консерватизма не в задержании творческого движения, а в сохранении и воскрешении вечного и нетленного в прошлом. Но в прошлом было и много тленного, грешного, злого, темного, и оно обречено огню. Охранение всей шелухи прошлого, всей его соломы, всего неонтологического в нем есть дурной, злой, отрицательный консерватизм. Он готовит революции и бывает виновником их. Гнилостные, разлагающие процессы прошлого не имеют права на охранение.

Природа консервативного начала плохо понимается не только врагами его, но и иными сторонниками его. Существует тип консерватора, который более всего сделал для скомпрометирования всякого консерватизма. В истинном сохранении и охранении должна быть преображающая энергия. Если в нем есть лишь инерция и косность, то это зло, а не добро. Велико значение исторической традиции и предания. Но в традиции и предании есть не только консервативное, но и творческое начало, есть положительная энергия. Традиция и предание вечно творятся, сохраняя преемственность. Так, в жизни церковной все основано на Священном Предании. Но предание не означает косного консерватизма. Есть предание о религиозном творчестве, есть творческое предание, творческий консерватизм. И верность преданию означает продолжение творческого дела отцов и дедов, а не остановку. В прошлом в жизни Церкви было творческое движение, был почин, была зачинающая человеческая активность. И верность преданиям этого прошлого означает продолжение творческого движения, почина, зачинающей человеческой активности. Зачинателями и творцами были апостолы, мученики, учителя церкви, святые. И

мы неверны преданию о них, если мы в себе не чувствуем зачинающей творческой религиозной энергии. То же можно распространить и на всю культурную и государственную жизнь. Ложный, косный консерватизм не понимает творческой тайны прошлого и ее связи с творческой тайной грядущего. Поэтому обратной стороной его является истребляющий прошлое революционизм. Революционизм есть кара, подстерегающая ложный консерватизм, изменивший творческому преданию. В революционизме торжествует хамизм, дух *raguvenu*. В истинном же консерватизме есть благородство древнего происхождения. Историческая давность имеет религиозную, нравственную и эстетическую ценность. Благородство освященной старины все принуждены признать в лучшие минуты жизни, когда освобождаются от угара сегодняшнего дня. Но эта ценность и это благородство давнего, древнего старинного, векового и тысячелетнего есть ценность и благородство преображения духом вечности, а не инерции, косности и окостенения. Мы религиозно, нравственно и эстетически почитаем во всем давнем и старинном жизнь, а не смерть, жизнь большую, чем быстротечные мгновения сегодняшнего дня, в которых бытие не отделено еще от небытия, крупички нетленного смешаны с огромным количеством тленного.

Правда консерватизма есть правда историзма, правда чувства исторической реальности, которое совершенно атрофировано в революционизме и радикализме. Отрицание исторической преемственности есть отрицание и разрушение исторической реальности, нежелание знать живой исторический организм. Отрицание и разрушение исторической преемственности есть такое же посягательство на реальное бытие, как и отрицание и разрушение преемственности личности, индивидуального человеческого «я». Историческая реальность есть индивидуум особого рода. В жизни этой реальности есть органическая длительность. В исторической действительности есть иерархические ступени. И разрушение иерархического строения исторического космоса есть разрушение, а не свершение истории. В историческом кос-

мосе образуются и устанавливаются качества, неразложимые и неистребимые в своей онтологической основе. Эта иерархия кристаллизованных в истории качеств не должна препятствовать образованию новых качеств, не должна задерживать творческое движение. Но и никакое творческое движение, никакое образование новых качеств не может разрушать и сметать уже кристаллизовавшиеся исторические ценности и качества. Возрастание жизни и умножение ценностей совершается через начало консервативное, преобразующее старую жизнь для вечности, и через начало творческое, созидующее новую жизнь для той же вечности. Разрыв отечества и сыновства, который совершается ложным консерватизмом и ложным революционизмом, есть ослабление жизни, есть дух смерти для прошедшего или для грядущего.

Неправедна, лжива и безобразна ваша исключительная вера в будущее. Этот футуризм – ваш коренной грех. Он разрывает и распыляет целостное историческое и космическое бытие. То футуристическое мироощущение, которое появилось в связи с новыми течениями в искусстве, имеет качество радикализма, оно доводит до конца революционное отрицание прошлого и обоготворение будущего и делает отсюда последние смелые выводы. Вы же, социальные революционеры разных оттенков, вы половинчаты и так безнадежно поверхностны, что не можете углубить футуристического ощущения жизни. Крайним и радикальным оказывается ваш футуризм лишь в плоскости социальной. Но все мышление ваше, все ваше чувственное восприятие жизни так старо, так инертно, сознание ваше так сдавлено категориями мира прошедшего. Ваше идолопоклонство перед будущим принадлежит дурному прошлому и взято из него. Поистине, новая душа не будет грешить этим идолопоклонством, она будет свободна от времени. Какая жалкая иллюзия – представлять себе будущее окрашенным в светлый радужный цвет, прошлое же – в цвет мрачный и черный! Какое жалкое заблуждение видеть в будущем больше реальности, чем в прошлом! Как будто бы от быстротечного

времени зависит реальность бытия и качества бытия! Какое рабство чувствуется в таком отношении к жизни! Поистине, в большей глубине нужно искать подлинных реальностей и качеств бытия. Истинное и цельное отношение к жизни должно утверждать вечное, вечное в прошлом и вечное в будущем, как единую длящуюся жизнь, должно искать подлинно онтологического. И поистине, онтологическое, а не иллюзионистическое отношение к жизни должно открыть творческое движение в глубине бытия, онтологическое движение самой абсолютной действительности, а не ваше поверхностное движение, разрывающее бытие на призрачные миги движения. Консервативное начало имеет религиозное значение, как утверждение отчей ипостаси, вечно ценного и бытийственного в прошлом, как воля к воскрешению прошлого в жизни вечной. И оно нисколько не противоречит началу творческому, тоже обращенному к вечности в будущем, утверждающему сыновнюю ипостась. Выявление радикального футуризма было неизбежно, и его нужно даже приветствовать. В нем окончательно изобличается ложь революционного отношения к прошлому и будущему, раскрывается бездна небытия, которую не видят половинчатые и поверхностные революционеры.

Существует не только Священное Предание Церкви, но и Священное Предание культуры. Без предания, без традиции, без преемственности культура невозможна. Культура произошла из культа. В культе же всегда есть священная связь живых и умерших, настоящего и прошедшего, всегда есть почитание предков и энергия, направленная на их воскрешение. И культура получила в наследие от культа это почитание могильных плит и памятников, это поддержание священной связи времен. Культура по-своему стремится утвердить вечность. В культуре всегда есть начало консервативное, сохраняющее и продолжающее былое, и без него культура немислима. Революционное сознание враждебно культуре. Оно пошло от вражды к культу, в самом зарождении своем оно было выпадением из культа, из установленной культом связи. Оно изначально

было иконоборческой ересью, восстанием против культовой эстетики. Все вы, люди революционного духа, все вы культуроборцы. Вам нельзя верить, когда вы говорите, что вы за культуру, когда вы основываете свои «пролеткульты» и прочие безобразия. Вам многое нужно из орудий культуры для ваших утилитарных целей. Но вам ненавистна душа культуры, культовая ее душа, поддерживающая огонь в неугасимой лампаде, сохраняющая связь времен в вечности, обращенная к покойникам, как и к живым. Вы хотели бы вынуть душу из культуры и оставить от нее лишь внешнюю оболочку, лишь кожуру. Вы хотите цивилизации, а не культуры. В истинном консерватизме почитаются творческие деяния предков, зачинавших и создававших культуру. Вы отказываетесь от этого почитания, вас давит величие предков. Вы хотели бы устроиться и погулять на свободе, без прошлого, без предков, без связи. Ваш революционный бунт обнаруживает ваше творческое бессилие, вашу слабость и ничтожество. Ибо почему бы сильным, ощутившим в себе творческую мощь, восставать против умерших творцов, совершать надругательство над могилами? Культура предполагает консервативное начало – начало, сохраняющее прошлое и воскрешающее умерших, и это консервативное начало не может быть страшно и стеснительно для самого дерзновенного творчества. Начало творческое и начало консервативное не могут быть противоположаемы. Новые храмы не должны непременно разрушать старые храмы. Будущее совместимо с прошлым, когда побеждает дух вечности. Революционное же или реакционное противоположение начала консервативного и творческого есть победа духа тления. Культура так же предполагает начало консервативное, как и начало творческое, сохранение и зачинание. И культура погибает, когда одно из этих начал исключительно торжествует и вытесняет другое. Цветение культуры требует и благоговейного отношения к могилам отцов, и творческого дерзновения, зачинающего небывалое.

Образ Рима является вечным образом культуры. Сложное строение Рима, наслоение в нем многих культурных эпох,

сохранившиеся в нем следы всемирной истории научают нас познавать эту вечную, консервативно-творческую природу культуры, эту великую связь времен, это сохранение и преобразование прошедшего в настоящем и будущем. В Риме памятники человеческого творчества, памятники истории превратились в явление природы. Развалины Рима дают могущественное и волнующее чувство вечности. Это сладостное чувство с особенной остротой пронизывает вас, когда вы смотрите на Кампанию, на Аппиеву дорогу, на древние могилы. Там царство покойников, там страна не рождает уже, но прошлое унаследовало вечность, вошло в неумирающую жизнь космоса. Там узнается, что человеческая история есть неотрывная часть жизни космической. Много увидите вы в Риме храмов сложного строения, совмещающих несколько культовых и культурных эпох. На развалинах древнего языческого храма построен храм первохристиан, а на нем – позднейший христианский храм. Таков, например, прелестный храм *St. Maria in Cosmedin* и более известный *St. Clemente*. Это дает исключительное чувство неистребимой, вечно пребывающей реальности истории. Строение римской культуры подобно геологическому строению земли, оно есть явление космического порядка. Рим страшно углубляет чувство исторической жизни. В нем могилы – царство жизни, а не смерти, катакомбы говорят о вечных основах нашей культуры и истории, о возможности перехода их в вечность. Все это трудное и мучительное для первого восприятия Рима совместительство и сожитительство Рима античного, Рима первохристианского, Рима возрождения и Рима барокко убедительно говорит о вечной связи времен в культуре и истории, о сочетании и слиянии начал консервативных и творческих. Революционное отрицание всякого консерватизма есть варварство. И революционная стихия – варварская стихия. Революционный дух есть реакция варварской стихии против культуры, против культового предания. Но в культуре может наступить застой, иссякание творчества, которое делает эту реакцию неизбежной. Вся европейская культура, которая есть прежде

всего культура латинская, основана на предании античности, на органической с ней связи и потому уже заключает в себе начало консервативное. Вы не чувствуете этого потому, что вы равнодушны к культуре, что ваш идеал общественности не есть культурный идеал. Совершенно отрицают консервативное начало те, которые отрицают самобытность исторической действительности. Признание самого факта бытия этой действительности уже предполагает признание консервативного начала, т. е. сохранения единства и преемства ее. Вы же хотите подменить конкретную историческую действительность отвлеченной социологической действительностью, и потому консервативное начало представляется вам помехой на путях вашего отвлечения.

Начало консервативное не допускает в общественной жизни ниспровержения общественного космоса, образованного творческой и организующей работой истории. Это начало сдерживает напор хаотической тьмы снизу. И потому смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма – в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах. Эта стихия всегда шевелится в человеке, и связана она с грехом. И вы, идеологи революционизма, отрицающие всякие права за консерватизмом, сами находитесь во власти заблуждений и других вводите в заблуждение, когда повторяете общие места о том, что революционизм есть всегда движение вперед, а консерватизм – движение назад. Слишком часто в истории революционное движение вперед было призрачным движением. Реально оно было движением назад, т. е. вторжением в образовавшийся творческим процессом истории общественный космос хаотической тьмы, которая тянет вниз. И потому борьба консервативных и революционных начал может оказаться борьбой начал космических и хаотических. Но консер-

ватизм делается началом, задерживающим движение вперед и вверх и отрицательным, в том случае, если он сознает себя единственным космическим началом человеческой жизни и становится во враждебное отношение к началу творческому. Сдержка хаотической тьмы снизу для охранения образовавшегося многими поколениями общественного космоса сама по себе недостаточна. Хаотическая тьма, имеющая бездонный источник, должна не только сдерживаться и не допускаться внутрь общественного космоса, она должна также просветляться и творчески преображаться. Консервативное и творческое начала должны служить одному и тому же космическому делу, великому делу борьбы с мировым хаосом и с грехом, отдающим человеческие общества во власть этого хаоса. И если хаотическая бесформенная тьма сама по себе не есть еще зло, а лишь бездонный источник жизни, то она становится злом, когда ее пробуют санкционировать и освящать, когда ее делают руководящим началом человеческой жизни. В революционных же идеологиях хаос получает рационалистические санкции.

Жизнь отдельных людей, человеческих обществ и всего исторического человечества вечно получает новые источники обновления от непочатых еще темных, хаотических, варварских сил. Силы эти обновляют дряхлеющую и леденеющую кровь человечества. К историческому космосу приобщаются новые человеческие расы и новые человеческие классы. Это – неизбежный и благостный процесс. Тьма должна вступать в царство света, но для того, чтобы просветиться и поддержать источники света новыми силами, а не для того, чтобы низвергнуть все светильники и расширить царство тьмы. Вступление новых сил в исторический космос и исторический свет есть процесс органический, а не механический. Как и всякий органический процесс, процесс этот предполагает иерархические начала, иерархический жизненный строй. Полное низвержение иерархического начала опрокидывает все светильники и гасит с таким трудом и мукой добытый свет. Светильники должны охраняться, чтобы тьма приобщилась к царству света,

а не низвергла царство света. В космосе есть бездонная хаотическая основа, и из нее бьет источник новых сил. Но космос должен сохранить свой иерархический строй, свой центральный источник света, чтобы не быть окончательно опрокинутым хаотическими силами, чтобы исполнить свое божественное предназначение, чтобы тьма просветлялась, чтобы хаос приобщился к космосу. Революционное сознание не понимает этих глубоких отношений между хаосом и космосом, скрытых под всеми общественными переворотами и изменениями. Чистое, отвлеченное революционное сознание противоестественно и чудовищно соединяет хаотическое и рационалистическое, оно поклоняется разом и хаосу, и рационализму. Оно противоположно космическому и мистико-органическому. Революционное сознание не хочет считаться с органической природой человека и человеческого общества, с их физиологией и психологией, обладающими большой устойчивостью. Оно не хочет знать, что эти физиология и психология имеют глубокую «мистическую» основу. Это есть черта крайнего рационализма, это ведет к рационалистическому изнасилованию природы, которая мстит за себя. Общественное развитие и общественные изменения должны считаться с органической природой и ее непреложными законами. Но это рационалистическое изнасилование органической природы человека и общества совершается через силы хаотические, выходящие из космического ритма или не вошедшие еще в него. Это соединение хаоса с рационализмом есть один из парадоксов общественной философии, который говорит о противоречиях человеческого бытия. В росте и цвете дерева нет ни хаотизма, ни рационализма. Такова же и природа человеческого общества, погруженного в недра жизни космической. Но хаотизм и рационализм в жизни человеческих обществ является результатом злой человеческой свободы, той произвольной свободы, которая есть знак человеческого рабства. Законы природы, сдерживающие хаос в космосе, обрушиваются на человеческое общество, вступившее на путь хаотического и рационалистического насилия, и возвращают человека в темницу его вет-

хой физиологии и психологии, революцией не побежденной и не преодоленной. Хаос не может освободить человека, ибо он и есть источник рабства человека. Революция бессильна изменить человеческую природу; она оставляет ее органически ветхой, подчиненной старой и непреодоленной физиологии и психологии, но притязает механически создать из этой старой человеческой природы совершенно новое общество и жизнь. Это и делает революции в значительной степени призрачными, не имеющими корней. Это бессилие революционного хаоса изменить человеческую природу, преодолеть законы ее физиологии и психологии, эта оторванность его от мистической глубины органической жизни и обосновывает правду и права консерватизма. Если бы революционизм имел силу реально и существенно изменить и преобразить человеческую природу и сотворить новую лучшую жизнь, то он был бы оправдан. Но так как революционизм лжет, что он может это сделать, так как его достижения призрачны, то реакция консерватизма против него есть необходимая реакция изнасилованной, но не преобразенной природы.

Консервативное начало не есть начало насилующее и не должно быть им. Это – свободно-органическое начало. В нем есть здоровая реакция против насилия над органической природой, против покушения на убиение жизни, которая хочет быть дрящейся. Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать. Несчастлива судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать ее сначала. Так несчастлива судьба нашей страны и нашего народа. Если консерватизм существует лишь у власти, оторванной от народа и противоположной народу, в самом же народе его нет, то все развитие народа делается болезненным. В консерватизме, как связи с вечностью, должна быть не только сила, но и правда, привлекающая сердце

народное, обоснованная в его духовной жизни. Постылый и отталкивающий консерватизм бессилён, он может насилловать, но не может привлекать к себе и вести за собой. И несчастна страна, в которой всякий консерватизм сделался постылым и насилующим. Когда консерватизм ассоциируется в народном сознании с препятствием для развития и с враждой к творчеству, то в стране готовится революция. Виновными в этом бывают и те консервативные силы, которые допустили в себе омертвление и окостенение, и те революционные силы, которые восстали на вечные начала, на непреходящие ценности и святыни. Энергия консервативная должна быть также имманентна народу, как и энергия творческая, она не может быть исключительно внешней для него. Революция означает крайнюю трансцендентность всего божественного и духовно ценного. В конце концов всякое здоровое консервативное течение, без которого не может быть сохранения общественного космоса, имеет опору в тысячелетних чувствах народных, которые нельзя разрушить в один день, минуту или год. Духовные же перевороты в жизни народа совершаются не теми путями, которыми совершаются революции. Величайший духовный переворот в истории человечества – явление христианства в мире – не был революцией в вашем смысле слова. Наибольшую свободу для человека даёт сочетание начала консервативного с началом творческим, т. е. гармоническое развитие общественного космоса. Новые же откровения мира духовного возникают в ином плане, ускользающем от ваших взоров. И вы хотите сохранить о себе память в грядущих поколениях, и вы хотите долголетия в исторической жизни. И этим вы утверждаете какую-то правду консервативного начала. И если вы хотите, чтобы сохранилась о вас память и чтобы вы продолжали жить, то вы должны сохранить память о своих умерших предках и должны воскрешать их для жизни вечной. «Чти отца твоего и мать твою, и благо тебе будет, и долговечен ты будешь на земле». В религиозной глубине заложено начало консервативное. Там же заложено и начало творческое.

Письмо шестое Об аристократии

Любовь к аристократической идее сделалась уделом многих в ваш демократический век. Аристократические симпатии рассматривают или как проявление классовых инстинктов, или как эстетизм, не имеющий жизненного значения. Но поистине, аристократия имеет более глубокие, более жизненные основы. Основы эти ныне затуманились, и о них начинают забывать. Но тот, кто интересуется существом жизни, а не ее поверхностью, должен будет признать, что не аристократия, а демократия лишена онтологических основ, что именно демократия не имеет в себе ничего ноуменального и природа ее чисто феноменалистическая. Аристократическая идея требует реального господства лучших, демократия – формального господства всех. Аристократия, как управление и господство лучших, как требование качественного подбора, остается на веки веков высшим принципом общественной жизни, единственной достойной человека утопией. И все ваши демократические крики, которыми вы оглашаете площади и базары, не вытравят из благородного человеческого сердца мечты о господстве и управлении лучших, избранных, не заглушат этого из глубины идущего призыва, чтобы лучшие и избранные явились, чтобы аристократия вступила в свои вечные права. Нашему низкому времени следует напомнить слова Карлейля из чудесной его книги «Герои и героическое в истории»: «Все социальные процессы, какие только вы можете наблюдать в человечестве, ведут к одной цели – достигают ли они ее или нет, это другой вопрос, – а именно: открыть своего *able man* (способного человека) и облечь его символами способности: величием, почитанием или чем вам угодно, лишь бы он имел действительную возможность руководить людьми соответственно своей способности. Избирательные речи, парламентские предложения, билли о реформах, французские револю-

ции – все стремится, в сущности, к указанной мною цели или в противном случае представляется совершенно бессмысленным. Отыщите человека самого способного в данной стране, поставьте его так высоко, как только можете, неизменно чтите его, и вы получите вполне совершенное правительство, и никакой баллотировочный ящик, парламентское красноречие, голосование, конституционное учреждение, никакая вообще механика не может уже улучшить положения такой страны ни на одну йоту». И еще следует напомнить нашему времени о Платоне. В его аристократической утопии есть что-то вечное, хотя оболочка ее была временной. Самый аристократический принцип его не может быть превзойден. Он притягивал средневековье и будет притягивать к себе времена грядущие. Пока жив дух человеческий и качественный образ человека не задушен окончательно количеством, будет стремиться человек к царству лучших, к истинной аристократии. И что можете вы противопоставить этой высшей мечте человеческой, этой единственной достойной утопии? Демократию, социализм, анархизм. Я разберу еще все эти ваши мечты и утопии. Аристократический принцип – онтологический, органический и качественный. Все ваши принципы, демократические, социалистические и анархические, – формальны, механичны и количественны, все они безразличны и равнодушны к реальностям и качествам бытия, к содержанию человека.

В сущности, демократию нельзя даже противопоставлять аристократии. Это понятия несоизмеримые, совершенно разноразличные. И представительная демократия может ставить своей целью подбор лучших и установление царства истинной аристократии. Демократия может быть понята как установление условий, благоприятных для качественного подбора, для выделения аристократии. При этом целью может быть поставлено отыскание реальной, а не формальной аристократии, т. е. устранение той аристократии, которая не является царством лучших, и раскрытие свободных путей для истинной аристократии. Все изображенные вами демократии плохо служат этим целям и забывают их во имя жалких ин-

тересов сегодняшнего дня. Демократия легко превращается в формальное орудие организации интересов. Искание лучших подменяется исканием более соответствующих интересам, лучше их обслуживающих. Демократия сама по себе не имеет внутреннего, онтологического содержания, и потому обслуживать она может цели самые противоположные. Этим она по существу отличается от аристократии, которая есть идеал благородства, породы, качества. Не обманывайте себя внешностью, не поддавайтесь слишком жалким иллюзиям. С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархий и для демократий, для эпох реакционных и для эпох революционных. Из управления меньшинства нет выхода. И ваши демократические попытки создать царство большинства, в сущности, являются жалким самообманом. Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучшее или худшее. Одно меньшинство сменяется другим меньшинством. Вот и все. Худшие свергают лучших, или лучшие свергают худших. Непосредственного управления и владения человеческой массы быть не может, это возможно лишь как момент стихийного массового разлива в революциях и бунтах. Но очень быстро устанавливается дифференциация, образуется новое меньшинство, которое захватывает в свои руки власть. В революционные эпохи обыкновенно правит кучка демагогов, которая ловко пользуется инстинктами масс. Революционные правительства, считающие себя народными и демократическими, всегда бывают тиранией меньшинства. И редко, редко меньшинство это бывало подбором лучших. Революционная бюрократия обычно бывает еще ниже той старой бюрократии, которую революция свергает. Революционная же масса всегда бывает лишь атмосферой для осуществления этой тирании меньшинства.

Торжество демократии всегда ведь призрачно и быстро-течно; оно длится всего один миг. Так же призрачно было бы торжество социализма, если бы оно было возможно. Освободитесь от власти слов и внешних покровов, вникните более

пристальным взором в самое существо жизни. В самой реальной, подлинной действительности вопрос идет всегда о том, торжествует ли аристократия или охлократия. В сущности, только и существуют два типа власти – аристократия и охлократия, правление лучших и правление худших. Но всегда, всегда господствуют немногие – таков непреложный закон природы. Господство всех ничего реального не означает, кроме темного, безразличного и смешанного хаоса. Всякое управление этим хаосом предполагает различие и выделение тех или иных элементов, аристократии или олигархии. Существует непреодолимая тенденция к образованию дворянства. Дворянство остается на веки веков образцом более высокого качественного состояния, породы дифференцированной и выделенной. Дворянству подражала буржуазия, ему будет подражать и пролетариат. Все *parvenu* хотят быть дворянами. В социализме пролетариат хочет быть новым дворянством, новой аристократией. В мире, по-видимому, должно быть меньшинство, поставленное в привилегированное положение. Разрушение исторической иерархии и исторической аристократии не означает уничтожения всякой иерархии и всякой аристократии. Образуется новая иерархия и новая аристократия. Всякий жизненный строй – иерархичен и имеет свою аристократию, не иерархична лишь куча мусора, и лишь в ней не выделяются никакие аристократические качества. Если нарушена истинная иерархия и истреблена истинная аристократия, то являются ложные иерархии и образуется ложная аристократия. Кучка мошенников и убийц из отбросов общества может образовать новую лжеаристократию и представить иерархическое начало в строе общества. Таков закон всего живого, всего, обладающего жизненными функциями. Лишь куча сыпучего песка может существовать без иерархии и без аристократии. И ваше рассудочное отрицание начала иерархическо-аристократического всегда влечет за собой имманентную кару. Вместо аристократической иерархии образуется охлократическая иерархия. И господство черни создает свое избранное меньшинство, свой подбор лучших и

сильнейших в хамстве, первых из хамов, князей и магнатов хамского царства. В плане религиозном свержение иерархии Христовой создает иерархию антихристову. Без лжеаристократии, без обратной аристократии вы не проживете и одного дня. Все плебеи хотели бы попасть в аристократию. И плебейский дух есть дух зависти к аристократии и ненависти к ней. Самый простой человек из народа может не быть плебеем в этом смысле. И тогда в мужике могут быть черты настоящего аристократизма, который никогда не завидует, могут быть иерархические черты своей собственной породы, от Бога предназначенной.

Аристократия есть порода, имеющая онтологическую основу, обладающая собственными, незаимствованными чертами. Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества. Свержение исторической аристократии ведет к установлению другой аристократии. Аристократией претендует быть буржуазия, представители капитала, и пролетариат, представители труда. Аристократические претензии пролетариата даже превосходят претензии всех других классов, ибо пролетариат, по учению его идеологов, должен признавать себя классом избранным, классом-мессией, единственным подлинным человечеством и высшей расой. Но всякое желание выйти в аристократию, возвыситься до аристократии из состояния низшего, по существу не аристократично. Возможен лишь природный, прирожденный аристократизм, аристократизм от Бога. Миссия истинной аристократии – не столько восходить к еще не достигнутому высшим состояниям, сколько нисходить к состояниям низшим. Аристократизм, и внутренний, и внешний, – прирожденный, а не приобретенный. Свойство аристократизма – щедрость, а не жадность. Истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Она – жертвенна. В этом вечная ценность аристократического начала. В человеческом обществе должны быть такие, которым не нужно

возвышать себя, которые свободны от неблагородных черт, связанных с самовозвышением. Права аристократии – права прирожденные, а не благоприобретенные. Должны быть в мире люди, у которых есть прирожденные права, нужен душевный тип, свободный от атмосферы борьбы за приобретение прав. Те, которые в труде и в борьбе приобретают свои права и повышают свое жизненное положение, не свободны от многих горьких чувств, от обиды, часто от злобы, они подавлены своим более низким прошлым. Я говорю, конечно, не об исключительных людях, для которых закон не писан, а о среднем уровне людском.

Возможна и оправдана лишь аристократия Божьей милостью, аристократия по духовному происхождению и призванию и аристократия по благородству происхождения, по связи с прошлым. То, что представляется вам несправедливым и возмущающим в положении аристократа, это и есть оправдание его существования в мире, привилегия по происхождению, по рождению, не по личным его заслугам. Аристократом можно быть лишь не по заслугам, не по личному труду и не по личному достижению. И это должно быть в мире. Гений и талант принадлежат к духовной аристократии потому, что гений и талант – даровые, не заслуженные, не заработанные. Гений и талант получены по рождению, по духовному происхождению и духовному наследованию. Духовная аристократия имеет ту же природу, что и аристократия социальная, историческая, это всегда привилегированная раса, получившая даром свои преимущества. И такая духовно и физически привилегированная раса должна в мире существовать для того, чтобы выражены были черты душевного благородства. Благородство и есть душевная основа всякого аристократизма. Благородство не приобретается, не зарабатывается, оно есть дар судьбы, оно есть свойство породы. Благородство есть особого рода душевная благодать. Благородство прямо противоположно всякой обиде и зависти. Благородство есть сознание своей принадлежности к истинной иерархии, своего изначального и прирожденного в ней пребывания. Благород-

ный аристократ знает, что есть иерархически выше стоящие чины. Но это не вызывает в нем никаких горьких чувств, не унижает его, не колеблет его чувства достоинства. Сознание своего достоинства есть также душевная основа аристократизма. Это достоинство не приобретенное, а прирожденное. Это – достоинство сынов благородных отцов. Аристократизм есть сыновство, он предполагает связь с отцами. Не имеющие происхождения, не знающие своего отчества не могут быть аристократами. И аристократизм человека, как высшей иерархической ступени бытия, есть аристократизм богосыновства, аристократизм благородно рожденных сынов Божьих. Вот почему христианство – аристократическая религия, религия свободных сынов Божьих, религия даровой благодати Божьей. Учение о благодати – аристократическое учение. Не аристократична всякая психология обиды, всякая психология претензии. Это – плебейская психология. И аристократична психология вины, вины свободных детей Божьих. Аристократу более свойственно чувствовать себя виновным, чем обиженным. Этой аристократической психологией проникнуто христианство. Христианское сознание сынов Божьих, а не рабов мира, детей свободы, а не детей необходимости, – аристократическое сознание. Те, которые чувствуют себя пасынками Божьими, обиженными судьбой, теряют благородные, аристократические черты. Аристократ, благородный должен чувствовать, что все, что возвышает его, получено от Бога, а все, что унижает его, есть результат его вины. Это прямо противоположно той плебейской, неблагородной психологии, которая все возвышающее чувствует благоприобретенным, а все унижающее – обидой и виной других. Тип аристократа прямо противоположен типу раба и типу рагвену. Это разные душевные расы. Аристократический склад души может быть и у чернорабочего, в то время как дворянин может быть хамом.

Вы же хотели бы понизить качество человеческой расы, хотели бы вытравить аристократические черты из человеческого образа. Вам претит аристократическое благородство. На

плебейской психологии воздвигаете вы ваше царство, на психологии обиды, зависти и злобы. Вы берете все, что есть самого худшего у рабочих, у крестьян, у интеллигентной богемы, и из этого худшего хотите создать грядущую жизнь. Вы взываете к мстительным инстинктам человеческой природы. Из злого рождается ваше добро, из темного загорается ваш свет. Ваш Маркс учил, что в зле и от зла должно родиться новое общество, и восстание самых темных и уродливых человеческих чувств считал путем к нему. Душевный тип пролетария противопоставил он душевному типу аристократа. Пролетарий и есть тот, который не хочет знать своего происхождения и не почитает своих предков, для которого не существует рода и родины. Пролетарское сознание возводит обиду, зависть и месть в добродетели нового грядущего человека. Оно видит освобождение в том бунте и восстании, которое есть самое страшное рабство души, плененность ее внешними вещами, материальным миром. Пролетарий выброшен на поверхность. Аристократ же должен жить в большей глубине, чувствуя более глубокие связи и корни. Пролетарское сознание разрывает связь времен, разрушает космос. Пролетарская психология и пролетарское сознание не обязательно должны быть у рабочего, у человека, стоящего на низших ступенях социальной лестницы. И раб может чувствовать себя сыновним по отношению к Богу, к родине, к отцу и матери, может глубоко переживать свою связь с великим национальным и космическим целым, свое место в иерархии. Я знал чернорабочих, которые были более аристократами, чем многие дворяне. Но вы не хотите, чтобы рабочий был в таком благородном состоянии, вы хотите его превратить в настоящего пролетария и в плебея по убеждению. В основу своего царства, враждебного всякому аристократизму, вы кладете бунт раба и восстание плебея. В бунте и восстании есть что-то рабье и лакейское. Благородный, сознающий свое высшее достоинство, охраняющий в себе высший образ человека, аристократ духа или аристократ крови, если он не выродился и не пал, найдет другие пути отстаивать правду и право, избличать неправду и ложь. Из

внутреннего аристократизма, из облагораживания души может родиться новая, лучшая жизнь. Но никогда она не родится из бунтующего рабства, из лакейского отрицания всякой святости и ценности. Ваш тип пролетария есть воплощенное отрицание вечности, утверждение тленности и временности. Истинный же тип аристократа обращен к вечности.

В аристократизме есть божественная несправедливость, божественная прихоть и произвол, без которых невозможна космическая жизнь, красота вселенной. Бездарное, плебейско-пролетарское требование уравнительной справедливости и воздаяния каждому по количеству труда его есть посягательство на цветение жизни, на божественную избыточность. На еще большей глубине это есть посягательство на тайну божественной благодати, требование рационализации этой тайны. Но в несправедливой божественной избыточности может быть скрыт высший смысл мировой жизни, цвет ее. Аристократия в истории может падать и вырождаться. Она обычно падает и вырождается. Она легко может быть слишком кристаллизованной, окаменевшей, слишком замкнутой и закрытой от творческих движений жизни. Она имеет уклон к образованию касты. Она начинает противопоставлять себя народу. Она изменяет своему назначению и вместо служения требует себе привилегии. Но аристократизм не есть право, аристократизм есть обязанность. Аристократическая добродетель – дарящая, а не отнимающая. Аристократ тот, кому больше дано, кто может уделить от своего избытка. Борьба за власть и за интересы по природе своей не аристократична. Аристократическая власть, власть лучших и благороднейших, сильнейших по своим дарам, есть не право, а обязанность, не притязание, а служение. Права лучших – природные права. Борьба лучших и труд их направлены на исполнение обязанностей, на служение. Аристократия по идее своей – жертвенна. Но она может изменять своей идее. Тогда она слишком цепляется за свои внешние преимущества и падает. Но всегда следует помнить, что народные массы выходят из тьмы и общаются к культуре через выделение аристократии и испол-

нение ею своей миссии. Аристократия первая вышла из тьмы и получила Божье благословение. И на известных ступенях исторического развития аристократия должна отказаться от некоторых своих прав, чтобы продолжать играть творческую роль в истории. Если в России есть еще настоящая аристократия, то она должна жертвенно отказаться от борьбы за свои погрязшие привилегированные интересы. Аристократия не есть сословие или класс, аристократия есть некоторое духовное начало, по природе своей неистребимое, и оно действует в мире в разных формах и образованиях.

Некоторые из вас готовы признать духовную аристократию, хотя и не очень охотно. Но слишком упрощенно представляете вы себе отношение между аристократией духовной и аристократией исторической. Вы думаете, что историческая аристократия есть только зло прошлого, что она не имеет права на существование и что она не имеет никакого отношения к аристократии духовной. В действительности, все сложнее, чем вам это представляется. Все ведь всегда бывает сложнее, чем представляется вам, упростиителям. Никто, конечно, не станет смешивать и отождествлять духовной аристократии с аристократией исторической. Представители исторической аристократии могут стоять очень низко в духовном отношении, и самые высшие представители духовной аристократии могут не выходить и даже обычно не выходят из аристократических слоев. Это – бесспорно и элементарно. Но нельзя отрицать значения крови, наследственности, расового социального подбора для выработки среднего душевного типа. Вы слишком привыкли брать человека отвлеченно, как арифметическую единицу, вы отвлекаете человека от его предков, от его наследственных традиций и навыков, от его воспитания, от столетий и тысячелетий, живущих в его крови, в клетках его органического существа, от всех органических связей человека. Но ваш отвлеченный, арифметический человек есть фикция, а не реальность, он лишен всякого содержания. Вы считаете человеком то, что есть схожего у него со всяким

другим, – две руки, две ноги, два глаза, один нос и т. п. Но именно потому и ускользает от вашего взора человек, ибо он еще в большей степени есть то, чем он не похож на всякого другого. В человеческой индивидуальности скрещивается много кругов и образует породу человека. Человек органически, кровью принадлежит к своей расе, своей национальности, своему сословию, своей семье. И в неповторимой, лишь ему одному принадлежащей индивидуальности своеобразно преломляются все расовые, национальные, сословные, семейные наследия, предания, традиции, навыки. Личность человеческая кристаллизуется на той или иной органической почве, она должна иметь сверхличную компактную среду, в которой происходит качественный отбор. Одно из самых больших заблуждений всякой абстрактной социологии и абстрактной этики – это непризнание значения расового подбора, образующего породу, вырабатывающего душевный, как и физический, тип. В типе человека огромное значение имеет раса. Человек может преодолевать ограниченность расы и уходить в бесконечность. Но он должен иметь индивидуализированную породу. Дворянин, преодолевший ограниченность дворянства, освободившийся от всех сословных предрассудков и интересов, останется дворянином по расе, по душевному типу, и самая победа над дворянством может быть проявлением дворянского благородства.

Культура не есть дело одного человека и одного поколения. Культура существует в нашей крови. Культура – дело расы и расового подбора. «Просветительное» и «революционное» сознание, всегда поверхностное и ограниченное, наложило искаженную печать и на самую науку, хотя из науки оно делало свое знамя. Оно затемнило для научного познания значение расы. Но объективная, незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но и как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть

также неопровержимый и неистребимый антропологический факт. Дворянство не может быть в этом смысле истреблено. Никакие социальные революции не могут уничтожить качественных преимуществ расы. Дворянство может умирать как социальный класс, может быть лишено всех своих привилегий, может быть лишено всякой собственности. Я не верю в будущее дворянства как сословия и не хочу себе как дворянину дворянских привилегий. Но оно остается как раса, как душевный тип, как пластическая форма, и вытеснение дворянства как класса может увеличить его душевную и эстетическую ценность. Это и произошло в значительной степени во Франции после революции. Дворянство есть психическая раса, которая может сохраниться и действовать при всяком социальном строе. Для мира и мировой культуры необходимо сохранение этой психической расы с ее кристаллизованными аристократическими чертами. Полное исчезновение ее было бы понижением человеческой расы, безраздельным торжеством *ragueneu*, смертью древнего благородства в человечестве. Подбор благородных черт характера совершается тысячелетиями. Психических результатов этого долгого процесса не могут истребить никакие революции. Уничтожение феодального строя на Западе не было полным уничтожением тех психических черт, которые были выработаны феодальным рыцарством. Этим чертам начали подражать и другие классы. В рыцарстве выковывалась личность, создавался закал характера. Чувство чести у современного человека, в современном буржуазном мире идет от преданий рыцарства. Рыцарство вырабатывало высший тип человека. В рыцарстве была временная и тленная историческая оболочка, от которой ничего уже не осталось. Много темного было связано с этой оболочкой. Но в рыцарстве есть и вечное, неумирающее начало. Рыцарство есть также духовное начало, а не только социально-историческая категория. И окончательная смерть рыцарского духа была бы деградацией типа человека. Высшее достоинство человека выковывалось и оформлялось в рыцарстве и дворянстве и от него пошло в более широкие круги

мира, оно – аристократического происхождения. Подбор благородных черт характера происходит медленно, он предполагает наследственную передачу и семейные предания; это – процесс органический. Таким же органическим процессом является и образование высокой культурной среды и высоких культурных традиций. В настоящей, глубокой и утонченной культуре всегда чувствуется раса, кровная связь с культурными преданиями. Культура людей сегодняшнего дня, без прошлого, без органических связей, всегда поверхностна и грубовата. И тот, у кого культура есть уже во многих поколениях, имеет совсем иной культурный стиль и иную культурную крепость, чем тот, кто первый приобщается к культуре.

К горю нашему, в русской истории не было рыцарства. Этим объясняется и то, что личность не была у нас достаточно выработана, что закал характера не был у нас достаточно крепок. Слишком великой осталась в России власть первоначального коллективизма. Многие русские мыслители, ученые и писатели гордились тем, что в России не было настоящей аристократии, что страна наша естественно демократична, а не аристократична. Нравственно прекрасен наш бытовой демократизм, наша простота, свойственные и настоящему русскому дворянству. Но в отсутствии аристократии была и наша слабость, а не только наша сила. В этом чувствовалась слишком большая зависимость от темной народной стихии, неспособность выделить из огромного количества руководящее качественное начало. Со времени Петра роль аристократии играла у нас бюрократия, и в бюрократии были некоторые черты аристократического подбора. Но все же бюрократия не может быть признана настоящей аристократией по душевному своему типу. У нас побеждал бюрократический абсолютизм сверху и народничество снизу. Творческое развитие, в котором играли бы руководящую роль качественно подобранные элементы, у нас сделалось невозможным, и ныне мы жестоко за это расплачиваемся. И все-таки несправедливо было бы отрицать огромное значение дворянства в России. Дворянство было нашим передовым культурным слоем. Дво-

рянство создало великую русскую литературу. Дворянские усадьбы, дворянские семьи были первой нашей культурной средой. Красота старого русского быта – дворянская красота. Благородный стиль русской жизни – прежде всего дворянский стиль. Чувство чести прежде всего и более всего развилось в русском дворянстве. Русская гвардия в свое время была школой чести. Вторжение в русскую жизнь разночинца и слишком большое его преобладание скорее понизило, чем повысило у нас душевный тип человека. Жизнь наша потеряла всякий стиль. Лучшей, наиболее стильной и красивой эпохой нашей, наиболее достойной называться возрождением нашим, остается начало XIX века, время Пушкина, Лермонтова и целой плеяды поэтов, мистического движения, декабристов, Чаадаева и зарождения первоначального славянофильства, время стиля ампир, т. е. век руководящей роли дворянства, дворянской интеллигенции, дворянского культурного слоя. Тогда мы еще не были нигилистами. На место дворянской культуры, недостаточно окрепшей, у нас пришел нигилизм и нигилистический стиль. Но все наиболее значительное в русской культуре было связано с дворянством. Не только герои Л. Толстого, но и герои Достоевского немислимы вне связи с дворянством. Вспомните, что говорил Достоевский в «Подростке» о дворянстве и его значении. Все большие русские писатели вспоены дворянской культурной средой. В пламени костров, зажженных революцией, сгорают не только усадьбы стиля ампир, но также Пушкин и Толстой, Чаадаев и Хомяков, сгорает все русское творчество и русские предания. Истребление русского дворянства есть истребление культурных традиций, разрыв связи времен в нашей духовной жизни. Ваша ненависть рагвену к дворянству – низкое чувство, понижающее уровень человека, она направлена не только на привилегии дворян, которых давно уже нет и которые безумие было бы восстанавливать, а на психические черты, которые неистребимы и наследуют вечность. Но нужно признать, что дворянство нравственно и духовно пало у нас раньше, чем было низвергнуто революцией.

Рыцарство и дворянство не должны психологически исчезнуть из мира, они должны приобщать к царству благородства и чести, к более высокому типу широкие народные круги. Не демократизация, а аристократизация общества имеет внутреннее духовное оправдание. Зачатки аристократизма, благородства породы есть в каждом классе, и нет классов отверженных. Освободительный процесс в человеческой жизни имеет лишь один смысл – раскрытие более широких путей для обнаружения аристократических душ и для их преобладания. В истории происходит мучительный процесс все новых и новых исканий истинной аристократии. Дурное и пренебрежительное отношение к простому народу – не аристократично, это хамское свойство, свойство выскочек. Аристократическое чванство – безобразное явление. Аристократия должна была бы давать простому народу от своего избытка, служить ему своим светом, своими душевными и материальными богатствами. С этим связано историческое призвание аристократии. Рескин мечтал о таком социализме, который будет проводиться наследственной аристократией. Он был горячим сторонником иерархического строя общества с аристократией во главе и вместе с тем столь же горячим сторонником решительных социальных реформ в пользу обездоленных классов. В этом он следовал вечной правде Платона. И вам бы следовало идти за Платоном и Рескиным. Средняя масса исторической аристократии и дворянства легко изменяет своему назначению, впадает в эгоистическое самоутверждение и духовно вырождается. Те, которые особенно дорожат своими аристократическими привилегиями и противопоставляют их другим, менее всего бывают аристократичны по своему душевному типу. Хамство в аристократических и дворянских кругах очень распространено. Когда далеко заходит измена иерархически высших классов своему назначению и духовное раствление в них, тогда зреет революция как справедливая кара за грехи высших и сильнейших. И спасти будущее более высокой культуры, всегда основанной на иерархическом начале, может лишь жертва истори-

ческой аристократии, готовность отказаться от классовых реставраций, готовность отказаться от привилегий и нести свое служение, исполнить свою миссию.

Но в мире существует не только историческая аристократия, в которой вырабатывается средний уровень путем расового подбора и наследственной передачи, – в мире существует также духовная аристократия, как вечное начало, независимое от смены социальных групп и исторических эпох. Историческая аристократия может иметь черты душевного и телесного аристократизма, но в ней нет еще черт аристократизма духовного. Духовный аристократизм осуществляется в мире в порядке индивидуальной благодати, он не может иметь обязательной и преимущественной связи с какой-либо социальной группой. Явление духовного аристократизма, гения предполагает благоприятную духовную атмосферу в жизни народов, но оно не связано с естественным подбором и выработкой среднего культурного уровня. Гениальность так же не наследуется, как не наследуется святость. Великие люди рождаются в провиденциально предназначенные минуты. Но они выходят из какой угодно среды, из высшей аристократии, как и из среды крестьян или мещан. Отношение между аристократией духовной и аристократией социально-исторической имеет свои ступени. В то время как высшие и наиболее благодатные явления духовной аристократии не имеют никакой связи с аристократией социально-исторической, с органическим подбором и наследованием, средние ее ступени некоторую связь имеют, так как находятся в большей зависимости от сверхиндивидуальной традиции, от подбора, кристаллизующего культурную среду. Для гения закон не писан, но он уже писан для таланта.

В мире вечно живут и действуют две аристократии – экзотерическая и эзотерическая. Экзотерическая аристократия образуется и действует во внешнем историческом плане. В явлениях экзотерической аристократии есть уловимая закономерность и природно-биологическая основа. Эзотери-

ческая аристократия образуется и действует во внутреннем сокровенном плане. В явлениях эзотерической аристократии нельзя уловить такой закономерности и открыть такой природно-биологической основы, они принадлежат к порядку благодатному, к царству духа, а не к царству природы, в которое входит и план исторический. Эзотерическая аристократия образует в истории как бы таинственный орден, и в нем зачинается все творчески великое. В экзотерический план истории вся эта творческая жизнь духа попадает уже в измененном виде, приспособленном для среднего человеческого уровня, для культуры с ее требованиями и задачами. Это различие явственно видно в жизни Церкви. Царство святых или старцев представляет эзотерическую религиозную аристократию. В ней осуществляются высшие и реальные достижения церковной жизни. Но наряду с этим в Церкви существует и экзотерическая аристократия, внешне закономерная историческая церковная иерархия. Она необходима для исторической жизни Церкви, для религиозного воспитания и водительства народов. В ней есть подбор и преемственность, необходимые для кристаллизации церковной среды. Историческая церковная аристократия имеет свою большую положительную миссию, но она не есть последнее и глубочайшее в жизни религиозной. Духовные достижения сокровенной жизни святых в измененном, экзотерическом виде переходят в историческую церковную жизнь с ее внешними иерархическими ступенями. То же соотношение между эзотерическим и экзотерическим существует и во всей духовной жизни человечества, во всей культуре. Существует аристократия и иерархия серединной, экзотерической культуры. В ней есть подбор и преемственность. Она требует ценза, прежде всего ценза образования, воспитания, ценза ума и способности. Она живет и развивается в культурной традиции и предании. И когда вы ступаете на путь отрицания умственного и образовательного ценза, вы низвергаете качества во имя количества и уготовляете царство тьмы, толкаете народы назад. Вы являетесь деятелями регресса. Качественный ценз воспи-

тания, образования, ума, способности необходим для культурной работы, для всякой государственной и общественной деятельности. Этот ценз создает свою иерархию, свою аристократию. Но это аристократия экзотерическая, действующая в срединном царстве государственного и культурного бытия. Глубже ее, за ней стоит эзотерическая аристократия, высшая духовная аристократия, в которой зачинается всякое творчество, всякое открытие и откровение, в которой человек переходит за грани этого мира. Высшая духовная аристократия есть царство святости, гениальности и рыцарства, царство великих и благородных, высшая человеческая раса.

Личное начало раскрывается, кристаллизуется и развивается прежде всего в аристократии. Это – первое в истории выступление личности из темной коллективной стихии. Потом сложными и мучительными путями происходит искание условий, благоприятных для раскрытия аристократии избранных личностей, качественного подбора личностей. За аристократией первой ступени устанавливается аристократия последующих ступеней. Не только существует аристократия как класс, как социальная группа, но и каждый класс, каждая группа выделяет свою аристократию. Выделяется и подбирается аристократия крестьянская, купеческая, профессорская, литературная, художественная и т. д. И если бы не происходил повсюду этот дифференцирующий процесс выделения и образования аристократии, то неоформленная, хаотическая мещанская стихия тянула бы вниз и не допускала бы творчества ценностей. Перед каждой исторической эпохой стоит сложная задача выделения и укрепления своей аристократии разных ступеней. И не так просто решить, какой политический и социальный строй благоприятен выделению и укреплению такой аристократии. Все вы, уравниатели, имеете разные монистические теории на всякий случай. Но все ваши теории мало стоят. Сложность жизни всегда их опрокидывает. Не исключительное торжество одного какого-нибудь начала, а лишь более сложное сочетание нескольких начал бла-

гоприятствует истинной аристократии. Служебную роль в этом великом деле может сыграть и начало демократическое, когда оно ограничено и соподчинено более высоким началам. Аристократия и демократия – два внутренне противоположных начала, метафизически враждебных и взаимоисключающих. Но в социальной действительности столкновение этих начал дает сложные результаты, и торжеству начала аристократического может способствовать демократическое, когда оно не имеет самодовлеющих притязаний. И перед обществом монархическим, и перед обществом демократическим одинаково стоит задача выделения и подбора руководящей аристократии. Чистая монархия есть абстракция, конкретно монархия осуществляет себя через аристократию. И ценность монархии прежде всего в способности подобрать руководящую аристократию и укрепить ее. Монархия падает, когда она подбирает вокруг себя худших.

Дух демократизма в своей метафизике, в своей морали, в своей эстетике несет с собою величайшую опасность для аристократического начала человеческой и мировой жизни, для благородного качественного начала. Метафизика, мораль и эстетика количества хотели бы раздавить и уничтожить всякое качество, все лично и соборно возвышающееся. Царство демократической метафизики, демократической морали, демократической эстетики – царство худших, а не царство лучших. Царство демократии окончательно низвергает древний идеал доблести и благородства породы, оно подрывает биологические и духовные основы аристократизма. Торжество демократической метафизики представляет величайшую опасность для человеческого прогресса, для качественного повышения человеческой породы. Вы хотели бы создать такие условия, которые сделали бы невозможным дальнейшее существование аристократизма в мире, выделение и подбор лучших. Это величайший обман с вашей стороны, когда вы говорите, что вы хотите освободить человеческую природу. Вы хотите поработить человеческую природу, хотите ей поставить границы и препоны. Вы отрицаете и биологические

основы аристократизма, основы расовые, и благодатные его основы, основы духовные. Вы обрекаете человека на серое, бескачественное существование. Правда, вы хотели бы поднять огромную массу человечества на более высокий уровень, вы хотели бы принудить к этому более высокому уровню. Но не потому хотели бы вы это сделать, что цените и любите «высокий уровень», а потому, что вы хотите уравнивания, не выносите различия и возвышения. Само возвышение человеческое вас никогда не интересовало. И вы забываете, что возвышение достигается свободной борьбой и свободным подбором. Не возвышение, а принижение вышестоящих вас интересует больше всего. И вам недоступна, для вашего сознания навеки закрыта тайна истории. Тайна истории – аристократическая тайна. Она осуществляется в меньшинстве. Меньшинство несет в себе дух вселенскости. Дух вселенскости – аристократический дух. Дух большинства, дух демократический – провинциальный, партикуляристический дух. В истории существует водительство меньшинства, водительство аристократии. Восстание против этого водительства есть посягательство на тайну истории. Вам не удастся истребить онтологического различия между душами, не удастся стереть различия между умными и глупыми, даровитыми и бездарными, благородными и низкими, прекрасными и безобразными, благодатными и безблагодатными.

Письмо седьмое О либерализме

Слово «либерализм» давно уже потеряло всякое обаяние, хотя происходит оно от прекрасного слова «свобода». Свободой нельзя пленить массы. Масса не доверяет свободе и не умеет связать ее со своими насущными интересами. Поистине, в свободе есть скорее что-то аристократическое, чем демократическое. Это ценность – более дорогая человеческому

меньшинству, чем человеческому большинству, обращенная прежде всего к личности, к индивидуальности. В революциях никогда не торжествовал либерализм. Не только в социальных, но и в политических революциях он не торжествовал, ибо во всех революциях поднимались массы. Масса же всегда имеет пафос равенства, а не свободы. И большими революциями всегда двигало начало равенства, а не свободы. Либеральный дух по существу не революционный дух. Либерализм есть настроение и мирозерцание культурных слоев общества. В нем нет бурной стихии, нет огня, воспламеняющего сердца, в нем есть умеренность и слишком большая оформленность. Правда либерализма – формальная правда. Она ничего не говорит ни положительного, ни отрицательного о содержании жизни, она хотела бы гарантировать личности любое содержание жизни. Либеральная идея не обладает способностью превращаться в подобие религии и не вызывает к себе чувств религиозного порядка. В этом слабость либеральной идеи, но в этом и хорошая ее сторона. Идеи демократические, социалистические, анархические притязают давать содержание человеческой жизни; они легко превращаются в жжерелигии и вызывают к себе отношение религиозного характера. Но в этом-то и коренится ложь этих идей, ибо в них нет никакого духовного содержания и нет ничего, достойного религиозно-патетического отношения. Прикрепление религиозных чувств к недостойным предметам есть великая ложь и соблазн. И нужно признать, что либерализм не побуждает к этому. Идея демократическая еще более формальна, чем идея либеральная, но она обладает способностью выдавать себя за содержание человеческой жизни, за особый тип человеческой жизни. И потому в ней скрыт ядовитый соблазн. Идея социалистическая отличается безграничной притязательностью. Она претендует ставить цели человеческой жизни, в то время как она относится к средствам жизни, к материальным ее орудиям. Вы давно уже обоготворили и абсолютизировали относительные средства, прикрепили к ним чувства почти религиозного порядка, и цели

жизни померкли для вас. Ваша религия общественности, социальности есть религия средств, а не целей. Поистине, во внешней общественности все относится к средствам; цели же ставятся в большей глубине, цели – духовны, а не общественны. И самая духовная общность людей, сама внутренняя их общественность неопределима внешними критериями общественности. Ибо цели и содержание жизни берутся из духовной глубины и коренятся в божественной действительности. Социальная же среда представляет сложную совокупность средств для осуществления этих целей и этого содержания. Поэтому все социальные идеи оказываются безнадежно и непреодолимо формальными и никогда в них нельзя дойти до подлинного содержания и цели, никогда нельзя уловить в них онтологического ядра.

Есть ли такое онтологическое ядро в либерализме? В людях, слишком поверивших в либеральную идею и исповедующих доктрину либерализма, в либеральных движениях и партиях слишком мало онтологического. Это в большинстве случаев поверхностные люди и поверхностное движение. Но в истоках либеральной идеи есть большая связь с онтологическим ядром жизни, чем в истоках идеи демократической и социалистической. Ибо поистине свобода и права человека, человеческой личности, человеческого духа имеют большую связь с духовными основами жизни, чем всеобщее избирательное право или обобществление орудий производства. Свобода и права человека, неотчуждаемые во имя утилитарных целей, коренятся в глубине человеческого духа. И поскольку либерализм их утверждает, он связан с природой личности, которая имеет онтологическую основу. Либерализм нельзя обосновать позитивистически, его можно обосновать лишь метафизически. По позитивным основаниям человека можно лишиться самого священного его права, если это понадобится. Метафизическую природу либерализма хорошо понимал и обосновывал в довольно крайней и односторонней форме Чичерин. Нет оснований признавать неотъемлемую свободу и неотъемлемые права за человеческой

личностью, если она не обладает вечной духовной природой, если она есть лишь рефлекс социальной среды. Руссо последовательно признал суверенность общества и принужден был отрицать все неотъемлемые свободы и права человека. Также отрицал эти свободы и права Маркс. Либералы – позитивисты лишь по непоследовательности и по поверхностности своего сознания – готовы признать неотъемлемые свободы и права человека. Духовным источником свободы и прав человека является свобода и право религиозной совести. И в этой точке формальная правда либерализма соприкасается с онтологическим ядром человеческой жизни. Права человека и гражданина имеют свою духовную основу в свободе совести, провозглашенной в английской религиозной революции. Эта истина делается все более и более общепризнанной. Но глубже еще неотъемлемые и священные свободы и права человека обоснованы в Церкви Христовой, признающей бесконечную природу человеческого духа и защищающей его от неограниченных посягательств внешнего государства и общества. Это – вечная истина Вселенской Церкви, в реформации она получила лишь одностороннее выражение, вызванное сложными историческими условиями. Злоупотребления католичества в его человеческих, слишком человеческих проявлениях (очень преувеличенные) не должны заслонять той истины, что в нем уже заключалось признание бесконечных прав человеческого духа. Реформация все духовно получила от Церкви, но в ущербном виде.

Что истинная свобода человеческой личности христианского происхождения, это видно уже из того, что античный мир не знал личной свободы, а знал лишь свободу публичную. Уже Бенжамен Констан подчеркнул глубокое различие между древним и новым пониманием политической свободы. Это – различие между языческим и христианским сознанием. На почве языческого религиозного сознания можно было понимать свободу так, как понималась она в греческой демократии, но нельзя было понимать ее так, как она раскрылась христианскому религиозному сознанию, познавшему

бесконечную духовную природу человеческой личности. Учение Руссо было рецидивом языческого сознания. Он не знает личной свободы, не знает духовной природы человека, независимой от общества, не знает ее неотъемлемых прав. Он отрицает свободу совести, порабощает совесть человеческую обществу, суверенному народу. И его сознание политической свободы – дохристианское сознание. И все вы, идущие за Руссо, идущие за Марксом, все вы, подменяющие реальную свободу личности призрачной свободой общественной, все вы язычники, все вы отщепенцы христианства. Для вас не существует человека во внутренней, духовной его действительности, а существует лишь человек в его социальных оболочках. Во имя нового бога вашего – суверенного народа – вы лишаете человека всех его прав. Человек имеет глубокую онтологическую связь с такими подлинными реальностями, как Церковь, как национальность, как государство. Но что есть онтологического во всеобщем избирательном праве, в социализации промышленности, во всей вашей промышленности, во всем вашем коллективизме? Почему человек должен поступиться своими правами, ограничивать свою природу во имя таких фикций и призраков?

В идеалистическом либерализме были просветы лучшего сознания, было большее внимание к человеческой природе. Но просветы эти были закрыты поверхностным «просветительством» Ибо «просветительство» никогда не просвещает глубоко сознание. Свет его – не солнечный свет. Это – искусственный свет лампы, ослабляющий самую потребность в истинном свете. И лучше пройти через полную тьму, через ночь сознания, чтобы почувствовать жажду общения к царству подлинного света. Широко распространенная либеральная идеология слишком срослась с этим поверхностным просветительством, и в нем утонули проблески более высокой правды. Либерализм влачит существование, лишенное всех онтологических основ, он живет крохами и клочьями какой-то замутненной правды. И с ним

перестали считаться как с самостоятельным явлением духа. Либерализм так основательно выветрился, так обездушился, что можно еще признавать элементы либерализма, но невозможно уже быть либералом по своей вере, по своему окончательному мирозерцанию. Либерализм перестал быть самостоятельным началом, он сделался каким-то компромиссом, каким-то полудемократизмом или полуконсерватизмом. Он противопоставляет демократической или социалистической вере иную тактику, иные интересы, но бессилён уже противопоставить иную веру, иную идею. Слишком часто делают либералами те, у кого слаба вера, кто не любит слишком утруждать себя идеями. В либеральном лагере невозможен прозелитизм. Слишком часто сами либералы пасуют перед более радикальными и крайними идеями, склоняются перед типом революционера и себя считают недостойными приблизиться к революционной вере и революционному действию. Либерал сделался синонимом умеренного, человека компромисса, оппортуниста. Но можно ли назвать умеренным и оппортунистом того, у кого есть своя идея, иная, чем у социалиста-революционера, своя вера, кто верен до конца своему началу? Либералы обычно нравственно пасуют перед революционерами и бессильны противопоставить им иную, более высокую нравственную правду. Чем объяснить такую выветренность и опустошенность либерализма? Почему угасли в нем проблески правды более высокой, чем та, которая выдвигается демократизмом и социализмом?

«Познайте истину, и истина сделает вас свободными». «Где дух Господень, там и свобода». Вот в какой глубине должно обосновываться начало освободительное. Поистине, христианство хочет освободить человека от рабства, от рабства греху, рабства низшей природе, рабства стихиям этого мира, и в нем должно было бы искать основ истинного «либерализма». Истинное освобождение человека предполагает освобождение его не только от внешнего рабства, но и от внутреннего рабства, от рабства у самого себя, у своих страстей и своей низости. Об этом не подумали вы, просветители-

освободители. Вы оставляете человека во внутреннем рабстве и провозглашаете права его, т. е. права рабьей, низшей природы. В основе вашего либерализма был внутренний порок. И потому он не мог не пасть. Либерализм ваш роковым образом изменил своей единственной возможной духовной основе. Вы сделали декларацию прав человека и оторвали ее от декларации прав Бога. В этом был ваш первородный грех, за который вы наказаны. Выше автономии стоит теонмия. Это глубоко поняла французская католическая школа начала XIX века с Ж. де Местром во главе. И школа эта потребовала провозглашения забытых прав Бога, требовала этой священной декларации до забвения неоспоримых прав человека. Потому что вы забыли о правах Бога, вы забыли и о том, что декларация прав человека должна быть связана с декларацией обязанностей человека. Путь, на котором права человека были оторваны от обязанностей человека, не довел вас до добра. На этом пути выродился ваш либерализм. Требования прав без сознания обязанностей толкало на путь борьбы человеческих интересов и страстей, состязание взаимоисключающих притязаний. Права человека предполагают обязанность уважать эти права. В осуществлении прав человека самое важное не собственные правовые притязания, а уважение к правам другого, почитание в каждом человеческого образа, т. е. обязанности человека к человеку и человека к Богу. Обязанности человека глубже прав человека, они и обосновывают права человека. Право вытекает из обязанности. Если все будут очень сильно сознавать права и очень слабо сознавать обязанности, то права никем не будут уважаться и не будут реализованы. И права человека, и обязанности человека коренятся в его богоподобной природе. Если человек – лишь подобие природной и социальной среды, лишь рефлекс внешних условий, лишь дитя необходимости, то нет у него ни священных прав, ни священных обязанностей, то у него есть лишь интересы и притязания. Права человека предполагают права Бога, это прежде всего права Бога в человеке, права божественного в человеке, его богоподобия и богосыновства. Человек потому

лишь имеет бесконечные права, что он бесконечный дух, что глубина его входит в божественную действительность. Личность человеческая не довлеет себе, она предполагает бытие Бога и божественных ценностей. Возможно ли провозглашение священных прав человека как усовершенствованного и дисциплинированного зверя, как куска праха, в котором на мгновение загорелась жизнь? Права человека должны иметь онтологическую основу, они предполагают и бытие души человеческой в вечности, и бытие, бесконечно превышающее эту душу, бытие Божие. Об этом забывает ваш просвещенный либерализм и ваш радикализм. И потому он должен был выветриться, он не мог осуществить никаких прав человека. Отвлеченный, доктринерский либерализм, претендующий опереться на собственную пустоту, есть невыносимая ложь, и против него должны подняться движения, искавшие реального содержания социальной жизни.

Либеральная идеология зародилась в умственной атмосфере XVIII века, которая склонна была утверждать естественную гармонию. Эта идеология проникнута верой в естественную гармонию свободы и равенства, во внутреннее родство этих начал. Французская революция совершенно смешивала равенство со свободой. Весь XIX век разбивал иллюзии естественной гармонии, он жизненно раскрыл непримиримые противоречия и антагонизмы. Обнаружилось, что равенство несет с собой опасность самой страшной тирании. Обнаружилось, что свобода несколько не гарантирует от экономического рабства. Отвлеченные начала свободы и равенства не создают никакого совершенного общества, не гарантируют прав человека. Между свободой и равенством существует не гармония, а непримиримый антагонизм. Вся политическая и социальная история XIX века есть драма этого столкновения свободы и равенства. И мечта о гармоническом сочетании свободы и равенства есть неосуществимая рационалистическая утопия. Никогда не может быть замирения между притязаниями личности и притязаниями общества, между волей к

свободе и волей к равенству. Отвлеченный либерализм так же бессилён разрешить эту задачу, как и отвлеченный социализм. Это – квадратура круга. В плане позитивном и рациональном задача эта неразрешима. Всегда будет столкновение безудержного стремления к свободе с безудержным стремлением к равенству. Жажда равенства всегда будет самой страшной опасностью для человеческой свободы. Воля к равенству будет восставать против прав человека и против прав Бога. Все вы, позитивисты-либералы и позитивисты-социалисты, очень плохо понимаете всю трагичность этой проблемы. Свобода и равенство несовместимы. Свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы. Свобода живого существа, а не математической точки, осуществляется в качественном различии, в возвышении, в праве увеличивать объем и ценность своей жизни. Свобода связана с качественным содержанием жизни. Равенство же направлено против всякого качественного различия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвышение. Один из самых замечательных и тонких политических мыслителей XIX века, Токвиль, первый ясно сознал трагический конфликт свободы и равенства и почувал великие опасности, которые несет с собой дух равенства. «Я думаю, – говорит этот благородный мыслитель, – что легче всего установить абсолютное и деспотическое правительство у народа, у которого общественные состояния равны, и полагаю, что если подобное правительство раз было установлено у такого народа, то оно не только притесняло бы людей, но с течением времени отнимало бы у каждого из них многие из главнейших свойств, присущих человеку. Поэтому мне кажется, что деспотизма всего более следует опасаться в демократические времена». Этот благородный ужас перед нивелировкой, перед европейской китайщиной был и у Д. С. Милля. И его беспокоила судьба человеческой личности в демократическом обществе, одержимом духом равенства. Иллюзии XVIII века, иллюзии французской революции были разбиты. Свобода расковывает безудержную волю

к равенству и таит в себе семя самоотрицания и самоистребления. Либерализм порождает демократию и неудержимо переходит в демократизм. Таково его последовательное развитие. Но демократия истребляет самые основы либерализма, равенство пожирает свободу. Это обнаружилось уже в ходе французской революции. 93-й год истребил декларацию прав человека и гражданина 89-го года. Это процесс фатальный. Противоречие между свободой и равенством, между правами личности и правами общества непреодолимо и неразрешимо в порядке естественном и рациональном, оно преодолимо и разрешимо лишь в порядке благодатном, в жизни Церкви. В общении религиозном, в обществе церковном снимается противоположность между личностью и обществом, в нем свобода есть братство, свобода во Христе есть братство во Христе. Духовная соборность разрешает эту квадратуру круга. В ней нет различия между правом и обязанностью, нет противоположения. Но в церковном обществе нет механического равенства, в нем есть лишь братство. И свобода в нем не есть противоположение себя другому, ближнему своему. Религиозное общение основано на любви и благодати, которых не знает ни либерализм, ни демократизм. И потому разрешаются в нем основные антиномии человеческой жизни, жесточайшие ее конфликты.

Внутреннее развитие либерализма ведет к демократическому равенству, которое становится в неизбежное противоречие со свободой. Но и с другой стороны либерализм подвергается опасности разложения и вырождения. В либеральной идее самой по себе нет еще ничего «буржуазного». Нет ничего «буржуазного» в свободе. Я с отвращением употребляю ваши излюбленные слова, пошлые и поверхностные, лишенные всякого онтологического смысла. Я не думаю, чтобы вы знали, что такое «буржуазность», и имели право говорить о ней. Вы ведь сами целиком в ней пребываете. Но нельзя не признать, что господство отвлеченного либерализма в жизни экономической дало свои отрицательные и злые плоды. Если манчестерство и имело относительное оправдание в извест-

ный исторический момент, то в дальнейшем неограниченное господство его лишь компрометировало и разлагало либеральную идею. Ничем не ограниченный экономический индивидуализм, отдающий всю хозяйственную жизнь целиком во власть эгоистической борьбы и конкуренции, не признающей никакого регулирующего принципа, не имеет как будто никакой обязательной связи с духовным ядром либерализма, т. е. с утверждением прав человека. Несостоятельность так называемого экономического либерализма давно уже выяснилась. И вокруг идеи либерализма образовалась атмосфера, насыщенная неприятными ассоциациями. Вообще ведь идеи, и даже не столько идеи, сколько слова, их выражающие, подвержены порче. Человеческие интересы способны исказить и загрязнить и самые высокие слова, связанные с жизнью религиозной. Слово «либерализм» принадлежит к разряду очень порченных слов. Но много ли осталось слов не порченных, во многих ли словах наших осталась еще светоносная, действенная энергия? Порча либерализма началась со смешения целей и средств, с подмены духовных целей жизни материальными средствами. Свобода человека, права человека есть высокая духовная цель. Всякий политический и экономический строй может быть лишь относительным и временным средством для осуществления этой цели. Когда либерализм видит в свободе человека и неотчуждаемых правах его высокую цель, он утверждает неполную, но несомненную истину. Но когда он начинает временным и относительным политическим и экономическим средствам придавать почти абсолютное значение, когда в исканиях новых форм социальной организации он начинает видеть недопустимое нарушение своей отвлеченной доктрины, он вырождается и разлагается. На этой почве создались очень сложные и запутанные отношения между либерализмом и социализмом, которые нельзя выразить в отвлеченной формуле.

Вы любите противопоставлять либерализм и социализм как два вечно враждующих и несовместимых начала. Это так же относительно верно, как и все отвлеченные формулы.

Идеология либеральная и идеология социалистическая образовались вокруг разных жизненных задач, пафос их имеет разные источники. Воля к свободе породила либеральную идеологию. Идеологию социалистическую породила воля к обеспечению хлеба насущного, к удовлетворению элементарных жизненных потребностей. И если либералами делаются те, у кого элементарные жизненные потребности удовлетворены и обеспечены и кто хочет свободно раскрыть свою жизнь, то социалистами делаются те, кому нужно еще удовлетворение более элементарных жизненных требований. В перспективе индивидуальной социализм элементарнее либерализма. В перспективе же общественной это соотношение обратное. В принципе как будто бы мыслим либеральный социализм и социалистический либерализм. Либерализм не имеет никакой обязательной идейной связи с манчестерством, с экономическим индивидуализмом, эта связь — случайно-фактическая. Либерализм вполне совместим с социальным реформаторством, он может допускать все новые и новые средства и методы для обеспечения свободы и прав человека. Либеральная декларация прав носит формальный характер и допускает какое угодно социальное содержание, если оно не посягает на права человека, признанные неотъемлемыми. Известного рода реформаторский социализм даже более совместим с идеальными основами либерализма, чем с крайними формами демократии, не имеющей социального характера. С другой стороны, возможен либеральный социализм. Социализм реформаторского типа может основываться на либеральных принципах, может мыслить социальное реформирование общества в рамках декларации прав человека и гражданина. Либерализм впитывает в себя элементы социализма. Социализм же делается более либеральным, более считается не только с экономическим человеком, но и с человеком, обладающим неотъемлемыми правами на полноту индивидуальной жизни, правами духа, не подлежащими утилитарным ограничениям. Но либеральный, реформаторский социализм не есть, конечно, настоящий социализм. Важнее

всего признать, что либерализм и социализм – относительные и временные начала. Вера либеральная и вера социалистическая – ложная вера.

Либеральное начало есть одно из начал человеческой жизни, но оно не может быть утверждаемо как начало единственное и безраздельно господствующее. Само по себе взятое, оно оказывается оторванным от онтологической основы. Либерализм должен сочетаться с более глубоким, не внешним консерватизмом, равно как и с социальным реформизмом. Религиозно либерализм есть протестантизм. В либеральной свободе есть доля истины, как есть она и в протестантской религиозной свободе. Но протестантизм отрывается от онтологических основ Церкви, он утверждает начало религиозной свободы отвлеченно, не в полноте религиозной жизни. То же происходит и с либерализмом. Либерализм отрывается от онтологических основ общественности, он утверждает начало политической свободы отвлеченно, не в полноте человеческой жизни. И подобно тому, как религиозная свобода, свобода религиозной совести должна быть возвращена к своим онтологическим основам, к полноте церковной жизни, свобода и права человека должны быть возвращены к своим онтологическим основам, к полноте духовной жизни человека. Философский либерализм, как отвлеченный тип мысли, склонен отрицать реальные общности и целостности, онтологическую реальность государства, нации, Церкви и признавать общество лишь взаимодействием личностей.

Чисто либеральная идеология переносит все в личность как в единственную реальность. Но этим номинализмом подрывается в конце концов и реальность самой личности. Ибо реальность личности предполагает другие реальности. Об этом не раз уже было мною говорено. Рационалистический либерализм отрицает существование онтологической иерархии. Но этим отрицает он и личность как члена иерархии реальностей. Либерализм вырождается в формальное начало, если он не соединяется с началами более глубокими,

более онтологическими. Индивидуалистический либерализм отрывает индивидуум от всех органических исторических образований. Такого рода индивидуализм опустошает индивидуум, вынимает из него все его сверхиндивидуальное содержание, полученное от истории, от органической принадлежности индивидуума к его роду и родине, к государству и Церкви, к человечеству и космосу. Либеральная социология не понимает природы общества. Либеральная философия истории не понимает природы истории.

Либерализм, как целое настроение и мирозерцание, – антиисторичен, столь же антиисторичен, как и социализм. И с этой стороны ждет его суровый суд. Все более глубокие попытки обоснования либерализма упираются в идею естественного права. Естественное право пытались обосновать идеалистически. Но учение о естественном праве связано с верой в «естественное состояние». Естественное право противопоставляется историческому праву, как естественное состояние противопоставляется историческому состоянию, исторической действительности. Все учения об естественном праве давно уже подвергнуты беспощадной критике. От них не осталось камня на камне. Идеалистическое возрождение естественного права и попытки дать ему нормативное основание с помощью философии Канта не доходят до последней глубины, до онтологических основ. Неотъемлемые и священные права человека не могут быть названы «естественными» его правами, правами «естественного состояния». И напрасно вы идеализируете природу человека, напрасно вы хотите опереться на нее в стремлении к лучшей жизни. «Исторический» человек все же лучше «естественного» человека, и расковывание человека «естественного» порождает лишь зло. «Историческое» состояние выше «естественного» состояния, «историческое» право выше «естественного» права. Неотъемлемые и священные права имеет человек не как «естественное» существо, а как существо духовное, его благодатно-возрожденная, усыновленная Богом природа. А это значит, что глубокого обосно-

вания прав человека следует искать не в «естестве», а в Церкви Христовой. Бесконечное право человеческой души есть не «естественное», а «историческое» право христианского мира. Человеческая душа, открытая христианством, не есть «естественное состояние» человека, ибо в «естественном состоянии» она была глубоко задавлена и закрыта. Человеческая душа раскрылась из глубины в христианскую историческую эпоху, и раскрытие это предварялось лишь в античных мистериях и в платоновской философии. Крупица правды либерализма почерпнута из этого высшего источника. Ваша же философия «естественного состояния» и «естественного права» поверхностна. Более глубока философия «исторического состояния» и «исторического права». Вера в совершенное «естественное состояние» давно уже рухнула, она не выдерживает критики ни сознания научного, ни сознания религиозного. Человек по «естеству» своему не добр и не безгрешен. Все «естество» во зле лежит. В «естественном» порядке, в «естественном» существовании царит вражда и суровая борьба. Порядок «исторический» есть более высокое состояние бытия, чем порядок «естественный». Гуманизм лживо смешал человека «естественного» с человеком духовным, благодатно возрожденным и богоусыновленным, и в пределе своем привел к отрицанию человека. Вы, люди XX века, должны были бы окончательно освободиться от остатков XVIII века, от навязчивых идей позапрошлого века. Нет никакого «естественного» состояния, нет никакого «естественного» права, нет и быть не может никакой «естественной» гармонии. Уже XIX век должен был вас обратить к «историческому», к глубине исторической действительности. И поскольку либерализм противопоставляет себя «историческому» и обосновывает себя на «естественном», он вырождается в отвлеченной пустоте. «Историческое» – конкретно, «естественное» же есть абстракция. В «историческом», в исторических органических целостностях побеждается грех и зло «естественного» состояния. Выше «исторического» состояния и «исторического» права стоит «духовное» состояние и «духовное» право.

Вера в идеал либерализма уже стала невозможной. Все слишком изменилось и усложнилось с того времени, как была еще свежа эта вера. Слишком ясно, что вера эта была основана на ложном учении о человеческой природе, на нежелании знать ее иррациональные стороны. Мы не очень уже верим в конституции, не можем уже верить в парламентаризм как панацею от всех зол. Можно признавать неизбежность и относительную иногда полезность конституционализма и парламентаризма, но верить в то, что этими путями можно создать совершенное общество, можно излечить от зла и страдания, уже невозможно. Ни у кого такой веры нет. И последние доктринеры либерального конституционализма и парламентаризма производят жалкое впечатление. Парламентаризм на Западе переживает серьезный кризис. Чувствуется исчерпанность всех политических форм. И поскольку либерализм слишком верит в политическую форму, он не стоит на высоте современного сознания. Также не стоит на высоте современного сознания социализм, поскольку он слишком верит в экономическую организацию. Все эти веры – остатки старого рационализма. Рационализм основан был на сужении человеческого опыта, на неведении той иррациональной человеческой природы, которая делает невозможной полную рационализацию общества. Люди нового века не могут уже верить в спасительность политических и социальных форм, они знают всю их относительность. Все политические начала относительны, ни одно из них не может претендовать на исключительное значение, ни одно не может быть единospасающим средством. Вера в конституцию – жалкая вера. Конституции можно устраивать согласно требованиям исторического дня, но верить в них бессмысленно. Вера должна быть направлена на предметы более достойные. Делать себе кумир из правового государства недостойно. В этом есть какая-то ограниченность. Правовое государство – вещь очень относительная. И если есть в либерализме вечное начало, то искать его следует не в тех или иных политических формах, не в той или иной организации представительства и власти, а в правах человека, в свободах человека. Права и сво-

боды человека безмерно глубже, чем, например, всеобщее избирательное право, парламентский строй и т. п., в них есть священная основа. Но именно поэтому права и свободы человека требуют более глубокого обоснования, чем то, которое дает им либерализм, – обоснования метафизического и религиозного. Частичная правда либерализма – свобода религиозной совести, а основа ее – в Христе и Его Церкви, в свободе Церкви от притязаний «мира», так как лишь в Церкви Христовой раскрывается бесконечная природа человеческого духа. Вне христианства притязание мирского государства и мирского общества по отношению к человеческой личности были бы безграничны. Кровью христианских мучеников завоевана свобода человеческого духа. Об этом следовало бы помнить вам – мнящим себя освободителями. Но вы хотели бы освободить человека и от Церкви Христовой, которая есть царство свободы, и этим вы отдадите человека безраздельно во власть природной необходимости.

В наше время редко можно встретить чистого либерала, выразителя отвлеченного либерального начала. Обычно либерализм бывает очень осложнен и сочетается с разными другими началами. В либеральной чистоте и пустоте невозможно удержаться. Или либерализм бывает осложнен началами консервативными, и тогда он более глубок и крепок. Или он бывает осложнен расплывчатыми демократическими, социалистическими и анархическими началами, и тогда он порождает пошлый и рыхлый тип радикала. Вы, радикалы, – самая ненужная в мире порода людей, самая поверхностная, самая промежуточная, живущая на чужой счет, а не на свой собственный. Вы живете чужими, более левыми, революционными идеями, которым бессильны противиться и бессильны отдалиться, которым бессильно завидуете. И вы не можете быть для человечества даже тем трагическим уроком, тем поучительным опытом, каким являются настоящие революционеры, социалисты и анархисты. Вы, радикалы-либералы, не имеете тех твердых начал, которые готовы были бы до конца защищать, которые могли бы противопоставить напору слева стихий разруши-

тельных. В этом бессилии чувствуются плоды либерализма, не имеющего онтологических основ. Вы никогда не уверены, есть ли онтологические основы в государстве, в нации, во всех исторических целостях. И вас сносят течения более крайние и решительные, более верующие и фанатические. Вы, либералы-радикалы, – скептики по своему духовному типу и потому не можете двигать истории. Ложной вере должна быть противопоставлена истинная вера, а не безверие и скептицизм. Безверие и скептицизм, раздвоенность, оглядка по сторонам, жизнь на чужой счет, на счет чуждых идей за неимением собственных – роковые свойства радикала. Вот почему либерал-консерватор стоит выше, чем либерал-радикал, он более принципиален, он знает, что противопоставить чужим идеалам. Либерализм как самодовлеющее отвлеченное начало, отстаивающее свободу личности, легко переходит в анархизм. Анархизм этот бывает очень невинным, очень идеальным, совсем не разрушительным, но и очень бессильным. Таким либералом-анархистом является, например, Спенсер. Таким был В. Гумбольдт. Это выражается в желании довести государство до крайнего минимума и постепенно его совсем упразднить, в непонимании самостоятельной природы государства. В таком либеральном анархизме нет настоящего пафоса и нет действенности, он носит теоретический и кабинетный характер. Но этот анархический уклон внутренне расслабляет либерализм. Все пороки и слабости либерализма связаны с тем, что он весь еще пребывает в формальной свободе ветхого Адама и не знает материальной содержательной свободы нового, духовно возрожденного Адама.

Письмо восьмое

О демократии

Токвиль так передает свое впечатление от поступательного роста демократии в начале своей блестящей книги «О демократии в Америке»: «Вся последующая книга была

написана под впечатлением некоторого рода религиозного ужаса, произведенного в душе автора видом этой неудержимой революции, идущей в течение стольких веков через все препятствия и которая и теперь видимо подвигается вперед среди производимого ею разрушения». Мне хорошо знакомо это чувство ужаса. Я испытал его давно, очень давно, впервые еще почти в детстве, потом юношей, оно было довольно остро осознано в первую русскую революцию 1905 года и достигло мучительной напряженности весной 1917 года, когда начался разлив второй «великой» русской революции. Демократия – не новое начало и не впервые входит она в мир. Это – старое, вековечное начало, хорошо знакомое еще миру античному. Но впервые в нашу эпоху вопрос демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государственности, это – особый дух. Никогда еще не торжествовала в мире в чистом виде идея демократии, да и вряд ли возможно это торжество. Но дух демократии уже отпраздновал немало побед. Демократия, как самодовлеющая отвлеченная идея, ничему высшему не подчиненная, есть человекообожествление и отрицание божественного источника власти. Народ довлеет самому себе. Верховным началом его жизни является его собственная воля, независимо от того, на что она направлена, чего она хочет, каково ее содержание. Народная воля обожествляется потому, что она утверждается формально, без связи с ее содержанием. Содержание народной воли предполагает уже какие-то сверхчеловеческие ценности. Как только вы обратите внимание на содержание народной воли, вы не можете ее уже обоготворять. Ибо воля народная может быть направлена на зло, и тогда она подлежит осуждению, или она направлена на высшее добро, на божественное содержание жизни, и тогда не воля народная, а само это добро и это божественное содержание должно быть признано вер-

ховным началом. Вот о чем вы недостаточно думали. Признание народной воли верховным началом общественной жизни может быть лишь поклонением формальному, бессодержательному началу, лишь обоготворением человеческого произвола. Не то важно, чего хочет человек, а то, чтобы было то, чего он хочет. Хочу, чтобы было то, чего захочу. Вот предельная формула демократии, народовластия. Глубже она идти не может. Само содержание и состояние народной воли не интересует демократический принцип. Народная воля может захотеть самого страшного зла, и демократический принцип ничего не может возразить против этого. В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к духовному их уровню. Эта идея хотела бы отвлечь человеческое внимание от содержания человеческой жизни и цели жизни и направить его целиком на формы волеизъявления. Народный суверенитет носит совершенно формальный характер. Остается неизвестным, чего захочет суверенный народ, когда все будет предоставлено его воле, какой строй жизни пожелает создать он.

Вы поверили в демократию потому, что вы потеряли веру в правду и истину. Если бы вы верили в объективное бытие правды и истины, то должны были бы правду и истину поставить выше воли народа и им подчинить волю народа. Но для вас правда и истина то, чего захочет народ и что он скажет. Вы хотите отдать правду и истину на решение большинства голосов и провести их через всеобщее избирательное право. Это и есть неверие, это и есть безбожие, положенное в основу всей демократической идеологии. Вы хотите добыть правду и истину об общественном устройении из большинства, из количества. Но может ли иметь какое-либо отношение к критериям большинства и количества правда и истина? Правда и истина имеют иной, божественный источник, независимый от человеческого произволения. Правда и истина может быть

в меньшинстве, а не в большинстве, и даже всегда она бывает в меньшинстве. И почти чудовищно, как люди могли прийти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины! Оправданием принципов демократии, принципов большинства и количества, может быть только скептицизм. Сомневающиеся, опустошенные, оторвавшиеся от онтологических основ жизни должны прибегать к решениям большинства, к критериям количества. Если нет правды и истины, то будем считать за правду и истину то, что признает большинство. Если и есть правда и истина, но я ее не знаю и не знаю реальных путей к ней и вечно сомневаюсь в ней, то остается положиться на большинство и в человеческом количестве искать замены недостающих во мне самом качеств! Демократическая революция в мире потому и вызывает религиозный ужас, что она свидетельствует о духовном упадке человечества, о росте безбожия, о страшном скептицизме, о потере всех качественных критериев правды и истины. Демократия есть скептическая общественная гносеология. Эта гносеология признается теми, которые утратили истоки духовной жизни. Вот почему рост демократии в мире имеет роковой смысл. Он идет параллельно выветриванию души, потере Бога в душе. *Демократическое равенство есть потеря способности различать качества духовной жизни.* Это есть смешение, допускаемое теми, которые перестали дорожить качествами. Демократическая идеология количеств не может не вести к царству худших, а не лучших.

В основу демократии не была положена воля к повышению жизни, к качеству и ценности. Никаких новых ценностей сама демократия из себя не создает и не может создать. Она строится вне всякой мысли о ценности и содержании жизни. И всеуравняющая демократическая эпоха человеческой истории есть понижение качественного, ценностного содержания жизни, понижение типа человека. Демократия не имела интереса к воспитанию высокого человеческого типа, и потому она бессильна создать лучшую жизнь. Апостол демократии

Ж. Ж. Руссо верил в естественную доброту и благодность человеческой природы и думал, что она обнаружится во всей своей красоте, когда будет установлена форма народовластия. Эта коренная ложь опровергнута и самой жизнью, опытом истории, и более сложной и глубокой мыслью. Для сознания Руссо не стояла задача победы над грехом и злом, задача перевоспитания человека и народа и создания более высокого человеческого типа. Нужно только снять оковы с народа, дать ему возможность выразить свою волю и по своей воле построить общество – и наступит совершенное естественное состояние. В XIX веке изверились в естественное состояние человека и естественное состояние общества, на этой философской основе демократии основать не могли и вместе с тем ничем ее не могли заменить. Осталось непонятным, почему ничем не ограниченное и не сдержанное обнаружение человеческой природы в ее непреображенном состоянии через демократию, народовластие ведет к благу, порождает общественную правду. Позитивизм XIX века ни в какое благодное естественное состояние уже не верит. Но он легко санкционирует и обосновывает демократию, требует формального преклонения перед данным, природным человеком и его греховной волей. Правда, демократическая метафизика утверждает, что каждый отдельный человек ошибается, он находится в неправде и лжи, но безошибочна и правильна воля всех, воля народа, воля коллектива. Тут возникает очень сложная философская проблема, над которой не задумываетесь вы, демократы-позитивисты. Какова природа того коллектива, который именуется народом и который вы признаете суверенным? Представляет ли народ, за которым вы признаете верховную власть, некоторое реальное единство, имеет ли он онтологическое ядро? Вы ведь номиналисты, а не реалисты, и народ как человеческий коллектив для вас не может быть онтологической реальностью, он есть лишь механическая сумма. В вашей народной воле происходит лишь арифметическое сложение. Вы верите в большинство голосов. Из суммирования воли всех не получается всеобщей воли. Марксизм, который был крайним выраже-

нием мирового духа уравнения, разложил демократические иллюзии, убил демократическую метафизику. И это должно быть признано его заслугой. Социал-демократия отрицает существование народа как реального единства, она разлагает его на классы и группы с противоположными психиками и интересами, и для нее не существует воли народной, нет суверенного начала. Выше воли народа стоит воля пролетариата, на который переносятся все те божественные атрибуты, которые демократическая метафизика приписывала народу. Пролетариат выше народа, он есть реальное единство. Это – новая фикция, новый фетиш, но она разлагает старую фикцию, старый фетиш – «народ». Народа в том смысле, в каком утверждает его демократическая метафизика, не существует. Этот «народ» не может иметь никакой воли. Он есть лишь сложное взаимодействие социальных групп с разным душевным складом и интересами или механическое сложение отдельных человеческих единиц.

Народ есть также мистический организм, соборная личность. В этом смысле народ есть нация, он объемлет все классы и группы, всех живых и умерших. Но народа в этом смысле демократия не хочет знать и не знает, он совершенно не находится в поле зрения демократии. Народ и демократию не только не следует смешивать и отождествлять, но необходимо тщательно различать и противопоставлять. Слово «демократия» и «демократический» употребляют в слишком расплывчатом и неопределенном смысле. Под демократией понимают и трудящиеся классы общества, крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию, и широкую демократическую настроенность и народовластие, т. е. политическую форму, и народ как суверенного хозяина страны. Происходит некритическое смешение демократии как народного человеческого состава и демократии как известного политического направления и политической настроенности. Говорят – «он демократ», т. е. человек из простонародной или близкой к простонародью среды, происходит из низших слоев общества, и говорят – «он демократ», т. е. человек демократического настроения и демократических

убеждений, хотя бы он был и аристократического происхождения. И в том и в другом случае слово «демократический» и слово «народный» имеют мало между собой общего. *Народ* не означает «демократических» классов, и «народ» может не иметь «демократических» убеждений. Народ может держаться совсем не демократического образа мыслей, может быть совсем не демократически настроен. Так и бывало в истории при органическом состоянии народа. Демократия есть уже выхождение из органического состояния, распадение единства народа, раздор в нем. Демократия по существу механична, она говорит о том, что народа как целостного организма уже нет. Демократия есть нездоровое состояние народа. В «органические» эпохи истории никаких демократий не бывает и не возникает. Демократия – порождение «критических» эпох. Демократия не может быть выражением духа народа, ибо дух народа выразим лишь в организме, демократия же есть механизм. Демократия берет человека как арифметическую единицу, математически равную всякой другой. Для нее народ как органическое целое распадается на атомы и потом собирается как механический коллектив. Народ не состоит из арифметических единиц и атомов. Народ есть иерархический организм, и в нем каждый человек есть разностное существо, неповторимое в своей качественности. Потому-то и воля народа невыразима в сумме человеческой, в мнении большинства. Всеобщее голосование – негодный способ выражения качеств в жизни народной. Меньшинство может лучше и совершеннее выражать волю народа как органического целого, обладающего соборным духом. Один может лучше выразить волю и этот дух, чем все человеческое количество. На этом основано значение великих людей в исторической жизни народов, вождей, царей. Народ не есть человеческое количество, человеческая масса. Вот что забыли вы в демократический век. В ваших демократиях господствует человеческое количество, и вы думаете, что за ним стоит народ. Но это есть великая ваша ложь, которая должна быть изобличена. Человеческое количество есть пыль, носимая волей ветра. И воля этого человеческого количества

не может быть волей народа. Воля эта не может быть случайной суммой, колеблющейся от всякого дуновения. Уже одно то, что ваше царство демократии раздирается борьбой партий и что партиям отданы в нем судьбы государств, свидетельствует против вас и не позволяет верить, что народ находит в нем свое выражение. Демократическое правление есть в конце концов фикция. Я говорил уже, что в действительности возможны лишь аристократия или охлократия. Тирания партий редко бывает аристократией. Там не происходит подбора лучших и способнейших. В народном суверенитете погибает народ, он тонет в механическом количестве и не находит выражения для своего органического духа, целостного и неделимого. Он находит себе выражение лишь иррационально. В народном суверенитете погибает и человек. Ибо самодержавие народа не ограничивает себя неотъемлемыми правами человека и не гарантирует неприкосновенность этих прав. Самодержавной демократии должны быть противопоставлены и дух народа, и права человека, ибо уготовляет она самую страшную из тираний.

Самые передовые народы Запада давно уже чувствуют неудовлетворенность демократией и пытаются найти выход к новым формам. Кризис демократической идеологии давно уже происходит. И вы, чистые демократы, верующие в верховенство демократической идеи, – люди устаревшего образа мышления и устаревшего образа чувств. В европейском мире был демократический разлив, в котором все более и более тонула Европа. Этот разлив продолжается и не достиг еще полноводья. Но началось уже и обратное движение. В сфере мысли давно уже начался отлив. Пределы демократии познаны, и более прозорливыми умами увидена демократическая опасность и безвыходность. Количество не может создать качества. Общество, распавшееся на атомы, на математические точки, не может быть собрано, воссоединено и не может получить гармонического образа путем механики, путем подсчета голосов и вручения власти большинству. Воля народа есть качество, которое не

может быть добыто ни из каких количественных комбинаций. И именно тогда, когда демократия провозгласила верховенство воли народа, воли народа не оказалось, она умерла. *Демократия и есть безнадежное искание умершей воли народа.* Все системы демократического представительства народной воли представляют безнадежные попытки собрать распавшуюся волю. В демократическом представительстве воля народа остается распавшейся и часть восстает на часть. Демократический парламент есть арена борьбы за интересы и за власть. В нем трудно услышать голос единого народа. Он слышен лишь в исключительные минуты и через исключительных людей. Подсчет голосов, зависящий от миллиона случайностей, ничего не говорит о качестве народной воли. Всеобщее избирательное право, которое и доныне является для многих из вас непререкаемым догматом, вызывает величайшие сомнения. Всеобщее избирательное право есть совершенно механический, количественный и отвлеченный принцип. Всеобщее избирательное право не знает конкретных людей, с их разнокачественностью, с их различным весом, оно исключительно имеет дело с отвлеченными людьми, с атомами и математическими точками. Оно не знает и органических социальных групп. Всеобщее избирательное право есть отвлечение от качественного содержания жизни, оно не хочет знать никакого качественного подбора. Откуда же взялась уверенность, что таким путем можно получить общество высокого качества? Это – гипноз идеи равенства. Поверили, что равенство, не пропорциональное, а механическое равенство, есть столь великая правда и великое благо, что и хорошо все, что приложится к нему. Но это обоготворение равенства и есть первородный грех; оно ведет к подмене конкретной, качественной, индивидуальной природы человека природой отвлеченной, количественной и безличной. Основанное на ложном равенстве всеобщее избирательное право есть отрицание человека. В результатах всеобщего права поистине есть что-то нечеловеческое и противочеловеческое.

Всякий человек, если он взят не как отвлеченная математическая точка, имеет свой ценз, свои качественные достиже-

ния. Принцип ценза – истинный принцип, более человеческий принцип, чем полное его отрицание. Принцип ценза – качественный, а не количественный, и в этом его правда. Принцип ценза может искажаться и вырождаться, может пониматься исключительно материалистически, как ценз материальный. Но это нисколько не говорит против его основной правды, ибо вырождаться может все на свете и всем на свете можно злоупотреблять. Но одно несомненно и для религиозного сознания, и для философской мысли: человека нужно брать в его качества, т. е. делать подбор лучших и способнейших. Нет никаких внешних общественных способов брать человека во всем его неповторимом индивидуальном своеобразии. Но есть групповые качества людей, признаки которых могут быть уловлены и установлены. Таковы качества образования, качества общественного опыта, качества исторической преемственности, качества более высокого культурного опыта. Ценз по существу своему должен быть духовным. Но духовный ценз имеет и материальные признаки своего выражения. Более высокий культурный уровень связан и с материальной структурой общества, со сложившимися историческими образованиями. Для того, чтобы представительство не было исключительно механическим и количественным, необходимо считаться в нем с исторически сложившимися и качественно подобранными силами. Общественный опыт и общественная преемственность обладают ценностью, которой нельзя пренебречь и которую нельзя разрушать во имя отвлеченных доктрин и идей. Так, например, в России земство представляло такое качественное историческое образование, в нем накопился общественный опыт, знание дела, традиция. Разрушение земства и нежелание дать ему преимущества в представительстве есть разрушение общественных качеств и погружение в тьму количества. Я думаю, что в бюрократии, при всей опасности ее ничем не ограниченного господства, есть качества опыта, знания и преемственности, с которыми необходимо считаться. Странно доказывать преимущества более высокого культурного слоя, который должен иметь иной вес в общественной

жизни, чем слои, стоящие качественно ниже. Человек – не отвлеченное существо, его нужно брать в исторической среде и преемственности. Огромное значение имеет и происхождение человека, и воспитание его, его инстинкты и традиции, его воспоминания и связи. Вот почему и исторические сословия имели гораздо большее значение, чем это выходит по вашей отвлеченной социологии и отвлеченной демократической идеологии. Под этими внешними формами скрыто что-то существенное для жизни. Проблема демократии не может ставиться отвлеченно и изолированно, она должна быть связана с проблемой культуры. И тогда падает идеал отвлеченной демократии. Демократия не могла низвергнуть иерархического строя общества, который коренится в иерархическом строе космоса. Возрождение во Франции средневековой идеи корпоративного представительства говорит о глубокой неудовлетворенности отвлеченной, механической, количественной демократией. Начинают сознавать, что человека нельзя брать как изолированный атом и из этих атомов создавать общество и государство. Существует иерархия органических образований, к которым принадлежит человек. Эти органические образования должны иметь свое представительство. Беда в том, что все органические образования почти разрушены демократическим веком, изолирован и уединен человек и новые корпорации связываются исключительно экономическими интересами. Французский синдикализм наносит сильные удары демократической идее, и в нем последовательно действует дух огромной корпорации – рабочего синдиката. Но корпорация эта имеет исключительно экономическую основу, и дух ее движется исключительно интересами классово-борьбы. Она возникла в эпоху распада народной воли. Из господства такого рода корпораций не может возникнуть органического строения общества. Оно ведет лишь к перманентной революции. Но синдикализм, как и возрождение идеи корпоративного представительства, обозначает серьезный кризис демократии. Начинают догадываться, что народ не есть толпа, количественная масса, когда он имеет сложное строение и

качественные дифференциации. И необходима более сложная система представительства, не столь механическая и уравнивающая, как система всеобщего избирательного права. В самом принципе советского представительства есть доля истины, которая останется. Но никогда не найдете вы совершенной системы представительства, ибо само представительство есть одно из подчиненных, относительных и преходящих начал общественной жизни. Духовной культуре принадлежит примат над всякой политической формой, и корпорации должны иметь прежде всего духовную основу.

Демократическая идеология есть крайний рационализм. Он покоится на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и окончательно устроить ее одними человеческими силами. Последовательная демократия должна отрицать существование иррациональных начал в общественной жизни и не может их терпеть. Общество, основанное на механике количеств, на всеобщем избирательном праве, принимающем человека за математическую точку, и есть совершенно рационализированное общество, не терпящее вторжения каких-либо иррациональных сил. Демократическая республика с парламентским управлением и есть рационализированное общество. Это есть попытка отождествить государство, всегда имеющее иррациональную, мистическую основу, с вполне рационализированным обществом. Демократия хочет целиком, без остатка растворить государство в обществе. Идеология демократии не может признать государства как специфической и самобытной реальности, она целиком сводит государство на общество, т. е. видит в государстве лишь функции общества. Общество же сводит на отношения людей. Так исчезают всякие онтологические основы государства и общества. Остаются лишь интересы, лишь воля и разум человека как единственное оправдание государства и общества. Никакие иные, более высокие и таинственные силы не действуют в государстве и обществе. Такое уравнивание государства и общества, такая рационализация общества и устройство

его одними человеческими силами представляет большую опасность и для личности человеческой. Ибо личность человеческая во всем своем своеобразии и самобытности своей охраняется иррациональными началами общественности. Иррационально обоснованное государство более уважает личность человеческую и менее притязает на нее, чем вполне рациональное общество. Но иррациональный элемент человеческого общества неистребим, и он опрокидывает все притязания вашей рациональной демократии. Вам не совладать с этим иррациональным элементом. Полная же рационализация человеческого общества была бы победой количества над качеством. И нужно благословлять то «темное» начало в жизни человеческих обществ, которое делает невозможным их окончательную рационализацию, столь убийственную для личности человеческой. Разнокачественные состояния народа невыразимы ни в какой демократии. Слишком много в жизни народной действует сил индивидуальных. И это опрокидывает все ваши демократические строения.

Чистая, отвлеченная, самодержавная демократия есть самая страшная тирания, она убивает человека. Неограниченная власть всех страшнее тиранической власти одного. На короткие лишь мгновения возможно торжество такой демократии, но мгновения эти всегда бывали самым страшным посягательством на свободу человека. В эти мгновения подымалась снизу тьма и охватывала общество. Но коротка жизнь такого демократического самодержавия, оно стоит на острие и соскальзывает. Оно опрокидывается силами, не предусмотренными демократической идеологией. И это счастье для человечества. Если бы возможна была окончательная демократия, то человечество поггло бы, утонуло бы во тьме. В самой идее народовластия, ничем не ограниченного и ничему высшему не подчиненного, нет никакой правды, нет и правды о человеке, о человеческом образе, о его бесконечной духовной природе, на которую недопустимы никакие посягательства. Священные права человека не заключены в демократии и не вытекают из нее. Суверенный народ может отнять у человека все, что захо-

чет, что найдет нужным для своего блага. Самодержавие народа – самое страшное самодержавие, ибо в нем зависит человек от непросветленного количества, от темных инстинктов масс. Воля одного и воля немногих не может так далеко простираť свои притязания, как воля всех. От воли самодержца можно еще охранить часть своего существования, но несоизмеримо труднее его охранить от воли самодержавного народа. Демократия в крайнем своем выражении не хочет допустить прав частной жизни, она имеет тенденцию превратить всю человеческую жизнь в публичную. Трудно, очень трудно укрыться от всепроникающей и безграничной в своих притязаниях демократии. Она вторгается в наши жилища, проникает в наши мысли и чувства. Она хочет сделать человека существом исключительно общественным. Стиль жизни демократических обществ все и вся приводит к единообразию. Стиль этот не терпит уединения и уединенных, он не оставляет места и времени для созерцания, он враждебен избыточному творчеству немногих. Вы много декламировали о деспотии и тирании старых обществ и обещали создать общество свободных. Все это иллюзии, самообман и обман. При самых страшных деспотиях прошлого бывал яркий расцвет личностей, бывали гении и святые, была возможна жизнь интимная и созерцательная, бывали великие творческие подъемы. Все итальянское возрождение прошло под тираниями. Прав был К. Леонтьев, когда говорил: «Мученики за веру были при турках; при бельгийской конституции едва ли будут преподобные!» Демократия неблагоприятна появлению сильных, ярких, творческих личностей, она создает нивелирующую общественную среду, которая стремится целиком поглотить личность и подчинить ее себе. Ваше демократическое общественное мнение есть самая страшная из тираний, оно угнетает дух человеческий, подрывает крылья. Старая тирания с кострами инквизиции больше оставляла простора для человеческой индивидуальности, более считалась с ней. Самая страшная нетерпимость может быть все-таки выражением уважения к человеческой индивидуальности, к духовной жизни человека. Когда Церковь от-

лучает и анафематствует еретика, она признает бесконечную ценность души человеческой и внимательна к ее неповторимой индивидуальной судьбе. Невнимание же и презрение демократии к душе человеческой, к ее индивидуальной жизни и судьбе поистине страшны и человекоубийственны. Царство вашей бездушной, материалистической демократии есть царство самого страшного из Левиафанов, чудовища из миллионов голов. Страшно человеку проваливаться в эту бездну количества, в эту всепоглощающую безликую общественность. Не так страшно, когда личность притесняют, ограничивают, даже мучают, но в принципе признают личностью, чем когда в самом принципе ее отрицают и заменяют безличными началами. Старое русское самодержавное царство немало притесняло и даже истязало личность человеческую, но, поскольку оно было христианским, православным царством, оно признавало личность человеческую, ценность души человеческой. И духовно не так страшна была деспотия. Старые деспотии имели религиозную основу и потому признавали духовную жизнь человека, не рассматривали человека как общественный атом. Ваша новая, демократическая деспотия не хочет уже иметь религиозной основы, она совершенно игнорирует духовную жизнь человека и оценивает человека лишь с точки зрения общественной полезности. Для этой деспотии не освящена уже ни тайна рождения человека, ни тайна его жизни, ни тайна его смерти. Человек становится рабом общественной пользы, большинства голосов, общественного мнения, рабом собственных интересов.

Ваша демократия глубоко враждебна духу свободы, и вам следовало бы прекратить декламацию об освобождении от тираний и деспотий, которое будто бы приносят ваши демократические движения. Свобода аристократична, а не демократична, она обращена к личности, а не к массе. Ваша же общественная свобода может быть самой страшной тиранией, она может превратиться в порабощение всех. Глубоко враждебна ваша демократия и духу творчества. Она не только не раскрывает путей для творчества, но суживает все пути,

сдавливает все творческие порывы. Самые творческие эпохи в жизни человечества – аристократичны, а не демократичны. Ваша демократия глубоко враждебна высшей культуре. Она хотела бы понизить уровень культуры, уменьшить в культуре качественный элемент для усиления количественного. Демократическими движениями движет зависть к высшей культуре, злопамятная нелюбовь к чужим качествам. И это налагает печать неблагородства на стиль демократической культуры. Ваш демократический век начал отрицать великих людей, гениев и святых. Он борется против прерогатив творческих личностей. Эгалитарная страсть мутит ваше сознание, искажает качество вашей воли, вашей мысли и ваших чувств, она мешает подниматься ввысь. Эгалитарная страсть всегда ведет к понижению уровня личности и культуры в демократическом веке. Проникнутые пафосом демократии могут ставить себе лишь вульгарные и вульгаризирующие задачи в духовной культуре. Идеалы демократии – мещанские идеалы. Предания демократии – мещанские предания. Воля демократии направлена к понижению человеческой расы. Эта воля хотела бы не только уничтожить сословия, но и истребить все качественные различия в обществе, все качественные результаты расового подбора. Это недостижимо. Качества народа не могут быть окончательно стерты и истреблены. Но воля к этому движет демократией. Демократическое общество хотело бы быть обществом совершенно упрощенным и смешанным. Это и было бы самой горшей из тираний.

Нет более горькой и унижительной зависимости, чем зависимость от воли человеческой, от произвола равных себе. Можно подчинить себя воле высшей, высшей правде, высшим началам, можно ограничить себя и отречься от себя во имя этих начал. Но достоинство богоподобной природы человека, но благородная гордость человека восстает против того, чтобы жизнь свою целиком подчинить человекам, равным и низшим. Подчинение Церкви, государству, национальности, высшим реальностям и ценностям – сладостно и благородно. Но почему должен я подчиняться интересам, инстинктам

и вожделениям человеческой массы? Духовно к этому меня нельзя принудить. Тут возможно лишь физическое принуждение. Демократия же хочет меня заставить подчиниться исключительно человекам и человеческому. Подчинение иерархическому чину может быть почитанием в нем высшего, сверхчеловеческого начала. В нем есть священная символика. В жреце и царе почитается не человек, не равный и не низший, а иерархический строй общественного космоса. Демократия же уничтожает всякую священную символику. Для достоинства человека и для свободы человека необходимо ограничить демократию, соединить ее с другими началами и подчинить ее другим началам. Народовластие есть человековластие. Человековластие же не знает своих границ и посягает на свободу и права человека. Свободу и права человека гарантируют лишь начала, имеющие сверхчеловеческую природу, возвышающиеся над человеческим произволом. Максимум свободы достигается сочетанием нескольких принципов. Ибо всякое самодержавие, кроме самодержавия Бога, опасно для человека. Для истинной свободы человека, для охранения его достоинства и для гарантии прав его важно, чтобы воля народа была направлена к добру, чтобы истина и правда владели ею. Освобождение человека и народа есть освобождение воли человека и народа от зла, подчинение ее Божьей правде. Если воля народа подчинена злым стихиям, то она – порабощенная и порабощающая воля. И как могли вы дойти до того, чтобы признать волю народа саму по себе верховным благом и в ней искать источника освобождения? Вы впали в грех человекообожествления и пошли путем человекообожествления. Чтобы освободить себя и других, человек должен признать волю высшую, чем он сам, и ее искать, ее осуществлять в жизни общества. Формальный принцип народовластия сам по себе уже безбожен. Можно признавать демократию как одно из подчиненных начал общественной жизни, но религиозно недопустимо признавать ее верховным началом. Христианство не имеет ничего общего с демократией и не может давать обоснования демократии. Эта попытка сблизить христианство и демокра-

тию есть великая ложь нашего времени, отвратительная подмена. Христианство – иерархично. Христианское откровение о бесконечной ценности души человеческой, о равноценности перед Богом всех душ человеческих не есть демократическое откровение, не есть демократическое равенство. Христианское братство не есть демократическое равенство. Все качественно в христианстве, все неповторимо индивидуально, все единственно, все связано с личностью и потому иерархично. Вот чего вы никогда не могли понять: связи личности с иерархизмом. Вы думаете, что личности благоприятно уравненное, упрощенное и смешанное состояние общества, что иерархическое начало враждебно личности. Но это и есть основная ваша ложь, ваше духовное невежество. Само существование личности предполагает иерархический строй космоса, качественное различие и расстояние, общественную и мировую среду, которая не представляла бы бесформенной бездны, всеуравнивающей и всесмешивающей.

Народы должны были пройти через опыт демократии, должны были испытать демократическую самодеятельность. Не для того, чтобы на веки веков демократически устроиться, а для того, чтобы познать тщету и пустоту притязаний демократии. Демократия – переходное состояние. В самом зарождении демократии допускается ложь. Демократии зарождаются через демагогию, через низкую лесть интересам и инстинктам масс. Из этого нечистого источника не может родиться никакая общественная правда. Самодеятельность и самоутверждение человеческого количества легли в основу демократии и не могли пойти на благо тем общественным образованиям, которые создавались в такой психической атмосфере. Демократия сделалась орудием человеческих интересов и человеческих страстей, ареной борьбы за власть и за господство. Демократия усилила греховную похоть жизни. Демократия понимает власть как право, а не как обязанность. И всякая высшая идея в демократических обществах умирает. Господство демократии означает господство интересов раз-

ных общественных групп и их борьбу за власть. И это и есть источник вырождения демократии. Какой-то червь внутренне подтачивает демократические общества. В основе их лежит духовная ложь. Опыт демократии выясняет, что человек не может устроиться собственными силами, не может окончательно рационализировать общественную жизнь по своему малому разуму. Измена своему назначению со стороны иерархически водительствующих слоев общественного организма толкала народы на путь демократического опыта. И оказывалась невозможной и бессильной реставрация старого органического строя. Старый органический быт разрушался в демократических революциях, и жажда возврата к нему была лишь романтической мечтой. Народы нельзя внешне принудить к старому монархически-аристократическому строю. Народы проходят через раздвоение и расщепление, через смерть старой органичности. Но они не создают новой правды и новой красоты, они впадают в неправду и в уродство. Много испытать должны они, много изжить, много перестрадать, прежде чем придут к новой органичности, прежде чем соберут себя во имя высшей идеи. И остается мучительный вопрос: могут ли народы придти на этой земле к праведному и прекрасному обществу? В это трудно верить и этому не учит нас христианство. Начала космические продолжают существовать в человеческом обществе, они имеют неистребимую онтологическую основу, заложенную в самой божественной действительности. Но очень сложно отношение этих онтологических основ к феноменологии общественности. За видимой, внешней общественностью действует общественность невидимая, внутренняя. Она-то и спасает мир от распада, не допускает возвращения его к хаосу. В человеческих обществах действуют таинственные силы, которые не учитываются всеми рационалистическими теориями общества.

Из глубокого кризиса демократии не может быть выходов исключительно политических и социальных. В европейском мире чувствуется безнадежная и роковая исчерпанность всех политических форм. По-новому повторяют и комбини-

руют уже знакомые старые начала. Политическое творчество иссякает. Трудно придумать что-либо новое. И давно уже пора всем вам, так веровавшим в политику и во внешнюю общественность, обратиться к большей глубине, пора одуматься, приостановить рассеяние энергии вовне и направить ее внутрь. Кризис демократии не есть кризис политический, это прежде всего кризис духовный. В кризисе этом обнаруживается ложь религиозных основ демократии. Попытки дать теократическое обоснование и оправдание демократии представляют еще большую ложь и соблазн, чем теократическое обоснование и оправдание цезаризма. Я не приверженец идеи византийско-теократического самодержавия и не верю в возможность возврата к нему. Но в этой древней идее есть большая глубина, большая красота и благородство, чем в идее теократической демократии. помазание Божие не может покоиться на человеческом количестве, на человеческой массе. помазание есть избрание. Теократическая демократия есть отрицание избрания. Человечество изверилось в единоспасающие начала общественной жизни, претендующие на исключительное господство. Кумир народовластия так же низвергнут, как и кумир единовластия. Задачи общественности бесконечно усложнились. В демократизме останется только одна нравственная правда простоты, противоположная барскому отношению к народу. Братское отношение человека к человеку должно быть духовной основой всякого достойного общества. Христианство внутренне давно уже ограничило притязания всех начал общественности на главенство и верховенство. Теократическая мечта христианского мира не находит себе адекватного выражения в каком-либо едином начале общественности. И христианское сознание должно в конце концов придти к тому, что в видимой земной общественности нет единого суверенного начала, на котором можно было бы построить царство Божьей правды. Высшее начало нужно искать в глубине духа. Демократия должна быть, прежде всего, ограничена духовной жизнью и подчинена духовной жизни. Это ставит задачу внутреннего воспитания демократии.

Она остро сознается лучшими политическими мыслителями и деятелями. Но как беспомощны они в ее разрешении! Торжествующая демократия не поддается воспитанию, она остается на поверхности жизни и не хочет идти вглубь. Лишь ужас жизни, лишь гибель всех надежд может принудить самодовольную демократию, как и самодовольную монархию и аристократию, к углублению, к исканию выхода в духовной жизни. Так упираются все политические кризисы в кризис религиозный. Демократия слишком пленилась благами земной жизни. Она перестала верить в то, что человеческое общество имеет и сверхземную цель. Мировое демократическое движение, вызывающее в чутких и глубоких людях религиозную тревогу, приводит к горькому пессимизму. Но в пессимизме этом есть здоровое начало. Он обращает человека к сверхземной жизни. Опыт человека в демократии должен обратить его к Богу. В этом – значение демократии.

Письмо девятое О социализме

Социализм не есть выдумка наших дней. Социализм – одно из вековых начал, действовавших еще в мире античном. У Пельмана, в его замечательной книге «История античного коммунизма и социализма», вы можете прочесть много в этом отношении поучительного. Вы узнаете, что и тогда происходила уже свирепая борьба классов, бывали восстания масс, была алчность и корыстолюбие классов имущих, зависть и мстительность классов неимущих, что и тогда уже строились социальные утопии. Пельман, Э. Мейер и другие показали, что хозяйство в Греции было более развитым и сложным, чем это казалось прежде, что там был уже капитализм и нес с собой все противоречия. Во все времена существовала борьба классов, враждовали имущие и неимущие, была бедность и нищета и вопрос о хлебе насущном мучил

человека. Истоки социального вопроса лежат еще в древнем библейском проклятии: «В поте лица своего будете добывать хлеб свой». Библия знает этот экономический материализм. Но в XIX веке начинает выявляться социалистическое начало в крайней и предельной форме. Оно делается все более и более господствующим и определяющим стиль эпохи. Экономизм нашего века сделался всепроникающим и всеопределяющим. Нигде от него нет спасения. Экономический материализм Маркса не был теоретической выдумкой, он отражал какую-то действительность. В самой действительности произошло что-то, что вызвало учение Маркса как реакцию мысли. Современный социализм имеет рефлекторную природу. В нем нет творческого начала. Социализм – плоть от плоти и кровь от крови буржуазно-капиталистического общества, явление внутри этого общества. Он целиком определяется строем этого общества и его внутренним движением. Он духовно остается в той же плоскости. Социализм буржуазен до самой своей глубины и никогда не поднимается над уровнем буржуазного чувства жизни и буржуазных идеалов жизни. Он хочет лишь равной для всех, всеобщей буржуазности, буржуазности, закрепленной на веки веков, буржуазности окончательно рационализированной и упорядоченной, излеченной от внутренней, подтачивающей ее болезни, преодолевшей остатки иррационального в ней начала. Социализм связал судьбу свою с классом, порожденным «буржуазным» строем, с детищем капитализма – пролетариатом. Идеологи социализма – рабы необходимости, не знающие духовной свободы, – вообразили, что пролетариат, состоящий из пасынков капитализма, может быть классом-мессией. Вы наделили этот класс, подобно избранному народу Божьему, всеми добродетелями и доблестями и выдали его за высшую расу, за творца новой жизни. Положение рабочего класса в капиталистическом обществе бедственное и заслуживающее сочувствия и помощи. Но в душевном типе этого класса нет особенно высоких черт. Он принижен нуждой, он отравлен завистью, злобой и местью, он лишен творческой избыточ-

ности. Может ли из этих душевных стихий родиться высший человеческий тип и высший тип общественной жизни? Тип «пролетария» есть скорее низший человеческий тип, лишенный благородных черт, черт свободных духом. Эти благородные черты, эти черты свободных духом могут быть у самых простых рабочих и крестьян. Но для этого в нем не должно быть «пролетарского» сознания и «пролетарской» психологии. На неблагородстве, на рабстве духовном и на зле хотите вы создать свое новое царство. Образ вашего класса-мессии выдает вашу духовную природу.

И «буржуазия», и «пролетариат» той исторической эпохи, которая имеет стиль капиталистический и социалистический, являют собой измену и отпадение от духовных основ жизни. Первою совершила эту измену и отпала от святынь «буржуазия», и за нею пошел «пролетариат». От «буржуазии» научился «пролетариат» атеизму и материализму, от нее усвоил себе дух поверхностного просветительства, через нее пропитался духом экономизма, она толкнула его на путь борьбы классовых интересов. Я хорошо знаю, что «буржуазия» и «пролетариат» представляют абстракции, не соответствующие живой действительности и никогда ее не покрывающие. Вы выдумали «буржуазию» и «пролетариат», вы вызвали к жизни эти абстрактные духи и, дав имена им, наделили почти магической силой. В жизни человеческих обществ фикции имеют не меньше значения, чем реальности. И фикции «буржуазии» и «пролетариата» отравили нашу жизнь. Приходится считаться с этими фикциями, они обладают реальностью в психологии человека и общества. И вот, не придавая всеобъемлющего онтологического смысла абстракциям «буржуазности» и «пролетариата», приходится признать, что многие грехи и пороки «пролетариата» получены по наследству от «буржуазии». В вашем «пролетариате» нет ничего оригинального, все у него заимствованное. Имущие «буржуазные» классы представляют очень сложную действительность, в них есть хорошее и плохое, высокое и низкое, смесь света с тьмой, как и во всем человеческом. И безбожно и преступно

клеймить эти классы позором, отлучать их, ненавидеть, отвергать в них образ человеческий и образ Божий. Это ваше безбожное преступление, недопустимое для принявшего крещение и принявшего откровение о братстве всех людей во Христе. Но в царстве абстрактных категорий «буржуазии» и «пролетариата» «пролетариат» получил от «буржуазии» то, что мне представляется его пороками, вам же представляется его добродетелями. Маркс, в сущности, и учил тому, что «пролетариат» есть детище «буржуазии», что социализм есть отражение «буржуазной» экономической действительности, защитительная реакция на него. Природа социализма – реакционная и классовая, в нем нет творческого изобретения, нет полета. Самый революционный социализм рабски прикован к экономической действительности, пригнут к земной юдоли, уготовлен необходимостью. Из горькой необходимости, а не из свободы рожден социализм.

Но вот о чем всегда следует помнить вам, кичащимся новым духом пролетарского социализма. Социализм создан буржуазией, высшим культурным слоем. Он вошел в мир как идея, зародившаяся в буржуазных классах, мысль которых бескорыстно направилась на разрешение социальных противоречий и на преодоление социальных зол и неправд. Так возник социализм Сен-Симона, Фурье, Оуэна, так в древности возник социализм Платона. Да и ваши Маркс и Лассаль были «буржуа», а не пролетарии. Только в «буржуазных» классах социализм может быть благородным и бескорыстным движением человеческого духа, может быть идеей. В классах «пролетарских» социализм делается интересом, а не идеей; он роковым образом приобретает материалистический характер, в нем не может уже быть жертвенности. Облагородить социализм может только «буржуазия». И благородство есть лишь в социализме платоновского типа, в аристократическом социализме. Благородство есть в иерархическом социализме Рескина. Социализм пролетарский не благороден, низменен и корыстен по самым своим душевным первоосновам. Он понижает человеческую породу, человеческий тип. Пролетарским

социализмом движет злоба, зависть и месть, которые и управляют вашими массовыми социалистическими движениями с древних времен до наших дней. Во все времена психология восставших масс, поднявшихся низов была одинакова. Всегда эта психология была неприглядна и безобразна. Большая доля вины в этой уродливой и болезненной психологии лежала на высших классах, которые не исполняли своего назначения, первые изменяли общей святыне и высшей правде, но это не меняет оценки «пролетарской» психологии. В этой психологии христианское чувство вины каждого человека затемнено нехристианским сознанием пролетарской обиды. Чувствовать себя пролетарием есть великое несчастье человека, болезненное отщепенство, разрыв с отечеством и с отцами, а не высокое состояние, из которого может народиться высший тип жизни. Рабочий может и не чувствовать себя пролетарием, и велика вина тех, которые толкают его на путь пролетарского самочувствия и самосознания. Уродство пролетарской психологии и из нее рожденного пролетарского социализма громко свидетельствует о правде иерархизма, о благородстве и красоте душевного типа, живущего в органическом иерархизме. «Буржуазная» психология есть обратная сторона психологии пролетарской, она также не иерархична, также есть выпадение из органического строя и также неблагородна. «Буржуазное» самочувствие и самосознание имущего есть такое же недолжное дурное состояние, как «пролетарское» самочувствие и самосознание неимущего. «Буржуа» и «пролетарий» – близнецы. Эти два типа друг друга порождают и поддерживают. Оргия наживы капиталистического общества должна была породить социализм. И в социализме есть своя отрицательная правда, большая правда, чем в демократии.

Социальный вопрос порожден не внешними, а внутренними причинами. И он не может быть разрешен внешними материальными средствами. Социальный вопрос ставится и решается в психологической среде, и в основе его решения лежат те или иные душевные стихии. Лишь сотрудничество классов создаст здоровую душевную атмосферу в решении

социального вопроса. Когда он решается исключительно движениями снизу, в этом решении действуют нездоровые и злобные душевные стихии. Социальное движение построено исключительно на принципе классовой борьбы, культивирует не высшие, а низшие инстинкты человеческой природы. Оно является не школой самоотвержения, а школой корыстолюбия, не школой любви, а школой ненависти. Снизу идущие, исключительно классовые разрешения социального вопроса разрывают единство человеческого рода и разделяют его на две враждебные расы. Это движение понижает психический тип человека. Оно отрицает космический, т. е. иерархический строй общества. Это революционное разрешение социального вопроса предполагает отрыв от духовных основ жизни, отрицание их и презрение к ним. Революционный, классовый социализм мыслит и действует так, как будто бы не существует человеческого духа и духовной жизни, как будто нет ничего внутреннего, а одно лишь внешнее. Он есть страшная абстракция от духовной жизни, от истинного содержания жизни.

В нем человек перестает существовать и действуют лишь экономические категории. Движение же сверху вниз в решении социального вопроса, иерархическое по своему принципу, признает существование человека и его духовной жизни, обращено к бескорыстным и благородным инстинктам человеческой природы. Такое движение признает, что необходимо духовное перерождение человека и человеческого общества, что одними материальными средствами социальный вопрос неразрешим, что человеческий род есть единый род Божий и имеет органическое иерархическое строение. Так, английское социалистическое движение представляет более высокий тип, чем социалистическое движение немецкое или французское. В нем смягчена классовая борьба, в нем осуществляется сотрудничество классов, в нем практический реализм соединяется с идеалистическими импульсами. Карлейль, Рескин, христианские социалисты были вдохновителями этого движения. После оргий капиталистической наживы, после манчестерства, господствующие, имущие классы начали сознавать свое

призвание и в лучшей своей части приняли участие в социальном реформировании общества. И жало революционного социализма было вынута. Частичный социализм может быть соединен и с консерватизмом.

Сопоставление и сближение христианства и социализма мне всегда представлялось кощунственным. Сходство христианства и социализма утверждают лишь те, которые остаются на поверхности и не проникают в глубину. В глубине же раскрывается полная противоположность и несовместимость христианства и социализма, религии хлеба небесного и религии хлеба земного. Существует «христианский социализм», и он представляет очень невинное явление, во многом даже заслуживающее сочувствия. Я сам готов признать себя «христианским социалистом». Но «христианский социализм» по существу имеет слишком мало общего с социализмом, почти ничего. Он именуется так лишь по тактическим соображениям, он возник для борьбы против социализма, был реакцией католичества на социализм и проповедовал социальные реформы на христианской основе. В прошлом, в истории христианства много было «социалистических» движений на религиозной почве, но движения эти обыкновенно бывали антицерковными, еретическими и сектантскими. Все эти религиозно-социальные течения были проникнуты идеями апокалиптическими и хилиастическими, они ждали немедленного осуществления чувственного тысячелетнего Царства Христова на земле и пытались насильственно его осуществить. Все эти христианско-социалистические течения забывали, что Царство Божие приходит неприметно и что Царство Христово не от мира сего. Эпоха реформации особо была богата такими движениями, смешивавшими христианство с социализмом. Но горьки плоды этого смешения. Пример хилиазма, основанного на смешении христианства с социализмом, мог бы быть грозным предостережением. Религиозная ложь такого рода хилиазма давно уже избличена. Иоанн Лейденский когда-то основал Небесный Иерусалим на земле, осуществил чувственное тысячелетнее Царство Христово. И тот ад, который явил этот

Небесный Иерусалим, те насилия, кровь и злобу, которыми он сопровождался, должны были бы заставить призадуматься всех религиозно чутких людей. Попыты создания Царства Христова на земле, в ветхой природе, без преобразования человека и преобразования мира, всегда были и всегда будут созданием земного ада, а не земного рая, страшной тиранией, истребляющей человеческую природу без остатка. Нельзя взять насилием Царства Христова и нельзя вместить его в ветхую природу, в то время как пришествие этого царства означает преобразование ветхой природы и благодатный переход из царства насилия в царство свободы. Смешение и отождествление христианства с социализмом, с земным царством и земным благополучием, есть переживание еврейской апокалиптики, явление юдаизма на христианской почве. И не случайно Маркс был евреем. Это есть явление еврейской апокалиптики, еврейского хилиазма в поздний час истории, в атмосфере атеистического и материалистического века. Это есть изобличение антихристианской природы еврейской апокалиптики, еврейских апокалиптических ожиданий. Старая еврейская апокалиптика была революционной и антиисторической. На ее почве произошло восстание зилотов. Дух апокалиптики отличался от духа пророческого, который не был революционным и был проникнут историзмом. И новая, социалистическая еврейская апокалиптика также революционна и антиисторична. Нужно проникнуть глубже в антихристианскую природу социализма. Социализм как мировое явление имеет религиозно-юдаистический исток. В нем действуют те же начала, во имя которых был отвергнут Христос евреями. Еврейский хилиазм, исполненный надежд на чувственное Царство Божие на земле и ожидания Мессии, который осуществит земное царство и земное блаженство еврейского народа, не принимает тайны Голгофы, несовместим с явлением Мессии-Распятого. Еврейский народ в разгоряченной апокалиптической атмосфере ждал не христианского Мессию, а социалистического мессию, не христианского тысячелетнего царства, а социалистического тысячелетнего царства. Соблазн социализма, соблазн земного царства и блаженства

без жертвы Христа и Распятия, без прохождения через Голгофу и привел к отвержению Христа и к крестной Его муке. Тут завязался узел всемирной истории. Тут определилась трагическая судьба еврейского народа как оси всемирной истории. Вопрос о социализме более интимно и более глубоко связан с еврейским религиозным вопросом, чем это представляется всем вам, общественникам-рационалистам. Если демократическое движение в мире вызывает религиозную тревогу, то еще большую религиозную тревогу вызывает движение социалистическое. В проблеме социализма есть религиозная глубина, это одна из конечных проблем человеческой истории, подводящих нас к апокалипсису. Социализм имеет очень старые, древние корни, не только социальные, но и религиозные. Но лишь на вершинах истории, когда обнажаются все противоречия человеческого бытия, обнажается и природа социализма, открывается, какого он духа. Социализм претендует быть не только социальной реформой, не только организацией хозяйственной жизни, но и новой религией, идущей на смену религии Христа. Ныне социализм вступает в мир с религиозным притязанием, он хотел бы быть всем во всем, он требует к себе отношения религиозного порядка. Религия революционного социализма принимает все три искушения, отвергнутые Христом в пустыне, и на них хочет создать царство свое. Он хочет превратить камни в хлеба, хочет спасения через социальные чудеса, хочет царства мира сего. Социализм есть устройство человечества на земле без Бога и против Бога. Это пророчески понимал Достоевский. Социализм есть построение Вавилонской башни. Социализм заканчивает дело, начатое демократией, дело окончательной рационализации человеческой жизни, вытеснения из нее всех таинственных, сверхчеловеческих, божественных сил. Социализм хочет еще шире и глубже захватить человеческую жизнь, чем демократия. Он претендует создать новую жизнь в полноте и целостности. Христос принес в мир не мир, но меч. Он разделил людей по духу. Социализм также несет в мир не мир, а меч. Он разделяет людей по экономическому положению. Он не признает существования духа.

Он не признает существования человека. Он подменяет человека экономической категорией. Религия социализма есть человекоубийство. Она начинается с отрицания богосыновства человека. В основе ее лежит опыт восставшего раба, а не сына, чувство подпольной обиды. Восставший из праха хочет быть богом. Социализм есть царство людей праха, возмнивших себя богами. Христианское сознание человеком своего богосыновства не может вести к социализму. Это благородное сознание несовместимо с классовой ненавистью. Социализм посягает на свободу человеческого духа, на его первородство. Он сулит человеку блаженства за отречение от первородства. Он обещает совершенную рационализацию общественности за отречение от мистических основ общественности. И прав был джентльмен с ретроградной и насмешливой физиономией у Достоевского, который хотел послать к черту все социальное благоустройство и пожить по вольной воле. Царство Божие на земле, в физической нашей природе, при рабстве нашем, грехах и пороках, – невозможно, и само желание утверждать его в этих условиях – безбожное желание. Вам трудно понять, что само желание вынудить Царство Божие на земле может быть безбожным желанием. Но это необходимо понять. В этом принудительном Царстве Божьем на земле будет действовать не дух Христов, а дух антихристов. Революционный социализм есть один из антихристовых соблазнов.

Ваш социализм есть принудительная добродетель и принудительное братство. Вот чем противен ваш социализм, вот почему он эстетически и нравственно отталкивает. Ваш революционный социализм не признает той основной христианской истины, что братство между людьми может быть лишь плодом свободной любви, лишь высшим духовным цветением человеческого общения. Вы же хотели бы насильственно принудить людей к братству. Идею братства вы взяли из христианства, вы выкрали ее и бессовестно пользуетесь ею, не имея на то никакого права. Братство людей возможно лишь во Христе и через Христа. Братство людей не может быть естественным,

природным состоянием людей и людских обществ. В природном порядке человек человеку не брат, а волк и люди ведут ожесточенную борьбу друг против друга. В порядке природном торжествует дарвинизм. Ваш социализм и исходит из этой природной борьбы и через самую разъяренную борьбу хочет утвердить братство на земле. И весь ваш социализм изъеден внутренним пороком и болезнью. На зле и через зло хочет он утвердить добро свое. Не через Христа, не через благодатную любовь хотите вы утвердить братство людей, а через ненависть и восстание класса на класс. Вы безнадежно смешиваете братство с группировкой и объединением экономических интересов. Никогда, никогда в вашем царстве человек человеку не станет братом, он может стать лишь «товарищем». Но что общего имеет «товарищ» (эстетически низкое слово) с братом? Все различие между социализмом и христианством – в этом различии между «товарищем» и братом. Брат почитает в брате человека, образ и подобие Божие, брат соединяется с братом, как дети единого отца. Братство предполагает общее отчество. И те, которые не знают отца и отказываются от отца, не могут быть братьями. Товарищ почитает в товарище не человека, а класс, экономическую категорию, товарищ соединяется с товарищем по общности материальных интересов. Товарищи не помнят своего отчества, не хотят знать единого отца, они – блудные сыны. Ваша социалистическая категория «товарища» означает величайшее презрение к человеку. Ваше «товарищество» окончательно разделяет человеческий род на два враждебных стана и все признает дозволенным по отношению к стану враждебному. Ваша религия соединяет и разъединяет по материальным интересам. Может ли быть что-либо более враждебное духу христианства? Поистине, чудовищно всякое сближение социалистического товарищества и христианского братства. Социалистическое «товарищество» хотело бы превратить мир в торгово-промышленное предприятие, в котором все объединены одними материальными интересами и не имеют причин вести между собой материальную борьбу. Христианское братство ставит себе иные цели, не имеющие

ничего общего с коммерцией и с объединением материальных интересов. Социализм ваш с его низким, духовно плебейским «товарищеским» идеалом еще раз показывает, что братство невозможно в порядке натуральном, что оно возможно лишь в порядке благодатном. Братство невозможно вне Христа, вне Христовой благодатной любви. Безобразны и преступны все ваши выкрадывания у Христа принадлежащих Ему сокровищ без принятия самого Христа, с отвержением самого Христа. Братство без Христа есть рабство, насилие, тирания. Лишь с Христом братство есть царство свободы. Братство без Христа, без Божественной Любви и есть принудительное товарищество, вызванное к жизни материальным насилием. Безблагодатное братство – страшно, оно есть смерть человека, смерть личности человеческой. Через любовь Христову утверждается каждый лик человеческий в его единственности. Братство во Христе есть соединение личностей. Братство без Христа, товарищество, есть соединение безличное, в нем нельзя различить ликов. Предельный и окончательный социализм и есть предельное и окончательное отрицание свободы человека. Меня можно принудить с уважением относиться к достоинству и правам всякого человека, от меня можно требовать признания в каждом человеке гражданина. Но никто и ничто на свете, даже сам Бог, не может принудить меня к братству, требовать от меня братского отношения к тем, кого я не избрал и не полюбил. Это – дело моей свободы, которой я не уступлю вам ни за какие блага мира. Я сохраняю за собой право на пеон дистанции, и я признаю дистанцию необходимой в порядке природном. Меня нельзя принудить к большей близости, большей любви в отношении другого человека, чем я сам свободно захочу и изберу. Ваш социализм хочет меня принудить к этому, и я презираю его насильнические посягательства. В порядке политическом я признаю гражданство, в порядке религиозном я признаю братство. Но в корне отрицаю товарищество как уродливое смешение разных планов, как уродливое притязание категории социальной играть роль религиозную и подменить религиозную категорию.

Много есть переходных форм социализма. Некоторые из них могут представиться религиозно невинными. Но для того, чтобы вскрыть истинную природу социализма и увидеть ложь и зло, которые он несет в мир, необходимо брать предельный социализм, предельный коллективизм. И ваш предел коллективизма есть самое страшное, что может ждать человека и человечество. Этот предел коллективизма никто никогда не представлял себе достаточно конкретно. Хотя следовало бы помнить, что в утопии Т. Мора людям передвигаться так же трудно, как в советской республике, и в учении Кабе допускается лишь одна правительственная газета. Лишь русская революция намекает на то, что представит из себя рай коллективизма. Но большинство из вас, социалистов, не способно сознать пределы своих стремлений и мечтаний. Большинство из вас, социалистов, настроено эклектически и смешивает разные начала. Вы сами не знаете, какого вы духа. Вы – орудие нечеловеческих, человекоистребляющих сил. Предел коллективизма есть обобществление всего человека без остатка, всего его тела и всей его души. Ничего коллективизм не хочет оставить в индивидуальную собственность самого человека. Все в человеке хочет он подчинить своей всепожирающей власти. Коллективизм в своей предельной, лжерелигиозной форме претендует на всего человека. Никакое государство, самое тираническое и деспотическое, не имело этого притязания. Много в человеке оставалось свободным и индивидуальным, не регулируемым и не рационализированным и при самой страшной из тираний. Всякое государство, как бы ни была деспотична его форма, все же признавало человека индивидуальным существом, оно сознавало свои границы. Государство могло притеснять человека и даже истязать его, но оно не имело претензий принудительно организовать совершенного человека и совершенное человечество, насаждать насильственную добродетель. И потому оно давало свободно дышать. Ничего страшнее насильственной добродетели не может быть на свете. Во имя достоинства человека и свободы человека, во имя высшей его природы, необходимо предоста-

вить человеку некоторую свободу греха, свободу выбора добра и зла. Если бы суждено было когда-либо осуществиться коллективизму в окончательной форме, то свобода человека была бы истреблена окончательно. Обобществлен и социализирован был бы и дух человека, и тело человека, а не только материальные орудия производства. Обобществление и социализация должны были бы идти все дальше и дальше вглубь. От этого рокового процесса никуда нельзя уйти, от него нет спасения. Этот процесс не может ограничиться материальной стороной жизни. Напрасно хотите вы успокоить тем соображением, что принудительно обобществлена будет материальная сторона жизни, дух же станет еще более свободен. Это и есть самая коренная ложь, величайший из самообманов и обманов. Вы начинаете с того, что обобществляете дух человеческий, что убиваете личность. Этим обобществлением духа вы хотите создать духовную лжесоборность. Ложна ваша соборность, ибо истинная соборность дана Церкви Христовой, она давно уже открыта для человеческой души. Истинная духовная соборность вмещает в себя личность человека и свободу человека. Ваша же соборность не терпит личности человеческой и свободы человеческой. Ваш принудительный коллективизм уничтожает всякий материальный базис свободной духовной культуры. Все материальные средства, без которых невозможно никакое выявление и воплощение духовной культуры в нашем грешном мире, вы хотите изъять из индивидуального пользования и свободного обращения, вы хотите передать их вашему Левиафану. Свободный индивидуальный почин ни в чем уже не будет возможен. Средства и орудия выражения и воплощения духовной жизни будет иметь лишь государство, централизованная коммуна, коллектив. Их не будет иметь личность и свободное соединение личностей, ставящее себе цели, неудобные центральному и правящему коллективу. Сделается невозможным даже свободное печатание книг, журналов и газет, ибо все печатное дело будет в руках центрального коллектива и будет обслуживать его интересы и цели. Возможен лишь будет «пролеткульт», а не свободная культура.

Сохранится лишь свобода невоплощенного духа, и дух человеческий должен будет развоплотиться.

Вы смешали сферу права и сферу морали и на отождествлении этих двух сфер хотите воздвигнуть ваш принудительный коллектив. И это соблазнительное смешение несет с собой величайшую опасность для человеческой свободы. Право есть принудительное начало, защищающее и охраняющее человеческую свободу. Оно делает возможным сожителство и общение людей и в том случае, когда люди грешны и злы, когда они насильники и корыстолюбцы. Общество человеческое не может быть построено на любви как начале общеобязательном и принудительном. Любовь между людьми может быть лишь свободным цветом человеческого общения, лишь благодатным в нем порядком. Обязательная и принудительная любовь есть чудовищное противоречие и поругание самой природы любви. В природном порядке человеческое общество должно иметь обязательные и принудительные основы, не допускающие хаотического распада. Человеческое общество в этом грешном мире, в этой ветхой природе должно управляться не только любовью, но и законом. И в законе, в праве действует божественная энергия. Те, которые допускают для человеческого общества лишь начало любви и отвергают всякое другое начало, отрицают христианскую любовь и подменяют ее какой-то иной, принудительной, не христианской любовью, любовью, страшной по своей безблагодатности. На такой безблагодатной любви хотел основать человеческое общение Л. Толстой. Все вы, коллективисты, хотите приковать людей друг к другу, хотя бы внутренне они ничего общего между собой не имели и даже ненавидели друг друга. Вы хотите приковать людей друг к другу необходимостью и общими интересами. Ваша социалистическая любовь есть железная необходимость, злое принуждение. А ненавистное вам право есть защита человеческой природы, ее свободного избрания. Вы ничего не хотите оставить для свободы человека и свободной любви человека. Вы не только смешали право с моралью, вы также смешали область частного права с

областью права публичного. Вы отрицаете совершенно частное право и заменяете его публичным. И это значит, что вы смешиваете свободу и необходимость и подменяете свободу необходимостью. Вы хотите принудительной, необходимой свободы. Вы не допускаете свободы выбора и отпадения не потому, что человек у вас делается совершенным и что вы хотите совершенствовать человека, а потому, что человек во внутренней его природе для вас не существует, он есть лишь рефлекс экономической необходимости.

Ложь лежит в самой основе нравственного пафоса социализма. Ложь эта соблазняет sentimentalных людей. Социалистические декламации о богатых и бедных в большинстве случаев лживы до самых своих основ. Нравственный пафос социализма есть смесь ложной чувствительности и аффектированной сострадательности с жестокостью и злобной мстительностью. Sentimentальность часто ведет к жестокости. Это – закон душевной жизни. Социализм, по нравственному своему складу, есть sentimentalная жестокость и жестокая sentimentalность. Субъективно-нравственная, эмоционально-страстная сторона социализма наиболее безобразна и лжива, она-то и грозит превратить жизнь человеческую в ад. Объективная, научная, интеллектуальная сторона социализма более нейтральна и невинна. Мораль социализма, доведенная до фанатизма, столь многим импонирующая, и есть самая безбожная и страшная его сторона. Спасение от этой безобразной, человекоубийственной морали следует искать в пафосе объективности, в познавательном смирении перед необходимостью и закономерностью социального процесса. Пафос объективности смягчил бы ваши разъяренные души, ослабил бы злобные чувства. Вы живете в нездоровой и взвинченной душевной атмосфере, в которой ненависть классов доходит до красного каления. Целые классы представляются вам злодейскими и вызывают к себе злобные чувства. Это злодейство целых классов общества утверждает и так называемый «научный социализм», и, вопреки объектив-

ной стороне своего учения, он возлагает большие надежды на подогревание злобных чувств других классов. Ложь лежит в первооснове вашего понимания происхождения социального зла и неравенства. Нравственный пафос социализма родился у вас из того ложного сознания, что социальная неправда, бедность, страдания происходят, главным образом, от злой воли господствующих, имущих классов. Об этом любите вы декламировать и тогда, когда вы сторонники «объективного», «научного» социализма. Но такое злоупотребление нравственными категориями в понимании социальной действительности ведет к нравственному извращению и безнравственности. Нехорошо, дурно видеть злую волю людей и целых классов и там, где действуют причины объективного характера, где природная необходимость налагает свою железную руку. Вы разом и злоупотребляете нравственными категориями в социальной жизни, и совершенно отрицаете нравственную ответственность и вменяемость человеческой личности. Это сочетание крайнего морализма с совершенным аморализмом создает нездоровую духовную атмосферу.

Существуют объективные основы общественности, глубоко заложенные в природе, в строе космической жизни. Строй общества не зависит от злого произвола тех или иных классов общества. Общество есть явление природы, и закономерность его связана с закономерностью природы. Общество благодатное, побеждающее природную закономерность, принадлежит уже иному плану, иному измерению; оно есть четвертое измерение общества по сравнению с теми тремя его измерениями, в которых протекает закономерная социальная жизнь. Но общество трех измерений имеет объективные, природные основы, и в них нужно искать объяснения страданий и несчастий в нашей социальной жизни. С более глубокой точки зрения, сама объективная необходимость в общественной жизни имеет духовный и моральный смысл. В ней действует божественная правда, преломленная в темной и греховной природе. Корни человеческих бедствий и человеческой нужды заложены в греховной природе человека и

мира. Греховная природа подвластна суровой закономерности. В царство свободы может войти лишь преображенная и возрожденная природа, не только природа одного человека и человечества, но и всего мира и целого космоса. Перед человеком поставлена трудная задача победы над природой и овладения ее стихийными силами, регулирования их для высших космических целей. Бедность и нужда человеческих обществ связана прежде всего с низкой степенью победы и овладения стихийными природными силами, с зависимостью от этих природных стихийных сил. Марксизм с объективно-научной своей стороны понимал, что вся социальная структура общества, с классовыми различиями и неравенствами, определяется состоянием производительных сил, степенью победы над природой, добытыми уже материальными ценностями и богатствами. Но марксизм есть внутренне противоречивое учение; объективно-научная сторона в нем сталкивается со стороной субъективно-классовой, с которой связан революционный и моральный пафос социализма.

В философии социализма есть две стихии: в одной из них классовый момент побеждает момент объективный и на протяжении всей истории одинаково видится правда в восстании неимущих и зло в самом существовании имущих; в другой – объективный момент сильнее классового и в разные исторические эпохи признаются прогрессивными разные классы и разные ставятся перед ними задачи. Фактически революционный социализм всегда движется и вдохновляется первой стихией, он сочувствует всем восстаниям масс, всем бунтам черни в истории и во все времена одинаково осуждает и проклинает все верхние классы, все имущие и культурные слои. Через всю историю проводит он линию, разделяющую человеческий род на две расы, на два царства – «буржуазию» и «пролетариат». В марксизме смешаны обе стихии социализма. Но у революционных социал-демократов преобладает это предстательство за «пролетариат» на протяжении всей истории, признание его классом революционно-прогрессивным и ненависть к «буржуазии» как классу угнетателей и виновнику

социальных зол. История социализма Каутского написана в этом духе. Прогрессивная и революционная роль «буржуазии», о которой учил Маркс, не вызывает к себе никакого положительного морального отношения. Решительно на другой точке зрения стоял Лассаль, который многими головами возвышался над социалистической умственной средой и которого нужно признать лучшим из социалистов. Лассаль признавал, что в разные исторические эпохи разные классы являются носителями мировой прогрессивной «идеи», что носителем такой «идеи» было третье сословие, а теперь четвертое сословие является ее носителем. Поэтому Лассаль очень высоко оценивает историческую роль буржуазных классов и осуждает восстания трудящихся классов, не соответствующие «идее» исторической эпохи, например, крестьянские войны эпохи реформации. Русские социалисты окончательно не способны стать на историческую точку зрения, и им чужд дух Лассаля. Они – исступленные моралисты, и морализм их слишком часто переходит в моральный идиотизм.

Вот проблема, над которой вы слишком мало задумывались и которую вы отталкиваете от себя своим извращенным морализмом. Но является ли социальное неравенство не только необходимостью и закономерностью, но и благом, добром и правдой? Почему признали вы за нравственную аксиому, что социальное неравенство есть зло? На известной ступени развития материальных производительных сил неравенство дает максимум благ, максимум удовлетворения потребностей народа. Уравнение же вело бы к обеднению, к ослаблению производительности труда, к истреблению источников народного богатства и народного питания. При невысоком уровне материального развития, когда человек недостаточно еще овладел стихийными силами природы, социальное неравенство, выделение класса привилегированного и имущего есть единственное спасение, есть благо и для неимущих, для народных масс. Факт существования немногочисленного слоя имущих и богатых сам по себе не может быть источником социальных зол и бедствий. Утверждать это – значит ложно оперировать

с категорией количества. Отнятие материальных средств у этого немногочисленного слоя не может сколько-нибудь существенно изменить положение народных масс, огромных количеств. Для обогащения и подъема материального благосостояния масс, больших количеств, необходимо не обеднение малого количества, а рост производительности, развитие материальных производительных сил. Социальный вопрос реально разрешим прежде всего на путях производства, а не распределения. Равнение по низшим, которого требуют многие из вас, есть разгром человеческой культуры, понижение уровня жизни. Социализм бедности – самый страшный социализм. События после мировой войны доказали, что социализм есть порождение бедности, а не богатства. Выносимее еще был бы социализм богатства, социализм избытка. Когда фанатики революционного социализма требуют, чтобы лучше все были нищие, чем чтобы существовала привилегированная кучка имущих, имеющих возможность поддерживать более высокий уровень культуры, их морализмом движет обоготворенная зависть и месть. Ибо здоровое моральное суждение должно признать, что пусть лучше немногие будут на более высоком уровне культуры, чем все на низшем уровне. *Неравенство есть условие развития культуры.* Это – аксиома. И остается недоказанным, почему равенство морально выше неравенства? А может быть неравенство само по себе есть правда и благо и к нему следует стремиться? *И в Царстве Божием будет неравенство. С неравенством связано всякое бытие.* Не должно быть в мире нищих и голодных, всем должно быть обеспечено человечески достойное существование. Но это не требует равенства. В самом восстании против основ социального строя во имя справедливости есть религиозная ложь, порождающая злые чувства. Нам не дано знать, почему один богат, а другой беден, почему каждому выпадают на долю те или иные испытания. Люди не должны думать, что они справедливее Бога и могут исправить несправедливость Промысла. Революционная борьба за справедливость рождает ненависть. Не борьба за справедливость, а любовь должна

руководить нами в помощи бедным и страдающим. И избыточной любви не поставлено никаких границ. Не борьба за отвлеченную справедливость, а творческий инстинкт должен руководить нами в социальном строительстве.

Христос учил, что легче верблюду пройти через игольное ухо, чем богатому войти в Царство Небесное. Вот что для многих, внешне относящихся к христианству и не приобщенных к тайнам христианской религии, звучит почти социалистически. Вы, социалисты, любите злоупотреблять Евангелием и вспоминаете его, когда это нужно для ваших нерелигиозных и антирелигиозных целей. В этих ссылках на евангельские тексты, в этих нерелигиозных толкованиях текстов есть что-то безобразное и кощунственное. Слова Христа о богатых имеют смысл, прямо противоположный тому, который вы хотели бы вложить в них. Для всякого, кто внутренне, а не внешне подходит к тайне жизни, должно быть ясно, что Христос заботился о судьбе богатых, о душе их, когда говорил, что трудно, очень трудно им войти в Царство Небесное. Он хотел сказать, что богатые легко делаются рабами материального мира, материальных вещей, что они лишены свободы духа и потому затруднено для них вхождение в Царство Небесное, в царство свободных душ, полюбивших Бога превыше всего мира и всего, что от мира. Христос хотел духовно освободить богатых, Он так же был заинтересован в спасении их для вечности, как и в спасении всех душ человеческих. Он пришел в мир для всех, одинаково для бедных и для богатых. И когда он говорил слова о трудности богатым войти в Царство Небесное, Он думал не о материальных интересах бедных, а о духовных интересах богатых. Ибо раскрыл Он абсолютное значение всякой души человеческой, независимо от ее социального положения. Для Него не могло быть избранных и отверженных по социальному положению. Социалистическая же декламация о богатых занимает полюс, прямо противоположный христианству, она проникнута ненавистью к богатым и завистью к ним. Социалисты хотят и бедным затруднить вхождение в Царство Небес-

ное. Слова Христа обращены к внутреннему человеку, к душе человеческой. Слова социалистические обращены к внешнему человеку, к материальной оболочке человека, в них всегда чувствуется неведение внутреннего человека. Христос учил о благодатной, блаженной, божественной бедности как высшей свободе и красоте духа. Она доступна лишь немногим. Бедняжка Божий, св. Франциск Ассизский, в совершенстве осуществил этот образ красоты бедности. Но что общего это имеет с социализмом? Христос учил, что бедные имеют духовные преимущества перед богатыми, что им облегчено вхождение в Царство Божие. Социалисты же вечно говорят о великих преимуществах богатых, завидуют этим преимуществам и хотят отнять у них эти преимущества и передать бедным. Христос учил отдавать свои богатства. Социалисты учат отнимать чужие богатства. Христос призывал накормить голодного и отдать последнюю рубашку. Это должно быть актом избыточной любви. С этим обращался Христос к внутреннему человеку, к глубине человеческой души. Это не был рецепт внешнего социального устройства, о котором в Евангелии ничего не сказано. Социалисты не призывают накормить голодного и отдать последнюю рубашку ближнему. Они обращаются к внешнему человеку. Они призывают голодного насильственно отнимать. Они внушают бедному мысль, что богатство прекрасно, что доля богатого – завидная доля, и этим отравляют его бедное сердце. Христос хотел, чтобы не было голодных, чтобы все были накормлены, чтобы у всех была рубашка. И христианское отношение к жизни требует заботы о голодных, о несчастных, об обездоленных. На Страшном Суде Христос спросит у каждого из нас ответа за судьбу голодных, несчастных и обездоленных. И трудно будет богатым держать этот ответ. Но как противоположен этот дух Христов духу социалистическому! Христос открыл вечную правду о духовном устройении человека, а не временную правду о социальном устройении общества. Вся евангельская проповедь Христа даже предполагает существование собственности и социального неравенства, и, оставляя нетронутым социальный строй, всегда определяемый сложны-

ми природными и историческими условиями, учит вечной истине любви и самопожертвования. Социалисты хотят сделать невозможными и ненужными христианские добродетели любви, жертвы и милостыни. Велика мудрость христианства, для которого абсолютная ценность человеческой души не зависит от социального положения и утверждается во всякой исторической обстановке. Господин и раб могут быть братьями во Христе, оставаясь в своем социальном положении. Христианство требует, чтобы душа господина и душа раба были признаны абсолютно ценными и равноценными перед Господом, чтобы господин почитал в рабе образ и подобие Божие. Но оно не призывает к социальной революции, не учит, что какой-либо строй общества во все времена одинаково обязателен. Апостол Павел учил, что раб, оставаясь в выпавшем на его долю социальном положении, может быть совершенен и может идти по пути Христову. Христианству церковному совершенно чужды элементы социально-революционные, эти элементы были лишь в движениях еретических и сектантских. Христианство имело огромное значение для уничтожения рабства в мире, но действие христианства в этом отношении было духовным, а не социальным, внутренним, а не внешним. Христианство признает, что все социальные изменения определяются особой закономерностью, что историческая преемственность не может быть во внешнем плане жизни отменена и разрушена. Социальный вопрос имеет свою техническую сторону, свои научные методы, свою материальную обусловленность. Мудрость вселенского христианства все это признает, в отличие от сектантства. Окончательное излечение от социальных зол и страданий возможно лишь в космической гармонии, лишь в Царстве Божиим. До этого же возможны лишь относительные ступени. Социальный вопрос неразрешим, разрешимы лишь социальные вопросы. Христианское добро свободно и потому предполагает некоторую свободу зла.

Идеология социализма есть идеология материального, бескачественного труда. Она враждебна труду духовному и

качественному. И ошибочно было бы утверждать, что социализм берет под свою защиту труд в его целости, труд, как начало мировое, и представляет идею труда. Социализм представляет механический, бескачественный материальный труд и отрицает творческую природу труда. Проблема труда как творчества совершенно не интересует социалистическое сознание, она находится вне его кругозора. В этом отношении социализм находится в рабском подчинении у ненавистного ему буржуазного, капиталистического общества и бессилён над ним подняться. Социализм обоготворяет пролетариат, но уважения к труду не имеет. Материалистическая природа социализма мешает ему понять религиозную природу труда. Освобождение труда в пределе своем для социалистического сознания есть освобождение от труда. Идеология труда переходит в идеологию вражды к труду, основанную на зависти к тем, которые свободны от труда. В пафосе социализма нет обязанности труда. И социалисты хотели бы призвать к труду буржуазные классы лишь из чувства злобы и возмездия. Отношение социализма к труду изобличает его отрицательную, рефлекторную природу, его зависимость от того, против чего он является реакцией. Социализм не внес в мир идеи облагораживания труда и повышения его творческого, качественного характера. Он обосновывается на абстракции количества труда. Качество труда социализм не хочет знать, он его презирает. Но труд имеет свои священные права, неотделимые от его священных обязанностей. Когда капитал отрицает священные права труда и давит их, он является злым началом и против него необходимо бороться. Капитал есть необходимое начало в хозяйственной жизни, без которого не может развернуться труд, но он может превратиться в самодовлеющее отвлеченное начало, и тогда он выпадает из органической иерархии. Социализм же хочет представлять труд, выпавший из органической иерархии и превратившийся в отвлеченное начало. Существует качественная иерархия труда. И священен лишь тот труд, который пребывает в этой качественной иерархии. Это хорошо знал Платон. Это знал Рескин в новое время. Но этого не знают

социалисты. Материального труда как абстрактного, количественного начала не существует. Это – фикция, на которой так много построил Маркс. Труд имеет духовную основу. И производительность так называемого материального труда зависит от духовного состояния человека. Дисциплина труда есть духовная дисциплина. В конце концов, она имеет религиозные основы. Без религиозных основ, без духовной дисциплины труд разлагается, расплывается и хозяйственная жизнь превращается в кучу мусора. Ваш материалистический социализм бессилён справиться с проблемой дисциплины и организацией труда. Дисциплина и организация труда может быть лишь иерархической. И тут вы сталкиваетесь с истребляющим вас противоречием. Социалистическое общество мыслится как общество трудовое. Но материалистический социализм не в силах организовать труд, он его дезорганизует, так как отрицает иерархический строй труда. Он разрушает духовные основы труда. При самом своем зарождении социализм восстал против разделения труда. Но разделение труда есть основа человеческого общества и человеческой культуры, основа дисциплины труда и его качественной иерархичности. Низвержение разделения труда есть низвержение общественного космоса, конец качественной культуры. Количественное уравнение труда есть обида лучшим и подбор негодных, отрицание и истребление способностей и дарований, опыта и образования, призвания и гениальности. Напрасно некоторые из вас, более свободлюбивые, думают, что полное однообразие материальное, сведение всякого качества на количество может освободить место для разнообразия духовного, для качественных различий в духовной жизни. Не существует абстракции материальной жизни и абстракции жизни духовной. Все связано и сплетено в общественном космосе. Как бы вы ни отговаривались, но вы принуждены признать верховенство материального труда и отрицать всякую самостоятельность за трудом духовным. Вы презираете духовный труд и его представителей. Вы хотите поработить его труду материальному. Для вас это – две абстракции, и вы хотели бы одну из них окончательно подчинить

другой. И потому страшен социализм не только для капитала, он еще более страшен для духовного труда, для творчества, т. е. в конце концов для духа человеческого. *Ваш социализм есть восстание материи против духа, распря материи с духом.* «Буржуазное» царство капитализма тоже было царством материи, истреблявшим дух, и вы – продолжатели его, наследники этого царства, гасители духа.

Ваша идея всемирной социальной революции, *Zusammenbruch*^а капиталистического общества, представляет чудовищное смешение идей научного и социально-политического порядка с идеями порядка религиозного. Прыжок из царства необходимости в царство свободы, о котором учили Маркс и Энгельс, есть уже переход от процесса исторического к процессу сверхисторическому, апокалипсис всемирной истории. Социальных революций в смысле мировой катастрофы, начинающей новую историческую эру, никогда не было и быть не может. Социальный процесс по природе своей есть процесс молекулярный. В порядке природном он может быть лишь эволюцией, а не революцией. Социальные процессы ничего общего не имеют с политическими *coup d'état*, со свержениями власти, происходящими в течение одного дня, с заговорами, восстаниями и вооруженными столкновениями. Штыками и пушками нельзя изменить экономические отношения, создать новый строй общества. Это верно и в отношении социальных контрреволюций, а не только революций. Социальное развитие предполагает возрастающую власть человека над природой, рост экономической производительности и нравственное изменение отношения человека к человеку. Эти экономические и нравственные процессы не напоминают революций и катаклизмов. Объективно-научная сторона марксизма ведет к отрицанию идей мировой социальной революции. И если марксизм все-таки призывал к социальной революции и верил в нее, то потому, что он был не только наукой, но и верой, имел не только социальное, но и религиозное, лжерелигиозное притязание. Ожидание социальной революции и есть ложное религиозное

ожидание, подмена и самообман. Революционный социальный максимализм всегда основан на смешении относительного и абсолютного, социального и религиозного, средств и цели. В природном порядке, в исторической действительности должно утверждать плюральность средств. Решение социального вопроса в пределах трех измерений этого мира может быть лишь сложным и относительным. «Социальная революция» возможна лишь как процесс разложения. Социальный реформизм, направленный на защиту интересов труда и трудящихся, должен быть согласован и с исторической преемственностью и традициями, и с неотъемлемыми правами и свободами человека. Необходимо сочетание свободной индивидуальной инициативы, свободного общественного кооперирования и государственного регулирования. Это значит, что начало социалистическое, взятое в своей относительной и частичной правде, должно быть согласовано с другими началами, началами консервативными и либеральными. Социальное реформирование общества, регулирование производства, организация труда должны быть согласованы с началами частной собственности. Ибо начало собственности имеет неразрывную связь с началом личности. Начало собственности имеет глубокие религиозные и духовные основы, оно коренится в духовной свободе человека, в его органической, духовной связи с предками и потомками. Но с началом собственности могут быть связаны самые безобразные злоупотребления, оно легко делается орудием корысти и жадности, оно может превратиться в орудие угнетения. Начало собственности не есть высшее и абсолютное начало, оно должно быть подчинено высшим началам, оно должно быть ограничено. Самодержавная, отвлеченно самодовлеющая собственность производит страшное опустошение в человеческой жизни, она делается началом вампирическим. И тогда в социальном восстании есть доля правды. Собственность должна быть внутренне одухотворена, и тогда она оправдана, она имеет свою миссию. И она представляет одно из вечных начал человеческой жизни. Духу корыстолюбия, жадности, эгоизма, духу, одержимому жаждой наслаждений и соблаз-

ненному безвкусной и безобразной роскошью, необходимо противопоставить иной дух. Необходима духовная борьба с «буржуазным» духом. Социализм не в силах победить этого «буржуазного» духа, ибо сам он пропитан этим «буржуазным» духом, он – его порождение. И никогда, никогда вам, социалистам, детям «буржуазного» века сего, не вырваться из трех измерений «буржуазного» мира. Переход в четвертое измерение человеческого бытия есть внутренний духовный переворот, религиозная революция. Победа над нищетой и голодом, гарантия для каждого члена общества необходимого минимума человеческого существования есть задача более скромная и элементарная, ее разрешение не означает перехода в иное измерение, в сверхисторическое существование. Полный и окончательный социализм невозможен и пагубен для человека, для его духовной природы, для его высшего достоинства. Торжество религии социализма остановило бы рост производительности и парализовало бы творчество. Оно уничтожает мотивизацию труда. Торжество это сделало бы невозможной творческую избыточность, *ибо избыточность предполагает неравенство, соревнование и подбор*. Для огромного большинства пролетариата, с которым должно будет отождествиться человечество, не понадобится высшая качественная культура, не нужны будут высшие творческие подъемы духовной жизни. А пролетариату этому будет принадлежать верховная власть, ничем не ограниченная. *И во имя свободы творчества, во имя цвета жизни, во имя высших качеств должно быть оправдано неравенство*. Не случайно против неравенства восстают больше всех позитивисты и материалисты. Они не могут понять его смысла. Ибо лишь для религиозного взгляда на жизнь человеческая судьба осмысливается в таинственном миропорядке и всякий человек имеет свой удел за пределами земной жизни. Чудовищно несправедливо и жестоко требовать для всех людей равных условий. Условия жизни, для одного человека привычные и сравнительно легкие, для другого были бы невыносимо мучительны и тягостны. Принудительного уравнивания человека некультурного и грубого и человека утончен-

ной и высокой культуры может требовать лишь мстительная злоба и ненависть. Восприимчивость к страданию зависит от организации человека, от бурлящей в нем крови предков, от воспитания, от уровня культуры, от призвания. Буржуазно-капиталистический век безобразен тем, что он все нивелирует и уравнивает, убивает все индивидуальное.

В основе социалистической религии лежит отрицание бессмертия и бунт против божественного миропорядка. Достоевский глубоко понимал, что социализм есть следствие отрицания бессмертия. И потому в социализме есть жадность смертных, жадность к земной жизни. Как пошлы и уродливы все ваши утопии, все они – предел мещанства! Духовная ложь лежит в основе вашей социальной мечтательности. Этой нездоровой социальной мечтательностью хотите вы заглушить в себе ужас смерти, вы добываете себе суррогат бессмертия. Социальная мечтательность, социальный утопизм заглушили в вас религиозное чувство, ослабили сознание смысла жизни и закрыли для вас вечность. Здоровый социальный пессимизм был бы для вас спасителем, от него пошло бы духовное оздоровление. Социализм ваш претендует быть новой религией, новым духом, а не только социальным устройством, не только добыванием хлеба насущного для голодных. И в этой претензии погибает и небольшая доля правды социализма. Вы не столько добываете хлеб земной для голодных (слишком часто вы лишаете и того хлеба, который был раньше), сколько провозглашаете религию хлеба земного против религии хлеба небесного. Ваш притязательный социализм глубоко антиисторичен, не понимает тайны истории, и потому он в сущности реакционен. Он добывается антихристового конца истории. И лишь вселенское христианское братство, обращенное к Христову концу истории, может победить соблазн социализма.

Идея демократии и идея социализма – противоположные идеи. Демократический социализм типа Жореса не есть настоящий социализм. Все вы, социалисты-революционеры,

меньшевики, правые социалисты всех толков, – не настоящие социалисты, все вы больше демократы, чем социалисты. Настоящие социалисты – коммунисты. И коммунисты правы, противопоставляя свой социализм демократии. Демократия – формально бессодержательна, она безразлична к направлению народной воли. В формальном народовластии народная воля не имеет никакого предмета. Демократия скептически и вместе с тем крайне оптимистична. Социализм пессимистичен в отношении к формальной воле народа, он заинтересован в том, чтобы воля народа имела определенное направление и определенный предмет. Социализм утверждает не суверенную волю народа, а суверенную волю класса, волю класса-мессии, пролетариата. Только пролетариат свободен от первородного греха эксплуатации. И последовательный социализм допускает только волеизъявление пролетариата, и притом не всякого пролетариата, а лишь социалистического пролетариата, пролетариата, верного «идеи» пролетариата. Не фактический, эмпирический пролетариат должен господствовать, а лишь «идея» пролетариата. Во имя «идеи» пролетариата можно совершить какое угодно насилие над фактическим пролетариатом. Верховенство принадлежит тому меньшинству, которое является истинным носителем «идеи» пролетариата, которое хранит правую веру. Социалистическое государство не есть секулярное государство, как государство демократическое, это – сакральное государство. Оно в принципе не может быть веротерпимо и не может признавать никаких свобод. Оно признает лишь права за теми, которые исповедуют правую веру, веру социалистическую. Оно походит на авторитарное теократическое государство. Социалистическое государство есть сатанократия. Социализм исповедует мессианскую веру. Пролетариат есть класс-мессия. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особенная иерархия – коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью. Никакое волеизъявление народа не допускается. Необходимо насильственно подчинить народ «священной» воле пролетариата, а самый пролетариат подчи-

нить «идее» пролетариата. Истину знают и истине подчиняют немногие – какой-нибудь центральный комитет коммунистической партии. Как не походит это на демократию! Истинные социалисты должны презирать скептическую демократию, бессодержательную и пустую. Социализм хочет перейти к содержанию жизни, открыть истинную и праведную волю. В этом социализм прав более, чем демократия. Но тут он и приближается к последним пределам небытия. «Идея» пролетариата – совершенно пустая, небытийственная идея. Содержание и цели жизни не могут быть социальными и определяться по внешним материальным признакам. Содержание и цели жизни могут быть лишь духовными. Нельзя искать праведной воли вне самой реальной праведности и святости воли. Все социальные и политические формы всегда окажутся формальными. Обе должны быть подчинены духовным целям жизни. И теократия лишь символизировала Царство Божие, но не достигла его реально. В этом была причина ее исторического краха. Социализм окончательно обнаруживает пустоту всех внешних стремлений к совершенному обществу и совершенной жизни. Только реальное осуществление совершенной духовной жизни есть разрешение проблемы совершенного общества.

Письмо десятое

Об анархизме

Анархизм, как и социализм, есть одно из вековечных устремлений, с давних времен проявлявшееся в человеческом обществе, и один из пределов общественной мысли человека. Революционный пафос анархизма иной, чем революционный пафос социализма. Существует внутреннее противоборство этих двух революционных стихий, но и неуловимый переход одной из этих стихий в другую. Если социализм доходит до небытия в своей жажде равенства, то анархизм доходит до

небытия в своей жажде свободы. Предел социализма – пустое равенство. Предел анархизма – пустая свобода. Если социализм верит в благость принудительной организации, то анархизм верит в благость естественного автономизма и анонимизма человека. Анархизм верит, что из хаоса естественным путем может родиться гармония. В анархизме больше веры в человека, чем в социализме, хотя оснований для такой веры в нем нет никаких. Анархизм отрицает значение закона для человеческой жизни, для общества, для путей истории, отрицает всякий исторический иерархизм, всякое право и всякое государство. Для последовательного анархического сознания исторический процесс совершенно бессмыслен и человек должен сбросить все окостеневшие наросты государственности и культуры. Последовательный анархизм не признает никаких достижений в долгом историческом пути человечества. Он хочет восстановить естественного человека, свободного от всех связей, от всех воспоминаний истории. Все оказывается лишь стеснительным футляром для свободного по природе своей человека, вся история – лишь цепи, сковывавшие человека. Никакой внутренней закономерности социального процесса анархизм не признает. Человек может и должен совершенно освободить себя в любой момент истории, при каком угодно социальном строе. Но революционный анархизм впитывает в себя элементы классового социализма. Лишь в редких случаях, когда анархизм является в идеалистических формах, он представляет человека, человеческую личность независимо от ее социального положения. В большинстве же случаев анархизм представляет те же «пролетарские» классы общества, что и социализм, и даже признает себя идеологией lumpen-пролетариата, пятого сословия. Вы, анархисты, любите декламировать о свободе человека, о личности, но вы дышите той же классовой ненавистью, что и социалисты, вы также не можете возвыситься над классовой точкой зрения. И это – внутреннее противоречие анархизма, в этом чувствуется его несвобода, его зависимость от социализма самого низшего пошиба. В душевной основе

анархизма лежит революционное бунтующее чувство обиды, жизненной неудачи, злопамятства против тех ценностей и благ, которые не дались и которые чувствуются чужими. Идеология анархизма близка черни, босякам, выброшенным за борт социальной иерархии. Анархическая страсть к разрушению рождается из чувства ненависти и мести. Анархист в человеческом обществе, в человеческой культуре ничего не чувствует своим, близким, своей собственностью, все представляется ему чужим, давящим и ненавистным. Государство для анархиста – не его государство, а чуждое, давящее и ненавистное. И что признает анархист своей собственностью? Ничто. Он не имеет не только материальной собственности (иногда он может и иметь ее), но, прежде всего, не имеет духовной собственности, он чувствует себя обездоленным и от этого накапливает разрушительную злобу в сердце своем. Макс Штирнер, самый крайний и интересный из философов анархизма, написал книгу «Единственный и его собственность». Все, весь мир признает Макс Штирнер собственностью «единственного». Но это страшный самообман. В действительности, он ограбил «единственного», он лишил его всякой собственности. «Единственный» – духовный пролетарий, у него нет ничего своего, все духовные реальности и духовные ценности – не его, чужие и потому ненавистны ему. «Единственный» живет в пустыне, в страшной духовной пустыне. Он не только на «ничто» строит свое дело, но и «ничто» есть содержание его жизни, цель жизни. И все вы, революционные анархисты, такие же духовные пролетарии, как «единственный» Штирнера, такие же убогие, такие же пустые, такие же оторванные и отрезанные от всех источников духовной жизни и духовных богатств.

Анархизм есть атомизм, распадение всех общественных целостей на самоутверждающиеся атомы, на индивидуумы, начинающие с себя всю историю, отрицающие все высшие реальности. Торжество анархии было бы распадением всей иерархии реальностей, органически между собой связанных, разрушением всего строя космоса, восстанием хаоса против

космоса. В этом восстании хаоса, прежде всего, подвергаются сомнению все космические реальности, реальности Божьего мира, рожденного в свете. В хаотическую тьму погружаются они, и эта хаотическая тьма признается единственной реальностью. Хаос расковывается, и самоутверждающиеся атомы из себя мнят воссоздать новый мир. Вот что шевелится под анархическими учениями, столь иногда идиллическими и прекраснодушными. С философской точки зрения, анархизм ваш есть крайний номинализм, отрицание реальности всех общностей и целостей, наций, государств, человечества, космоса, Бога. Все реальности превращает анархизм в давящие призраки. Он хотел бы оголить человека, поставить человека в пустоте и перед пустотой. Но не превращается ли на этом пути человек в последний из призраков? Не разрушаете ли вы и человека, того индивида, который был вашей последней инстанцией и во имя которого вы восстали на весь мир и на Бога? Для вас, последовательных анархистов, человеческая личность есть самый пустой из всех призраков. Еще дальше и глубже должны вы пойти в революционном процессе атомистического дробления и разложения. Человека превратили вы в атом. Но и самый человек ваш распадается на атомы. Восстание идет вглубь. И человек есть целость, есть реальная общность. Части восстают на целое и разлагают ядро личности человеческой, духовный центр ее. Ваш разрушительный номинализм должен идти все дальше и дальше, он не должен сохранять никакой реальности. Почему отдельный человек более реален, чем все разрушенные вами сверхчеловеческие реальности? Вот жалкий предрассудок, от которого вы с трудом отказываетесь. Не многие из вас дерзают на радикальное, до самого конца доходящее разрушение всякой реальности в мире. Поистине, это разрушение должно было бы быть бесконечным. Бесконечность разрушения раскрывает темную зияющую бездну, которой и самые крайние из вас пугаются. Но вы вызываете духов, которые смелее, последовательнее и радикальнее вас. Все же вы еще слишком умеренны. Даже М. Штирнер, самый смелый из вас, сохранил суеверие реальности «единственного». Но

последовательный анархизм должен был бы признать лишь реальность темной хаотической бездны небытия, лишь безысходную бесконечность дробления и разложения. Анархия должна захватить и индивидуума, и всякое «я» человеческое. Анархизм ваш есть самопротиворечие и самоистребление. Ни на чем вы не можете удержаться и передохнуть. Темный поток влечет вас в бездну. Ни от чьего лица не можете вы говорить. Никакое лицо не остается для вас реальным. Вы не можете с правом произнести никакого имени. Анархический путь есть путь самоистребления личности, гибель человеческого «я». Кто взрывает динамитом все возвышающиеся над ним реальности, все ценности и святыни, тот взрывает и себя, свое «я», тот губит свою личность и ввергает в пучину хаотического небытия. Человеческое «я», человеческая личность, человеческая индивидуальность реально существуют, если существуют реальности высшие, чем человек, чем его замкнутое «я». Человек до глубины есть, если есть Бог, и он гибнет, распадается, если нет Бога, если в нем гибнет Бог. Человек всегда держится тем, что выше его, что делает его собственную реальность бесконечно глубокой и бесконечно содержательной. Человек, в котором будет лишь плоскостное измерение и не будет измерения глубины, развеивается ветрами и теряет право на свое имя, данное ему от века Богом. Но знаете ли вы иное измерение человеческого существа, чем измерение на плоскости? Бунтует и восстает человек, ставший окончательно плоским. Реальности, превышающие человека и связывающие его с глубинной божественной действительностью, охраняют человека, его образ, его лик, его достоинство, препятствуют его растворению и гибели в темной бездне, в хаотической стихии. На дне анархизма всегда можно найти раскованную личность, утерявшую свой образ, свой духовный центр. Анархизм есть такое же человекоубийство, как и социализм. Вам, анархистам, некого освобождать. Вы не человека освобождаете, а освобождаете хаотическое небытие, в котором гибнет человек.

И те реальности, те силы, которые анархизм хочет низвергнуть, защищают человека от опасных для его образа сти-

хий. Церковь со своим иерархическим строем охраняет образ человека, защищает личность человеческую от демонов природы, от со всех сторон обступающих его и угрожающих ему стихий. Государство со своим иерархическим строем охраняет образ человека от звериных стихий, от поднимающейся снизу тьмы, оно признает человека индивидуальным существом, защищает от переходящей все пределы злой воли. Право охраняет свободу человека от злой воли других людей и всего общества. Закон изобличает грех, ставит ему пределы и делает возможным минимум свободы в греховной жизни человеческой. Анархизм отрицает зло и грех, он считает человеческую природу естественно благой и безгрешной. Но именно этим анархизм не освобождает человека, а порабощает его еще более. Этим анархизм ввергает человека в пучину, в звериный и рабский хаос, отдает личность человеческую на растерзание демонов. Анархизм утверждает свободу рабства у зла. Вы, анархисты-освободители, не знаете свободы нового Адама, во Христе рожденного. Ваша анархическая свобода есть последняя судорога старого Адама, ветхого природного человека. Истинно свободный духом не может быть анархистом, ему некого и нечего свергать. Анархическая настроенность – рабья настроенность. И истинно стремящийся к освобождению не может быть анархистом, – он прежде всего хочет освободить себя от своей собственной низшей природы, от власти над ним темных стихий. Анархизм хочет абсолютно освободить человека, не изменив и не преобразив его природу, оставив его рабом греха и страстей. Он хочет царства свободы без искупления. Но, поистине, Христос – освободитель, и свобода там, где дух Господень. Вы же не хотите знать Христа и духа Господня и мните себя свободными, оставаясь рабами. Свобода человека не достигается бунтами и восстаниями. Анархическая свобода – отрицательная свобода «от», а не свобода «для», свобода формальная, а не содержательная. Это – свобода детей, которые хотят иметь возможность делать все, что им вздумается, но не знают еще, что им вздумается. Задумывались ли вы когда-либо над тем,

для чего вам свобода, как воспользуетесь вы своей свободой, каким положительным содержанием ее наполните? Сомневаюсь, чтобы вы глубоко задумывались над этим. Вы хотите иметь возможность делать все, что вам захочется. Но захотелось ли вам уже чего-либо по существу? Избрали ли вы уже путь ваш? Полюбили ли вы уже что-либо так, чтобы предмет любви наполнил жизнь вашу высшим содержанием? Об этом никто из вас ничего не говорит. Вы не имеете никакой цели. Ваши свободные анархические общины – идиллические мещанские утопии, лишённые всякого глубокого содержания. Средства, к которым прибегаете вы в борьбе, бросают на вас зловещий черно-красный свет и придают вам почти демонический характер. Но цели ваши жалки и ничтожны. Вы стремитесь страшными и преступными средствами к мещанской слащавой идиллии земного благоденствия, к естественному раю в маленьких домиках с садиками. Ваши страшные кровавые бунты и восстания должны окончиться ничем. Весь пафос ваш – в средствах, а не в целях борьбы. Анархическая свобода – пустая свобода, свобода от всех связей бытия, от Бога, от космоса, от всех человеческих общностей. Но что будете делать вы на другой день после того, как все положительные связи, наполнявшие жизнь человека, рухнут? Вы сами не будете знать, что вам делать. Вы ощутите смертельную тоску и скуку пустоты, ужас небытия. Вы сами предпочтете рабство этой пустой свободе. И рабство не заставит себя долго ждать. Пустая, бессодержательная свобода мгновенно переродится в рабство. Вы будете рабами самих себя и подобных вам и всей непретворенной и непросветленной природы. Анархизм не знает истинной свободы, как социализм не знает братства. Анархизм изобличает тайну всех отрицательных направлений, обожествляющих ветхого, естественного человека. Он лежит на дне всякого революционизма, социализма, демократизма. И ни одно из этих направлений ничего серьезно не может противопоставить анархизму, не может бороться с ним. Радикальное изобличение лжи отрицательных направлений есть заслуга анархизма.

Идеология анархизма в большинстве случаев имеет антирелигиозное обоснование и дышит пафосом атеистическим. Таков анархизм Бакунина, анархизм М. Штирнера, анархизм динамитчиков, анархистов действия. Анархизм, прежде всего, направлен против Царя Небесного, а потом уже против царей земных. Но идеология анархизма может обосновывать себя и религиозно, может выдавать себя за религиозное учение и во имя Бога отрицать всякую власть на земле. Таков анархизм Л. Толстого, анархизм Э. Карпентера, анархизм духоборов и сектантов, отрицающих всякое воплощение божественных начал в историческом процессе. Религиозный анархизм – явление совершенно особого порядка. К анархизму может вести лишь религия отвлеченной духовности и отвлеченного монизма. Отвлеченная духовность и отвлеченный монизм становятся во враждебное положение к историческим воплощениям и к исторической множественности. Это – не христианская религия, это – уродливое отвлечение и оскотление христианства. Это сектантское духоборчество, выдающее себя за христианство, соединяет крайний индивидуализм, отрицание всех церковных и всех мировых исторических связей человека с крайним монизмом, с утверждением абсолютного тождества и безразличия. В этом отвлеченном религиозном индивидуализме и монизме отрицается органическое единство космической жизни и круговая порука и ответственность каждой личности человеческой за всех и за все. Сектантско-духоборческий религиозный анархизм хочет сбросить с себя бремя мирового процесса, бремя исторической судьбы человечества и, выделив себя, от себя начать жить в абсолютной свободе. Этот религиозный анархизм хочет признавать лишь власть божественного закона в себе. Он отвращается от конкретной множественности и от связанной с ней трагической судьбы. Он мнит себя пребывающим в абсолютном единстве, в невоплощенной и невоплотимой духовности. Он не хочет марать белых одежд святош анархизма прикосновением к историческим телам и воплощениям. Религиозный анархизм исключает себя из истории, не хочет участвовать в таком гряз-

ном деле. Религиозный анархизм есть крайний рационализм, он не верит в таинственную основу и таинственный смысл исторических воплощений и верит, что через индивидуальное сознание и обращение к божественному закону можно внезапно изменить весь мир и привести к новой жизни. Такова вера толстовцев, духоборов, духовных христиан, евангелических христиан. Евангелическое христианство отвергает не только всю мировую историю, но и всю религиозную христианскую историю. И это евангелическое христианство, в конце концов, вырождается в морализм и законничество. Самым крайним и типичным христианским анархистом был Л. Толстой. На нем можно изучать внутренние движущие пружины религиозного анархизма. Крайний спиритуализм толстовского анархизма соединяется с животво-материалистическим пониманием содержания жизни; крайний индивидуализм соединяется с не менее крайним монизмом, совершенно отрицающим личность; безумное отрицание мирового и исторического процесса соединяется с крайним рационализмом, с грубым отрицанием всего чудесного и таинственного. Безумие анархизма есть всегда безумие рационалистическое, исступление рассудочное. Это верно и по отношению к анархизму религиозному, и по отношению к анархизму антирелигиозному.

Пафос анархизма есть пафос отрицания истории. И всякий отрицающий историю имеет в себе семя анархизма, хотя бы он и не сознавал себя анархистом. Так, в русской восточно-православной религиозности есть анархический уклон, нелюбовь к власти и организации. Анархический уклон был и у славянофилов. Он совместим и с самодержавием. Ибо анархическому духу противоположна организация человечества для исторической жизни. В католичестве нет никаких анархических элементов, хотя католичество и боролось против государственной власти. Православие было покорно государственной власти, но в нем возможны своеобразные анархические уклоны. Безбрежность и безграничность православной души на Востоке, недостаток формы и предела, слабость самоорганизации располагают к благоче-

стивой анархичности. Ошибочно думать, что анархизм есть проявление активности человеческого духа. Внешним шумом и внешними жестами вводите вы других в заблуждение и сами себя обманываете. Анархизм не только может быть проявлением пассивности, но он, в конце концов, всегда есть проявление пассивности духа. Анархизм не мужествен, он женствен. Мужественный дух оформляет, дисциплинирует, организует. Дух женственно-пассивный погружает в бесформенный, недисциплинированный и неорганизованный хаос. И все вы, самые страшные анархисты, бомбометатели и взрыватели старого мира, все вы люди не мужественно-активного, а женственно-пассивного духа. Вы не владеете собой и не владеете стихиями, вы в обладании неведомых вам стихийных духов. Анархисты – самые безответственные из людей, они ни за что не хотят брать на себя ответственности. А безответственность и есть явление не мужественного, пассивного духа. Мужественный дух берет на себя ответственность.

В основе религиозного анархизма можно открыть атрофию чувства личности. У толстовцев, духоборов и других религиозных анархистов личность задавлена. В совершенной безличности видят они выполнение божественного закона жизни, все хотят привести к совершенному тождеству и безразличию. Индивидуальный образ готов признать грехом религиозный анархист. Религиозный анархизм Толстого пошел от круглой безликости Платона Каратаева. Но если не знает личности религиозный анархизм, то ваш безрелигиозный анархизм уже окончательно не может произносить слово «личность», так как совершенно отрезан от этой реальности. Вы отрицаете всякую власть и низвергаете всякую власть с такой легкостью и безответственностью потому, что вы не знаете личности и не дорожите охранением ее образа. Поэтому вас не страшит и даже притягивает погружение в безликий хаос. Притязание на безграничную свободу личности, не ведающей над собой никакой власти, разрушает личность и погружает ее в безликий хаос. Это есть основной парадокс

анархизма. Вы думаете, что вы восстаете и бунтуете во имя личности, во имя бесконечной ее свободы и ее обоготворения. Но это – страшный самообман. Бытие личности предполагает границы и различия, предполагает охранение от бушующего безликого хаоса. Свою окончательную свободу личность обретает не в произвольном снятии всех границ и различий, не в допущении в себя темного, всеразрушающего хаоса, а в космическом и историческом строе и ладе. Человеческая личность и человеческая свобода неразрывно связаны с иерархизмом. Вот истина, которая закрыта для всех вас, не только анархистов, но и социалистов, и демократов, и либералов, и всех плененных внешними позитивными политическими и социальными формами и идеями. *Бытие личности связано с онтологическим неравенством.*

Личность возможна лишь в космосе, лишь в космосе различимы лица, образы. Различение и есть установление различия. Космос же имеет иерархическое строение, в нем каждая личность имеет свое единственное место и единственное назначение, в нем все единично, все неповторимо. И всякое порабощение личности, всякое смешение ее с безличным и насилие над ней безличного есть результат некосмического состояния мира, порабощения его хаосом, разделяющим и сковывающим. Личность невозможна в хаосе, в хаосе неразличим лик, образ. В хаосе все смешано и спутано. В хаосе нельзя сохранить ничего сокровенного. Хаос ничего не признает неповторимым, единичным, различествующим от всего остального в своем качестве и своем назначении. Хаос не знает границ для своего разлива, для своего сокрушительного напора. Хаотическое состояние мира есть совершенно безличное состояние, в нем неразличимо индивидуальное. В космическом строе есть уважение к неповторимо индивидуальному, к сокровенному, есть предохранение от всеобщего смешения. В хаотической стихии нет уважения ни к чему. Стихия эта признает все своим, повсюду вторгается, все собой пропитывает, все вульгаризирует. Она не знает священных мест, не знает ничего неприкосновенного. Анархия и есть хаос, отрицание косми-

ческого строя мира, всеобщее смешение, нарушение всех тех иерархических граней, которые охраняли бытие личности. И потому анархия несет с собой порабощение и истребление личности. В пределе своем, в разверзающейся над ней бездне анархия истребляет все реальности, повергает в состояние небытия. И сладость анархии для соблазненных есть сладость небытия. Ибо мучительно трудно удержать бытие и умножить его богатства. Путь к вершинам бытия лежит через страдания. Вы же хотите мгновенно перескочить через страдания и срываетесь в царство небытия. В эпохи революций бывают мгновения торжества анархии. Хаотические стихии врываются в общественный космос и опрокидывают всякий космический строй и лад. Нарушаются все грани, все смешивается. Безликий бог или демон торжествует в революциях. Имя этого бога с радостью готовы назвать некоторые из вас. Это – бог Дионис. Он совершает свои оргийные празднества в стихии революции. Несет ли он с собой свободу, освобождает ли он личность, ведет ли он человека ввысь? Нет, неограниченное самодержавие этого бога разрывает личность, ввергает человеческий образ в темную, безликую пучину. И в Древней Греции, на родине своей, бог Дионис не был богом личности, богом человеческого образа. Не в религии Диониса рождалась личность, поднимался дух человеческий. В дионисических оргиях Грецию обступали и заливали хаотические стихии Востока, выступавшие из своих берегов, восстававшие против своих властителей. Лик человеческий подымался и выявлялся в религии Аполлона, бога формы и предела. Все европейское человечество и европейская культура созданы аполлоническим оформлением дионисической стихии. Так выковывался образ человека. Анархия пытается разрушить долгую работу над освобождением человека от власти оргийных стихий, над выковыванием человеческого лика. Христианство освободило человека от древней демонолатрии и подняло личность человека. Анархия хотела бы вновь вызвать стихийных демонов природы и отдать им на растерзание человека. Анархизм не умеет и не хочет просветлять стихии. Он хочет верить в их

естественную благодность, он остается в неведении зла. Анархизм есть противоестественное и противоречивое сочетание дионисической стихийности с беспредельным рационализмом. Он верит в рациональность самой стихии. Так хаос принимает обличие нового разумного строя жизни и является уже злом, а не первоначальной стихией, предшествующей разделению на добро и зло.

Исторический иерархизм воспитывает человечество и человека, он делает возможным подбор качественных элементов и духовный расцвет жизни и творчества в избранной части человечества – в духовной аристократии. О, конечно, никогда положение избранного меньшинства, духовной аристократии, в этом мире не было легким и удовлетворительным. Во всяком строе жизни путь этого меньшинства лежит через страдания, через непризнание и мучительную борьбу за свои идеи. Но в принципе существование этого меньшинства допускалось и охранялось от затопления хаотической человеческой массой. Всегда возможна была интимная, сокровенная жизнь, хотя бы и страдальческая, всегда возможен был эзотеризм в истории. Анархизм в принципе отрицает всякую эзотерическую, сокровенную жизнь, он восстает против нее как против начала аристократического и иерархического. Он хотел бы задавить эту иерархически высшую жизнь стихийным хаосом. В ваших анархических движениях низы опрокидывают верхи. И это имеет смысл не только материальный, но и духовный. Иерархический строй космоса есть путь охранения и раскрытия по ступеням высшей сокровенной истины, источников света. Анархизм хочет выплеснуть все сокровенное из священных сосудов в хаотическую, массовую стихию. И этим выплескиванием особенно грозит анархизм религиозный и мистический. Анархизм метафизически и мистически противоположен иерархизму. Поэтому он стремится к вульгаризации, он предает качество количествам, он не признает никаких неприкосновенных святынь, никаких оград для храмов, никаких прикрытий для мистерий. Но, с другой стороны, анархическая

настроенность поражает недостатком любви и снисхождения к людям, к человеческой массе. Анархическая идеализация неустроенности и хаотичности, анархическая вражда ко всякому жизненному порядку и строю несет за собой неисчислимое горе и страдание человеческой массе, среднему человеку. Но кто имеет право ввергать других людей, ближних своих, в хаос, беспорядок и нестроение всей жизни, в голод и холод, в необеспеченность элементарными жизненными благами и элементарными правами? Во всяком случае, такое отношение к людям недопустимо для христианина.

И те, которые считают себя христианами, должны были бы об этом подумать. Организация человеческой жизни, не допускающая превращения ее в ад, есть долг каждого христианина. В этом проявляется любовь к людям и снисхождение к слабости человеческой. И нет ничего безобразнее и безответственнее того мистического анархизма, который упивается бездной и хаосом, безбрежной стихийностью и изначальной природной тьмой, зовет к этому, мистически разукрашивает такие состояния народной жизни и именует «буржуазностью» всякую организованность, всякий строй, всякий жизненный порядок. И менее всего, конечно, можно найти в этом мистико-анархическом фразерстве дух любви. Духа любви больше в самой суровой государственности. В государственности есть снисхождение к человеческой греховности, к человеческой немощи, есть ответственное сознание зла жизни, есть ведение той тьмы, которая объемлет жизнь человечества. Ложью является и апокалиптическое истолкование и обоснование анархизма. В этом сказывается все тот же немужественный, безответственный пассивный дух. Отрицание начала власти и государства на том основании, что близится конец мира, что все уже изжито и исчерпано в истории, есть религиозный соблазн, религиозный срыв. Нам не дано знать времен и сроков. Об этом говорит Христос. И во все времена мы должны исполнять долг свой и проявлять дух мужественный и активный. С какой-то более глубокой точки зрения сама история совершается в вечности и во времени

лишь проецируется. И в вечности ставится задача истории. Поэтому и апокалиптический анархизм не имеет оправдания. Он срывает историю во времени, как временный процесс. Он хочет выйти из времени, как раб времени.

Иерархическое начало власти, иерархический закон Церкви, государства и права должны довести человечество до конца времен. Эти начала преодолимы лишь в измерении вечности, а не в измерении исторического времени. Но и в вечности, и в жизни небесной начало власти будет существовать в преображенном виде. И там не будет анархии. Власть может перестать действовать как начало принуждающее и насилующее, ибо она действует так лишь в материализованной и темной среде, но она не может прейти. Она действует и в небесной иерархии, и в небесном космосе. Начало власти – вечное начало, а не временная лишь реакция на зло. Претензия анархизма направлена на разрушение космоса и потому хотела бы уничтожить власть, управляющую космосом, держащую его и регулирующую его. Анархическая свобода не вмещает мира и Бога. Узка эта свобода, и в пустоте ее нет места ни для каких богатств. Анархизм совсем не хочет сделать человека подлинно свободным, – он хочет лишь, чтобы несвободный был признан свободным, несколько не изменив своей природы, т. е. хочет подмены и обмана. Анархическая свобода – не реальная свобода. Анархическое сознание не знает истины, ведомой мудрецам человечества, – той истины, что человек – микрокосм. Если бы вы знали эту сокровенную истину, то прекратили бы ваши внешние бунты и восстания. Сознавший себя микрокосм не может бунтовать против космоса. Он освобождает себя раскрытием в себе космоса. Вот в чем высшее достижение человеческой свободы. Невысокое вы имеете представление о природе человека, о чине человека. А хотите сделать каждого человека безгранично свободным и самодержавным властелином. Какая жалкая, пустая претензия! Какое самохвальство! Внутренняя диалектика анархизма убивает его, ведет его к самопожиранию и к самоистреблению. В этой диалектике – рок анархизма. Диа-

лектика анархизма истребляет свободу, истребляет личность, истребляет всякую реальность.

Анархизм несет смерть, а не жизнь и не воскресение. Пустое бурление анархических страстей есть лишь великое испытание для человеческого духа. На этом пути человек многому негативно научается. Изобличается меоническая ложь всех отрицательных «левых» направлений. Анархизм внутренне скрыт и в либерализме, и в радикализме, и в демократизме, и в социализме. Что могут противопоставить анархизму все эти направления, какие самостоятельные онтологические начала в них есть? Неубедительно все, что говорят они против анархизма. Анархизм должен придти в конце, как внутренняя кара, как конец всего пути, отпавшего от духовного центра. И, поистине, в анархизме есть какой-то предельный соблазн. Преодолев его, человечество окончательно выйдет к истинной жизни. Пределом анархизма может быть лишь самая страшная деспотия, лишь самодержавие какого-то ложного бога, который восстанет над поднявшимся хаосом.

Появлению этой деспотии будет предшествовать царство хамов, господство неблагородных, понижение духовного типа человека и человечества. Неблагороден тип анархической настроенности. Тип этот отрицает благое рождение, благое происхождение, принадлежность к благому роду. Он не знает никакого рождения и никакого происхождения, он не связывает себя ни с каким родом. Поэтому анархистами так легко делаются все, чувствующие себя отбросами и вместе с тем жаждущие жить с массами и в массах. Люди уединенные и одинокие, непонятые, но сосредоточенные, углубленные, созерцательные, не дорожащие жизнью с массами и в массах, не делаются анархистами. Анархизм – один из способов делать карьеру в массах. Этот путь невозможен для благородных. К неопределенному анархизму легко примыкает литературно-артистическая богема. Но это не подымает душевного типа анархизма. Ибо в литературно-артистической богеме обычно бывает утерян духовный центр и глубокая связь с истоками жизни. В анархически настроенной богеме нет подбора ка-

честв, нет душевного аристократизма, нет сознания высшего достоинства человека как сына Божьего, нет мужественного духа. Анархическая богема есть пассивная среда, послушная господствующим течениям; она готова исполнять заказы хозяина жизни, она готова поклониться разным богам. И духовная среда, благоприятная для анархизма, всегда бывает развинченной, в ней теряются строгие очертания образа человека. Через соблазн анархизма темные силы, темные духи хотят обезоружить человека в самый ответственный час мировой истории, когда необходим рыцарский закал духа. И это не случайно, в этом есть какой-то внутренний план и внутренний смысл. Хаос хочет опрокинуть космос, являясь в обличии добра, в обличии духа свободы. И чтобы противостоять обманам и иллюзиям анархизма, необходимы мужество и зрелость духа, необходимы глубина знаний и ясность созерцания. Не творческий дух подымается в анархизме. И подлинное творчество человека не может не противиться анархизму.

Письмо одиннадцатое

О войне

Жизнь в этом мире есть борьба. Борьба – дитя греховного раздора, она происходит от неполноты. Но через борьбу преодолевается этот раздор и происходит восполнение жизни. Война – одна из благородных, хотя и ужасных форм борьбы. Война – антиномична по своей природе, она есть осуществленное противоречие. Во имя жизни ведется война, и служит она полноте жизни. И война сеет смерть. Цель войны – мир и объединение. Войны были могущественнейшим средством объединения человечества. Народы братались в кровавых расправах и в столкновениях. С древних времен через войны объединялись человеческие общества в большие исторические тела, в огромные империи; через войны разливались народы по поверхности земли, и этим путем уготовлялись единое

человечество и единая всемирная история! И война же была выражением самого кровавого раздора в человечестве, взаимной ненависти народов и жажды истребления. Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование. Война не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло. Война – порождение греха и искупление греха. Война говорит о трагизме жизни в этом мире, о невозможности в нем окончательного устроения, спокойствия и бесконечного благоденствия и благополучия. Война наносит самые страшные удары мещанству, мещанскому покою и удовлетворенности. Демон войны всегда увлекал человечество вдаль, отрывал его от мещанской прикованности и ограниченности. Война всего более говорит об иррациональных, демонических силах в человеке, об огне, который всегда может вспыхнуть и сжечь все человеческие интересы. Война есть опытное опровержение рационалистического взгляда на историю. Ибо, поистине, народы должны периодически сходить с ума, чтобы воевать. Между интересами отдельных людей и целых народов и войной существует иррациональная несоизмеримость. Страшные жертвы войны не оправдываются никакими интересами. Эти страшные жертвы требуют сверхразумной санкции, требуют веры в цель и смысл, лежащие за пределами этого эмпирического отрывка земной жизни. Если, по мнению остроумного социолога В. Кидда, разум не может одобрить целей прогресса, не может дать санкции для жертвы индивидуальными интересами во имя далеких интересов социального организма и потому требуется санкция сверхразумная, религиозная, то особенно верно это по отношению к войне. В войне падают жертвой не только отдельный человек, но и целые поколения. Можно ли оправдать такое самопожертвование интересами отдельных людей и целого поколения? Необходимо отречься от своего малого разума, чтобы оправдать такое самопожертвование. Рациональное оправдание войны какими бы то ни было интересами – нелепо и невозможно. Вот почему рационалисты и позитивисты бывают в принципе против войны,

они обычно склоняются к пацифизму. Люди же религиозные легче принимают войну с ее ужасами и не восстают принципиально против войны, хотя и сознают ее зло.

Вы, пацифисты-гуманисты, восстающие против войны и призывающие к вечному миру, вы не верите в высший смысл человеческой жизни, не верите в вечную жизнь. И вас убийство на войне более страшит, чем верующих христиан, принявших в сердце свое заповедь божественной любви. Это понятно, это может удивлять лишь тех, которые не вникают глубже в смысл жизни. Вы очень поверхностно смотрите на жизнь человека и видите лишь отрывок этой жизни на плоскости. И вы хотите, чтобы отрывок этой жизни на плоскости был устроен как можно спокойнее, удовлетвореннее и приятнее. Дальше, выше и глубже для вас уже ничего не существует. Вас страшит физическое убийство так, как не страшит оно христиан, знающих жизнь бесконечную, ибо с физической смертью для вас все кончается. И вы не задумываетесь над тем, что убийство духовное в тысячу раз страшнее убийства физического. Между тем как мирная жизнь наша наполнена духовным убийством. Без всякой войны убиваем мы ближних наших нашими чувствами и мыслями, пускаем во все стороны человекоубийственные токи, отравляем страшными ядами души людей. Наша мирная жизнь полна ненависти и злобы, и эта ненависть и злоба убивает людей. В Евангелии сказано, что убивающих душу нужно бояться больше, чем убивающих тело. И вот в самые мирные, невоинственные времена идет война, убивающая души, отравляющая и растлевающая души людей. Почему это не пугает вас? Почему это пугает вас менее, чем физические убийства на войне? Всякое убийство по внутренней своей сущности есть убийство духовное, а не физическое. Убийство не есть передвижение атомов материи. Убийство есть акт воли, направленный на отрицание и истребление человеческого лица. И на войне с более глубокой точки зрения не происходит такого убийства. Ибо физическое убийство во время войны не направлено на отрицание и истребление человеческого лица. Война не предполагает

ненависти к человеческому лицу. На войне не происходит духовного акта убийства человека. Воины – не убийцы. И на лицах воинов не лежит печати убийц. На наших мирных лицах можно чаще увидеть эту печать. Война может сопровождаться убийствами как актами духовной ненависти, направленной на человеческое лицо, и фактически сопровождается такими убийствами, но это не присуще войне и ее онтологической природе. Зло нужно искать не в войне, а до войны, в самых мирных по внешнему обличию временах. В эти мирные времена совершаются духовные убийства, накаплиются злоба и ненависть. В войне же жертвенно искупается содеянное зло. В войне берет на себя человек последствия своего пути, несет ответственность, принимает все, вплоть до смерти. Ибо, поистине, не бесконечная благополучная жизнь на земле является последствием всех этих земных устроений без Бога, во имя свое, а смерть. Война – великая проявительница. В ней проецируется на плоскости то, что происходит в глубине. И совершенные раньше духовные убийства в ней появляются в плане физическом. Война не столько зло сама по себе, сколько связана со злом и является последствием зла более глубинного. И в духовной природе войны есть свое добро. Не случайно великие добродетели человеческого характера выковывались в войнах. С войнами связана выработка мужества, храбрости, самопожертвования, героизма, рыцарства. Рыцарства и рыцарского закала характера не было бы в мире, если бы не было войн. С войнами связано героическое в истории. Я видел лица молодых людей, добровольцами шедших на войну. Они шли в ударные батальоны, почти на верную смерть. Я никогда не забуду их лиц. И я знаю, что война обращена не к низшим только, а и к высшим инстинктам человеческой природы, к инстинктам самопожертвования, любви к родине, она требует бесстрашного отношения к смерти. Не следует забывать, что на войну люди идут умирать, а не только убивать. И потому война, при духовно должном отношении к ней, облагораживает и возвышает человеческую душу. Ваш пессимизм имеет мещанскую природу. Ваш идеал внешнего мира – буржуазный

идеал земного благоденствия, под которым будет клочкаться человеческая ненависть и злоба. Для греховного человечества пацифизм есть ложь и неправда, внешний обман. Ваша боязнь физического насилия происходит от неодолимости отношения к жизни, от слишком исключительной веры в материальный мир. Но физического насилия не существует как самостоятельной действительности, оно есть лишь выражение духовного состояния человека и мира. Все материальное имеет лишь символическую, значковую природу. Вы же хотите устранить последствие, оставив причину, уничтожить внешнее выражение, не изменив внутреннего существа. И еще в пацифизме вашем есть сторона, неблагоприятная для характеристики вашего отношения к жизни. Война говорит о самобытной исторической действительности, она дает мужественное чувство истории. Пацифизм есть отрицание самостоятельности исторической действительности и исторических задач. Пацифизм подчиняет историю отвлеченному морализму или отвлеченному социологизму. Он срывает историю до ее духовно-реального конца.

Очень интересна психология войны. В ней следует искать разгадки психологии народных масс, она является самым сильным опровержением рационалистического обоснования общественности. Если вообще нельзя построить общество на разумном общественном договоре, то всего менее можно построить на нем войну. Война всегда имеет иррациональные основы и предполагает покорность человека целям, стоящим выше его постижимых интересов. Воевать нельзя во имя расчужденных, утилитарных, слишком понятных и взвешенных целей. Безумно воевать во имя разумных целей, и в высшем смысле «умно» воевать лишь во имя целей безумных. Это основной парадокс психологии войны. Всякая рационализация войны есть ее убийство, всякая попытка сделать слишком понятными цели войны подрывает ее пафос. Нельзя воевать за «землю и волю», как нельзя воевать во имя отвлеченной пользы государства, во имя «проливов» и т. д. Хорошо вое-

вать можно лишь во имя безрассудных целей, таинственных, далеких и непонятных целей жизни, по иррациональным инстинктам, без рефлексии и рассуждения, за «веру, царя и отечество», за народные святыни, из любви к родине, превышающей все интересы. Войну нужно брать в ее таинственной органичности и оставаться в ней покорными святыням, не переводимым ни на какие интересы. Демократическое требование, чтобы цели войны и смысл войны были понятны всем участникам войны, чтобы война была проведена через всеобщее избирательное право, чтобы каждый солдат свободно и разумно решал, хочет ли он воевать и имеет ли смысл война, есть революционно-рационалистическая нелепость, чудовищное непонимание природы войны и природы войска. Большевики тоже заставляют народ воевать во имя непонятного и безумного, во имя всемирной социальной революции, третьего интернационала и т. п., и потому только они и могут воевать. Массы всегда должны участвовать в войне во имя непонятного, таинственного и иррационального. И чем непонятнее, таинственнее, иррациональнее цель войны, чем больше священного трепета и священной покорности вызывает война, тем лучше организовано и дисциплинировано войско, тем лучше оно воюет. Человеческая масса может быть организована и дисциплинирована лишь иррациональными и непонятными для нее началами, воспринятыми как святыня. Начала слишком близкие и понятные дезорганизуют. Вы пробовали организовать и дисциплинировать русскую армию во время революции на рационально-демократических началах. Вы, безумцы или преступники, вообразили, что армия может существовать без иерархического строя. И вы вынули душу из армии, вы истребили ее и направили ее воинственную энергию на те цели, на которые влекли ее иные стихийные инстинкты, иная иррациональность масс. Гражданская война, социальная война классов оказалась возможной, потому что в ней бушевала иррациональная стихия, ее направляли звериные инстинкты. Но рационально-демократическая национальная война была невозможна. В эпоху французской рево-

люции армия хорошо и победоносно воевала потому, что она была покорна таинственному инстинкту любви к отечеству, ее направляла созидающаяся нация. Войну решает и воевать хочет не эмпирический народ, а сверхэмпирическая нация.

Армия есть мистический организм. И хорошо воевать может лишь тот, в ком личность в ее отдельности угашена в этом мистическом организме. Не может воевать тот, в ком есть личная рефлексия и личное рассуждение. Лишь таинственное преодоление своей отдельности, своей особи делает возможным принятие ужаса войны. Перед этим ужасом нельзя чувствовать себя отдельной рассуждающей личностью. Вне иерархического соподчинения невозможен никакой акт войны. Иерархическое начало в армии и есть начало, для личности иррациональное. Война есть выражение иррациональности жизни, она громко говорит о невозможности рационализировать жизнь без остатка. Демократизация армии и есть ее рационализация, т. е. убиение единой души армии, распадение ее на атомы. Рациональная и моральная критика войны предполагает распыление всех таинственных духовных реальностей. Душа масс распадается, атомизируется, когда массы выпадают из покорности таинственным священным целям жизни. И бесконечно выше тот, кто воюет во имя таинственной и священной цели жизни, чем тот, кто воюет во имя цели слишком понятной и близкой. Война, как и все жертвы истории, совершается и во имя Иванов и Петров, покорных и не понимающих цели войны. Масса Иванов и Петров может пережить значение для себя войны лишь бессознательно, в таинственной глубине своей, в смирении своем перед святынями. Весь мировой и исторический процесс со своими жертвами и страданиями совершается для каждого Петра и Ивана, для его вечной судьбы. Но это непостижимо рационалистически и позитивно-эмпирически, это предполагает осуществление целей жизни за пределами земной жизни. Вот почему христианство принимает войну с ее ужасами и страданиями. И ее с трудом принимают те, которые отрицают бессмертие, для которых все исчерпывается этой жизнью. Когда погибла

вера в высшие реальности, когда все распылено, тогда нельзя более воевать, тогда лучше кончать войну.

Войне народов противопоставляете вы войну классов, и все жертвы этой войны представляются вам оправданными. Вас ужасают убийства, совершенные на войне, но вы не боитесь совершать убийства в своих классовых, революционных войнах. Ваши гуманистические декламации прекращаются, когда речь идет о ваших революционных войнах. Когда нация с нацией ведет войну, вы делаетесь кроткими вегетарианцами, вы боитесь крови, вы призываете к братству. Но когда удастся вам превратить борьбу наций в борьбу классов, вы становитесь кровожадными, вы отрицаете не только братство, но и элементарное уважение человека к человеку. В исторических войнах народов никогда не бывает такого отрицания человека, как в революционных войнах классов и партий. Война имеет свою обязательную этику отношения к противнику. Доблестного врага хоронят с воинскими почестями. В революционных классовых войнах все считают дозволенным, отрицается всякая общечеловеческая этика. С врагом можно обращаться как с животным. Война не нарушает космического иерархического строя, она соподчинена ему. Нарушает его лишь «гражданская война». Война подобна дуэли. Двум народам тесно жить на свете, они чувствуют себя оскорбленными друг другом, и они грудью встречают друг друга, признавая друг друга достойными борьбы. И война нравственно выше, духовнее социальной борьбы, «гражданской войны», которая не есть война. Война основана на признании реальности целостности, общностей, духовных организмов. Социальная борьба, гражданская война отрицает все целостности, общности, духовные организмы, она распыляет их, атомизирует их. Социальная борьба знает лишь общность или противоположность интересов, она не знает общности или противоположности духа. Гражданская война не может не вести к озверению. Не таинственные цели, не исторический рок народов порождает гражданские войны, а цели, для

рассудка понятные, цели, связанные с выпадением человека или человеческих групп из организма, с осознанием интересов. Империалистические войны по природе своей все-таки выше войн социальных. В них есть органическая идея, возвышающаяся над расслоением человеческих интересов, которой люди покорны, в них есть исторический рок народов, побеждающий ограниченность человеческого кругозора. Империалистические войны с древних времен имели своей целью универсальное единство. Через великие войны смешивались и соединялись расы, племена, национальности, объединялось человечество на поверхности земного шара. Война не отрицает реального единства, рожденного не из интересов, а из самих недр бытия. Но она говорит об иррациональной и антиномической жизни в иерархически реальных единствах.

Ложна та философия и та мораль войны, для которой война враждующих народов есть борьба Ормузда и Аримана, света и тьмы, добра и зла. Никогда в войне свет и правда не могут быть исключительно на одной стороне, а зло и тьма — на другой. Такое элементарное морализирование над войной упрощенно переносит на историческую действительность категории личной морали и, в конце концов, ведет к аморальным последствиям. Когда народ мой воюет с вражеским народом, то нравственно предосудительным самохвальством было бы представлять себе свой народ перлом совершенства, вражеский же народ рисовать себе черным злодеем. В борьбе народов должно иметь свою «идею» и желать как можно сильнее отпечатлеть эту идею на мировой жизни. «Идея» моего народа не есть единственная, имеющая право на существование. У других народов есть другие «идеи», и они имеют свое оправдание. Происходит соревнование таких «идей», как бы естественный подбор могущественнейших идей. И Бог предоставляет народам своим свободу такого соревнования. В борьбу за свою «идею» народ вкладывает совокупность своих духовных сил. В столкновении народов моральная правота на одной стороне может быть относительной. Война не есть борьба за моральную правду и справедливость. Трудно даже

понять, где справедливость в великом историческом столкновении народов. Почему справедливо, чтобы греки победили персов или персы греков, римляне галлов или галлы римлян, Наполеон весь мир или весь мир Наполеона? Почему может быть справедливо усиление одних империй или разрушение других? Справедливо ли разрушить турецкую империю или сохранить ее? Все эти вопросы неразрешимы, потому что неверно поставлены. Война есть борьба не за справедливость, а за онтологическую силу наций и государств. Тут скорее уместен критерий биологический, чем этический. Можно видеть правду в победе духовно и материально сильных и жизненных наций, находящихся в периоде расцвета, над нациями слабыми, разлагающимися и отцветающими. В войне происходит состязание духов народных, испытание их сил. Война есть борьба за осуществление своего назначения в мире. Народ, почувствовавший себя избранным, движимый демоном призвания, не может остановиться в пути своем. Но его ждет имманентная кара, если на пути своем он принужден совершать слишком большие насилия, если несет в мир слишком много горя и страданий.

Войны бывают очень разнокачественные по своему характеру. Бывают войны более или менее равных по своей силе и по своей культуре народов. В этом случае происходит напряженное соревнование и состязание, которые должны решить, кому должно принадлежать преобладание в мире, чей дух будет ближе запечатлен на дальнейшей истории. Бывают войны народов могущественных и высококультурных против слабейших и малокультурных. В этом случае целью войны может ставиться колонизация, насаждение и распространение более высокой культуры. Первый тип войны представляет осуществление империалистических задач. Бывают войны народов угнетенных за свое освобождение, внешне более слабых, но внутренне еще сохранивших свою духовную силу. Эти войны имеют своей целью не осуществление универсального единства, а отстаивание индивидуализации. Они не могут осуществляться самими слабыми и малыми нациями, в них при-

нимают участие более могущественные нации, которые берут под свою защиту более слабых во имя своих мировых задач. Наконец, бывают войны, в которых сильные, варварские, некультурные народы заливают и поработщают народы высшей культуры, но уже дряхлеющей и изнеженной, подточенной внутренней нравственной болезнью. Таковы были в свое время нашествия мира германского на Рим и мира мусульманского на Византию. Эти нашествия могут носить очень дикий и разрушительный характер. И все же имеют они какой-то внутренний смысл, скрытый от нашего поверхностного взора. Культурной Европе могут еще грозить воинственные нашествия мира монгольского. Но какой бы характер ни носила война, она является показателем напряженного *динамизма* истории. Пацифизм же приводит к статическому взгляду на историю. Ваши пошлые революционно-демократические формулы, отрицающие «аннексии», и означают отрицание динамизма истории, неосмысленное и неосуществимое требование остановки истории, победы статики над динамикой. Динамика истории есть сложный ряд аннексий. К этим аннексиям на протяжении всего исторического процесса очень трудно было бы применить категорию справедливости. Справедливость – статическая, а не динамическая категория. Она требует мирового экилибра (равновесия), а не динамического процесса, всегда протекающего в трагических столкновениях и муках. Динамический процесс истории есть столкновение и взаимодействие рас, племен и национальностей, их усиление и ослабление, их передвижение по поверхности земного шара, присвоение или утрата ими земель, перераспределение их роли и места на земле. Нет такой статики в земном существовании народов, которая на веки веков определила бы справедливые границы для них. Самые устойчивые и закрепленные места на земле приобретены путем динамики. И аннексии прошлого, которые мы воспринимаем в кристаллизованных результатах, не более справедливы, чем направленные против них аннексии будущего.

История еще не окончилась. Динамизм истории не ослабевает, а усиливается. Мир не приближается к земному бла-

годенствию, к земному раю, к идиллии вечного мира. Все принуждает нас думать, что мир идет к страшной борьбе, ко все новым столкновениям исторических сил, к новым испытаниям мужества духа, рыцарского закала духа. Поверхность земного шара еще не устроена. Еще много исторических задач остались неразрешенными. Восточный вопрос неразрешим мирно. Вы же хотите обессилить и ослабить внутренние народы ко времени страшной борьбы, когда силы их духа будут подвергнуты страшным испытаниям. Демократическое и социалистическое отрицание войны в принципе есть очень хитрое обезоружение христианских народов, разоружение старых армий для образования новой интернациональной армии земного царства. Социалистический дух интернационализма подменяет христианский дух вселенскости. И христианство желает мира всему миру и братства народов. Но оно хочет, чтобы это был подлинный внутренний мир и подлинное внутреннее братство. В христианском мире и христианском братстве будет побеждено зло. В вашем же мире и в вашем братстве зло навеки остается непобежденным. Ваш пацифизм есть отрицание зла, нежелание знать зло, желание устроиться со злом так, как будто бы зла нет. И потому никогда вы не достигнете ни всемирного братства, ни вечного мира. Пацифизм ваш окончательно истребляет рыцарские начала, рыцарски-воинствующую борьбу со злом.

Ваша идея вечного мира народов – буржуазная идея. Вы хотите внешнего спокойствия и благополучия, не искупив греха, не победив внутреннего зла. Вы хотите продолжать совершать духовные убийства, отстраняя от себя внешние их последствия, не испытывая ужасов физического убийства. Вы хотели бы притвориться, что народы замиренны, что злая вражда в них побеждена. Вы хотите создать внешнее обличие братства народов, без той внутренней любви, которая только и могла бы его создать. Вы хотите идти от внешнего к внутреннему и по пути совсем забываете о внутреннем. Истинный же путь есть путь от внутреннего к внешнему. Ищите Царства Божьего, и все остальное приложится вам. Вы же думаете, что

Царство Божье приложится ко всему остальному. Вот почему вы никогда не придете к братству людей и народов. Братство нельзя создать на началах экономических и юридических, оно не вытекает ни из каких интересов и не может быть гарантировано никаким правом. Оно есть царство Духа. Истинный, онтологически реальный мир должен быть космическим миром, и истинное, онтологически-реальное братство должно быть космическим братством. Война ведется не только на ограниченных пространствах земли, не только в плане физическом. Она ведется во всех планах бытия, во всех иерархиях, она ведется и на небесах. В высших иерархиях ангелы Божьи воюют с ангелами сатаны. Но орудия их войны более тонки и эфирны. Взор ясновидящего повсюду в мироздании, в самых глубоких и самых далеких его пластах должен обнаружить войну. Видимая материальная война есть лишь выявление невидимой духовной войны. И как плоски, как жалки по сравнению с этой подлинной жизнью мира все выдуманные вами интернационалы, вечные миры и т. п.

Христианские апокалиптические пророчества не говорят нам о том, что под конец не будет войн, будет мир и благоденствие. Наоборот, пророчества эти говорят о том, что под конец будут страшные войны. Апокалиптическое чувство истории противоречит вечному миру. Все утопии земного рая, мира и благоденствия на земле разбиваются об апокалипсис. Апокалиптическое чувство истории – трагично. Оно научает нас той суровой истине, что в мире возрастает не только добро, но и зло, что самая страшная борьба еще впереди. Впереди, в плане духовном, предстоит еще самая страшная война – война царства антихриста с Царством Христовым. Война Христа и антихриста, верных Христу и соблазненных антихристом и будет последней войной. Эта страшная духовная война будет иметь и свои материальные явления. Война была в самом истоке человеческой культуры. Она была могущественным двигателем культуры. Война идет и в самом конце человеческой культуры, на самой ее вершине. Буржуазный и социалистический «вечный» мир не предотвратит этой последней войны и

войн, предшествующих этой последней войне. Предстоит еще столкновение мира арийско-христианского с монгольским Востоком. Апокалиптическая война переведет материальное столкновение в план духовный. И она бросает обратный свет на все прошлое человечества, на духовную подкладку всей материальной борьбы. Внешний, экономически и юридически обусловленный мир прикрывает духовную глубину жизни, скрытый в ней огонь. Но прикрытие это не может быть вечным. В пацифизме, гуманитарно-демократическом и интернационально-социалистическом, есть лицемерие, желание избежать последствий зла, а не самого зла. Война – антиномична по своей природе, и она сопротивляется всем гладким рационалистическим учениям. Глубоко антиномична война и для христианского сознания. Война вызывает трагический конфликт в душе христианина. Не добро и зло, не правда и ложь сталкиваются в этом конфликте, а два добра, две правды. Вам незнакома эта трагедия. Вы хотите знать лишь столкновение отвлеченного добра с отвлеченным злом. Но бесконечно сложнее и запутаннее жизнь человека. Трагедия человеческой жизни коренится в столкновении ценностей разного порядка, в неизбежности свободного выбора между двумя одинаково дорогими ценностями и правдами. Отечество есть непререкаемая ценность, и патриотизм есть высокое состояние духа. Но любовь к отечеству может столкнуться с любовью к другим, столь же несомненным ценностям, например с любовью к человеку и человечеству, к высокой культуре, к духовному творчеству и т. п. И войну можно принять лишь трагически. Греховно только желать войны и упиваться войной. Это – безбожно. Нужно желать и мира, нужно чувствовать скорбь и ужас войны. Любовь должна победить зло и раздор. Но любовь действует и на войне, преломленная в темной стихии. По учению Я. Беме, Божественная любовь, преломленная во тьме, превращается в гнев. То же происходит в стихии войны. В этом правда войны. Но война есть смешанная действительность, в ней действуют и другие начала, и начала злой ненависти и злой корысти. И потому не может она не вызывать скорби. Война

ставит человека лицом к лицу со смертью, и это прикосновение к тайне смерти человека углубляет человека.

Но война может внутренне разлагаться и вырождаться, она может терять свою идею и свой смысл. Это и произошло с мировой войной нашего времени после катастрофы с Россией. Мировая война не разрешила никаких задач и кончилась дурным миром. Внутренне война продолжается. У наших союзников не было положительной идеи войны, сознания миссии, связанной с этой войной. Союзническая идеология была гуманитарно-пацифистская, руководящей идеей тут была идея масонская. Но масонство, в конце концов, хочет ослабить все нации, лишить их индивидуального характера, подменить Церковь Христову ложной гуманистической лжецерковью, конкретное всеединство человечества – абстрактным единством. Старая христианская Европа погибает от вражды, от продолжающейся внутренней войны Франции и Германии. Германия облагорожена поражением и заслуживает иного отношения, чем то, которое было к ней во время войны. Силы, враждебные христианству, разложили войну и лишили ее внутреннего смысла. Тогда вступает в свои права правда мира. Бывают периоды в истории, когда война становится безусловным злом, когда здоровый духовно-религиозный инстинкт должен требовать мира для всего мира. И если тогда мира не будет в Европе, то Европе грозит гибель, грозит торжество монгольского Востока. Но нельзя обольщать себя оптимистическими надеждами. Духовный раздор Европы дает основания для песимистических предчувствий.

Письмо двенадцатое

О хозяйстве

Наша историческая эпоха окрашена в цвет экономизма. На всем лежит печать экономизма, экономизм придавил высшую жизнь. Никогда еще не сознавалось так значение хозяй-

ства в человеческой жизни, никогда еще человек не ощущал такой зависимости от экономики, никогда еще не ставилась так высоко экономическая производительность и не превращалась в столь самодовлеющую цель. Не случайно в нашу эпоху была создана теория экономического материализма. Эта теория лишь отражала состояние европейского общества. Духовная жизнь человека попала в рабство к жизни материальной. И это явление действительности пассивно отразилось в мышлении как теория экономического материализма, для которой вся духовная жизнь есть лишь надстройка над экономикой. «Идеологические надстройки», которые ныне изобличают экономические материалисты и социалисты, и были признаком благородства человеческого духа, потребности в священной санкции жизни. Эти благородные «надстройки» начали изобличать и материалистически объяснять, когда произошло низкое возобладание материальной жизни над духовной. Не случайно, с противоположного полюса духа, в наше время, христианский мыслитель С. Н. Булгаков создал своеобразную хозяйственную религиозную философию в своей «Философии хозяйства» и в ней провозгласил софийность хозяйства. Многие идеологические течения нашего времени определены гнетущим влиянием экономизма. И более глубокие из этих течений готовы увидеть в экономике почти метафизическое глубинное начало бытия. И Л. Толстой всегда был рабом хозяйственности и всему своему христианству придал хозяйственный характер. Хозяйственность есть и в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова. Никогда еще ужас перед нуждой, перед необеспеченностью жизни не достигал таких подавляющих размеров. Никогда еще человек не чувствовал такой тесноты и сдавленности со всех сторон, такой покинутости на произвол судьбы. Гнет экономизма явился результатом потери всякой священной санкции хозяйственной жизни. Что-то страшно обострилось в человеческой жизни за XIX и XX века. Все труднее и труднее становится человеческая жизнь. От экстенсивного труда человек переходит к интенсивному труду, от экстенсивного душевного типа – к интенсивно-

му душевному типу. Ни в чем уже нет шири для человека, все сдавлено. Тесно человеку на земле. Рост народонаселения и рост потребностей приковали человека к экономике. Вхождение машины в человеческую жизнь было одной из самых радикальных революций человеческой истории, потрясшей все вековые основы человеческого быта. Изменился ритм человеческой жизни. Все более и более теряется ритм, общий с ритмом природы. Человеческая жизнь делается все менее и менее природной, естественной. Человек проходит через расщепление и дисгармонию. Что такое нужда, определяющая власть экономики в человеческой жизни? *Нужда есть выражение некосмического состояния мира.* Окончательное преодоление нужды предполагает наступление космической гармонии, преодоления материального состояния мира, которое означает некосмическое, разодранное и скованное его состояние. Существование законов материальной природы, жизнь в нашем физическом теле, связывающая нас с физическим телом всего мира, предполагает несовершенное, ущербное, нуждающееся состояние человека и человечества. Безумны те из вас, которые думают достигнуть социального рая и блаженства, совершенной свободы и неведения зла и страдания, оставаясь в физическом теле, оставаясь подданными царства материальной природы и ее законов. Это природное материальное царство требует от человека хозяйственности, хозяйственного труда, хозяйственной заботы. Евангельские слова о беззаботности птиц небесных и лилий полевых обращены к внутреннему, духовному человеку, но совершенно неприменимы к внешнему плану жизни, непередадимы прямо на него.

Вы, социалисты, выдумали, что нужда есть порождение неравенства и что нужда прекратится, когда будет установлено царство равенства. С хозяйственной точки зрения, это одно из самых нелепых рассуждений, какие можно себе представить. На эту тему декламируют социалисты в угаре революционных страстей, в плане агитации. Но в плане познания, в более спокойном состоянии мышления этого не утверждают даже и более вдумчивые социалисты. Прежде всего, у самого Маркса

можно найти опровержение того лжеморалистического положения, что все зло происходит от неравенства. С хозяйственной точки зрения неравенство было не только необходимо, но и благостно. Благодаря неравенству был возможен максимум достижений в хозяйственной жизни, максимум преодоления нужды. Не неравенство создает нужду, а нужда создает неравенство, как спасительное приспособление, как выход, предотвращающий хозяйственное и культурное понижение и гибель. Это подтверждает ход русской революции. Неравенство есть могущественнейшее орудие развития производительных сил. Уравнение в бедности, в нищете сделало бы невозможным развитие производительных сил. Неравенство есть условие всякого творческого процесса, всякой созидательной инициативы, всякого подбора элементов, более годных для производства. Неравенство создает социальную обстановку, в которой могут жить и удовлетворять свои потребности народы и при невысоком развитии производительных сил. Ваше социалистическое отношение к неравенству и разделению труда есть совершенно некритическое смешение категорий экономических с категориями моральными. И лишь в силу этого смешения отождествляете вы социальное неравенство с эксплуатацией чужого труда, формы труда – с нравственными преступлениями. Поистине, существует эксплуатация чужого труда и нравственно преступное отношение классов имущих к классам неимущим. Но это суждение принципиально иного порядка, чем суждение об организации хозяйственной жизни. Вы гордитесь Марксом как самым объективным и научным умом, для которого познание не было ничем субъективным замутнено. Но вся теория прибавочной ценности у Маркса была основана на смешении экономических и моральных категорий, замутнении объективного субъективным. Теория прибавочной ценности и сделалась источником субъективно-морального пафоса революционного социализма. Если более чем сомнительны научные качества теории трудовой ценности и она уже была смешением разных категорий, то та дедукция, которую сделал из нее Маркс в своем учении о прибавоч-

ной ценности, превратилась в декламацию революционной морали против злодеев-эксплуататоров. Это субъективно-моралистическое, революционно-классовое учение находится в разительном противоречии с другой стороной учения Маркса, в которой признается объективное преобладание в хозяйстве момента производительного над моментом распределительным и потребительным. Если форма распределения, если социальная структура общества определяется формами производства, необходимой на данной ступени развития организацией производства, то падают все пошлые декламации о неравенстве и эксплуатации как источниках всех зол и бедствий. И самое рабство может быть признано для своего времени относительным благом в организации хозяйства.

Хозяйственная задача, стоящая перед человеком, есть прежде всего задача овладения природой и регуляции ее стихийных разрушительных сил. С этой точки зрения и социализм может быть оправдан лишь как известная форма организации производства, регуляции стихийных сил. И марксизм ведь оправдывает социализм, прежде всего, как организацию производства, повышающую производительность труда на известной ступени развития. Социализм, который понизил бы производительность труда и мешал бы развитию производительных сил, был бы реакционным. Таков русский социализм, хотя бы он и связывал себя с марксизмом. Он ведет к бедности и нищете, он истребляет материальные ценности. Рост производительности, овладение стихийными силами природы есть необходимое условие победы над нуждой, бедностью и голодом в плане материальном. Неисполнение этого основного условия, этой заповеди производительности труда и ожидание социального благополучия есть требование социального чуда, есть вымогательство чуда теми, которые чудес не признают и духовно недостойны их. В вашей социальной настроенности всегда преобладают идеалы потребления над идеалами производства. У вас потребительское, а не производительское отношение к жизни, и вы хотели окончательно укрепить такое отношение в рабочем классе, отрицая долг

труда и духовную дисциплину труда. Вы представляете себе социальный рай как максимум потребления и минимум производства. И вы хотели бы совершенно уничтожить тот класс людей, который заинтересован в усилении производительности, в производственной инициативе и производственном плане. Ваш потребительский идеал жизни – предельно мещанский идеал. В нем нет никаких творческих задач. «Сознательный» социалистический рабочий прежде всего хочет быть потребителем и ведет борьбу за интересы потребления, а не интересы производства, «сознательность» освобождает его от всех обязанностей и внушает ему бесконечную притязательность. «Буржуа» может быть в тысячу раз более всякого рабочего поглощен самыми звериными интересами потребления, но в этом нет никакого «идеала» – это просто низкое, греховное и преступное состояние человека, скотоподобное существование, вообще преобладающее над существованием человекоподобным. «Сознательный» же рабочий имеет идеал земного потребительского рая и этим отличается от рабочего-обывателя, от всякого обывателя с его нуждами, горестями и законными мечтами о лучшей жизни. Потребительские социалистические идеалы разрушают хозяйство, мешают человеку овладеть силами природы. Максимальное народное богатство и преодоление нужды достигается тогда, когда целое ставится выше части, когда целью ставится не потребительское благо и удовлетворение людей, а благо и ценность государства, нации, культуры. Этим не исключается то, что интересами государства, нации и культуры могут лицемерно прикрываться интересы классов и отдельных людей. Но потребительский социальный идеал ведет к нищете.

Хозяйственная, материальная жизнь не может быть противопологаема жизни духовной, не может быть от нее совершенно отвлечена и оторвана. Дуалистическая социология, разрывающая дух и материю в жизни социальной, – ошибочна и иллюзорна. Вся материальная жизнь есть лишь внутреннее явление жизни духовной и в ней коренится. Частичная правда экономического материализма может быть перевернута и с бо-

лее глубокой точки зрения, материальная жизнь может быть понята как производная от жизни духовной. Значение духовной дисциплины личности и народа для жизни хозяйственной огромно. Дисциплина труда, организация труда и производительность труда зависят от духовных факторов. В конце концов, дух побеждает природу и овладевает стихийными силами природы. Хозяйство как претворение природных сил, как их организация и регуляция есть акт человеческого духа. И от качеств духа зависит характер хозяйства. Хозяйство не есть явление мертвой, материальной природы, оно насквозь пропитано духовными энергиями человека и предполагает общение между человеком и природой, их взаимопроникновение. Труд есть явление духа, а не материи, он имеет духовные основы. Рост материальных производительных сил предполагает целесообразную энергию, творческую инициативу человека в отношении к природе. И материальное потребление не может быть единственной целью хозяйства. Им движет и созидательный инстинкт человека. Социальный организм не может быть дуалистически разорван, и нельзя в нем материальную сторону мыслить отвлеченно. Такое отвлечение материальной жизни и обездушивание ее порождает целый ряд болезненных явлений. На этой почве происходит и непомерное преувеличение значения народного хозяйства, господство экономики над всей жизнью, и непомерное пренебрежение к хозяйству, третирование его как чего-то низменного и недостойного. И в том и в другом случае хозяйство делается давящей бездушной силой. Забывают, что хозяйство есть обнаружение силы человеческого духа и что через него осуществляется миссия царственного призвания человека в природе. Хозяйственная жизнь не может быть ни господствующей, ни самодовлеющей. Она должна быть подчинена высшим началам жизни. Тогда лишь хозяйство осуществляет свою миссию регулирования стихийной природы. Хозяйство не допускает смертоносного торжества стихийных сил, оно ограничивает власть смерти в природном порядке. В хозяйственном акте есть мистериозная сторона, которая мало сознается в наш секуляризованный век.

Добывание из природы хозяйственных благ есть духовное действие, в котором недра природы раскрываются для приходящего владеть ею мужа.

Но дух человеческий по-разному может быть в рабстве у материальной жизни, у им же создаваемого хозяйства. Дух человеческий может быть в рабской зависимости не только от природной среды, но и от социальной среды. Капитализм и социализм представляют отвлеченные начала, которым не соответствует никакая простая действительность. В действительности не существует и не может существовать в чистом виде никакого капитализма и социализма. Но эти два начала можно мыслить как две формы рабства человеческого духа у экономики, у им же создаваемого хозяйства. В чудовищном капиталистическом хозяйстве дух человеческий вызывает и развивает силы, которые им же овладевают и поработают его. Человек не может справиться не только со стихийными силами природы, но и со стихийными силами хозяйства, которые живут и действуют по собственному закону. Духовный центр утрачивается, и происходит смещение иерархических ступеней жизни. Тогда на смену капитализму приходит социализм со своими притязаниями урегулировать стихийные силы хозяйства, рационализировать хозяйственный хаос. И человеческий дух попадает в новую форму рабства. Мы уже видели, что несет с собой в мир социализм. В пределе своем он окончательно должен истребить человека. Регуляцию стихийных сил хозяйства социализм хочет купить ценой обобществления человека без остатка, превращения его в экономическую категорию. Но процесс этот начался еще в капитализме. И противопоставить рабству капиталистическому и рабству социалистическому можно лишь внутреннюю свободу духа от гнета материальной жизни. Хозяйство изнутри полагается как явление и средство духовной жизни. И можно установить два духовных отношения к хозяйству: оно может быть основано на труде подзаконном и освещено правдой ветхозаветной и может быть основано на труде творческом и освещено новым религиозным светом.

Поистине революционный переворот, не в поверхностном, а в более глубоком смысле слова, произвела в хозяйстве машина. И проблема машины принадлежит к глубоким метафизическим проблемам. Многих благородных мыслителей XIX века ужасало победное шествие машины, и они чувствовали глубокую противоположность между машиной и духом, видели в ее завоеваниях материализацию и механизацию духовной жизни, угашение духа. Так чувствовали и многие русские писатели и мыслители, из самых лучших. Я не вполне разделяю этот взгляд и думаю, что он не идет в самую глубь вопроса. Хотя и я чувствую опасности, связанные с властью машин, и испытываю смертельную тоску от их дыма и шума. Поистине, машина есть как бы распятие органической природы. Она разрушает органический ритм нашей природной жизни, она разрывает всякую органическую целостность. Механизация нашей жизни и есть прохождение через расщепление, выход из первоначальной целостности родовой жизни, в которой дух и материя связаны неразрывно, в которой дух пребывает и еще в самых недрах органической материи. Хозяйственные победы человека над природой должны вести к отрыву человека от природы, к расщеплению целостности и раздвоению. Человек выходит из недр природы, из ее стихий и хочет быть господином природы, хочет владеть природными стихиями. И природа отходит от человека, она морщится и иссыхает вокруг него. Победное явление машины и есть самый важный момент борьбы человека с природой. Машина косит все живое в природе. Она несет смерть животным и растениям. Повсюду, где распространяется власть машины, отцветают цветы. Машина должна разрушить одно из самых совершенных явлений органической природы – человеческое тело, она должна заменить тело. В победном шествии своем машина несет гибель античной красоте. Это явственно видно на футуризме, который есть рабское отражение механизации жизни. Гордая мечта человека о власти над природой ведет к уродству, к смерти красоты, к разрушению цветущей жизни. Вы допустили какую-то неправду в самой постановке задачи овладе-

ния природой и властвования над ней. Вы разобщены с душой природы. Вы хотите не брачно владеть природой, владеть не соединяясь, а разобщаясь с ней. И потому горьки и некрасивы плоды вашей власти над природой.

Но ошибочно было бы думать, что машина убивает дух. Не дух, а органическую материю, плоть мира убивает машина. Она несет с собой смерть не духовной жизни, по существу неистребимой, а органическому жизненному укладу, родовому быту. Вхождение машины в нашу жизнь вызывает у многих благородных душ романтическую тоску по утерянной цельности и органичности, по старому бытовому укладу. Но этой щемящей романтической тоской прошлого не вернешь. Духовная жизнь человека на иных путях должна искать цельности и красоты. Победа машины и произведенные ею опустошения вызвали вражду к цивилизации, изобличение ее лжи и неправды, идеализацию варварства, мучительные потуги вернуться к первобытной цельности. Но в этой направленности духа чувствуется бессилие и бесплодность. И для того, чтобы дух почувствовал себя легче и свободнее, необходимо понять двойственный и антиномический характер появления машины в мире. Машина не только угнетает дух человеческий, но и освобождает его, она как бы железными клещами высвобождает его из органической материи, в которой он сначала дремал, а потом стал пробуждаться. Машина порождает расщепление и раздвоение, которые очень усложняют нашу духовную жизнь и делают возможными тончайшие ее явления. Первоначальная органическая целостность груба, утонченно лишь романтическое отношение к этой органической целостности в эпоху, когда она разрушена. Первоначальная органическая целостность – бедна познанием. Познание обострено и углублено, когда прошел уже человек через расщепление и раздвоение. И более глубокое отношение к машине не так прямолинейно и просто, как это представляется романтикам прошлого. Мир должен пройти через торжество машины, и дух человеческий должен устоять в этом процессе, должен окончательно освободиться и придти к высшей цельности. Хозяйство

не может развиваться без машины. Нельзя отрицать машину во имя более отсталых форм хозяйства. И отрицание машины есть отрицание хозяйственного процесса, есть возврат человека к первоначальной, рабской зависимости от стихийных сил природы. Народнический идиллизм и утопизм, в конце концов, утверждает рабскую зависимость человеческого духа от материальной природной и социальной среды, так как отрицает, что дух может сохранить свободу и при переходе к более сложным формам хозяйства. Так дух человеческий ставится в исключительную зависимость от бытового уклада, от отсталых форм хозяйствования. В этом отношении марксизм более прав, чем народничество. В машине есть и начало темной магии. За современной техникой скрыта та же психология, которая была у черных магов, та же корыстная жажда власти над природными силами с помощью внешних средств. Но через технику раскрывается возможность и более светлой магии, основанной на большей любви к внутреннему существу природы. На историческую роль машины нужно смотреть диалектически, о ней нельзя сказать просто «да» или «нет».

Цели и смысл хозяйственной жизни лежат глубже и дальше, чем это представляется обычному хозяйственному сознанию. Эти цели и этот смысл могут быть осознаны лишь в сознании, выходящем за пределы хозяйства. Хозяйственный акт должен победить тяжесть и скованность материального мира, должен овладеть хаотическими стихиями. Но победа над хаотическими стихиями природы и овладение человеком давящей его материальностью не может ограничиться небольшой частью природы, окружающей человека на земле. Наше планетное хозяйство окружено со всех сторон опасностями, оно подвержено воздействию космических сил. Наша агрикультура находится во власти космических сил, и мало еще сделано для регуляции тех стихийных сил, которыми она окружена. Перед человеком стоит задача создания *космического хозяйства*. Космическое хозяйство не есть утопия райского блаженства, перенесенная с нашей земной планеты на небесные пространства.

Само задание космического хозяйства определяется истинно реалистическим, не отвлеченным отношением к природе. Человек все еще недостаточно сознает глубину своей связи с космической жизнью. Некогда он непосредственно чувствовал глубину этой связи и ощущал себя пребывающим в самых недрах космической жизни. Потом освободился человек от власти демонов природы, ушел от Великого Пана и начал чувствовать природу далеким себе и давящим механизмом. Сознание же новой связи и общности человека с космосом было лишь достоянием немногих. Человек не вошел еще вглубь природы, для того чтобы владеть и управлять стихиями, а не быть в их власти и не управляться ими. Человек остался на поверхности природы и на поверхности ведет свое хозяйство. На поверхности много фикций представилось ему и много фикций им создано. Много фиктивного, не подлинно реального есть и в технической власти современного человека над природой, которой он так гордится. Все ваше техническое могущество, все ваши социальные регуляции не идут вглубь природной жизни. Как жалко все ваше техническое могущество и как умеренны все ваши утопии по сравнению с «проектом» Н. Ф. Федорова, раскрываемым в его «Философии общего дела». Н. Федоров ставит дерзновенную задачу создания космического хозяйства, регуляции всей природы, победы над смертоносными ее силами. Н. Федоров выявляет пределы хозяйственной задачи человека. Поистине, хозяйство должно быть победой жизни над смертью. Но кто из вас думал над тем, что хозяйство должно победить смертоносные силы, что в нем должна обнаружиться сила воскрешающая? Ваша техника и ваш социализм узаконяют смерть, покорны закону смерти и не хотят воскресения. Для того, чтобы дело жизни победило дело смерти, необходим ключ к раскрытию космической жизни, в которой все неразрывно связано и ничто не может быть отделено и изолировано без смертоносных последствий.

Маги всех времен искали ключа к тайнам космической жизни и хотели насильственно вырвать у природы ее секреты, оставаясь далекими и чуждыми самой душе природы. Чер-

ные маги были насильниками и властолюбцами. Но некоторые секреты внутренней жизни природы им все-таки удалось узнать. Вся наша позитивная наука и техника имеет большую связь с магией, чем это представляется вашему сознанию. Вы забыли свое происхождение и свое родство. Техника и есть современная магия. Она хочет насильственно узнать секрет природы и властвовать над природой для корыстных человеческих целей, оставаясь чуждой внутренней жизни природы. И техника должна в конце концов переродиться в магию, обнаружить свою истинную природу. В технике есть элемент черной магии, и она освобождает силы, действие которых еще неизвестно и не так безопасно, как это кажется. Элемент черной магии есть и в современном капиталистическом хозяйстве. Так, власть денег над жизнью, поистине страшная власть, есть форма черной магии. Деньги оторвались от всякой онтологической основы, в них нет подлинного бытия, они ведут фиктивное призрачное существование. И в них есть магия власти и могущества. Задача создания космического хозяйства, победы над смертоносными стихиями природы и регуляции этих стихий – магическая задача, она не может быть лишь задачей позитивно-технической. Но магия может быть также и светлой. Темная магия окончательно поработочает человека. Светлая магия, подчиненная началам религиозным, освободит человека. Расширение и углубление хозяйственной проблемы есть и в книге Булгакова «Философия хозяйства». В ней религиозно осмысливается хозяйство. Но сама религия получает слишком хозяйственный характер. Булгаков признает хозяйство софийным. Этим он хочет связать его с душой мира. Книга Булгакова – симптом углубления проблемы хозяйства, осознания его космического характера. Но есть опасность в таком охозяйствовании Софии – Премудрой Девы, не рождающей и не устрояющей. Все яснее и яснее становится, что победа над социальным злом и нуждой есть космическая задача, – она невыполнима в пределах ограниченной земной общественности. Прав Н. Ф. Федоров, и ему принадлежит последнее слово в том, что вы называете «социальным вопро-

сом»: корень зла не в бедности и нужде, а в смерти; бедность и нужда – производное от смерти, «социальный вопрос» в мировом смысле разрешим лишь путем победы над смертоносными силами. Одни экономические средства тут не помогут. На вашей поверхности жизни, в ваших сдавленных перспективах разрешимы лишь социальные вопросы, а не мировой социальный вопрос. Социализм, выставивший пустую претензию разрешить мировой социальный вопрос, хочет лишь равномерно распределить власть материи над человеком. Потребительски-распределительный хозяйственный идеал социализма по существу не духовен и антирелигиозен, это рабий идеал. Совершенное питание с религиозной точки зрения – евхаристическое питание. В евхаристическом питании человек соединяется с космосом во Христе и через Христа. Тогда потребление и творчество совпадают, человек впитывает в себя космическую жизнь и из себя выделяет творческую энергию в космическую жизнь.

Хозяйство есть иерархическая система. Его нельзя мыслить себе атомистически. Оно не может быть ареной борьбы всех против всех. Всякое хозяйство есть организованный труд, есть регуляция стихийных сил. Хозяйство есть взаимодействие рациональных и иррациональных сил. Это верно и по отношению к тому капиталистическому хозяйству, которое социалисты любят называть анархическим. Анархическим капиталистическое хозяйство можно назвать лишь в очень условном и относительном смысле. Зло капиталистического хозяйства связано с духовной жизнью людей этой эпохи, с их религиозным и моральным падением, а не с экономической стороной капитализма самой по себе. Именно потому, что хозяйство есть иерархическая система, а не механизм, слагающийся из атомов, в основе его лежит личность с ее качествами и способностями, с ее дисциплиной труда. Для хозяйства имеет значение аскетическая дисциплина личности, и известного рода аскетика необходима для хозяйственного труда. При полной распушенности личности разрушается и

хозяйство. Революции – не благоприятны для хозяйства. И революционными путями нельзя реформировать и улучшить хозяйство. Не такова природа хозяйственного процесса. Восстания и бунты могут иметь лишь разрушительное влияние на хозяйство. Разрушение дисциплины труда отбрасывает хозяйство назад. Все опыты социальных революций уничтожают свободу лица в хозяйственной жизни. Лицо перестает быть вменяемым и ответственным, оно не имеет ни прав, ни обязанностей. Все хотят возложить на коллективы, образовавшиеся революционным путем из хаоса атомов. Но со свободой хозяйственной жизни, со свободой лица в хозяйственной жизни, с его свободной инициативой связана свобода человека. Утверждение значения личности в хозяйственной жизни не означает непременно экономического индивидуализма. В хозяйственной жизни возможны сложные пути и совместимы разные начала. Но полное подчинение хозяйственной личности общественному коллективу или государству разрушает хозяйство и порабощает личность. Свободное существование личности в материальном мире предполагает свободу хозяйствования, свободные и ответственные акты человека в отношении к материальной природе. Вот почему «социализм» может быть лишь одним из методов организации хозяйственной жизни, и он должен быть лишь средством для обеспечения за лицом свободы хозяйствования. Каждое хозяйственное лицо принадлежит к хозяйственному организму, к хозяйственной иерархии. Но это и значит, что лицо свободно. Органический член иерархии свободен. Порабощен же член коллектива, который не есть иерархический организм и имеет строение однородное, механически смешанное и уравненное, в котором есть лишь количество и нет качества. Вы и хотели бы превратить общество человеческое в такой однокачественный и уравненный хозяйственный коллектив и поработить ему окончательно человеческое лицо. Хозяйство есть организм разнокачественного, иерархического строения, а не коллектив однокачественного, механически уравненного строения. Против этого невозможны никакие революции, желающие заме-

нить организм и личность, сотворенные Богом, коллективом, созданным человеческим произволом. Углубление проблемы хозяйства должно связать хозяйственный организм с организмом космическим. Уже идеологи капитализма не хотели видеть в хозяйстве организма, и идеологи социализма лишь продолжали их дело разрушения идеи хозяйственного организма. Поэтому и те и другие враждебны человеческому лицу. Хозяйственный универсализм одинаково должен быть противоположен и капитализму, и социализму.

С принципом органической иерархичности в хозяйственной жизни неразрывно связан принцип частной собственности. Но принцип собственности давно уже обездушен и извращен. Социалисты лишь доканчивают то разрушение духовных основ собственности, которое началось давно. Буржуазно-капиталистическая эпоха уже оторвала собственность от онтологических ее корней. Превращение собственности в орудие корысти, наживы и угнетения ближних духовно разрушает собственность и готовит почву для социалистического ее отрицания. Социалистическое отношение к собственности и есть предел недохотворенного, морально неоправданного и исключительно потребительски-корыстного отношения к собственности и к предметам материального мира. *Социализм обобществляет собственность и все предметы материального мира, потому что он не допускает никакой духовной ценности и никакого нравственного смысла в индивидуальном отношении человеческого лица к предметам материального мира, к природе.* Для социалистического сознания все хозяйственные акты совершенно бездушны, не освящены, аморальны, определяются голыми интересами и потому в них не может быть закреплено ничто духовно ценное и нравственно осмысленное. Все вы, социалисты, помешаны на экономике и находитесь в рабстве у экономической действительности, но, в сущности, вы презираете хозяйство и видите в нем лишь предметы для расхищения и раздела. Вы не знаете Божественного хозяйства, не имеете религиозного оправдания хозяйственного акта. Для вас не существует таинственной стороны хозяйственного дей-

ствия человека на природу. Вот почему вы с такой легкостью отрицаете собственность. В этом вы плоть от плоти и кровь от крови тех буржуа, которые давно отвергли все святыни и занялись расхищением природы для приятной и благоустроенной жизни. Вы желаете для всех совершить такое расхищение, для всех устроить приятную и благоустроенную жизнь, свободную от всякой тоски и печали по святыням. Хозяйственное отношение к природе без прав и обязанностей собственности для человеческого лица есть циническое отношение к хозяйству и к природе, есть превращение всего материального лишь во временное, быстротечное, корыстное средство и орудие. Это и есть исключительно потребительская идеология, взгляд на весь материальный мир исключительно как на средство удовлетворения потребностей.

Собственность по природе своей есть начало духовное, а не материальное. Она предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде. Начало собственности связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время. Собственность родилась в борьбе человеческой личности со стихийными силами природы. Свободный дух человека налагает свою волю на стихийную природу, и от этого акта рождаются неотъемлемые права и обязанности. Связь лица с собственностью одухотворяет его отношение к материальной природе, делает его не исключительно потребительским. Начало собственности связано также с отношением к предкам. Собственность есть воплощенная связь отцов и детей. Право отцов передавать свою собственность детям, внукам и правнукам есть обнаружение акта любви и материально ознаменовываемой связи. Такое же проявление акта любви и материально ознаменованной связи есть и в праве передачи собственности всякому любимому и близкому существу. Хозяйственные акты человека по метафизической его природе распространены за пределы эмпирической его жизни, они преодолевают время. Начало собственности связано с бессмертием человеческого

лица, с правами его над материальной природой и после его смерти. Коллективизм, отрицающий всякое право собственности, есть рабство личности у стихийных сил природы. Поэтому он свойствен первым ступеням развития человеческого общества. Но он хочет и на вершинах этого развития подчинить человеческое лицо хозяйственной жизни. Он отрицает за человеческим лицом право совершать акты, свидетельствующие о его власти над материальной природой. Частная собственность на землю есть более одухотворенное отношение к земле, чем национализация и социализация земли. Частная собственность на землю делает возможной любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деда и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений. Национализация и социализация земли вызывает исключительно потребительски корыстное отношение к земле, грубо материалистическое, лишенное всякой душевной теплоты, она сделает невозможной интимную связь с прошлым, с предками, убьет предание и воспоминание. Отношение к материальным предметам сделается безличным, исключительно утилитарным. Это верно и по отношению ко всякому хозяйственному делу. Более одухотворенное и личное отношение к хозяйственной деятельности предполагает частную собственность, устойчивую перспективу, переходящую за пределы эмпирической жизни людей. Христианское же преодоление всякой собственности и всякого богатства есть уже явление духовной, а не хозяйственной жизни. Христос не отрицал частной собственности в плане материальном, когда он предлагал раздать имение свое бедным, он даже этим утвердил существование собственности. Если совершенно уничтожить собственность хозяйственно-принудительным путем, то для христианского подвига отречения не останется места, он будет не нужен и невозможен. Культ бедности св. Франциска не был отрицанием собственности в объективно-хозяйственном порядке, он даже предполагал существование собственности. В коммунистическом строе св. Франциск невозможен и не-

возможен никакой культ бедности. Но начало собственности подвержено гниению и разложению. Великие злоупотребления возможны в связи с собственностью. И собственность не может быть признана абсолютным и высшим началом. Она должна быть ограничена и подчинена более высоким началам. Социальное реформирование общества и предполагает такое ограничение собственности и подчинение ее иным началам, связанным с космической жизнью. Власть человека над природными стихиями должна иметь онтологическую силу и основу. Мещанское обоготворение собственности и злоупотребление ею в хозяйственной жизни извращает эту онтологическую основу, делает человека рабом призрачных благ и затрудняет подход к образу человека. Это такой же соблазн, как и соблазн коллективизма, который окончательно истребляет образ человека. И отношение человека к производственному хозяйственному процессу может принимать ложное направление в две противоположные стороны: или отрицается долг хозяйствования, императив производительности, или человек порабощается хозяйству, обоготворяет экономику. Духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, ограничение похоти жизни. Безграничный рост потребностей и рост народонаселения создал индустриально-капиталистическую цивилизацию, которая чревата великими потрясениями и катастрофами и обозначает убыль духа в европейском человечестве. И если народы хотят духовно возродиться, то им придется вступить на путь аскетического самоограничения и одухотворения хозяйственной жизни.

Письмо тринадцатое

О культуре

В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным

уровнем культуры измеряется ценность и качество общест­венности. Давно уже происходящая в мире демократиче­ская революция не оправдывает себя высокой ценностью и высоким качеством той культуры, которую она несет с собой в мир. От демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко разлитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своем качестве, некрасивой, лишенной стиля. Культура переходит в цивилизацию. Демократизация неизбежно ведет к цивилизации. Высшие подъемы культуры принадлежат прошлому, а не нашему буржуазно-демократическому веку, который более всего заинтересован уравнительным процессом. В этом плебейском веке натуры творческие и утонченно культурные чувствуют себя более одинокими и непризнанными, чем во все предшествующие века. Никогда еще не было такого острого конфликта между избранным меньшинством и большинством, между вершинами культуры и средним ее уровнем, как в наш буржуазно-демократический век. Ибо в прежние века конфликт этот ослаблялся более органическим складом культуры. Но в культуре, утерявшей «органичность», отступившей от иерархического своего строения, в культуре по своему строению «критической» этот конфликт становится невыносимо мучительным. Он вызывает невыразимую печаль лучших людей нашей эпохи. Вам, людям демократического духа, незнакома эта печаль и непонятно это зловещее чувство одиночества в современной культуре. Для вас культура – лишь средство вашей политики и экономики, лишь орудие благоденствия, лишь культура для народа. Вы не в силах преодолеть своего исконного утилитаризма. И сколько бы вы ни пробовали украшать себя культурой, слишком видно и ясно, что никаких ценностей культуры для вас не существует. Вам нужна цивилизация как орудие вашего земного царства, но культура вам не нужна. Культура и цивилизация – не одно и то же. Культура родилась из культа. Истоки ее – сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была

связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах: в культуре греческой, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения. Культура – благородного происхождения. Ей передан иерархический характер культуры. Культура имеет религиозные основы. Это нужно считать установленным и с самой позитивно-научной точки зрения. Культура – символична по своей природе. Символизм свой она получила от культовой символики. В культуре не реалистически, а символически выражена духовная жизнь. Все достижения культуры по природе своей символичны. В ней даны не последние достижения бытия, а лишь символические его знаки. Такова же и природа культа, который есть прообраз осуществленных божественных тайн. Цивилизация всегда имеет вид *parvenu*. В ней нет связи с символикой культа. Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся. Переход от варварства к цивилизации имеет общие признаки у всех народов, и признаки по преимуществу материальные, как, например, употребление железа и т. п. Культура же древних народов на самых начальных ступенях своих очень своеобразна и неповторимо индивидуальна, как культура Египта, Вавилона, Греции и т. п. Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудия.

Благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на Священном Предании. И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее. Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым. И на культуре почиет особого рода благодать священства. Культура, подобно Церкви, более всего дорожит своей преемственностью. В культуре нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов. Слишком новая, недавняя культура, не имеющая преданий, стесняется этого своего положения.

Этого нельзя сказать про цивилизацию. Цивилизация дорожит своим недавним происхождением, она не ищет древних и глубоких источников. Она гордится изобретением сегодняшнего. У нее нет предков. Она не любит могил. Цивилизация всегда имеет такой вид, точно она возникла сегодня или вчера. Все в ней новенькое, все приспособлено к удобствам сегодняшнего дня. В культуре происходит великая борьба вечности со временем, великое противление разрушительной власти времени. Культура борется со смертью, хотя бессильна победить ее реально. Ей дорого увековечение, непрерывность, преемственность, прочность культурных творений и памятников. Культура, в которой есть религиозная глубина, всегда стремится к воскресению. В этом отношении величайшим образцом культуры религиозной является культура Древнего Египта. Она вся была основана на жажде вечности, жажде воскресения, вся была борьбой со смертью. И египетские пирамиды пережили долгие тысячелетия и сохранились до наших дней. Современная цивилизация не строит уже пирамид и не дорожит тем, чтобы памятники ее имели тысячелетнюю прочность. Все быстротечно в современной цивилизации. Цивилизация, в отличие от культуры, не борется со смертью, не хочет вечности. Она не только мирится со смертоносной властью времени, но и на этой смертоносности временного потока основывает все свои успехи и завоевания. Цивилизация очень приятно и весело устраивается на кладбищах, забыв о покойниках. Цивилизация футуристична. В цивилизации есть хамизм зазнавшегося рагвену. Этот хамизм сообщается и культуре, которая хочет быть окончательно безрелигиозной.

В культуре действуют два начала – консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности. Но в культуре не может действовать начало революционное, разрушительное. Революционное же начало по существу враждебно культуре, антикультурно. Культура немислима без иерархической преемственности, без качественного неравенства. Революционное же начало враждеб-

но всякому иерархизму и направлено на разрушение качеств. Дух революционный хочет вооружить себя цивилизацией, присвоить себе ее утилитарные завоевания, но культуры он не хочет, культура ему не нужна. И не случайно вы, революционеры, так любите говорить о буржуазности культуры, о неправде, в которой родились все культуры, и с таким пафосом декламируете против слишком дорогой цены культуры, против неравенства и жертв, которыми она покупается. Никто из вас внутренне не дорожит культурой, не любит ее интимно, не чувствует ее своей собственной ценностью, своим собственным богатством. Культура творилась людьми чуждого вам духа. Ничто в великих памятниках культуры не вызывает в вас священного трепета. Вы с легкостью готовы разрушить все памятники великих культур, все творческие их ценности во имя утилитарных целей, во имя блага народных масс. Пора окончательно разоблачить ваше двусмысленное отношение к культуре. Новой культуры вы не можете создать, потому что вообще нельзя создать новой культуры, не имеющей никакой преемственной связи с прошлой культурой, не имеющей никакого предания, не почитающей предков. Идея такой новой революционной культуры есть *contradictio in adjecto*⁵. То новое, что вы хотите создать, не может уже именоваться культурой. Вы много говорите о революционной пролетарской культуре, которую несет в мир ваш класс-мессия. Но до сих пор нет ни малейших признаков возникновения пролетарской культуры, нет даже намеков на возможность такой культуры. Поскольку пролетариат приобщается к культуре, он целиком заимствует ее у буржуазии. Даже социализм он получил от «буржуазии». Культура раскрывается сверху вниз. «Пролетарская» настроенность и «пролетарское» сознание по существу враждебны культуре. Воинствующе сознавать себя «пролетарием» – значит отрицать всякое предание и всякую святыню, всякую связь с прошлым и всякую преемственность, значит не иметь предков, не знать своего происхождения. В таком душевном состоянии нельзя любить культуры и творить культуру, нельзя дорожить никакими ценностями как своими собственными.

Рабочий может участвовать в жизни культуры, если он не будет сознавать себя «пролетарием».

Социализм не несет с собой в мир никакого нового типа культуры. И когда социалисты говорят о какой-то новой духовной культуре, всегда чувствуется ложь их слов. Социалисты даже сами чувствуют неловкость при разговоре на эту тему. И те социалисты, которые искренне хотели бы новой культуры, не понимают, что они безнадежно начали путь свой не с того конца. На этих путях не творится культура. Нельзя делать культуру приложением к какому-то существенному, основному делу, чем-то вроде воскресного развлечения. Культуру можно творить лишь тогда, когда она сама считается существенным, основным делом. Социалисты хотят направить волю и сознание человека исключительно на материальную, экономическую сторону жизни. А потом делают вид, что они не против культуры, что они жаждут новой культуры. Но из какого источника произойдет эта новая культура после того, как в душе человеческой иссякнут все творческие источники и дух будет угашен и задавлен социальной материей? Уже демократия понизила качественный уровень культуры и умела лишь распределять, а не творить культурные ценности. Социализм же понизил этот уровень еще более. Раздел и распределение культуры не ведет к тому, что большее количество людей начинает жить подлинными интересами культуры. Наоборот, этот раздел и распределение еще более уменьшает количество людей, отдающих жизнь свою высшей культуре. И не удивляйтесь этому. Раздел и распределение вы совершаете не во имя самой культуры, не по творческому духовному мотиву и порыву, а исключительно из интересов экономических и политических, из соображений утилитарных, во имя земных благ. Но высшая духовная жизнь не прилагается тем, которые целиком направили свою энергию на интересы жизни материальной. Вы, которые учите о культуре как надстройке над материальной, экономической жизнью общества, можете лишь разрушать культуру. Ваше отношение к культуре не может быть до глубины серьезным. Демократизация и социали-

зация человеческих обществ вытесняет высший культурный слой. Но без существования такого слоя и без уважения к нему культура невозможна. Это нужно сознать и сделать отсюда все неотвратимые выводы.

Демократическим путем не могут создаваться «науки» и «искусства», не творится философия и поэзия, не появляются пророки и апостолы. Закрытие аристократических источников культуры есть иссякновение всяких источников. Придется духовно существовать мертвым капиталом прошлого, отрицая и ненавидя это прошлое. И сами источники культуры в прошлом все более и более теряются, отрыв от них все более и более углубляется. Вся европейская культура большого стиля связана с преданиями античности. Настоящая культура и есть античная греко-римская культура, и никакой другой культуры в Европе не существует. Эпоха Возрождения в Италии потому и была глубоко культурной эпохой, в отличие от эпохи реформации и революции, что она не только не совершила революционного разрыва в преданиях культуры, но возродила предания античной культуры и на них воздвигла свой небывалый творческий подъем. Духовный тип Возрождения есть культурный и творческий тип. Духовный тип реформации означает разрушение церковных и культурных преданий, начало революционное, а не творческое. Античная культура вошла в христианскую Церковь, и Церковь была хранительницей преданий культуры в эпоху варварства и тьмы. Восточная Церковь получила предание античной культуры через Византию. Западная Церковь получила предание античной культуры через Рим. Культ церковный насыщен культурой, и от него и вокруг него творилась и новая культура старой Европы. Европейская культура есть прежде всего и более всего культура латинская и католическая. В ней есть неразрывная связь с античностью. По ней можно изучать природу культуры. Если мы, русские, не окончательно варвары и скифы, то потому лишь, что через православную Церковь, через Византию получили связь с преданиями античной, греческой культуры. Все революции направлены против Церкви и хотят порвать связь с преданиями

ми античной культуры, в Церковь вошедшими. И потому они представляют варварское восстание против культуры. Борьба против благородной культуры, против культурной символики началась еще с иконоборчества, с борьбы против культа. Это – духовный источник культуроборства.

Всякая культура имеет периоды своего цветения, своего высшего подъема. В начале развития культуры – варварство, в конце этого развития – упадочничество. Варварство и упадочничество с противоположных концов угрожают культуре. Всякая культура исчерпывает себя, иссякает и склоняется к упадку. На вершине своей культура отрывается от онтологических своих основ, отделяется от жизненных своих истоков, утончается и начинает отцветать. Осень культуры – самая прекрасная и утонченная пора. Поздние цветы культуры – самые изысканные ее цветы. В это время в культуре достигается наибольшая острота познания и наибольшая сложность. Раздвоение упадочной культуры открывает многое, закрытое для более цветущих и здоровых культурных эпох. Эпохи утонченного декаданса культуры не так бесплодны, как это представляется на первый взгляд, – в них есть и свое положительное откровение. Цветущая органическая цельность не дает знания противоположностей, она пребывает в одном и счастливо не знает другого. Слишком большое усложнение и утончение культуры нарушает эту цельность, выводит из счастливого неведения противоположностей. В искусстве, в философской мысли, в мистической настроенности раскрываются две поллярные бездны. Приобретается более острое знание и добра, и зла. Но воля к жизни, к ее устройению и развитию не имеет прежней цельности. Появляется утонченная усталость. Нет уже веры в прочность культуры в этом мире, в достижимость совершенства и красоты цветущей культуры. Возрастает недовольство этим миром, тоска по мирам иным. Культура внутренне перегорает. В ней образуются материалы для нового мира, готовится новое откровение, новое пришествие. Так было в период упадка великой античной, греко-римской

культуры. В этом упадке приоткрылось что-то новое, неведомое эпохе расцвета цельной и замкнутой античной культуры. В здоровые, цветущие, цельные эпохи высокого подъема культуры всегда есть и какая-то ограниченность и самодовольство, довольство этим замкнутым миром. Мистическую тоску по мирам иным античный мир до глубины изведal лишь в период эллинистического упадочничества. Тогда началось мучительное искание искупляющих мистерий, тогда появились такие течения, как неоплатонизм и неопифагорейство. Тогда в искусстве обнаружили прорыв за пределы классического совершенства этого земного мира, придавленного замкнутым куполом небес. И навстречу этой глубокой тоске, которой заболела культура, пришло христианское откровение из самой глубины жизни, из таинственных ее недр. Культурному античному миру христианство должно было представляться варварством. Откровение его света не имманентно культуре, а трансцендентно ей и должно восприниматься замкнутым культурным миром как прилив варварства. Этот новый свет гасит иссякающий свет дряхлеющей культуры и вначале многими воспринимается как тьма.

Склоняется к Западу, иссякает и вся европейская культура, и ей не дано бесконечно развиваться. Она отходит все дальше и дальше от своих творческих источников, делается все более и более отвлеченной, все менее и менее онтологической по своему характеру. Приток религиозного питания европейской культуры все уменьшается. На вершине своей великая латинская культура Западной Европы пережила утончение и упадок. Во Франции дала она последние цветы и пленила прелестью осеннего увядания. Но упадок и увядание европейской культуры вызывает чувство смертельной тоски и печали. Античная культура была спасена для вечности христианством, христианской Церковью. Ныне и само христианство стареет, в нем нет уже творческой молодости. Нового же религиозного света еще не видно. В истории происходят периодически приливы варварства, внутреннего и внешнего. Эти приливы варварства имеют не только отрицательное значение, они об-

новляют дряхлеющую и холодеющую кровь старого мира. К культуре приобщаются новые стихии и дают ей новые жизненные соки. В характере культуры есть опасность окостенения, застоя и самодовольства. Культура может обоготворить себя, и тогда-то она теряет свой божественный смысл, свою связь с божественными истоками жизни. Культуртрегерство может превратиться в лицемерную ложь. Культура создана творческими порывами, но в своем самодовольстве и окаменелости она может стать врагом всякого творческого порыва. Тогда восстание варварства является естественной карой и может вывести на новые пути. И ныне европейской культуре грозит напор варварства изнутри и извне. Это почувствовалось уже, когда началась мировая война, и чувство это достигло особенной остроты, когда разыгралась русская революция. Но весь ужас в том, что внутреннее варварство, которое грозит европейской культуре в революционном демократическом, социалистическом и анархическом движении, не может быть приливом к культуре, вечной по своей природе, свежих сил, могучих жизненных стихий из недр бытия, сил и стихий, еще не испорченных в своей природности и устремленных к свету. Смысл того, перед чем стоит Европа, совсем иной. Внутреннее революционное варварство бурно вступает в культурный мир уже глубоко испорченным лживыми антихристианскими идеями, искаженным рассудочным полупросвещением, с извращенной «пролетарской» психологией, с заглушенным и парализованным чувством тайны жизни, с претензиями какой-то ложной полукультуры. Никакой непосредственности, природной цельности, близости к природно-божественным тайнам в этом революционном варварстве нет. Оно прошло через фабрики и фабричную переработку, оно само есть продукт безбожной цивилизации, восставшей против высшей культуры. Извне же грозит европейской христианской культуре монгольский Восток, имеющий свою антихристианскую идею, свою враждебную нам и непонятную нам цивилизацию. И от этого варварства нельзя ждать притока творческих сил. Европейская культура подходит к какому-то страшному пределу.

В культуре всегда действовало два начала – классическое и романтическое, и в разные эпохи преобладало то одно, то другое начало и создавало преобладающий стиль культуры. Греция явила высочайшие образы культуры классической. Но и в Греции была уже культура романтическая. После Ницше невозможно этого отрицать. Классическое и романтическое переплетаются, борются друг с другом и взаимодействуют. Классическая культура есть культура имманентная, осуществляющая совершенство в пределе, замкнутое и завершенное совершенство на земле. Она стремится к строгим формам, не допускающим прорывов, в ней не раскрываются беспредельные дали. Романтическая культура есть культура с трансцендентными прорывами, осуществляющая совершенство в беспредельности, размыкающая и не допускающая совершенства на земле. Формы ее не столь строги, и в ней всегда есть прорывы, всегда раскрываются за ней беспредельные дали. Классическая культура не знает иного мира за своими пределами и ничего не говорит о нем. Романтическая культура вся есть о мире за пределами, вся устремлена к совершенству в вечности и безмерности. Христианская культура по принципу своему романтична, а не классична, хотя принцип классицизма и в ней действует как одно из вечных начал. Классическая культура означает довольство культурой. Это довольство невозможно в христианском мире. Христианский мир заболел трансцендентной тоской. И тоска эта отпечатлелась на его культуре. Совершенство на земле, в культуре, для этого мира невозможно. Готический склад души и готический склад культуры очень характерен для христианского мира. И никогда не было возможно в христианском мире вполне удавшееся и вполне завершенное Возрождение. Итальянское Возрождение было бурной борьбой языческих и христианских начал. Христианская Церковь приняла в себя античную культуру и пронесла через тьму. Но она претворила ее и сообщила ей свой символизм. Христианская Церковь разомкнула языческое небо и открыла верхнюю бездну. И в отношении подлинного христианского мира к культуре всегда была раздвоенность. Проблема

культуры для христианского общества – трагическая проблема. Такой трагедии культуры не знал классический языческий мир. Трагедия культуры есть отрицание самозамкнутости и самодовольства культуры. Совершенная культура так же невозможна, как невозможно и совершенное общество. Совершенство возможно лишь в ином мире, в ином плане, в благодатном, а не природном порядке. Культура имеет религиозные основы, она полна религиозной символики, и в ней не достигаются онтологически реальные результаты. Наука и искусство, государство и семья, право и хозяйство – не последние реальности бытия, не онтологические достижения познания и красоты, власти и любви, общения людей и регулирования природы, а лишь знаки, лишь символы этих реальных достижений. Невозможна и низка совершенно безрелигиозная культура, но невозможна и онтологически религиозная культура. Культура явилась дифференциацией культа, она явилась уже в результате выделения из храма, отделения от религиозного центра. И процесс секуляризации культуры – неотвратимый и роковой процесс. Секуляризация и есть внутренняя трагедия культуры. Через секуляризацию, через расщепление и дифференциацию, через отдаление от религиозного центра и полную автономию проходит и философия, и наука, и искусство, и государство, и семья, и право, и хозяйство. Культура религиозна по своему происхождению и религиозна по своему заданию. И в самых классических и совершенных своих достижениях, в самых строгих своих формах она теряет религиозный свой характер. Но романтическая стихия в культуре напоминает о происхождении культуры и о задаче ее и готовит кризис культуры, хотя сама по себе бессильна.

Давно уже на вершинах культуры начался кризис культуры. В самых утонченных плодах культуры чувствуется недовольство культурой, недостаточность культуры, болезненный в ней надлом, искание путей к бытию сверхкультурному. Кризис культуры и искание нового бытия, превышающего культуру, совершается в том избранном меньшинстве, кото-

рое познало культуру до конца и изжило пути культуры – в высшем культурном слое. Этот процесс познали такие люди, как Ницше и Ибсен, как Гюйсманс и Л. Блуа, как Достоевский и Толстой. Для огромного большинства никакого кризиса культуры не существует. Огромное большинство должно еще приобщиться к культуре и пройти пути ее. Кризис культуры по характеру своему есть кризис аристократический, а не демократический. Вы, демократы и социалисты, вы, революционеры, никакого кризиса культуры не пережили и даже не подозреваете о нем. Ваша вражда к «буржуазной» культуре никакого кризиса культуры не означает. Она означает лишь некультурность, лишь зависть к культуре и культурным, а не внутреннюю в ней трагедию. Применение к культуре чисто экономических категорий и чисто экономических оценок мешает войти внутрь культуры и узнать таинственную ее жизнь. Вопрос ваш, обращенный к культуре, всегда ведь очень элементарный вопрос, в нем нет никакой сложности, нет проблематичности, нет глубины. Революционные демократические и социалистические движения отбрасывают назад в сфере культуры, понижают качественный уровень культуры и ослабляют интерес к проблеме культуры. Ваши «пролеткультуры» означают лишь то, что культура пролетает мимо вас и вы мимо нее. Вас интересует лишь революционное «просвещение» масс. Но и более высокое «просвещение», Просвещение XVIII века шло мимо подлинной культуры и готовило падение культуры. Что делать вам с проблемами Ницше и Достоевского и что делать проблемам Ницше и Достоевского с вами? Для вас не существует ничего проблематического, вы чувствуете себя для этого слишком «просветителями». Ваше «полупросвещение», самодовольное и наглое, ни перед какими святынями не трепещущее и не склоняющееся, глубоко противоположно культуре, оно понижает культуру и громит ее, но никакого внутреннего кризиса культуры не сознает и к углублению этого кризиса не ведет, так как не ведет ни к какому углублению. Вы хотите только, чтобы культура была популярнее, доступнее, демократичнее, дешевле, чтобы из нее исчезло все аристократиче-

ское, малодоступное, слишком сложное и глубокое. Вы хотите упрощенного правописания, упрощенного языка, упрощенной мысли. Вот что означает ваша не «буржуазная» культура. Вы очень скромны в делах культуры, вы – минималисты, а не максималисты, люди середины. Но кризис культуры ощутили и сознали лишь те, которые были максималистами, а не минималистами в делах культуры. Кризис культуры в упрощенном правописании невыразим. Вы еще плохо знаете таблицу умножения, в то время как на вершинах в таблице умножения уже усомнились. Но вам необходимо ее еще изучить. Революция временно ослабляет кризис культуры.

Поистине, кризис культуры совершается иерархически, как и все, что подлинно, а не призрачно в мире совершается. Кризис этот по природе своей ничего общего не имеет с тем, что вы называете «революциями». Это – духовная и аристократическая революция, и происходит она в другом измерении. Кризис культуры совершается в глубинном измерении, а не в измерении плоскостном, как все ваши дела и движения. Что означает кризис культуры? Кризис этот есть острое переживание и острое сознание на вершинах культуры внутренней противоположности и внутренней несоизмеримости между культурой и бытием, между культурой и творчеством. Когда культура доходит до своих пределов, до последних утончений и усложнений своих проблем, начинают сознавать, что высшие достижения культуры не есть новое бытие, новая жизнь, что высшие продукты культуры несоизмеримы с творческим порывом, с творческим заданием. Ибо, поистине, заданием творческого акта было новое бытие, новая жизнь, онтологическая истина, онтологическая правда, онтологическая красота. Но творческий порыв, направленный ввысь, пресекается тяжестью этого мира и направляется вниз. Создаются ценности культуры вместо нового бытия, книги, картины, учреждения вместо новой жизни, вместо иного мира. В культуре, в книгах, в картинах и учреждениях происходит как бы умаление самой жизни, иссякание бытия. В формальной, современной, классической культуре, в ее науках и искусствах, в ее госу-

дарственных учреждениях и правовых институтах раскрывается бездна, полярно противоположная бездне самой жизни, бездне самого бытия. Это не может быть создано в той среде, в которой живет масса не только некультурных людей, но и культурных, это раскрывается лишь в пределах и концах культуры, лишь на вершинах творческих достижений. Там охватывает смертельная тоска небытия, жажда подлинного бытия, жажда преображения мира, жажда нового неба и новой земли. Трагическая неудовлетворенность культурой и всеми ее достижениями охватывает творцов культуры. Но она еще не чувствуется потребителями культуры. Вот почему мировой кризис культуры совершается не в демократическом движении, не в массовых революциях, а в движении аристократическом, во внутренних революциях духа. Кризис культуры ясно обнаруживает, как жалки и плоски все вульгарные противоположения между «революционным» и «реакционным», между «левым» и «правым». Эти противоположения импонируют лишь на поверхности, в глубине же все реальные противоположения – иные и вся шелуха эта отпадает. В мире вечно остается трагический конфликт и трагическое непонимание между меньшинством, живущим творчеством, духовными исканиями, идеями, поэзией жизни, и большинством, живущим интересами, аппетитами, прозой жизни.

Самые творческие люди вершин культуры могут переживать глубокую неудовлетворенность культурой и сознавать глубокий кризис ее. Но люди средней культуры или совсем некультурные не могут сделать отсюда никаких выводов против культуры, не могут идеализировать на этом основании состояние некультурности или докультурности. Трагедия культуры и кризис культуры, жажда лучших людей перейти к состоянию сверхкультурному, к новому бытию, к новой земле и новому небу не могут быть аргументами в пользу скифской варварской идеологии. У русских, да и славян вообще, есть подозрительное и двусмысленное отношение к культуре. Мы любим говорить о «буржуазности» культуры и очень легко признаем себя стоящими выше культуры. Уклон к отрицанию культу-

ры, в которой видят отпадение от изначальной цельности, от высшего жизненного типа, идеализация первоначальной, целостной народной жизни, предшествовавшей культуре, характерны и для самых замечательных и оригинальных русских мыслителей. У русских есть соблазн почувствовать себя скифами и противополжить себя эллинам. Скифская идеология народилась у нас во время революции. Она явилась формой одержимости революционной стихией у людей, способных к поэтизированию и мистифицированию этой стихии. Скифская идеология – одна из масок Диониса. В борьбе своей против се­рединности и умеренности всякой культуры она устремляется не вверх, к верхней бездне, а вниз, к нижней бездне. Современные скифы поют гимны не сверхкультурному, а докультурному состоянию. Менее всего устремлены они к новому небу и новой земле, к преображению мира. Они – язычники, в них клокочет кровь людей, не приобщенных к тайне искупления. В России скифская идеология есть своего рода языческий национализм, переходящий в нехристианский и антихристианский мессианизм. Скифы должны искупить грехи свои подчинением культуре и ее суровой школе.

Культура есть неотвратимый путь человека и человечества. Нельзя миновать его. Необходимо изжить пути культуры, чтобы выйти за пределы культуры, к высшему творческому бытию. Лишь на вершинах культуры творческое дерзновение может разбить цепи культуры, приковывающие к этому миру. Есть еще путь святости – путь, для немногих существующий. Но и этот путь есть путь высшей культуры духа. Он лежит в глубочайшей основе христианской культуры. Два явления выходят за пределы канонических норм культуры – святость и гениальность. Но святость и гениальность – величайшие явления духовной культуры, истинные ее двигатели. Человечество обречено культуре. Но в нем действуют и силы, враждебные путям свершения культуры, – силы нигилистические и анархические. Нигилистическое и анархистское восстание против культуры никогда не ведет к выходу за пределы культуры, оно лишь отбрасывает назад и требует новой работы

культуры. Высшая культура нужна лишь немногим. Для средней массы человечества нужна лишь средняя культура. Это и говорит об иерархическом строе культуры. Высшие цели мировой и исторической жизни связаны с тем, что понятно и существенно нужно лишь немногим. Но этим нужным и понятным лишь немногим духовно держится весь мир и вся история. В культуре есть эзотерика и экзотерика. Понятное лишь на высших ступенях имеет существенное значение для самых низших ступеней. Философия нужна для техники. Кризис культуры совершается на самых высших ступенях творческой жизни. Но это имеет мировое значение. Сверху идет духовная волна до самого низа. Революционное же разрешение кризиса культуры снизу есть великая бессмыслица. Цели общественности внутренне подчинены целям культуры. Все вы, общественники, недостаточно сознаете это, и потому для вас закрыты цели жизни, сознание ваше заполнено лишь средствами борьбы. Но и цели культуры не могут быть конечными целями. Дальше и глубже лежит искание Царства Божьего. Вы, культурники, недостаточно сознаете эту религиозную даль. Потому и для вас закрыты цели жизни. Культура не последнее, культура – предпоследнее. Это сознают те творцы, которые переживают кризис культуры. Они стоят перед последней задачей претворения культуры в новое бытие. Так подходим мы к апокалипсису культуры.

Письмо четырнадцатое О Царстве Божьем

Вся история наполнена исканием Царства Божьего. Искание это есть сокровенная душа истории, ее святое святых. Все цели истории относительны по сравнению с этой абсолютной целью, все цели превращаются лишь в средство. Самая история, по сокровенному своему смыслу, есть лишь движение к Царству Божьему. Но ограниченное сознание человеческое

ищет Царства Божьего в самой истории. Это и есть основное противоречие религиозной философии истории. Царство Божье – цель истории, конец истории, выход за пределы истории. Поэтому Царство Божье не может быть в истории. Искание Царства Божьего в истории, в земной исторической действительности, есть иллюзия, обман зрения. Царство Божье за историей и над историей, но не в истории. Оно есть всегда четвертое измерение по сравнению с тремя измерениями истории. Нельзя искать четвертого измерения внутри трех измерений пространства. Так и Царства Божьего нельзя искать внутри истории. История имеет абсолютный смысл, абсолютный источник и абсолютную цель. Но само Абсолютное не вмещается в ней. Историческая действительность вмещается в абсолютном, божественном бытии, но абсолютное, божественное бытие не может вмещаться в ней. Относительное есть явление внутри Абсолютного, но Абсолютное не может полностью пребывать в относительном. История есть лишь ступень абсолютной действительности. Но абсолютная действительность не может никогда полностью изойти в историю. «Все преходящее есть лишь символ». История имеет прежде всего символическое знание, она полна знаками иной, божественной действительности. Символизм истории свидетельствует о невозможности Царства Божьего внутри самой истории, царства абсолютной жизни на какой-либо из ступеней исторического свершения. Царство Божье есть абсолютное духовное царство, оно не может быть явлением в материальном мире, оно предполагает победу над материальным миром и переход в мир иной. Абсолютная жизнь есть переход в иной план, иное измерение бытия. Всякое достижение абсолютной жизни есть прорыв за пределы природного и исторического порядка. В природном же и историческом порядке не может быть вмещена абсолютная жизнь. От вхождения Абсолютного расступается всякая природная и историческая жизнь, расплавляется, теряет свои границы, исходит в беспредельность.

Прорыв Абсолютного в наш природный и исторический мир и прорыв к Абсолютному из нашего природного и исто-

рического мира говорит о том, что никакого замкнутого, изолированного и самодовлеющего «мира сего» не существует. В «мир сей» могут входить силы иных, высших миров, энергии онтологические, равно как из «мира сего» могут быть выходы и прорывы в иные, высшие миры. В нашем мире, в нашей природной и исторической жизни возможно чудесное, возможно благодатное перерождение, возможно освобождение от тяжести мира, от бремени истории, возможен разрыв железной цепи закономерности. Историческая действительность не есть замкнутая действительность, не есть тюрьма под железными затворами. Существуют прорывы в исторической действительности в высшую духовную действительность, переливы энергии трех измерений в четвертое измерение. Эти прорывы нарушают все рационалистические учения об историческом процессе, разбивают все закономерности рациональных социологий. В мировом и историческом процессе действуют не только имманентные ему духовные силы, но и силы таинственные и мистические, не поддающиеся никакому учету: и благодатные, и темные силы. И высшие творческие достижения исторического процесса были прорывом из мира иного и в мир иной. Несоизмеримость между Абсолютным и относительным, между Царством Божьим и историей нельзя мыслить как замкнутость сферы относительного, как изолированность истории от высших реальностей. Относительное является в самом Абсолютном, оно полагается самим Абсолютным. На этом основано оправдание относительного и права относительного. Относительное внутренне необходимо для раскрытия полноты Абсолютного. Поэтому не может быть относительное оторвано от Абсолютного и противопоставляемо ему. Нельзя мыслить внеположность мира относительного миру абсолютному. В какой-то неизъяснимой глубине исчезают все противоположности и все внеположности, снимаются все антиномии. Вовне же направленное, к миру обращенное сознание наше всегда натывается на ряд непреодолимых антиномий. Эти антиномии как бы охраняют сокровенность и таинственность жизненной глубины. В глубине духовной (не душевной) жизни

человека дается и раскрывается Абсолютное, мы погружены в абсолютную действительность, мы не рабы мира, не во власти царства относительного. Лишь в проекции нашей жизни вовне представляемся мы безраздельно принадлежащими царству относительного. В нашей обращенности к глубине мы принадлежим иной действительности, мы сопричастны Царству Божьему. Тайна отношения двух миров в человеке и человечестве есть тайна Христа, тайна Его явления в этом мире. Явление Христа в мире и было единственной и неповторимой точкой прорыва самого Бога в этот природный мир. С этим прорывом несравнимы и несопоставимы все другие творческие прорывы, к которым применима категория множественности и повторяемости. В Христе полнота божества пребывает духовно и телесно. Но явление Христа не было явлением Царства Божьего на земле, в материальном мире. Оно было лишь обетованием Царства Божьего. Христос учил, что Царство Его не от мира сего. И мир сей не может вместить Его Царства, он должен преобразиться, стать иным миром, выйти из себя. Искание чувственного Царства Христова на этой земле, в этом ограниченном материальном мире есть один из соблазнов, один из миражей религиозного сознания. Это соблазн еврейский, это явление юдаистического духа внутри христианства.

Ожидание чувственного Царства Божьего на земле есть еврейский хилиазм. Евреи ждали Мессию – земного царя, который устроит на земле блаженное царство Израиля. И они отвергли Мессию, который явился в образе раба и учил, что Царство Его не от мира сего. Мессия – Распятый есть вечная противоположность мессии, осуществляющему Царство Божье на земле, приносящему земной рай. Утопия социального земного рая есть переживание еврейского хилиазма. Материалистический ее характер не должен закрывать от нас ее старых религиозно-юдаистических истоков. Христос – Распятый противится хилиастической утопии, проникшей в христианский мир, и отвергает ее. Весь мир должен пройти через распятие, через Голгофу, прежде чем наступит Царство Божье, Царство Христово. Без свершения до конца тайны искупления чело-

вечество и мир не войдут в Царство Божье. А это и значит, что Царство Божье в этом мире, в материальном природном порядке – невозможно. Царство Божье есть совершенное преобразование мира, переход в иное измерение бытия. Еврейский хилиазм хочет Мессию-Царя, который осуществит Царство Божье на земле без креста и распятия, в ветхой еще природе. И еврействующий христианский хилиазм забывает Христа – Распятого и хочет перескочить через искупление в чувственное тысячелетнее царство Христово, на старой еще земле, под старым еще небом. Социализм и есть секуляризованный, оторванный от своих религиозных корней хилиазм. Утопия социального земного рая, земного совершенства и земного блаженства, земной абсолютности и есть забвение Христа – Распятого, нежелание разделить с ним Голгофу, отхождение от тайны искупления. В первооснове утопий земного рая лежит отрицание бессмертия, неверие в бессмертие, жадность к этому урывку земной жизни и похотливое отношение к ее благам. Утопия Царства Божьего на земле, в материальной природе есть противление божественному миропорядку. Царство Божье подменяется безбожным царством.

Переход из плана исторического в план апокалиптический представляет неразрешимую для разума антиномию. Разум склонен мыслить этот переход как совершающийся в самой истории, как последний, завершающий период истории. Но это-то и есть оптический обман. Можно говорить об апокалиптической эпохе всемирной истории, об апокалиптических ее знаках, но это не означает еще перехода из истории в апокалиптический план. С другой стороны, нельзя мыслить конца, совершающегося в апокалиптическом плане, совершенно трансцендентно, относить его целиком к потустороннему миру. Апокалиптический план, к которому мы относим наступление конца мира, разрешение всемирной истории, нельзя мыслить ни совершенно имманентно, ни совершенно трансцендентно, ни исключительно посюсторонне, ни исключительно потусторонне. Это и есть антиномическая для нашего рационального

сознания проблема отношения времени и вечности. Так, например, мыслить бессмертие как загробную, потустороннюю жизнь, в отличие от жизни земной, поюсторонней, есть рационалистическая ограниченность. Бессмертие раскрывается и в глубине каждого мгновения земной жизни. Так и внутри самой истории, в глубине ее раскрывается конец, дан апокалипсис как иное измерение ее. Свершение же во времени есть лишь проекция того, что дано в глубине. Конец истории и преодоление истории не будет в истории, конец времени и преодоление времени не будет во времени. Но это не значит, что мы на веки веков обречены быть во власти дурной бесконечности исторического процесса, временного потока. Для христианского сознания есть всеразрешающий конец, есть победа над властью времени. Для христианского сознания предельная проблема человеческого общества упирается в эсхатологию. Но христианская эсхатология не может быть материализована. Хилязм и был всегда материалистической эсхатологией. Это не значит, что христианское сознание принимает спиритуалистическую эсхатологию. Царство Христово будет не только на небе, но и на земле, оно будет не только духовным, но и телесным царством. Но это будет иная, преображенная земля и иное, преображенное тело. Сошествие Небесного Иерусалима на землю не может мыслиться как его материализация. И оно никогда не произойдет в пределах истории трех измерений, оно есть четвертое измерение истории. Прославленная в Царстве Христовом телесность не есть уже материальная, физическая телесность. Сеется тело душевное, встает тело духовное. История во времени есть проекция на плоскости совершающегося в глубине, в вечности. И разрешающий конец в этой временной истории есть всегда неразрешимая антиномия, есть всегда обман зрения для рационального сознания. Новая жизнь, новый мир есть царство Божественной Истины, вечное, а не будущее, противопологающее себя прошедшему.

В христианском догматическом сознании, в христианской философии проблема эсхатологии не получила ясного и общеобязательного разрешения. Вокруг этой проблемы всегда

раскрывались разные возможности. В истории христианства апокалипсис не вмещался полностью и тема об апокалипсисе всегда была темой о новом откровении в христианстве. Так стояло это некогда для Иоахима Флорского, так стоит и для многих религиозных мыслителей нашего времени, настроенных пророчесвенно. «Откровение св. Иоанна» было признано канонической книгой Священного Писания и внесено в Новый Завет. Но Церковь не сделала такого применения из этой священной книги, как сделала из других священных книг. «Откровение св. Иоанна» не стало творческим источником ни для церковного догмата, ни для церковной практики христиан. Книга эта осталась таинственной, запечатанной под семью печатями. До времени так и должно было быть. И в наше время, которое мистически чуткие люди называют апокалиптическим временем, безответственное злоупотребление апокалипсисом производит неприятное впечатление. Предсказание наступления конца мира к определенному времени явно противоречит словам Христа, что о дне и часе этом никто не знает. Ожидание конца мира послезавтра утром снимает с людей всякую ответственность и делает их пассивными. В этих ожиданиях всегда чувствуется смешение разных планов, грубая материализация христианских тайн, духовная незрелость. Вступление христианской абсолютности в историческую относительность порождает ряд иррациональных антиномий. «Апокалиптическое» сознание может давать слишком грубые и насильственные разрешения этих антиномий. Внутри самого христианства очень сложно столкновение и взаимодействие абсолютного и относительного, вечного и исторического. Западный папоцезаризм и восточный цезарепапизм и был искажением абсолютного в относительном, вечного в историческом. На этой почве создавались все опыты земных теократий, священных царств. В них Царство Божье давалось лишь символически, а не реально-онтологически.

Церковь не есть Царство Божье на земле, и существование в истории Церкви Христовой, которой не одолеют и врата ада, не говорит о возможности Царства Божьего на земле.

Отождествление Церкви с Царством Божьим, с Градом Божьим было ошибкой, допущенной Бл. Августином, которая повлияла на католическую концепцию Церкви. Церковь не есть теократия. Все внешние теократические притязания разрушены историей. Роковой процесс секуляризации не одолел и не одолеет святыни Церкви Христовой, но он одолевает теократические притязания, он разбивает великие религиозные утопии священных царств. Царство Божье приходит неприметно. Незримо оно входит в мир и овладевает миром. Из глубины идет это царство, и к глубине обращено оно. И слишком приметное, слишком зримое царство не есть еще Царство Божье. Теократические иллюзии и были иллюзиями материализованного Царства Божьего, Царства Божьего в непретворенной природе, в трех измерениях земной жизни. И самую Церковь можно брать в измерении историческом, в ее явлениях на плане материальном, и в измерении глубины, в ее сокровенном бытии. Есть Церковь экзотерическая, демократическая, водительствовавшая массой человечества и религиозно воспитывающая ее для высшей жизни, и есть Церковь эзотерическая, сокровенная, в которой для более высокой иерархии раскрываются более глубокие тайны и более глубокое общение. Не может быть никакой противоположности между этими двумя пониманиями Церкви. Единый, цельный мистический организм Церкви, иерархической по своему строению, имеет ступени выявления, свое ядро и свою периферию. Демократизм исторического христианства охраняет аристократизм сокровенного христианства. Иллюзии Царства Божьего на земле основаны на том, что сокровенное мыслится окончательно выброшенным на поверхность, что эзотерическое становится совершенно экзотерическим, что духовное вполне материализуется. Но Царство Божье принадлежит сокровенной глубине бытия, а не поверхности его, не приметной и зримой его оболочке. Царство Божье неприметно, Царство Божье не от мира сего. Царство Божье есть совершенное преображение мира. Христианское общение не может быть внешней материальной теократией. Христианская общественность есть таинственное общение в духе, в любви Христовой.

Она несоизмерима ни с какой подзаконной общественностью. Все попытки сопоставить и сблизить христианское общение в Духе с демократическими, социалистическими течениями есть религиозная ложь и обман. Свобода христианского общения в Духе не имеет ничего общего со «свободой» анархической, и братство христианского общения в Духе не имеет ничего общего с «братством» социалистическим. Христианское общение – благодатное общение, общение в любви Христовой. Анархическое и социалистическое общение целиком принадлежит к царству природной необходимости, к царству кесаря. Таковую же религиозную ложь представляют все связывания христианской общественности со старым языческим государством или с отсталым натуральным хозяйством. Царство Божье и царство кесаря разделены Христом, и не может Царство Божье вместиться ни в какое царство кесаря, в старое или новое, реакционное или революционное. Братское общение во Христе есть уже таинственное вхождение в Царство Божье. И это братство Христово неприметно приходит в мир. В Царстве Божьем нет никаких коллективов, в нем есть только личности, оно все состоит из личностей разных иерархических ступеней. И в Царстве Божьем будет «иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится во славе».

В братстве Христовом нет никаких внешних социальных признаков и не может быть никаких социальных для него критериев. В духе св. Франциска не было ничего связанного с социальным царством, в нем Царство Божье неприметно пришло в мир. Все социальное связано с относительными средствами жизни, а не с абсолютными целями. Абсолютная социальная цель немыслима, абсолютная цель – религиозна, а не социальна. Все внешне социальное имеет в себе материальную относительность. И Царство Божье отодвигается, когда его начинают мыслить социальным царством, когда его считают осуществимым на земле, во времени. Тяжесть мира сковывает дух, когда относительное абсолютизируют. Но пафос всех социальных утопий и есть такая абсолютизация относительного. Вы спорите – «правое» или «левое» Царство Божье.

Но кощунственно применять к Царству Божьему эти жалкие мерилы. Все «правое» и все «левое» проходит, когда вы прикасаетесь к тайне Царства Божьего. Против социальных утопий, выдающих себя за Царство Божье, необходимо утвердить здоровый пессимизм и аскетическую суровость. Этот пессимизм по отношению к миру и ко всему, что от мира, есть в Евангелии и Апокалипсисе. О нем вам следует чаще напоминать. И малые апокалипсисы Евангелия, и Апокалипсис св. Иоанна не предсказывают победы и торжества любви Христовой и правды Христовой на земле.

Христианские пророчества говорят о пришествии антихриста, о победе князя мира сего, об иссякании любви. И все утопии земного блаженства, земного совершенства, окончательного торжества правды на земле находятся в непримиримом противоречии с христианскими пророчествами. То, что говорится в Откровении св. Иоанна о тысячелетнем Царстве Христовом, остается сокровенной тайной. И все попытки раскрыть эту тайну, переведа ее на рациональный язык земных утопий, – не религиозны, в них искания царства мира сего сильнее исканий Царства Божьего. Апокалиптическое тысячелетнее Царство Христово и есть чудесное преодоление антиномии времени и вечности, земного и небесного, посюстороннего и потустороннего, имманентного и трансцендентного. И потому невыразимо это царство на языке одного из полюсов этой антиномии, непереводаемо в плоскость временного, земного и посюстороннего. Таинственность Апокалипсиса связана с тем, что язык этой книги – не наш язык. Поэтому постижима она лишь символически. Символ – время и вечность, мир земной и мир небесный. Царство Божье раскрывается нам символически. Это и есть радикальное возражение против всех попыток превратить Царство Божье в земную утопию. Вступая в атмосферу апокалиптическую, мы подвергаемся опасности подмен и двоений. Вся таинственность, неразгаданность, антиномичность, иррациональность Апокалипсиса связана с этой возможностью подмен и двоения, предоставленной

свободе человеческой. В Апокалипсисе не может быть евангельской ясности и простоты. В нем раскрывается предельное духовное раздвоение, в нем является предельная ложь, обратное подобие Христа. В Евангелии все совершается в атмосфере солнечной ясности, божественной простоты, Логос является во плоти, и ослепительно светлые лучи его проникают в души людей. В Апокалипсисе все совершается в атмосфере смешанной и сложной, – в атмосфере этой все раздваивается, в ней все пропитано яростью и столкновением полярно противоположных начал. Солнечный луч от Лица Христова падает уже не на девственную почву душевной простоты и цельности, а на души страшно сложные, раздвоенные, утомленные и истерзанные долгой историей, поставленные перед совершенно новыми проблемами. Мы уже вышли из евангельской атмосферы и вошли в атмосферу апокалиптическую. Наша духовная атмосфера не походит на атмосферу первохристианскую. Лик Христов перестают ясно различать, Его смешивают с обратным подобием. Лик Христов двоится для современного человека. Страшно зыбка современная душа, двоится для нее добро, двоится для нее зло. Зло воспринимается ею в обманчивых образах добра. Антихристов дух и есть дух лжи и подмены, двусмысленный дух, неуловимый в своей внутренней сущности, ибо сущность эта – в небытии.

Утопия социального рая на земле есть одна из антихристовых подмен и обманов, из обратных подобиий Царства Божьего. Безбрежная социальная мечтательность душ разрыхленных, потерявших всякую аскетическую дисциплину самоограничения, оторвавшихся от духовного центра жизни, – благоприятная почва для антихристовых соблазнов. Антихрист прельщает осуществлением Царства Божьего на земле, социального блаженства. Он обещает осуществить то, чего не осуществил Христос – Распятый. После пришествия Христа в мир правда не победила на земле. И это многих соблазняет. Это соблазнило еврейский народ. Это вводит в соблазн и современных искателей земной правды. Будет выше Христа тот, кто осуществит правду на земле, или тот будет Христом Гря-

душим, кто осуществит эту правду, прекратит муку и страдания человеческие. Но Христос не только не осуществил правду и блаженство на земле, Он и не обещал этого осуществления. Он звал взять крест свой и идти за Ним. Он учил, что жизнь на земле, в этом мире есть крест, что путь Царства Божьего лежит через Голгофу. И больше должен прельщать тот, кто обещает Царство Божье на земле без Голгофы и искупления.

Социалистическое и анархическое движение в мире имеет огромное религиозное значение, ибо движение это обостряет для христианского сознания проблему антихриста. Это движение подводит к пределам, оно переходит уже в душевную атмосферу Апокалипсиса. Современное сознание перестало ясно видеть зло и отличать его от добра. Происходит какая-то декристаллизация. Духовная жизнь мутна, в ней нет уже чистых кристаллов, нет той жемчужины, за которую человек готов отдать все блага мира. Личность в современном человеке распластывается и декристаллизуется, теряет ясность очертаний, твердость границ. Эта почва очень благоприятна для всякого рода воздействий темных сил. Личность находится в обладании каких-то неведомых ей сил. Не сама личность действует, а «нечто» в ней действует. Все антихристовы подмены и обманы основаны на отрицании личности, на разрушении личности. Личность, сохранившая свою крепость, свой образ, свои границы, может падать, грешить, делать зло, но она не поддастся соблазнам и прельщениям двоящихся образов антихристового духа. И противодействие антихристову духу есть прежде всего укрепление личности, духовная дисциплина личности, охранение в личности человеческой образа и подобия Божьего против наступающих на нее стихий «мира сего».

Стихийные вихри хотят растерзать личность и подготовить почву для земного царства антихриста. И личность должна укрепить себя во Христе, чтобы противиться этим вихрям, противостоять этим стихиям. В нашу эпоху зло является по-новому украшенным. Не элементарное зло соблазняет, а зло сложное и запутанное. Пленяет неясность и мутность, влечет нарушение всех границ, всех межей, всех

различий. Это верно для интимной жизни человека, но верно и для жизни общественной. И в жизни общественной хочет человек броситься в бездну, отдаться стихиям в надежде, что обретет он новую землю, что достигнет Царства Божьего. На этом пути теряет человек свою личность, но надеется приобрести блаженство. Современные люди живут иллюзиями более, чем люди прежних эпох, они менее реалисты в истинном смысле этого слова, более оторваны от реальностей и отданы воле ветров. Иллюзии прогресса, всеосвобождающей революции, социалистического земного благополучия и т. п. бесконечно далеки от онтологического реализма. Революционные иллюзии идеологически начинаются с рационализма и кончаются иррационализмом. Восстает человеческий разум против истории, верит, что своими силами он может устроить человеческую жизнь на земле, рационализировать ее без остатка, не оставить места для действия сил таинственных и сверхразумных. Но кончается рационалистическая революция тем, что расковывается хаос и начинают господствовать силы иррациональные и темные. И революционный рационализм, и революционный иррационализм одинаково разлагают все онтологические реальности, одинаково отрицают и смысл истории, и ее таинственную иррациональность. В истории действуют оккультные силы, как организованные, так и неорганизованные. И те, которые находятся во власти этих сил, часто сами не знают об их существовании. Действие сил совершенно иррациональных вырабатывает совершенно рационалистическое сознание. Это одно из парадоксальных противоречий общественной и исторической жизни.

Когда люди религиозного сознания стремятся к Царству Божьему, они предчувствуют, что пришествие Царства Божьего в мире есть новое откровение. В христианстве с самого начала была пророческая сторона, было устремление к неведомому грядущему, лишь в символах и знаках раскрытому в священных письменах. Но возможно ли допущение нового откровения для тех, которые остаются верными вечному христианскому

откровению? Это – одна из антиномий христианского религиозного сознания. Христианство есть не только откровение, но и прикровение. Царство Духа остается прикровенным, оно открывается в творческой жизни духа, в свободном пророчестве. Творчество человека не могло быть открыто в Священном Писании, оно свободно открывается самим человеком. Но подлинное религиозное творчество возможно лишь для человека, исполняющего правду закона и правду искупления, укрепляющего дух свой через Христа и во Христе. Творчество против Христа, творчество, восстающее против закона и искупления, есть творчество небытия, творчество иллюзорное, призрачное. В нем не приходит Царство Божье. Творчество светской культуры с религиозной точки зрения лучше, чем сектантское религиозное творчество, разрушающее вечные святыни Церкви. Леонардо, в известном смысле, с религиозной точки зрения лучше Лютера, Гете лучше Л. Толстого. Лютер и Толстой – религиозные разрушители. Леонардо и Гете – творцы новых ценностей. Они в другом и о другом. Менее всего можно видеть зачатки нового откровения и нового творчества в сектантстве и протестантстве. Этих зачатков больше в светской творческой культуре, в гениальной избыточности. Религиозное творчество человека может быть лишь откровением человеческой любви к Богу, отвечающим на откровение Божьей любви к человеку. В таком лишь творчестве приходит Царство Божье, которое есть Царство Богочеловечества. Динамизм религиозной жизни определяет искание Царства Божьего. Ибо, поистине, никогда не должно оставлять нас чувство зла и негодности этого мира и жизни в нем. Мы должны уметь бороться за все ценное в мире и должны уметь отказываться от всего во имя Царства Божьего. Религиозное творчество человека есть не право и не притязание, а религиозный долг человека, долг избыточной его любви. Апокалипсис может постигаться пассивно и активно. Апокалиптическое сознание в России в большинстве случаев есть мистическая пассивность, ожидание, переживание ужаса, а не активность и творчество. Активное отношение к Апокалипсису было лишь у Н. Ф. Федорова. Апокалиптиче-

ское сознание – опасное сознание. Оно может ложно унижить человека и ложно возвысить его. Апокалиптическое сознание – сокровенно. Царство Божье не может быть результатом ни эволюции, ни революции, – оно есть чудесное преображение. В Православии было великое ожидание и великое терпение. Но наступает час раскрытия пророчески-апокалиптической стороны христианства для борьбы с силами возрастающего в мире антихристового духа. Нельзя окончательно предоставить этот мир злым силам. Цельность в грядущем земном обществе невозможна уже, разделение неизбежно. Поэтому невозможна земная теократия. Но должно быть сосредоточивание и объединение сил Царства Божьего. Ищите Царства Божьего, и все остальное приложится. Для христианина это остается последней религиозной истиной, перед которой меркнут все остальные истины. Все непрочно и все неверно, кроме Царства Божьего, все лишь для него должно быть исполнено и сотворено. Царству Божьему должно уступить место и государство, и хозяйство, и культура, и весь мир. В вечности, а не во времени может быть побеждено время и может наступить Царство Божье. Но воля к наступлению Царства Божьего в вечности может быть раскрыта в каждом мгновении нашей жизни, в ее глубине. Да приидет Царствие Твое!

Послесловие

Книга моя «Философия неравенства» написана летом 1918 года в атмосфере страстного духовного противления торжествовавшей коммунистической революции. В книге этой, быть может, слишком отразились негативные чувства, которые сейчас уже не владеют мной. Для меня тогда еще не наступил духовный катарсис, я не пережил еще тогда до глубины духовный опыт революции и не осмыслил его до конца в религиозном свете. Я разделяю и в 1923 г. основные иерархические социально-философские мысли, выраженные в 1918 г., но настроенность моя более очищенная и освобожденная от

власти отрицательных чувств, от всякой ненависти, хотя бы она возгоралась во имя истинной идеи и правой веры. Революцию, безбожную и сатаническую по своей природе, нужно пережить духовно углубленно и религиозно просветленно. И тот не духовно и не религиозно пережил революцию, кто вынес из нее только чувство злобы и ненависти и кто жаждет только реставрации породившей революцию старой жизни со всей ее неправдой. Не пережил духовно-религиозно тот, кто пережил ее корыстно. Не пережил духовно революции тот помещик или фабрикант, который прежде всего жаждет возвращения себе отнятых поместий и фабрик и возмездия тем, которые их у него отняли. Не пережил духовной революции тот политик, который прежде всего злобствует на то, что не его политическая партия и не его политическая идеология победила, и ждет часа, когда он станет у власти и расправится с теми, которые вместо него торжествовали в революции. Не пережил духовно революции тот идеолог и мыслитель, который полон злобы за то, что его идеи гонимы, и готов соединиться со всякой силой, которая отомстит за эту его непризнанность и это крушение его идеи. Не пережил духовно революции тот обыватель, который видит в революции лишь нарушение его интересов и привычного ему бытового строя жизни и ежедневно ждет восстановления этих его интересов и этого утраченного бытового строя. Духовно пережил революцию лишь тот, кто увидел в ней свою несчастную судьбу и несчастную судьбу своего народа, кто ощутил в ней расплату за грехи прошлого, кто прошел через покаяние, через обличение не только революционной, но и дореволюционной неправды, кто осознал необходимость просветления и преобразования жизни. Тот становится уже не революционным и не дореволюционным, а *пореволюционным человеком*, человеком новой эпохи. Контрреволюционность наша должна быть пореволюционной, а не дореволюционной, утверждающей начала, которые не похожи на те, которые торжествовали во время революции, ни на те, которые торжествовали до революции и к ней привели. Духовное переживание революции не может привести к жажде

реставрации, т. е. к восстановлению старого мира со всей его неправдой. Ведь неправда старого мира привела к неправде революции, и возврат к ней есть безумие, обречение жизни народной на безвыходное кружение. Необходимо выйти из этого безвыходного злобного кружения революций и реакций к какой-то новой жизни, перейти к творчеству. Антихристовой неправде коммунизма нельзя противопоставить правду «буржуазную», ибо в «буржуазности» так же нет Христа, как и в коммунизме, и одно безбожие порождает другое безбожие. Коммунизм есть только последовательно доведенная до конца безбожная неправда буржуазного мира.

Революция не есть внешнее для меня событие, она есть лишь отображение чего-то во мне и со мной происходящего, моей вины, моей духовной немощи. Если бы я, каждый я, был достаточно духовно силен и имел настоящую мощь веры, то революции не произошло бы, произошло бы просветление и преображение жизни. Пусть я – «реакционер», у меня есть реакция, глубокая духовная реакция против неправды и лжи, против бесчеловечья и безбожья революции. Но нужно понять смысл этой «реакционности». Моя «реакционность» не «дореволюционная», а «пореволюционная». Это – реакция против революции тех духовных достижений, которые явились в результате внутреннего осмысливания опыта революции, внутреннего углубления от этого опыта. Эта «реакция» не ведет к реставрированию дореволюционного строя жизни, дореволюционного состояния духа. Революция случилась, она так же отвратительна, как и всякая революция, но нужно идти к тому, что возможно после нее, а не к тому, что было до нее. До нее и было то, что к ней привело. Будем стремиться к тому, что не приведет к ней. Революция сама себя должна изжить и прикончить, ее нельзя прикончить извне.

«Правый» я или «левый»? Вопрос, который может интересовать лишь тех, у которых внешняя плоскостная точка зрения на жизнь, которые не признают измерения глубины. Поистине, «правость» и «лево́сть» получаются от передвижения по поверхности. Всякое движение ввысь или вглубь не

может быть ни «правым», ни «левым». Внешнее движение к поверхности жизни, отпадение от глубины довело уже народы до кровавого раздора и до неслыханных катастроф. И я хотел бы, чтобы началось движение вглубь и ввысь. Почему я совершенно не «правый» и совершенно не «левый». Мысли мои нельзя втиснуть в эти старые и негодные категории. Различие и противоположения между «правостью» и «левозостью» лишь углубляют раздоры в человечестве и питают злобные чувства. Нужно искать истины и правды, Бога, а не «правости» и «левости», не «правых» и не «левых» интересов. Истина не знает категорий «правости» и «левости», она не потворствует тем злобным инстинктам, которые вокруг «правости» и «левости» разгораются. В мире должна произойти великая духовная реакция против власти и господства политики, против похоти политической власти, против ярости политических страстей. Политика должна занять свое подчиненное, второстепенное место, должна перестать определять критерии добра и зла, должна покориться духу и духовным целям. Господство политики, как и господство экономики, есть извращение иерархического строя жизни. Люди бывают добрыми или злыми, преданными Божьей правде или отпавшими от нее совсем не потому, что они монархисты или республиканцы, аристократы или демократы, сторонники буржуазного строя или строя социалистического. На поверхности жизни разыгрывается борьба страстей и интересов, обнаруживает себя похоть к политическому преобладанию и устанавливаются внешние критерии и оценки. Но, поистине, более глубокие, более духовные критерии оценок должны занять преобладающее место и подчинить себе, отеснить на второй план господствующие политические критерии оценок, должна быть в мире преодолена диктатура политики, от которой мир задыхается и исходит кровью. Поистине, объединение должно происходить в мире по другому принципу, по другому критерию. Духовная жизнь должна вновь занять подобающее ей иерархически преобладающее место. Люди должны соединяться прежде всего по духовным, а не по политическим признакам и принципам.

И тогда только в мире произойдет духовное возрождение. Власти внешней общественности над человеческой душой должен быть положен предел.

Все эти мысли выстраданы мной за эти годы, и я счел нужным формулировать их в послесловии, чтобы идеи моей книги были поняты в истинном свете. Ни для каких злобных политических целей идеями этими воспользоваться нельзя. Человеческое общество имеет вечные основы, и основы эти говорят о вечном, а не слишком временном и тленном в прошлом и настоящем. Духовное осмысливание событий, происходящих в мире за последние годы, подтверждает истину исторического пессимизма, который имеет твердые основы в христианских пророчествах и который я давно уже исповедую. Этот суровый исторический пессимизм освобождает нас от всяких земных утопий и иллюзий совершенного общественного устройства. Но он не освобождает нас от долга всеми силами осуществлять Христову правду. Нелегко победить радикальное зло человеческой природы и природы мира, и окончательная победа над злом есть преображение мира, «новое небо» и «новая земля». Но отсюда не следует, что мы должны соглашаться на власть зла и на злую власть, что воля наша не должна быть направлена к максимуму правды в жизни.

29 марта 1923 года.

Берлин

СМЫСЛ ИСТОРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская мысль в течение XIX века была более всего занята проблемами философии истории. На построениях философии истории формировалось наше национальное сознание. Не случайно в центре наших духовных интересов стояли споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе. Еще Чаадаевым и славянофилами была задана русской мысли тема по философии истории, ибо загадка России и ее исторической судьбы была загадкой философии истории. Построение религиозной философии истории есть, по-видимому, призвание русской философской мысли. Самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена апокалиптически. В этом — отличие ее от мысли Запада. Но это и придает ей прежде всего характер религиозной философии истории. Я всегда особенно интересовался проблемами философии истории. Мировая война и революция обострили этот интерес и направили мои занятия преимущественно в эту сторону. У меня созрел план книги по основным проблемам религиозной философии истории, который был положен в основание лекций, прочитанных в Москве в Вольной академии духовной культуры в течение зимы 1919–1920 гг. Записи этих лекций положены были в основание этой книги. Прилагаю к книге написанную в 1922 г. статью «Воля к жизни и воля к культуре», которая очень существенна для моей концепции философии истории.

Глава I
**О сущности исторического.
Значение предания**

Исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории. Так бывало всегда в прошлом. Первая замечательная философия истории, которая была построена в христианский период всемирной истории, философия истории Блаженного Августина, в значительной степени предрешившая дальнейшие построения философии истории, совпала с одним из самых катастрофических моментов всемирной истории – с крушением античного мира и падением Рима. Та своеобразная философия истории, которая была в дохристианскую эру, эта первая философия истории, которую знает человечество, – книга пророка Даниила, – также связана с исключительно катастрофическими событиями в судьбе еврейского народа. После Великой французской революции, после наполеоновских войн мысль человеческая тоже обратилась к построениям в области философии истории, к попыткам так или иначе постигнуть и осмыслить исторический процесс. В мирознании Ж. де Местра и Бональда немалую роль играет философия истории Я думаю, что не может быть особенных споров о том, что не только Россия, но и вся Европа и весь мир вступают в катастрофический период своего развития. Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется. Он не таков, каким был до начала мировой войны и последовавших за мировой войной русской и европейской революций, – он существенно иной. И темп этот не может быть назван иначе, как катастрофическим. Открылись вулка-

нические источники в исторической подпочве. Все заколебалось, и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения «исторического». Я думаю, что это острое чувство особенно важно для того, чтобы мысль человеческая и сознание человеческое обратились к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить по-новому философию истории. Мы вступаем в эпоху, когда к этим проблемам будет обращено сознание человеческое более, чем оно было обращено до сих пор. На этих вопросах я и думаю сосредоточиться. Но, прежде чем перейти к самому существу основных вопросов философии истории, или, вернее, метафизики истории, я должен сделать введение, посвященное анализу сущности «исторического».

Что такое «историческое»? Для понимания «исторического», для того, чтобы мысль была обращена и к восприятию «исторического», и к его осмысливанию, необходимо пройти через некое раздвоение. В те эпохи, когда дух человеческий пребывает целостно и органически в какой-либо вполне кристаллизованной, вполне устоявшейся, вполне осевшей эпохе, не возникают с надлежащей остротой вопросы философии, вопросы об историческом движении и о смысле истории. Пребывание в целостной исторической эпохе не благоприятствует историческому познанию, построению философии истории. Нужно, чтобы произошло расщепление, раздвоение в исторической жизни и в человеческом сознании, для того чтобы явилась возможность противоположения исторического объекта и субъекта, нужно, чтобы наступила рефлексия, для того чтобы началось историческое познание, для того чтобы получилась возможность построения философии истории. Поэтому я думаю, что можно представить в виде такой схемы три периода отношения к «историческому». И я сейчас определю, как относится каждый из этих периодов к историческому познанию. *Первый период* – период непосредственного, целостного, органического пребывания в каком-нибудь устоявшемся историческом строе. Этот период, конечно, очень интересен для исторического познания, но в нем историческое познание еще не

зарождается. Это период, в котором мысль статична, и поэтому динамичность объекта исторического познания очень плохо воспринимается человеческим умом. *Второй период* – неизбежно, роковым образом всегда и всюду наступающий период раздвоения, расщепления, когда утвердившиеся исторические устои начинают расшатываться в своих основах, начинается историческое движение, исторические катастрофы и катаклизмы, которые могут быть разного темпа, но органический лад и ритм целостной жизни прекращается. Вот когда начинается это раздвоение и расщепление: познающий субъект не чувствует себя непосредственно и целостно пребывающим в самом историческом объекте, зарождается рефлексия исторического познания. Этот второй период важен для исторической науки, но для настоящего построения философии истории, для настоящего осмысливания исторического процесса он все-таки неблагоприятен, потому что в нем происходит разрыв между субъектом и объектом, выведение рефлектирующего субъекта из той жизни, в которой он непосредственно пребывал. Происходит разобщение с самой этой внутренней жизнью, с самим «историческим». Происходит противоположение между «историческим» и познающим, которое отдаляет от него внутреннюю сущность «исторического». В этом периоде возникает историческая наука, в этом периоде может даже возникнуть историзм в смысле общей точки зрения на культуру. Но – и это один из парадоксов этой области, к которому мы будем не раз возвращаться, – между «историческим» и «историзмом» существует не тождество, а огромная разница и даже противоположность. Историзм, свойственный исторической науке, сплошь и рядом бывает очень далек от тайны «исторического». Он к ней не подводит. Он утерял все способы сообщения с этой тайной. Историзм не познает, не понимает – мало того, он отрицает «историческое». Для того чтобы приобщиться к внутренней тайне «исторического», в которой пребывает непосредственно человек в органическую целостную эпоху человеческой жизни, которую, пребывая в ней, он не познает, над которой он не рефлектирует, для того чтобы осмыслить

«историческое», – для этого нужно пройти через противоположение познающего субъекта познаваемому объекту, нужно по-новому, пройдя через тайну раздвоения, приобщиться к тайне «исторического». Нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу, к внутренней душе истории для того, чтобы осмыслить ее и построить настоящую философию истории. Это – *третий период*, третья эпоха, эпоха возвращения к «историческому». И вот, когда я говорю, что катастрофические моменты истории особенно благоприятны для построения философии истории, я имею в виду такие катастрофы духа человеческого, когда он, пережив крушение известного жизненного исторического строя и лада, пережив момент расщепления и раздвоения, может сопоставить и противопоставить эти два момента – момент непосредственного пребывания в историческом и момент расщепленности с ним, чтобы перейти в третье состояние духа, которое дает особенную остроту сознания, особенную способность к рефлексии и вместе с тем в нем совершается особенное обращение духа человеческого к тайнам «исторического». Это и есть то состояние, которое особенно благоприятно для постановки вопросов философии истории. Для того чтобы стало ясно, о чем я говорю, утверждая, что второй период, период раздвоения, рефлексии, в котором возникает историческое познание и начинает строиться философия истории, всегда роковым образом недостаточно глубок, недостаточно проникает в тайники истории, я должен остановиться на характеристике того, что называют эпохой «просвещения» человеческой культуры.

Когда мы говорим об эпохе «просвещения», то речь идет не только о просвещении XVIII века – классическом периоде «просвещения» в новой истории. Я думаю, что через «просветительный» период проходят культуры всех времен и народов. В развитии культур всех народов есть известная цикличность. Это сходство культурных процессов указывает на органический характер в развитии культур. Греческая культура, одна из величайших культур, которые знало человечество, тоже имела свою эпоху «просвещения», внутренне сходную с

той эпохой, которую человечество пережило в XVIII веке. Период софистов есть своего рода расцвет греческой культуры, совершенно с теми же особенностями, которые характерны и для эпохи «просвещения» XVIII века, хотя там были специфически эллинские черты. В основном эпоха «просвещения» греческой культуры так же разрушала священное в историческом, органически-традиционное, предания исторические, как это делала эпоха просвещения XVIII века, как это делает всякая эпоха «просвещения». Эпоха «просвещения» есть такая эпоха в жизни каждого народа, когда ограниченный и самонадеянный человеческий разум ставит себя выше тайн бытия, тайн жизни, тех божественных тайн жизни, из которых исходит, как из своих истоков, вся человеческая культура и жизнь всех народов земли. И вот, в эпоху «просвещения» начинается постановка человеческого разума вне этих непосредственных тайн жизни и над ними. Для этих эпох характерна попытка сделать малый человеческий разум судьей над тайнами мироздания и тайнами человеческой истории. При этом, конечно, человек выпадает из непосредственного пребывания в историческом. Эпоха «просвещения» отрицает тайну «исторического». Она отрицает «историческое» как специфическую реальность. Она его разлагает, производит над ним такие операции, что оно перестает быть той первоначальной целостной реальностью, которая и делает его «историческим». Она разобщает человеческий дух и человеческий разум с «историческим». Поэтому эпоха «просвещения» XVIII века была глубоко антиисторичной. Хотя в XVIII веке возник самый термин «философия истории», который был впервые употреблен Вольтером, и возник целый ряд исторических книг и произведений, но антиисторизм XVIII века так общеизвестен, что нет надобности на этом особо останавливаться. Сделалось истиной общепризнанной в философии истории, что лишь романтическое движение, романтическая реакция, направленная против просвещения XVIII века в начале XIX-го, впервые приобщили нас к тайне исторического и сделали возможным настоящим образом познание истори-

ческого движения. Только эта реакция духовно вернула нас к тому, что просветительная эпоха преследовала и уничтожала, как мифы и предания исторической старины. Она делала попытки их познать и осмыслить, но по-своему. Разум «просветительный», разум эпохи просвещения XVIII и XIX века есть самоутверждающийся, самоограниченный разум. Это не тот разум, который внутренне приобщен к разуму мировой истории, к разуму самой истории, потому что, поистине, существует разум истории, с которым этот просветительный разум внутренне разъединяется и становится над ним судьей. «Просветительный» разум притязает быть судьей органического разума истории. Но, поистине, высший разум должен заключать в себе не только тот объем человеческого самосознания, человеческого разума, который свойственен известной органической эпохе, скажем эпохе XVIII и XIX веков со всеми ее недостатками и дефектами. Разум должен быть приобщен и к первобытной мудрости человека, к тем первоощущениям бытия, первоощущениям жизни, которые зарождаются на заре человеческой истории и даже на заре доисторической жизни, в том анимистическом понимании мира, которое свойственно всем народам на самой первоначальной стадии. Эта мудрость, свойственная первоначальным эпохам, проходит затем через внутренние таинственные глубины жизни всей истории человеческого духа, через зарождение христианства и через средние века до нашего времени. Только такой разум постигает внутренний свет, который присущ каждой из этих эпох. Только такой разум будет истинным, просвещающим и просветленным разумом. Но это разум «просвещения», который праздновал свои классические победы в XVIII веке, – этот разум знает очень немного, к очень немногому внутренне приобщен, очень немного понимает, с большей частью тайн исторической жизни он внутренне разобщен. Вот эта слепота «просветительного» разума есть внутренняя кара, постигающая его за то самоутверждение, за то самодовольство, с которым этот разум подчинил себе не только все человеческое, но и сверхчеловеческое по своей природе.

В торжестве «просветительного» разума зародилась та наука, которая противопоставляла познающий субъект познаваемому объекту истории и в этом направлении совершила очень многое. Ей удалось многое расчленить, собрать, накопить, частично опознать. Но все это сопровождалось глубоким бессилием в опознании самого существа «исторического». Постепенно происходит такой процесс, в котором само познаваемое отдаляется, теряется из виду, перестает существовать в той своей первоначальной реальности, в которой оно только и может быть названо «историческим» и может раскрыть тайну истории. Этот процесс особенно ясно обнаруживается в области работы исторической критики. Только в XIX веке сделалась возможной настоящая историческая наука, потому что в XVIII веке считали возможным, например, утверждать, что религию выдумали жрецы для того, чтобы обманывать народ. В XIX веке это уже невозможно. Но особенно ясно можно проследить этот процесс в той работе, которая совершается над Священным Преданием в области истории церковной. Это — новая область, которая раньше была запретной. Интересно присмотреться, какой же процесс происходит в этой критической работе? В христианском мире все зиждется на Священном Предании, на священной преемственности этого предания. Историческая критика прежде всего начала его разрушать. Началось это с эпохи реформации. Реформация впервые начала сомневаться в Священном Предании. Она перестала с ним считаться и в силу половинчатости, присущей всякой реформации, оставила только Священное Писание. Затем эта работа над разрушением Священного Предания пошла дальше и дальше и привела наконец к разрушению и самого Священного Писания. Поистине, Священное Писание есть не что иное, как неотъемлемая часть самого Священного Предания. Поэтому, раз отвергается Священное Предание, неизбежно должно быть отвергнуто и Священное Писание. Я привожу этот пример, чтобы показать, как эта историческая критика сделалась совершенно бессильной объяснить самую тайну религиозного явления. Она вокруг этой тайны вращалась, но самой тай-

ны возникновения христианства никак познать не могла. Вся огромная немецкая критическая литература в этой области, имеющая несомненные заслуги в разработке всякого рода материалов, сознает невозможность постигнуть эту тайну. Все уходит из рук, все выпадает из поля зрения. Какая-то основная тайна, которая была дана в приобщении к преданию, в приобщении субъекта к объекту, исчезает, и остается лишь мертвый материал истории. Я думаю, что тот процесс, который происходит в области критики истории церковной, происходит и в области истории вообще. Потому что, поистине, существует не только Священное Предание церковной истории, но существует и Священное Предание истории, Священное Предание культуры, священные внутренние традиции. И только тогда, когда познающий субъект не разрывает с этой внутренней жизнью, может он приобщиться к ее внутреннему существу. Когда разрывает, – он до конца должен пройти путь самоотрицания.

Получаются лишь клочья истории, получается какое-то сплошное разоблачение исторических святынь.

Я думаю, что большая заслуга одного из самых интересных направлений в области философии истории, именуемого экономическим материализмом и обоснованного Марксом, заключается именно в том, что оно довело до последнего вывода, до последнего результата тот процесс разоблачения исторических святынь и исторических преданий, который в исторической науке начинается с эпохи просвещения, но не доводится до конца. Я знаю только одно направление в этой области, которое до конца и последовательно разлагает и умерщвляет все исторические святыни и исторические предания, без компромиссов, совершенно последовательно, – это направление марксистского понимания истории. То заподозривание внутренней тайны «исторического», которое началось в эпоху просвещения, которое в области религиозной началось еще в эпоху реформации, которое расцвело в XIX веке и сделалось достоянием всей исторической науки, остановилось на полпути. Все идеологические в широком смысле слова направления исторической науки не до конца разоблачают

и умерщвляют историческое предание. Какие-то клочья его все-таки остаются. Один лишь экономический материализм в циническом заподозривании всякого предания, всякой священной преемственности истории доходит до конца и совершает акт революционного бунта, революционного восстания против «исторического» до самых последних пределов и выводов. В концепции экономического материализма исторический процесс оказывается окончательно лишенным души. Души, внутренней тайны, внутренней таинственной жизни нет больше ни в чем. Заподозривание святых приводит к тому, что единственной подлинной реальностью исторического процесса оказывается процесс материального экономического производства, и те экономические формы, которые из него рождаются, являются единственно онтологическими, подлинными, первичными и реальными. Все остальное является лишь вторичным, лишь рефлексом, надстройкой. Вся жизнь религиозная, вся духовная культура, вся человеческая культура, все искусство, вся человеческая жизнь есть лишь отражение, рефлекс, а не подлинная реальность.

Происходит окончательный процесс обездушивания истории, умерщвления внутренних ее тайн через изобличение главной ее тайны, которой, по мнению исторического материализма, является тайна производства, рост производительных сил человечества. Этим доводится до конца начавшаяся в эпоху «просвещения» критическая разрушительная работа, отвергающая и самое «просвещение», ибо экономический материализм Маркса преодолевает «просвещение» в той его рационалистической форме, в которой оно расцвело в XVIII веке, и обосновывает своеобразный исторический эволюционизм, вместе с тем изобличая последние расцветы «просветительного» пути. На этом пути дальше идти некуда. Экономический материализм явно обнаруживает невозможность на этом пути постигнуть тайну внутренней судьбы народов, духовной жизни народов, судьбу человечества. Она просто отрицается как проблема, она считается иллюзорной проблемой, порождаемой лишь известными экономически-

ми условиями. Но здесь в экономическом материализме изобличается основное противоречие, которое экономический материализм осмыслить не может, потому что не может высидеться над ним, но которое бросается в глаза тому, кто подвергает это учение суду философа.

В самом деле, если экономический материализм считает, что все человеческое сознание есть лишь надстройка над экономическими отношениями, то откуда же берется тот разум самих глашатаев экономического материализма, разум самих Марксов и Энгельсов, который возвышается над этим пассивным отражением экономических отношений? Маркс, создавая учение об экономическом материализме, претендует на обладание такого рода разумом, который возвышается над состоянием пассивного рефлекса экономических отношений. Но если экономический материализм как идеологическое построение является лишь отражением известных производственных отношений, скажем тех отношений, которые создались в XIX веке на почве борьбы между пролетариатом и буржуазией, то непонятно, каким образом глашатаи этого учения могут претендовать на большую истинность, чем все другие, построения которых есть лишь самообман, порожаемый этим рефлексом. Ведь тогда это – одна из иллюзий, порожденных все той же экономической действительностью. Поэтому в марксизме доведены до конца притязания и самомнение «просветительного» разума. Он думает, что обладает тем просветительным и просвещающим разумом, который возвышается над всемирно-историческими судьбами человечества, над всей его духовной жизнью, над всеми человеческими идеологиями, видит все их заблуждения и иллюзии, являющиеся таким же отражением экономического процесса, как и он сам. Это стремление сочетать притязания просветительного разума с мессианскими притязаниями, близкими к мессианским притязаниям древнего Израиля, потому что это – притязание на единственное, несущее свет сознание, – свет, претендующий быть не одной из идеологий, но единственной и окончательной, окончательным светом, изобличающим тайну исторического процесса. Но

изобличает он не тайну исторического процесса, а отсутствие этой тайны, изобличает страшную зияющую пустоту исторических судеб человечества, жуткую пустоту человеческой истории, изобличает небытие человеческого духа, небытие всей духовной жизни человечества, религии, философии, всякого человеческого творчества, наук, искусств и т. д. Марксизм утверждает, что все это – небытие. В этом – своеобразная сила и могущество марксизма. Я думаю, что отрицательная заслуга такого построения очень велика, потому что оно убивает всякие половинчатые, полуйдеологические направления, которые сложились в XIX и XX веках, и ставит дилемму: или приобщиться к этой тайне небытия, погрузиться в бездну небытия, – или вернуться к внутренней тайне человеческой судьбы, вновь соединиться с внутренними преданиями, внутренними святынями, пройдя через горнило величайших испытаний, величайших соблазнов, пройдя все стадии этой разрушительной, критической, отрицательной эпохи.

Историческое познание и философия истории должны иметь свою гносеологию и свою теорию познания, как и всякая область человеческого познания. То, что я сказал до сих пор, можно отнести именно к этой области. Все это в конце концов ведет к одной цели – опознать существо «исторического» как некоторой особой реальности, существующей в иерархии реальностей, из которых состоит бытие. Это есть опознание совершенно особого, совершенно своеобразного объекта, неразложимого на другие объекты, материальные или духовные. Конечно, нельзя смотреть на «историческое» как на реальность материального порядка, физиологического, географического или какого-нибудь другого. Точно так же немислимо разлагать историческую реальность на какие-либо психические реальности. «Историческое» есть некоторый спецификум, есть реальность особого рода, особая ступень бытия, реальность особого порядка. И вот, признание исторического предания, исторической традиции, исторической преемственности имеет особенное значение для опознания этого специфически «исторического». Вне категории исторического предания невозмож-

но историческое мышление. Признание предания есть некоторое а priori – некоторая абсолютная категория для всякого исторического познания. Вне этого есть лишь какие-то клочья. Тот процесс, который производит над историей исторический материализм, неизбежно приводит к распылению исторической реальности, превращению ее в сыпучий песок. Историческая реальность есть прежде всего реальность конкретная, а не абстрактная, и никакой другой конкретной реальности, кроме исторической, не существует и существовать не может. Именно «историческое» есть сращенная форма бытия. Ведь конкретный по своему буквальному смыслу и значит сращенный в противоположность абстрактному как разорванному, разъединенному, расщепленному. В истории нет ничего абстрактного, отвлеченного. Все абстрактное по существу противоположно историческому. Это социология имеет дело с отвлеченным, с абстрактным, а история – только с конкретным. Социология оперирует с такими понятиями, как понятие класса, понятие социальной группы – все это абстрактные категории. Социальная группа, класс – это мысленное построение, в действительности не существующее. «Историческое» есть объект совершенно другого порядка. «Историческое» не только конкретно, но и индивидуально, в то время как социологическое не только абстрактно, но и общее. Социология не оперирует ни с какими индивидуальными понятиями, а история – только с ними. Все подлинно историческое имеет индивидуальный и конкретный характер. На эту землю в такой-то день вступил Иоанн Безземельный, говорит Карлейль, самый конкретный и индивидуализирующий из историков, – вот в чем история. Есть даже попытка построить философию истории на почве принципов кантовской философии – попытка Риккерта из школы Виндельбанда, которая базируется на том, что историческое познание тем и отличается от естественнонаучного, что оно всегда вырабатывает понятие об индивидуальном, тогда как естественнонаучное – об общем. В той форме, как поставлено это Риккертом, это довольно односторонне, но, во всяком случае, он поставил ту интересную проблему, что мы в исто-

рическом действительно имеем дело конкретным и индивидуальным. Ложна же эта постановка проблемы в том отношении, что общее само может быть индивидуальным. Возьмем, например, понятие «историческая нация». Это – понятие общее, но вместе с тем конкретная историческая нация есть понятие совершенно индивидуальное. Вековой спор номиналистов и реалистов обнаруживает недостаточное проникновение в тайну индивидуального. Платону не раскрывалось еще индивидуальное. Познание бытия, как градация индивидуальностей, не означает номинализма, ибо «общее» может быть признано индивидуальностью. Противоположение между историческим и социологическим очень важно установить для всего дальнейшего. Чтения мои будут посвящены не вопросам социологии, а вопросам философии истории, познанию исторических судеб. Поэтому я и называю свои чтения «Судьба человека»: это есть конкретная задача философии истории. Философия истории, историческое познание, есть один из путей к познанию духовной действительности. Это есть наука о духе, общающая нас к тайнам духовной жизни. Она имеет дело с той конкретной духовной действительностью, которая гораздо более богата и более сложна, чем та, которая открывается, например, в индивидуальной человеческой психологии. Именно философия истории берет человека в конкретной полноте его духовной сущности, в то время как психология, физиология и другие области знания, которые тоже имеют дело с человеком, берут его не конкретно, а с отдельных лишь сторон. Философия истории берет человека в совокупности действия всех мировых сил, т. е. в величайшей полноте, в величайшей конкретности. По сравнению с этой конкретностью абстрактны все другие способы рассмотрения человека. Человеческая судьба постигается только в этом конкретном познании философии истории. Человеческая судьба в других научных дисциплинах не рассматривается, так как человеческая судьба есть совокупность действий всех мировых сил. И эта совокупность мировых сил и порождает действительность высшего порядка, которую мы именуем исторической действительностью.

Это – особая и высшая духовная действительность. И хотя в истории действуют и играют крупную роль и материальные силы, и экономические факторы, так что в историческом материализме, который я духовно отрицаю, нельзя не признать частичной истины, но материальный фактор, действующий в исторической действительности, и сам имеет глубочайшую духовную почву. Он является, в последнем счете, духовной силой. Историческая материальная сила есть часть духовной исторической действительности. Вся экономическая жизнь человечества имеет духовный базис, духовно основу. К этому придется еще вернуться, когда я буду по существу говорить о разных вопросах философии истории.

Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке. Между человеком и «историческим» существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно, и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески. И нельзя рассматривать человека вне глубочайшей духовной реальности истории. Я думаю, что «историческое» нельзя, как это в большинстве случаев пытаются делать различные направления в философии истории, рассматривать только как феномен, только как явление внешне воспринимаемого мира, данного нашему опыту, и противопоставлять его в том смысле, в каком противопоставляет Кант, действительности ноуменальной, самой сущности бытия, внутренней сокровенной действительности. Я думаю, что история и историческое не есть только феномен. Я думаю, – и это есть самая радикальная предпосылка философии истории, что «историческое» есть ноумен. В «историческом» в подлинном смысле раскрывается сущность бытия, раскрывается внутренняя духовная сущность мира, а не внешнее только явление, внутренняя духовная сущность человека. «Историческое» глубоко онтологично по своему существу, а не феноменально. Оно внедряется в какую-то глубочайшую

первооснову бытия, к которой оно нас приобщает и которую делает понятной. «Историческое» есть некоторое откровение о глубочайшей сущности мировой действительности, о мировой судьбе, о человеческой судьбе как центральной точке судьбы мировой. «Историческое» есть откровение о ноуменальной действительности. Подход к ноуменально «историческому» возможен через глубочайшую конкретную связь между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой исторических сил. Для того чтобы проникнуть в эту тайну «исторического», я должен прежде всего постигнуть это историческое и историю как до глубины мое, как до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу. Я должен поставить себя в историческую судьбу и историческую судьбу – в свою собственную человеческую глубину. Самой глубине человеческого духа раскрывается присутствие какой-то исторической судьбы. Все исторические эпохи, начиная с самых первоначальных эпох и кончая самой вершиной истории, эпохой нынешней, – все есть моя историческая судьба, все есть мое. Здесь нужно идти по пути прямого противоположения тому пути, по которому идет критическая разрушительная работа в отношении к историческому процессу, которая разобщает человека, человеческий дух и историю и делает их непонятными, враждебными, чуждыми друг для друга. Нужно идти обратным путем, нужно постигать весь исторический процесс не как чужое мне, не как такой процесс, против которого я восстаю, не как навязанное мне, не как давящее меня, поработающее меня, против которого я восстаю и в своей деятельности, и в своем познании, – так можно идти только к зияющей пустоте и зияющей бездне, которая разверзается в истории и в самом человеке. Обратный же путь, по которому нужно идти и на котором можно построить истинную философию истории, есть путь глубокого тождества между моей исторической судьбой и судьбой человечества, так глубоко родной мне. В судьбе человечества я должен опознать мою родную судьбу, и в моей судьбе я должен опознать историческую судьбу. Только таким путем можно приобщиться к внутренней тайне «исторического», открыть величайшие

духовные судьбы человечества. И обратно, только таким путем можно раскрыть в себе самом не пустоту своей уединенности, в противоположении себя всему богатству мировой исторической жизни, а опознать все богатства и ценности в себе самом, соединить свою внутреннюю индивидуальную судьбу с всемирной исторической судьбой. Поэтому настоящий путь философии истории есть путь к установлению тождества между человеком и историей, между судьбой человека и метафизикой истории. Поэтому я и назвал свои чтения: «Судьба человека (метафизика истории)».

История, как величайшая духовная реальность, не есть данная нам эмпирия, голый фактический материал. В таком виде истории не существует и ее опознать нельзя. История опознается через историческую память как некоторую духовную активность, как некоторое определенное духовное отношение к «историческому» в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным. Только в процессе одухотворения и преображения в исторической памяти уясняется внутренняя связь, душа истории. Это также верно для опознания души истории, как верно для опознания души человеческой, потому что личность человеческая, не связанная памятью в нечто единое, не дает возможности опознать душу человеческую как некоторую реальность. Но историческая память, как способ опознания «исторического», неразрывно связана с историческим преданием, вне его не существует и исторической памяти. Отвлеченное пользование историческими документами никогда не дает возможности опознать «историческое». Оно не приобщает к нему. Кроме работы над этими историческими памятниками, работы, конечно, очень важной и необходимой, нужна еще и преемственность исторического предания, с которым связана историческая память. Только здесь завязывается какой-то узел в глубине, связывающей духовную судьбу человека и духовную судьбу истории. Вы не поймете ни одной из великих исторических эпох, будь то эпоха Ренессанса, эпоха расцвета средневековой культуры, зарождения раннего христианства

или период расцвета эллинской культуры, вы не поймете ни одной из этих великих эпох иначе как путем исторической памяти, в откровениях которой узнаете свое духовное прошлое, свою духовную культуру, свою родину. Вы должны переносить свою духовную судьбу во все великие эпохи для того, чтобы постигнуть их. Когда вы берете их только извне, – они для вас внутренне мертвы. Но эта историческая память, которая заставляет нас внутренне приобщиться к «историческому», неразрывно связана с историческим преданием. Историческое предание и есть эта внутренняя историческая память, перенесенная в историческую судьбу. Философия истории есть некоторое одухотворение и преображение исторического процесса. В известном смысле историческая память объявляет жесточайшую борьбу вечности с временем, и философия истории всегда свидетельствует о величайших победах вечности над временем и тлением. Она говорит о победе нетленности. Она есть памятник победы духа нетления над духом тления, историческое познание и философия направлены в сущности не на эмпирическое, – они имеют своим объектом загробное существование. Подобно тому как есть загробный мир, когда говорят об индивидуальном существовании, точно так же, когда мы обращаемся к великому историческому прошлому, это есть обращение к потустороннему миру. Поэтому в исторической памяти, в обращении к прошлому есть всегда какое-то совершенно особое чувство приобщения к другому миру, а не только к той эмпирической действительности, которая нас со всех сторон давит, как кошмар, и которую мы должны победить, чтобы подняться на какую-то новую высоту, к той исторической действительности, которая есть подлинное откровение иных миров. И философия истории есть философия не эмпирической действительности, а философия миров загробных. Когда вы блуждаете в римской Кампании, где произошло таинственное слияние мира загробного с миром историческим, где исторические памятники сделались явлениями природы, вы приобщаетесь к какой-то иной жизни, к тайнам прошлого, к тайнам загробного мира, приобщаетесь

к тайнам мира, в котором вечность побеждает тлен и смерть. Поэтому истинная философия истории есть философия победы истинной жизни над смертью, есть приобщение человека к другой, бесконечно более широкой и богатой действительности, чем та, в которую он ввергнут непосредственной эмпирией. Если бы для индивидуального человека не существовало путей приобщения к опыту истории, то как жалок, пуст и смертен по всему своему содержанию был бы человек! Но человек в своей настоящей жизни не только тогда, когда он строит философию истории – он этим редко занимается, – но и во многих духовных актах своей жизни находит истинную реальность великого исторического мира через историческую память, через внутреннее предание, через внутреннее приобщение судеб своего индивидуального духа к судьбам истории. Он приобщается к бесконечно более богатой действительности, он побеждает этим тленность и малость свою, преодолевает свой бедный и суженный кругозор.

Глава II

О сущности исторического. Метафизическое и историческое

История не есть объективная эмпирическая данность, история есть миф. Миф же есть не вымысел, а реальность, но реальность иного порядка, чем реальность так называемой объективной эмпирической данности. Миф есть в народной памяти сохранившийся рассказ о происшествии, совершившемся в прошлом, преодолевающий грани внешней объективной фактичности и раскрывающий фактичность идеальную, субъект-объективную. Мифология, по глубокомысленному учению Шеллинга, есть первоначальная история человечества. Но помимо мифов, которые уходят в глубину прошлого, различные исторические эпохи насыщены элементами мифотворчества. Каждая великая историческая эпоха, даже и в новой

истории человечества, столь неблагоприятной для мифологии, насыщена мифами, – так, например, Великая французская революция, которая была недавно, при ярком свете рационалистического дня. История о ней насыщена мифами, был создан миф о Великой французской революции; миф этот поддерживался, а не разрушался историками в течение очень долгого периода времени, и только сравнительно позднее историки начали разрушать его, как это сделал Тэн в своей истории революции. Такие мифы существуют об эпохе Ренессанса, об эпохе Реформации, об эпохе средневековья, я не говорю уже о более отдаленных исторических эпохах, когда мысль не была еще просвещена ярким светом разума. Мы не можем понять исключительно объектной истории. Нам нужна внутренняя, глубинная, таинственная связь с историческим объектом. Нужно, чтобы не только объект был историчен, но чтобы и субъект был историчен, чтобы субъект исторического познания в себе ощущал и в себе раскрывал «историческое». Только по мере раскрытия в себе «исторического» начинает он постигать все великие периоды истории. Без этой связи, без собственной внутренней «историчности» не мог бы он понять историю. История требует веры, история это – не простое насилие над познающим субъектом внешних объективных фактов, это есть некоторый акт преобразования великого исторического прошлого, в котором совершается внутреннее постижение исторического объекта, внутренний процесс, роднящий субъект с объектом. При полной оторванности их постижения не может быть. Все это меня привело к тому, что на историческое познание должно быть распространено с некоторыми изменениями платоновское учение о познании как припоминании. Поистине всякое проникновение в великую историческую эпоху тогда лишь плодотворно, тогда есть подлинное познание, когда оно есть внутреннее припоминание, внутренняя память всего великого, совершившегося в истории человечества, какое-то глубинное соединение, отождествление того, что совершается внутри, в самой глубине духа познающего, с тем, что было когда-то в истории, в разные исторические эпохи.

Каждый человек по своей внутренней природе есть некий великий мир – микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все великие исторические эпохи; он не представляет собой какой-то отрывок вселенной, в котором заключен этот маленький кусочек, он являет собой некоторый великий мир, который может быть по состоянию сознания данного человека еще закрытым, но по мере расширения и просветления его сознания внутренне раскрывается. В этом процессе углубления сознания раскрываются все великие исторические эпохи, вся история мира, с которой имеет дело историческая наука, проводящая все через критику памятников, исторических писем, археологии и т. п. Но если есть внешний повод, толчок, исходная точка для какого-то глубинного припоминания, человек должен в самом себе познать историю, постигнуть ее, раскрыть, например, глубочайшие пласты эллинского мира, чтобы поистине постигнуть историю Греции, историк должен раскрыть в себе глубинные пласты мира древнееврейского, чтобы постигнуть эту историю. Итак, можно сказать, что в этом микрокосме заключены все исторические эпохи прошлого и этого человек не может в себе задумать пластами времени и ближайшей исторической жизни; это может быть прикрыто, но никогда не может быть окончательно задавлено. Этот процесс внутреннего просветления и внутреннего углубления должен привести к тому, что через эти пласты человек прорвется внутрь, в глубь времен, потому что идти в глубь времен – значит идти в глубь самого себя. Только в глубине самого себя человек может найти настоящим образом глубину времен, потому что глубина времен не есть что-то внешнее, чуждое человеку, извне ему данное, извне ему навязанное, глубина времен есть глубочайшие сокровенные пласты внутри самого человека, пласты лишь прикрытые, лишь оттесненные узостью сознания на второй или третий план. Исторические мифы имеют глубокое значение для этого процесса припоминания; в историческом мифе дан передающийся в народной памяти рассказ, помогающий припомнить в глубине человеческого духа какой-то внутренний пласт, связанный с глубиной

времен. Процесс отчуждения субъекта от объекта, который создается просветительской критикой, критикой сознания, может дать материал для исторического познания, но, поскольку он убивает миф и отрывает глубину времен от глубины человека, он отрывает человека и от истории. Все это приводит нас к переоценке и новой оценке значения предания для внутреннего постижения истории. Это историческое предание, которое историческая критика думала разрушить, является путем для великого сокровенного акта припоминания, и, поистине, в предании историческом человек имеет не внешний импульс, не внешне навязанный факт, чуждый ему, а внутренний, сокровенный, скрытый внутри таинственной жизни, в котором он узнает самого себя, с которым он связан в неразрывное целое. Это вовсе не значит, что предание не подлежит исторической критике и что всякое предание в том виде, в каком оно существует, должно приниматься безапелляционно, на веру и на нем должна останавливаться историческая наука, – я не это хочу сказать, – я думаю, что историческая критика очень многое сделала в области критики предания, имеющего характер объективно-непреложный и объективно-научный, что восстанавливать традиционную историю, покоящуюся на предании, нет основания. Я хочу сказать, что в предании есть внутренняя ценность, указывающая не на то, что все так произошло, как говорится, например, в предании об основании Рима – предании, которое было разрушено Нибуром и последними историками, а на то, что в предании, сохранившемся в народной памяти, скрыт какой-то намек, символика исторических судеб этого народа, имеющая первостепенное значение для построения философии истории и для постижения внутреннего ее смысла. Историческое предание есть нечто большее, чем познание исторической жизни, потому что в символическом предании раскрывается внутренняя жизнь, глубина действительности, преемственно связанная с тем, что раскрывает человек путем внутреннего духовного самопознания. Эта связь предания с тем, что раскрывается в самопознании, представляется в высшей степени ценной. Внешние факты истории имеют огромное

значение. Но гораздо большее значение имеет для построения философии истории эта внутренняя таинственная жизнь, не прерывающаяся и во внешней текучей длительности, – и именно она говорит нам, что история дана нам не извне, а изнутри, и мы в конце концов, воспринимая историю, конструируем ее в большей зависимости и большей связи с внутренними состояниями нашего сознания, внутренней его широтой и внутренней его глубиной. И вот то состояние сознания, самопознания, которое постулирует и предполагает историческая критика и объективная историческая наука как единственно верное, есть состояние сознания очень суженное и выброшенное на поверхность. В этом – абберрация исторической критики; многое кажется объективным, неопровержимым, убедительным в этой критике лишь для первоначального поверхностного пласта сознания, но когда переходишь в глубину, когда расширяешь сознание, то видишь, что это не есть истинное сознание и что глубина лежит внутри исторической действительности. Когда вы читаете научную книгу по истории, скажем по истории древних народов, то ясно чувствуете, что из истории культуры этих народов окончательно вынута душа, вынута внутренняя жизнь, что вам дается какой-то внешний снимок, внешний рисунок. Все это приводит к тому выводу, что так называемая историческая критика есть лишь один момент в развитии истории, через который проходит человек в своем познании, один из моментов, не самых существенных и менее всего глубоких, после которого человек вступает в какой-то совершенно другой период, в какие-то другие отношения к историческому процессу. Тогда меняется и по-новому осмысливается то внутреннее предание, тот внутренний миф истории, который в период исторической критики был отвергнут.

Темой истории, как я уже говорил с самого начала, является судьба человека в земной человеческой жизни, и эта судьба человека, осуществляющаяся в истории народов, постигается прежде всего как судьба человека в духе познающего. История мира, история человечества свершается не только в объекте, не только объективно свершается в макрокосме, но

свершается и в микрокосме. Вот эта связь постижения истории в микрокосме с постижением истории в макрокосме, столь необходимая для метафизики истории, предполагает исключительное сближение и особое отношение между историческим и метафизическим. Противоположение исторического и метафизического, которое является преобладающим пониманием в течение долгого периода в науке и философии, а также и в некоторых формах сознания религиозного, как, например, в сознании индусском, не предполагает возможности явления метафизического в историческом, возможности того, что исторический факт не есть только внешний, эмпирический факт, который методологически должен быть всегда противопоставлен всему метафизическому. Другая точка зрения предполагает, что метафизическое может непосредственно перейти в историческое и в нем быть явлено. Эта точка зрения, как мы увидим дальше, особенно благоприятная для построения философии истории, предполагает какой-то центр истории, где метафизическое и историческое соединены. Только в христианской философии истории, как я постараюсь показать, поистине сближается и отождествляется метафизическое и историческое. То понимание предания, о котором я говорил как об источнике глубочайшего познания исторической действительности и духовной действительности, есть принятие его как внутренней жизни познающего духа, а не как авторитета. Чуждость человеческого духа этому преданию означала бы внешнюю навязанность предания. Поистине должно быть такое отношение к преданию: оно есть некоторая свободная, духовная преемственная связь внутри человека, оно значит не нечто трансцендентное, навязанное человеку, а имманентное. Только такое понимание предания есть истинное, дающее возможность построения философии.

Теперь подойдем с новых сторон, с новых точек зрения к вопросу о сущности исторического. Я ставлю вопрос: каким образом в истории человеческого сознания, в истории человеческого духа конструировалось «историческое»? Каким образом человеческое сознание пришло к тому, что осознало

историческое свершение, исторический процесс? Каким образом впервые пришло сознание, что история свершается, что есть особая реальная действительность, которую мы именуем историческим миром, историческим движением, историческим процессом? Для этого мы должны обратиться к миру эллинскому и миру еврейскому. Поистине нужно сказать, что в основе европейского сознания заложены эти два начала: начало эллинское и начало еврейское; из их сочетания образовался мир христианский, который органически соединил в себе два великих мира нашего прошлого и открыл новую жизнь. Я думаю, что для всякого изучающего историю должно быть ясно, что эллинской культуре, эллинскому миру, эллинскому сознанию было чуждо сознание истории. Понятие исторического свершения в эллинском мире не существовало; величайшие греческие философы не могли подняться до сознания исторического свершения, у величайших греческих философов нельзя найти философии истории; ни у Платона, ни у Аристотеля, ни у одного из величайших греческих философов нельзя найти понимания истории. Я думаю, что это глубочайшим образом связано с греческим мироощущением, с эллинским восприятием мира. Греки воспринимали мир эстетически, как завершенный и гармонический космос; величайшие греки, в которых наиболее выразился греческий дух в его силе, а не в слабости, воспринимали мироздание статически, как некоторое классическое созерцание соразмерности космоса. Это характерно для всех греческих мыслителей, они не могли воспринять исторического процесса, исторического свершения, — он не имел исхода, не имел конца, не имел начала, в нем все повторяется, все находится в вечном круговороте, в вечном возвращении. Эта цикличность процесса характерна для греческого мирозерцания, оно представляло себе движение истории как круговорот. Эллинское сознание всегда было обращено не к грядущему, в котором завершается история, в котором должен быть центр истории и выход, а к прошлому. Для греческого сознания характерно было созерцание законченного гармонического состояния, которое они никогда не связывали с будущим.

Поэтому для греческого сознания не было того отношения к будущему, которое сделалось бы исходной точкой восприятия исторического процесса и сделало бы возможным сознание истории как некоторой совершающейся драмы. История, поистине, есть драма, имеющая свои акты от первого до последнего, имеющая свое начало, свое внутреннее развитие, свой конец, свой катарсис, свое свершение. Это понимание истории как трагедии было чуждо эллинскому сознанию; сознание исторического свершения нужно искать не в эллинском мире, а в сознании и духе древнего Израиля. Идея исторического внесена в мировую историю евреями, и я думаю, что основная миссия еврейского народа была внести в историю человеческого духа это сознание исторического свершения, в отличие от того круговорота, которым процесс этот представлялся сознанию эллинскому. Для сознания древнееврейского процесс этот всегда мыслился в связи с мессиянством, в связи с мессиянской идеей. Сознание еврейское, в отличие от эллинского, было всегда обращено к грядущему, к будущему: это – напряженное ожидание какого-то великого события, разрешающего судьбы народов, судьбу Израиля. Всю мировую судьбу еврейское сознание мыслило не как замкнутый круговорот. Идея истории приурочена к тому, что в грядущем будет какое-то событие, разрешающее историю. Этот характер построения исторического процесса конструировался впервые в еврейском сознании; здесь впервые появляется сознание «исторического», и поэтому философию истории надо искать не в истории «греческой» философии, а в истории еврейства. Такой философией истории была книга пророка Даниила; в этой книге чувствуется процесс в человечестве как некая драма, которая ведет к определенной цели. Толкование Даниилом сна Навуходоносора есть первая в истории человечества попытка создать схему истории, которая иотом повторялась и дальше развивалась в христианской философии истории. У пророка Иереми был тот взгляд на историю, что Бог карает народы. Иеремия любил Навуходоносора как Божье орудие. Этот профетизм еврейского сознания, это обращение к грядущему конструировало не

только философию истории, оно конструировало «историческое». В то время как эллинскому миру было свойственно гармоническое созерцание космоса, миру еврейскому было чуждо это созерцание космоса, пребывающего неподвижно; еврейскому миру дано было открыть историческую драму человеческой судьбы, драму, основанную на свершении какого-то великого события в судьбе еврейского народа и вместе с тем в судьбе всего человечества. Это – древнееврейская мессианская идея, свойственная исключительно еврейскому народу. Мессианская идея и есть специфическая идея, которую еврейский мир внес в историю человеческого духа.

Я хотел бы привести несколько параллелей для пояснения моей мысли. С чем связано то, что греки, которые внесли величайшие откровения в историю человеческого духа, не знали и не понимали истории, не знали и не понимали «исторического»? Я думаю, что связано это с тем, что эллинский мир не знал по-настоящему свободы, – ни в греческой религии, ни в греческой философии не раскрывалась подлинно свобода. Античная покорность судьбе есть наиболее характерная черта для духовного образа эллинского мира, эллинского сознания. Этому миру было чуждо сознание свободы, творящего субъекта истории, без которого история невозможна, невозможно ни свершение, ни восприятие ее. Это связано с тем, что в эллинском мире форма всегда преобладала над содержанием; в эллинском искусстве, в эллинской философии, политике, во всех областях эллинской жизни начало совершенства формы, начало оформления преобладало над началом материи, над содержанием, с которым связано иррациональное начало человеческой жизни. Это иррациональное начало и есть начало свободы, которое позже было внесено в мир христианством. В христианском мире раскрывается содержание, а не форма, раскрывается иррациональное начало и из этого и в связи с этим раскрывается та человеческая свобода и тот свободный творящий субъект, без которого невозможно постижение исторического процесса. В христианском сознании, в связи с еврейским сознанием, поскольку еврейское сознание конструи-

рует «историческое», раскрывается та свобода зла, без которой нельзя ни воспринять, ни постигнуть исторического процесса, потому что, поистине, если бы не было свободы зла, связанного с основными началами человеческой жизни, если бы не было этого темного начала, то не было бы и истории, и мир начался бы не с начала, а с конца, с того совершенного царства Божия, которое мыслится как совершенный космос в форме совершенного добра, совершенной красоты. Но не с этого совершенного космоса началась история мира, потому что история мира началась со свободы, со свободы зла. Таково было зачатие великого исторического процесса. И не в связи с сознанием эллинским, которое прежде всего было направлено на совершенство формы космоса, раскрылась история. Я думаю, что для чисто отвлеченного арийского сознания, для арийского монизма всегда несоединимы «историческое» и «метафизическое». Не случайность, что такие мыслители нашего времени, которые считают себя представителями чисто арийского духа, как Чемберлен и Дреус, философ Гартмановской школы, интересные и своеобразные, устанавливают глубочайшую противоположность метафизического и «исторического». Вся их критика семитического элемента в христианстве основана на том, что они в христианстве видят незаконное соединение метафизического и «исторического», – признания, что в исторические факты метафизическое вошло, воплотилось, влилось, что метафизическое неразрывно связано с историей. Это чисто арийское сознание обращено даже не к эллинской форме арийской культуры, а к индусской, более первоначальной и, может быть, более строгой, чистой форме арийского духа, и там, в этом индусском сознании, ищет чистого выражения метафизического, совершенно свободного, незапятнанного, без всякой примеси «исторического». Индусское сознание есть самое антиисторическое из всех сознаний мира, и судьба индусская есть самая неисторическая из всех судеб. Все, что было наиболее глубокого в Индии, не было связано с историей; там не было настоящей истории, не было настоящего исторического процесса; духовная жизнь индусскому народу представляется

прежде всего как индивидуальная духовная жизнь, как индивидуальная духовная судьба, в глубине которой раскрывается высший мир, раскрывается Божество, особым путем, не связанным никакими нитями с судьбой исторической. Историческое и метафизическое индусы противопоставляют; отворачивание и отвлечение от исторической действительности, от исторической судьбы есть гарантия чистоты сознания для индусского духа, потому что всякая связанность затемняет дух. Эта несоединимость «исторического» и метаисторического приводит к восприятию истории лишь как внешнего сцепления феноменов, не имеющих никакого внутреннего плана, внутреннего смысла. Это – внешний эмпирический мир, низшая действительность, низший порядок, который нужно преодолеть и от которого нужно отрешиться для того, чтобы войти в истину метафизического, в истину высшего духовного мира, на котором почил печать духа. Это – чисто арийский монизм, который обыкновенно противопоставляют дуализму сознания еврейского и сознания христианского.

Философия истории, по историческому своему происхождению, имеет неразрывную связь с эсхатологией, она объясняет нам, почему историческое зародилось в еврейском народе. Эсхатология есть учение о конце истории, об исходе, о разрешении мировой истории. Эта эсхатологичная идея совершенно необходима для того, чтобы была осознана и конструирована идея истории, для осознания свершения, движения, имеющего смысл и завершение. Без идеи исторического завершения нет восприятия истории, потому что история по существу – эсхатологична, потому что она предполагает разрешающий конец, разрешающий исход, предполагает катастрофическое свершение, где начинается какой-то новый мир, новая действительность, а не та, которая раскрывалась греческому сознанию, чуждому эсхатологии. Исторически это подтверждается тем, что из всех народов древнего мира чувство истории и исторической судьбы было кроме еврейского народа только у персов. Это был единственный арийский народ, которому было дано сознать «историческое», и это связано с тем, что у

персов в их религиозном сознании очень силен момент эсхатологический, апокалиптика, которая имела сильное влияние на апокалиптику еврейскую. Персии принадлежит первенство в раскрытии момента эсхатологического. Это – единственный из народов, кроме еврейского, для которого историческая судьба раскрывалась в перспективе разрешающего конца. Борьба Ормузда и Аримана разрешается катастрофой, после которой кончается история и начинается уже что-то иное. Без этой перспективы конца процесс не может быть воспринят как историческое движение. Движение без перспективы конца, без эсхатологии не есть история, оно не имеет внутреннего плана, внутреннего смысла, внутреннего свершения. В конце концов, движение, которое не идет к разрешающему концу и не имеет его, так или иначе срывается на движение круговое. Поэтому упразднение самого смысла исторического процесса делает невозможным и его восприятие.

Если в еврейском народе впервые была осознана возможность философии истории, то настоящая философия истории, как особая область духовного познания и особая форма духовного восприятия мира, свойственна лишь миру христианскому, христианскому сознанию. Христианству, в котором произошло воссоединение всех откровений мира, эллинского мира и мира еврейского, свойственна была неведомая древнему миру, быть может и самому еврейскому миру, особая историчность. Одна из самых интересных и глубоких мыслей Шеллинга – это мысль о том, что христианство в высшей степени исторично, что христианство есть откровение Бога в истории. Между христианством и историей существует связь, какой не существует ни в одной религии, ни в одной духовной силе мира. Христианство внесло исторический динамизм, исключительную силу исторического движения и создало возможность философии истории. Я утверждаю, что христианство создало не только ту философию истории, которая называется христианской в вероисповедном смысле, как философия истории Бл. Августина или Боссюэта, но и все последующие философии истории вплоть до философии истории Маркса, который с присущим

ему историческим динамизмом так характерен для христианского периода истории. Христианство внесло динамизм, потому что оно внесло идею однократности, неповторимости событий, что миру языческому было недоступно. Там была идея многократности, повторяемости событий, которая делала невозможным восприятие истории, между тем как однократность, неповторяемость и единичность, которую внесло в историческую действительность христианское сознание, связаны с тем, что для христианского сознания в центре мирового процесса и исторического процесса стоит некоторый факт, совершившийся однократно, типичный, неповторяемый, единственный, ни с чем не сравнимый, ни на что не похожий, однажды бывший и не могущий повториться, факт исторический и вместе с тем и метафизический, т. е. раскрывающий глубины жизни, – факт явления Христа. История есть свершение, имеющее внутренний смысл, некая мистерия, имеющая свое начало и конец, свой центр, свое связанное одно с другим действие, история идет к факту – явлению Христа и идет от факта – явления Христа. Этим определяется глубочайший динамизм истории, движение истории к сердцевине мирового процесса и движение ее от сердцевины этого процесса. Эллинскому миру никогда не раскрывалась возможность такого понимания, он не знал такого исторического и вместе с тем метафизического факта. Для эллинского мира во временном процессе истории не раскрывалось божественное. Истина, божественная ценность, божественная гармония раскрывались эллинскому сознанию лишь в вечной природе. Греки не знали исторического движения, мчащего все миры к катастрофическому факту. История возможна только тогда, тогда только возможно восприятие истории, если мировой процесс воспринимается как процесс катастрофический. Восприятие истории как катастрофического процесса предполагает некоторый центр, в центре этом дан исторический факт и вместе с тем раскрывается божественное, внутреннее делается внешним, воплощаемым. Это как раз то, что было чуждо сознанию эллинскому и совершенно чуждо глубокому духовному сознанию Индии, потому что именно в

Индии не было этого напряженного предчувствия такого великого центрального события в истории. Для Индии все великое в духовной жизни раскрывается лишь в индивидуальной глубине человеческого духа. Христианство впервые внесло в сознание то понятие свободы, неведомое эллинскому миру, которое было также необходимо для конструирования истории и философии истории. Без понятия свободы, определяющего драматизм исторического процесса и трагизм его, невозможно понимание истории, потому что трагизм рождается из свободы, из действенной свободы, из свободы зла, свободы тьмы. Это определяет драматическую борьбу в истории, драматическое движение истории, которого нет для того сознания, которое мыслит всякое добро, всякую красоту и всякую истину как божественно необходимую. Так мыслило эллинское сознание. Христианство дало историю, дало идею истории тем, что оно впервые признало до конца, что вечное может иметь выход во временном; в христианском сознании вечное и временное пребывают нераздельно: вечное входит во временное, временное – в вечное. В греческом сознании временное было круговоротом – христианство произвело прорыв, оно преодолело идею круговорота, утвердило свершение истории во времени, раскрыло смысл истории. Христианство внесло динамизм и то освобождающее начало, которое создало эту бурную, бунтующую историю западных народов, которая и сделалась историей по преимуществу. Судьба христианских народов по сравнению с судьбой народов нехристианских, древних или современных, есть по преимуществу судьба, связанная со всеми крупными событиями истории, с самым центром истории. Это – связано с той свободой, которую внесло христианство, и с тем динамизмом, который оно внесло в силу однократности фактов метафизических и исторических. Оно внесло напряженность исторического процесса, которая нехристианским народам, за исключением народа еврейского, несвойственна, особенную напряженность, особенный внутренний драматизм, особенный темп истории. Образовался особенный великий христианский мир – динамический, в от-

личие от мира античного, который, по сравнению с ним, был миром статическим. Античный статический мир был связан с имманентным чувством бытия и жизни: для античного сознания, для античного чувства жизни существовал лишь замкнутый купол небес, под которым и внутри которого протекала вся человеческая жизнь; трансцендентный прорыв и трансцендентные дали этому миру не раскрывались, вся красота, вся красота жизни духовной и божественной раскрывалась лишь имманентно, в природном круговороте. В христианском мире разверзаются, раскрываются дали, разверзается купол неба и устремленность в даль создает динамизм истории, драму истории, в которую вовлечены и те люди и народы, которые отпили от христианского сознания, но остались, по своей судьбе, христианами, остались историческими. Поэтому, я думаю, что тот исторический бунт, который свойственен веку XIX и XX и который сопровождается отпадением от христианства и потерей христианского света, все же связан с христианством и родился на христианской почве. Этот динамизм христианства, эта свобода христианства, разрывающая грани, это иррациональное начало, связанное с содержанием жизни, определяют исторический процесс. Христианский динамизм, христианская историчность несвойственны никакому другому сознанию. Только христианство признало общую конечную цель человечества, создало единство человечества и этим создало возможность философии истории. Историческая действительность предполагает, как я уже несколько раз отмечал, иррациональное, которое делает возможным динамизм, потому что без этого иррационального начала, как начала бурлящего, как начала, подлежащего оформлению, вызывающего борьбу света и тьмы, как столкновения противоположностей, без этого начала невозможна история, невозможен истинный динамизм. Это иррациональное начало нужно понимать не в том смысле, в каком его понимает Риккерт, не в гносеологическом смысле, противопоставляющем индивидуальное как иррациональное, общему как рациональному, а в каком-то другом, онтологическом смысле, в смысле признания иррационального начала в

самом бытии, в смысле того иррационального начала, без которого невозможна свобода и невозможен динамизм.

История предполагает Богочеловечество. Характер религиозного и исторического процесса предполагает глубочайшее столкновение и взаимодействие Божества и человека, Божественного Промысла, Божественного фатума, Божественной необходимости и неизъяснимой, таинственной человеческой свободы. Если бы действовало только одно начало, одно начало природной необходимости, или только одно начало Божественной необходимости, или только одно человеческое начало, не было бы драмы истории, не было бы той разыгрывающейся трагедии, которая, поистине, есть глубочайшее столкновение, взаимодействие и борьба Божества и человечества на основе свободы. Тут есть непримиримые начала, антиномии, противоположности. И только христианским сознанием это было внесено в историю человеческого духа. Без свободы духа человеческого как начала самобытного, не сводимого ни к Божественной свободе, ни к Божественной необходимости, как начала иррационального и необъяснимого не было бы мировой истории. Если бы существовала только Божественная свобода, Божественная необходимость или если бы существовала только природная необходимость, то истории, в истинном смысле этого слова, не было бы, она не зародилась бы. Существование одной лишь Божественной необходимости, одного Божественного начала, одной Божественной свободы привело бы к тому, что история началась бы с царства Божия и потому истории не было бы. Существование одной природной необходимости привело бы к бессмысленному сцеплению внешних фактов, в которых не было бы внутреннего свершения, осмысленной драмы, осмысленной трагедии, влекущей к какому-то разрешающему концу. Поэтому всякая монистическая философия, чистый монизм, который признает существование одного только начала, неблагоприятен для построения философии истории, для восприятия динамизма истории. Чистый монизм по существу своему антиисторичен и склонен всегда к отрицанию человеческой свободы, к отрицанию того, что в основе

истории, как ее религиозно-метафизическое а priori, лежит эта иррациональная свобода зла.

Хотелось бы сделать еще несколько замечаний, которые с новых сторон подтверждают мои основные положения, мое основное понимание философии истории. Прежде всего, я хотел бы указать на то, что существует ложное и очень распространенное в современном сознании отношение к историческому процессу, которое делает его мертвым и внутренне невосприимчивым. Одна из лжей современного сознания – антиисторическое и анархическое, бунтующее отношение к историческому процессу, когда индивидуум, личность, почувствовав оторванность и отъединенность от всего «исторического», разрыв с ним, восстает против исторического процесса, как против насилия. Но это, в конце концов, есть состояние не освобождающее, а рабье, потому что тот, кто бунтует и восстает против великого, Божественного и человеческого содержания истории, сознает его не как собственное, внутреннее, в нем раскрывающееся, а как ему навязанное извне. Такое бунтующее анархическое отношение основано на рабском сознании духа, а не на свободе духа. Свободен духом тот, кто перестал ощущать историю как внешне навязанную, а начал ощущать историю как внутреннее событие в духовной действительности, как свою собственную свободу. Только такое, поистине свободное и освобождающее отношение к истории и дало возможность понять историю как внутреннюю свободу человека, как момент небесной и земной судьбы человека. В ней человек проходит свой особый, страстотерпческий путь, в котором все великие моменты истории, самые страшные, самые страдальческие, оказываются внутренними моментами этой человеческой судьбы, ибо история есть внутреннее, полное драматизма свершение судьбы человека. И те увидят только пустоту в истории, а не истину, которые не пожелают признать в процессе истории этой великой человеческой судьбы, которые видят в ней лишь внешнее, навязанное извне.

Поистине, в истории сочетаются два элемента, два момента, без которых история невозможна, – момент консерва-

тивный и момент творческий. Процесс истории невозможен без сочетания того и другого момента. Под консервативным моментом я понимаю связь с духовным прошлым, внутреннее предание, принятие из этого прошлого того, что в нем есть наиболее священного. Также невозможно восприятие истории и без момента динамически-творческого, без творческого продолжения, завершения истории, творческого устремления к разрешению истории. Таким образом, должна быть внутренняя связь с прошлым, глубочайшее обращение к памятникам прошлого и дерзновение творческого почина. Отсутствие одного из этих элементов – или момента консервативного, или момента творческого, динамического – уничтожает существование истории. Чистый, отвлеченный консерватизм отказывается продолжать историю, он говорит, что все уже завершилось, что теперь все подлежит лишь охранению. Такое отношение к истории делает невозможным ее восприятие. Связь с прошлым, с тем, что было священного в прошлом, есть связь с творческой динамической жизнью; верность заветам прошлого есть верность заветам творческой динамической жизни наших предков; поэтому связь, внутренняя связь с предками, с родиной, со всем священным есть всегда связь с творческим динамическим процессом, обращенным к грядущему, к разрешению, к исполнению, к созданию нового мира, новой жизни, к соединению этого нового мира со старым прошлым миром; происходит оно в вечности, в каком-то внутреннем, едином историческом движении, творческом динамическом движении, совершается воссоединение в жизни вечной. Такое понимание исторического процесса, в котором совершается соединение временного и вечного, сближается и отождествляется историческое и метафизическое, то, что нам дано в исторических фактах, в историческом воплощении и что раскрывается в глубочайшей духовной действительности, приводит к соединению истории земной с историей небесной.

Что нужно понимать под историей небесной? В небесной истории, в глубинах внутренней жизни духа предопределяется та история, которая раскрывается и разворачивается в земной

жизни, в земной человеческой судьбе, в земной исторической судьбе человечества, в том, что мы называем земной историей. Это – пролог на небе, подобно тому прологу, с которого начинается гетевский Фауст. Сама судьба Фауста есть судьба человека, и этим прологом на небе предопределилась земная судьба человечества. Философия истории должна быть метафизикой истории с раскрытия того пролога на небе, которым определяются исторические судьбы, с раскрытия внутренней духовной истории, потому что небо – есть наше внутреннее духовное небо. Это и будет раскрытием той истинной связи между историческим и метафизическим, в которой я вижу глубочайшее значение всякой христианской философии истории. Она преодолевает разрыв и противоположность, она познает величайшее соединение, сближение и отождествление, таинственное преосуществление, таинственное преобразование одного в другое – небесного в земное, исторического в метафизическое, внутреннего во внешнее. Философия истории, попытка осмыслить исторический процесс есть некоторое пророчество, обращенное назад, подобно пророчеству, обращенному вперед, потому что, поистине, в философии истории раскрывается не объективная данность, не восприятие фактичности исторического процесса, а пророческое проникновение в прошлое, которое есть также и проникновение в будущее, потому что метафизическая история прошлого раскрывается как будущее, а будущее раскрывается как прошлое. Разрыв между ними повергает нас в тьму, делает для нас недоступным восприятие исторического процесса. Этот разрыв совершается всеми теми, которые чувствуют себя оторванными от великого исторического прошлого и не ведают великого исторического будущего, которые чувствуют это великое историческое прошлое как им навязанное и чувствуют историческое будущее как для них страшное в своей неведомости, непостижимости и непознаваемости, потому что будущее – непознаваемо. Этому нужно противопоставлять искание в исторической судьбе связи с собственной человеческой судьбой, которое в вечности связывает прошлое с будущим. Так раскрываются внутренние

духовные силы истории, которые закрыты для того, кто статический момент, статическое восприятие настоящего превращает в статическое восприятие прошлого и будущего. Ложно то восприятие прошлого и будущего, которое воспринимает их не динамически, не в их внутренней динамической связи, не в их внутренней и духовной связанности и завершении, а воспринимает их в оторванности, абстрактности, неконкретности, воспринимает какую-то мертвую точку. Поэтому такое отношение к историческому процессу, как бы оно ни казалось эволюционным, в сущности является глубоко статическим восприятием, потому что статическое состояние того настоящего, в котором находится познающий субъект, оторвавший себя от прошлого и будущего и вырвавший себя из внутренней преемственности движения, из внутреннего свершения в прошлом и будущем, и связанный этим настоящим, мешает постигнуть и настоящее и делает прошлое не живым, а мертвой эволюцией, мертвым внешним движением. История останавливается и застывает в прошлом. Только пророческое отношение к прошлому в истории приводит ее в движение, так же как пророческое отношение к грядущему связывает его с настоящим и прошлым в каком-то внутреннем полном духовном движении. Только пророческое отношение к истории может оживить омертвевшую историю, в мертвую статику влить внутренний огонь духовного движения.

Человеческая судьба есть не только земная, но и небесная судьба, не только историческая, но и метафизическая судьба, не только человеческая, но и Божественная судьба, не только человеческая драма, но и Божественная драма. Мертвую эволюцию, мертвое движение сделать живым, движущим, сделать внутренне духовным может только пророческое обращение к истории, к прошлому. Смысл этого кажется мне понятным после всего того, что я сказал. Основной вывод всех моих чтений о сущности истории, о сущности философии истории тот, что не может быть противополжения человека и истории, духовного мира человека и великого мира истории. Такое противополжение есть омертвление человека и омертвление истории.

Метафизика истории, к которой мы должны стремиться, рассказывает не об истории как об объекте внешнем, объекте и предмете познания, который остается для нас объектом внешнего предметного мира; метафизика истории есть вхождение в глубину истории, во внутреннее ее существо, это есть раскрытие истории, сама она, ее внутренняя жизнь, ее внутренняя драма, ее внутреннее движение и свершение; она имеет дело с субъект-объектом. Таким духом тождества исторического субъекта и объекта проникнуты мои чтения по метафизике истории. При таком понимании истории одно из заблуждений, одна из aberrаций сознания должна быть разрушена, это – обычный взгляд на разорванность, противоположность истории «посюстороннего» и «потустороннего». Эта aberrация сознания получается оттого, что мы на зарю человечества, на историю первоначального человечества переносим наше время. Мы проводим резкую черту между историческим и метафизическим, между земной историей и небесной историей, которая не соответствует подлинной действительности, которая есть лишь абстракция нашего сознания. Поистине, на заре человеческой истории, которая отражалась в Библии и в мифологии (мифология, по учению Шеллинга, есть первоначальная история человечества), все свершающееся не есть какой-то момент в историческом процессе во времени, подобном нашему времени, на нашей земле; в далекой глубине истории стерты границы между небесным и земным. В библейской мифологии рассказывается и о земной исторической судьбе человечества, и о небесной судьбе, о мифологической истории человечества; грани между небесным и земным оказываются стертыми, как вообще они стерты в первоначальной истории человечества. Лишь позже они отвердели и появился разрыв земного и небесного. На этом мы строим первоначальную историю, между тем как внутреннее, сокровенное может быть понято и осознано только в предположении, что не было этой отверделости, не было этих границ и что первый этап земной судьбы человечества зарождался на небе, зарождался в какой-то духовной действительности, которая вместе с тем была действительностью

исторической, с которой имеет дело историческая наука, с которой имеет дело археология, о которой говорят памятники, проходящие через историческую критику. Метафизика истории имеет дело с судьбой человека во внутренней близости и во внутреннем тождестве небесной и земной судьбы его.

Глава III

О небесной истории. Бог и человек

Небесная история и небесная судьба человека определяют земную судьбу и земную историю человека. Есть пролог на небе, в котором задана мировая история, поставлена тема ее. Что представляет собой эта небесная история? Это и есть истинная метафизическая основа истории. Небо и небесная жизнь, в которой зачат исторический процесс, есть ведь не что иное, как глубочайшая внутренняя духовная жизнь, потому что, поистине, небо – не только над нами и не только в каком-то отдалении от нас, как трансцендентная сфера, почти недостижимая, – небо есть и самая глубочайшая глубина нашей духовной жизни. Когда мы идем в эту глубину от поверхности, то, поистине, соприкасаемся мы с жизнью небесной. В этой глубине заложен духовный опыт, отличный от земной действительности, как более глубокий слой бытия, более обширный по захватываемым им планам. Этот глубинный слой и является источником истории. История имеет источник во внутренней духовной действительности, в том опыте человеческого духа, в котором человеческий дух уже не является чем-то отдаленным и противоположаемым духу божественному, а в котором он непосредственно с ним соприкасается, в котором раскрывается драма взаимоотношений между Богом и человеком. Небесная действительность в этом смысле и есть та глубочайшая действительность, в которой поставлена тема об отношениях между Богом и человеком, об отношениях человека к абсолютному источнику жизни. Это отношение человека к

Богу и абсолютному источнику жизни и есть глубинная сфера, в которой зачата история, в которой скрыто зерно ее, в которой предопределен в основном всемирно-исторический процесс. Если история не есть лишь внешний феномен, если она имеет какой-то абсолютный смысл и связь с абсолютной жизнью, если в ней есть подлинно онтологическое, то это значит, что она должна начинаться и совершаться в недрах Абсолютного, т. е. в тех недрах бытия, с которыми соприкасается, в своей последней глубине, духовная жизнь и духовный опыт.

А это значит, что если таким образом смотреть на предопределение исторического процесса глубиной духовной жизни, т. е. тем, что я называю небесной жизнью, то нам приходится признать движение истории как зачатое в недрах Абсолютного, в самой Божественной жизни. Сама Божественная жизнь в каком-то глубочайшем, сокровеннейшем смысле есть история, есть историческая драма, историческая мистерия. Вот этот характер драмы и мистерии, движущей и совершающей историческую судьбу в жизни Божественной, отрицает только последовательный и совершенно отвлеченный монизм. Лишь отвлеченный монизм мыслит Божество как совершенно неподвижное, как совершенно противоположное всякому процессу, всякому драматическому действию, всякой внутренней трагедии страстей, столкновений глубочайших духовных сил. Такой абсолютный отвлеченный монизм относит всякое движение лишь к несовершенному множественному миру, который есть мир феноменальный, мир эмпирический, мир не подлинной реальности, а мир вторичный, лишь являющийся, в котором движется множественность, в котором происходят трагические конфликты, порождающие историческую судьбу. Монизм мыслит такой мир лишь как иллюзорный и кажущийся, а не подлинный бытийственный. Движение связано лишь с миром относительным и не распространяется на мир абсолютный, на самую глубину жизни Божества.

Такой последовательный монизм, совершающий разрыв между глубиной духовной жизни, между природой Божества и между миром, который множествен, весь находится в проти-

воречиях и в движении и весь захвачен свершением истории, заключает в себе непреодолимую внутреннюю порочность. Свойства исторической судьбы этого внутреннего мира оказываются не только ни в каком смысле не переносимы в самую глубину подлинной Божественной жизни, но и ни в каком смысле с ней не связаны. Ни одна из форм последовательного отвлеченного монизма не в состоянии внутренне объяснить само происхождение множественного мира. Непостижимо, как в недрах абсолютной жизни неподвижного и единого Божества, к которой неприменима никакая форма исторического движения, на которую непереносимо никакое начало множественности, никакие конфликты, никакие столкновения, как в так понимаемой абсолютной жизни, можно объяснить возникновение и начало того множественного тварного мира, в котором свершается исторический процесс, в который мы вовлечены, которым мы захвачены и судьбу которого мы разделяем как нашу собственную человеческую судьбу. Это непостижимо ни для пантеистического монизма индусского типа, для которого мир представляется призрачным, ни для Парменида, ни для Платона, который не преодолел дуализма единого-неподвижного и множественного-движущегося, ни для Плотина, ни для отвлеченного монизма в германском идеализме. Для них это – непостижимая тайна. В конце концов все эти направления должны впасть в акосмизм: они должны признавать подлинным бытие Божества единого, Абсолютного, недвижимого, а движущийся множественный мир, заключающий в себе внутренние конфликты, – нереальным в онтологическом смысле этого слова. Самое интересное, на что следовало бы обратить внимание, это то, что последователи отвлеченного монизма, по странной иронии мысли, впадают в своеобразный непреодолимый дуализм: они вносят резкий разрыв между единым бездвижным в своем абсолютном совершенстве Божеством, с одной стороны, и миром и человеком – с другой, миром движения исторической судьбы, миром трагических конфликтов, миром множественным со всеми связанными с множественностью противоречиями, они вносят

такую противоположность, такую невозможность перекинуть мост от одного к другому, что это есть, конечно, крайняя и непреодолимая форма дуализма. Чтобы избежать такого дуализма, нужно отвергнуть форму монизма, признающую подлинно существующим лишь единое бездвижное-Абсолютное. Эта форма монизма влечет к непреодолимому дуализму. И всякая философия, и всякая форма религиозного сознания, допускающая не только момент монистический, но и дуалистический, преодолевает безнадежность такого дуализма; она перебрасывает мост между двумя мирами, постигает смысл и судьбу множественного и трагически переживающий свою историю мир и человека рассматривает в связи с судьбой самого Абсолютного, с заложенной в нем, предопределенной в нем внутренней драмой, которая свершается в недрах самой абсолютной божественной жизни.

В каком отношении стоит такое понимание природы абсолютной Божественной жизни в двух его основных формах, которые я пытался охарактеризовать, к христианскому сознанию? Это сложный и спорный вопрос, потому что по официальному догматическому учению Церкви, по преобладающей церковной философии может казаться, что для христианского сознания совершенно неприемлемо всякое допущение возможности движения, возможности исторического процесса в недрах Божественной жизни. Очень распространено в христианской мысли то учение, в силу которого принцип движения и трагической судьбы на природу Божества не распространяется. Но я глубочайшим образом убежден, что христианское учение о неподвижном покое Бога, о бездвижности Абсолютного и распространности принципа истории лишь на сотворенный мир, мир относительный, отличный по существу от мира Абсолютного, что все это учение есть учение экзотерическое, внешнее, которое не говорит о самом внутреннем, о самой сокровенной эзотерической истине в учении о Божестве. Можно даже сказать, что такое учение о неподвижности самой Божественной жизни и такая боязнь признать ее подвижность, признать существование внутренней трагедии в жизни Бо-

жественной находится в разительном противоречии с самой основной тайной христианства – с христианским учением о троичности Божества, с христианским учением о Христе как центре этой Божественной жизни, с христианской мистерией Голгофы. Потому что, поистине, христианство в самой глубочайшей глубине понимает сущность бытия, подлинную действительность и подлинную реальность как внутреннюю мистерию, как внутреннюю драму, трагедию, которая есть трагедия Божества. Потому что, поистине, судьба Распятого на кресте Сына Божьего, что составляет самую глубочайшую тайну христианства, есть не что иное, как трагическая страстная мистерия, переживаемая Божеством потому, что она предполагает перенесение принципа движения, внутреннего трагического конфликта на природу Божественной жизни. Если сам Христос, Сын Божий, переживает трагическую судьбу, если историческая судьба, если историческое движение есть и в Нем, то это есть не что иное, как признание трагедии, переживаемой Божественной жизнью. Нельзя утверждать трагической судьбы Божьего Сына, искупительной смерти Его и вместе с тем не признавать движения в самой Божественной жизни. Этим самым утверждается для христианского сознания возможность перенесения принципа трагического движения и на внутреннюю природу Божества. И, поистине, благоприятен для отрицания движения в природе Божества тот чистый тип монизма, который отрицает троичность Божества и считает признание троичности Божества внесением начала множественности в Божественную жизнь. Между тем вся тайна христианства заключается в этом внесении троичного начала и в разыгрывающейся внутри троичного начала страстной трагической судьбе. Именно такое понимание природы Абсолютного предопределяет для христианства самое творение мира. Поистине, для христианского сознания мир сотворен потому, что был Бог-Сын. Сотворение мира Богом-Отцом есть момент глубочайшей тайны отношения между Богом-Отцом и Богом-Сыном. Само движение для глубинного христианского сознания, сама возможность процесса определяется тем, что

в самой глубине жизни Божьей, в глубине жизни духовной, в самой глубине этой жизни открывается тайна Божья, раскрывается внутренняя страстная жажда Божья, внутренняя тоска по своему Другому, по тому Другому, который может быть для Бога объектом величайшей, беспредельной любви, тоска Божья и любовь к тому Другому и беспредельная жажда получить от Другого взаимность, быть любимым. Эта внутренняя трагедия любви Божьей к своему Другому и ожидание ответной любви и есть та сокровенная тайна Божественной жизни, с которой связано творение мира и творение человека. Потому что сотворение мира и человека было ни чем иным, как таким внутренним движением, такой внутренней, полной драматизма историей в жизни Божества, историей Божественной любви между Богом и своим Другим. И в троичном понимании Бога второй лик Божественной Троичности, лик Сына Божьего, понимаемый как беспредельная любовь, и есть сердцевина как Божественной трагедии, так и трагедии мировой, и судьбы мировой. Тут происходит внутреннее соединение этих двух судеб: исторической судьбы Божественной жизни и исторической судьбы жизни мировой, жизни человеческой. Такое понимание глубины жизни Божественной, жизни духовной, без которого невозможно постигнуть возникновение истории и подлинной судьбы мировой и человеческой, связано с тем, что глубина духовной жизни понимается динамически, как творческое движение и как трагическая судьба.

Существует ли какое-нибудь основание для понимания глубины духовной жизни, духовной действительности как неподвижности, как покоя, как противоположности всякой исторической судьбе? Я думаю, что это один из основных, глубочайших не только религиозных, но и философских вопросов, который проводит раздельную линию на протяжении всей истории человеческого самосознания: по одну сторону – динамическое понимание духовной действительности, по другую – статическое понимание ее, как покоя. Уже в греческой философии, в которой предопределены, в сущности, все основные типы философских направлений, раскрывавшихся

на протяжении всей дальнейшей истории, уже там зачались вечные образцы обоих этих основных типов. Так, Парменид и элеаты понимали глубочайшую духовную действительность, Божественную действительность, подлинную реальность, метафизически сущее как единое и бездвижное, в то время как Гераклит – один из величайших философов мира – понимал метафизическую действительность как огненное движение. На протяжении всей истории философского самосознания происходит столкновение и борьба этих двух типов, и нужно сказать, что в философии всегда преобладал тип парменидовский – учение о бездвижности, статичности подлинно сущего, о метафизически нереальном, не сущем характере мира движения, мира исторических судеб. Вот эта закваска, эта философская традиция и явилась одним из источников внутри самого христианского сознания непонимания динамики Божественной жизни, понимания ее как неподвижной, противоположной историческим судьбам. Но эта традиция находится в непримиримом конфликте с христианской мистерией, с основной христианской тайной страстей и мук Сына Божьего, Его исторической судьбы.

Обычное философское возражение, которое делается против возможности движения в недрах абсолютного, носит формальный и рационалистический характер. Это возражение заключается в том, что допущение возможности движения, возможности истории, исторической судьбы в Божественной жизни находилось бы в непримиримом противоречии с совершенством Божества, что всякое движение, всякая судьба, всякая история предполагает недостаток, несовершенство. Предположение, что внутри Божественной жизни есть какая-то нужда, какая-то внутренняя Божественная тоска, которая еще не удовлетворена и которая поэтому указывает на несовершенство самого Абсолютного, не может быть допущено. Но это формальное и рационалистическое возражение вряд ли может импонировать и вряд ли может казаться особенно уместным и сильным в приложении к глубочайшей тайне Божественной жизни. Это есть отрицание внутренней антиномичности вся-

кого Богопознания, гладкое рационалистическое понимание природы Абсолютного, которое вырождается в мертвый деизм или отвлеченный монизм, для которого вообще непостижимо само возникновение мира и непонятна вся мировая судьба. С этим же успехом, нисколько не меньшим, можно утверждать не только то, что перенесение принципа исторического движения на сокровенную жизнь Божества обозначает недостаток в жизни Абсолютного, но и противоположное, что отсутствие творческого движения, творческой исторической судьбы в недрах Абсолютного тоже означает недостаток, несовершенство Абсолютного. Потому что, поистине, творческое движение есть не только восполнение недостатка и не только говорит о существовании еще неудовлетворенных запросов, но творческое движение есть и признак совершенства бытия. Всякое бытие, лишённое творческого движения, было бы ущербным бытием: один из моментов, момент творческого движения, творческой судьбы и творческой истории, в нем отсутствовал бы. Поэтому такого рода возражение, которое, между прочим, очень принято в официальной догматической христианской философии, носит печать ограниченного рационалистического мышления и, поистине, противоречит природе Божества. Потому что если есть возможность приблизиться к познанию абсолютной жизни лишь через признание антиномичности этой жизни, ибо это противоречие и есть основной признак нашего прикосновения к глубочайшей тайне жизни духа, то мы не можем к ней прикоснуться с гладким критерием нашей формальной логики. И, поистине, настоящий путь к познанию тайны духовной действительности, к познанию той Божественной жизни, в которой зачата и заложена вся мировая история, вся человеческая история, возможен не через отвлеченную философему, которая была бы построена по всем принципам формальной логики, а через конкретную мифологему. Очень важно было бы остановиться на этих двух различных путях к постижению глубочайших тайн духовной, Божественной жизни. Отвлеченной философемой они постигнуты быть не могут. Наиболее совершенна та философема, которая укладывается в рамки отвлеченного

монизма, потому что тип монизма Спинозы, тип индусского монизма, тип даже гегелевского монизма (с некоторыми осложнениями, потому что у него есть процесс в Абсолютном) это есть, конечно, наименее противоречивая и наиболее совершенная философия о Божественной жизни. Но именно монизм этот находится в глубочайшем конфликте с существом христианского сознания. Наиболее существенно для монистической философии это то, что она вообще не может разрешить проблемы мира, проблемы множественности мира, возникновения мира, истории мира, его трагических конфликтов, его трагической судьбы, его внутренне переживаемых противоречий. Поэтому я думаю, что приближение к тайнам Божественной жизни, и не только к ним, но и к исканию ключа для разрешения какой-то прикосновенной к ним тайны жизни мировой и человеческой со всей сложностью исторической судьбы, разрешимо лишь через конкретную мифологию. Не через отвлеченную философскую мысль, построенную по принципам формальной рационалистической логики, постижима Божественная жизнь, а через конкретный миф о Божественной жизни как страстной судьбе конкретных действующих Ликов, Ипостасей Божества. Это – не философия, а мифология. Такая мифология была у гностиков, и поэтому гностики, при всех их недостатках, при всей мутности некоторых форм гностицизма, все же более постигали тайны Божественной жизни как исторической судьбы, чем отвлеченные философы, которые оперировали с философскими понятиями. Такая мифология дает возможность постигнуть существо небесной истории, этапы Божественной жизни, зоны, или возрасты, периоды Божественной жизни. Само понятие Божественных эонов есть понятие, связанное с конкретной судьбой, по существу неуловимое и непостижимое ни для какой отвлеченной философии. Только мифология, которая понимает Божественную небесную жизнь как небесную историю, как драму любви и драму свободы, разыгрывающуюся между Богом и Его Другим, которого Бог любит и жаждет взаимности, только признание тоски Божьей дает разгадку небесной истории и этим указывает внутренний путь к разгадке

мировой и человеческой судьбы. Лишь такая свобода Бога и свобода человека, любовь Божья и любовь человеческая в их глубочайшем внутреннем трагическом соотношении, является опытным путем к постижению истоков всякой исторической судьбы, лишь в ней дается ее завязка. Некоторый антропоморфизм должен быть утверждаем не стыдливо и робко, а сознательно и смело. Действительно, лишь такое внутреннее постижение Божественной жизни и Божественной судьбы, в ее глубочайшем внутреннем родстве с человеческой судьбой и человеческой внутренней жизнью, дает разгадку тайны Божественной жизни, необходимую для разгадки метафизики истории. Только такого рода конкретная мифологема может сделать внутренне постижимым то, что совершенно непостижимо для пантеистического монизма, формально философски конструируемого. Для такого пантеистического монизма совершенно непонятно самое возникновение человека, самый смысл его судьбы, потому что, поистине, непонятно, почему в недрах единой неподвижной Божественной жизни могло зародиться то трагическое движение, которое связано с судьбой человека. Лишь постижение самой этой Божественной жизни, как внутренне родственной человеческой трагедии, делает возможным постижение смысла самого возникновения человека и самой его судьбы, то есть внутреннего соотношения между Богом и человеком, которое и есть разгадка соотношения между Богом и миром. Потому что, поистине, в центре мира стоит человек и судьба человека определяет судьбу мира, через него и для него. Только это делает постижимым смысл глубочайшей тайны и внутренней Божественной жизни, и тайны жизни множественного движущегося мира. Это и есть тайна отношений между Богом и человеком, тайна любви и свободы, тайна свободной любви. Вот это понимание внутренних отношений Бога и человека, как драмы свободной любви, обнажает и раскрывает источники истории. Поистине, вся историческая судьба и есть не что иное, как судьба человека, судьба же человека есть не что иное, как судьба глубочайших внутренних отношений между человеком и Богом. И эти внутренние отно-

шения одинаково открываются для нас и в духовном опыте, и во внешних исторических судьбах. Из одного для нас должно делаться ясным и другое. Это предполагает понимание самой Божественной жизни как драмы между Богом и Его Другим, в центре которой стоит Сын Божий – совершенный Бог и совершенный человек. Поэтому тайна Христа и есть тайна отношений между Богом и человеком, трагедия свободной любви. Это – мифологема. Для меня миф не означает чего-то противоположного реальному, а, наоборот, указывает на глубочайшую реальность. Эта мифологема может быть настоящим ключом к разгадке метафизики истории.

Я говорю о вопросах, которые могут показаться очень далекими от вопросов философии истории, и, может быть, не для всех ясна здесь связь, но дальше будет ясно, почему эти предпосылки для философии истории совершенно неизбежны и необходимы, почему нужно остановиться на таких первоначальных вопросах метафизики бытия, чтобы перейти к метафизике истории. И вот, для того чтобы еще больше раскрыть свое понимание того, что история зачинается в недрах Абсолютного, в самой Божественной жизни, что в нем есть начала трагического движения (это есть настоящая предпосылка эзотерической христианской философии истории), я скажу несколько слов о том очень глубоком и своеобразном учении германской мистики, которое повлияло и на германскую философию и которое очень существенно для раскрытия и постижения возможности движения в Абсолютном. Я имею в виду учение не только величайшего германского мистика, но и одного из величайших мистиков всех времен – учение Якова Беме о «темной природе в Боге». Это имеет глубочайшую связь с тем, что я говорил, это – конкретная иллюстрация к пониманию основной предпосылки метафизики истории. Я думаю, что это одно из самых значительных открытий германского духа. Поистине, германский дух сделал наиболее изумительные свои открытия в старой германской мистике и дальше развил их в германской философии, отчасти в германском искусстве и вообще в германской культуре. Я думаю, что в первооснове этой духовной

культуры лежит постижение бытия, постижение глубочайшего, первичного бытия как иррационального и темного по своей основе (не в смысле злого, потому что тьма эта заложена до самого возникновения различия между добром и злом). Где-то, в несоизмеримо большей глубине, есть *Ungrund*, безосновность, к которой неприменимы не только никакие человеческие слова, неприменимы не только категории добра и зла, но неприменимы и категории бытия и небытия. Это глубже всего, и это и есть первоначальный исток, который составляет, как учит Беме и вслед за ним Шеллинг, «темную природу в Боге». Что в природе Бога, глубже Его, лежит какая-то изначальная темная бездна и из недр ее совершается процесс теогонический, процесс Богорождения; этот процесс есть уже вторичный процесс по сравнению с этой первоначальной безосновной, ни в чем не выразимой бездной, абсолютной, иррациональной, не соизмеримой ни с какими нашими категориями. Есть какой-то первоначальный исток, ключ бытия, из которого бьет вечный поток, и в этот вечный источник извечно вносится Божественный свет, в нем совершается акт Богорождения. Признание такой иррациональной, темной первоосновы и есть один из путей к раскрытию и постижению тайны возможности движения в недрах Божественной жизни. Потому что существование такого первоначального темного источника, такой первоначальной темной природы обозначает возможность трагической судьбы Божественной жизни. Если в Божественной жизни разыгрывается трагедия страстей, какая-то Божья судьба, в центре которой стоит страдание самого Бога, Сына Божьего, если совершается в этом страдании искупление мира, избавление мира, то это может быть объяснимо только тем, что есть глубинный источник такого трагического конфликта, трагического движения и трагических страстей в недрах самой Божественной жизни. Это есть то, что отрицается всякой гладкой рационалистической теорией о Божестве, всеми приглаженными учениями, которые так панически боятся перенести трагическое движение на Божественную жизнь, потому что говорят о Божестве, лишенном всяких внутренних противоречий и всяких

внутренних конфликтов, то есть логизированном и рационализированном до конца. Это величайшее открытие сделано германскими мистиками и если не впервые, то с наибольшей силой явлено в их творениях. Оно определило, в значительной степени, судьбу всей германской философии, потому что, поистине, во всей германской философии раскрывается то, что в первооснове бытия лежит некоторое иррациональное волевое начало и что весь смысл и вся сущность мирового процесса заключается в просветлении этого темного иррационального начала в космогонии и теогонии. Отсюда можно сделать вывод, который и будет предпосылкой моей метафизики истории: земная судьба предопределяется небесной, в небесной жизни совершается трагедия просветления и избавления через Божественные страсти, трагедия, которой определяется процесс просветления в истории мира.

Такое понимание Абсолютного, характерное для германской мистики и отчасти для германской философии, в особенности философии Шеллинга и еще более Баадера, совпадает и с более глубинным пониманием христианства. Все это приводит нас к тому, что, прежде чем дальше развивать нашу метафизику истории, мы должны раскрыть первоначальную мистику, совершающуюся в недрах бытия, первоначальную драму бытия. В чем она заключается? Эта драма есть драма соотношений между Богом и человеком. Как мы постигнем эту первоначальную драму? Я думаю, что эта первоначальная драма или мистерия христианства есть мистерия рождения Бога в Человеке и Человека в Боге. Поистине, в основе христианства лежит тайна рождения Бога в человеке и рождения человека в Боге. В большей или меньшей степени в разные периоды христианства раскрывается та или другая сторона этой тайны. В судьбе исторической более раскрывается тайна рождения Бога в человеке. Если рождение Бога в человеке есть центральная точка мировой судьбы, судьбы человеческой, земной судьбы этого мира, то есть не менее глубокая тайна, которая в то же время свершается и в самих недрах Божественной жизни, – тайна рождения человека в Боге. Потому что если

есть тоска человеческая по Богу и ответом на эту тоску является откровение Бога в Человеке и рождение Бога в человеческом духе, то есть и тоска Божья по человеку и рождение в Боге человека, тоска по любимому и любящему в свободе, и ответом на эту тоску – рождение человека в Боге. Свершается тайна антропогонического процесса. Это есть ответное движение на движение Божье. Если есть движение Божье, в котором рождается Бог, то есть и ответное движение, в котором рождается человек, открывается человек, – движение человека к Богу. Это и есть первоначальная мистерия духа, первоначальная мистерия бытия, которая есть вместе с тем и центральная мистерия христианства. Потому что в центральной точке христианства, в лике Христа – Сына Божьего, соединяются две тайны. Поистине, в образе Христа совершилось рождение Бога в Человеке и рождение человека в Боге, в этой тайне осуществилась свободная любовь между Богом и человеком, и не только в совершенстве открылся Бог, но и в совершенстве открылся человек, открылся для Бога впервые совершенный человек как ответ на движение Божье. Это внутренний сокровенный процесс в самой Божественной действительности, это – какая-то глубочайшая Божественная история, которая отражается и во всей внешней истории человечества. Поистине, история – не только откровение Бога, но и ответное откровение человека Богу. Вся сложность исторического процесса заключается во взаимодействии и во внутреннем взаимодействии этих двух откровений, потому что история есть не только план откровения Божьего, но и ответное откровение самого человека, и поэтому история есть такая страшная, такая сложная трагедия. Если бы история была только откровением Бога и восприятием, по ступеням, этого откровения, то не была бы она столь трагичной. Трагедия, драма истории, predetermined в самой Божественной жизни, определяется тем, что тайна истории есть тайна свободы. Тайна свободы и есть тайна не только того, что свершается откровение Божье, но и того, что свершается ответное откровение человеческой воли, откровение человека, ожидаемое Богом в самих недрах Божественной жиз-

ни. Мир потому зачался, что Бог изначально возжелал свободы. Если бы Он не возжелал и не ждал свободы, то мирового процесса и не было бы. Вместо мирового процесса было бы неподвижное, изначально совершенное царство Божье как необходимая предопределенная гармония. Только потому мировой процесс есть страшная трагедия, только потому совершается кровавая история, только потому в центре истории стоит распятие, крест, на котором распят сам Сын Божий, только потому в центре стоит страдание Бога, что, поистине, Бог захотел свободы, что первоначальная мистерия мира, первоначальная драма мира есть мистерия и драма свободы в отношениях между Богом и Его Другим, тем, кого Бог любит и кем хочет быть любимым, и лишь в свободе – смысл этой любви. Эта первоначальная, рационально непостижимая, в своем первоисточнике совершенно иррациональная, ни на что не сводимая свобода и есть разгадка трагедии мировой истории. В этой свободе совершается не только откровение Божье человеку, но и ответное откровение человека Богу, потому что свобода и есть источник возникновения движения, процесса, внутреннего конфликта, внутренне изживаемого противоречия. Поэтому связь между свободой и метафизикой истории – неразрывна. В свободе коренится разгадка постижения и Божественной жизни как трагической судьбы, и жизни мировой, жизни человеческой как трагической судьбы и истории. Если бы не было свободы, не было бы и истории. Свобода есть метафизическая первооснова истории. Откровение истории постижимо для нас, для человеческого духа, лишь через Христа как совершенного человека и совершенного Бога, как совершенного соединения, как рождения Бога в человеке и человека в Боге, откровения Божьего человеку и ответного откровения человека Богу. Абсолютный человек – Христос, Сын Божий и Сын Человеческий – стоит в центре и небесной, и земной истории. Он является внутренней духовной связью этих двух судеб. Вне Его непостижима связь между миром и Богом, между множественным и единым, между мировой действительностью, действительностью человеческой и действительностью абсолют-

ной. История потому только и есть, что в сердцевине ее есть Христос. Христос и есть глубочайшая мистическая и метафизическая основа и источник истории, драматической, трагической судьбы ее. К Нему идет и от Него идет Божественное, страстное движение и мировое человеческое страстное движение. Без Христа его не было бы и оно было бы непонятно. В еврейском народе потому и зачалась история, что там было мистическое предчувствие, в котором зачата связь между небесной и земной историей. Через Христа, поистине, метафизическое и историческое перестают быть разделенными, делаются соединенными и отождествленными. Само метафизическое делается историческим, и само историческое делается метафизическим; небесная история делается земной историей, земная история постигается как момент небесной истории. Понимание первоначальной мистерии и первоначальной драмы бытия как драмы свободной любви, как того, что Бог захотел свободы, есть обратная сторона того, что Бог захотел человека, затосковал по человеку, если говорить об этом в терминах и выражениях мифологемы, а не отвлеченной философеми. И то, что Бог захотел человека, это значит, что он захотел свободной любви его. На этом основалась и на этом разыгралась тема всемирной истории, всемирной исторической судьбы. Это будет красной нитью проходить через все мои чтения, когда я буду говорить о том, как в разных этапах мировой истории разыгрывается трагедия первоначальной мистерии, отраженная в нашей множественной действительности, трагедия отношений между Богом и человеком, мистерия свободной любви, со всеми страданиями и непримиримыми противоречиями, которые присущи этой первоначальной мистерии. Потому что, поистине, в свободной любви заключена не только тема всемирной истории, но в ней дано уже и разрешение этой темы не через необходимость, а через свободу. Тема эта придает мировой истории тот страшный и кровавый характер, который многих заставляет усомниться в том, что существует промысел Божий, и заставляет думать, что вся история мира есть отвержение Его существования. Непримиримой кажется

такая страшная судьба, такое торжество векового злого начала над добрым с существованием Божьего Промысла. Но если понять само бытие Божье и изначальную мистерию жизни как мистирию свободной любви, то возражение это делается не только не верным, но, наоборот, – именно трагическая страдальческая и мучительная судьба всей мировой истории является только манифестацией этой внутренней мистерии любви, манифестацией того, что судьба мира задана в непостижимой тайне свободы, которая и породила все те муки мировой и человеческой жизни, которые могли бы быть прекращены необходимостью, могли бы быть прекращены Божьим принуждением. Но это противоречило бы воле Божьей о свершении человеческой судьбы в свободной любви. Поэтому все уклоны всемирной истории, которые стремились создать гармонию, победить темное начало, справиться с непокорной свободой, заменив ее принуждением и необходимостью в добре, обозначали лишь вторичный признак этой единой и первоначальной мистерии Божественной свободы. Они характерны и, в свете христианского сознания, должны быть раскрыты как соблазн, всегда сопутствующий судьбе человека. Величайшая тайна христианства, которая положена в основу христианской Церкви, – тайна благодати и есть не что иное, как христианству ведомое примирение и преодоление рокового конфликта между свободой и необходимостью. Это – преодоление и «роковой» свободы, и «роковой» необходимости. Слово «роковой» здесь – образ несовершенный и не адекватный внутреннему существу самих реальностей, отражающий несовершенство наших слов и нашего языка. Свобода включает в себе такое темное иррациональное начало, которое не дает никакой внутренней гарантии, что свет победит тьму, что божественно заданная тема будет разрешена, что дан будет ответ на заданную Богом тему о свободной любви. Свобода может быть «роковой», она может повести по тем путям победы тьмы, которые ведут к истреблению бытия. Такой роковой характер свободы есть уже начало необходимости. Если бы мировая история определялась только одной ничем не просветленной свободой или ничем не огра-

ниченной, связанной со свободой необходимостью, фатумом, то мировой процесс был бы внутренне безвыходен; он не нашел бы себе исхода в свободной любви, явленной в сердцевине мира Христом как совершенным Богом и совершенным Человеком. Ни свобода, ничем не просветленная, ни необходимость не могут дать гарантии, не могут обеспечить такого разрешения мировой драмы свободной любви. Поэтому и есть благодать, которая означает разрешение конфликта между свободой и необходимостью в каком-то таинственном замирении свободы с Божественным фатумом. Благодать не противоречит свободе, благодать находится во внутреннем тождестве со свободой, благодать побеждает иррациональную тьму свободы и ведет ее к свободной любви. Поэтому основная тайна христианства связана с благодатью, то есть с преодолением конфликта между роком свободы и роком необходимости в свободной любви. Именно в благодати реализуются отношения между Богом и человеком и разрешается поставленная тема Божественной драмы. Поэтому во всемирной истории, в судьбе мира и судьбе человека действует не только свобода человеческая, не только природная необходимость, но действует и Божественная благодать, без которой судьба эта не была бы осуществлена и мистерия не могла бы совершиться.

Это – один из основных моментов всякой христианской философии истории, которая имеет своим предметом раскрытие человека в истории. В истории происходит очень сложное взаимодействие трех начал: начала необходимости, начала свободы и претворяющего начала благодати. Соотношение этих трех начал и определяет всю сложность исторической судьбы человека, в них нужно видеть первоначальные метафизические силы, действующие в истории. Так, в судьбе гуманизма, который будет в центре моего внимания, ясно раскроется это взаимоотношение между благодатью, свободой и необходимостью. Весь мировой процесс стоит под знаком Человека, Человека не с маленькой буквы, а с большой, в сердцевине его лежит судьба Человека, которая определяется первоначальной Божественной драмой. Лишь миф о Человеке как центре этой

мировой судьбы и моменте в самой божественной судьбе дает разгадку основной проблемы метафизики истории и предопределяет те основные духовные силы, которые здесь действуют. Лишь связь между процессами теогоническим, космогоническим и антропогоническим дает объяснение истории как начала метафизического внутреннего и духовного, а не противометафизического, не противоположного внутренней духовной действительности; связь эта не разделяет, а соединяет в некотором внутреннем единстве, которое дано нам в нашем духовном опыте. Я утверждаю, что духовный опыт человеческий, когда он действительно углублен, раскрывает эту связь между метафизическим и историческим, между небесной действительностью, которая есть углубление духовной действительности, и действительностью земной, он дает разгадку судьбы человеческой, внедренной в судьбу самого Божества, дает разгадку истории как истории не только мировой, не только человеческой, но и истории небесной. Это приводит нас к очень сложным проблемам другого порядка, проблемам о природе времени, об отношении между временем и вечностью, об отношении между прошлым и будущим, что составляет дальнейшие метафизические предпосылки нашего постижения истории, без которого настоящая метафизика истории – невозможна.

Глава IV

О небесной истории. Время и вечность

Основным вопросом, основной посылкой всякой философии истории является, несомненно, вопрос о значении времени, о природе времени, потому что история есть процесс во времени, временное совершение, движение во времени. Поэтому значение, которое придается истории, связано непосредственно с тем значением, которое мы придаем времени. Имеет ли время метафизическое значение? Связано ли с временем что-то существенное, идущее до глубочайшего ядра бытия,

или время есть лишь форма и условие для мира явлений, для мира феноменального? Связано ли оно с подлинным бытием, или время только феноменологично, связано только с явлением и не распространяется на внутреннюю сущность бытия, на внутреннее его ядро? Несомненно, всякая метафизика, которая будет видеть в историческом что-то существенное для глубины бытия, связана с признанием онтологического значения времени, т. е. с учением о том, что время существует для самой сущности бытия. Это вопрос об отношении времени и вечности. Существует как бы непримиримая противоположность между временем и вечностью, и никакая связь между ними не может быть установлена. Время есть как бы отрицание вечности, есть некоторое состояние, никаких корней в вечной жизни не имеющее. Это – одна точка зрения. Или, быть может, само время внедрено в вечность и с ней связано? Вот вопрос, о котором я хочу говорить, который мне представляется центральным для метафизики истории и является существенной предпосылкой для всякого понимания исторического процесса. Это ведет к признанию того, что существует как бы два времени – время дурное и время хорошее, время истинное и время не истинное. Есть испорченное время и есть глубинное время, сопричастное самой вечности, в котором этой порчи нет. Это – тот вопрос, который разделяет разные философские направления. Одно из этих философских направлений, которое является менее преобладающим в истории философской мысли и к которому я всецело примыкаю, признает, что так же, как во времени возможно вхождение вечного, – возможен и разрыв замкнутости времени и выход времени в вечность, когда какое-то вечное начало в нем действует. Время не есть замкнутый круг, в который ничто не может проникнуть из вечной действительности, а есть нечто размыкающееся. Это одна сторона. С другой стороны, эта точка зрения предполагает, что и самое время есть что-то внедренное в глубину вечности. То, что мы называем временем в нашем мировом историческом процессе, в нашей мировой действительности, представляющей процесс во времени, – это время есть какой-то внутренний период, какая-то

внутренняя эпоха самой вечности. Это значит, что существует не только наше земное время, в нашей земной действительности, но существует истинное небесное время, в которое это время внедрено и которое оно отражает и выражает; что существуют, по выражению старинных гностиков, зоны божественной глубины бытия. Но эти зоны указывают на то, что и для самой основы бытия существует время, что и там есть какой-то временной процесс, что временной процесс не есть только форма этой нашей замкнутой действительности, противопоставляемой какой-то глубинной действительности, будто бы ничего общего с временем не имеющей. Нет, в ней есть свое небесное, свое божественное время. А это ведет к признанию того, что самый временной процесс, который есть мировой исторический процесс, совершающийся в нашем времени, начинается в вечности, что в вечности начинается то движение, которое совершается в нашей мировой действительности. Ложный разрыв между временем и вечностью характерен для целого ряда философских направлений, например для всякого феноменалиста, в форме ли кантовского критицизма, или в форме английского эмпиризма, потому что всякий феноменализм считает, что между мировой действительностью, являющейся во времени, и между самой сущностью бытия, между явлением и вещью в себе не существует никаких непосредственных путей сообщения. Это – несоизмеримые сферы и положения. Они внутренне совершенно разорваны, и соединения тут быть не может. Мы живем в мире, являющемся во времени, и в него ничего непосредственно не переходит из той глубинной и истинной действительности, которая не подвержена времени, на которую природа времени не распространена. У Канта это выражено в виде законченного учения о том, что пространство и время суть трансцендентальные формы чувственности, формы восприятия, в которых является для нас познаваемый мир. Этот мир во внешнем восприятии является в пространстве и времени, а во внутренней душевной жизни только во времени, потому что пространство не является формой внутренней, являющейся душевной действительности, но одинаково на вну-

треннее ядро бытия не могут быть распространены ни форма пространства, ни форма времени. Надо сказать, что и в платонизме, и в древней индусской философии нет связи между временем и внутренней сущностью бытия. Внутренняя сущность бытия понималась как безвременность, не как некий процесс, имеющий свое время и свои эпохи, а как бездвижная вечность, противоположная всякому временному процессу. Таким образом понимаемое отношение между вечностью и временем наложало своеобразную печать и на все христианское сознание, потому что и в христианском сознании тоже очень сильна та струя, которая считает, что на глубину жизни божественной не распространяется природа времени. Это непосредственно связано с тем, распространяется ли природа движения, природа процесса, на божественную жизнь? То, что я говорю, – это то же самое, но рассматриваемое лишь с другой стороны. И я думаю, что это носит экзотерический характер, не выражающий последней глубины гнозиса, когда говорят, что в божественной жизни нет никакого времени. Это значит также, что экзотерический характер имеет то положение, очень распространенное и, может быть, преобладающее в религиозном сознании, что на божественную жизнь не распространена природа истории, потому что человеческая история неразрывно связана с временем и вне времени быть не может. Если для нашего исторического процесса предполагается существование испорченного и дурного времени, то для самой глубины бытия, для жизни божественной предполагается существование какого-то хорошего истинного времени, не противоположного вечности, а представляющего внутренний момент самой вечности, некоторую эпоху вечности. Наше время, наш мир, весь наш мировой процесс – от момента его начала до момента его конца – есть эпоха, период, зон жизни вечности, период или эпоха, внедренная в вечную жизнь. Поэтому в этом мировом процессе нет замкнутости от всех тех глубочайших сил, божественных и таинственных для нас, которые из мира вечности могут вторгаться в этот мировой процесс. Это есть глубочайшее противление тому закоснелому сознанию, для которого замкнут круг нашей

мировой действительности, нашего мирового целого и происходящего с ним процесса, которое не допускает возможности вхождения в этот мир из мира иного действенных сил и влияния нашего мирового процесса в этот иной мир, в эту иную действительность, в глубину ее. Я думаю, что лишь при динамическом, а не закостенелом понимании природы мирового процесса можно построить настоящую метафизику истории.

Если такого рода замыкание существует в религиозном сознании, которое временно считало нужным закрыть этот мир от мира иного, то, с другой стороны, и в сознании научно-позитивном, и в самых крайних его формах, как в сознании материалистическом, признавалась замкнутость этого нашего исторического эона, отрицалось существование иного мира. Этим временным процессом, являющимся нашему сознанию, исчерпывается вся сущность бытия. Иного мира – нет, круг нашей действительности – замкнут. Замыкание нашей действительности ведет к отрицанию существования каких бы то ни было иных миров. Размыкание этого круга ведет к допущению существования иных миров. Для построения метафизики истории неизбежна основная предпосылка, что «историческое» вводит в самую вечность, что оно вкоренено в вечности. История не есть выброшенность на поверхность мирового процесса, потеря связи с корнями бытия, – она нужна для самой вечности, для какой-то свершающейся в вечности драмы. История есть не что иное, как глубочайшее взаимодействие между вечностью и временем, непрерывное вторжение вечности во время. Если христианство необычайно исторично, если оно конструировало историю, то это связано именно с тем, что для христианского сознания вечное является во времени, вечное может быть во времени воплощено. Христианство, в нашем времени, в нашем временном процессе, мировом и историческом, обозначает то, что вечность, т. е. божественная действительность, может внедряться во времени, разрывать цепь времени, входить в нее и являться в нем преобладающей силой. История свершается не только во времени и не только предполагает время, без которого ее нет, но история есть непрерывная борь-

ба вечного с временным. Это есть постоянная борьба, постоянное противодействие вечного во времени, постоянное усилие вечных начал свершить победу вечности, свершить ее не в смысле выхода из времени, не в смысле отрицания времени, не в смысле перехода в то положение, которое не имеет никакой связи с временем, потому что это было бы отрицанием истории, а победу вечности на самой арене времени, т. е. в самом историческом процессе. Эта борьба вечности с временем есть непрерывная трагическая борьба жизни и смерти на протяжении всего исторического процесса, потому что взаимодействие и столкновение вечных и временных начал и есть не что иное, как столкновение жизни и смерти, потому что окончательное выделение времени из вечности, победа временного над вечностью было бы победой смерти над жизнью, окончательный уход из временного в вечное было бы уходом из этого исторического процесса. В действительности, существует третий путь и третье начало, к которому сводится и самое существо борьбы вечности жизни со смертностью времени через внедрение вечного во временное.

История, для восприятия ее, для ее констатирования и понимания во всей полноте ее, предполагает существование конца, т. е. предполагает окончание этого мирового эона, окончание той мировой эпохи вечности, которую мы именуем нашей мировой действительностью, нашей мировой жизнью. Это есть преодоление всего тленного, временного или смертного – началом вечным, побеждающим в самой временной мировой действительности; это есть победа над тем, что Гегель называет плохой бесконечностью. Плохая бесконечность есть отсутствие конца во времени, это есть бесконечный процесс во времени, который не знает окончательной победы и разрешения. Такое понимание бесконечного процесса сделало бы исторический процесс бессмысленным, сделало бы невозможным восприятие его как трагедии, имеющей разрешение. Об этом я скажу, когда буду говорить о прогрессе и о связи прогресса с идеей конца истории. Пока же нужно установить, как предпосылку истории, что время истории, вот то время нашей миро-

вой действительности, в котором протекает история, этот эон земной судьбы человека, находится в вечности и только потому, что история находится в вечности, время приобретает онтологическое значение. Смысл этой истории, совершающейся в этом земном эоне, заключается в том, чтобы войти в какую-то полноту вечности, чтобы этот эон, выйдя из состояния своего несовершенства, дефектности, вошел в какую-то полноту бытия жизни вечной. Эта предпосылка метафизики истории, связанная с отношением времени и вечности, ведет к постановке вплотную проблемы еще гораздо более близкой всякой конкретной истории, без которой она невозможна, которая составляет ее существо, – к проблеме отношения между прошлым, настоящим и будущим. Если историческая действительность неразрывно связана с временем, если она есть процесс во времени, процесс временной и предполагает какое-то особое, онтологическое, существенное для бытия значение времени, то является вопрос, какое же существует соотношение между прошлым и будущим? Время нашей мировой действительности, время нашего мирового эона, есть время разорванное; оно есть время дурное, заключающее в себе злое, смертоносное начало, время не цельное, разбитое на прошлое, настоящее и будущее. Гениально в этом отношении учение о времени Бл. Августина. Время не только разорвано на части, но одна часть его восстает против другой. Будущее восстает на прошлое, прошлое борется против истребляющего начала будущего. Исторический процесс во времени есть постоянная трагическая и мучительная борьба этих растерзанных частей времени – будущего и прошлого. Эта разорванность так странна и страшна, что в конце концов превращает время в некий призрак, потому что если мы проанализируем три части времени, момент прошлого, настоящего и будущего, то мы можем прийти в отчаяние: все три момента оказываются призрачными, потому что нет прошлого, нет настоящего и нет будущего. Настоящее есть лишь какое-то бесконечно мало продолжающееся мгновение, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет, но которое само по себе представляет некую отвлеченную точку, не обладаю-

щую реальностью. Прошлое – призрачно потому, что его уже нет. Будущее – призрачно потому, что его еще нет. Нить во времени разорвана на три части, нет реального времени. Это поедание одной части времени другой приводит к какому-то исчезновению всякой реальности и всякого бытия во времени. Во времени обнаруживается злое начало, смертоносное и истребляющее, потому что, поистине, смерть прошлого, которую несет всякое последующее мгновение, повержение его в тьму небытия, которое несет всякое свершение во времени, и есть начало смерти. Будущее есть убийца всякого прошлого мгновения; злое время разорвано на прошлое и будущее, в середине которого стоит некая неуловимая точка. Будущее пожирает прошлое для того, чтобы потом превратиться в такое же прошлое, которое в свою очередь будет пожираемо последующим будущим. Разрыв между прошлым и будущим есть основная болезнь, основной дефект, основное зло времени нашей мировой действительности. Если признать существование только нашего злого и больного времени, в котором прошлое и будущее разорваны, то нельзя было бы опознать и признать существование подлинной, реальной исторической действительности, которая свершалась бы в каком-то настоящем, целостном, подлинном и реальном, не разорванном и не смертоносном времени, которая свершалась бы во времени, несущем жизнь, а не смерть. Время нашей мировой действительности только внешне кажущимся образом несет жизнь; в действительности – оно несет смерть, потому что, создавая жизнь, оно повергает в пучину небытия прошлое, потому что всякое будущее должно сделаться прошлым, должно подпасть под власть этого пожирающего потока будущего и нет той реальности истинного будущего, в которую вошла бы вся полнота бытия, в которой истинное время победило бы дурное время, в которой разрыв прекратился бы и целостное время было бы вечным настоящим или вечным сегодняшним днем; потому что время сегодняшнего дня, в котором все свершается, в котором нет прошлого и будущего, а одно лишь истинное настоящее, и было бы истинным временем. Присмотримся ближе к природе

нашего плохого времени и свершающейся в нем истории. Можно ли сказать, как это сплошь и рядом говорят разные философии истории и разные точки зрения на исторический процесс, что будущее – реально, что прошлое менее реально, чем будущее, или что прошлое менее реально, чем настоящее? Если хотя бы на одну секунду допустить, что прошлое, отошедшее, те оторванные части, которые отходят в вечность, утратили свою реальность, а подлинная реальная действительность – одно лишь настоящее и возникающее будущее завтрашнего дня, то мы должны окончательно отрицать реальность исторического, потому что реальность исторического есть не что иное, как реальность прошлого. Вся историческая действительность, с которой имеет дело история, есть действительность той оторванной части времени, которая отнесена к прошлому, в которой всякое «будущее» вытеснено в «прошлое». Как же произошло это отделение в прошлое всей исторической действительности, всех великих исторических эпох, всей великой жизни человечества с величайшими творениями, с самыми великими, захватывающими дух эпохами, – реальность это или нереальность? Достаточно ли нам сказать, что прошлое было, и, сказав, что это прошлое было, что была история еврейского народа, Древнего Египта, история Греции и Рима, история христианства, Средневековья, Ренессанса, Реформации, французской революции, – согласиться на то, что все это бывшее, принятое в историю, не есть существенно реальное, но принадлежит к подлинной действительности, которая несоизмерима с реальностью и действительностью того будущего, которое еще не народилось, будущего завтрашнего дня, того будущего, которое будет через столетие. Эта точка зрения очень распространена, но она в конце концов ведет к отрицанию подлинной действительности исторического, потому что она ведет к такому взгляду на историческую действительность, на весь процесс исторического свершения, при котором все превращается в какие-то быстро сменяющиеся и, в конце концов, призрачные мгновения, пожираемые мгновениями последующими, и проваливающимися в бездну небытия столь же

смертных мгновений. Метафизика истории должна признать прочность исторического, признать, что историческая действительность, та действительность, которую мы считаем прошлым, есть действительность подлинная и пребывающая, не исчезнувшая, не умершая, а вошедшая в какую-то вечную действительность; она является внутренним моментом, внутренним периодом этой вечной действительности, отнесенной нами к прошлому, которое нами непосредственно не воспринимается, как воспринимается настоящее только в силу того, что мы живем в испорченном, больном времени, во времени разорванном, что это есть не что иное, как отражение разорванности нашего бытия, не вмещающего цельности. Мы можем жить в историческом прошлом, как мы живем в историческом настоящем и как уповаем, что будем жить в историческом будущем. Есть какая-то целостная жизнь, которая совмещает три момента времени – прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве, поэтому историческая действительность, отошедшая в прошлое, не есть умершая историческая действительность; не менее реальна она, чем та, которая свершается в данное мгновение, или та, которая будет свершаться в будущем и которую мы тоже не воспринимаем, а на которую лишь уповаем, которую ожидаем. Прошлое остается, пребывает и зависит от разорванности и ограниченности нашего человеческого бытия, от того, что мы не живем в этом целостном прошлом, что мы отрезаны от него, что мы замкнуты в мгновении настоящего, – между прошлым и будущим, и воспринимаем это прошлое как отошедшее. Оно есть вечная действительность. Прошлое со своими историческими эпохами есть вечная действительность, в которой каждый из нас, в глубине своего духовного опыта, преодолевает болезненную разорванность своего бытия. Каждый может быть приобщен к истории постольку, поскольку он существует в этой зоне мировой действительности. Поистине, религиозное сознание не может примириться с тем, чтобы что-нибудь из подлинно живого могло умереть, исчезнуть. Христианство – величайшая религия прежде всего потому, что она есть религия воскресения, что она

не мирится с умиранием и исчезновением, что она стремится к воскресению всего подлинно существующего.

В самой нашей исторической действительности, в самой жизни, в этом дурном, разорванном времени, в котором прошлое кажется отошедшим, а будущее ненародившимся и мы замкнуты в мгновении сомнительного настоящего, какое начало, какая сила ведет борьбу с этим злым, смертоносным характером времени, борьбу духа вечности, без которого невозможна была бы связь истории, цельность истории, связь времени, без которой распадение между прошлым, будущим и настоящим сделалось бы столь бесповоротным и окончательным, что состояние мира напоминало бы состояние того безумца, который окончательно потерял память, потому что, поистине, потеря памяти есть главный и основной признак сумасшествия? Память есть то начало, которое ведет непрерывную борьбу со смертоносным началом времени. Память есть борьба со смертоносной властью времени во имя вечности. Память есть основная форма восприятия реальности прошлого в нашем дурном времени. В нашем дурном, разорванном времени прошлое пребывает только через память. Историческая память – величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности. Она поддерживает историческую связь времен. Память есть основа истории. Без этой памяти истории не было бы, потому что если история и совершалась бы, то в этом разорванном времени так безнадежно было бы отрезано настоящее от будущего и прошлого, что восприятие истории стало бы невозможно. Все историческое знание есть не что иное, как припоминание, как та или иная форма торжества памяти над духом тления. Через память мы восстанавливаем это отошедшее от нас, умершее, удалившееся и как будто канувшее в какую-то темную бездну, прошлое. Поэтому память есть вечное онтологическое начало, создающее основу всего исторического. Память хранит отчее начало, нашу связь с отцами, потому что связь с отцами и есть связь настоящего и будущего с прошлым. Окончательное забвение нашего отчества было бы окончательным забвением прошлого. Это было бы тем сумасшествием, при котором

человечество пребывало бы в клочьях времени, в разорванных мгновениях времени, без всякой связи времен. Поэтому футуристическое чувство жизни, которое построено на культе будущего и на культе каждого данного мгновения, такое футуристическое мироощущение было бы настоящим сумасшествием человечества, при котором связь бытия была бы окончательно разорвана, т. е. была бы потеряна всякая связь времен в памяти, была бы подорвана всякая возможность восприятия этой связи. Исторический процесс имеет двойственную природу, потому что он, поистине, с одной стороны, сохраняет, а с другой – истребляет: с одной стороны, исторический процесс есть связь прошлого и будущего, с другой стороны, он есть разрыв с прошлым; он имеет природу консервативную и революционную. Лишь взаимодействие этих начал создает историю. Действие одного из этих начал привело бы к тому, что произошел бы настоящий разрыв времен; поистине, историческое свершение основано не только на том, чтобы сохранялась связь настоящего, будущего и прошлого, но также и на том, чтобы прошлое продолжалось в будущем, чтобы не только не было допущено обеднение нас великими богатствами прошлого, но чтобы мы не были лишены возможности обогащаться и творимым будущим. Поэтому совмещение этих двух начал необходимо для процесса истории. История, по своему существу, и есть такая связь, история есть связное свершение. В истории через большое и дурное время, пожирающее и истребляющее, превращающее жизнь нашу в кладбище, где, на костях умерших отцов, воздвигается новая жизнь сынов, забывших отцов, действует истинное время, не разорванное время, время, поддерживающее связь, в котором нет разрыва между прошлым, настоящим и будущим, время ноуменальное, а не феноменальное. Поэтому нет ничего важнее для истинного исторического сознания, как установление должного отношения к прошлому и будущему. Тот исключительный культ будущего и то отворачивание от прошлого, которые свойственны разным теориям прогресса, подчиняют жизнь разрывающему, смертоносному началу, истребляющему связи, нарушающему цельность действительно-

сти в едином времени. Рабство у времени, у его смертоносной власти, мешает постигнуть смысл человеческой судьбы как судьбы небесной. В дурном времени происходит разрыв между метафизическим и историческим, в то время как метафизическое возникновение истории должно установить связь между тем и другим. Разрыв между вечным и временным и есть величайшее заблуждение сознания, и есть препятствие для возникновения настоящей философии истории.

Теперь я перейду к последней основной предпосылке метафизики истории, потому что, в конце концов, все то, что я говорил о небесной истории, касается религиозных предпосылок истории. Такой основоположной религиозной предпосылкой истории, без которой она не может быть понята, является признание начала свободы зла, лежащего в основе истории, потому что начало истинной свободы есть в то же время и признание начала свободы зла, и без этой свободы исторический процесс не может быть познан. Без этого он может быть познан во времени, в смысле установления той или иной закономерности, но это не ведет к познанию метафизики истории, не ведет в последнюю глубину истории. Древние мифы и предания идут в большую глубину и больше дают для проникновения во внутреннее существо истории. Они говорят, что начало свободы зла было заложено в основу мирового исторического процесса. В самом деле, если признать основной темой метафизики истории судьбу человека, то два основных взгляда могут быть защищаемы в этом отношении: один взгляд, который в XIX веке являлся преобладающим и, казалось по видимости, окончательно вытеснил другой, – это взгляд эволюционный, по которому человек эволюционно восходит и возвышается в мировом историческом процессе, являясь продуктом мировой жизни. Человек есть дитя мира, он есть продукт процессов развития из низших состояний; из состояния животного и полуживотного, путем эволюции и совершенствования, человек делается человеком, подымается к все более и более высоким состояниям. Это один из взглядов. Другой взгляд, который

считался вытесненным научным сознанием XIX и XX веков, полагает, что эволюционным процессам в судьбах человека, вторичным и частичным, предшествуют некоторые акты нисхождения, грехопадения человека, отпадения его от источников божественной жизни, от высшей правды. Это лежит в основе преданий и мифов об изначальном грехопадении, лежит в основе Библии и христианского сознания, равно как и многих других форм религиозного сознания. Религиозному сознанию более свойственно допустить, что существовал какой-то процесс отпадения человека от источников жизни, после которого уже свершается его судьба в мировой жизни, между тем как взгляд научный исключает отождествление судьбы человека с судьбой мировой и не допускает такого предмирного прошлого человека, которое заранее определяло бы его судьбу. В действительности чисто эволюционный взгляд, последовательно проведенный, отрицает существование судьбы человека как темы метафизики истории. Допустите, что существует процесс эволюции, в котором из низших состояний человек возвышается до состояния человеческого и в человеческом состоянии совершенствуется все далее и далее по прямой линии, в которой человек определяется мировыми силами, является дитятею мира. Это не значит признать судьбу человека темой метафизики истории. Для того чтобы признать, что существует судьба человека в мировой истории, нужно признать предмирность человека, нужно признать, что судьба человека начинается и определяется до возникновения той мировой действительности, в которой свершаются все те процессы эволюции и развития, которыми эволюционная теория хочет объяснить и возникновение человека, и дальнейшее его развитие и движение. Это есть, в сущности, отрицание судьбы человека. Судьба человека предполагает существование изначальной человеческой природы, сотворенной высшей божественной природой и претерпевающей свою трагическую судьбу в мире. Предполагается, что действуют какие-то предмирные силы, определяющие человека, из которых человек черпает внутренние источники для свершения своей судьбы.

Без этого ни о какой судьбе, в настоящем смысле слова, говорить нельзя. Существует судьба человека только в том случае, если человек есть дитя Божье, а не дитя мира. Я думаю, что это и есть настоящая религиозно-метафизическая предпосылка для метафизики истории: человек есть дитя Божье, претерпевающее трагическую судьбу в мире, в котором есть процесс ниспадения и процесс развития, потому что в основе этой судьбы, в самих ее источниках, лежит первородная свобода, которой дитя Божье было наделено и которое являлось истинным отображением Творца. Эта свобода, которой наделен человек как дитя Божье, потому и явилась источником трагизма его судьбы, трагизма истории со всеми конфликтами и ужасами, что свобода, по самому существу своему, предполагает свободу не только добра, но и зла. Если бы существовала только свобода добра и свобода Божья как некое предопределение в судьбе человека, то не существовало бы мирового процесса. Мировой процесс и исторический процесс существуют потому, что в основе заложена свобода добра и зла, свобода отпадения от источника высшей Божественной жизни, свобода возвращения и прихождения к ней. Эта свобода зла и есть настоящая основа истории. И древнее предание о грехопадении человека, о грехопадении Адама и Евы, которое в форме краткой истории рассказывает о том, что свершилось в истории бытия до возникновения мирового процесса, есть повесть о зачинании истории, лежащем за гранью, отделяющей наше время от вечности. Это первичное действие, передаваемое в древнем мифе, в древнем предании, совершилось не в пределах нашего времени, а в вечности и зачалось в вечности. Оно породило порчу нашего времени, то зло нашего времени, которое связано с разрывом времени, с разрывом единого цельного времени – на прошлое, настоящее и будущее. Высшее достоинство человека и высшая его свобода – это сознание предмирного и высшего происхождения человека, начала его судьбы, в дальнейшем подпавшей действию совокупности мировых сил, которые и изучает наука со своей эволюционной теорией. Это означает не то, что все эволюционное учение ложно и неверно;

это означает лишь то, что оно имеет другой внутренний смысл. В эволюционной теории очень много верного говорится о процессе происхождения человека и о судьбе его в мире. Но эта эволюционная история имеет дело с вторичными, а не первичными процессами и ничего не говорит о тех более глубоких началах, которые предшествуют самому возникновению нашей мировой действительности, самому возникновению нашего времени, тех процессов, о которых говорят религиозные предания и которые доступны лишь для метафизического познания. Поистине, тут происходит не столкновение этих двух точек зрения, а объяснение одной другою. Влияние среды на человека, которое изучает эволюционная научная теория, происходит, но происходит в его вторичной судьбе, в нашем мировом круге, который мы объясняем из некоторых событий, происшедших до возникновения нашей мировой действительности, в какой-то более глубокой действительности, в действительности предмирной. Тогда только постигается история человеческая как свободное испытание человеческих духовных сил и как искупление первоначального зла отпадения, которое совершилось в силу присущей человеку свободы. Величайший смысл этой свободы, определяющей судьбу человека нашей временной мировой действительности, бросает свой отсвет и на самую судьбу человека в пределах истории. Он говорит о том, что в пределах самой мировой истории всякое принуждение и несвободное осуществление высшей Божьей воли и высшей Божьей правды Богу не нужно, что Богом должно быть отвергнуто и совершенствование человека как результат процессов необходимости, как принуждение. Все несвободное нежеланно для Бога. Поистине, можно было бы сказать слова, с которыми Великий Инквизитор обращается с укором к Христу, но это можно было бы сказать не с выражением укора, а с выражением хвалы, как величайшую религиозную истину о сущности человеческого существования. Великий Инквизитор говорит: «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобой, прельщенный и плененный Тобою». Свобода, по существу своему, есть начало трагическое – нача-

ло трагического раздвоения, расщепления заложено в изначальной свободе, и без свободы такая трагическая судьба немислима. Мыслим лишь процесс развития или процесс разложения, но не судьба в истинном смысле слова. Судьба – и в этом заключается величайшее откровение христианского мира, которое отличает его от мира античного, – опирается на свободу, в то время как античный мир не понимал свободы. Это мы видим в судьбе античной трагедии, которая была основана на роке. Чувство свободы в древнем языческом мире было утеряно, существовало лишь темное ее предчувствие. В христианском мире это в корне меняется. В христианском мире судьба человека связывается с изначальной свободой, поэтому можно сказать, что лишь христианское сознание пришло к идее Промысла Божьего, положенного в построение первой философии истории – построение Бл. Августина. Промысел Божий не есть необходимость, не есть насилие, а есть антиномическое сочетание Божьей воли с человеческой свободой.

Как же начинается, с точки зрения этого древнего предания об изначальной свободе человека и поэтому об изначальном отпадении, как начинается историческая судьба человека на земле? В нашей мировой действительности, в нашем времени, историческая судьба человека начинается с погружения Человека в недра природы, то есть, по теософической терминологии, с инволюции. Произошло то погружение в природу, необходимость которого была результатом свободного отпадения от высших божественных источников жизни, после чего сама свобода была утеряна и превратилась в некоторую внутреннюю необходимость и скованность. С первобытного зла начинается его естественная природная судьба, которую изучают биология, антропология и социология. Это судьба человеческая, погруженная в природу, судьба не дитяти Божьего, не свободного духа, сотворенного по образу и подобию Божьему, судьба естественного природного существа, дитяти мира. Человек был и на протяжении всей истории остается двойственным существом, сопричастным двум мирам – высшему Божьему миру, который он в себе отображает, миру свободному,

и миру природно-естественному, в который человек погружен, судьбы которого он разделяет и который многими путями действует на человека и связывает его по рукам и ногам настолько, что сознание его затемняется, забывается высшее происхождение его, сопричастность его высшей духовной действительности. Эта зависимость от природы, от погруженности в естественную необходимость, это выпадение из высшей Божьей действительности, от которой человек получил свою свободу, в какую-то другую природную действительность, от которой он получает образ необходимости и которая запечатлевает на нем свой закон, – на первых ступенях человеческой истории отражается в процессе мифологическом, в том процессе сознания, который дан в первоначальной мифологии. У Шеллинга гениально раскрывается учение о мифологии как повторении в человеческом духе и сознании процессов природы. История естественного процесса природы, космогонического образования природы, отражается и повторяется в человеческом сознании, в человеческом духе на первоначальных стадиях человеческого сознания в форме мифологии; поэтому мифологическое сознание полно космическими мифами, в них раскрывается человек как природное существо, связанное с духами природы, раскрывается связь его с тем первоначальным процессом миротворения и образования мира, который лежит глубже самого отвердения материи, того отвердения материи, с которого научное сознание начинает рассматривать процесс эволюции мира. Еще до самого этого отвердения материи происходили какие-то глубокие процессы природы, в которые была внедрена судьба человека, отпавшего от высшего источника духовной жизни, и с которыми она тесно переплетена. Поэтому, можно сказать, что первоначальная история человека, доисторическая его история, есть некоторый религиозный мифологический процесс. Мифология есть первоначальный источник истории человека. Это – первая страница повести о земной человеческой судьбе после его небесной судьбы, после пролога, свершившегося в небесной истории. После пролога, повествующего о внутреннем отношении между Богом и человеком, о

свободе человека и человеческом отпадении, начинается следующий акт, который свершается уже в природном мире в форме мифологического процесса. Этот мифологический процесс – второй акт в вечности и первый акт в земной человеческой истории. В самой глубочайшей глубине времени, в той глубине, в которой свершается первичная судьба человека, первичное его нисхождение к грани, резко отделяющей время нашей действительности от вечности, в этой глубине первоначальной стадии нашего исторического времени воспринимаются моменты, еще причастные к вечности, и лишь в дальнейшем, уже в другом времени, происходит затверждение, замыкание нашего мирового эона, который начинает противопоставляться вечности. То, что мы называем небесной вечностью, удаляется в трансцендентную даль, которая из этого мира оказывается изъятой. Но в первоначальных религиозных мифах, в преданиях человечества все эти грани между вечностью и временем еще не резко проведены, и это и есть одна из величайших тайн, затрудняющих постижение древней религиозной жизни. Наше сознание так свыклось с нашей мировой действительностью, с ее замкнутостью и границами, отделяющими земную действительность от вечности и от другого истинного времени, что нам очень трудно разбить эту затверделость нашего сознания и пробиться к тому первичному сознанию на заре человеческой судьбы, когда граней этих еще не было. В Библии, в первоначальных религиозных преданиях, в первоначальных мифах мира нет такой грани, поэтому так трудно понять это переплетение истории земной и небесной, времени и вечности: все происходит как будто на этой нашей земной планете, в этом нашем времени, в этой нашей мировой действительности и вместе с тем происходит в другом времени, другом мире, до возникновения нашего мирового эона. Поэтому первоначальные исторические сведения, которые давались Библией до возникновения исторической науки, рассматривались как научное познание в области истории, географии, геологии, антропологии. Это было поколеблено дальнейшим развитием философского сознания и научных знаний; наивная наука Библии поте-

ряла всякое значение. Но это менее всего означает, что религиозная правда, которая заключалась в библейских преданиях, в какой-либо мере может быть затронута этой научно-философской критикой, потому что религиозная правда всех преданий и мифов заключается вовсе не в том, что они дают какие бы то ни было естественнонаучные или исторические познания, которые могут конкурировать с современной историей, геологией, биологией и т. д., а в том, что они символически раскрывают какие-то глубочайшие процессы, совершившиеся за гранями, отделяющими время нашего эона от другой вечной действительности. Вся научно-философская критика не может быть распространена на этого рода откровения. Поскольку религиозно-церковное сознание пыталось выдавать себя за науку обязательного характера, оно ставилось во враждебное отношение к науке и тем самым делало беззащитной религиозную истину. Но для религиозно-философского сознания ясно, что эти области могут быть разграничены. Религиозный смысл, скрытый в древних преданиях и в древних мифах, не представляет из себя науки, объективного знания и не может конкурировать с ним, а представляет из себя раскрытие истин гораздо более глубоких, распространяющихся на совершенно другие сферы. Великая истина Библии, в которой дана точка пересечения, встречи небесной истории с земной историей, начало небесной судьбы человека и начало его земной судьбы, должна быть истолкована и философски и религиозно не в свете ветхозаветном, а в свете новозаветном. Нужно сказать, что внутри самого христианства преобладало ветхозаветное истолкование Библии; вся библейская космология и антропология преломлены в ограниченности того сознания, которое было свойственно ветхозаветному человеку. Вот эти границы, в которых раскрывалась Божественная истина ветхозаветному человеку, отпечатались и на Библии, откровение ее преломилось в человеческой ограниченности и передалось и на более высокие ступени духовного сознания в этой ограниченности. Применение церковно-религиозного сознания к библейским истинам как бы принимает те границы откровения в ветхой

природе человека, в судьбе еврейского народа и судьбе тех народов, с которыми еврейский народ был неразрывно связан. Это отпечатлевается и на сознании уже христианско-новозаветном и ставит ему известные границы. Христианская антропология и космология, христианское учение о происхождении человека носит, в своей преобладающей форме, печать ограниченности ветхозаветного человека. Это отпечатлевается на христианской догматике и кладет печать на христианскую метафизику истории, потому что она имеет связь с антропологическими и космологическими учениями в библейских границах. Ветхозаветное библейское сознание мешает создать истинную метафизику истории, потому что метафизика истории, в своих основных посылах, должна разорвать те границы ветхого сознания человека, которые еще неокончательно преодолены и в христианстве, потому что метафизика человека в сознании ветхого Адама, раскрывающаяся в древних откровениях человечества, продолжает ставить свои границы и в новозаветный период человеческой истории. Это влияет на построение метафизики истории. Необходима переработка и претворение внутренней истории человека в свете новозаветном, в свете нового Адама, нового человека, для которого не существует уже того гнета, под которым жил ветхий человек, – гнета природной необходимости и гнета гнева Божьего, который делал невозможным встречу с Богом лицом к лицу, о котором говорится, что если бы человек увидел лицо Божье, то был бы испепелен. Это ветхозаветное чувство Бога, это чувство природы, этот ветхозаветный страх Божьего гнева, который почувствовал человек после ниспадения в низшую сферу природной жизни, и то преодоление этого чувства через новозаветное откровение нового Адама, которое делает Бога бесконечно близким человеку, и то чувство свободы в новозаветном сознании от духов природы, от демонов природы, терзавших человека в мире античном, – это является основой судьбы человека во всей его христианской истории. Вся христианская история человечества тем и отличается от истории мира языческого и мира библейского, что в нем произошел какой-то внутренний духовный

сдвиг, после которого человек внутренне начал освобождаться, с одной стороны, от власти демонов природы через тайну искупления, с другой стороны, от подавленности Богом еврея, который ощущал Бога как далекую от него, грозную и гневную силу, непосредственная встреча с которой страшна и опасна для человека. В свете этого нового откровения и этой новой человеческой природы может быть осмыслена не только вся христианская новая история, но и вся древняя история и вся библейская история. Этот процесс в пределах христианского сознания до сих пор еще недостаточно выявился, и нужно сказать, что новозаветное раскрытие истины библейской скорее было достоянием отдельных великих мистиков, как, например, Я. Беме в его «*Mysterium magnum*», а не преобладающей христианской философией. Для философии истории это является краеугольным камнем. Основным в философии истории, с точки зрения той новой человеческой природы, которая раскрывается со времени христианства, является то, что весь мировой процесс становится под знак нового Адама – Христа. Начинается совершенно новая эра в постижении сущности и смысла истории. На этом кончается то, что я понимаю под небесной историей человека, и начинается переход к его земной истории, к земной его судьбе. В судьбе еврейского народа я вижу точку пересечения, наиболее острую встречу этой небесной и земной судьбы. Поэтому философия земной судьбы человечества может быть начата с философии еврейской истории, философии судьбы еврейского народа. Здесь нужно искать оси всемирной истории. Тема, поставленная в судьбе еврейского народа, разрешается на протяжении осей всемирной истории.

Глава V

Судьба еврейства

Еврейству принадлежала совершенно исключительная роль в зарождении сознания истории, в напряженном чувстве

исторической судьбы, именно еврейством внесено в мировую жизнь человечества начало «исторического». И я хочу обратиться вплотную к самой исторической судьбе еврейства и его значению во всемирной истории как одного из непрерывно действующих и до наших дней мировых начал, обладающих своей специфической миссией. Еврейство имеет центральное значение в истории. Еврейский народ есть, по преимуществу, народ истории, и в исторической судьбе его чувствуется неисповедимость Божьих судеб. Историческая судьба этого народа не может быть объяснена позитивно-исторически, потому что в ней наиболее ясно проявляется «метафизическое» и та грань между метафизическим и историческим, о которой я говорил как о препятствии для постижения внутреннего смысла истории, именно здесь, в судьбе еврейского народа, исчезает. Я вспоминаю, что в дни моей юности, когда меня привлекало материалистическое понимание истории, когда я старался проверить его на судьбах народов, мне казалось, что величайшим препятствием для этого является историческая судьба еврейского народа, что с точки зрения материалистической судьба эта совершенно необъяснима. Нужно сказать, что со всякой материалистической и позитивно-исторической точки зрения этот народ давно должен был бы перестать существовать. Его существование есть странное, таинственное и чудесное явление, которое указывает, что с судьбой этого народа связаны особые предназначения. Судьба эта не объясняется теми процессами приспособления, которыми пытаются объяснить материалистически судьбы народов. Выживание еврейского народа в истории, его неистребимость, продолжение его существования как одного из самых древних народов мира в совершенно исключительных условиях, та роковая роль, которую народ этот играет в истории, – все это указывает на особые, мистические основы его исторической судьбы. История еврейства есть не только феномен, но есть и ноумен в том особом смысле, на который я указывал уже, говоря о противоположении феномена и ноумена в истории. Я говорил уже, что в историческом открываются не только внешние явления, но мо-

жет обнаруживаться и самый ноумен, само существо бытия. Это – особенность судьбы еврейского народа, необъяснимость его судьбы как древней, дохристианской, так и судьба его уже в христианскую эру. Всемирно-историческая роль еврейства, в сущности, не может быть поколеблена научной критикой традиционной библейской истории, таинственность этой судьбы остается неприкосновенной. Совершенно особая причастность еврейства к «историческому» и исключительная напряженность, внесенная им в историю, этой критикой не задается. Вокруг судьбы еврейства разыгрывается особо напряженный драматизм истории. В чисто арийском духе такой напряженности нет. В арийстве есть некоторая пресность. Как ни значителен дух Греции, дух Индии, быть может даже превосходящий дух еврейского народа, – остается несомненным неисторический характер этого духа и этого склада культуры. Судьба истории, драматизм истории, напряженность исторического действия и исторического движения из этого духа непосредственно не вытекают. Индия остается образцом очень древней культуры, по существу не исторической, застывшей в глубине своих внутренних духовных созерцаний, но не вошедшей в непосредственное, драматическое действие всемирной истории. То же самое можно сказать, в другом смысле, и о Греции. В Греции дано было откровение арийского духа в величайших созерцаниях художественных и философских, не превзойденных ни одной культурой мира, но это есть замкнутый статический космос, в котором напряженного исторического действия нет. Греция в конструировании «исторического» дала очень мало. С чем это связано? «Историческое» имеет религиозную основу. Это является основной предпосылкой того, что основа исторического лежит в той или другой форме религиозного сознания. В религиозной природе еврейского народа и еврейского духа заложено такое начало, которое должно было определить его напряженный исторический характер, его напряженную историческую судьбу. Прежде всего, если сравнить еврейскую религию с другими дохристианскими религиями, религиями языческими, то можно сказать, на что не раз

уже указывалось, что еврейская религия есть откровение Бога в исторической судьбе народа, в то время как языческие религии были откровения Бога в природе. Это различие религиозной основы языческих арийских религий от религии еврейской определяет историчность еврейского народа. Еврейская религия проникнута мессианской идеей, которая стоит в ее центре. У Израиля было ожидание дня суда, выхода из той горестной исторической судьбы, которую народ переживает, переход в какую-то всеразрешающую новую мировую эпоху. Мессианская идея определяет исторический драматизм этого народа. Обращенность к грядущему Мессии, страстное ожидание Его рождает двойственность религиозного сознания еврейского народа, которая составляет узел судьбы европейского народа и исторической судьбы человечества. Эта двойственность мессианского сознания обращена к историческому движению и историческому разрешению. Еврейский дух, который представляет из себя особый тип, отличный от всех других расовых типов, в XIX и XX веках сохраняет свои основные особенности, роднящие его с духом древнего Израиля. И в современном еврействе можно узнать судьбу всего того же народа, но в бесконечно разные моменты исторической жизни и судьбы. Еврейский дух XIX и XX веков перекликается с древнеевропейским духом. В нем есть иная, искаженная и извращенная форма мессианизма, есть ожидание иного Мессии, после того как истинный Мессия был еврейством отвергнут, есть все та же обращенность к будущему, все то же настойчивое и упорное требование, чтобы будущее принесло с собой всеразрешающее начало, какую-то всеразрешающую правду и справедливость на земле, во имя которой еврейский народ готов объявить борьбу всем историческим традициям и святыням, всякой исторической преемственности. Еврейский народ есть, по существу своей природы, народ исторический, активный, волевой, и ему чужда та особая созерцательность, которая свойственна вершинам духовной жизни избранных арийских народов. К. Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же древней библейской темы: в

поте лица своего добывай хлеб свой. То же еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский как избранный народ Божий, К. Маркс переносит на класс, на пролетариат. И подобно тому как избранным народом был Израиль, теперь новым Израилем является рабочий класс, который есть избранный народ Божий, народ, призванный освободить и спасти мир. Все черты богоизбранности, все черты мессианские переносятся на этот класс, как некогда перенесены они были на народ еврейский. Тот же драматизм, та же страстность, та же нетерпимость, которые раньше связаны были с народом Божиим – Израилем. Еврейский народ был всегда Божиим народом, народом трагической исторической судьбы. Прежде чем Бог еврейского народа был создан как единый Бог, Творец вселенной, как Господь, – Он был Богом всего народа, народным Богом. Эта связанность идеи монотеистической, идеи единого Бога с национальной судьбой избранного народа Божьего и создала свою особенность и специфичность религиозной судьбы еврейского народа. Здесь мы сталкиваемся с другой стороной религиозного сознания арийцев, которое определило особенную историю еврейского народа. Богосознание еврейского народа было богосознание трансцендентное; оно предполагает огромную дистанцию, которая делала невозможным лицезреть Бога лицом к лицу без опасности погибнуть. Семит снизу смотрел на бесконечную высоту Бога, эта далекость и страшность Бога, это трансцендентное сознание Бога вне человека и над человеком очень благоприятствовали созданию исторического драматизма. Это и вызывает напряженное движение, драматическое отношение между человеком, народом и трансцендентным Богом, встречу народа с Богом путем истории. Типическое же богосознание арийское, которое достигает своей чистоты в сознании индусов и в древнеиндийской религии, есть сознание имманентное, ощущение

Бога как находящегося в последней глубине самого человека. Но такое сознание не особенно благоприятно для исторического движения. Это вырабатывает такую форму созерцательности, такую форму углубления вовнутрь, которая противоположна религиозной жизни, создающей историческое движение вовне. Все основы религиозного сознания еврейского народа были таковы, что они были благоприятны для исторического движения. Такова конкретная идея Бога у евреев как Бога личного, у которого существует личное отношение к человеку. Это – основа истории народа. Историчность такого отношения между человеком и Богом, между народом и Богом вытекает из внешнего драматизма положения. У еврейского народа, по его первоначальному жизнеощущению, была страстная мечта о справедливости в земной судьбе народа. Я думаю, что эта другая специфическая особенность еврейского народа, требовавшая осуществления справедливости в этой земной судьбе и обращавшаяся с вымогательством к будущему, предопределяет всю сложность этой исторической судьбы. У греков, типичных арийцев, никогда не было этой мечты о справедливости. Эллинскому духу идея эта совершенно чужда. Поскольку она была в греческом духе, она являлась идеей побочной. Все это тесно связано с вопросом об отношении к индивидуальности и с тем или иным отношением к вопросу о бессмертии души. Греки более всего сделали для выработки идеи бессмертия психеи, бессмертия души. Это была особая мечта греческого народа на вершинах его духовной жизни. В орфизме, у Платона, в греческой мистике Греция приходила к этой идее. Греция выработала понятие психеи, между тем как для еврейского народа, для которого центр тяжести лежал не столько в индивидуальной судьбе человека, сколько в судьбе народа, понятие психеи было чуждо. У евреев в их религиозном сознании поражает отсутствие идеи бессмертия души почти до последнего периода истории еврейского народа перед христианством. Очень поздно пришли они к идее личного бессмертия. В еврейском понимании отношения между Богом и человеком бессмертен один Бог. Бессмертность человека казалась еврейско-

му сознанию преувеличивающим значение человека. Для этого сознания существовало лишь бессмертие народа. Ренан, этот блестящий, но неглубокий писатель, религиозно плоский, но не лишенный психологической наблюдательности, в своей «Истории еврейского народа», быть может самом интересном его труде, дает блестящие характеристики еврейского народа, хотя он и перегибает дугу и недостаточно понимает религиозные судьбы еврейского народа. Так, например, он очень метко говорит: «Древний семит отверг как химеричные все формы, под которыми другие народы представляли себе загробную жизнь. Один Бог вечен; человек живет только несколько лет, бессмертный человек был бы Богом. Человек может продлить немного свое эфемерное существование лишь в своих детях». Я думаю, и это является для меня ключом для объяснения всей исторической судьбы еврейства, что в еврейском сознании столкнулась жажда еврейского народа осуществления земной справедливости, земной правды, земного блага с индивидуальным бессмертием. В мессианском сознании еврейского народа была заложена двойственность, которая и была источником роковой судьбы еврейства, потому что здесь было истинное ожидание Мессии, Сына Божия, который в еврейском народе должен был явиться, и ожидание ложного Мессии, противоположного Христу. Эта двойственность мессианского сознания привела к тому, что еврейский народ не узнал Мессию, за исключением избранной своей части в лице апостолов и немногих первохристиан. Народ не узнал Мессии в Христе, отверг Его и распял. Это – центральный факт во всемирной истории, к которому всемирная история шла, из которого она исходит и который делает еврейство как бы осью всемирной истории. В еврействе ставится тема, разрешающаяся уже во всемирной христианской истории. Дело в том, что в этом напряженном еврейском стремлении к осуществлению правды на земле, земной справедливости и земного блага есть не только какое-то истинное и религиозно оправданное начало, но есть, поистине, и какое-то ложное богоборческое начало, есть нежелание принять предначертания Божьей судьбы, есть противление Богу и

божественному миропорядку, есть человеческий произвол, утверждающий, что судьбе людей и народов, как она складывается в истории и жизни мира по Божьей воле и по какому-то неисповедимому и непонятному для нашего человеческого разума смыслу, может быть противопоставлено человеческое понимание справедливости и человеческое понимание правды, которая должна быть осуществлена здесь, на земле, на поверхности земной планеты, в которую переносится центр тяжести всякой жизни, потому что другой, вечной, бессмертной жизни как будто и нет. Это есть отрицание бессмертия человека, отрицание той бесконечной жизни, в которой осуществляется смысл всякой судьбы человеческой. Судьба человеческая, полная страданий и мук, непонятных и неоправдываемых в пределах этого небольшого отрывка жизни, который изменяется временем с момента рождения до момента смерти, в какой-то другой жизни получает свое разрешение, превосходящее логику справедливости малого человеческого разума и малого человеческого нравственного сознания. В еврейском народе было не только истинное требование и истинное ожидание мессианского конца всемирной истории, победы над неправдой, но было и ложное народное притязание, являющееся вызовом Божьему Промыслу и сталкивающееся, по существу, с самой идеей бессмертной жизни, потому что все в этой смертной жизни должно было быть окончено и разрешено. Справедливость, по этой идее, должна быть осуществлена во что бы то ни стало уже в этом мире. «Еврейский мыслитель, подобно современному нигилисту, держался того мнения, что если в мире невысказана справедливость, то пусть мира совсем не будет!» (Ренан). Книга Иова – одна из самых потрясающих книг Библии. Внутренняя нравственная диалектика, которая рассказывается в Библии, исходит из того положения, что праведный человек должен пользоваться счастливой жизнью на земле, и потому незаслуженные страдания, которые выпадают на долю праведного Иова, вызывают в нем глубокий нравственно-религиозный кризис. Сама тема судьбы Иова ставится безотносительно к тому, существует ли бессмертие и какая-то бесконечная жизнь,

где эти страдания получают свое разрешение. В этой земной судьбе Иова должна быть окончательно осуществлена правда и справедливость, потому что ни в каком другом месте она осуществлена быть не может. Награда или наказание в какой-то другой жизни в религиозной предпосылке, положенной в основу книги, не мыслится. В земном плане раскрывается диалектика одной из основных и величайших тем человеческого духа – темы о том, что праведники могут страдать на земле, в то время как грешники и люди злые могут быть счастливы и торжествовать, – тема вечная, которая повторяется и до наших дней в величайших творениях человеческого духа. Эта тема в сознании еврейского народа была ограничена слабостью и бессилием еврейского религиозного сознания поставить судьбу человеческую в перспективу вечной жизни. Из этого ограничения и рождается вся историческая напряженность еврейского народа в земной его жизни, именно потому, что судьба человеческая и судьба народа не ставились в перспективу вечной жизни, а лишь в перспективу исторической жизни на земле. В эту историческую жизнь на земле евреи внесли величайшую активность, внесли в нее религиозный смысл, в то время как арийские народы приходили к тому, чтобы ставить проблему индивидуальной судьбы. Для арийства самого по себе трудно было осмыслить историческую судьбу в земной жизни. Арийское сознание в этой жизни указывало путь созерцания жизни вечной, историческая судьба человечества казалась ему пустой, в то время как есть созерцание иных духовных миров. В конце концов, и на высшей стадии духовной жизни греческого мира не было религиозного сознания смысла исторической земной судьбы. Если мы возьмем Платона, это величайшее явление духа в Греции, то и у него сознание религиозного и метафизического смысла исторической судьбы отсутствовало: он обращался к первообразам бытия и к миру идей, в них узнавал первичную бездвижную действительность и от них не мог вернуться к движущемуся эмпирическому миру с внутренним осмысливанием процесса истории. Здесь чувствуется граница религиозного сознания эллинского мира.

Противоречие между историческим бессмертием народа и индивидуальным бессмертием характерно для всей судьбы еврейского народа. Даже у пророков, предвещавших христианское откровение, нет идеи бессмертия. В еврейской религии нет также, в строгом смысле слова, ни мифологии, ни мистерий, ни метафизики. Немецко-еврейский философ Коген – представитель неокантианства – в последний период своей деятельности обратился к своим религиозным истокам и начал проповедовать своеобразный еврейский модернизм, очищенный критическим философским разумом. Коген утверждает, что его религия есть профетическая религия, по своему существу обращенная к будущему миру, в то время как всякая мифологическая религия обращена к прошлому и связана с прошлым. Миф есть рассказ, всегда связанный с прошлым. Этот профетизм еврейского религиозного сознания, который ставит еврейскую религию выше всех остальных, объясняет отсутствие в ней элементов мифологических. С точки зрения Когена, этот профетизм еврейской религии придает ей по преимуществу этическую окраску. Герман Коген в своем толковании юдаизма приспособляет к нему кантовскую философию. Он забывает, что есть один миф и в юдаизме – это миф, обращенный не к прошлому, а к будущему: миф эсхатологический. Еврейскому сознанию свойствен эсхатологический миф, который является мистической основой еврейского народа, с которым связана историческая жизнь еврейства. Слово «миф» имеет в моих устах реальное значение, а не противоположное реальности. Эта особенность еврейского сознания, которая является особенностью его исторической судьбы, приводит к тому, что социализм как некоторое всемирно-историческое начало имеет юдаистический источник. Социализм не есть явление наших дней, но в наши дни он приобретает особенную силу и исключительное влияние на весь ход истории. Социализм есть одно из всемирно-исторических начал, но все всемирно-исторические начала имеют свои корни в глубине веков, и, как все начала, имеющие древние истоки, они постоянно действуют и ведут борьбу с началами противоположными. Я думаю, что социализм имеет

источники религиозно-юдаистические, связанные с эсхатологическим мифом еврейского народа, с глубокой двойственностью его сознания, трагической не только для истории еврейства, но и для истории человечества. Именно эта двойственность исторического сознания евреев порождает еврейский религиозный хилиазм, обращенный к будущему со странным требованием и ожиданием осуществления тысячелетнего царства Божия на земле, наступления судного дня, когда зло будет окончательно побеждено добром, когда прекратятся несправедливость и страдания в земных судьбах человечества. Это хилиастическое ожидание является первоначальным источником для религиозно окрашенного социализма. Это связано еще с тем, что еврейство по своей духовной природе коллективистично, в то время как арийство – индивидуалистично. Эта связанность еврейского духа с судьбой народа, эта невозможность мыслить судьбу индивидуальную вне существования народа, вне судьбы Израиля, это перенесение центра тяжести на историческую сверхличную народную жизнь делает этот народ коллективистическим, в то время как в арийской культуре и в арийском духе мы впервые имеем раскрытие начала индивидуального, прославление индивидуального духа. Еврейскому духу были чужды идея индивидуальной свободы и чувство индивидуальной вины. В еврействе идея свободы не была индивидуальной, это была свобода народа – она конструировалась коллективистично, и вина не была индивидуальна, это не была вина отдельного человека, а вина народа перед лицом Бога. Это требование, религиозное и социалистическое, чтобы правда во что бы то ни стало победила на земле, это ожидание правды и победы, особенной правды и справедливости в коллективной судьбе народа – стало главным движущим духовным началом, – из-за которого разыгралась вся трагедия отвержения еврейским народом Христа. Это сделалось главным мотивом, главным основанием, почему Христос был отвергнут еврейским народом.

Ренан, со свойственной ему односторонностью в этой области, дает острую характеристику различия между арийским и семитическим типом. Он говорит: «Ариец, допускающий с

самого начала то, что боги несправедливы, не питает такого страстного желания добиться мирских благ. Он не принимает всерьез утех жизни, увлеченный своей химерой загробной жизни (только такая химера и может подвинуть на великие дела), ариец строит свой дом для вечности, семит же хочет, чтобы добро пришло, пока он жив. Он не хочет ждать; слава или благо, которых не чувствуешь, для него не существуют. Семит слишком верит в Бога, ариец слишком верит в вечность человека. Семит дал Бога, ариец дал бессмертие души». Эта характеристика очень односторонняя и в такой крайней форме не соответствует сложной исторической действительности, но есть здесь известная доля истины, и она объясняет исключительную напряженность этого мессианского ожидания евреями наступления дня блаженного царства Божьего на земле. Есть здесь что-то как бы предопределяющее двойственный характер еврейского мессианизма. Вот место из книги пророка Исаии. Если вникнуть в него, нас поразит то, что, с одной стороны, это может быть источником действительного ожидания земного царства, а с другой стороны, это есть ожидание какого-то божественного мессианского пира: «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют моря».

Вот такого страстного ожидания наступления дня блаженства Божьей правды, царства Божьего не было никогда и нигде, ни у одного народа мира, кроме этого мессианского пророческого сознания. Вместе с тем это мессианское сознание могло иметь и свою противоположную сторону. Оно могло превратиться в еврейском народе в ожидание Мессии как земного царя, который осуществит царство Израиля, национальное царство Израиля на земле, в котором наступит окончатель-

ное блаженство. Возможность такого понимания мессианского сознания все время присутствует в древнееврейской апокалиптике. Тот же Ренан говорит: «Истинный израильтянин – это человек, терзаемый недовольством, пребывающий во власти неутолимой жажды будущего». Неутолимая жажда будущего и есть жажда наступления такого дня царства Божьего на земле. «Иудей неспособен, как христианин, к покорности Провиденцию. Для христианина нищета, унижения – добродетели, для иудея это бедствия, с которыми надо бороться. Злоупотребления, насилия, переносимые христианином со смирением, иудея возмущают». Это проводит границу между еврейским сознанием и тем христианским сознанием, которое для евреев, не победивших своего еврейства, является неприемлемым и неместимым. В этом – основа революционного характера религиозного сознания еврейства. Еврей легко становится революционером и социалистом. Евреи поддерживают тот ложный миф, что в основе истории лежит эксплуатация человека человеком. Я говорю это не в узком современном смысле слова, а в смысле характеристики типа, в смысле вызова судьбы, тем испытаниям и страданиям, которые выпадают в этой судьбе, и настойчивого, страстного, напряженного требования, чтобы уже здесь, в этой земной судьбе, были осуществлены правда и блаженство. У евреев эта идея земного царства была не светской, секулярной, а религиозной, теократической. С этим связано то, что у евреев было сравнительно слабо чувство государства в мирском смысле слова, государства секулярного. Здесь мы встречаемся с одним противоречием. В то время как ни один народ никогда не жаждал так страстно осуществления своего национального земного царства в земной исторической судьбе, именно этот народ был в своей истории лишен того элементарного, чего не были лишены другие народы. Он был лишен возможности иметь свое самостоятельное государство. Страстное желание осуществления своего земного царства привело в конце концов к противоположному полюсу – не оказалось у еврейского народа царства, которое было у других народов, никогда так не жаждавших осуществления земного цар-

ства. Это – один из парадоксов в судьбе еврейства, связанный с судьбой еврейского мессианизма. Духовная жизнь еврейского народа должна была привести к явлению Христа и к распятию Христа. Христос не осуществил упований еврейского народа, не стал земным царем и не осуществил земного царства Израиля. Это и привело к коренному противоречию в судьбе еврейского народа. В то время как еврейский народ отверг распятие, он, в судьбе своей, оказался распинаемым. Это и было основное противоречие всей его религиозной судьбы. Эта страстная мечтательность еврейского народа о своем национальном земном царстве, которое предваряет страстную мечтательность новейшего времени об осуществлении социального земного царства уже не еврейского народа, а земного царства всего человечества в социализме, в социалистическом земном царю, не через Мессию, а через мессианский класс-пролетариат, – это страстное отношение к земной исторической судьбе, связанное с основной духовной особенностью еврейского народа, противоречит чаяниям жизни бессмертной, потому что осуществление высшей Божьей правды не переносится в высшую бессмертную жизнь. Верящий в бессмертие должен трезво относиться к плану земной жизни и видеть, что в нем невозможно окончательно преодолеть темное иррациональное начало, что в нем неизбежны страдания, зло и несовершенства. Чувство бессмертия у еврейского народа, народа, религиозно поднявшегося на самую высшую ступень до христианства, было гораздо слабее, чем у персов и египтян. У персов, великого арийского народа Востока, были зачатки подлинной веры в бессмертие и в воскресение, а у египтян была страстная жажда воскресения тела умершего, на которой и была построена вся египетская история. Построение пирамид было великим памятником человеческого духа, опровергающим верность материалистического понимания истории, материалистического отношения к жизни*. В конце концов, и еврейский народ в

* «Большие пирамиды есть древнейшее и наиболее внушительное из дошедших до нас свидетельств окончательного возникновения организованного общества» (Брэстед).

дальнейшей своей исторической судьбе должен был прийти к вере в бессмертие и к вере в воскресение. Он прошел тот же путь, который проходили другие народы до начала христианской эры истории. Еврейский народ был народом-моноидеистом, у него было потрясающее чувство реальности Бога. Эта потрясающая душу реальность и конкретность Бога так овладевает еврейским народом, что вытесняет всякое другое чувство и всякое другое понимание и постижение. Между тем как осмыслить идею бессмертия души оказалось необходимым в дальнейшей исторической судьбе. Наступил такой новый опыт и такое испытание в еврейском народе, и вплотную стал перед ним этот вопрос. Тогда возникает в еврейском мире так же, как возникло в мире эллинском и вообще в древнем мире, который верил в непосредственную победу добра, правды и праведника здесь, на земле, – сомнение в справедливости земной судьбы. Наступил момент, когда в это изверились, когда начали ощущать, что здесь, на земле, правда, добро и праведник не получают справедливого возмездия. Праведник страдает, он распинается. Это начинает чувствоваться в книге Иова, в притчах Соломона, в орфизме, у Платона и после этого начинается искание иного мира, разрешение индивидуальной судьбы в ином плане. В древнееврейском мире, как и в мире эллинском, возникает, по-разному, великая религиозная проблема распятия праведного человека, творившего величайшее добро. Эта проблема распятия праведника в греческой культуре была поставлена в судьбе Сократа и послужила духовным толчком для философии Платона. Смерть Сократа заставила Платона отвернуться от мира, в котором столь праведного человека могли подвергнуть незаслуженной казни, и искать иного мира добра и красоты, в котором невозможна несправедливая гибель праведника. Этот мотив повторяется повсюду в древнем мире. Он повторяется в мире языческом, повторяется и в мире еврейском. С возникновением этого исключительного и обостренного духовного опыта начинается обращение к иному высшему миру и искание разрешения судьбы человечества в этом ином мире. Момент возникновения такого рода религиозного опыта

в религиозной жизни дохристианского мира есть не что иное, как переход от национального склада религиозного сознания к складу индивидуальному, возникновение религиозного индивидуализма. Этот религиозный индивидуализм повсюду в древнем мире сменяет собой предшествующую стадию объективизма, обращенного к жизни народа и нации в этой земной действительности. Отсюда происходит обращение к глубинам индивидуальным в судьбе человеческой, которую пытаются объяснить за пределами национальной земной жизни. Период объективизма сменяется индивидуализмом. Это – переходный период. Этот субъективизм является периодом зарождения христианства. Христианская истина раскрывается человеку в тот период его духовной жизни, когда старая национальная религиозность начинает расшатываться и колебаться, когда дух человеческий начинает болеть об индивидуальной судьбе человека, которая не нашла себе разрешения ни в пределах ветхозаветных, ни в пределах язычества. С этим переходом от объективно-народной религиозности к религиозности субъективно-индивидуальной связывается в судьбе еврейского народа развитие и колебание его мессианского сознания. Мессианское сознание начинает испытывать внутреннее раздвоение между национальным мессианским сознанием, которое исключительно прикреплено к судьбе израильского народа, к этой земной исторической судьбе народа, и универсальным мессианским сознанием, которое ждало некоего божественного явления, несущего благовест для всей вселенной, а не только для народа израильского, и которое этим своим универсальным характером принесет благовест и для индивидуальной души каждого человека. В старом складе национальной религиозности происходит процесс внутреннего расщепления и раздвоения. Сознание идет путем индивидуализма, но вместе с тем это связано с большим универсализмом. Мессианская идея несет благовест не только для всего человечества, но несет и для каждой индивидуальной человеческой судьбы. В этой постановке разрешалась вся трагедия. Этим подготовлялось христианство. В еврейском народе должен был родить-

ся Христос, в еврейском народе с его напряженным чувством истории, обращенным к будущему, должно было совершиться центральное явление всемирной истории – явление этого мира и явление мира иного, имманентное и трансцендентное. Здесь совершается величайшая человеческая трагедия, в которой судьба еврейского народа связана с судьбами всей христианской истории. Роль еврейства связана с тем, что еврейство было наделено такими мессианскими ожиданиями, какими не был наделен ни один народ мира. Только еврейству дано была прямо и непосредственно ждать явления Мессии в мире, в то время как всем другим народам в мире языческом были даны лишь туманные предчувствия и не было прямого обращения сознания к грядущему Мессии. И вот этот народ, которому было дано это мессианское сознание, в котором должен был родиться Мессия, этот народ не выдержал испытания двойственности своего сознания и своего ожидания, не понял явления Распятого. Сущность трагедии, разыгрывавшейся между еврейством и христианством, в том, что Мессия должен был явиться в еврейском народе и что еврейский народ не мог принять Мессию распятого. Еврейский народ ждал Мессию и пророчествовал о Мессии, и еврейский народ Мессию не принял и отверг, потому что не мог принять Мессию в образе раба, он ждал Мессию в образе царя, который осуществит земное царство Израиля. Это напряженное ожидание еврейского народа было прообразом религиозного социализма еврейского народа. Тайны распятия еврейский народ принять не мог, он не мог принять Христа, потому что Христос явился в образе смиренной, а не торжествующей в земной жизни правды. Он отверг всей своей жизнью и своей смертью ложное упование еврейского народа на блаженное земное царство. Таким образом, в христианстве было отвергнуто то, что еврейский народ – народ Божий в каком-то другом смысле, кроме того смысла, что в народе еврейском должен был явиться Христос. Поскольку Христос явился в нем, – он был народом Божьим, но после отвержения Христа он перестал быть народом Божьим. Никакой мессианизм после явления Христа в еврейском старом смысле слова –

невозможен, и мессианское ожидание после явления Христа есть ожидание ложного Христа, явление Мессии, обратного Христу. Национальный мессианизм есть всегда та или иная форма возвращения к юдаизму, так же как и мессианизм классовый. Мессианизм социалистический имеет юдаистические корни, ожидание антихриста. Избранный народ в христианстве есть – церковный народ. Эта двойственность еврейского мессианизма, с одной стороны, обращенного к Мессии-Христу, а с другой стороны, связанного с антихристом, с принудительно-религиозным осуществлением правды на земле, ведет к тому, что всякое отвержение Христа, которое было в мире на протяжении всей истории, совершается всегда на тех же основаниях и по тем же мотивам, по которым Христос был отвергнут ложным еврейским мессианизмом, по которому Он был распят евреями. Это есть отрицание свободы духа во имя принудительного осуществления царства Божьего на земле. Христос отвергается потому, что Он умер на кресте, вместо того чтобы царственной мощью уничтожить зло и страдание и начать историю блаженную и справедливую. Это создает тот величайший из парадоксов, то противоречие в судьбе еврейского народа, которое сформулировано замечательным французским католическим писателем, недавно умершим, к сожалению, малоизвестным, но заслуживающим большей известности, – Леоном Блуа. Он так формулировал основную трагедию еврейского народа: «Евреи обратятся лишь тогда, когда Христос сойдет с креста, Христос же может сойти с него лишь тогда, когда евреи обратятся («Le salut par les Juifs»)). Этими гениально острыми словами обнажается не только трагедия еврейского народа, но и трагедия христианского мира, вскрывается основное возражение против христианства. Главное возражение против христианства есть то, что христианство не осуществилось в мире, не удалось, как часто говорят, правда не победила на земле, страдания в мире продолжают. Около двух тысяч лет тому назад пришел Христос, Спаситель и Искупитель мира, а зло, страдание, ужасы и муки продолжают. Это возражение против христианства, типическое возражение

ложного еврейского мессианизма, основано на том, что явление Мессии, Сына Божьего, должно было бы осуществить на земле добро и окончательно победить зло, прекратить всякое страдание, всякую муку, всякую тьму и водворить блаженство. Но отвержение Христа есть еврейское отвержение. И это еврейское отвержение свойственно арийскому племени не менее, чем еврейству. Это приводит к тому основному парадоксу всей истории еврейской и всей истории христианской, что без еврейства христианство было бы невозможно и невозможна была бы христианская история. Без еврейства, не принявшего тайны Голгофы, не было бы Голгофы. Христианская история находится во внутренней борьбе с еврейским духом. И отношение к еврейству является внутренним испытанием для христианского духа, потому что как податливость и слабость христиан, отдающая их во власть еврейского духа, так и расовый антисемитизм, переходящий в насилие, одинаково не выдерживают этого испытания. Антисемитизм не понимает всей религиозной серьезности еврейского вопроса. Расовый антисемитизм сплошь и рядом заражается тем ложным еврейским духом, против которого он восстает. Ненависть к евреям – нехристианское чувство. Христиане должны относиться к евреям по-христиански. В пределах самой христианской истории происходит постоянное взаимодействие начал юдаистических и начал эллинских, которые и являются главными источниками всей нашей культуры. Я думаю, что столкновение двух начал существует и в пределах самой христианской Церкви. Христианскому духу свойственна семитическая прививка, без которой невозможна была бы историческая судьба христианства. Древняя еврейская тема, поставленная еврейской историей, – тема всемирной истории. Вокруг этой темы разыгрывается всемирная история, в центре которой стоит Христос. От Христа начинается новая всемирная эра. С этим связано то, что еврейский вопрос неразрешим в пределах истории. Сионизм – самое благородное течение в еврействе, но он бессилён разрешить еврейский вопрос. Еврейская тема, поставленная в Библии, продолжает быть темой, вызывающей страсти и в

веках XIX и XX. Материальная прикованность к миру сему в капитализме Ротшильда и социализме Маркса есть еврейская, по идее, прикованность, хотя она и не имеет обязательной связи с евреями. И вокруг нее разыгрываются страсти и кровавая борьба. Но враждебный христианству юдаизм может быть свойствен и неевреям, а равно как евреи по крови могут быть от него свободны. Никакой вульгарный антисемитизм не может быть оправдан религиозным постижением судьбы еврейства. Окончательное разрешение еврейского вопроса возможно лишь в плане эсхатологическом. Это и будет разрешение судьбы всемирной истории, в последнем акте борьбы Христа и антихриста. Без религиозного самоопределения еврейства задача всемирной истории не может быть разрешена.

Глава VI

Христианство и история

В одной из предшествующих глав я уже много говорил об исключительной связи христианства с историей, об историчности христианства и ссылаясь на Шеллинга, который в своих «Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums»¹ с необыкновенной остротой выразил мысль о том, что христианство прежде всего – исторично, что оно есть откровение Божества в истории. Вместе с тем я говорил, что христианство по своей природе исключительно динамично, а не статично, что оно является стремительной силой в истории и что этим оно глубоко отличается от склада созерцания античного мира, который был статичен. Эта динамичность была так велика, что христианство порождало движение и тогда, когда совершалось отступничество от христианства. Тогда динамизм сказывался в других формах, был восстанием, бунтом против судьбы, свойственным исключительно христианскому периоду истории, потому что христианство является или источником истинного движения, или порождает бурное ложное движение.

Эта исключительная историчность и динамичность христианства связана прежде всего с тем, что центральный факт христианской истории – явление Христа – есть факт однократный и неповторяемый, а неоднократность и неповторяемость есть основная особенность всего «исторического». К этому неповторяемому центральному факту вся мировая история шла, и от него вся история идет. Эта однократность и неповторяемость исторического, эта связь истории небесной и истории земной в мире христианском имеет исторически сложную конструкцию, в которой преломились все основные предшествующие силы духовной истории; в нем прежде всего взаимодействуют два начала – начало юдаистическое и начало эллинское. Лишь эта встреча и взаимодействие еврейского и эллинского начал создала христианство в истории. В самом христианстве происходит постоянное преобладание то одних, то других начал, то юдаистических, то эллинских. Каждое из этих начал определяет ту или другую сторону многообразного и сложного христианского мира. Юдаистические элементы являются началами ветхозаветными, началами откровения закона, и в известные моменты, они могут определить собою перерождение христианства в сторону ветхозаветную, законническую, они противятся откровению благодати, любви и свободы. Они могут являться источником фарисейства внутри христианского мира. С другой стороны, те же начала являются источником противоположного духа, духа апокалиптического, обращенного к новым завершающим откровениям. Дух этот действует в направлении прямо противоположном ветхозаветным началам, но и то и другое юдаистическое начало является наиболее историческим, потому что и действие элементов законнических, закрепляющих историческое преемство, и действие элементов апокалиптических, обращенных к грядущему, одинаково являются историческими. Вообще нужно сказать, что христианская Церковь, по самому существу своей природы, является силой исторической по преимуществу. Она есть преломление откровения в исторической организации человечества, она религиозно направляет судьбы человечества, судьбы

народных масс. Церковь есть исторически направляющая сила, она преемственно связана с теми юдаистическими началами христианства, которые являются, по преимуществу, историческими ее элементами. Эллинские начала внутри христианства составляют богатство христианства, но они менее динамичны. С ними связана преимущественно созерцательная сторона христианства. Вся созерцательная метафизика христианства со всей его догматикой и созерцательной мистикой – эллинского происхождения. Они гораздо более эллинские по своему духу, чем юдаистические, потому что великое созерцание божественного бытия более свойственно духу эллинскому, чем бурно движущемуся историческому духу еврейскому. С эллинскими элементами христианства связана и всякая эстетика, всякая красота, потому что эллинский мир является колыбелью, источником, на веки веков, красоты в мире христианском и вообще в мире. С ними связана вся красота христианского культа. И все протестантские попытки очистить христианство от язычества приводили лишь к ослаблению христианской эстетики и христианской метафизики, т. е. как раз того, что связано с духом эллинским.

Исключительная историчность и динамичность христианства связаны с тем, что христианство впервые окончательно открывает миру начало духовной свободы, неведомой миру античному, и в такой форме, которая была неведома и миру еврейскому. Христианская свобода предполагает разрешение исторического действия через действие свободного субъекта, свободного духа. Эта разрешимость истории путем действия свободы активного субъекта существенна для природы христианства и для природы истории, потому что без допущения такого свободно действующего субъекта, своей свободной активностью определяющего исторические судьбы человечества, конструкция истории, конечно, невозможна. Греки утверждали необходимость добра, разумность добра. Они понимали добро как разумную необходимость, как результат победы разума. Сократ был выразителем эллинского понимания. В добре есть закономерность, действуют неотразимые для ра-

зума начала. Противоположны ему начала случайные, нерациональные. Греческое понимание добра не связывалось со свободой. Настоящее понятие добра в греческой философии, даже на высочайших ее вершинах, никогда не нашло себе выражения. Христианство же утверждает свободу добра. Оно утверждает, что добро есть продукт свободы духа и что только то добро, которое есть результат свободы духа, обладает истинной ценностью и является настоящим добром. Принудительную разумную необходимость добра христианство отвергает. Это — существенный признак христианского мирозерцания. Христианство утверждает не только свободу как высшее достижение, как победу высшего божественного разума, но утверждает и другую свободу, которой определяется судьба человека и судьба человечества, и которые делают историю. В христианстве само Провидение и действие Провидения есть свобода, а не фатум. Христианство не мирится с той покорностью судьбе, с которой мирился античный мир. Эта покорность судьбе как высшая мудрость, какую только мог завоевать себе человек, выразилась и в греческой трагедии, и в греческой философии. В христианском духе есть какое-то мятежное начало, не мирящееся с этой покорностью судьбе. Но свобода избрания, свобода утверждения добра, коренящегося в тайниках воли, а не в разуме, предполагает ту свободу творящего субъекта, действующего субъекта, без которого настоящий динамизм истории невозможен. Совершенная неисторичность или антиисторичность как древней культуры Индии, так и Китая связаны с нераскрытостью этой свободы творящего субъекта. Она не раскрывалась и в философии Веданты, одной из величайших философских систем, она не раскрывалась и теми философиями, которые, в известном смысле, утверждали свободу как абсолютное слияние, абсолютное тождество человеческого духа с божественным духом. Свободы человеческого духа Индия не знала. С этим связана недостаточная историчность всего склада этой своеобразной культуры. Христианство впервые окончательно раскрыло эту неведомую еще дохристианскому миру свободу творящего субъекта. Это христианское раскрытие

внутренних динамических начал истории, свершения исторических судеб человека, народа и человечества – окончательно создало ту бурную всемирную историю, которую знает христианский период человеческой истории и которая до христианства лишь готовилась. Какая же тема является первичной во всемирной истории? Основной темой всемирной истории я считаю тему о судьбе человека, ту тему о судьбе человека, которая ставится во взаимодействие человеческого духа и природы. Это взаимодействие, это действие свободного человеческого духа в природе – в космосе – и есть первичное основание, первичное начало исторического. В истории человечества мы видим разные формы взаимодействия между человеческим духом и природным целым, которые проходят через разные исторические эпохи. Первичная стадия истории, которая является непосредственным результатом акта небесно-исторической драмы отдаления от Бога, драмы грехопадения как драмы свободы, повергла человека и человеческий дух в недра природной необходимости. Произошло ниспадение человека в природные недра, сковывание природными стихиями, в которых дух человеческий был заколдован и из которых он своими собственными силами никак не мог подняться, не мог расколдовать того страшного колдовства, которое повергло его в среду природной необходимости. Все первичные стадии человеческой истории, которые характерны для диких и варварских состояний, для древних культур и первоначальной истории мира античного, связаны с этой погруженностью человеческого духа в стихийно-природное. Свободный человеческий дух как бы потерял свою первичную свободу и перестал ее сознавать. Погруженный в недра необходимости, он, в своем философском сознании, не возвышается до самосознания свободы, до самосознания себя как творящего, духовного субъекта. Этим объясняется, что древнему миру истинное начало свободы не было раскрыто, потому что человеческий дух, заколдованный, потерял вследствие своего изначального отпадения от Духа Божьего свою свободу; произошло как бы перерождение: свобода переродилась в необходимость, дух не мог

возвыситься до религиозного откровения свободы или до философского познания свободы. Тема о всемирной исторической судьбе человека есть тема об освобождении творящего человеческого духа из недр природной необходимости, из этой природной зависимости и порабощенности низшими стихийными началами. Все связано с постановкой и разрешением этой темы в мире античном, в Греции и вообще во всем древнем языческом мире. Эта погруженность человеческого духа в природную стихию связана была с горькой зависимостью человека и с мучительным страхом, испытываемым человеком перед демонами природы; падший человеческий дух, внедренный в жизнь природы, был порабощен природой, но вместе с тем находился с ней и во внутренней глубокой связи. Духовная жизнь самой природы была для него более открыта, чем для последующих стадий, он ощущал природную жизнь как жизнь живого организма, одухотворенного, населенного демонами, и находился с ними в постоянном общении. Древние мифологи говорят о связи с этими духами природы. На этой почве возникли все древние мифы и порождено взаимодействие между человеком и природой. Павший человеческий дух не стал повелителем природы, он, по свободному произволению своему в плане предмирном, стал рабом природы, неразрывной ее частью. Это рабство у природы, эта зависимость от нее в первоначальных стадиях человеческой истории выражалась в форме связи с природой. Языческий мир был населен демонами. Человек бессилен был возвыситься над этими демонами, над этим природным круговоротом. Образ человека был подобен не высшей божественной природе, а низшей природе, населенной элементарными духами. Человек окрасился в тот цвет, в который окрасила его низшая природа, в которую он пал, которая поработила его и от которой он своими силами не мог освободиться. Величайшее дело христианства в мире, хотя это и недостаточно еще познано внутри христианского мира, заключалось в том, что через явление в мир Христа, через мистерию искупления человека и мира христианство освободило человека от власти стихийной низшей природы, от власти де-

монов; оно как бы силой извлекло человека из этой погруженности в недра стихийной природы и поставило его духовно на ноги; оно выделило его из этой низшей природы, поставило его высоко, как самостоятельное духовное существо, изъяло из этой подчиненности природному мировому целому, выделило и вознесло до небес. Только христианство возвратило человеку ту духовную свободу, которой человек был лишен, когда находился во власти демонов, духов природы и стихийных сил, как то было в мире дохристианском. В этом нужно видеть существо христианства в деле освобождения человека, в деле свободного разрешения человеческой судьбы, в этом – величайший смысл искупления от внешнего и от внутреннего рабства, от злых стихий, действующих внутри его собственной природы. Рабство человека у демонов природы было также рабством его у самого себя, у своих собственных низших стихий. От этого рабства сам человек, в котором свобода переродилась в необходимость, освободиться не мог. По вине своей он ослабил ту мощь свободы, которая нужна для этого. Возвращение этой мощи свободы, возвращение человеку печати его высокого божественного происхождения, стирание с образа его этой рабьей печати, печати звериного происхождения, совершается через христианское искупление, через явление Божественного Человека, Богочеловека, Человека как второго лица Божественной Троичности. Только такое явление Божественного Человека, только взятие на себя этим Божественным Человеком всех последствий содеянного человеком в мире, Его крестные страдания, Его искупительная кровь, только эта мистерия искупления возвращает человеку свободу, делает его неподвластным низшим стихиям и вновь возвращает ему, в высшей форме, утраченное богосыновство. Древние религии также стремились к искуплению. Поистине, прообраз христианского искупления был во всех древних мистериях. Мистерия Озириса, мистерия Адониса, мистерия Диониса были лишь затуманенными предчувствиями и страстной жадной истинной мистерии искупления. В этих мистериях человек страстно жаждал освободиться от рабства природы, жаждал

завоевать бессмертие, освободиться от власти низших стихийных духов, но нигде и никогда мистерии древнего мира не достигали окончательного освобождения человека, потому что они были погружены в круговорот низшей стихийной природы. Это были имманентные, природные мистерии, в которых человек изживал избавление от горести бытия в недрах стихийных, природных круговоротов. Так, мистерии Диониса совершались по круговороту самой природной жизни, природной смерти и природного рождения, природной зимы и природной весны. Они не возвышали человека над стихийной природой и настоящего искупления не давали. Древний мир, который познал эти мистерии, страстно жаждал избавления и к концу своему был более чем когда-либо одержим ужасами перед демонами природы. Этот ужас в последние дни существования древнего мира, когда очень усилились и умножились мистические культы, достиг высочайших размеров и сделался, поистине, невыносимым. Жизнь людей, жаждавших избавления от этого ужаса, жаждавших искупления, стала, поистине, трагичной. Только христианство вывело человека из этого круговорота стихийной природной жизни, поставило его на ноги, возвратило свободу человеческому духу, открыло новый период в судьбе человека, период, когда судьба человека начинает определяться и разрешаться через свободно действующий субъект, когда человек сознает свободу.

Этот процесс освобождения от природной стихии имеет и обратную сторону, которую с горечью называют «смертью великого Пана». Именно конец античного мира и начало христианства знаменуют собою какое-то удаление от человека в какую-то чуждую глубину внутренней жизни природы. Великий Пан, раскрывающийся миру античному и близкий древнему человеку, погруженному в недра природы, великий Пан вгоняется в глубь природы и закрывается от человека. Между человеком, вступившим на путь искупления, и природой образуется бездна. Христианство закрывает наглухо внутреннюю жизнь природы и не допускает человека к этой жизни. Оно как бы умерщвляет природу. Это – обратная сторо-

на совершенного христианством великого дела освобождения человеческого духа. Для того чтобы человеческий дух перестал рабствовать у природы, для него должен был закрыться доступ к этой внутренней жизни духов природы, потому что до известного духовного возраста, до совершения мистерии искупления, до духовной возмужалости человека, когда он действительно станет на ноги, всякое новое возвращение его к состоянию древнего язычества, которое кончилось ужасом демонов природы, было опасно и грозило человеку новым падением. Христианство совершило процесс освобождения человеческого духа через отделение его от внутренней жизни природы. Природа осталась погруженной в тот языческий мир, от которого нужно было оттолкнуться. Так продолжалось почти все средние века. Внутренняя жизнь природы страшила человека. Сношение с духами природы было признано черной магией. У христианского человека остался ужас перед природой как кровной связью с язычеством. Христианство принесло благую весть об освобождении от этого ужаса и рабства, оно объявило непримиримую, страстную, героическую борьбу с природой в человеке и вне человека, борьбу аскетическую, которая явлена в потрясающих образах святых. Это отворачивание от природы, эта потеря ключей к ее внутренней жизни прежде всего характеризует христианский период истории в отличие от периода дохристианского. Последствия этого очень парадоксальны по внешности. Результат и последствия христианского периода – механизация природы, в то время как для всего языческого мира, для культуры всего древнего мира природа была живым организмом. Природа в христианскую эпоху сначала была страшной и жуткой, вызывала чувство опасности. С этим связана была опасность познания природы, бегство от природы, духовная борьба против нее. Позже, на заре новой истории, началось техническое воздействие на природу, началась механизация природы, связанная с восприятием природы как мертвого механизма, а не живого организма. Эта механизация является вторичным или третичным результатом христианского освобождения человека от демонолатрии. Для того

чтобы вернуть человеку свободу и дисциплинировать его, выделить человека из природы и возвысить, христианство механизировало природу. Как это ни парадоксально, но для меня ясно, что только христианство сделало возможным позитивное естествознание и позитивную технику. Пока человек находился в непосредственном взаимодействии с духами природы, пока он строил свою жизнь на мифологическом миропонимании, он не мог возвыситься над природой в акте познания через естественные науки и технику. Нельзя строить железные дороги, нельзя проводить телеграфы и телефоны, страшась демонов природы. В человеческой жизни должно было померкнуть чувство одухотворенности и демоничности природы и непосредственной связи с природой для того, чтоб он мог работать над природой как над механизмом. Механическое мирознание восстало на христианство, но оно явилось духовным результатом христианского акта освобождения человека от стихийной природы и от демонов природы. Человек, внедренный в природу, находящийся в общении с внутренней ее жизнью, не мог научно познавать ее, не мог технически овладеть ею. Этот результат должен пролить свет на всю дальнейшую судьбу человека. Христианство освободило человека от подвластности природе, поставив его духовно в центре мироздания. Антропоцентрическое чувство бытия древнему человеку было чуждо. Он чувствовал себя неразрывной частью природы. Только христианство дало это антропоцентрическое чувство, которое и сделалось основной движущей силой новых времен. Новая история, со всеми своими противоречиями, стала невозможной, потому что явилось это антропоцентрическое чувство, чувство центральности человека, возвышающее его над природой и полученное целиком от христианства. Все новые противники христианства не сознают в достаточной степени свою зависимость от этого христианского источника.

Христианская история освобождения человека от природы должна была привести к тому, что человек ушел во внутренний духовный мир, чтобы в нем совершить какую-то огромную героическую борьбу с природными стихиями, что-

бы преодолеть эту подвластность человека низшей природе и выковать человеческий образ, выковать свободную человеческую личность. Это великое дело, центральное в судьбе человека, было совершено христианскими святыми. Титаническая борьба со страстями мира, которую вели великие христианские подвижники и отшельники, совершила дело освобождения человека от низших стихий. Человек должен был оттолкнуться от природы, чтобы выковать новую человеческую личность, связанную с явлением нового Адама, в то время как человеческий образ древнего мира осуществлялся по образу ветхого Адама, того Адама, который в предмирном и всемирном акте, как собирательное человечество, впал в низшую, стихийную природу. Новая человеческая личность должна была выковаться по образу нового Адама, освобожденной от всякой подвластности смертоносным стихиям мира, от власти демонов низшей породы. Это выковывание новой личности нового Адама открыло христианский период истории, начиная с более раннего периода отшельничества, через средневековое монашество и через все века, в которые велась эта борьба во имя выковывания новой личности. Христианство впервые признало бесконечную ценность человеческой души. Христианство внесло то сознание, что человеческая душа стоит больше, чем все царства мира, потому что «какая польза приобрести весь мир и потерять душу свою». Это – одна из основ евангельского учения. Борьба христианства с природными стихиями стала существенной для христианства. Она создала христианский дуализм духа и природы. Это не есть онтологический дуализм. Этот христианский дуализм духа и природы является в высочайшей степени динамическим, движущим началом. Без такого дуализма, без противоположения действующего субъекта вне его находящейся объективной природной среде, с которой он ведет борьбу, которой он противодействует, невозможен дуализм истории. Период погружения субъекта в объект не благоприятствует историческому динамизму.

Судьба всего античного мира до явления христианства должна была закончиться двояко, двумя моментами, из ко-

торых каждый имел очень существенное значение для конструирования всемирной истории и для начала новой эры. Весь античный мир должен был в конце концов прийти к объединению во вселенское целое, т. е. к преодолению всякого партикуляризма. Распадение на Восток и Запад, на целый ряд древних культур и народов, на множество партикуляристических религий в конце концов должно было привести к процессу объединения и к образованию единого великого вселенского целого, духовного и материального. В этом процессе объединения имело огромное значение дело, совершенное Александром Македонским для объединения Востока и Запада. Духовное объединение началось в великий эллинистический период, когда сливались все религии Востока и Запада; для него характерен синкретизм, в котором собраны были все культурные типы, выработанные в древнем мире. Образование единого всемирного государства, Римской империи, было результатом интегрирующего процесса древнего мира, который сделал возможной всемирную историю. Всемирная история единого человечества началась с этого периода объединения Востока и Запада. Христианство исторически возникло и раскрылось в этот период вселенской встречи всех результатов культурных процессов древнего мира, в период, в котором соединились культуры Востока и культуры Запада, в котором соединение культуры эллинской с культурами Востока преломилось в культуре римской. Это объединение древнего мира, этот эллинистический синкретизм обусловили образование единого человечества, до которого не возвысился древний еврейский дух, несмотря на всю пророческую силу, несмотря на то, что он был колыбелью христианства. Партикуляризм свойствен был всему древнему миру. Вселенскость христианства, как природный процесс человеческого мира, предопределилась этим объединением Востока и Запада в эллинистическую культуру и в мировую Римскую империю. Христианство возникло в маленьком народе, который не занимал центрального места в истории того времени, когда на первом плане было то, что совершилось в Риме, может быть, в Александрии. В Па-

лестине, партикуляристической, национально обособленной, совершался величайший факт всемирной истории, который должен быть признан центральным не только христианами: то, что произошло в Вифлееме, предопределило всю всемирную историю. В то время как на арене истории совершались такие великие события, в Риме, в Египте, в Греции происходили процессы объединения, образовывалось универсальное объединение народов и культур в единое вселенское человечество, в это время образовалась точка, совсем не центральная по видимости, в которой совершалось величайшее излияние Божественного, величайшее откровение и соединение процессов, идущих сверху и идущих снизу, процессов, объединенных потоком древней истории в единый всемирный поток в последний период его существования. Образовался новый христианский мир, началась всемирная история, которая древнему миру не была известна. Таков был один из результатов.

Другой результат, очень странный и трагический, заключался в том, что древний мир должен был не только объединиться и образовать единое целое, но и должен был пасть, должно было совершиться великое падение античного мира, великое падение язычества. Пала величайшая культура, связанная с миром эллинским, пало величайшее в мире государство – Римское. Это падение совершилось тогда, когда было достигнуто состояние вселенскости. Высшее цветение древнего мира было тогда, когда были сравнительно небольшие государства, не претендовавшие на всемирное значение, не достигшие блеска и могущества, а падение его совершилось именно тогда, когда мир этот сделался вселенским, когда образовалось всемирное государство, когда образовалась самая утонченная эллинистическая культура. Я думаю, что это – один из самых центральных фактов всемирной истории, который более, чем другие факты, заставляет задуматься над природой исторического процесса и переоценить многие теории исторического прогресса. Не случайным было это падение древнего мира. Оно определилось не только нашествием варварских народов, которые разрушили ценности древнего мира

и открыли период варваризации, но и какой-то внутренней болезнью, которую все более и более признают историки, в корне поразившей эту культуру и сделавшей неизбежным ее падение именно в период величайшего ее внешнего блеска. Падение Рима и древнего мира учит нас двум вещам прямо противоположным. Оно говорит, что в культуре есть непрочность и хрупкость всех земных вещей и всех земных достижений; оно постоянно напоминает нам о том, что перед лицом вечности, перед вечной судьбой, все достижения земной культуры, даже в самой могущественной и цветущей форме, – тленны и заключают в себе смертоносную болезнь. Но вместе с тем это падение в свете истории нашего времени учит нас не только о смертности культуры, не только о том, что культура переживает моменты зарождения, расцвета и умирания, но также и о том, что культура есть начало вечности, потому что, поистине, изумителен тот результат, что не только этот великий древний мир пал и настал период варварства и тьмы, которыми характеризуются первые времена средневековья, века VII, VIII и IX, которые были периодами варваризации, но вместе с тем на веки веков осталась культура. Она вошла глубочайшим пластом в жизнь христианской Церкви; в христианскую Церковь вошла как эллинская культура, с ее искусством и философией, со всеми ее достижениями, так и римская культура, с которой католическая Церковь глубочайшим образом связана. Падение Рима и античного мира не обозначает смерти, а обозначает какую-то катастрофу в истории, когда на поверхности земли все сдвинулось, но и что-то вошло внутрь, и коренное начало древней культуры осталось жить навеки. Римское право вечно живо, вечно живо греческое искусство и философия и все другие начала древнего мира, составляющие основу нашей культуры, единой и вечной, но переживающей лишь разные моменты. Падение древнего мира учит нас прежде всего тому, что все прямолинейные учения о прогрессе никуда не годятся и не выдерживают никакой критики, что такого прогресса по прямой линии – нет. Все основные события истории, в сущности, эту теорию отвергают. Один из крупнейших историков

древнего мира, Эдуард Мейер, считает, что культуры переживают периоды развития, кульминационного пункта расцвета, затем умирания и падения. В конце концов он думает, что в древнем мире были такие великие культуры, по сравнению с которыми последующие времена обозначают лишь возврат к прошлому; например, древняя культура Вавилона была настолько совершенной, что во многих отношениях не уступает нашей культуре XX века. Это очень существенно для философии истории. В Греции был период просвещения, который совпал с софистической разрушительной критикой, аналогичной тому течению, которое было в XVIII веке. Это просвещение должно было торжествовать по прямой линии развития. Но мы видим, что период просвещения в Греции оборвался, началась великая реакция, идеалистическая и мистическая, которая обозначается с Сократа и Платона. Эта великая духовная реакция против скептически-рационалистического просвещения проходит через все средние века, она занимает огромный период истории, период больше 1000 лет, и явно опровергает просветительную теорию развития. Это совершенно непонятно с точки зрения прогрессивно-просветительной. Почему в мире произошла такая длительная реакция? Многие историки Греции, как, например, Белох, настроены враждебно к этому духовному течению и, начиная с Платона, видят реакционное движение, которое продолжается до эпохи Возрождения. Почему же не продолжалось «просветительское» развитие? Здесь ставится очень интересная проблема философии истории.

Христианство возникло в период позднего цветения и утончения древней культуры, того утончения, которое связано с периодом эллинистическим. В христианстве нельзя искать той наивности, которая свойственна древней религии и древнему человеку. Христианство открывается человеку в период культурной утонченности. Я думаю, что это один из существенных и важных моментов для определения характера христианства. Христианство по своему характеру не есть натуральная, природная религия. Если классифицировать религии, то христианство должно быть признано не природной

религией, связанной непосредственно с чувством природы и отражением в душе ее таинственных процессов в органической цельности, а религией культурно-исторической, в которой тайна жизни и тайна Божества открывается через дуализм души, уже отошедшей от наивного чувства и связи с природой. Это очень существенная сторона для характеристики христианства. В христианстве происходит встреча и соединение двух великих потоков всемирной истории и вместе с тем по-новому ставится и решается одна из центральных и основных тем мировой истории: тема Востока и Запада. Христианство есть встреча и соединение восточных и западных духовных исторических сил. Без этого соединения христианство немыслимо. Это – единственная всемирная религия, которая, имея свою непосредственную колыбель на Востоке, является, прежде всего, религией Запада, отражающей в себе все особенности Запада. Христианство возникает в период образования единого человечества через Римскую империю и эллинистическую культуру, когда Восток и Запад окончательно объединяются. Поэтому в христианстве дается та предпосылка всемирной истории, без которой философия истории вообще невозможна. Дается предпосылка единства человечества и единства Промысла Божия, действующего в исторических судьбах, когда новая религия возникает на почве объединения Востока и Запада. И вот христианство переносит центр тяжести истории с Востока на Запад. Оно есть точка пересечения мировых движений, оно идет с Востока на Запад, оно движется так, как движется солнце. За ним идет всемирная история. Всемирная история окончательно переносится с Востока на Запад, и народы Востока, которые дали первые страницы истории человечества, создали первые великие культуры и были колыбелью всех культур и религий, как бы выпадают из всемирной истории. Восток делается все более и более статичен. Динамическая сила истории целиком переносится на Запад. Христианство вносит исторический динамизм в жизнь западных народов. Восток уходит внутрь и сходит с арены всемирной истории. Поскольку Восток остается нехристианским, он не приобщается к всемирной истории.

Те народы Востока, которые не принимают христианства, не входят в поток всемирной истории. Это еще раз, опытным путем, подтверждает ту истину, что христианство является величайшей динамической силой и что те народы, которые окончательно уходят от христианства и не идут за христианством, перестают быть историческими народами. Это не значит, что Восток умирает и что на Востоке невозможна жизнь. Я склонен даже думать, что народы Востока еще вновь войдут в поток истории и могут сыграть мировую роль. Мировая война, последствия которой мы переживаем, будет способствовать тому, чтобы втянуть в новый поток всемирной истории народы Востока; быть может, она приведет еще раз к всемирному объединению Востока и Запада за пределами европейской культуры, и мы переживем нечто аналогичное «эллинистической» эпохе. Но о прошлом мы должны сказать, что Восток, с известного момента, перестает быть двигающей силой истории. Под Востоком я понимаю не Россию, потому что Россия не есть чистый Восток, а есть своеобразное сочетание Востока с Западом. Это создает всю сложность исторической судьбы ее, но вместе с тем это придает русской исторической судьбе иной характер, чем нехристианская судьба народов Востока.

Все, что я говорил об освобождении человеческого духа из недр природы, о личности человеческой, об образе и подобии Божьему в человеке, о первоначальном подчинении человека низшей природной стихии, которое свойственно было дохристианскому периоду истории, – все это ведет к тому, что тема человеческой личности впервые сознательно ставится христианством, потому что впервые лишь христианство ставит вопрос о вечной судьбе человеческой личности. Для древнего мира языческого и для мира еврейского настоящая глубинная постановка вопроса о судьбе человеческой личности была недоступна и невозможна. Христианство признает духовную изначальность и духовную первичность человеческой природы и невыводимость человеческой личности ни из какой низшей природы, ни из какой нечеловеческой среды. Христианство непосредственно связывает человеческую личность с

высшей божественной природой и с божественным ее происхождением, поэтому христианство глубоко противоположно эволюционно-натуралистическому пониманию человека. В то время как эволюционный натурализм рассматривает человека как дитя мира, как дитя природы и отрицает эту духовную первородность человека, это высшее аристократическое происхождение человека, христианство как раз утверждает его изначальную человеческую природу и независимость ее от низших стихийных процессов. Это делает впервые возможным осознание человеческой личности, высшего ее достоинства. Историческая выработка человеческой личности совершалась настоящим образом лишь в христианский период истории. Я думаю, что выковывание и укрепление человеческой личности совершилось в тот период истории, который долгое время, с гуманистической точки зрения, считался для личности неблагоприятным, – в период средневековья. Средневековье, в период расцвета, укреплялось и дисциплинировалось двойным путем – в монашестве и рыцарстве. Именно образы монаха и рыцаря были образами дисциплинированной человеческой личности, именно в монахе и рыцаре личность человека была многоценной. Там личность была закована в латы, как физически, так и духовно, и достигла независимости от действия внешних стихийных сил, которые разрывали ее в клочья. Недостаточно внимания обращают на то, какое колоссальное значение для выковывания того человека, который с необычайной энергией стал во весь свой рост и творчески заявил свои права в эпоху Возрождения, какое значение имела для этого человека та эпоха средневековья, которая внутренне концентрировала его духовные силы, которая в образе рыцаря и монаха выковала человеческую личность и укрепила человеческую свободу. Вся христианская аскетика имела значение такой концентрации духовных сил человека и недопущения их растраты. Духовные силы человека были внутренне подобраны и сосредоточены. И если не всегда творческие силы получали возможность достаточно свободно себя проявить и расцвести, то они, во всяком случае, сосредоточивались и сохранялись.

В этом был один из величайших и неожиданных результатов периода средневековой истории. Поэтому и был возможен внешний творческий расцвет в эпоху Ренессанса, что он был внутренне подготовлен в средние века. Если бы человек не прошел аскетической школы воздержания от растраты сил, то он не вошел бы в новую историю полным творческой мощи и дерзновения, каким вошел он в эпоху Ренессанса. В этом существенная противоположность между средневековьем и новой историей. Если европейский человек выходит ныне из новой истории истощенным и с растраченными силами, то он вышел из истории средневековой с силами накопленными, девственно непочатыми и дисциплинированными в школе аскетике. Образ монаха и образ рыцаря предшествовали эпохе Ренессанса, и без этих образов человеческая личность никогда не могла бы подняться на должную высоту.

Но тот конец средневековой истории, который должен был привести к возникновению новой истории, эпохи Ренессанса и гуманизма, означает, что средневековый период не мог разрешить тех вопросов, которые были поставлены, что средневековая идея Царства Божия не осуществилась и что неудача в ее осуществлении привела к восстанию человека в эпоху Возрождения и гуманизма. Величайший результат средневековья заключается не только в том, что оно раскрыло свою идею, но и в том, что оно обнаружило внутренние противоречия и неосуществимость этой идеи. Средневековье должно было прийти к этому краху. Теократия не осуществилась и не могла осуществиться принудительно. Но результатом средневековья было сосредоточение духовных сил человека для творчества новой истории, а не в том, в чем оно само полагало свои цели. Обыкновенно ведь результатом исторического движения является совсем не то, к чему сознательно стремятся его творцы, а совсем другое. Так, величайшим результатом движения, образовавшего Римскую империю, было не то, что она образовалась. Существование Римской империи было кратковременно – она пала и разложилась. Но величайшим результатом ее разложения было то, что образовалось то

единое человечество, которое и было основой всемирной христианской Церкви. Я думаю, что вне сознания людей средневековья было то, что они выковывали человеческую личность для нового периода всемирной истории. В их сознании были идеи теократии или феодализма, которые не удались, или переходящие формы рыцарства, которые новой историей были сметены (что нужно отделить от внутреннего, духовного рыцарства, которое остается вечным). Еще в пределах средневековья, в XIII и XIV веках, был христианский Ренессанс, происходило возвращение к античным формам, уже средневековая схоластика была победой античной формы в философии. Данте был высшей точкой средневекового Ренессанса.

Глава VII

Ренессанс и гуманизм

В эпоху средних веков силы человеческие были как бы внутренне духовно сосредоточены, но не были достаточно внешне проявлены. Но средневековье кончилось средневековым христианским Ренессансом, в котором западноевропейская культура достигла высочайшей точки своего развития. Я имею в виду ранний Ренессанс мистической Италии, в начале которого заложены пророчества Иохима из Флориды, святость Франциска Ассизского, гениальность Данте. Это христианское средневековое Возрождение, с которым связана живопись Джотто и все течение начального периода итальянского искусства. Это вообще один из самых необычайных моментов западноевропейской духовной культуры. В нем была поставлена великая задача чисто христианского возрождения и положена основа чисто христианского гуманизма, отличного от того гуманизма новой истории, который начинается позже. Этот христианский гуманизм стоит выше всего того, что дала нам духовная культура Западной Европы. Весь средневековый замысел религиозной культуры, быть может величайший за-

мысел в истории по своей глубине, по своему универсальному размаху, по взлету мечты, с которой была связана эта культура, претендовавшая создать Царство Божье на земле в величайшей красоте, какую только видел мир, в которой было уже частичное возвращение к античным основам, потому что всякое возрождение есть возвращение к греческим источникам культуры, – этот величайший замысел религиозной культуры не удался, и средневековое Царство Божье не осуществилось и не могло осуществиться. Величайшие достижения этого христианского Ренессанса были необычайны, потому что необычайна была святость Св. Франциска Ассизского и гениальность Данте, но это был творческий духовный опыт, после которого выяснилось, что человечество не могло идти тем путем, который был предудказан всем средневековым сознанием. Дальнейший путь был отпадением и отхождением от этой средневековой культуры. Это был иной путь, на котором осуществлялся не христианский Ренессанс, а во многом антихристианский. В Ренессансе действовал и христианский гуманизм раннего периода, и гуманизм антихристианский. Это центральная тема всей философии истории, тема о судьбе человека. Это – один из решающих моментов в судьбе человека. Средневековое сознание заключало в себе какие-то дефекты, недостатки, которые должны были раскрыться в конце средневековья и начале нового времени. В чем же заключается ущербность этой средневековой идеи Царства Божия, в силу которой средневековье должно было прийти к концу, не могла увенчаться успехом теократическая культура и должна была прийти к внутреннему надлому и краху, должна была кончиться история средневековья и начаться история нового человека, в которой появился дух, ведущий борьбу с духом средневековья? Я думаю, что недостаточность средневекового сознания прежде всего заключается в том, что не была раскрыта настоящим образом свободная, творческая сила человека и человек в средневековом мире не был отпущен на свободу для свободного, творческого дела, для свободного созидания культуры, не были в этом смысле испытаны в свободе те духовные силы человека,

которые были выкованы христианством и христианским средневековым периодом истории. Средневековая аскетика укрепила человеческие силы, но силы эти не были отпущены для испытания в свободном творчестве культуры. Выяснилось, что принудительное осуществление Царства Божия – невозможно; принудительно без согласия, без участия свободных, автономных человеческих сил не может быть создано Царство Божье. Для религиозной культуры в мире необходимо было откровение человеческих сил, человеческого творчества, чтобы человек, пройдя через этот трудный период трагического испытания на свободе своих сил, пришел наконец к высшим формам религиозного сознания, чтобы мог он автономно создать теонимическую культуру и приложить творческие свои силы для создания Царства Божья. Опыт новой истории есть не что иное, как опыт свободного раскрытия человеческих сил. Неизбежно было явление в истории гуманизма нового европейского человека, для того чтобы по-настоящему была испытана творческая свобода человека. Средневековье, сосредоточив и дисциплинировав духовные силы человека, вместе с тем связывало их. Оно держало их в подчинении духовному центру, оно централизовало всю человеческую культуру. Это подчинение было во всем складе средневековой культуры. На заре нового времени произошла децентрализация, были отпущены на свободу творческие силы человека. И вот шипучая пора этих творческих сил и создала то, что мы называем Ренессансом, последствия которого продолжают и до XIX века. Вся новая история есть ренессансный период истории. Этот исторический период стоит под знаком отпущения на свободу творческих сил человека, духовной децентрализации, отрывания от духовного центра, дифференциации всех сфер общественной и культурной жизни, когда все области человеческой культуры становятся автономными. Автономной является наука, искусство, государственная жизнь, экономическая жизнь, вся общественность и вся культура. Этот процесс дифференциации и автономизации и есть то, что называется секуляризацией человеческой культуры. Была секуляризирована даже религия.

Искусство и познание, государство и общество в новое время пошли секуляризованными путями. Все сферы общественной и культурной жизни перестают быть связанными и становятся свободными. Это – характерная особенность всей новой истории. Переход от средневековой истории к новой означает некоторый поворот от Божьего к человеческому, от Божьей глубины, от сосредоточенности внутри, от ядра духовного вовне, во внешнее культурное выявление. Этот поворот от духовной глубины, с которой были связаны человеческие силы, к которой они были внутренне прикреплены, есть не только освобождение человеческих сил, но есть также переход на поверхность человеческой жизни, из глубины на периферию, переход от средневековой религиозной культуры к светской культуре, когда центр тяжести из Божьей глубины переносится в чисто человеческое творчество. Духовная связь с центром жизни начинает все более и более слабеть. Вся новая история есть прохождение европейским человеком пути, все более отдаляющегося от духовного центра, – пути свободного испытания творческих сил человека.

Буркхарт говорит, что в эпоху Возрождения произошло открытие человека, открытие индивидуума. Но что означает это открытие человека? Вернее сказать, что внутренний человек был открыт в эпоху средневековья, поскольку тогда происходила внутренняя духовная работа, поскольку человек стоял тогда в центре христианской веры и христианского мирозерцания, но отношение к человеку было совершенно иное, чем в эпоху Возрождения. Эпоха Возрождения вновь открывает природного человека, в то время как христианство, с момента своего явления в мир, открыло духовного человека, нового Адама, в отличие от ветхого Адама дохристианского мира. Христианство объявило борьбу природному человеку, борьбу с низкими стихиями во имя духовного выковывания человеческой личности, во имя искупления человека. Средневековое христианство природного человека связало, оно сковало силы человеческие, отвратило человека от природы в нем самом и от природы в окружающем мире. Природа в средние века

была закрыта. Обращенность к природе была одной из основ античной жизни, она была связана с природой очень глубоко. Поэтому обращение к природе нового человека было связано с обращением к античности. Ренессанс есть не что иное, как обращение человека к природе и обращение его к античности. Это обращение к природным основам человеческой жизни, это раскрытие творческих сил в природной сфере создает почву гуманизма. Гуманистическое сознание, которое было порождено этим двояким обращением к античности и к природе, это гуманистическое сознание повернуло человека от духовного человека к природному человеку. Оно развязало природные человеческие силы и вместе с тем разорвало связь с духовным центром, оторвало природного человека от духовного человека. Это обращение к природным своим силам, это раскрытие нового сознания на этой почве создает юношескую уверенность человека в себе, в своих творческих возможностях. Силы человека безграничны, и нет границ человеческому творчеству в искусстве и в познании, в его государственной и общественной жизни. Человек новой истории переживает свой медовый месяц. Он ощущает освобожденность своих сил и глубочайшую связь с непосредственной природной жизнью и с античностью, которая была с природой связана. Замечательно, что именно в Италии, где произошел расцвет творческих свободных человеческих сил, не было прямого восстания против христианства. В Италии, в сущности, всегда сохранялась связь с античностью через Рим, никогда не терялись связи с ней, и античность не была чужда всей итальянской истории. В итальянском Ренессансе не происходило разрыва с католической Церковью, было странное сосуществование с католической верой. Это сосуществование заходило так далеко, что папы являются покровителями Ренессанса. Ренессансный дух проявляется с необычайной силой в Ватикане. С этой стороны происходит обогащение самого католичества. Этим отличается темперамент романских народов от северного темперамента германских народов, который в конце концов привел к протестантскому восстанию. Темперамент итальянский и вообще

романский со своей эстетической привязанностью к культуре не приводил к такому революционному восстанию. Там было скорее положительное творчество, чем восстание против религиозного и духовного прошлого.

В чем же заключается самая сущность обращения к природе и к античности? Это обращение было исканием совершенных форм во всех сферах человеческого творчества. Такое формальное начало в человеческом творчестве есть всегда ренессансное обращение к античности. Я не раз уже говорил о том, что для всего склада эллинской культуры существенно преобладание формы, которая достигает имманентного совершенства. Всякая попытка оформления мысли, художественного творчества, государственной и правовой жизни есть обращение к античности. Я думаю, что уже в патриотической мысли, поскольку в ней было обращение к Платону и Аристотелю, было оформление христианского духовного содержания эллинскими идеями. Но несоизмеримо могущественнее было обращение к античным формам на заре новых времен. Это искание новых совершенных форм носит двоякий характер. Обращаются прямо к античному искусству, к античной философии, к античному государству. С другой стороны, происходит искание совершенных форм в самой природе. Ренессанс так повернул человека к природе, что направил его творческие искания в сторону раскрытия совершенных форм в самой природе и через природу. Предрешают направления искусства искания источника совершенства в совершенных формах самой природы. Все искусство Ренессанса учится совершенству форм у природы, как учится и у античного искусства. В этом – глубочайшая сущность ренессансного духа. Это было искажением совершенных форм для нового духа, прошедшего через средневековую историю, духа, не похожего на дух античный, но по-новому обратившегося к античному искусству, античному познанию, античному государству, ко всем формам античной жизни. В Ренессансе произошло бурное и страстное столкновение нового духовного содержания христианской жизни, которое возростало на протяжении всех средних веков, – стол-

кновение человеческой души, заболевшей тоской по иному, трансцендентному миру и не способной уже удовлетвориться этим миром, с вечно возрождающимися и возрождающимися античными формами. То была душа, заболевшая жаждой искупления и приобщения к тайне искупления, которой не знает античный мир, душа, отравленная христианским сознанием греха, христианской раздвоенностью между двумя мирами, не способная удовлетвориться формами природной жизни и культурной жизни античного мира. На Ренессанс наложила свою печать эта двойственность сознания, унаследованная от опыта средневековья со всеми его раздвоениями на Бога и дьявола, на небо и землю, на дух и плоть, – в нем сочетается христианское трансцендентное сознание, разрывающее все грани с имманентным сознанием античного натурализма. Весь Ренессанс ни на одно мгновение не был цельным, не мог быть возвратом к язычеству. Весь Ренессанс, основанный на бурном столкновении языческих и христианских начал человеческой природы как вечных начал, имманентных и трансцендентных, был необычайно сложен. Все это опровергает старое мнение, что Ренессанс был Возрождением язычества, что в Ренессансе возродилась языческая радость жизни, обращенная к природной жизни, что с христианскими началами ренессансный человек окончательно разорвал и вся эпоха эта была окрашена в какой-то единый цвет. Культурные историки теперь признают, что Ренессанс является бурным столкновением двух начал, что в нем сильны и начала языческие, и начала христианские. Это особенно ясно можно видеть по автобиографии Бенвенуто Челлини, который оставил замечательный памятник об эпохе Ренессанса. Бенвенуто Челлини может быть назван язычником XVI века; он совершает самые ужасные преступления, характерные для его века, он кладет печать на свое время. Но этот же Бенвенуто Челлини остается христианином. В замке св. Ангела его посещает религиозное видение. Если это верно для Бенвенуто Челлини, жившего в поздний период Ренессанса, наиболее удалившегося от средневековых христианских начал, то это еще более верно для более ранних стадий хри-

стианства. Все люди Кватроченто характеризуются такого рода раздвоенностью. Ренессанс обнаруживает невозможность в христианский период истории классического совершенства форм и классической ясности. Для духа христианского, для которого разверзлись небеса, раздвинулись грани мира, для которого жизнь не может быть имманентно замкнутой, в этом мире невозможно достижение совершенных форм, тех совершенных форм, которых на вершине своей удалось достигнуть древнему эллинскому миру, который создал образ земного эдема, совершенной красоты земной жизни. Это было возможно всего только раз во всемирной истории. И в истории христианской бывают попытки возрождения и возврата, есть тоска по эллинской красоте, но в христианском мире невозможно уже на веки веков это достижение красоты и это достижение ясности и цельности духа, потому что разорванность, которую вносит христианское сознание между земной и небесной жизнью, между жизнью временной и вечной, между имманентно замкнутым и трансцендентно-бесконечным миром, – непреодолима в пределах земной истории, земной культуры.

Христианство создает тип культуры, тип творчества, в котором все достижения символичны. Так, искусство христианского мира по природе своей не классично, оно символично, но символические достижения всегда бывают несовершенны и никогда не обладают ясностью, ибо символическое достижение предполагает такую форму, которая является знаком существования чего-то совершенного лишь за пределами данного земного достижения. Символ есть мост, переброшенный между двумя мирами, он говорит о том, что совершенная форма достижима лишь за какой-то гранью, но недостижима в этом замкнутом круге мировой жизни. Эта недостижимость совершенства формы очень чувствуется в центральный период Ренессанса – Кватроченто. Этот период великих исканий отличается несовершенством форм. Это несовершенство земной формы говорит о неземном совершенстве. Искусство не создает совершенства, а говорит о тоске по совершенству и символически эту тоску изображает. И это характерно для

всего склада христианской культуры. Если взять различие между архитектурой готической и классической, то это будет особенно ясно. В то время как классическая архитектура достигает здесь законченного совершенства, как купол Пантеона, готическая архитектура, по существу, несовершенна и к совершенству формы не стремится. Она вся вытягивается в какой-то тоске и томлении к небесам и говорит, что лишь там, в небесах, возможно достижение совершенства, здесь же возможно не достижение, а лишь томление, страстная по нем тоска. Эта невозможность составляет характерную особенность и всей христианской культуры. Христианская культура по своей природе не может быть завершена. Она обозначает начало вечного искания, томления, вытягивания вверх и лишь символическое отображение того, что за этими пределами возможно. Эта раздвоенность христианской и языческой души достигает наиболее остро и наиболее прекрасного своего выражения в творчестве величайшего художника Кватроченто – Боттичелли. В искусстве Боттичелли эта раздвоенность ренессансного человека, это столкновение языческих и христианских начал достигает особенной напряженности. Весь творческий путь Боттичелли кончился тем, что он пошел за Савонаролой, – он пережил трагедию, подобную Гоголю, когда тот сжег, под влиянием о. Матвея, свои рукописи. В творчестве Боттичелли чувствуется невозможность достижения совершенных форм в искусстве христианской души, чувствуется болезненный надлом христианской души, неудача в достижениях культурного творчества. О Боттичелли говорили, что его Венеры покинули землю, а Мадонны покинули небо. Эта невозможность пребывания на земле совершенного образа Мадонны составляет характерную черту духа Боттичелли, в этом главная тоска его. Для меня искусство Боттичелли является самым прекрасным и в то же время научающим тому, что Возрождение должно было претерпеть внутреннюю неудачу. Может быть, сущность и величие Возрождения именно в том, что Возрождение не удалось и утратиться не могло, потому что невозможно античное, языческое Возрождение, невозможно Возрождение совершен-

ных земных форм в христианском мире. Для этого мира неизбежно искание совершенных форм и обращение к античным формам, но так же неизбежно и глубочайшее разочарование в осуществимости этих форм здесь. Имманентное осуществление совершенства в культурном творчестве невозможно в христианский период истории. Неудача Возрождения и есть, быть может, величайшее его достижение, потому что в этой неудаче осуществляется величайшая красота в творчестве. В раздвоенных образах Кватроченто достигается глубокое познание судьбы человека в христианский период истории и дается великий опыт того, в каких пределах возможна игра творческих сил человека, принадлежащего к христианскому периоду мировой истории. После явления Христа, после дела искупления невозможно уже осуществление творчества в формах античного имманентного совершенства. На это могут возразить, что в Чинквеченто было достигнуто большее совершенство форм. В искусстве Микеланджело и Рафаэля будто бы достигается настоящее совершенство. Но изумительна судьба этой вершины совершенства итальянского искусства XVI века: это достижение высшей точки в искусстве Рафаэля было началом падения Ренессанса. Уже в Рафаэле, в творчестве которого достигается совершенство композиции, начинается внутреннее обездушивание. В нем нет того внутреннего трепета, который чувствуется в искусстве Кватроченто. После искусства Квинквеченто начинается болонская школа и школа барокко, которые обозначают отцветание Ренессанса. Обращение к былым творческим эпохам обыкновенно ведет к тому, что они не просто повторяются, но происходит преломление старых и вечных начал в новых началах. В эпоху Ренессанса произошло не простое повторение, не простой возврат к античному творчеству, а произошло своеобразное преломление античных форм в новом духе, в новом содержании, изменившее все результаты. В конце концов, сходство между античным и ренессансным преувеличено. Совершенства античного в искусстве Ренессанса нет, так как вообще никогда ничто не повторяется. Платонизм эпохи Возрождения очень мало походит на античный платонизм. Как

в области искусства, так и в области создания искусственных форм государственности, в которых не повторяется ничего похожего на формы античные. Это – обман внешнего сходства, в действительности же вся творческая культура эпохи Возрождения гораздо менее совершенна, чем творческая культура периода расцвета эллинской культуры, никогда, быть может, не превзойденная в человеческой истории и вместе с тем гораздо более богатая своими исканиями и гораздо более сложная, чем более простая и целостная культура греческая.

Внутренний дух новой истории, дух, вдохновлявший Ренессанс и продолжавший вдохновлять весь Ренессансный период не только XV и XVI веков, но и всей новой истории, только теперь приходит к концу. Дух этот есть гуманизм, и он лег в основу всего нового миросозерцания. Началась новая гуманистическая эра. Началось Возрождение не только в Италии, но и вообще в Европе. Одним из величайших проявлений Ренессанса должно быть признано творчество Шекспира. Это было обнаружение той свободной игры творческих человеческих сил, которое началось после того, как человеческие силы были отпущены на свободу. Ренессанс повторяется во всех европейских странах, но величайший расцвет его совершенства – в Италии. Гуманизм представляет собой закваску новой истории. Понять новый гуманистический дух – значит понять самое существо новой истории, значит понять всю судьбу человека в новой истории, понять неотвратимость тех испытаний, которые человек переживает в новой истории, до нашего времени, осмыслить и объяснить эти испытания. Я думаю, что в самой первооснове гуманизма заложено было глубокое противоречие, раскрыть которое и составляет тему философии новой истории. Все неудачи новой истории, неудачи в человеческой судьбе, которые подстерегали человеческую свободу, которые отравляли радость творчества, все горькие разочарования, которые мы переживаем до нынешнего дня, основаны на этом коренном противоречии. Что же это за противоречие?

Гуманизм, по своему смыслу и уже по самому своему наименованию, означает вознесение человека, постановку челове-

ка в центре, восстание человека, его утверждение и раскрытие. Это одна сторона гуманизма. Гуманизм, говорят, раскрыл человеческую индивидуальность, дал ей полный ход, освободил от той подавленности, которая была в средневековой жизни, направил ее по свободным путям самоутверждения и творчества. Но в гуманизме есть начало и прямо противоположное. В гуманизме есть основание не только для вознесения человека, не только для раскрытия творческих сил человека, но и для принижения, для иссякания творчества, для ослабления человека, потому что гуманизм, обратив в эпоху Ренессанса человека к природе, перенес центр тяжести человеческой личности изнутри на периферию; он оторвал природного человека от духовного, он дал свободу творческого развития природному человеку, удалившись от внутреннего смысла жизни, оторвавшись от божественного центра жизни, от глубочайших основ самой природы человека. Что человек есть образ и подобие Божье, что человек есть отображение Божьего существа, гуманизм это отрицает. Гуманизм в преобладающей своей форме утверждает, что человеческая природа есть образ и подобие не божественной природы, а природы мировой, что он есть природное существо, дитя мира, дитя природы, созданное природной необходимостью, плоть от плоти и кровь от крови природного мира и поэтому разделяющий ее ограниченность и все болезни и дефекты, заложенные в природном существовании. Таким образом, гуманизм не только утверждал самонадеянность человека, не только возносил человека, но и принижал человека, потому что перестал считать его существом высшего, Божественного происхождения, перестал утверждать его небесную родину и начал утверждать исключительно его земную родину и земное происхождение. Этим гуманизм понизил ранг человека. Произошло то, что самоутверждение человека без Бога, самоутверждение человека, переставшего ощущать и сознавать свою связь с высшей божественной и абсолютной природой, с высшим источником своей жизни, привело к разрушению человека. То начало, которое было заложено в христианском духе, возносившее человека, согласно которому он

есть образ и подобие Божье, дитя Божье, существо, усыновленное Богом, гуманизм низверг. Христианское сознание о человеке начало слабеть. Таким образом, раскрывается внутри гуманизма самоистребляющая диалектика.

Гуманизм переживает разные стадии. Чем он ближе к источникам христианским, католическим и вместе с тем античным, тем прекраснее, тем сильнее человеческое творчество. Чем он более отдаляется от христианского средневековья, тем более порывает он с античными основами, тем более иссякают творческие силы и ослабляется красота человеческого духа. Это одно из самых несомненных и вместе с тем парадоксальных положений, которое раскрывается в новой истории. С этим связано страшное несоответствие между началом и концом гуманизма, между началом, которое породило расцвет Ренессанса, в котором чувствовалась еще эта средневековая, христианская, католическая основа человеческой личности и была связь с античностью, и тем концом гуманизма, в котором совершается все больший и больший разрыв с средневековыми католическими основами, а вместе с тем с античностью. Чем более отходит человек в своих исторических путях и в своем сознании от начал средневековых, тем более отходит он и от начал античных и изменяет первоначальному завету Ренессанса. Античные начала, в сущности, никогда не были уничтожены, особенно у романских народов. Тот новый дух, который обнаруживается в новой истории, направляет человека по совершенно новым путям, не схожим ни с путями средневековой его судьбы, ни с путями его античной судьбы. Между тем как духовных основ человека было в сущности две: античная – эллинская и средневековая – христианская, или католическая. Это парадоксальное, на первый взгляд, утверждение блестяще подтверждает всю диалектику о человеке. Диалектика эта заключается в том, что *самоутверждение человека ведет к самоистреблению человека, раскрытие свободной игры сил человека, не связанного с высшей целью, ведет к иссяканию творческих сил*. Страстное стремление к созданию красоты и совершенства форм, с которого начался

ренессансный период истории, ведет к разрушению и ослаблению совершенства форм. Это увидим мы во всех областях человеческой культуры.

Ренессансный период истории есть великое испытание человеческой свободы. Оно было провиденциально неизбежным. Не могло создаться Царство Божье без такого свободного испытания человеческих сил. Средневековый замысел земной теократии не включал этого свободного испытания человеческих сил. Без свободы, без свободного творчества не могло человечество прийти к Царству Божьему. Но одно дело – утверждать неизбежность этого процесса новой истории как какую-то неотвратимость и видеть глубокий смысл пережитых человечеством гуманистических блужданий, другое дело – утверждать, что гуманизм по своим основам и путям заключает в себе высшую, подлинную правду и что испытание человеческих сил и человеческой свободы оказалось на высоте. Я думаю, что человек прошел через отпадение и падение, он пережил их последствия, но пройти этот путь он должен был во имя величайшего смысла всякого свободного испытания. Это противоречие гуманизма и есть тема философии новой истории. Через раскрытие этого противоречия мы должны прийти к концу ренессанса и к концу гуманизма, который мы переживаем в очень острой форме. Этим завершается новая история, и мы вступаем в какой-то совершенно неведомый период, четвертый период всемирной истории, не имеющий еще наименования. Это есть окончательное исчерпание гуманизма, окончательное изживание и исчерпание Ренессанса.

Следующий период развития гуманизма в новой истории, совершающийся с внутренне неизбежной диалектикой, после небывалой по мощи манифестации свободного человеческого творчества в Возрождении представляет собой эпоха Реформации. В эпоху Реформации миссию берет на себя другая раса. В то время как Возрождение начинается на юге, у народов романских, Реформация есть достояние народов северных, по преимуществу народов германских. Реформация создается другим расовым темпераментом, в ней раскрывается иной

дух. Реформация была религиозным восстанием человека, но восстанием человека не в форме положительного творчества, а в форме протеста и религиозного отрицания. Это связано как с положительными, так и с отрицательными свойствами германской расы. В германской Реформации были некоторые черты германского духа, которые ставят его, в некоторых отношениях, выше духа романского. Это – какая-то особенная углубленность, особенное стремление к духовной чистоте. Черты эти привели к тому, что Возрождение и гуманизм приняли прежде всего религиозные формы. В романском католическом мире произошло творческое гуманистическое возрождение, которое не принимало формы восстания против католической Церкви. Папы покровительствовали Возрождению и сами были заражены духом Возрождения. Но внутри католической Церкви, в человеческой ее стороне обнаружилось гнилостные процессы, и против этого восстал дух протеста в германской расе. Это приняло не столько характер созидательный, сколько характер бунтарский. Обнаружение гуманизма в Реформации означало и утверждение истинной свободы против насилия над человеческой природой, которое происходило в католическом мире, и вместе с тем утверждение ложной свободы человека, в которой человек начал уже истребляться. Это характерно для самого существа Реформации: она, с одной стороны, утверждает свободу человека, и в этом истинный ее момент и положительное ее призвание; с другой стороны, утверждает человека менее, чем утверждало сознание католическое. Эта, может быть, недостаточно ясная мысль требует раскрытия. В то время как католическое христианское сознание утверждает существование двух начал – Бога и человека, утверждает самостоятельность человека перед лицом Бога, признает взаимодействие двух начал, самобытность двух природ, протестантское, лютеранское христианское сознание в конце концов утверждает существование только одного Бога и божественной природы и самостоятельность человеческой природы отрицает. Это есть монизм, но монизм, противоположный натуралистическому. Религиозное и мистическое сознание протестантизма утверждает одно-

го Бога и божественную природу и отрицает самобытность человека, онтологическую основу человеческой свободы. Лютер утверждал свободу религиозной совести. В протесте против католичества он утверждал автономность религиозного сознания человека, но он отрицал первооснову свободы человека. Он склонялся к учению Бл. Августина о благодати, которое не давало места свободе. Это очень характерно не только для Реформации, но и для всего германского духа, который лег в основу германской философии, германского идеалистического монизма. Единое божественное начало раскрывается внутри человека, но отрицается самостоятельная человеческая природа пред лицом божественного начала. Сама человеческая природа для отвлеченной германской мистики и отвлеченного германского идеализма есть неистинная природа, не относящаяся к самому существу бытия. Такое учение было заложено уже в Реформации, и Реформация, таким образом, не только утверждала человеческую свободу, но и начала метафизически ее отрицать. В Реформации было не только гуманистическое начало, но и начало антигуманистическое. Кроме того, Реформация хотела истребить в христианстве языческое начало, она враждебна античным, эллинским истокам христианства. Реформация кладет основание такому духовному течению, которое все более и более разрывало с античной красотой и с античными формами. Это очень характерный и существенный момент во внутренней диалектике гуманизма. Мне важно раскрыть лишь основные моменты этой диалектики, чтобы перейти к основной теме о конце Ренессанса.

Дальнейшим моментом этой диалектики было Просвещение XVIII века, которое тесно связано с явлением нового человека в эпоху Ренессанса. Здесь мы видим уже начало саморазложения гуманизма. Просвещение XVIII века не напоминает по духу своему того первоначального расцвета человеческого творчества, которое мы видим в Ренессансе. В рационализме Просвещения нельзя узнать той полной энтузиазма веры человека в силу своего познания, которую мы встречаем в эпоху Ренессанса. Там встречаем мы безграничную веру в способ-

ность человека проникнуть в тайны божественной природы. Этот необычайный подъем в познании тайн природы чувствовался и в теософических, и в натурфилософских течениях Ренессанса, ощущавших природу как божественную и живую, в которую человек должен проникнуть, с которой он должен слиться, и в первых гениальных открытиях естествознания. В век «просвещения», при всей его вере в разум, нет этой упоенности познанием природы. Начинается подрыв самого разума, понижение качества разума, потому что тот высший разум, который соединяет человека с божественным космосом, начинает тускнеть, связь с ним теряется. Это начало того уединения человека, отрывания от духовного начала, которое ведет и к уединению от жизни космической. Последствия этого мы видим уже в XIX веке. Такое же могущественное проявление гуманистического духа новой истории, как в Возрождении, как в Реформации, как в Просвещении XVIII века, мы видим и в Великой французской революции. Это – один из существенных моментов в судьбе ренессансного периода истории, в судьбе гуманистичного самоутверждения человека. Гуманистически самоутверждающийся человек неизбежно должен был прийти к тем деяниям, которые были совершены Великой французской революцией, испытание свободных человеческих сил должно было быть перенесено и на эту сферу. То, что в Ренессансе совершалось в науке и искусстве, что совершалось в Реформации в жизни религиозной, что в эпоху Просвещения протекало в сфере разума, должно было быть переведено и в общественное коллективное действие. В общественном коллективном действии должна была быть проявлена эта вера человека в то, что он как природное существо совершенно свободно и самочинно может изменять человеческое общество, изменять ход истории, что он в этом отношении ничем не связан, что он должен провозгласить и осуществить свое право и свободу. На этот путь вступила революция и совершила один из величайших гуманистических экспериментов. Революция есть эксперимент, которым проверяются внутренние противоречия гуманизма, задания гуманизма и результаты гуманизма,

оторванного от духовной основы. Революция бессильна была осуществить свои задания, она не могла осуществить прав человека и свободной жизни человеческой. Она претерпела великую неудачу. Она осуществила лишь тиранию и поругание человека. Если была неудача Возрождения, которое было великой манифестацией человеческого творчества, но бессильно было осуществить совершенство земных форм, если была неудача Реформации, которая, поманив свободой, обнаружила религиозное бессилие и приняла формы отрицания, а не созидания, то еще большая неудача совершилась в революции. Революция не удалась, и весь XIX век есть обнаружение этой неудачи французской революции и раскрытие духовной реакции, которая возникла в начале XIX века и идет и до нашего времени, обнаруживая существо и смысл этой неудачи. Путем, на котором стояла революция, человек не мог осуществить своих прав и своей свободы, не мог достигнуть блага. Если в 89 году революция движется пафосом прав человека и гражданина, пафосом свободы, то в 93 году она доходит до отрицания всяких прав и всякой свободы. Она пожирает самое себя, обнаруживая, что в ее основании нет начала, которое онтологически укрепляет права человека. Обнаруживается, что права человека, забывающие права Бога, истребляют себя и не освобождают человека. Это показала духовная реакция начала XIX века, которая внесла глубочайшие мысли, оплодотворившие весь век. XIX век в значительной степени есть реакция против XVIII века и революции. Социализм, столь характерный для XIX века, был не только порождением французской революции, он был также реакцией на французскую революцию, реакцией против того, что французская революция не исполнила своих обещаний, не осуществила свободы, равенства и братства. Социализм есть материалистическое и атеистическое извращение теократической идеи. Социализм хочет осуществить благо человека, положив предел освободительному движению Ренессанса. Печальная история французской революции, основанная на гуманистическом самоутверждении человека, обнаруживает внутреннее противоречие, не допускаю-

щее истинного освобождения и осуществления человеческих прав и порождающее неизбежную реакцию. Один интересный французский мыслитель, Фабр д'Оливе, в своей книге «Histoire philosophique du genre humain»² делает попытку признать существование трех начал в истории человеческих обществ: необходимости (le Destin), Божественного Провидения (la Providence) и человеческой свободы (la volonté de l'Homme), которые постоянно находятся во взаимодействии. Во французской революции действует начало человеческой свободы, человеческой воли против начала Провидения, против божественного начала, в разрыве с ним, а реакция на революцию есть не что иное, как действие необходимости. Le Destin начинает вступать в свои права против человеческого произвола. Наполеон был орудием необходимости, восставшей на человеческий произвол. На оргию человеческой свободы, на безграничную человеческую самонадеянность, оторвавшую человека от высших начал, обрушивается необходимость со всей своей силой. Это начало необходимости обрушилось и на французскую революцию. Удар необходимости был карой за ложь гуманистической свободы, в которой природный человек отрывается от человека духовного и перестает ощущать духовный смысл свободы. Реакция падает на произвол, но против свободы духовной бесильна эта реакция необходимости.

В то время как первое возрождение было обращено к античности, дальнейшие возрождения, которые были в культуре XIX века, уже окрашены в цвет возврата к средневековью. Таковы творческие искания человеческой личности в движении романтическом. Это есть тоже проявление гуманизма, но пытающееся спасти человеческое творчество, оплодотворив его средневековыми началами. В средних веках ищут духовного питания для человеческого творчества. Романтическое возрождение хочет вернуть человеческому творчеству то высокое положение, которое связано с христианским сознанием, и этим предотвратить его падение. Это обращение к средневековым началам характерно также и для конца XIX века, когда происходит мистическое движение в известных кругах духовной

культуры. Следует еще указать на то, что гуманизм достигает своего совершенного развития и вершины человеческого творчества, когда он удерживается на середине чистой человечности, например, в германском возрождении, в гениальной личности Гете. Это было последним явлением чистого, идеального гуманизма. Гердер видел в человечности высшую цель истории. Он был последним настоящим гуманистом. Для Гердера Человек – впервые отпущенное на свободу существо, он стоит прямо. Человек по свободе своей – король. В гердеровском гуманизме образ человека еще связан с образом Божьим. Это – гуманизм религиозный, но религия Гердера вся в гуманности. Человек – посредник между двумя мирами. Человек создан для бессмертия, в силах человека заложена бесконечность. Пафос Гердера, как и Лессинга, был в воспитании человеческого рода. Цель человека в самом себе, т. е. в гуманности. После германского возрождения Гердера и Гете, после романтиков гуманизм радикально перерождается и теряет связь с эпохой Возрождения. XIX век раскрывает начала уже противоположные. Начинается кризис гуманизма и иссякание ренессансного духа. Раскрываются противоположные бездны.

Глава VIII

Конец Ренессанса и кризис гуманизма.

Вхождение машины

Теперь мы подходим к самой центральной теме чтений по философии истории – к теме о конце Ренессанса и о кризисе гуманизма. Я ощущаю эпоху, в которую мы вступаем, как конец ренессансного периода истории. Требуется особого разъяснения, почему ренессансная энергия новой истории истощилась, почему творческий дух Ренессанса постепенно угасал и рождался другой дух. Для того чтобы постигнуть глубинную сущность этого процесса, нужно обратиться к первоначальной основе всего исторического процесса, как я его раньше уже обрисо-

вал. В основе исторического процесса лежит отношение человеческого духа к природе и судьба человеческого духа в этих взаимодействиях с природой. Это составляет первоначальную ткань исторического процесса. Можно установить три периода в отношении человека к природе: первоначальный период – дохристианский, период языческий, который характеризуется еще погруженностью человеческого духа в стихийную природу, и непосредственной органической слиянностью с природой. Эта погруженность человеческого духа в природу является первоначальной стадией отношений между человеком и природой. В этот период человек воспринимал природу анимистически. Следующая стадия отношений человека к природе связана с христианством и продолжается в течение всего средневековья. Она стоит под знаком героической борьбы человеческого духа с природными стихиями, с природными силами. Этот процесс борьбы человеческого духа с природой характеризуется отворачиванием от природы, обращением человеческого духа внутрь, в глубину, отношением к природе как к источнику греха, к источнику порабощения человека низшими стихиями. Наконец, третий период отношения человеческого духа к природе, который начался в эпоху Ренессанса, характеризуется новым обращением человеческого духа к природной жизни. Но это новое обращение человеческого духа к природной жизни очень резко отличается от того непосредственного общения с природой, которым началась всемирная история, которое было начальной стадией взаимодействия между духом и природой. Здесь уже происходит не духовная борьба со стихиями природы, которая характерна для средневековья и для наиболее христианского периода истории, а борьба во имя покорения и завоевания природных сил для превращения их в орудие человеческих целей, человеческого интереса и благополучия. То обращение к природе, которое началось в эпоху Ренессанса, не сразу раскрыло такого рода отношения, первоначально оно было лишь художественным и познавательным созерцанием тайн природы. В дальнейшем обнаруживается новое отношение человека к природе. Завоевывается и покоряется человеку

внешняя природа, и от этого меняется сама человеческая природа. Внешнее покорение природы меняет не только природу, не только образует новую среду, но меняет и самого человека. Сам человек под влиянием этого процесса радикальным и коренным образом изменяется. Происходит переход от органического типа к механическому. Если предшествующая стадия знаменовалась органическим отношением человека к природе и ритм человеческой жизни соответствовал ритму жизни природной, если самая материальная жизнь человеческая протекала как жизнь органическая, то с известного момента истории происходит очень радикальный сдвиг и переворот: переход к механическому и машинному складу жизни. История ренессансного периода, который продолжался несколько столетий, не совпадает с Ренессансом в точном смысле слова. XVI, XVII и XVIII века – переходный период, когда человек считает себя свободным от организма и еще не подчиненным механизму. Человеческие силы отпущены на свободу для творческого действия. Человек вышел уже из недр органической жизни, общественной и индивидуальной, он развязан, он дифференцирован и освобожден от принудительной связи с центром органическим, которому был раньше подчинен. Но не образовалось новой связи и скрепы с новым центром, не образовалось еще механизма как нового уклада и нового соподчинения. Этот период богатой содержанием истории воспринимается как наиболее свободное проявление играющих творческих сил человека. В этот период человек не подчинен ни старому органическому центру, ни новому механическому центру.

Что же произошло в истории человечества, что радикально изменило весь склад и ритм жизни и что, ускоренным темпом, положило начало тому концу Ренессанса, который намечается в XIX веке и в XX-м достигает наиболее резкого своего выражения? По моему глубокому убеждению, произошла величайшая революция, какую только знала история, – кризис рода человеческого, революция, не имеющая внешних признаков, приуроченных к тому или другому году, подобно революции французской, но несоизмеримо более радикальная. Я го-

ворю о перевороте, связанном с вхождением машины в жизнь человеческих обществ. Я думаю, что победоносное появление машины есть одна из самых больших революций в человеческой судьбе. Мы еще недостаточно оценили этот факт. Переворот во всех сферах жизни начинается с появления машины. Происходит как бы вырывание человека из недр природы, замечается изменение всего ритма жизни. Ранее человек был органически связан с природой и его общественная жизнь складывалась соответственно с жизнью природы. Машина радикально меняет это отношение между человеком и природой. Она становится между человеком и природой, она не только по видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека; она не только в чем-то освобождает, но и по-новому поработывает его. Если ранее человек находился в зависимости от природы, если скудна была его жизнь в силу этой зависимости, то изобретение машины и та механизация жизни, которой это сопровождается, с одной стороны, обогащает, но, с другой стороны, создает новую форму зависимости и рабства, гораздо более сильного, чем то, которое чувствовалось от непосредственной зависимости человека от природы. Какая-то таинственная сила, как бы чуждая человеку и самой природе, входит в человеческую жизнь, какой-то третий элемент, не природный и не человеческий, получает страшную власть и над человеком, и над природой. Эта новая страшная сила разлагает природные формы человека. Она подвергает человека процессу расчленения, разделения, в силу которого человек как бы перестает быть природным существом, каким он был ранее. Эта сила более всего сделала для окончания Ренессанса. Мы встречаемся здесь с очень странным на первый взгляд и загадочным парадоксом, вникнув в который мы очень многое поймем в новой истории. Парадокс заключается в том, что ренессансная эпоха истории началась с обращения к природе, с искания совершенных природных форм. С этого началось искусство и познание эпохи Ренессанса. Хотели как бы оприродить и натурализовать общественную жизнь человека. Это обращение открывало новую эру, идущую на смену сред-

невековой борьбе человека с природой, средневековому отворачиванию от природы. Но дальнейшее развитие Ренессанса, развитие гуманизма раскрывает в этом обращении такое начало, которое по-новому и гораздо более глубоко отрывает человека от природы, отрывает его так, как он никогда в эпоху средневековья не был оторван. Леонардо да Винчи, один из величайших гениев Ренессанса не только в художественном, но и в научном отношении, по творчеству которого можно изучать дух ренессансного человека и в котором очень многое зачалось от нового духа, Леонардо да Винчи, искавший источники совершенных форм искусства и познания в природе и, может быть, больше других постоянно об этом говоривший, был одним из виновников того грядущего процесса механизации и механизации человеческой жизни, который убил ренессансное обращение к природе, оторвал человека от природы, по-новому поставил между человеком и природой машину, механизировав человеческую жизнь и замыкая человека в искусственную культуру, в этот период создаваемую. Таким образом, ренессансное обращение к природе, которое не было делом духовного человека и раскрывало лишь природного человека, не заключало никаких гарантий от того процесса, который должен был отвлечь человека от природы и начать процесс разложения и распыления самого человека как природного существа. Процесс этот в конце новой истории идет ускоренным темпом и представляет совершенно новое явление, противоположное исходным началам Ренессанса. Этот процесс истощения творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительное обращение к периферии жизни сопровождается гибелью всех гуманистических иллюзий. Коллеблется и разлагается образ человека, личность человека, которую выковало христианство в средние века. В эпоху раннего Ренессанса приоткрывается творчество духовного человека, но в дальнейшем природный человек, оторванный от духовного человека, не мог удержать свою личность и не имел неисчерпаемого творческого источника. Человек уходит на внешнюю периферию жизни, обращает свои силы на создание

механического машинного царства. Укрепление творчества человека связано с раскрытием в человеке глубинного, сверхчеловеческого, божественного начала. Когда человек отрывается от этого божественного начала, когда он закрывает в себе доступ к нему и ему доступ к себе, тогда он колеблет в себе человеческий образ, тогда делается он все более и более бессодержательным, а воля его – беспредметной. Высший творческий источник и высшая цель, которые не могут быть человеческими, исчезают, закрываются родники творчества, исчезает предмет творчества. Это иссякание живых родников творчества, которое по природе своей должно быть признано не только человеческим, но и сверхчеловеческим, это исчезновение цели и предмета творчества, которые должны быть признаны сверхчеловеческими, означают разложение человека, потому что человек, вступивший на путь исключительного самоутверждения, когда он перестает признавать высшее начало, когда он признает себя самодовлеющим существом, истребляет себя по неизбежной внутренней диалектике, отрицает себя. Для того чтобы человек до конца утвердил себя и не утерял источника и цели своего творчества, он должен утверждать не только себя, но и Бога. Он должен утверждать в себе образ Божий. Если он не носит в себе образа высшей Божественной природы, – он теряет всякий образ, он начинает подчиняться низшим процессам, низшим стихиям, начинается расчленение на элементы его собственной природы, он начинает подчиняться той искусственной природе, которую он сам вызвал к жизни, подчиняться природе механической машины, и это его обезличивает, обессиливает, уничтожает. Для того чтобы утвердилась человеческая индивидуальность, человеческая личность, для этого она должна сознавать свою связь с началом более высоким, чем она сама, для этого она должна признать существование другого, Божественного начала. Когда человеческая личность ничего не хочет знать, кроме себя, она распыляется, допуская вторжение низших природных стихий, и сама исходит в этой стихии. Когда человек ничего не признает, кроме себя, он перестает ощущать себя, потому что для

того, чтобы ощущать себя, нужно признать и не себя, для того, чтобы быть до конца индивидуальностью, нужно признавать не только другую человеческую личность и индивидуальность, нужно признать божественную личность. Это и дает ощущение человеческой индивидуальности, безграничное же самоутверждение, не желающее ничего знать над собой, которое оказалось пределом гуманистических путей, ведет к потере человека. Гуманизм направляется против человека и против Бога. Если ничего нет над человеком, если нет ничего выше человека, если человек не знает никаких начал, кроме тех, которые замкнуты в человеческом круге, человек перестает знать и самого себя. Последствием отрицания высшего начала является то, что человек роковым образом подчиняется низшим, не сверхчеловеческим, а подчеловеческим началам. Это является неизбежным результатом всего длинного пути безбожного гуманизма в новой истории. Индивидуализм, не знающий границ и ничему себя не подчиняющий, расшатывает индивидуальность. Мы видим в последних плодах новой истории странную и таинственную трагедию человеческой судьбы. С одной стороны, мы видим раскрытие идеи индивидуальности, которой не знала предшествующая эпоха, которая открывает что-то новое в человеческой культуре и вносит какие-то новые ценности, с другой стороны, мы видим такое расшатывание человеческой индивидуальности, какого раньше никогда не было. От безграничности и безудержности индивидуализма индивидуальность погибает. Мы видим действительный результат всего гуманистического процесса истории: гуманизм переходит в антигуманизм.

Для того чтобы особенно остро ощутить этот процесс перехода гуманизма в свою противоположность, возьмем двух властителей дум последних десятилетий XIX века и начала XX-го, двух гениальных людей, принадлежащих к противоположным полюсам человеческой культуры, не имеющих между собой ничего общего, представителей совершенно разных и враждебных духовных укладов, но одинаково властно наложивших свою печать на судьбы человечества. Один – на-

ложил свою печать на индивидуальные вершины духовной культуры, другой – на человеческие массы, на социальную среду. Я говорю о Фридрихе Ницше и о Карле Марксе. Эти два человека, которые нигде, ни в одной точке не встречаются, которые могут лишь взаимно отталкиваться, одинаково кончают гуманизм и начинают переход в антигуманизм. В них человеческое самоутверждение по-разному переходит в отрицание человеческого образа, и происходит это на двух совершенно противоположных путях. У одного из них, у Фридриха Ницше, который есть плоть от плоти и кровь от крови гуманизма и вместе с тем кровавая жертва, принесенная за грехи гуманизма, гуманизм кончается индивидуалистически. В его образе, в его судьбе расплачивается новая история за ложь, допущенную в первоистоках гуманизма. Гуманизм в Ницше кончает свою бурную, трагическую историю. Это выражено в словах Заратустры: «Человек есть стыд и позор, он должен быть преодолен». У Ницше происходит преодоление и переход гуманизма в антигуманизм в форме идеи сверхчеловека. В идее сверхчеловека гуманизм кончается на вершине культуры. На новом антигуманистическом пути человек отрицается как позор и как стыд во имя сверхчеловека. В этом сказалась страстная и бурная потребность в сверхчеловеческом. Но то, как Ницше переходит к сверхчеловеку, обозначает отрицание человека, самоценности человеческого образа, человеческой личности, безусловного ее значения. То, что было одной из глубочайших основ христианского откровения, что было внесено христианством в духовную жизнь, – признание безусловного значения человеческой души – Ницше отрицает. Человек есть лишь переходящий момент, лишь средство для явления в мир высшего существа; он целиком приносится в жертву этому сверхчеловеку, во имя сверхчеловека человек отрицается и отвергается. Ницше восстает против гуманизма как против величайшей помехи на путях утверждения сверхчеловека. Таким образом, в судьбе гуманистического индивидуализма происходит перелом. После Ницше возврат к гуманизму уже невозможен. Он глубоко вскрыл противоречия гуманизма. Заканчивается ев-

ропейский гуманизм на вершинах духовной культуры, и умирает срединное гуманистическое царство, царство чистой человечности, чистой гуманистики. Культура с гуманистическими науками и искусствами делается невозможной. Ницше духовно открывает какую-то новую эру по ту сторону гуманизма, которая обозначает глубочайший кризис гуманизма. Глубокие духовные течения, которые возникают после Ницше, не носят гуманистического характера, они определенно окрашиваются в религиозно-мистический цвет. Гуманистические начала оказываются старомодными, за которые держаться уже нельзя. В процессе все большего углубления свергают и отодвигают на второй план гуманистический тип культуры. Так произошло падение гуманизма в лице одного из гениальнейших людей – в лице Фр. Ницше. В его страдальческой судьбе совершилось падение гуманизма. Но Ницше был еще обращен с какой-то страстной тоской к Ренессансу. Он тосковал оттого, что силы Ренессанса истощались. Он в самом себе чувствовал иссякание силы Ренессанса, и это выражено в таких характерных для него проявлениях, как идеализация образа Цезаря Борджии. Рисуя этого героя эпохи Ренессанса, он старался восстановить иссякающие творческие силы и создать как бы возможность нового Ренессанса. Но творческая гениальная индивидуальность Ницше обозначала не это новое возрождение, не этот Ренессанс Ренессанса, а обозначала его кризис, его конец. В Ницше, который так страстно и бунтующе утверждал творческую индивидуальность, который дошел до последнего дерзновения в утверждении индивидуальности, человеческий образ тускнеет и вырисовывается пока еще таинственный, но жуткий образ сверхчеловека, черты которого лишь грезятся, в котором есть такое подлинное религиозное упование о каком-то высшем состоянии, но есть в то же время и возможность религии антихристианской, безбожной, сатанической.

В другом человеке, одаренном исключительно острым умом и большой силой и ни в чем не похожем на творческий и привлекательный образ Фр. Ницше, – в образе К. Маркса с не меньшей остротой переживается конец Ренессанса и кризис

гуманизма. В то время как в личности Фр. Ницше происходит индивидуалистическое самоотрицание человека и самоотрицание гуманизма, в К. Марксе происходит коллективистическое саморазложение гуманизма и коллективистическое колебание образа человека. Подобно Ницше, и К. Маркс не может удержаться на одном только человеческом, на утверждении человека, человеческой индивидуальности. И он переходит к нечеловеческому и сверхчеловеческому. Но нечеловеческое и сверхчеловеческое сознание К. Маркса отличается от нечеловеческого и сверхчеловеческого у Фр. Ницше. И К. Маркс, подобно Ницше, отрицает самоценность человеческой индивидуальности и личности, он отрицает христианское откровение о человеческой душе и ее безусловном значении. Для него человек является лишь орудием для явления нечеловеческих и сверхчеловеческих начал, и во имя этих нечеловеческих и сверхчеловеческих начал он также объявляет войну против гуманистической морали: он проповедует жестокость к человеку и к ближнему во имя создания нечеловеческого, сверхчеловеческого царства коллективизма. В этих двух антиподах, в этих двух полярных явлениях есть формальное сходство, есть два конца ренессансного периода истории, два исхода из кризиса гуманизма, два способа перерождения гуманизма в антигуманизм, две формы самоистребления человека. К. Маркс есть также дитя человеческого самоутверждения, человеческой гордыни, восставшей на Бога, утверждавшей и признававшей только себя и свою человеческую волю как высшую волю. К. Маркс в самом истоке своего пути отвергает всякое сверхчеловеческое начало. Не случайно он философски исходит из антропологизма Фейербаха, для которого человек сделался Богом и тайны религии были тайнами человеческой природы. На этих путях человеческого самоутверждения, человеческой гордыни и признания только человеческой воли происходит внутренний крах человека. Здесь, так же как у Ницше, вырисовываются неясные черты грядущего явления сверхчеловека, во имя которого отрицается человек. Так у Маркса вырисовываются неясные, но страшные черты нечеловеческого коллектива, во

имя которого отрицается человек. Человек признается средством и орудием для появления нечеловеческого коллектива, в котором должен погибнуть лик человеческий, человеческий образ должен быть подчинен новому коллективному целому, распространяющему на все и на вся свои страшные щупальцы и отрицающему самоценность всего чисто человеческого, всех чисто человеческих черт. Для Маркса заветы гуманистической морали теряют всякую ценность. Гуманистическая мораль является для него старой буржуазной моралью ренессансного периода истории, буржуазной и вся гуманистическая культура. В старом буржуазном царстве провозглашены были права человека. Все это старое буржуазное царство подлежит гибели, оно разложится, и на месте его возникнет новое, не гуманистическое, не человеческое, в котором будет своя новая, нечеловеческая, негуманистическая мораль и культура, со своими новыми, нечеловеческими «наукой» и «искусством» – это и будет новое явление страшного «коллектива». В К. Марксе, как и в Фр. Ницше, раскрылся предел гуманизма: у Ницше предел этот раскрылся на вершинах культуры, у Маркса – в массовых низах. Проникновение в то, что приносят с собой эти люди, наложившие страшную печать на последние десятилетия жизни человечества и на Западе, и у нас, очень многое должно раскрыть в самом внутреннем существе процесса перерождения гуманизма. В Марксе происходит окончательное отворачивание от всех заветов эпохи Ренессанса. Если Ницше тоскует по великому творчеству Ренессанса и хочет оживить его источники, то Маркс уже не тоскует. Он объявляет войну самим первоисточникам Ренессанса и все творчество Ренессанса объявляет идеологической надстройкой над экономическим базисом, в котором царствует эксплуатация человека человеком. Иссыкает Ренессанс, кризис гуманизма заканчивается. Радость ренессансного чувства жизни, та радость, которая была связана с этим свободным периодом человеческой жизни, с свободной кипучей игрой сил, – исчезает, к ней нет уже возврата. В новый период начинает колебаться и образ природы, и образ человека. В колебании этом играет колоссальную роль то из-

менение человеческой жизни, которое связано с вхождением в человеческую жизнь машины. Изменение, которое мы видим в Марксе, имеет глубочайшую связь с вхождением машины; этот факт наиболее поразил Маркса, поразил настолько, что он положил его в основу своего мирознания, сделал его первичным фактом всей человеческой жизни и раскрыл все его необъятное значение для человеческой судьбы.

Наступление конца Ренессанса связано с тем, что процесс демократизации наносит существенный урон и в конце концов отрицает самую возможность возрождения, потому что Ренессанс по природе своей аристократичен. Я думаю, что и весь гуманизм и царство гуманности по существу своему – аристократичны. Демократизация культуры, распространение культуры на человеческие массы и вхождение масс в культуру изменяет весь уклад жизни и делает невозможным это среднеаристократическое человеческое царство. Этот процесс ставит на совершенно другие рельсы, на другие пути всю человеческую историю. Человек к концу новой истории, в период кризиса гуманизма, переживает глубокое одиночество, покинутость, оставленность. В средние века человек жил в корпорациях, в органическом целом, в котором не чувствовал себя изолированным атомом, а был органической частью целого, с которым он чувствовал связанной свою судьбу. Все это прекращается в последний период новой истории. Новый человек изолируется. Когда он превращается в оторванный атом, его охватывает чувство невыразимого ужаса и он ищет возможности выхода путем соединения в коллективы, для того чтобы преодолеть и прекратить это одиночество и покинутость, которые грозят гибелью, духовным и материальным голодом. На этой почве, от этой атомизации и рождается процесс обращения к коллективизму, создание нового начала, в котором человек ищет исхода из своего одиночества.

С ренессансным самочувствием человека, тем новым самочувствием, которым начинается вступление человека в новую историю, рождается уверенность в своих безграничных творческих силах, в своей способности созидать жизнь путем

искусства, в безграничность своего познания в смысле проникновения в тайны природы. Эта самоуверенность человека давно уже начала ослабевать. Она заменяется сознанием ограниченности человеческих сил, ограниченности творческой мощи человека и заменяется раздвоением человека, рефлексией его над самим собой. Самоуверенность и самоутверждение человека из индивидуального становится коллективным. Но вопрос об ограничении могущества человека в разных областях, в путях отрицания всего сверхчеловеческого, отрицания всякой связи между человеком и сверхчеловеческим приводит в конце концов к торжеству позитивной философии. Человек, утверждая только самого себя и отрицая в себе большее, чем человеческое, в конце концов подрывает сознание своей мощи. Это – одно из парадоксальных противоречий всего гуманизма новой истории. В то время как он начал с утверждения могущества человека в его познании и искусстве, в пересоздании человеческого общества и во всех других сферах, в дальнейшем эта погруженность человека исключительно в самого себя и замкнутость от всего сверхчеловеческого приводит к тому, что человек начинает сомневаться в безграничности своих сил. Такого рода кризис гуманизма, такого рода рефлектирующее сомнение человека началось уже давно. Оно проявляется во всех сферах человеческой культуры. Это разложение гуманизма происходит во всех областях. Начнем с области познания. Познанию ренессансный человек отдавался экстатически, полный веры в постижимость для него тайн природы. Казалось, что католическая догматика ставила границы его познанию и новый человек хотел вырваться из этих ограничений. В натурфилософии, в естественных науках Возрождения, в самой магии, которая расцветала в разнообразных формах в эпоху Возрождения, чувствовал человек безграничную мощь своего познания; он не рефлектировал над своими познавательными средствами, не сомневался в них. В дальнейшем этот процесс исключительного утверждения мощи человеческого познания оторвал познание от высших религиозных и духовных основ, с которыми оно было связано в эпоху средневековья и в древнем

дохристианском мире, и это привело к подрыву познавательных средств человека. Начинается рефлексия, которая находит свое гениальное выражение в философии Канта. Уже в кантианстве замечаются духовные симптомы окончания Ренессанса. Уже пафос Канта не есть пафос Ренессанса, не есть пафос радости познания, сознания безграничных его перспектив. Пафос Канта есть рефлектирующее сознание границ познания, потребность в юридическом оправдании. Такое познавательное самочувствие человека есть уже начало иссякания ренессансной познавательной энергии. Познавательный подъем Ренессанса создает такое могущественное развитие науки в лице Галилея, в лице Ньютона. Кант же делает предметом критической рефлексии математическое естествознание. Эта критическая работа, которая начинается с сомнения в безграничной познавательной мощи человека, порождает целую борьбу с антропологизмом и с гуманистическими началами в познании, которая достигает особенной остроты у Когена и Гуссерля. Все эти направления в борьбе с антропологизмом в философии ставят вопрос так, что человек оказывается препятствием для осуществления акта познания. Один из выучеников и представителей этого течения в философии употребил такое странное и на первый взгляд смешное выражение: субъективистическое присутствие человека является величайшим препятствием для философского познания. Значит, есть какой-то нечеловеческий акт познания, очищенный от всего гуманистического, если производить это слово от слова человек. Это все – симптомы окончания и преодоления Ренессанса и гуманизма в области познания. Нужно сказать, что такой же конец Ренессанса, может быть в еще более яркой форме, давно уже переживается Европой в явлении позитивизма, который в настоящее время уже изжит и не имеет сильных защитников, но в XIX веке играл большую роль. Позитивизм есть антиренессансное явление и кризис гуманизма. О. Конт, очень замечательный мыслитель, гораздо более замечательный, чем это может казаться по порожденному им позитивистическому течению, представляет собой яркое явление возвращения к некоторым элементам

средневековья. Позитивизм О. Конта был тягой к средним векам и попыткой положить конец в области познания, в области духовной жизни и социальной жизни той свободной игре творческих человеческих сил, которая характерна для эпохи Ренессанса. О. Конт хочет преодоления того, что он называет «умственной анархией», которая связана с французской революцией. Он хочет перейти к органическому типу жизни от типа критического, т. е. хочет духовной централизации, принудительного подчинения нового человека некоторому духовному центру по образцу средневековья, хочет прекращения индивидуального произвола, самочинного и анархического проявления творческих сил. Как и Маркс, он хочет подчинить всю жизнь некоторому принудительному центру, но он видит его в умственной аристократии ученых. О. Конт хочет создать позитивную религию, для которой берет все формы средневекового католического культа: культ позитивных святых, позитивный календарь, религиозная регламентация всей жизни, создание иерархии ученых – все это возвращение к католицизму без Бога. Берется весь католический тип, но вера в Бога заменяется верой в высшее существо – человечество, во имя которого создается культ «вечной женственности». О. Конт ставит этому существу алтарь у себя в комнате. Этим он доказывает, насколько религиозная природа человека не может быть угашена никакими позитивными выдумками. Это – явление частичного возвращения к средневековому духу, окончание свободного индивидуализма ренессансной эпохи. Позитивизм ставит границы познавательным возможностям человека, не допускает перехода этих границ, и это несомненно противоположно ренессансному духу. Такой же конец Ренессанса, как у О. Конта, чувствуется и в утопическом социализме Сен-Симона. В нем тоже происходит глубокая реакция против французской революции, против философии XVIII века, против всего либерального гуманизма. Конечно, атеистическая религия О. Конта по содержанию своему не имеет ничего общего с средневековьем, как и религия Сен-Симона. Но Сен-Симон восстает против критической работы, совершенной

Просвещением и французской революцией; он хочет создать систему жизни, подобно тому как существовала теократическая система в средние века. Сен-Симон и О. Конт одинаково и не случайно высоко ценили Жозефа де Местра – гениальное выражение средневековой реакции против XVIII века и революции. Они искали духовного преодоления индивидуализма. Этот процесс окончания Ренессанса совершается и в жизни государства. И здесь мы имеем очень интересное явление. Вся новая история не только после французской революции, но и до французской революции характеризуется существованием гуманистических монархий. Государство Людовика XIV есть государство гуманистическое. Когда Людовик XIV сказал: «L'état c'est moi»³, – он совершал акт самоутверждения своей человеческой воли. Весь стиль абсолютной монархии Людовика XIV и всех монархий XVII и XVIII веков, родственных ему, не может быть выражен в более ясных формах, это – стиль гуманистического самоутверждения. На это гуманистическое самоутверждение монархической власти французская революция ответила гуманистическим самоутверждением демократии, народ сказал: «L'état c'est moi», революционный народ сказал, что государство – это он. Одному гуманистическому самоутверждению было противопоставлено другое гуманистическое самоутверждение. Гуманистическая демократия есть ответ на гуманистическую монархию. Гуманистическая монархия не может существовать бесконечно, она должна окончиться. Когда человек теряет сверхчеловеческие основы своей жизни, когда утверждаются лишь человеческие начала власти, тогда начинается тот внутренний процесс революции, который должен привести к последнему гуманистическому пределу – революционной демократии. Этот процесс на Западе в классической форме произошел во французской революции, но и падение русской абсолютной монархии в глубине было связано с тем, что в ней совершился процесс человеческого самоутверждения, достигший своего предела в монархии Николая II, и он должен был вызвать процесс самоутверждения революции как естественную кару за человеческое само-

утверждение монархии. Таким образом, государства ренессансного периода истории характеризуются двумя явлениями – гуманистической монархией и гуманистической демократией. Вместе с тем этот ренессансный период очень характерен для создания национальных государств как замкнутых национальных организмов. Я думаю, что сейчас мы вступаем в период кризиса и конца гуманистических национальных государств ренессансного периода истории. Если гуманистическая монархия в дальнейшем процессе своего развития должна была перейти в гуманистическую демократию, то наступает период, когда произойдет потрясение основ и гуманистической монархии, и гуманистической демократии, когда внутри их раскроются начала, которые являются уже не гуманистическими началами, а какими-то скрытыми нечеловеческими началами, которые одинаково восстают и против гуманистических монархий, и против гуманистических демократий. Судьба государств, не только судьба нашего русского государства в нашей революции, но и европейских государств, вступает в период глубокого кризиса. На Западе происходит кризис гуманистических демократий с их изолгавшимся парламентаризмом, с механикой количеств. Кризис этот начался уже давно, давно уже чувствовалась механичность этого строя жизни, внутренняя его порочность, внутренняя невозможность и дальше жить такими формальными гуманистическими началами. Очевидно, должно явиться какое-то другое органическое начало, которое бы шло на смену. Не случайно начинают высказываться взгляды, возвращающие к средневековью, как, например, учение о корпоративном представительстве. Корпоративное представительство основано на той идее, что человеческое общество должно слагаться не из атомов, а из органических корпораций, родственных цехам, которые должны иметь свое органическое представительство. Это есть как бы возвращение, на новых основаниях, к цеховому средневековому строю. Эта идея связана с кризисом парламентского государства, которое никого в сущности не удовлетворяет. Есть здоровое зерно и в идее корпоративного

представительства. Все большие государства начали стремиться к мировой империалистической политике. В империализме происходит отрыв от гуманистических основ национального государства, империализм порождает волю к власти и к могуществу, в пределе – могуществу мировому. В нем есть зачаток и сверхчеловеческого начала. Это то же сверхчеловеческое начало, какое есть в коллективизме.

Кризис гуманизма и конец гуманизма переживается также и в области жизни моральной. Несомненно, мы переживаем конец той гуманистической морали, которая считалась цветом моральной жизни всей новой истории, всего периода новой истории. Эта гуманистическая мораль приходит к концу в целом ряде явлений конца XIX века и начала XX века. Окончательный конец ее обнаруживается и в мировой войне, и в тех последствиях, которыми она сопровождалась, но эта гуманистическая мораль, со всеми иллюзиями ее, начала приходить к концу гораздо раньше. Так, прежде всего гуманистической морали был нанесен самый страшный удар Ницше, который вскрыл ее противоречия. Все течение духовной культуры, которое было связано с Ницше в конце XIX и начале XX века, подвергло сомнению заповеди гуманизма. Оно перестает ставить человека, его человеческие интересы, его благо и нужду в центре внимания. Это же потрясение гуманистической морали происходит и по разным другим линиям. Несомненно, что, с одной стороны, революционные анархические течения, имевшие гуманистический исток, разрушают гуманистическую мораль. С другой стороны, религиозно-мистические течения, обнаружившиеся в конце XIX и начале XX века, также знаменуют потрясение основ гуманистической морали – они ставят сверхчеловеческую цель для морали, начинают отрицать самодовлеющий характер человеческих начал. Кончается срединное гуманистическое царство, то царство гуманности, о котором говорил Гердер. Он учил, что гуманность есть высшая цель всемирной истории. Это гуманистическое царство возможно было лишь в некоей середине. Оно означало, что не было еще разделения до последних, самых глубоких пластов. Оно воз-

можно в более поверхностных пластах культуры, когда последняя судьба культуры не ставится еще в человеческом сознании, когда весь склад культуры удерживает меру, не срывается на противоположные полюсы, не разлагается на противоположные начала. Это равновесие существует в гуманистический период истории. Оно делает возможным расцвет культуры. Когда ставится конечная проблема, последняя и предельная проблема, культура переходит за пределы человеческие, происходит срыв из чисто человеческого царства в полярно противоположные начала. Тогда срединное человеческое царство исчезает. Ницше потому и кончает гуманизм, что он ставит последнюю, предельную проблему. Потому и Маркс кончает гуманизм, что он ставит предельную проблему общественности. Потому и религия гуманистическая саморазлагается, что она ставит последние, окончательные задачи, которые не могут удержаться в срединном человеческом царстве.

Я уже говорил о высшей точке гуманистического царства, гуманистической культуры, не порвавшей еще с божественными началами, а гармонически сочетавшей божественное и человеческое, – о явлении Гете. Гуманизм Гете был внутренне религиозно обоснован. Но Гете, при всей своей духовной просветленности, все же находился в срединном человеческом царстве. Великое искусство Гете и его великое познание природы не доходили до последних пределов. Ничего апокалиптического, обращенного к конечным судьбам человека и мира, не существовало в сознании Гете. Жизнь Гете была высшим расцветом человеческого творчества до наступления такого нового катастрофического мироощущения. Это было высшее проявление гуманистического творчества. После него гуманизм, который был в германской культуре конца XIX и начала XX века, после этого настоящего гуманизма, в высшем смысле этого слова, подлинно прекрасный гуманизм, связанный с ясным образом природы, делается все более и более невозможным. Начался роковой процесс внутренней порчи, раздвоения, нарастания катастрофы, вулканического извержения изнутри истории, и возврата к этому прекрасному гуманистическому царству уже

нет. Невозможен возврат к гуманистической морали и искусству, к гуманистическому познанию. Произошла какая-то непоправимая катастрофа в судьбе человека, катастрофа надрыва его человеческого самочувствия, неизбежная катастрофа перехода его человеческого самоутверждения в человеческое самоотрицание, катастрофа ухода от природной жизни, отрывания и отчуждения от природной жизни. Этот процесс есть страшная революция, происходящая на протяжении целого столетия, заканчивающая новую историю и открывающая новую эру.

Глава IX

Конец Ренессанса и кризис гуманизма.

Разложение человеческого образа

Прежде всего я хотел бы остановиться на очень характерном и типическом кризисе Ренессанса в социализме. Социализм имеет огромное значение, он занимает большое место в жизни второй половины XIX и начала XX века. Это есть явление не только в жизни экономической, но и в судьбе европейской культуры, обнаружение внутренних в ней процессов. Социализм я буду рассматривать как целостное явление, как явление духа, а не в каком-либо специфически экономическом смысле. И вот, все основы такого целостного социализма глубоко противоположны основам Ренессанса. Сущность Ренессанса в том, что в нем обнаружился свободный избыток творчества человека. Социализм же есть явление, которое раскрывается не на почве избытка, а на почве недостатка и скудости. Там происходит не развязывание, а связывание творческих сил человека, подчинение их принудительному центру. В социализме отпущенный на свободу человек вновь приковывается к принудительно организованной и принудительно урегулированной жизни. Социализм есть явление, по существу своему, противоположное лозунгам индивидуализма. Но та почва, на которой возник социализм и индивидуализм, имеет много общего.

Я думаю, что в основе социализма лежит глубочайшее разъединение людей, человеческого общества, человеческой общественности, та одинокость человеческая, которая является выражением индивидуализма. Социализм есть обратная сторона на глубочайшей человеческой разобщенности. Ужас от своей покинутости, покинутости и предоставленности своей судьбе без всякой помощи, без всякого соединения с другими людьми и побуждает к принудительному устройению общественной жизни и человеческой судьбы. Это указывает на то, что социализм рождается на той же почве, на которой рождается индивидуализм, что он есть также результат атомизации человеческого общества и всего процесса истории. Если пафос Ренессанса был подъем человеческой индивидуальности, то пафос социализма – образование нового, механического коллектива, подчиняющего себе все, направляющего всю жизнь по своим путям, для своих целей. Возникновение такого коллектива на почве атомизированного общества означает конец Ренессанса и начало новой эпохи в жизни человеческого общества.

Нет больше свободной творческой жизни человеческой индивидуальности. Эллинские начала человеческой культуры в социализме отодвигаются на второй план. Если в основании нашей культуры лежит соединение начал юдаистических и начал эллинских, то здесь одерживают верх начала юдаистические. Тот процесс, который начинается с появления в европейской культуре новой силы – социализма, его торжества и распространения, обозначает начало закрепощения, противоположного тому процессу, с которого началась новая история. Процесс закрепощения – аналогичный тому, который начался в эпоху императора Диоклетиана, в эпоху раннего средневековья. Начало, которое несет с собой социализм, очень аналогично этому периоду возникновения раннего средневековья. Те процессы, которые происходили в уже кончающемся античном мире в эпоху императора Диоклетиана, мы обнаруживаем и в социалистических началах, наиболее прогрессивных, наиболее революционных. В социализме обнаруживается какое-то реакционное начало – начало внутренней реакции против всей

новой истории, реакции против всего ренессансного освободительного периода и против французской революции. Это важно установить, чтобы понять процесс, с которым мы имеем дело. Тяга к социализму является характерной не только для нас, но и для всей Европы, где, быть может, в другой форме, но будут происходить процессы социализации, которые должны быть рассматриваемы как реакция против освободительных процессов новой истории, тех процессов, которые освободили человеческую индивидуальность. Здесь происходит самоотрицание человеческой индивидуальности, начинается бегство от самого себя и искание нового соединения, искание какой-то новой соборности, новой лжецерковности, потому что эпоха Ренессанса началась с того, что человек был оторван и предоставлен себе. Здесь же начинается подчинение всех сфер жизни общественной и культурной новому принудительному центру. Те основы, на которых покоилось общество XIX века, должны были обнаружить противоречия. Эти основы обнаружили свою несостоятельность и вызвали реакцию. Гуманизм и индивидуализм не могли решить судьбы человеческого общества, они должны были разложиться. Должен был появиться вместо ренессансного образа свободного человека антиренессансный образ нового организма или, вернее, механизма, все себе подчиняющего и все поглощающего.

Подобно тому как обнаруживается конец Ренессанса в социализме, он обнаруживается и в анархизме, который есть предельное течение в судьбах европейского общества. И он по существу своему, по духу своему антиренессансен. Анархизм по внешности производит впечатление учения, обладающего пафосом свободы, требующего свободы, выставляющего начало самоутверждения человеческой личности. Но он возник не от свободного избытка и имеет не творческую избыточную природу. Возник он из зависти и мести. Пафос возмездия, пафос злобной ненависти к прошлому, к прошлой культуре, ко всему историческому для анархизма очень существен. Но такого рода злобная мстительность, такого рода пафос страданий и недостатка есть пафос антиренессансный, он не зна-

ет радости ренессансного избыточного творчества. Поэтому и анархизм не имеет творческой природы. Ее нельзя искать в истощающем, злобном и мстительном отрицании. Это истощающее отрицание не оставляет места для положительного творчества. Радости свободного творчества, свободного избытка анархизм не знает и знать не может. В этом он, подобно социализму, не имеет ренессансной природы. В анархизме происходит чрезвычайно интересный процесс самоотрицания свободы. В нем утверждается свобода, как бы пожирающая себя, как бы внутренне себя испепеляющая. Это не та свобода, которая дает радость расцвета творческой индивидуальности, – свобода идеалистического гуманизма. Это какая-то предельная, угрюмая и мучительная свобода, в которой человеческая индивидуальность увядает и гибнет, в которой происходит надрыв и свобода обращается в насилие. Большая часть анархических учений в конце концов утверждает формы коллективизма или коммунизма. Таковы программы Бакунина и Кропоткина. Для меня несомненно, что в анархизме, этом предельном течении европейского общества, также обнаруживается истощение и конец Ренессанса: анархизм не имеет гуманистического характера. Вся мораль, вся оценка жизненных отношений человека к человеку в анархизме не гуманистичны в смысле гуманизма Гердера, Гете или В. Гумбольдта. В анархизме, так же как и в социализме, обнаруживается внутреннее реакционное начало, внутренняя реакция против того ренессансного гуманистического периода, которым характеризуется новая история. Анархизм, в конце концов, есть форма реакционного восстания против культуры, неприятие культуры с ее неравенствами, с ее страданиями и вместе с тем с ее величайшими подъемами и расцветом, неприятие ее во имя процесса уравнивающего, сглаживающего и сметающего все возвышающегося. Это реакционное течение внутри анархизма, как и внутри социализма, есть форма кризиса гуманизма и конца Ренессанса.

Но особенно ясно обнаруживаются симптомы конца Ренессанса в новейших течениях в искусстве. Этот ко-

нец Ренессанса начал обнаруживаться уже довольно давно. Уже в импрессионизме обозначился конец Ренессанса. Все аналитически-расчленяющие процессы в искусстве носят этот антиренессансный характер. Но настоящий конец Ренессанса, окончательный разрыв с ренессансными традициями мы встречаем в футуризме во всех его формах. Все разнообразие этих течений одинаково характеризуется разрывом с античностью и означает конец Ренессанса в человеческом творчестве. Для всех этих течений характерно глубокое потрясение и расчленение форм человека, гибель целостного человеческого образа, разрыв с природой. Искание совершенной природы, совершенных человеческих форм было пафосом Ренессанса, в этом была его связь с античностью. В футуризме погибает человек как величайшая тема искусства. В футуристическом искусстве нет уже человека, человек разорван в клочья. Все начинает входить во все. Все реальности в мире сдвигаются со своего индивидуального места. В человека начинают входить предметы, лампы, диваны, улицы, нарушая целостность его существа, его образа, его неповторимого лика. Человек проваливается в окружающий его предметный мир. Начинают нарушаться строгие формы, между тем как строгость формы и есть античное основание художественного творчества, которое вдохновляло творчество человека новой истории. Этот глубокий разрыв с античностью и с Ренессансом можно проследить на таких художниках, как Пикассо в его наиболее интересном кубистическом периоде. У Пикассо мы видим процесс разделения, распыления, кубистического распластования целостных форм человека, разложение его на составные части для того, чтобы идти вглубь и искать первичные элементарные формы, из которых он слагается. В ренессансном же искусстве было целостное восприятие форм человека. В этом целостном искании формы подражали природе, в которой формы эти сотворены Божьим творчеством, подражали античному искусству. Искусство Пикассо разрывает с образцами природы и с образцами античности. Оно уже не ищет совершенного целостного человека, оно потеряло способность к целостному

восприятию, оно срывает покров за покровом, чтобы обнаружить внутреннее строение природного существа, идя все дальше и дальше вглубь и открывая образы настоящих чудовищ, которых Пикассо и создает с такой силой и выразительностью. Можно сказать, что все футуристические течения, гораздо менее значительные, чем живопись Пикассо, идут все дальше и дальше в процессе разложения. Когда в картины вставляют куски бумаги или газетных объявлений или когда в картине вы видите составные части мусорной ямы, тогда окончательно ясно, что разложение заходит слишком далеко, что происходит процесс дегуманизации. Человеческая форма, как и всякая природная форма, окончательно погибает и исчезает. Такая утрата совершенных человеческих форм характерна и для творчества Андрея Белого. Творчество Андрея Белого родственно во многом футуризму, хотя оно неизмеримо более значительно, чем творчество большей части футуристов. Оно обозначает глубочайший разрыв с античными традициями в искусстве. В творчестве А. Белого, в его замечательном романе «Петербург», человек проваливается в космическую безмерность, опрокидываются и смещаются формы человека, отличающие его от предметного мира. Начинается процесс какой-то дегуманизации, смешения человека с нечеловеческим, с элементарными духами жизни космической. Совершенство формы в антично-ренессансном смысле в этом искусстве исчезает, начинается новый ритм космического распыления. Таковы несомненно антигуманистические начала в творчестве А. Белого. В нем все дальше и дальше идет процесс расплывания и распыления человека на вершинах искусства нового времени. В самых последних плодах своего творческого пути человек нового времени приходит к отрицанию своего образа. Человек как индивидуализированное существо перестал быть темой искусства, он погружается и проваливается в социальные и космические коллективности.

Такой же конец Ренессанса и такие же антигуманистические начала можно вскрыть и в других течениях культуры. Так, теософические течения носят характер антиренессансный

и антигуманистический. Это, может быть, не так ясно с первого взгляда, но это нетрудно вскрыть, если вдуматься в теософические и оккультические течения. В них человеческая индивидуальность подчиняется космическим иерархиям духов. Человек перестает играть ту центральную и обособленную роль, которую он играл в ренессансный, гуманистический период истории, он вступает в иные космические планы, начинает чувствовать себя управляемым демонами и ангелами. Это ощущение подчиненности человека космическим иерархиям создает такую настроенность, такое понимание жизни, при которых ренессансная свободная, кипучая игра творческих сил делается невозможной, внутренне неоправдываемой и недопустимой. И в таком теософическом и оккультическом течении, как учение Рудольфа Штейнера, нет центрального и исключительного места для человека. В конце концов, и в этом течении человек есть лишь орудие космической эволюции, человек есть продукт действия разных космических сил, точка пересечения разных планетарных эволюций, в которой складываются осколки разных миров, — человек преходящ в эволюции мира. Неоправданно наименование антропософии для учения Штейнера. Не ренессансный характер и не ренессансная настроенность в такого рода течении совершенно ясны. Если сравнить современного теософа Штейнера с ренессансным теософом Парацельсом, то будет совершенно ясной противоположность ренессансного и антиренессансного духа: у Парацельса была творчески-избыточная радость в постижении тайн природы, вырывание из недр ее сокровенной тайны, у Штейнера нет радости творческой избыточности, наоборот, он указывает на тяжкий путь человеческой муштровки, которая в конце концов приводит к тому, что человек раскрывает свою зависимость от космических иерархий. Здесь есть чувство большой подневольности человека, чувство большой тяжести жизненного процесса, безмерная его трудность и то же разочарование в новой истории, которое характерно для всех явлений общественности и культуры нашего времени. В религиозных и мистических движениях конца XIX и начала

XX века, которые для этой эпохи очень характерны и идут на смену течениям позитивным и материалистическим, также обнаруживается характер антиренессансный и антигуманистический. Там есть страстное искание духовного центра жизни, сознание необходимости подчинения, невозможности дальше жить на путях свободной творческой игры, ничему не подчиненной, ничем не регулируемой. Происходит обращение к духовным основам, родственным средневековью, в противоположность тем началам, которые господствовали во всем новом, ренессансном периоде человеческой истории. Если для ренессансного периода была характерна большая умственная свобода, с которой и начался Ренессанс, то в конце этого периода умственная свобода теряется. Человек в этой безграничной умственной свободе как бы истощил свои умственные силы и начинает поработать самого себя, отрицать результаты той умственной работы, которая была произведена им на протяжении всей новой истории.

Начинает обнаруживаться величайший кризис творчества и глубочайший кризис культуры, который в течение последних десятилетий обнаруживает все более и более умножающиеся симптомы. Этот кризис творчества характеризуется дерзновенной жадностью творчества, быть может, до сих пор небывалой, и вместе с тем творческим бессилием, творческой немощью и завистью к более целостным эпохам в истории человеческой культуры. Обнаруживаются внутренние противоречия, которые явились результатом ренессансного периода, в силу которых все результаты творчества оказываются неудовлетворительными, не соответствующими творческому заданию. В то время как творческое задание обозначает взлет вверх для создания новой жизни и нового бытия, творческое осуществление обозначает ниспадение вниз для созидания дифференцированных продуктов культуры. В то время как творческий подъем хочет создать новое бытие, в результате получается стихотворение, картина, научная или философская книга, творится новая форма законодательства, новая форма человеческих нравов. Все продукты человеческого

творчества несут на себе печать земной тяжести. Они не есть высшее бытие, высшая жизнь. Они получают формы, не соответствующие творческому подъему, и поэтому результаты творчества глубоко не удовлетворяют творца. В этом – основное противоречие творчества. И в нашу эпоху оно обострилось как никогда. Я даже думаю, что самая сильная и самая глубокая сторона нашей эпохи в том, что она до конца осознала этот кризис творчества. Люди ренессансной эпохи творили радостно, не ощущая всей горечи того, что творчеством создается не то, что задается. Когда великие мастера Ренессанса творили свои картины, они ощущали радость творчества, не отравленную горечью раздвоенного сознания, и это давало им возможность быть великими мастерами. Великие же течения нашего времени носят отпечаток глубокой внутренней неудовлетворенности, мучительного искания выхода из тисков, в которых человеческое творчество сдавлено. Такие величайшие творческие индивидуальности, как Ницше, Достоевский, Ибсен, сознавали трагедию творчества, они мучились этим внутренним кризисом творчества, этой невозможностью создать то, что задано в творческом подъеме. Это все – симптомы конца Ренессанса, обнаружение внутреннего противоречия, которое делает невозможной дальнейшую ренессансную свободную игру человеческих сил, творящих науки и искусства, творящих формы государства, нравов, законодательства и всего, что в этом периоде творилось. Здесь обнаруживается такое внутреннее раздвоение, такое расщепление, которое в прежнее время, в период ренессансного творчества, никогда не было обнаружено. В глубине человеческой культуры поднимаются какие-то внутренние стихии варварства, которые мешают дальнейшему творчеству классической культуры, классических форм искусства и науки, классической формы государства, классической формы нравов и быта. Наступает конец срединного царства культуры, происходят взрывы изнутри, вулканические извержения, которые обнаруживают неудовлетворенность культурой и конец Ренессанса в самых разнообразных формах. Наступают сумерки Европы, которая

так блистательно расцветала в течение ряда столетий, которая считала себя монополистом высочайшей культуры и навязывала свою культуру, иногда с таким насилием, всему остальному миру. Гуманистической Европе наступает конец, начинается возврат к средневековью. Мы вступаем в ночь нового средневековья. Предстоит новое смешение рас и культурных типов. Это и есть один из результатов познания философии истории, который мы должны усвоить для того, чтобы знать, какая судьба ожидает все народы Европы и Россию и что означает этот конец гуманистической Европы, это вступление в ночную эпоху истории.

Для конца новой истории характерно, во всех ее областях, во всех ее результатах, переживание глубочайшего разочарования, разочарования во всех основных стремлениях, мечтах и иллюзиях новой истории. В каждой линии новой истории мы можем найти это разочарование: не осуществилось ничто из этих стремлений, ни в области познания – в науке и философии, ни в области художественного творчества, ни в области жизни государственной, ни в области жизни экономической, ни в области реальной власти над природой. Те гордые мечты человека, которые окрыляли его в этот ренессансный период, сокрушены. Человек стал бескрылым. Человеку пришлось особым каким-то образом смириться. Гордые мечты человека о безграничном познании природы привели к познанию границ познания, к бессилию науки постигнуть тайну бытия. Наука мельчает и разъедается рефлексией. Философия окончательно поражена недугом рефлексии, вечным сомнением в познавательных силах человека. Новейшие гносеологические направления до самого познания бытия так и не доходят, они останавливаются у порога настоящего философского познания мира. Философия проходит через раздвоение и не верит в достижение цельного познания философским путем. Начинается кризис философии, внутреннее бессилие, искание религиозных основ для философии, подобно тому как это происходило в конце древнего мира, когда философия начала окрашиваться в мистический цвет. То же самое происходит и в области искусства.

Большое и великое искусство прежнего времени как будто безвозвратно уходит; начинается процесс аналитического раздробления, измельчания, появляется футуристическое искусство, которое перестает уже быть формой человеческого творчества, в котором творческий акт начинает разлагаться. То же глубокое раздвоение обнаруживается и в общественных течениях. Ни пустая свобода, ни принудительное братство не могут дать радости людям. Это начинает все более и более сознаваться чуткими людьми. Рухнули идеалы французской революции. Все более начинают сознавать внутреннюю бессодержательность и тщету демократии. Предстоит глубочайшее разочарование в социализме и анархизме. На всех этих путях невозможно разрешить судьбу человеческого общества. Словом, во всех линиях новой истории есть горькое чувство разочарования, мучительное несоответствие того творческого подъема, с которым человек вошел в новую историю, полный сил и дерзновения, и того творческого бессилия, с которым он выходит из новой истории. Он кончил новую историю глубоко разочарованным, надломленным, раздвоенным и творчески истощенным. Это творческое истощение, соединенное с жаждой творчества, есть очень характерный результат того обессиления человека, которое является карой за самоутверждение человека в новой истории, за гуманистическое самоутверждение, когда человек, не пожелавший подчинить себя ничему сверхчеловеческому, теряет образ свой, растрчивает свои силы. И это опять та черта, в которой современный человек конца новой истории походит на человека в период окончания древнего мира. Тогда тоже чувствовался надрыв и какая-то тоска по высшему творчеству, по иной, высшей жизни и вместе с тем невозможность ее осуществить. Все это указывает на то, что в человеческой истории есть периодическое возвращение тех же моментов, не в том смысле, чтобы они могли по существу повторяться, потому что ничто исторически индивидуальное не повторяется, но в том, что есть формальное сходство, которое помогает постигнуть нашу эпоху, сопоставив ее с эпохой античного мира и началом новой христианской эры.

Эту растрату сил человека новой истории я уже пытался объяснить, когда говорил о переходе от средневековья к эпохе Ренессанса. В то время как средневековый период истории, с аскетикой, монашеством и рыцарством, сумел предохранить силы человека от растраты и разложения для того, чтобы они могли творчески расцвести в начале Ренессанса, весь гуманистический период истории отрицал аскетическую дисциплину и подчинение высшим, сверхчеловеческим началам. Этот период характеризуется растратой человеческих сил. Растрата человеческих сил не может не сопровождаться истощением, которое в конце концов должно привести к потере центра в человеческой личности, личности, которая перестала себя дисциплинировать. Такая человеческая личность должна постепенно перестать сознавать себя, свою самость, свою особость. И мы замечаем это решительно во всех течениях современной культуры в социализме, в монархизме и империализме. Это заметно в современных течениях в искусстве и в современных оккультических течениях. Решительно во всем чувствуется потрясение человеческого образа, разложение той человеческой личности, которая выковывалась в христианстве и выковывание которой было задачей европейской культуры. Она начинает слабеть и внутренне терять свой образ, терять свое самосознание, она лишается внутреннего духовного упора. И вот начинается искание духовного центра, связь с которым могла бы восстановить надорванные силы личности. Человеческая индивидуальность чувствует, что на тех свободных путях, по которым она шла в ренессансный период, ей грозит все большее и большее истощение и утрата свободы, она ищет начал, над ней возвышающихся, ею руководящих. Личность человеческая ищет для себя святыни, она жаждет свободно подчинить себя, чтобы вновь обрести себя. Повторяется та парадоксальная истина, что человек себя приобретает и себя утверждает, если он подчиняет себя высшему сверхчеловеческому началу и находит сверхчеловеческую святыню как содержание своей жизни, и, наоборот, человек себя теряет, если он себя освобождает от высшего сверхчеловеческого содержа-

ния и ничего в себе не находит, кроме своего замкнутого человеческого мирка. Утверждение человеческой индивидуальности предполагает универсализм. Это доказывается всеми результатами новой культуры, новой истории, во всем – и в науке, и в философии, и в искусстве, и в морали, и в государстве, и в хозяйственной жизни, и в технике, доказывается и опытно обнаруживается. Доказано и показано, что гуманистическое безбожие ведет к самоотрицанию гуманизма, к перерождению гуманизма в антигуманизм, к переходу свободы в принуждение. Так кончается новая история и начинается какая-то другая история, которую я, по аналогии, назвал новым средневековьем; в ней человек вновь должен связать себя, чтобы собрать себя, вновь должен подчинить себя высшему, чтобы не окончательно погубить себя. Для того чтобы человеческая личность вновь обрела себя, чтобы та христианская работа над человеческим образом, которая составляет существенный момент в судьбе человека во всемирной истории, продолжалась и дальше, для этого необходим возврат, по-новому, к некоторым элементам средневекового аскетизма. То, что средние века переживали трансцендентно, должно быть пережито имманентно. Работа свободного самоограничения человека, свободной дисциплины, волевого подчинения себя сверхчеловеческой святине может предотвратить окончательное истощение творческих сил человека, она приведет к накоплению новых творческих сил и сделает возможным новый христианский Ренессанс, который для избранной части человечества наступит лишь на почве укрепления человеческой личности. Средневековье было основано, и в этом была его духовная сущность и высший пафос, на внутренней отрешенности от мира. Эта отрешенность от мира создала великую средневековую культуру. Средневековая идея Царства Божьего есть идея отрешенности от мира, приводящая к владычеству над миром. Это – тот основной парадокс средневековья, который был вскрыт такими историками средневековой культуры, как Эйкен, – мироотрицание Церкви привело к идее миродержавства Церкви. Что это не могло удаться, об этом я уже говорил.

Свобода духа не была по-настоящему раскрыта в средневековом сознании. Драма новой истории была внутренне неизбежна. Но опыт нового человека, поставившего себе задачей владычество над миром, сделал его рабом мира. В этом рабстве он потерял свой человеческий образ, и потому теперь человек должен пройти через новую отрешенность для победы над миром в себе и вокруг себя, для того чтобы стать владыкой, а не рабом. Это и есть то духовное положение, в которое попадает человек в конце новой истории, у порога новой эры. Я мыслю эту новую эру как раскрывающую два пути перед человеком. На вершине истории происходит окончательное раздвоение. Человек волен пойти путем самоподчинения себя высшим божественным началам жизни и на этой почве укрепить свою человеческую личность и волен подчинить и поработить себя другим, не божественным и не человеческим, а злым сверхчеловеческим началам. Это есть тема о том, почему всемирная история есть внутреннее раскрытие Апокалипсиса. Личность человеческая, на вершине новой истории, не может вынести рабства у общества и у природы, и вместе с тем она чувствует все большее и большее рабство и у природы, и у общества. Происходит порабощение человеческой личности природой и общественной средой. Машиной, развитием материальных производительных сил пытался человек овладеть природными стихиями, но вместо этого он становится рабом созданной им машины и созданной им материальной социальной среды. Это уже обнаружено в капитализме и будет обнаружено и в социализме. Таков трагический результат всей новой истории, трагическая ее неудача. Но эта неудача новой истории не означает бессмыслицы новой истории, не вызывает окончательно пессимистического понимания судьбы истории. Она имеет внутренний смысл, если понимать всемирную историю как трагедию, а именно так ее и нужно понимать. Если считать, что разрешение ее не может быть имманентным, внутри самой истории, а лишь вне ее пределов, если так отнестись к истории, тогда все неудачи истории получают глубокий внутренний смысл и мы начинаем постигать, что смысл истории заключа-

ется не в том, чтобы осуществлялись задачи, поставленные в тот или иной ее период. Осуществление заданий истории за ее пределами как раз и обнаруживает глубочайший внутренний смысл истории, потому что если бы в какое-нибудь мгновение истории были осуществлены задачи истории и пришел человек к окончательному удовлетворению, то такая удача истории в сущности обнаружила бы бессмысленность истории, как это ни кажется парадоксальным, потому что настоящий смысл истории заключается не в том, чтобы она была разрешена в какое-либо мгновение, в какой-либо период времени, а в том, чтобы раскрылись все духовные силы истории, все ее противоречия, чтобы было внутреннее движение трагедии истории и лишь в конце явлена была всеразрешающая истина. Только тогда конечное ее разрешение бросит обратный свет на все предшествующие периоды истории, в то время как разрешение задачи истории в одно из мгновений не значило бы разрешения задачи истории для всех ее периодов, на всем ее протяжении. Сейчас мне важно указать, что мое понимание глубокой неудачи истории вовсе не означает того, что я утверждаю бессмыслицу истории, потому что для меня сама эта неудача в каком-то смысле есть священная неудача. Сама эта неудача указывает на то, что высшее призвание человека и человечества – сверхисторично, что возможно лишь сверхисторическое разрешение всех основных противоречий истории.

Нужно указать еще и на то, что Россия занимает совершенно исключительное положение в этом процессе окончания Ренессанса. В России мы переживаем конец Ренессанса и кризис гуманизма острее, чем где бы то ни было на Западе, не пережив самого Ренессанса. В этом – своеобразие и оригинальность русской исторической судьбы. Нам не было дано пережить радость Ренессанса, у нас, русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил. Вся великая русская литература, величайшее наше создание, которым мы можем гордиться перед Западом, – не ренессансная по духу своему. В русской литературе и русской культуре был лишь один мо-

мент, одна вспышка, когда блеснула возможность Ренессанса, – это явление пушкинского творчества, это – культурная эпоха Александра I. Тогда и у нас что-то ренессансное приоткрылось. Но это был лишь короткий период, не определивший судьбы русского духа. Русская литература XIX века, в начале которой стоял чарующий гений Пушкина, была не пушкинская; она обнаружила невозможность пушкинского творчества и пушкинского духа. Мы творили от горя и страдания; в основе нашей великой литературы лежала великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения. Никогда не было у нас радости избыточного творчества. Вспомните Гоголя и весь характер его творчества. Это скорбная и мучительная творческая судьба. Такова же судьба двух величайших русских гениев – Толстого и Достоевского. Все их творчество не гуманистическое и не ренессансное. Весь характер русской мысли, русской философии, русского морального склада и русской государственной судьбы несет в себе что-то мучительное, противоположное радостному духу Ренессанса и гуманизма. Сейчас мы переживаем во всех сферах нашей общественной жизни и культуры кризис гуманизма. В этом – чрезвычайная парадоксальность нашей судьбы и какое-то своеобразие нашей природы. Нам дано раскрыть, может быть острее, чем народам Европы, противоречие и неудовлетворительность срединного гуманизма. Достоевский наиболее характерен и наиболее важен для осознания внутреннего краха гуманизма. Гуманизм в Достоевском переживает величайший крах. Именно Достоевский сделал здесь великие открытия. Достоевский, который так болел о человеке, о судьбе человека, который сделал человека единственной темой своего творчества, именно он и вскрывает внутреннюю несостоятельность гуманизма, трагедию гуманизма. Вся диалектика Достоевского направлена против существа гуманизма. Его собственный трагический гуманизм глубоко противоположен тому историческому гуманизму, на котором была основана ренессансная история, который исповедовали великие гуманисты Европы. Эти особенности русского Востока обозначают своеобразную его миссию

в познании конца Ренессанса и конца гуманизма. Именно России дано здесь что-то обнаружить и открыть, и именно в России высказывается какая-то особенно острая мысль о конечных исторических судьбах. Не случайно на вершинах русской религиозной философии мысль всегда была обращена к Апокалипсису. Начиная с Чаадаева и славянофилов и далее у Владимира Соловьева, у К. Леонтьева и Достоевского, русская мысль была занята темами философии истории, и эта русская философия истории была апокалиптической. И русская революция, по метафизическому существу своему, есть крах гуманизма и этим подводит к апокалиптической теме. Так приближаемся мы к последним проблемам метафизики истории – к проблемам прогресса и конца истории.

Глава X

Учение о прогрессе и конец истории

Идея прогресса для метафизики истории является центральной. Начиная с конца XVIII века и весь XIX век она играет определяющую роль в миросозерцании европейского человечества. Однако прежде всего нужно указать на то, что идея прогресса хотя и является очень новой, созданной последним периодом «передового» человеческого сознания, в сущности имеет, как и все истины, древние и глубокие религиозные корни. И поскольку в ней есть существенная связь с самой глубиной исторической жизни, она обнажает это древнее свое происхождение. Идею прогресса нельзя смешивать, как это достаточно уже разъяснено, с идеей эволюции. Идея прогресса предполагает цель исторического процесса и раскрытие смысла его зависимости от этой конечной цели. Скажу более – идея прогресса предполагает такую цель исторического процесса, которая не имманентна ему, т. е. лежит не внутри истории, не связана с какой-либо эпохой, с каким-либо периодом прошлого, настоящего или будущего, но возвышается над

временем и только потому и может она признавать имеющим смысл то, что внутри исторического процесса заложено. Древние корни этой идеи – религиозно-мессианские. Это – старинная, древняя юдаистическая идея о мессианском разрешении истории, о грядущем Мессии, о земном разрешении судьбы Израиля, которая превратилась в судьбу всех народов, идея о наступлении Царства Божьего, царства совершенства, царства правды и справедливости, которое, раньше или позже, должно осуществиться. Эта мессианская и хилиастическая идея в учении о прогрессе секуляризируется, т. е. теряет свой явно религиозный характер и приобретает мирской, а сплошь и рядом и антирелигиозный характер. Можно с большим основанием говорить, что учение о прогрессе было для многих религий, т. е. существовала религия прогресса, которую исповедовали люди XIX века, и она заменяла для них христианскую религию, от которой они отступили. Эту религиозную, по своим притязаниям, идею прогресса нужно подвергнуть анализу для того, чтобы вскрыть ее основные внутренние противоречия.

В последний период человеческого сознания вера в прогресс была подвергнута сомнению, кумиры прогресса свергнуты и уже многое сделано для критики этой идеи. Основное противоречие, которое нужно вскрыть в учении о прогрессе и которое ясно в свете моей метафизики истории, заключается в ложном отношении учения о прогрессе к проблеме времени – к прошлому, настоящему и будущему. Учение о прогрессе есть, прежде всего, совершенно ложное, не оправданное ни с научной, ни с философской, ни с моральной точки зрения обоготворение будущего за счет настоящего и прошлого. Учение о прогрессе представляет из себя религиозное исповедание, верование, потому что обосновать научно-позитивное учение о прогрессе нельзя, потому что научно позитивно можно обосновать только теорию эволюции, учение же о прогрессе может быть только предметом веры, упования. Учение о прогрессе есть «обличение невидимой вещи» – грядущего, есть «извещение уповающих». И вот этой верой, этим упованием, связанным с учением о прогрессе, невозможно разрешить самую тра-

гическую проблему метафизики истории – проблему времени. Я выяснил уже центральное значение проблемы времени для метафизики истории и пытался вскрыть порочную природу времени, которое распадается на прошлое и будущее и которого уловить нельзя, в котором всякая реальность распылена, раздроблена и разорвана. Учение о прогрессе находится во власти этой разорванности. Учение о прогрессе предполагает, что задачи всемирной истории человечества будут разрешены в будущем, что наступит какой-то момент в истории человечества, в судьбе человечества, в которой будет достигнуто высшее совершенное состояние, и в этом высшем совершенном состоянии будут примирены все противоречия, которыми полны судьбы человеческой истории, будут разрешены все задачи. В это верили и Конт, и Гегель, и Спенсер, и Маркс. Правомерно ли такое предположение? Какое мы имеем основание в это верить, и если бы даже мы это основание имели, то почему это может вызвать в нас энтузиазм, почему это должно быть нами нравственно принято и почему такого рода надежда может быть для нас радостной? Оснований для этого нет никаких, кроме того, что в учении о прогрессе бессознательно заложено, тайно пребывает некоторое религиозное упование на разрешение всемирной истории. Это есть надежда, что трагедия всемирной истории придет к концу. Разрешение этой трагедии есть цель прогресса, но в позитивных учениях о прогрессе, как они являлись в XIX веке, задавлено и сознательно исключено такого рода религиозное верование и такого рода религиозная надежда. Наоборот, верование, надежда и упование прогресса противопоставляются различными теоретиками прогресса такого рода религиозным верованиям, надеждам и упованиям. Но если совершенно устранить это религиозное зерно идеи прогресса, то что, в сущности, от нее останется? Почему прогресс может быть внутренне принят? Ведь прогресс, позитивно понимаемый, заключается в том, что в потоке времени, в котором свершаются судьбы человеческой истории, одно поколение сменяет другое, человечество восходит на какую-то неведомую и чуждую мне вершину, идет вперед, идет вверх,

к высшему состоянию, по отношению к которому все предшествующие поколения являются лишь звеньями, лишь средством, орудием, а не самоцелью. Прогресс превращает каждое человеческое поколение, каждое лицо человеческое, каждую эпоху истории в средство и орудие для окончательной цели – совершенства, могущества и блаженства грядущего человечества, в котором никто из нас не будет иметь удела. Внутренне неприемлема, религиозно и морально недопустима позитивная идея прогресса, потому что природа этой идеи такова, что она делает невозможным разрешение муки жизни, разрешение трагических противоречий и конфликтов для всего человеческого рода, для всех человеческих поколений, для всех времен, для всех когда-либо живших людей с их страдальческой судьбой. Это учение заведомо и сознательно утверждает, что для огромной массы, бесконечной массы человеческих поколений и для бесконечного ряда времен и эпох существует только смерть и могила. Они жили в несовершенном, страдальческом, полном противоречий состоянии, и только где-то на вершине исторической жизни появляется, наконец, на истлевших костях всех предшествующих поколений такое поколение счастливых, которое взберется на вершину и для которого возможна будет высшая полнота жизни, высшее блаженство и совершенство. Все поколения являются лишь средством для осуществления этой блаженной жизни, этого счастливого поколения избранных, которое должно явиться в каком-то неведомом и чуждом для нас грядущем. Религия прогресса рассматривает все человеческие поколения, все человеческие эпохи как не имеющие ценности и цели в себе, не имеющие значения сами по себе, а лишь как орудия и средства для грядущего. Это – основное религиозное и моральное противоречие учения о прогрессе, которое делает его внутренне неприемлемым и недопустимым. Религия прогресса есть религия смерти, а не воскрешения, не восстановления всего живого для вечной жизни. Нет никаких внутренних оснований предпочитать судьбу того поколения, которое явится когда-то на вершине и для которого будет уготовано блаженство и счастье всем тем

поколениям, которым в удел достались лишь страдания, муки и несовершенство. Никакое грядущее совершенство не может искупить всех мучений предшествующих поколений. Такое подчинение всех судеб человеческих какому-то мессианскому пиру того поколения, которому удастся взобраться на вершину прогресса, возмущает религиозно-нравственную совесть человечества. Религия прогресса, которая основана на такого рода обоготворении грядущего поколения счастливых, – беспощадна к настоящему и прошлому, она соединяет безграничный оптимизм в отношении к будущему с безграничным пессимизмом в отношении к прошлому. Она глубоко противоположна христианскому упованию на всеобщее воскресение всех поколений, всех умерших, всех отцов и предков. Христианская идея основана на уповании, что окончится история исходом из исторических трагедий, из всех ее противоречий и в этом исходе примут участие все человеческие поколения, что все когда-либо жившие будут воскрешены для вечной жизни. Идея прогресса XIX века допускает на этот мессианский пир лишь неведомое поколение счастливых, которое является вампиром по отношению ко всем предшествующим поколениям. Тот пир, который эти грядущие счастливые устроят на могилах предков, забыв об их трагической судьбе, вряд ли может вызвать с нашей стороны энтузиазм к религии прогресса – энтузиазм этот был бы низменным.

Неразрешенность проблемы времени является основным пороком теории прогресса, потому что если возможно разрешение судьбы всемирной истории, ее основных противоречий, то оно возможно лишь в победе над временем, т. е. преодолении разрыва между прошлым, настоящим и будущим, дробления времени на взаимно враждующие и взаимно пожирающие элементы. Эта порочная природа времени должна быть окончательно побеждена для того, чтобы поистине могла быть разрешена судьба всемирной истории. Но никакие учения о прогрессе не заключают в себе подобного рода упования, не ставят себе такого рода задачи и не имеют такого рода смысла. Теория прогресса не обращена к разрешению судьбы чело-

веческой истории во вневременном, в вечности, во всеединстве, за пределами самой истории, а допускает разрешимость этой проблемы внутри временного потока истории, в каком-то из мгновений будущего времени, которое по отношению ко всем остальным мгновениям является пожирающим вампиром, потому что будущее является пожирателем прошлого, убийцей этого прошлого. На смерти зиждет идея прогресса свое упование. Прогресс оказывается не вечной жизнью, не воскресением, а вечной смертью, вечным истреблением прошлого будущим, предшествующего поколения последующим. Всеразрешающее блаженство наступает в какое-то мгновение времени в будущем, а всякое мгновение времени в будущем есть разорванное, дробное, есть пожираемое и пожирающее – пожирающее прошлое и пожираемое будущим. Это противоречие времени делает порочным и негодным все учение о прогрессе. Учение о прогрессе есть временное учение XIX века, отражающее состояние сознания европейского человечества в XIX веке со всей ограниченностью, со всеми пределами, поставленными этому времени. Оно соответствует известной эпохе, и в нем нет непреходящей, вечной истины, если не считать той истины, которая бессознательно заключена в нем, как в извращении религиозного упования на разрешение судеб человеческой истории.

Тесно связана с учением о прогрессе и с упованиями прогресса утопия земного рая, земного блаженства. Эта утопия земного рая, которая есть также извращение и искажение религиозной идеи о наступлении Царства Божия на земле, в конце истории, т. е. бессознательный хилиазм, – эта утопия земного рая получает удар за ударом; она разрушена работой мысли и сокрушена практически и жизненно. Утопия земного рая заключает в себе те же основные противоречия, которые заключены и в учении о прогрессе, потому что она также предполагает наступление какого-то совершенного состояния во времени, в пределах исторического процесса. Она предполагает возможность разрешения исторической судьбы человечества в пределах того замкнутого круга исторических

сил, в котором свершается самая история народов и история человечества. Она считает возможным имманентное разрешение трагедии всемирной истории и наступление совершенного состояния. Она так же, как и всякая идея прогресса, покоится на ложном отношении к времени, в ней есть ложное учение, что в будущем, в грядущем разрешима трагедия времени. Утопия земного рая, который должен осуществиться в будущем, – по мнению одних, очень скоро, по мнению других, очень нескоро, в данном случае это не имеет принципиального значения, – мыслит совершенное и блаженное состояние в будущем, не принявшем в себя полноту прошедшего. Утопия земного рая утверждает, что весь исторический процесс был лишь подготовкой, лишь средством к ее осуществлению. Земное блаженство и совершенство тех счастливых, которые где-то в конце исторического процесса явятся, искупает страдания и муки всех предшествующих человеческих поколений. Утопия земного рая предполагает, что возможно наступление абсолютного состояния человеческой жизни в относительных условиях земной и временной исторической жизни. Но земная действительность, по существу, не может вмещать в себе жизни абсолютной. Жизнь абсолютная не вмещается в эту со всех сторон сдавленную и ограниченную действительность. Но утопия земного рая есть вера, что если этого не могло быть до сих пор, то наступит момент, когда что-то абсолютное, наконец, окончательно в исторической, относительной действительности осуществится. Она утверждает не переход за грани и за пределы относительной исторической действительности в какой-то иной план бытия, в какое-то четвертое измерение из ограниченных трех измерений – она хочет, чтобы в это трехмерное пространство было целиком вмещено четвертое измерение абсолютной жизни. В этом ее основное метафизическое противоречие, которое делает ее внутренне несостоятельной, потому что вместо того, чтобы искать достижения абсолютной жизни через переход земной истории в небесную историю, утопия земного рая предполагает, что человеческая судьба окончательно решается в этой относительной земной действи-

тельности, окончательно вмещается в три измерения со всей их ограниченностью; в нее она хочет вместить абсолютное совершенство и блаженство, которое может быть достигнуто лишь в иной небесной действительности, может вместиться лишь в четвертое измерение. Этой утопии земного рая, которая свойственна разным социальным учениям и разным философиям истории, наносит удары, от которых она не оправится, философская мысль и религиозное сознание. Начинает все более и более выясняться глубоко трагический и двойственный характер всего исторического процесса. В истории нет по прямой линии совершающегося прогресса добра, прогресса совершенства, в силу которого грядущее поколение стоит выше поколения предшествующего; в истории нет и прогресса счастья человеческого – есть лишь трагическое, все большее и большее раскрытие внутренних начал бытия, раскрытие самых противоположных начал, как светлых, так темных, как божественных, так и дьявольских, как начал добра, так и начал зла. В раскрытии этих противоречий и в выявлении их и заключается величайший внутренний смысл исторической судьбы человечества. Если можно утверждать какой-нибудь прогресс в истории человеческого сознания, так это обострение сознания, которое является результатом внутреннего раскрытия этого трагического противоречия человеческого бытия. Но ни в коем случае нельзя утверждать постоянное нарастание положительного на счет отрицательного, как это утверждает теория прогресса. В историческом процессе происходит усложнение начал, он несет в себе начала самые противоположные. Если верить, что прогресс есть приближение к абсолютной Божественной жизни, то было бы неправильно отсюда делать вывод, что те поколения, которые явятся на вершине истории, будут находиться в особенной близости к Абсолютному, все же остальные поколения или очень далеки от этого источника Божественной жизни, или не имеют с ним никакой связи и приближаются к Божественной жизни, служа лишь средством для какого-то последнего поколения истории. Правильнее было бы думать, как думает Л. Ранке, что все человеческие поколения

на протяжении всего исторического процесса имеют сами по себе отношение к Абсолютному, все они приближаются к Божеству, – в этом есть Божественная справедливость и Божественная правда. Какое было бы нарушение справедливости, если бы только те поколения, которые находятся на вершине прогресса, были допущены к тайнам Божественной жизни! Именно такого рода учение о прогрессе может заставить усомниться в самом существовании Божественного Промысла, потому что Божество, которое лишило бы своей близости все человеческие поколения и которое допустило бы к своей близости лишь поколение, стоящее на вершине истории, было бы Божеством вампирическим, в нем была бы неправда и насилие по отношению к большей части человечества. На этом основании Иван Карамазов возвращает свой билет Богу. В действительности ничего подобного нет; в действительности каждое поколение имеет цель в самом себе, несет оправдание и смысл в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъемах, приближающих его к Божественной жизни, а не в том, что оно является средством и орудием для поколений последующих. И разве люди XIX века не дальше от Бога, чем люди прежних веков?

Есть еще одно возражение совершенно научно-позитивного характера, возражение против обычного учения о прогрессе, которое колеблет это учение в его первоосновах. Если взять судьбы народов, судьбы обществ, судьбы культур человеческих в истории, то мы видим, что все культуры, все эти общества и все народы переживают в судьбе своей разные периоды – период зарождения, детства, возмужалости, высшего расцвета и, наконец, период старости, дряхлости, отцветания и смерти. Все великие национальные культуры и все общества подвергались этому процессу одряхления и умирания. Ценности культуры – бессмертны, в культуре есть неумирающее начало, но сами народы как живые организмы, изживающие свою судьбу в истории, смертны, – после периода высшего своего цветения они начинают спускаться вниз и дряхлеть. Все великие культуры переживали период дряхло-

сти. Самым наглядным возражением против теории прогресса является открытие такой великой культуры, существовавшей за 3000 лет до Р.Х., как культура Вавилона, которая достигла высокого совершенства, предвосхищавшая и в некотором отношении превосходившая культуру XIX века. Она умерла и исчезла почти бесследно. Долгое время перестали даже подозревать о ее существовании, и только археологические раскопки и более усовершенствованные методы познания древних культур открыли существование этой культуры и породили увлечение панвавилонизмом. Это побуждает такого крупного историка, как Э. Мейер, решительно отрицать существование прогресса человечества по прямой восходящей линии. Развиваются лишь отдельные типы культур, причем последующие культуры не всегда даже поднимаются на ту высоту, на которой стояли культуры предшествующие. Эти соображения вряд ли должны приводить к особо пессимистическим выводам, потому что совершенно неосновательно черпать свой оптимизм, свою бодрость и определять свое творчество в отношении к жизни, исходя из исключительной переоценки значения грядущих поколений. Убеждение, что они являются более реальными, чем все поколения предшествующие, ни на чем не основано. Если более глубоко подойти к этому вопросу, то нет никаких оснований считать каждого из нас, принадлежащих поколению, живущему в настоящем (хотя этот термин очень шаток и двусмыслен, потому что «настоящее» каждое мгновение исчезает), или грядущее поколение, которое народится через 50 или 100 лет, для нашего сознания более реальным и более ценным, чем те отошедшие поколения, которые существовали 50, 100 или 5000 лет тому назад. Дробя время на настоящее, прошлое и будущее, мы не имеем основания утверждать, что будущее более реально, чем прошедшее. Будущее, с точки зрения настоящего, не более реально, чем прошлое, и творческая работа наша должна совершаться не во имя будущего, а во имя того вечного настоящего, в котором будущее и прошлое – едины. Прошлого уже нет, и оно для нас не существует иначе, как в нашей памяти, будущего

еще нет, и неизвестно, будет ли оно. В известном смысле можно даже сказать, что прошлое более реально, чем будущее, и люди, отошедшие от нас, более реальны, чем люди еще не рожденные. Предполагают, что будет будущее и в будущем будут жить поколения человеческие, для которых мы должны уготовлять высшую жизнь. Это и должно нам дать смысл жизни, радость жизни и бодрость жизни. Вот это и есть один из самых печальных предрассудков религии прогресса, которая исповедовалась в XIX веке. В действительности мы должны окончательно порвать с упованиями, надеждами и верованиями, связанными с таким отношением к будущему. Мы должны, в нашей вере и в нашей надежде, возвышающих нас над мгновением настоящего и делающих нас не только людьми оторванного настоящего, но и людьми великой исторической судьбы, окончательно преодолеть это разорванное и порочное время – время настоящего, прошлого и будущего и войти в истинное время – в вечность. Все наши верования и упования должны быть связаны с разрешимостью человеческих судеб в вечности, и мы должны строить свою перспективу жизни не на перспективе оторванного будущего, а на перспективе целостной вечности. Каков будет плод наших творческих деяний в раздробленном времени, т. е. в будущем, не нам судить и не нам предрешать. Это могут решать лишь другие поколения. Но наше дело в каждый период, в каждое мгновение нашей исторической судьбы определять свое отношение к жизни и к историческим задачам перед лицом вечности и перед судом вечности. Когда мы поставим судьбу человеческую и историческую судьбу в перспективу вечности, то будущее окажется не более реальным, чем прошлое, настоящее не более реальным, чем прошлое и будущее, потому что всякое раздробленное время перед судом вечности внутренне греховно и порочно. Но религия прогресса хотела эту греховность и порочность осветить и узаконить.

Греховные противоречия учения о прогрессе обличают внутреннюю несостоятельность и ложь гуманистических предпосылок прогресса. Те основания, на которых покоился

гуманизм нового времени, были таковы, что они не обращали человека к вечности, они повергали человека в земной поток времени со всем его дроблением. Поэтому они не могли истинным образом разрешить судьбу человеческой жизни, судьбу человеческой истории. Эти гуманистические предпосылки заключали в себе внутреннее противоречие и внутреннюю порочность, которые, рано или поздно, должны были вскрыться. Это вскрытие я и называю кризисом гуманизма и концом Ренессанса. В гуманистический прогресс больше верить нельзя. Идея прогресса была великой идеей гуманистического периода истории, весь XIX век проникся иллюзией прогресса. Учение о прогрессе в его безрелигиозной форме, оторванной от религиозно-истинного зерна, и есть не что иное, как возведение в систему, в цельную теорию основного гуманистического предположения о том, что человек может довольстваться самому себе, может разрешать свою судьбу имманентными человеческими силами и не нуждается в божественных силах и в божественных целях жизни. Если в учении о прогрессе раскрывается ложь гуманистической предпосылки и ее иллюзии, то, с другой стороны, нельзя было бы сказать, что гуманизм не имел никаких положительных результатов. Я думаю, что в гуманизме заключается и положительное начало, которое будет иметь огромное значение для будущей судьбы человека и его истории. Человек должен был пройти через гуманистическое самоутверждение и через гуманистическое самоудовлетворение. Он должен был на свободе раскрыть свои силы и проверить на опыте, что означает и к чему ведет такого рода гуманизм. В гуманизме раскрылись человеческие потенции, которые не могут сами по себе привести к положительным результатам, но раскрытие это будет иметь очень большое значение для дальнейшей судьбы человечества, когда история из гуманистического периода перейдет в какой-то другой, неведомый еще период, накануне которого мы стоим. В духовных подъемах гуманистической культуры была потенция нового религиозного откровения. В гениальности этого периода была своя духоносность.

История есть, поистине, – и в этом ее религиозное содержание – путь к иному миру. Но внутри истории невозможно наступление какого-либо абсолютного совершенного состояния, задача истории разрешима лишь за ее пределами. Это и есть основной и главный вывод, к которому приходит метафизика истории, это и есть секрет, который лежит внутри исторического процесса. Переходом от одной эпохи к другой бьется человечество над разрешением своей судьбы внутри истории. Когда оно приходит не к тому, чего ждало, и начинает ощущать безвыходность круга истории, тогда человечество начинает сознавать невозможность разрешить свою задачу внутри самого процесса истории, начинает сознавать, что лишь трансцендентный выход делает историю разрешимой. Для того чтобы разрешить задачу истории, неразрывно связанную с природой времени, нужно всю перспективу истории обратить внутрь и от попытки разрешить ее, вытянув во временном историческом свершении, перейти к разрешению ее через выход за пределы истории, через прорыв истории в свехисторию, через допущение в замкнутый круг истории сил надисторических, т. е. нового ноуменального небесного события в земном и феноменальном – грядущего явления Христа. Основная идея, к которой приходит метафизика истории и которая вместе с тем является и предпосылкой метафизики истории, есть идея неизбежности конца истории.

Если смотреть на исторический процесс с точки зрения имманентного разрешения задач, которые в нем ставятся, разрешения их внутри потока времени, то нельзя не прийти к самым пессимистическим, безнадежным результатам, потому что, с этой точки зрения, все попытки разрешения всех исторических задач во все периоды должны быть признаны сплошной неудачей. В исторической судьбе человека, в сущности, все не удалось, и есть основание думать, что никогда и не будет удаваться. Не удался ни один замысел, поставленный внутри исторического процесса. Никогда не осуществлялось то, что ставилось задачей и целью какой-либо исторической эпохи, что преподносилось как идея, которая должна быть, так

или иначе, осуществлена. Если взять исторический процесс в целом, то коренной неудачей, которая этот процесс поражает, нужно признать, что в нем не удастся Царство Божие, что если Царство Божие было задано в историческом процессе как решение судьбы человеческой, то оно никогда в этом историческом процессе не осуществлялось и никогда приближения к осуществлению Царства Божия не происходило. Если взять отдельные периоды в истории с теми задачами, которые в них ставились, то они также были поражены внутренней болезнью и внутренней неосуществимостью этих задач. Если мы возьмем всю новую гуманистическую историю, то она поражает сплошной неудачей, потому что не удался Ренессанс и то, что Ренессансом сотворено, не соответствует подлинным его заданиям и планам. Обнаружена невозможность Ренессанса внутри христианского мира – христианский мир болен такой болезнью раздвоения, которая делает недостижимой целостность ренессансного замысла, содержание христианского мира не может быть оформлено в античном смысле. Такие же неудачи постигли и Реформацию, поставившую себе великую цель утверждения религиозной свободы и приведшую к крушению религии; и французскую революцию, создавшую вместо братства, равенства и свободы – буржуазное общество XIX века. Революция обнаружила такие противоречия, которые на протяжении всего XIX века раскрывались и окончательно изобличали лживость всей идеологии французской революции. Вместо равенства, братства и свободы раскрылись новые формы неравенства и ненависти людей друг к другу. Точно так же можно заранее с уверенностью сказать, что не удадутся и те основные идеи и задачи, которыми живет наша эпоха, не удастся никогда социализм, который попробуют осуществить и который, вероятно, будет играть большую роль в том периоде истории, в который ныне мы вступаем. Социализм в опыте осуществления своего будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся. Он вскроет новые внутренние противоречия человеческой жизни, которые сделают невозможным осуществление тех задач, которые выставило социалистическое движение.

Он никогда не осуществит ни того освобождения человеческого труда, которого Маркс хотел достигнуть связыванием труда, никогда не приведет человека к богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета. Не удастся и анархизм, который конкурирует с социализмом. Никогда не осуществит он той предельной свободы, не знающей границ и удержу, к которой призывает; наоборот, он раскроет еще большее рабство. Никогда, в сущности, не удавалась в пределах истории ни одна из революций, потому что если революции и были важным моментом в судьбе народов, моментом внутренне неизбежным, к которому вела вся предшествующая судьба и порождала дальнейшее ее свершение, то они никогда не разрешили тех задач, которые были ими заданы, — никогда этого не было и никогда не будет. В конце концов, плодотворным бывал лишь великий опыт исторических неудач, ибо в нем приоткрывалось что-то новое для человечества. Обыкновенно достигалось совсем не то, что люди предполагали и к чему стремились. Обыкновенно революции кончались реакцией, в которой и раскрывалось что-то новое, в которой происходило осмысливание пережитого опыта, хотя бы реакции и сопровождалась целым рядом отрицательных проявлений и частично отбрасывали назад человеческие общества. Так, духовная реакция начала XIX века была одним из самых положительных результатов революции. В ней начался процесс духовного возрождения. Начало XIX века имело огромное значение, но оно не соответствовало тем социальным целям, которые ставила себе революция. Можно сказать больше — можно сказать о величайшем событии всемирной истории, которое составляет его сердцевину и которое есть ключ к разгадке смысла истории, — о христианстве, которое открыло новую эру и определило всю историческую судьбу, можно сказать, что история христианства также есть сплошная великая неудача. Многие враги христианства говорят это со злорадством, говорят, как самое большое возражение против христианства, — они возражают против христианства по-

тому, что христианство не удалось и утратить на земле не может. Но это же самое можно сказать и с совсем другой духовной настроенностью, вкладывая другой смысл. Действительно, христианство в истории так же не удалось, как не удалось все в истории. Те задания, которые поставлены христианской верой, христианским сознанием, никогда на протяжении 2000 лет не были осуществлены и никогда в пределах этого нашего времени и в пределах этой истории не будут осуществлены, потому что осуществлены они могут быть лишь в победе над временем, в переходе в вечность и в преодолении истории через переход в сверхисторический процесс. Но самая неудача христианства менее всего может быть превращена в аргумент против высшей его правды, так же как и самая неудача истории менее всего означает бессмысленность истории, внутреннюю ее ненужность и пустоту. Неудача истории вовсе не означает того, что история не имеет смысла и что совершается она в пустоте, так же как неудача христианства не означает того, что христианство не есть высшая истина и что это может быть использовано как аргумент против него, потому что попытка сделать удачу и историческую реализацию, имманентное осуществление критерием истинности и осмысленности сама по себе несостоятельна. История и все историческое по природе своей таково, что никакие совершенные осуществления в временном их потоке – невозможны. Но тот великий опыт, который раскрывается в исторической судьбе, имеет глубочайший смысл и вне осуществления и реализации; он раскрывается за пределами истории. Посюсторонняя неудача, которая болезненно бросается нам в глаза и нас поражает в пределах исторического времени, в пределах временной земной действительности, не означает какой-то предельной потусторонней неудачи, а указывает лишь на то, что человек и человечество в своих судьбах призваны к высшей реализации своих потенций, бесконечно превышающей все те реализации, к которым человек стремится в исторической своей жизни. Все неудачи Реформации и революции и всего «исторического» обозначают лишь разорванность человека, который должен целостно

изжить свою судьбу в более высокой и более абсолютной действительности, чем та, в которой это все совершилось. Если христианство само по себе претерпевает неудачи в пределах истории, то это обозначает не неудачу самого христианства, потому что это есть лишь очень несовершенное словосочетание, очень искаженная передача, изобличающая несовершенство нашего языка, – в действительности же это есть неудача не христианства, не христианской абсолютной истины, которая пребудет вовеки и которую не одолеют врата адовы, но означает неизбежную неудачу всякого относительного мира, всякого относительного разорванного времени, неудачу ограниченной земной действительности. Это не неудача Божья, как думают те, которые направляют этот аргумент против христианства, а неудача человеческая. Неудача же человеческая обозначает лишь то, что человек в своей судьбе призван к тому, чтобы подняться еще выше, чтобы реализовать свои потенции в вечном времени, в более высокой действительности, чем та, в которой он пытался их реализовать. Аргумент против христианства, основанный на неудаче христианства, вдвойне безобразен, вот почему: христианское человечество в своей истории сначала изменило христианской истине, а потом, совершив эту измену, оно начало клеймить христианство, нападать на него, утверждая, что христианство не удалось. Но христианство не удалось именно потому, что те, которые возражают против него, от него отступили. Таким образом получается двойная ложь в этой аргументации.

Лишь при перенесении центра тяжести человеческой жизни в иной мир можно творить красоту в этом мире. Величайшая красота, которая достигалась в этом мире, была связана не с тем, что человечество ставило себе чисто земные цели в этой действительности, а с тем, что оно ставило себе цели за пределами этого мира. Тот порыв, который влек человечество в мир иной, в этом мире воплощался в единственно возможной, высшей для нас красоте, которая всегда имеет природу символическую, а не реалистическую. Если окончательное реалистическое осуществление возможно лишь в какой-то выс-

шей действительности, за пределами времени, за пределами истории, то символическое осуществление возможно здесь, в этой земной действительности, как знак высшей действительности. Это более всего ясно на природе искусства, потому что искусство как вершина человеческого творчества в высочайших своих проявлениях имеет символический характер, и это символическое достижение искусства говорит о призвании человека к какой-то иной, более высокой действительности.

Когда я говорил о небесной истории как о прологе земной истории и затем перешел к земной истории, я строил всю связывавшуюся трагедию всей судьбы человеческой на том, что существует двоякого рода откровение – откровение Бога человеку и ответное откровение человека Богу. Вся трагедия бытия есть трагедия внутреннего свободного отношения между человеком и Богом – рождения Бога в человеке и человека в Боге, откровения Бога человеку и ответного откровения человека Богу. Историческая судьба человека вся пронизана этим ответным откровением человека Богу; в человеческом творчестве, в исторической судьбе своей человек отвечает на слова, сказанные ему Богом. Но глубочайший внутренний смысл ответного откровения человека скрыт в его свободе. Только свободное откровение человека, свободное его творчество желанно для Бога и задано Богом, только оно отвечает на Божью тоску по человеку. Бог ждет от человека свободного дерзновения творчества. Но в исторической судьбе человечества, в конкретной человеческой истории постоянно происходят срывы с пути свободы на пути принуждения и необходимости. Вся человеческая история наполнена такими соблазнами – от соблазнов принудительной католической или византийской теократии до соблазнов принудительного социализма. Труден и трагичен путь свободы, потому что, поистине, нет ничего ответственного и ничего более героического и страдальческого, чем путь свободы. Всякий путь необходимости и принуждения – путь более легкий, менее трагический и менее героический. Вот почему человечество в своих исторических путях постоянно сбивается на соблазн подмены путей свободы путями принуж-

дения. Это происходит как в религиозной жизни, так и в жизни нерелигиозной. Соблазн этот гениально раскрыт Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе». Великий Инквизитор хочет снять с людей бремя свободы во имя счастья всех. Соблазн этот в прошлом породил историческую инквизицию, а в настоящем – религию социализма, которая есть не что иное, как религия Великого Инквизитора, основанная на подмене путей свободы путями принуждения, на снятии с человека бремени трагической свободы. На этом разыгрывается драма истории с ее постоянной борьбой начала свободы и начала принуждения и постоянным переходом от одного начала к другому.

Но если отрицать учение о прогрессе, если отвергать обоготворение грядущих поколений, если не видеть в грядущем постоянного нарастания положительного добра, положительного света, положительного совершенства и блаженства, то в чем же тогда заключается внутренний смысл грядущей исторической судьбы и существует ли этот смысл? Для христианской философии ответ на этот вопрос не так труден, потому что христианская философия истории, по существу, не может быть не апокалиптической, потому что в малом евангельском Апокалипсисе и в большом Апокалипсисе – откровении св. Иоанна – даны символы сокровенных судеб истории. Апокалиптические пророчества обращены к завершению истории, и Апокалипсис есть прикровенное откровение о все разрешающем конце истории. В апокалиптическом свете метафизика истории раскрывает двойственность грядущего, раскрывает нарастание в нем как положительных христианских сил, которое должно завершиться явлением Христа Грядущего, так и отрицательных антихристианских сил, которое должно завершиться явлением антихриста. Антихрист есть проблема метафизики истории. Антихрист есть явление не того старого зла, которое унаследовано от первоначальных стадий человеческой истории, а нового зла, зла грядущего века, которое будет более страшным, чем зло прошлого. В грядущем предстоит небывалая борьба добра и зла, Бога и дьявола, света и тьмы. Смысл истории заключается в раскрытии этих противоположных начал, в их противо-

борстве и в окончательном трагическом столкновении одного и другого начала. Антихристово начало будет задерживать человечество в этом дурном времени и закрепощать, поработать его «миру сему», этому ограниченному плану бытия. Но Апокалипсис должно истолковывать символически и имманентно. Таким образом, для христианской философии истории совершенно не страшно и совершенно не ведет к отрицанию внутреннего смысла истории то, что в грядущем будет нарастать не только добро, но и зло, не только начала христианские, но и начала антихристианские, потому что христианские пророчества именно об этом и говорят. Это лишь подтверждает подлинность христианских пророчеств о завершении истории. Внешний Апокалипсис есть лишь символически условное выражение внутреннего Апокалипсиса человеческого духа, и в нем говорится лишь о судьбе нашего мирового зона, а не о судьбе последней глубины бытия.

Я хотел бы кончить тем, с чего начал. Начал я с небесного пролога истории для того, чтобы перейти к земной истории, и от этой земной истории должен опять перейти к истории небесной. История только в том случае имеет положительный смысл, если она кончится. Вся метафизика истории, которую я пытался раскрыть в своей книге, ведет к сознанию неизбежности конца истории. Если бы история была бесконечным процессом, плохой бесконечностью, то история не имела бы смысла. Трагедия времени была бы неразрешимой и задача истории неосуществимой, потому что внутри исторического времени она и не может быть осуществлена. Судьба человека, которая лежит в основе истории, предполагает сверхисторическую цель, сверхисторический процесс, сверхисторическое разрешение судьбы истории в ином, вечном времени. Земная история должна вновь войти в небесную историю, должны исчезнуть грани, отделяющие мир посюсторонний от мира потустороннего, подобно тому как не было этих граней в глубине прошлого, на заре мировой жизни. Мифы говорят нам о первичной смешанности небесного и земного. Так и в конце истории не будет уже замкнутости «мира сего», нашей зем-

ной действительности. Эон нашего мира стареет, как на перезревшем плоде лопнут оболочки, отделявшие его от миров иных. Об этом прикровенно-символически говорит Апокалипсис. Разрывается связь времен, замкнутый круг мировой действительности перестает существовать; в него сливаются энергии иных ступеней действительности, история нашего мирового времени кончается и потому только и приобретает смысл. День нашей индивидуальной жизни сам по себе бессмыслен, наша жизнь приобретает смысл лишь в связи всех дней нашей жизни.

История не могла разрешить проблемы индивидуальной судьбы человека, судьбы, которая составляет тему гениальных откровений творчества Достоевского, с которой связана вся метафизика истории. Эта проблема индивидуальной судьбы неразрешима в пределах истории, в пределах истории неразрешим трагический конфликт судьбы индивидуальной с судьбой мировой, с судьбой всего человечества. И поэтому история должна кончиться. Мир должен вступить в такую высокую действительность, в такое целостное время, в которых разрешится проблема индивидуальной судьбы человеческой и трагический конфликт этой индивидуальной судьбы человеческой с судьбой мировой найдет свой исход. История есть прежде всего судьба и должна быть осмыслена как судьба, как трагическая судьба. Трагическая судьба, как и всякая трагедия, должна иметь последний, всеразрешающий акт. В трагедии неизбежен катарсис. История не имеет бесконечного развития в нашем времени, не имеет закономерности природных явлений именно потому, что история есть судьба. Таков последний вывод и последний результат метафизики истории. Судьба человеческая, которую мы должны проследить через все периоды истории, неразрешима в пределах истории. Метафизика истории научает нас тому, что неразрешимое в пределах истории разрешается за пределами истории. И это и есть самый большой аргумент в пользу того, что история бессмысленна, что она имеет высший смысл. Если бы она имела только имманентный земной смысл, то именно в этом случае она была бы бессмыс-

ленной, потому что тогда все основные трудности, связанные с природой времени, были бы неразрешимы или все разрешения были бы фиктивными, кажущимися и неистинными. Такая относительно пессимистическая метафизика истории разрывает с иллюзиями, связанными с обоготворением будущего, низвергает идею прогресса, но укрепляет надежду и упование на разрешение всей муки истории в перспективе вечности, в перспективе вечной действительности. И эта пессимистическая метафизика истории более оптимистична в последнем и глубоком смысле слова, чем безотрадное и смертоносное для всего живого оптимистическое учение о прогрессе. Должен совершиться какой-то внутренний сдвиг, после которого всемирная история предстанет не в перспективе истребляющего потока времени, как бы выброшенная из глубины духа вовне, а в перспективе вечности, в перспективе истории небесной. Она вернется в глубину как момент извечной мистерии Духа.

Приложение

Воля к жизни и воля к культуре

1

В нашу эпоху нет более острой темы и для познания, и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации, о их различии и взаимоотношении. Это – тема об ожидающей нас судьбе. А ничто не волнует так человека, как судьба его. Исключительный успех книги Шпенглера о закате Европы объясняется тем, что он так остро поставил перед сознанием культурного человечества вопрос о его судьбе. На исторических перевалах, в эпохи кризисов и катастроф приходится серьезно задуматься над движением исторической судьбы народов и культур. Стрелка часов мировой истории показывает час роковой, час наступающих сумерок, когда пора зажигать огни и готовиться к ночи. Шпенглер признал цивилизацию роком всякой культу-

ры. Цивилизация же кончается смертью. Тема эта не новая; она давно нам знакома. Тема эта особенно близка русской мысли, русской философии истории. Наиболее значительные русские мыслители давно уже познали различие между типом культуры и типом цивилизации и связали эту тему с взаимоотношением России и Европы. Все наше славянофильское сознание было проникнуто враждой не к европейской культуре, а к европейской цивилизации. Тезис, что «Запад гниет», и означал, что умирает великая европейская культура и торжествует европейская цивилизация, бездушная и безбожная. Хомяков, Достоевский и К. Леонтьев относились с настоящим энтузиазмом к великому прошлому Европы, к этой «стране святых чудес», к священным ее памятникам, к ее старым камням. Но старая Европа изменила своему прошлому, отреклась от него. Безрелигиозная мещанская цивилизация победила в ней старую священную культуру. Борьба России и Европы, Востока и Запада представлялась борьбой духа с бездушием, религиозной культуры с безрелигиозной цивилизацией. Хотели верить, что Россия не пойдет путем цивилизации, что у нее будет свой путь, своя судьба, что в России только и возможна еще культура на религиозной основе, подлинная духовная культура. В русском сознании очень остро ставилась эта тема.

Но чужда ли она сознанию западному, не возвышалась ли и сама европейская мысль до ее постановки; один ли Шпенглер подошел к ней? Явление Ницше связано с острым сознанием этой роковой для западной культуры темы. Тоска Ницше по трагической, дионисической культуре – есть тоска, возникающая в эпоху торжествующей цивилизации. Лучшие люди Запада ощущали эту смертельную тоску от торжества мамонизма в старой Европе, от смерти духовной культуры – священной и символической – в бездушной технической цивилизации. Все романтики Запада были людьми ранеными, почти смертельно, торжествующей цивилизацией, столь чуждой их духу. Карлейль с пророческой силой восставал против угашающей дух цивилизации. Пламенное восстание Леона Блуа против «бур-

жуа» в его гениальных исследованиях «буржуазной» мудрости было восстанием против цивилизации. Все французские католики – символисты и романтики – бежали в средневековье, на далекую духовную родину, чтобы спастись от смертельной тоски торжествующей цивилизации. Устремленность людей Запада к былым культурным эпохам или экзотическим культурам Востока означает восстание духа против окончательного перехода культуры в цивилизацию, но восстание слишком утонченного, упадочного, ослабленного духа. От надвигающегося небытия цивилизации люди поздней, закатной культуры бессильны перейти к подлинному бытию, бытию вечному, они спасаются бегством в мир далекого прошлого, которого нельзя уже вернуть к жизни, или чуждого им бытия застывших культурных миров Востока.

Так подрываются основы банальной теории прогресса, в силу которой верилось, что будущее всегда совершеннее прошедшего, что человечество восходит по прямой линии к высшим формам жизни. Культура не развивается бесконечно. Она несет в себе семя смерти. В ней заключены начала, которые неотвратимо влекут ее к цивилизации. Цивилизация же есть смерть духа культуры, есть явление совсем иного бытия или небытия. Но нужно осмыслить этот феномен, столь типичный для философии истории, для осмысления истории. Шпенглер ничего не дает для проникновения в смысл этого первофеномена истории.

2

Во всякой культуре после расцвета, усложнения и утончения начинается иссыкание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа. Меняется все направление культуры. Она направляется к практическому осуществлению могущества, к практической организации жизни в сторону все большего ее расширения по поверхности земли. Цветение «наук и искусств», углубленность и утонченность мысли, высшие подъемы художественного творчества, созерцание святых и

гениев – все это перестает ощущаться как подлинная, реальная, «жизнь», все это уже не вдохновляет. Рождается напряженная воля к самой «жизни», к практике «жизни», к могуществу «жизни», к наслаждению «жизнью», к господству над «жизнью». И эта слишком напряженная воля к «жизни» губит культуру, несет за собой смерть культуры... Слишком хотят «жить», строить «жизнь», организовать «жизнь» в эпоху культурного заката. Эпоха культурного расцвета предполагает ограничение воли к «жизни», жертвенное преодоление жадности к жизни. Когда в массах человеческих слишком распространяется жадность к «жизни», тогда цель перестает полагаться в высшей духовной культуре, которая всегда аристократична, всегда в качествах, а не в количествах. Цель начинают полагать в самой «жизни», в ее практике, в ее силе и счастье. Культура перестает быть самоценной, и потому умирает воля к культуре. Нет более воли к гениальности, не рождаются более гении. Не хотят уже незаинтересованного созерцания, познания и творчества. Культура не может оставаться на высоте, она неизбежно должна спускаться вниз, должна падать. Она бессильна удержать свою высшую качественность. Начало количественное должно ее одолеть. Происходит социальная энтропия, рассеяние творческой энергии культуры. Культура срывается и падает, она не может вечно развиваться потому, что не осуществляет целей и задач, зародившихся в духе творцов ее.

Культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей. Все достижения культуры символичны, а не реалистичны. Культура не есть осуществление, реализация истины жизни, добра жизни, красоты жизни, могущества жизни, божественности жизни. Она осуществляет лишь истину в познании, в философских и научных книгах; добро – в нравах, бытии и общественных установлениях; красоту – в книгах стихов и картинах, в статуях и архитектурных памятниках, в концертах и театральных представлениях; божественное – лишь в культе и религиозной символической. Творческий акт притягивается в культуре вниз и отяжелевает. Новая жизнь, высшее бытие дается лишь в по-

добях, образах, символах. Творческий акт познания создает научную книгу; творческий художественный акт создает нравы и общественные учреждения; творческий религиозный акт создает культ, догматы и символический церковный строй, в котором дано лишь подобие небесной иерархии. Где же самая «жизнь»? Реальное преображение как будто бы не достигается в культуре. И динамическое движение внутри культуры с ее кристаллизованными формами неотвратно влечет к выходу за пределы культуры, к «жизни», к практике, к силе. На этих путях совершается переход культуры к цивилизации. Высший подъем и высшее цветение культуры мы видим в Германии конца XVIII и начала XIX века, когда Германия стала прославленной страной «поэтов и философов». Трудно встретить эпоху, в которой была бы осуществлена такая воля к гениальности. На протяжении нескольких десятилетий мир увидел Лессинга и Гердера, Гете и Шиллера, Канта и Фихте, Гегеля и Шеллинга, Шлейермахера и Шопенгауэра, Новалиса и всех романтиков. Последующие эпохи с завистью будут вспоминать об этой великой эпохе. Виндельбанд, философ эпохи культурного заката, вспоминает об этом времени духовной цельности и духовной гениальности как об утерянном рае. Но была ли подлинная высшая «жизнь» в эпоху Гете и Канта, Гегеля и Новалиса? Все люди той замечательной эпохи свидетельствуют, что тогда в Германии «жизнь» была бедной, мещанской, сдавленной. Германское государство было слабым, жалким, раздробленным на мелкие части, ни в чем и нигде не было осуществлено могущество «жизни», культурное цветение было лишь на самых вершинах германского народа, который пребывал в довольно низком состоянии. А эпоха Ренессанса, эпоха небывалого творческого подъема, – была ли в ней действительно высшая, подлинная «жизнь»? Пусть романтик Ницше, окруженный ненавистной ему цивилизацией, влюбленно влечется к эпохе Ренессанса как к подлинной, могущественной «жизни», – этой «жизни» там не было; «жизнь» там была ужасной, злой жизнью, в ней никогда не была осуществлена красота в земном ее совершенстве. Жизнь Леонардо и Микеланджело была сплошной трагедией

и мукой. И так всегда, всегда бывало. *Культура всегда бывала великой неудачей жизни.* Существует как бы противоположность между культурой и «жизнью». Цивилизация пытается осуществлять «жизнь». Она создает могущественное германское государство, могущественный капитализм и связанный с ним социализм; она осуществляет волю к мировому могуществу и мировой организации. Но в этой могущественной Германии, империалистической и социалистической, не будет уже Гете, не будет великих германских идеалистов, не будет великих романтиков, не будет великой философии и великого искусства, – все станет в ней техническим, технической будет и философская мысль (в гносеологических течениях). Метод завоевания во всем возобладает над интуитивно-целостным проникновением в бытие. Невозможен уже Шекспир и Байрон в могущественной цивилизации Британской империи. В Италии, где создан раздавивший Рим памятник Виктора Эммануила, в Италии социалистического движения невозможен уже Данте и Микеланджело. В этом – трагедия культуры и трагедия цивилизации.

3

Во всякой культуре, на известной ступени ее развития, начинают обнаруживаться начала, которые подрывают духовные основы культуры. Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – все заключено органически целостно в церковном культе, в форме еще не развернутой и не дифференцированной. Древнейшая из культур – культура Египта – началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобия иной, духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) есть культура

духа; всякая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями. Но в самой культуре обнаруживается тенденция к разложению своих религиозных и духовных основ, к низвержению своей символики. И культура античная, и культура западноевропейская переходит через процесс «просвещения», которое порывает с религиозными истинами культуры и разлагает символику культуры. В этом обнаруживается роковая диалектика культуры. Культуре свойственно, на известной стадии своего пути, как бы сомневаться в своих основах и разлагать эти основы. Она сама готовит себе гибель, отделяясь от своих жизненных истоков. Культура духовно истощает себя, рассеивает свою энергию. Из стадии «органической» она переходит в стадию «критическую».

Чтобы понять судьбу культуры, нужно рассматривать ее динамически и проникнуть в ее роковую диалектику. Культура есть живой процесс, живая судьба народов. И вот обнаруживается, что культура не может удержаться на той срединной высоте, которой она достигнет в период своего цветения, ее устойчивость не вечна. Во всяком сложившемся историческом типе культуры обнаруживается срыв, спуск, неотвратимый переход в такое состояние, которое не может уже быть наименовано «культурой». Внутри культуры обнаруживается слишком большая воля к новой «жизни», к власти и мощи, к практике, к счастью и наслаждению. Воля к могуществу во что бы то ни стало есть цивилизаторская тенденция в культуре. Культура бескорыстна в своих высших достижениях, цивилизация же всегда заинтересована. Когда «просвещенный» разум сметает духовные препятствия для использования «жизни» и наслаждения «жизнью», когда воля к могуществу и организованному овладению жизнью достигает высшего напряжения, тогда кончается культура и начинается цивилизация. Цивилизация есть переход от культуры, от созерцания, от творчества ценностей к самой «жизни», искание «жизни», отдавание себя ее стремительному потоку, организация «жизни», упоение силой жизни. В культуре обнаруживается практически-утилитарный, «реа-

листический», т. е. цивилизаторский, уклон. Большая философия и большое искусство, как и религиозная символика, не нужны более, не представляются «жизнью». Происходит изобличение того, что представлялось высшим в культуре, верховным ее достижением. Разнообразными путями вскрывают не священный и не символический характер культуры. Перед судом реальной «жизни» в эпоху цивилизации духовная культура признается иллюзией, самообманом еще не освобожденного, зависимого сознания, призрачным плодом социальной неорганизованности. Организованная техника жизни должна окончательно освободить человечество от иллюзии и обманов культуры; она должна создать вполне «реальную» цивилизацию. Духовные иллюзии культуры поражены были неорганизованностью жизни, слабостью ее техники. Эти духовные иллюзии исчезают, преодолеваются, когда цивилизация овладевает техникой и организует жизнь. Экономический материализм – очень характерная и типичная философия эпохи цивилизации. Это учение выдает тайну цивилизации, обнаруживает внутренний ее пафос. Не экономический материализм выдумал господство экономизма, не учение это виновно в принижении духовной жизни. В самой действительности обнаружилось господство экономизма, в ней вся духовная культура превратилась в «надстройку» и разложились все духовные реальности раньше, чем экономический материализм отразил это в своем учении. Сама идеология экономического материализма имеет лишь рефлекторный характер по отношению к действительности. Это – характерная идеология эпохи цивилизации, наиболее радикальная идеология этой цивилизации. В цивилизации неизбежно господствует экономизм; цивилизация по природе своей технична, в цивилизации всякая идеология, всякая духовная культура есть лишь надстройка, иллюзия, нереальность. Призрачный характер всякой идеологии и всякой духовности изобличен. Цивилизация переходит к «жизни», к организации могущества, к технике как подлинному осуществлению этой «жизни». Цивилизация, в противоположность культуре, не религиозна уже по своей

основе, в ней побеждает разум «просвещения», но разум этот уже не отвлеченный, а прагматический разум. Цивилизация, в противоположность культуре, не символична, не иерархична, не органична. Она – реалистична, демократична, механична. Она хочет не символических, а «реалистических» достижений жизни, хочет самой реальной жизни, а не подобий и знаков, не символов иных миров. В цивилизации и в капитализме, как и в социализме, коллективный труд вытесняет индивидуальное творчество. Цивилизация обезличивает. Освобождение личности, которое как будто бы цивилизация должна нести с собой, смертельно для личной оригинальности. Личное начало раскрывалось лишь в культуре. Воля к мощи «жизни» уничтожает личность. Таков парадокс истории.

4

Переход культуры в цивилизацию связан с радикальным изменением отношения человека к природе. Все социальные перемены в судьбе человечества связаны ведь с новым отношением человека к природе. Экономический материализм подметил эту истину в форме, доступной сознанию цивилизации. Эра цивилизации началась с победного вхождения машин в человеческую жизнь. Жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. Между человеком и природой становится искусственная среда орудий, которыми он пытается подчинять себе природу. В этом обнаруживается воля к власти, к реальному использованию жизни в противоположность аскетическому сознанию средневековья. От резиньяции и созерцания человек переходит к овладению природой, к организации жизни, к повышению силы жизни. Это не приближает человека к природе, к внутренней ее жизни, к ее душе. Человек окончательно удаляется от природы в процессе технического овладения природой и организованного властвования над ее силами. Организованность убивает органичность. Жизнь делается все более и более технической. Машина налагает печать своего образа на дух человека, на

все стороны его деятельности. Цивилизация имеет не природную и не духовную основу, а машинную основу. Она, прежде всего, технична, в ней торжествует техника над духом, над организмом. В цивилизации само мышление становится техническим, всякое творчество и всякое искусство приобретает все более и более технический характер. Футуристическое искусство так же характерно для цивилизации, как символическое искусство – для культуры. Господство гносеологизма, методологизма или прагматизма так же характерно для цивилизации. Самая идея «научной» философии порождена цивилизаторской волей к могуществу, желанием приобрести метод, дающий силу. В цивилизации побеждает начало специализации, в ней нет духовной цельности культуры. Все делается специалистами, от всех требуется специальность.

Машина и техника порождены еще умственным движением культуры, великими ее открытиями. Но эти плоды культуры подрывают ее органические основы, умерщвляют ее дух. Культура обездушивается и переходит в цивилизацию. Дух идет на убыль. Качества заменяются количеством. Человечество духовное падает в своем утверждении воли к «жизни», к мощи, к организации, к счастью, ибо без аскезы и резиньяции не может быть высшей духовной жизни. Такова трагедия исторических судеб, таков рок. Познание, наука превращаются в средство для осуществления воли к могуществу и счастью, в исключительное средство для торжества техники жизни, для наслаждения процессом жизни. Искусство превращается в средство для той же техники жизни, в украшение организации жизни. Вся красота культуры, связанная с храмами, дворцами и усадьбами, – переходит в музеи, наполняемые лишь труппами красоты. Цивилизация – музейна, в этом единственная связь ее с прошлым. Начинается культ жизни вне ее смысла. Ничто уже не представляется самоценным. Ни одно мгновение жизни, ни одно переживание жизни не имеет глубины, не приобщено к вечности. Всякое мгновение, всякое переживание есть лишь средство для ускоряющихся жизненных процессов, устремленных к дурной бесконечности, обращено к всепожи-

рающему вампиру грядущего, грядущей мощи и грядущего счастья. В быстром, все ускоряющемся темпе цивилизации нет прошлого и нет настоящего, нет выхода к вечности, есть лишь будущее. Цивилизация – футуристична. Культура же пыталась созерцать вечность. Это ускорение, эта исключительная устремленность к будущему созданы машиной и техникой. Жизнь организма более медлительна, темп не столь стремительный. В цивилизации жизнь выбрасывается изнутри вовне, переходит на поверхность. Цивилизация эксцентрична. Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни. Цели жизни меркнут, закрываются. Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни. Цели жизни представляются иллюзорными, средства признаются реальными. Техника, организация, производственный процесс – реальны. Духовная культура не реальна. Культура есть лишь средство для техники жизни. Соотношение между целями и средствами жизни перемешивается и извращается. Все для «жизни», для ее нарастающей мощи, для ее организации, для наслаждения жизнью. Но для чего сама «жизнь»? Имеет ли она цель и смысл? На этих путях умирает душа культуры, гаснет смысл ее. Машина получила магическую власть над человеком, она окутала его магическими токами. Но бессильно романтическое отрицание машины, простое отвержение цивилизации, как момент человеческой судьбы, как опыт, умудряющий дух. Невозможна простая реставрация культуры. Культура в эпоху цивилизации всегда романтична, всегда обращена к былым религиозно-органическим эпохам. Это – закон. Классический стиль культуры невозможен среди цивилизации. И все лучшие люди культуры в XIX веке были романтиками. Но реальный путь преодоления культуры лишь один – путь религиозного преображения.

Цивилизация – «буржуазна» по своей природе в глубочайшем, духовном смысле слова. «Буржуазность» и есть

цивилизованное царство мира сего, цивилизаторская воля к организованному могуществу и наслаждению жизнью. Дух цивилизации – мещанский дух, он внедряется, прикрепляется к тленным и переходящим вещам; он не любит вечности. «Буржуазность» и есть рабство у тлена, ненависть к вечному. Цивилизация Европы и Америки, самая совершенная цивилизация в мире, создала индустриально-капиталистическую систему. Эта индустриально-капиталистическая система не была только могущественным экономическим развитием, она была и явлением духовным, явлением истребления духовности. Индустриальный капитализм цивилизации был истребителем духа вечности, истребителем святых. Капиталистическая цивилизация новейших времен убивала Бога, она была самой безбожной цивилизацией. Ответственность за преступление богоубийства лежит на ней, а не на революционном социализме, который лишь усвоил себе дух «буржуазной» цивилизации и принял отрицательное ее наследие. Правда, индустриально-капиталистическая цивилизация не совсем отвергла религию: она готова была признать прагматическую полезность и нужность религии. В культуре религия была символической, в цивилизации религия стала прагматической. И религия может оказаться полезной и действенной для организации жизни, для нарастания мощи жизни. Цивилизация вообще ведь прагматична. Не случайно прагматизм так популярен в классической стране цивилизации – в Америке. Социализм отверг этот прагматизм религии; он прагматически защищает атеизм как более полезный для развития жизненного могущества и жизненного наслаждения больших масс человечества. Но прагматически-утилитарное отношение к религии в мире капиталистическом было уже настоящим источником безбожия и духовной опустошенности. Бог, полезный и действительно-нужный для успехов цивилизации, для индустриально-капиталистического развития не может быть истинным Богом. Его легко разоблачить. Социализм отрицательно прав. Бог религиозных откровений. Бог символической культуры давно уже ушел из капиталистической цивилиза-

ции, и она ушла от него. Индустриально-капиталистическая цивилизация далеко ушла от всего онтологического, она антионтологична, она механична, она создает лишь царство фикций. Механичность, техничность и машинность этой цивилизации противоположна органичности, космичности и духовности всякого бытия. Не хозяйство, не экономика механичны и фиктивны, хозяйство имеет подлинно бытийственные, божественные основы, и есть у человека долг хозяйствования, императив экономического развития. Но отрыв хозяйства от духа, возведение экономики в верховный принцип жизни, придание всей жизни вместо органического характер технический превращает хозяйство и экономику в фиктивное, механическое царство. Похоть, лежащая в основе капиталистической цивилизации, создает механически фиктивное царство. Индустриально-капиталистическая система цивилизации разрушает духовные основы хозяйства и этим готовит себе гибель. Труд перестает быть духовно осмысленным и духовно оправданными восстает против всей системы. Капиталистическая цивилизация находит себе заслуженную кару в социализме. Но социализм также продолжает дело цивилизации, он есть другой образ той же «буржуазной» цивилизации, он пытается дальше развивать цивилизацию, не внося в нее нового духа. Индустриализм цивилизации, порождающей фикции и призраки, неизбежно подрывает духовную дисциплину и духовную мотивизацию труда и этим готовит себе крах.

Цивилизация бессильна осуществить свою мечту о бесконечно возрастающем мировом могуществе. Вавилонская башня не будет достроена. В мировой войне мы видим уже падение европейской цивилизации, крушение индустриальной системы, изобличение фикций, которыми жил «буржуазный» мир. Такова трагическая диалектика исторической судьбы. Ее имеет культура, ее имеет и цивилизация. Ничего нельзя понять статически, все должно быть понято динамически. И лишь тогда обнаруживается, как все в исторической судьбе имеет тенденцию переходить в свою, противоположность, как все чревато внутренними противоречиями и несет в себе семя

гибели. Империализм – техническое порождение цивилизации. Империализм не есть культура. Он есть оголенная воля к мировому могуществу, к мировой организации жизни. Он связан с индустриально-капиталистической системой, он техничен по своей природе. Таков – «буржуазный» империализм XIX и XX веков, империализм английский и германский. Но его нужно отличать от священного империализма былых времен, от священной Римской империи, от священной Византийской империи, которые символичны и принадлежат культуре, а не цивилизации. В империализме видна непреодолимая диалектика исторической судьбы. В империалистической воле к мировому могуществу разлагаются и распыляются исторические тела национальных государств, принадлежащих эпохе культуры. Британская империя есть конец Англии как национального государства. Но в пожирающей империалистической воле есть семя смерти. Империализм в безудержном своем развитии подрывает свои основы и готовит себе переход в социализм, который так же одержим волей к мировому могуществу и мировой организации жизни, который означает лишь дальнейшую ступень цивилизации, явление нового ее образа. Но и империализм, и социализм, столь родственные по духу, означают глубокий кризис культуры. В индустриально-капиталистическую эпоху саморазлагающегося империализма и возникающего социализма торжествует цивилизация, но культура склоняется к закату. Это не значит, что культура умирает. В более глубоком смысле – культура вечна. Античная культура пала и как бы умерла. Но она продолжает жить в нас как глубокое наслоение нашего существа. В эпоху цивилизации культура продолжает жить в качествах, а не количествах, она уходит в глубину. В цивилизации начинают обнаруживаться процессы варваризации, огрубения, утраты совершенных форм, выработанных культурой. Эта варваризация может принимать разные формы. После эллинской культуры, после римской мировой цивилизации началась эпоха варварского раннего средневековья. Это было варварство, связанное с природными стихиями, варварство от прилива новых человеческих масс с свежей кровью, принесших

с собой запах северных лесов. Не таково варварство, которое может возникнуть на вершине европейской и мировой цивилизации. Это будет варварство от самой цивилизации, варварство с запахом машин, а не лесов, – варварство, заложенное в самой технике цивилизации. Такова диалектика самой цивилизации. В цивилизации иссякает духовная энергия, угашается дух – источник культуры. Тогда начинается господство над человеческими душами не природных сил, сил варварских в благородном смысле этого слова, а магического царства машинности и механичности, подменяющей подлинное бытие. Цивилизация родилась из воли человека к реальной «жизни», к реальному могуществу, к реальному счастью в противоположность символическому и созерцательному характеру культуры. Таков один из путей, ведущих от культуры к «жизни», к преобразению жизни, путь технического преобразования жизни. Человек должен был пойти этим путем и раскрыть до конца все технические силы. Но на пути этом не достигнется подлинное бытие, на пути этом погибает образ человека.

6

Внутри культуры может возгореться и иная воля к «жизни», к преобразению «жизни». Цивилизация не есть единственный путь перехода от культуры, с ее трагической противоположностью «жизни», к преобразению самой «жизни». Есть еще путь религиозного преобразования жизни, путь достижения подлинного бытия. В исторической судьбе человечества можно установить четыре эпохи, четыре состояния: варварство, культура, цивилизация и религиозное преобразование. Эти четыре состояния нельзя брать исключительно во временной последовательности; они могут сосуществовать, это – разные направленности человеческого духа. Но одно из этих состояний в ту или иную эпоху преобладает. В эллинистическую эпоху, в эпоху господства римской мировой цивилизации, должна была родиться из глубины воля к религиозному преобразению. И тогда в мир явилось христианство. Оно явилось в мир пре-

жде всего как преобразование жизни, оно окружено было чудом и совершало чудеса. Воля к чуду всегда связана с волей к реальному преобразению жизни. Но в исторической судьбе своей христианство прошло через варварство, через культуру и через цивилизацию. Не во все периоды своей исторической судьбы христианство было религиозным преобразованием. В культуре христианство было, по преимуществу, символично, оно давало лишь подобия, знаки и образы преобразования жизни; в цивилизации оно стало, по преимуществу, прагматичным, превратилось в средство для возрастания процессов жизни, в технику духовной дисциплины. Но воля к чуду ослабела и начала совсем угасать на вершине цивилизации. Христиане эпохи цивилизации продолжают еще исповедовать тепло-прохладную веру в былые чудеса, но чудес более не ждут, не имеют верующей воли к чуду преобразования жизни. Но эта верующая воля в чудо преобразования жизни, не механико-технического преобразования, а органически-духовного, должна явиться и определить иной путь от угасающей культуры к самой «жизни», чем тот, который испробован цивилизацией. Религия не может быть частью жизни, загнанной в далекий угол. Она должна достигать того онтологически-реального преобразования жизни, которое лишь символически достигает культура и лишь технически достигает цивилизация. Но нам предстоит еще, быть может, пройти через период воздушной цивилизации.

Россия была страной загадочной, непонятной еще в судьбе своей, страной, в которой таилась страстная мечта о религиозном преобразении жизни. Воля к культуре всегда у нас захлестывалась волей к «жизни», и эта воля имела две направленности, которые нередко смешивались, – направленность к социальному преобразению жизни в цивилизации и направленность к религиозному преобразению жизни, к явлению чуда в судьбе человеческого общества, в судьбе народа. Мы начали переживать кризис культуры, не изведав до конца самой культуры. У русских всегда было недовольство культурой, нежелание создавать срединную культуру, удерживаться на срединной культуре. Пушкин и Александровская эпоха – вот

где вершина русской культуры. Уже великая русская литература и русская мысль XIX века не были культурой; они устремлены к «жизни», к религиозному преображению. Таков Гоголь, Толстой, Достоевский, таков В. Соловьев, К. Леонтьев, Н. Федоров, таковы новейшие религиозно-философские течения. Предания культуры у нас всегда были слишком слабы. Цивилизацию мы создаем безобразную. Варварская стихия всегда была слишком сильна. Воля же наша к религиозному преображению была поражена какой-то болезненной мечтательностью. Но русскому сознанию дано понять кризис культуры и трагедию исторической судьбы более остро и углубленно, чем более благополучным людям Запада. В душе русского народа, быть может, сохранилась большая способность обнаруживать волю к чуду религиозного преображения жизни. Мы нуждаемся в культуре, как и все народы мира, и нам придется пройти путь цивилизации. Но мы никогда не будем так скованы символикой культуры и прагматизмом цивилизации, как народы Запада. Воля русского народа нуждается в очищении и укреплении, и народ наш должен пройти через великое покаяние. Только тогда воля его к преображению жизни даст ему право определить свое призвание в мире.

НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(Размышление о судьбе России и Европы)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три этюда, объединенные в этой книжке, были написаны в разное время в течение последних полутора лет. Они не только внутренне едины, но в них повторяются и развиваются основные мысли в новой связи. «Размышление о русской революции» и «Демократия, социализм и теократия» написаны по преимуществу в критической форме и имеют своей целью вскрытие отрицательных начал. «Новое средневековье» написано в форме положительной, и в этом этюде я пытаюсь наметить возможные пути выхода из мирового кризиса. Мысли мои будут поняты верно, если они будут поняты динамически. Всякое статическое их понимание всегда будет ложно. Меня интересуют судьбы человеческих обществ в движении.

Берлин, 5 июля 1924 г.

Новое средневековье

В истории, как и в природе, существуют ритм, ритмическая смена эпох и периодов, смена типов культуры, приливы и отливы, подъемы и спуски. Ритмичность и периодичность свойственны всякой жизни. Говорят об органических и критических эпохах, об эпохах ночных и дневных, сакральных

и секулярных. Нам суждено жить в историческое время сменяемых эпох. Старый мир новой истории (он-то, именуемый себя все еще по старой привычке «новым»), состарился и одряхлел) кончается и разлагается, и нарождается неведомый еще новый мир. И замечательно, что этот конец старого мира и рождение нового одним представляется «революцией», другим же представляется «реакцией». «Революционность» и «реакционность» так сейчас перепутались, что потерялась всякая отчетливость в употреблении этих терминов. Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало *нового средневековья*. Я не предсказываю, каким путем необходимо пойдет история, я хочу лишь проблематически начертать идеальные черты и тенденции нового типа общества и культуры*. Мысли мои часто совершенно превратно понимают и из них делают совершенно неправильные выводы. Я объясняю это тем, что мой образ мыслей истолковывают в категориях новой истории, что его хотят отнести к одному из направлений новой истории, в то время как существо моей мысли в том и заключается, что все категории мысли новой истории, все ее направления кончены и начинается мышление иного мира, мира нового средневековья. Духовные начала новой истории изжиты, духовные силы ее истощены. Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи. Все категории пережитого уже солнечного дня непригодны для того, чтобы разобраться в событиях и явлениях нашего вечернего исторического часа. По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную. Это чувствуют наиболее чуткие люди**. Плохо ли это, мрачно ли это, пессимистично ли это? Самая постановка такого рода вопросов совершенно неверна, глубоко антиисторична,

* Этот этюд может быть чем-то вроде программного разъяснения к мыслям, развитым в моем «Конце Ренессанса» (см. «София») и в книгах «Смысл истории» и «Философия неравенства».

** О мировом кризисе, о смене эпох говорят Шпенглер, Кейзерлинг, Шпанн, Т. Лессинг, Г. Ферреро, у нас Р. Виппер – все люди очень разных мировоззрений. Из писателей-художников наиболее чувствителен к историческому кризису А. Белый.

слишком рационалистична. Падают ложные покровы, и обнажается добро и зло. Ночь не менее хороша, чем день, не менее божественна, в ночи ярко светят звезды, в ночи бывают откровения, которых не знает день. Ночь первозданнее, стихийнее, чем день. Бездна (Ungrund) Я. Беме раскрывается лишь в ночи. День набрасывает на нее покров. Тютчев, великий поэт ночной стихии, поведал нам тайну соотношения дня и ночи:

Над этой бездной безымянной
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров...
...настала ночь;

Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрыва
Собрав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!

Когда наступают сумерки, теряется ясность очертаний, твердость границ.

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул;
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...

Тютчев характеризует это время как «час тоски невыразимой». Мы живем в этот час смешения, в час тоски, когда бездна обнажилась и все покровы сброшены. Тютчев называет ночь «святой» и вместе с тем говорит, что в час ночи

...Человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,

Лицом к лицу пред этой бездной темной...
И чудится давно минувшим сном
Теперь ему все светлое, живое
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье роковое.

Ночь метафизичнее, онтологичнее дня. Дневной покров не только в природе, но и в истории непрочен, он легко скрывается, в нем нет глубины. И весь смысл нашей эпохи, столь несчастливой для внешней жизни отдельных людей, – в обнажении бездны бытия, в стоянии лицом к лицу перед первоосновой жизни, в раскрытии «наследия рокового». Это и означает вступление в ночь.

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами.
Настанет ночь, и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее: он будит нас и просит.
Уж в пристани волшебной ожил челн...
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины.
И мы плывем пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Тютчева принято считать поэтом природы, ее ночной стихии. Стихи его, посвященные истории, совсем иные, они написаны еще при свете исторического дня. Но Тютчев глубже, чем думают. Он – вещее явление. Он предшественник ночной исторической эпохи, провидец ее. Поэтом наступающей ночи был и А. Блок. «Развязаны дикие страсти под игом ущербной луны». Он видел не «зори», как думает про него и про себя А. Белый, а наступающие сумерки ночи. Оба они сами не понимали своих предчувствий и давали ложную сим-

волику грядущей «революции». Революция не восход, не заря, не начало нового дня, а закат, сумерки, конец старого дня. Мы вступаем в период исторического странствования, про которое можно сказать: «мы плывем пылающе бездной со всех сторон окружены»; «прилив растет и быстро нас уносит в неизмеримость темных волн». А вспомните прославление ночи у Микеланжело в его «дне и ночи». День может изолгаться, порядок дня может истомить, энергия дня истощиться, покровы дня разложиться. Человек, живущий на поверхности, может стосковаться по приобщению к первоосновам, первоистокам бытия. Самый процесс движения в глубину, в недра должен прежде всего производить впечатление угасания дневного света, погружения во тьму. Старая символика исторической плоти рушится, и человечество ищет новой символики, которая должна выразить совершающееся в духовной глубине.

День истории перед сменой ночью всегда кончается великими потрясениями и катастрофами, он не уходит мирно. Закат исторического дня античного мира сопровождался и большими потрясениями и катастрофами, он давал чувство безвозвратной гибели. Начало новой эпохи сопровождается варваризацией. В исторический космос, образованный античной цивилизацией, ворвались хаотические силы. И мы всегда должны помнить, что страшные войны и революции, крушение культур и гибель государств не только создаются злой волей людей, но также посылаются Провидением. Мы живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира. Тогда был закат культуры несоизмеримо более высокой, чем культура нового времени, чем цивилизация XIX века. Тогда не могли еще понять, что Платон – величайшее явление культуры эллинской – был обращен к грядущей ночной эпохе, был уже выходом за пределы эллинского дня. И в наши дни есть еще историки, как, например, Белох, которые видят в Платоне реакцию против поступательного, прогрессивного хода греческого просвещения и греческой цивилизации. Да, конечно, реакцию, но реакцию, которой суждено было длиться очень долго, тысячелетия, реакцию, обращенную вперед, к грядущей

эпохе. Таким реакционером суждено, вероятно, быть Достоевскому. Средневековье можно назвать ночной эпохой всемирной истории. И это совсем не в смысле «мрака средневековья», выдуманного просветителями новой истории, а в более глубоком и онтологическом смысле слова. Новым средневековьем я называю ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа. Пусть просветителям новой истории это представляется мракобесием. Меня это мало беспокоит. Я думаю, что сами эти просветители – люди в высшей степени «отсталые», что образ мыслей их совершенно «реакционный» и целиком принадлежит отживающей эпохе. Я исхожу из глубокого убеждения в том, что нет возврата ни к тому образу мыслей, ни к тому строю жизни, которые господствовали до мировой войны, до революции и потрясений, захвативших не только Россию, но и Европу и весь мир. Все привычные категории мысли и формы жизни самых «передовых», «прогрессивных», даже «революционных» людей XIX и XX веков безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего. Все термины, все слова, все понятия должны употребляться в каком-то новом, более углубленном, более онтологическом смысле. Скоро неловко, невозможно уже будет употреблять слова, применяя к ним старые квалификации «прогрессивности» или «реакционности». Скоро слова получат свой подлинный онтологический смысл. Скоро для всех будет поставлен вопрос о том, «прогрессивен» ли «прогресс» и не был ли он часто довольно мрачной «реакцией», реакцией против смысла мира, против подлинных основ жизни. Условимся в употреблении слов, чтобы избежать совершенно лишних и праздных споров о словах.

Русские люди очень любят обсуждать вопрос о том, реакционно ли что-либо или нет. Им даже это представляется главной задачей всякой критики. Это есть старинный обычай русской мыслящей интеллигенции. Можно было надеяться, что революция отучит от этой дурной привычки. Но нет, и до

сих пор у нас ведут бесконечные и нудные споры о том, что реакционно и что прогрессивно, как будто не перевернулось все в мире вверх ногами, как будто бы старые интеллигентские критерии сохранили еще хоть какой-либо смысл. Попробуйте применить к эпохам всемирной истории ваши критерии реакционности или революционности, правости или левости. Тогда понятна станет вся смехотворность этих критериев, весь жалкий провинциализм мысли, протекающей в этих категориях. В эпоху падения античного мира и явления христианства «реакционно» было отстаивать начала античного просвещения и античной цивилизации и в высшей степени «прогрессивно» и даже «революционно» было отстаивать те духовные начала, которые потом восторжествовали в средневековой культуре. Творческое движение вперед, революция духа того времени вели к «мраку средневековья». Не последние граждане, не последние писатели и философы античного мира, а отцы и учителя Церкви были людьми подлинного движения духа. В эпоху Ренессанса, на заре новой истории возврат к античности, к древним началам культуры был творческим движением вперед. Ж. де Местр, романтическое движение начала XIX века были реакцией против французской революции и Просвещения XVIII века, но это было творческим движением вперед, оплодотворившим всю мысль последующего века. Можно было бы сказать, что «реакционным» является возврат к недавнему прошлому, к тому строю мыслей и строю жизни, которые господствовали до начала революции, переворота и кризиса*. Так, после французской революции совершенно реакционно было возвращение к духовному и материальному строю XVIII века, который и привел к революции, и совсем не реакционно возвращение к средневековым началам, к вечному в них, к вечному в прошлом. К слишком временному и тленному в прошлом нельзя вернуться, но можно вернуться к вечному в прошлом. В наше время «реакционным» нужно признать возврат к тем началам новой истории, которые восторжествовали

* Эта мысль прекрасно развита кн. Н. С. Трубецким в статье «У дверей (Реакция? Революция?)» в сборнике «Евразийский временник».

окончательно в обществе XIX века и ныне разлагаются. Призыв задержаться на началах новой истории и есть «реакция» в глубочайшем смысле слова, помеха на путях творческого движения. Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории. Мы охотно готовы пропеть слова революционной песни «Отречемся от старого мира», разумея под «старым миром» этот мир новой истории, обреченный на гибель.

Когда мы говорим, что какой-либо исторический мир обречен на гибель, мы, конечно, не хотим сказать, что ничего от этого мира не останется, что в нем ничего нет для вечности, что само существование его было абсолютно бессмысленным. Этого нельзя сказать ни про какую историческую эпоху. Не случайно была пережита новая история. В ней было великое напряжение человеческих сил, великое испытание человеческой свободы. Мы не хотим забыть Леонардо и Микеланжело, Шекспира и Гете и всех великих провозвестников свободы человека. Гуманистическое самоутверждение было существенным моментом в судьбах человеческого духа, и опыт, пережитый в нем, не пропадет даром, обогатит человека. Ересь гуманизма, созданная новой историей, поставила великую тему, и в ней была своя искаженная история. В новое средневековье войдет опыт свободы, пережитый в новой истории, и все положительные завоевания совести и большая утонченность души. После опыта новой истории невозможно вернуться к старому средневековью, возможно лишь новое средневековье, как после опыта средневековья невозможен был возврат к старому античному миру, а возможно было лишь Возрождение,

представлявшее очень сложное взаимодействие христианских и языческих начал. Не погиб окончательно античный мир, не погиб окончательно и мир средневековый, хотя и для того, и для другого мира наступил свой исторический час смены. Так и сейчас исторический мир переживает великую революцию, не коммунистическую революцию, которая в глубине своей совершенно «реакционная» и есть лишь гниение разложившихся элементов старого мира, а революцию духа. Призыв к новому средневековью в нашу эпоху и есть призыв к революции духа, к новому сознанию. Гуманизм новой истории изжит и во всех сферах культуры и общественной жизни переходит в свою противоположность, приводит к отрицанию образа человека. Это я выяснил в статье «Конец Ренессанса» и книге «Смысл истории». Гуманистическая идеология в наши дни и есть «отсталая» и «реакционная» идеология. Лишь те антигуманистические выводы, которые сделал из гуманизма коммунизм, стоят на уровне нашей эпохи и связаны с ее движением. Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным. Если нет Бога, то нет и человека – вот что опытно обнаруживает наше время. Обнажается и разоблачается природа социализма, выявляются его последние пределы, обнажается и разоблачается, что безрелигиозности, религиозной нейтральности не существует, что религии живого Бога противоположна лишь религия дьявола, что религии Христа противоположна лишь религия антихриста. Нейтральное гуманистическое царство, которое хотело устроиться в срединной сфере между небом и адом, разлагается, и обнаруживается верхняя и нижняя бездна. Богочеловеку противостоит не человек нейтрального и срединного царства, а человекобог, человек, поставивший себя на место Бога. Обнаруживаются противоположные полюсы бытия и небытия.

Религия не может быть частным делом, как того хотела новая история, она не может быть автономна, и не могут быть автономны все другие сферы культуры. Религия опять дела-

ется в высшей степени общим, всеобщим, всеопределяющим делом. Коммунизм это показывает. Он отменяет автономный и секулярный принцип новой истории, он требует «сакрального» общества, «сакральной» культуры, подчинения всех сторон жизни религии дьявола, религии антихриста. В этом огромное значение коммунизма. В этом он выходит за пределы новой истории, подчиняется совсем иному принципу, который я называю средневековым. Разложение серединно-нейтрального, секулярного гуманистического царства, обнаружение во всем полярно-противоположных начал и есть конец безрелигиозной эпохи нового времени, начало религиозной эпохи, эпохи нового средневековья. Это не значит, что в новом средневековье обязательно количественно победит религия истинного Бога, религия Христа, но это значит, что в эту эпоху вся жизнь со всех своих сторон становится под знак религиозной борьбы, религиозной поляризации, выявления предельных религиозных начал. Эпоха обостренной борьбы религии Бога и религии дьявола, начал Христовых и начал антихристовых будет уже не секулярной, а религиозной, сакральной эпохой по своему типу, хотя бы количественно побеждала религия дьявола и дух антихриста. Поэтому русский коммунизм с разворачивающейся при нем религиозной драмой принадлежит уже новому средневековью, а не старой новой истории. Вот почему о русском коммунизме совсем нельзя мыслить в категориях новой истории, применять к нему категории свободы или равенства в духе французской революции, категории гуманистического мировоззрения, категории демократии и даже гуманистического социализма. В русском большевизме есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего. Трагедия русского большевизма разыгрывается не в дневной атмосфере новой истории, а в ночной стихии нового средневековья. Ориентироваться в русском коммунизме можно лишь по звездам. Чтобы понять смысл русской революции, мы должны перейти от астрономии новой истории к астрологии средневековья. Россия – в этом своеобразии ее судьбы – никогда не могла принять целиком гуманистической культуры нового

времени, его формальной логики и формального права, его религиозной нейтральности, его секулярной срединности. Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии. В России и гуманизм переживался в предельных формах человекобожества, в духе Кириллова, П. Верховенского, И. Карамазова, а совсем не в духе западной гуманистической истории нового времени. Вот почему России в переходе от новой истории к новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру.

Переход к новому средневековью, как некогда переход к старому средневековью, сопровождается приметным разложением старых обществ и неприметным сложением новых. Старый, устойчивый, сложившийся общественный и культурный космос опрокидывается силами хаотическими и варварскими. Но существовал ли подлинный космос в новой истории? XIX век гордился своим правосознанием, своими конституциями, единством своего научного метода и научной культуры. Но полного внутреннего единства новая история создать не могла. Индивидуализм, атомизм заложен был в ее первоосновах. На протяжении всей новой истории нарастал внутренний распад обществ, восстание человека на человека, класса на класс. Борьба за противоположные интересы, конкуренция, глубокое уединение и покинутость каждого человека характеризуют тип обществ Нового времени. В духовной и идейной жизни этих обществ обнаруживалась все нарастающая анархия, утеря единого центра, единой верховной цели. Это воспринималось как автономия всех сфер культурной и общественной жизни, как секуляризация общества. Новая история поняла свободу как индивидуализм, как формальное право каждого человека и каждой сферы культуры на самоопределение. Самый процесс новой истории был понят как освобождение. Но от чего осво-

бождение и для чего освобождение? Освобождение от старых принудительных теократий, от старого гетерономного сознания. Старые принудительные теократии не могли удержаться, и старое гетерономное сознание должно было быть преодолено. Свобода духа есть неотъемлемое и вечное достижение. Но для чего, во имя чего должно было совершаться освобождение? Этого не знает дух Нового времени. Он не имел или не знал своего **во имя**. Во имя человека, во имя гуманизма, во имя свободы и счастья человеческого. Но тут нет никакого ответа. Нельзя освободить человека во имя свободы человека, не может быть сам человек целью человека. Так упираемся мы в совершенную пустоту. Человек лишается всякого содержания, ему не к чему восходить. Свобода человека оказывается совершенно формальной и бессодержательной свободой. Индивидуализм есть по существу своему отрицательное исправление. В своем развитии он не может укрепить за человеком никакого содержания. Индивидуализм совсем не онтологичен, он не имеет никакой бытийственной основы, Индивидуализм менее всего укрепляет личность, образ человека. И в индивидуалистическую эпоху совсем не процветают яркие индивидуальности, сильные личности. Индивидуалистическая цивилизация XIX века с ее демократией, с ее материализмом, с ее техникой, с общественным мнением, прессой, биржей и парламентом способствовала понижению и падению личности, отцветанию индивидуальности, нивелировке и всеобщему смещению. Личность была сильнее и ярче в средние века. Индивидуализм способствовал процессам уравнивания, стирающим всякие различия индивидуальностей. Индивидуализм, породивший атомизацию общества, привел и к социализму, который есть лишь обратная сторона атомистического распада, механическое сцепление атомов. Универсалистическая идея, столь характерная для средневековья, перестает быть господствующей в наше время. Но личность человека может быть вкоренена лишь в универсуме, лишь в космосе, лишь там находит она онтологическую почву и оттуда получает свое высшее содержание. Личность есть лишь в том случае, если есть Бог и божествен-

ное. Индивидуализм же отрывает личность от бытийственной почвы и отдает ее на растерзание воле ветров. Индивидуализм изжил в новой истории все свои возможности, в нем нет уже никакой энергии, он не может уже патетически переживаться. Конец духа индивидуализма есть конец новой истории. В этом смысле О. Конт по своему духовному типу был средневековым человеком, хотя и в извращенной форме, он стремился преодолеть индивидуалистическую анархию. В наши дни индивидуализм стал совершенно «реакционным» явлением, хотя бы он и продолжал гордо считать себя защитником свободы, просвещения, прогресса. И все образования, возникшие на духовной почве индивидуализма, разлагаются и в существе своем «реакционны». Либерализм, демократия, парламентаризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия – все это порождение индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения, и все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории.

В час сумерек, в час заката все эти формы теряют свои резкие очертания. Человек становится лицом к лицу перед тайной жизни, перед Богом, он погружается в универсалистическую, космическую атмосферу. Индивидуализм заковал человека в самом себе и в формах, которыми отделил себя человек от других людей и от мира. Эти оковы падают, эти формы низвергаются. Человек выходит к общности. Наступает универсалистическая, коллективистическая эпоха. Человек перестает верить в то, что он может охранить себя, размежевуясь с другими путем рационалистического мышления, гуманистической морали, формального права, либерализма, демократии и парламента. Все эти формы обнаруживают лишь глубокий раздор в человечестве, разобщенность, отсутствие единого духа, все они являются формами узаконенного разъединения, договорами о том, чтобы друг друга оставить в покое, в одиночестве, в нежелании избрать истину. Рационализм, гуманизм, правовой формализм, либерализм, демократизм – все это формы мысли и жизни, которые строятся при предположении, что

Истина неизвестна и что Истины, быть может, совсем нет, они не хотят знать Истины. Истина есть соединение, а не разъединение и не разграничение, она совсем не заинтересована в том, чтобы так исключительно охранять возможность заблуждения, права на ее отрицание и поношение, хотя сама Истина может быть Истиной о свободе. Но ведь что такое гуманистическая демократия, как не провозглашение прежде всего права на заблуждение и ложь, как не политический релятивизм и софистика, как не отдавание судьбы Истины на решение большинства голосов? Что такое рационалистическая философия, как не самоутверждение индивидуального разума, отпавшего от Истины, от истоков бытия, как не утверждение прав мышления, не желающего избрать Истину и от нее получить силу для познания? Что такое парламент, как не узаконение раздора, как не преобладание «мнений» над «знанием» (употребляю эти слова в платоновском смысле), как не бессилие перейти к жизни в Истине? Истина должна быть принята свободно, а не принудительно, Истина не терпит рабского к себе отношения. Этому учит нас христианство. Но во время новой истории слишком долго задержалось на формальной свободе в принятии Истины, не совершив своего избрания, и потому оно образовало формы и мысли жизни, обоснованные не на Истине, а на формальном праве избирать какую угодно истину или ложь, т. е. создало беспредметную культуру, беспредметное общество, не знающее во имя чего оно существует. Так дошло Новое время до предпочтения небытия бытию. Не может человек жить только для себя и служить только себе. Если нет у него истинного Бога, то он создает себе ложных богов. Он не хотел получить свободу от Бога, но попал в жестокое рабство к ложным богам, к идолам. Не свободен духом человек нового времени, человек кончающейся новой истории, и не во имя свободы совершает он свои восстания и бунты, не во имя свободы отрицает он Истину. Он находится во власти неведомого ему господина, сверхчеловеческой и нечеловеческой силы, которая овладевает обществом, не желающим знать Истины, Истины Господа. Лишь в коммунизме приоткрылась власть

этого господина. Но это уже оказывается выходом за пределы новой истории. Приходится выбирать. Формальная свобода новой истории кончается, необходимо перейти к содержанию свободы, к содержательной свободе.

Рушатся основы мирозерцания XIX века, и потому рушатся обоснованные на нем государства и культуры. Рушатся государства монархические и демократические, одинаково имевшие в своей первооснове гуманизм. Переживает кризис и крах не та или иная форма государства, а само государство. Крепких, долголетних государств не осталось. Ни одно государство не знает, что будет с ним завтра. Никакой легитимизм, легитимизм ли старых монархий или легитимизм новых демократий с их формальной идеей народовластия, не имеет более силы над душами людей. Никто более не верит ни в какие юридические и политические формы, никто ни в грош не ставит никаких конституций. Все решается реальной силой. Прав Лассаль в своей замечательной речи о конституции. Государство держится не юридическими, а социально-биологическими основами. Это окончательно обнаружила мировая война, совершенно дискредитировавшая идею формального права. Итальянский фашизм не менее, чем коммунизм, свидетельствует о кризисе и крахе старых государств. В фашизме спонтанные общественные соединения идут на смену старому государству и берут на себя организацию власти. Добровольческая фашистская армия существует наряду со старой государственной армией, фашистская полиция – наряду со старой государственной полицией и имеет реальное преобладание. Это не есть принцип новой истории, это, скорее, принцип конца Римской империи и начала средневековья. И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм. Фашизм глубоко противоположен принципу формального легитимизма, он не хочет его знать, он есть непосредственное обнаружение воли к жизни и воли к власти, обнаружение биологической силы, а не права. Падение законного принципа власти, правового принципа мо-

нархий и демократий и замена его принципом силы, жизненной энергии спонтанных общественных групп и соединений я условно называю новым средневековьем, фашизм не знает, во имя чего он действует, но он переходит уже от юридических форм к самой жизни. Совершенно так же потеряла власть над душами людей рационалистическая философия, легитимизм познания, обоснованный гносеологически. Гносеология и есть юриспруденция в познании, формалистика, законничество. Теперь все движение мысли ищет философии жизни и жизненной философии, хочет перейти к предметности. В философском мышлении тоже обнаруживается своего рода фашизм. Он также еще не знает своего «во имя», но переходит от формы к содержанию, от вопроса о законных правах познания к вопросу о самом познании жизни и бытия. Влиятельная философия перестает быть академической, школьной, как влиятельная политика перестает быть парламентской. Все это симптомы одного и того же процесса, стремление приобщиться к жизни. Мир проходит через хаос, но стремится к образованию духовного космоса, универсума, подобного средневековому. Упадок должен предшествовать новому средневековью. Нужно проследить элементы отмирающие и элементы нарождающиеся. Но все время нужно помнить, что в силу присущей человечеству свободы оно может идти двумя путями, что будущее двойственно. Я пытаюсь начертить путь, которым оно должно идти, все время имея в виду эту двойственность.

Индивидуализм, атомизация общества, безудержная похоть жизни, неограниченный рост народонаселения и неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни – все это привело к созданию индустриально-капиталистической системы, которая изменила весь характер человеческой жизни, весь стиль ее, оторвав жизнь человеческую от ритма природы. Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазмы, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечат-

ление наиреальнейших реальностей. Много ли есть онтологически реального в биржах, банках, в бумажных деньгах, в чудовищных фабриках, производящих ненужные предметы или орудия истребления жизни, во внешней роскоши, в речах парламентариев и адвокатов, в газетных статьях, много ли есть реального в росте ненасытных потребностей? Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения. Вся капиталистическая система хозяйства есть дети ее пожирающей и истребляющей похоти. Она могла возникнуть лишь в обществе, которое окончательно отказалось от всякого христианского аскетизма, отвернулось от неба и исключительно отдалось земным удовлетворениям. Капитализм совершенно невозможно мыслить как сакральное хозяйство, он, конечно, есть результат секуляризации хозяйственной жизни. В этой системе нарушается истинное иерархическое соподчинение материального духовному. Экономизм нашей исторической эпохи и есть нарушение истинного иерархизма человеческого общества, утеря духовного центра. Автономия хозяйственной жизни привела к ее господству над всей жизнью человеческих обществ. Мамонизм стал определяющей силой века, который более всего поклоняется золотому тельцу. И ужаснее всего, что в этом ничем не прикрытом мамонизме век наш видит великое преимущество познания истины, освобождения от иллюзий. Экономический материализм наиболее совершенно это формулировал, он признал иллюзией и обманом всю духовную жизнь человечества. Социализм есть лишь дальнейшее развитие индустриально-капиталистической системы, лишь окончательное торжество заложенных в ней начал и всеобщее их распространение. Социалисты берут у буржуазного капиталистического общества его материализм, его безбожие, его поверхностное просветительство, его нелюбовь к духу и духовной жизни, его жадность к жизни, к ее успехам и удовлетворениям, его борьбу за эгоистические интересы, его неспособность к внутренней сосредоточенности. Капитализм и социализм одинаково сопровождаются упадком и угасанием духовного творчества, убылью духа в человеческом обществе.

Они возникают на почве убыли духа как результат долгого исторического пути отпадения от духовного центра жизни, от Бога. Вся энергия направилась вовне. Это и есть переход культуры в цивилизацию. Отмирает вся священная символика культуры. Этот дух проявляется уже в древних культурах, и ветхозаветные пророки обличают его. Насколько выше, духовнее, потустороннее была культура Древнего Египта или культура средневековья, чем современная культура XIX и XX веков. Нам предстоит несомненный факт: в новой истории, гордой своим прогрессом, центр тяжести жизни перемещается из духовной сферы в материальную, из внутренней во внешнюю жизнь, общество становится все менее религиозным. Не Церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни. Ни за какие священные символы широкие массы не хотят уже бороться и умирать. Люди не живут уже спорами о догматах веры, не волнуются так тайнами божественной жизни, как в старинные времена. Они считают себя свободными от священного безумия. Таков стиль нашей капиталистически-социалистической эпохи. Вот этой эпохе по многим признакам наступает конец. Индустриально-капиталистическая эпоха оказалась хрупкой, она сама себя отрицает, она порождает катастрофы. Мировая война с ее неслыханным ужасом порождена этой системой. Современный империализм вырос в недрах этой системы. Он пожирает сам себя. Капиталистическая Европа начала себя милитаристически истреблять. Трудящиеся классы жили в гипнозе индустриальной системы. Этот гипноз прекратился после катастрофы мировой войны. Народы трудно будет вновь принудить к той дисциплине труда, которая господствовала в капиталистических обществах. И трудно будет восстановить прежнюю производительность труда. Социализм на это не способен. Духовные основы труда разложились, и еще не найдено новых. Дисциплина труда есть жизненный вопрос для современных обществ. Но это есть вопрос об освящении и оправдании труда. Вопрос этот совсем не ставится ни в капитализме, ни в социализме, который самым трудом совсем не интересуется. Чтобы дольше жить,

обанкротившимся народам придется, быть может, вступить на иной путь, на путь ограничения похоти жизни, ограничения бесконечного роста, потребностей и роста народонаселения, путь нового аскетизма, т.е. отрицания основ индустриально-капиталистической системы. Это, конечно, не означает отрицания человеческой изобретательности и техники, но означает изменение ее роли, подчинение ее человеческому духу. Придется по-новому обратиться к природе, к сельскому хозяйству, к ремеслам. Город должен приблизиться к деревне. Придется организоваться в хозяйственные союзы и корпорации, принцип конкуренции заменить принципом кооперации. Принцип частной собственности в вечной своей основе сохранится, но будет ограничен и одухотворен. Чудовищных частных богатств новой истории не будет. Равенства тоже не будет, но не будет и голодных и погибающих от нужды. Придется перейти к идее упрощенной элементарной материальной культуры и более сложной духовной культуры. Конец капитализма есть конец новой истории и начало нового средневековья. Грандиозное предприятие новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось. Но до этого, быть может, еще сделает попытку развиваться техническая цивилизация до последних пределов, до черной магии, равно как и коммунизм.

Новая история создала формы национализма, которых не знал мир средневековый. На Западе национальные движения и национальные обособления явились результатом Реформации, протестантского партикуляризма. Духовная почва католичества никогда не привела бы к такой обособленности, к таким крайним формам национального самоутверждения. Образовались замкнутые национальные монады, подобно тому как в замкнутые монады превратились отдельные люди, человеческие индивидуальности. Это была атомизация христианского человечества. И индивидуальности национальные, и индивидуальности отдельных людей перестают осознавать себя принадлежащими к органическим реальным целостям. Каждая ступень утверждает лишь себя. Реформация и гуманизм дали

духовную почву лишь для исключительного самоутверждения и самозамыкания, разрушили идею вселенности. Сама религиозная жизнь приняла форму национальной замкнутости. Единого христианского человечества, единого духовного космоса уже нет в новой истории. И католическая Церковь превращается в одну из замкнутых сил. Национализм Нового времени порожден индивидуализмом. Если взять еще глубже, то нужно будет сказать, что все типические процессы новой истории, в том числе и процесс национальных обособлений, были результатом победы номинализма над средневековым реализмом. Ведь дальше и национальности подвергаются номиналистическому распадению на классы, партии и проч. Процессы национальных индивидуализаций, конечно, имели огромное положительное значение, они обогащали, в них реальные национальные личности приходили к самосознанию, обнаруживали свою энергию. Но те формы национализма, до которых дошли народы в XIX и XX веках и которые породили мировую войну, означают распад человечества, отпадение от всякого духовного единства, возврат от христианского монотеизма к языческому политеизму. Национализм французский, немецкий, английский, итальянский нашего времени – совершенно языческий, глубоко антихристианский и антирелигиозный. Французский национализм Третьей республики есть в значительной степени продукт атеизма. Угасла вера в живого Бога и начали верить в ложного бога, в нацию как идола, подобно тому как другие начали верить в злейшего из идолов – в интернационализм. Нация имеет реальные онтологические основы (интернационал их не имеет), но она не должна заменять Бога. Немцы стали верить в немецкого бога. Но немецкий бог не есть христианский Бог, это – языческий бог, так же как и русский бог. Перед лицом христианского Бога, единого Бога нет ни эллина, ни иудея. Христианство явилось в мир и победило мир в атмосфере универсализма, когда образовалось единое человечество через эллинистическую культуру и Римскую империю. Самое явление христианства означало выход из языческого национализма и партикуляризма. В конце новой истории мы

вновь видим перед собой расколовшийся мир языческого партикуляризма, внутри которого происходит смертельная борьба и истребление. Но это одна сторона. Есть и другая сторона.

Мы вступаем в эпоху, во многом аналогичную эпохе эллинистической. Если никогда не было такого разъединения и вражды, то никогда на протяжении новой истории не было такого мирового сближения и объединения. Кровавый раздор мировой войны способствовал сближению и братанию народов, объединению рас и культур. Мировая война вывела Европу из ее замкнутого состояния. Судьба всех национальностей перестала быть замкнутой и изолированной, все от всех зависят. Устройство всякого народа ныне зависит от состояния всего мира. То, что совершается в России, отзывается на всех странах и народах. Никогда еще не было такого соприкосновения мира Запада и мира Востока, которые долго жили изолированно. Культура перестает быть европейской, она становится всемирной. Европа принуждена будет отказаться от того, чтобы быть монополистом культуры. Россия, стоящая в центре Востока и Запада, хотя страшным и катастрофическим путем, получает все более ощутительное мировое значение, становится в центре мирового внимания. Еще до мировой войны империализм в своей неотвратимой диалектике выводил государства и народы из их замкнутого национального существования и ввергал их в мировую ширь, бросал за моря и океаны. Капитализм на вершинах своих создал мировую систему хозяйства и поставил экономическую жизнь каждой страны в зависимость от мирового экономического положения. Он в высшей степени способствует экономическому сближению народов, и ему свойственен своеобразный интернационализм. С другой стороны, социализм принимает интернациональный характер и в коммунистическом интернационале по-новому и извращенно восстает старая идея принудительного универсализма. Распавшийся мир новой истории, находящийся в состоянии кровавой борьбы наций, классов и отдельных людей, одержимый подозрительностью и злобой, разными путями стремится к универсальному единству, к преодолению того исключитель-

ного национального обособления, которое довело нации до падения и разложения. Европа не только нанесла себе страшные удары в мировой войне, но она продолжает истреблять себя в непрекращающейся расправе Франции и Германии, во взаимной подозрительности и недоброжелательстве всех наций. Никакого высшего и общего духовного трибунала нации не признают. Но под этим, глубже этого идет процесс мирового объединения, более широкого, чем европейское. Интернационализм есть отвратительная карикатура на вселенность. Но дух вселенности должен пробудиться у христианских народов, воля к свободному универсализму должна обнаружиться. Русский народ из всех народов мира наиболее всечеловеческий, вселенский по своему духу, это принадлежит строению его национального духа. И призванием русского народа должно быть дело мирового объединения, образование единого христианского духовного космоса. Но для этого, конечно, народ русский должен быть крепкой национальной индивидуальностью. Народ русский на путях своих подвергается самым большим соблазнам и соблазнам самого противоположного характера – исключительному интернационализму, истребляющему Россию, и не менее исключительному национализму, отделяющему Россию от Европы. Процессы, направленные к преодолению национальной замкнутости и к образованию универсального единства, я называю концом новой истории, ее индивидуалистического духа, и началом нового средневековья. В этом смысле коммунистический интернационализм есть уже явление нового средневековья, а не старой новой истории и к новому средневековью нужно отнести всякую волю к религиозному объединению, соединению разорванных частей христианского мира, волю к универсальной духовной культуре, обнаруживающуюся в высшем духовном слое современного человечества. Это не значит, что новое средневековье будет исключительно пацифично, не будет знать войн. Предстоит, быть может, великая борьба, и к ней нужно быть готовым. Но войны будут не столько национально-политическими, сколько духовно-религиозными.

«Прогрессисты» очень боятся возврата к старым средним векам и борются с идеями и верованиями, которые они считают средневековыми. Меня это всегда удивляло. Ведь прежде всего они совсем не верят в жизненность и победность идей и верований, которые могут быть отнесены к духу средневековья, они убеждены в прочности и долголетию начал новой истории. Зачем же так волноваться? А во-вторых, нужно окончательно установить, что никаких возвратов и реставраций старых эпох никогда не было и быть не может. Когда мы говорим о переходе от новой истории к средневековью, то это есть образный способ выражения. Переход возможен лишь к новому, а не старому средневековью. И этот переход должен быть признан революцией духа и творческим движением вперед, а не «реакцией», как мерещится напуганным и вырождающимся «прогрессистам». Наконец, пора перестать говорить о «тьме средневековья» и противопоставлять ей свет новой истории. Эти пошлые суждения не стоят на уровне современных исторических знаний. Нет надобности идеализировать средние века, как это делали романтики. Мы отлично знаем все отрицательные и темные стороны средневековья – варварство, грубость, жестокость, насильничество, рабство, невежество в области положительных знаний о природе и истории, религиозный террор, связанный с ужасом адских мук. Но знаем также, что средние века были эпохой религиозной по преимуществу, были охвачены тоской по небу, которая делала народы одержимыми священным безумием, что вся культура средневековья направлена на трансцендентное и потустороннее, что в эти века было великое напряжение мысли в схоластике и мистике для решения последних вопросов бытия, равного которому не знает история Нового времени, что Средние века не растрчивали своей энергии вовне, а концентрировали ее внутри и выковывали личность в образе монаха и рыцаря, что в это варварское время созрел культ прекрасной дамы и трубадуры пели свои песни. Дай Бог, чтобы эти черты перешли новому средневековью. В сущности, средневековая культура была уже возрождением, борьбой с тем варварством и тьмой,

которые наступили после падения античной культуры. Христианство и было великой силой просветления тьмы, претворения хаоса в космос. Средневековье очень сложно и богато. Долгое время принято было думать, что средние века – пустое место в умственной истории человечества, в истории философской мысли. Но в средние века было так много замечательных мыслителей и такое разнообразие в мире мысли, как ни в одну эпоху. Для средних веков насущным, жизненным было то, что представляется ненужной роскошью Новому времени. И возврат к средневековью есть возврат к более высокому религиозному типу. Нам далеко еще до вершин средневековой духовной культуры. Мы живем в эпоху упадка. Мы, скорее, приближаемся к началам средневековья, когда отрицательные процессы распада преобладали над положительными процессами сложения и творчества. Средневековье не есть эпоха тьмы, но оно есть ночная эпоха. Душа средневековья – ночная душа, когда раскрывались стихии и энергии, которые закрылись потом для сознания трудового дня новой истории.

В каких чертах рисуется новое средневековье? Негативные черты схватить легче, чем позитивные. Это есть прежде всего, как я уже говорил, конец гуманизма, индивидуализма, формального либерализма культуры Нового времени и начало новой коллективной религиозной эпохи, в которую должны выявиться противоположные силы и начала, должно обнаружиться все, что оставалось в подпочве и подсознательном новой истории. Гуманистическое царство разлагается и распадается на предельный, антигуманистический и атеистический коммунизм и на долженствующую собрать в себе всякое подлинное бытие Церковь Христову. Это есть обращение от формализма Нового времени, не совершившего никакого окончательного избрания, к избранию Бога или дьявола, к обретению предметного содержания жизни. Все автономные сферы культуры и общественной жизни пришли к пустоте и небытию. Пафос автономно-секулярного творчества иссякает. Внутри всех сфер творчества пробуждается воля к религиозному избранию, к подлинному бытию, к преображению жизни. Ни одна из сфер

творчества, ни одна из сторон культуры и общественной жизни не может уже остаться религиозно-нейтральной, вполне секулярной, философия не собирается стать служанкой теологии, и общественность не собирается подчинить себя церковной иерархии. Но внутри познания, внутри общественной жизни пробуждается религиозная воля. Возможны только изнутри и свободно-обоснованные формы познания и формы общества. Так, на вершинах искусства обнаруживается стремление к теургии. К старой теократии, к старому гетерономному отношению между Церковью и всеми сторонами жизни и творчества не может быть возврата. В старых теократиях не достигалось Царство Божье реально. Оно лишь символизировалось и означеновалось во внешних формах и знаках. Ныне обнаруживается воля к реальному достижению Царства Божьего, равно как и царства дьявола, во всех сферах жизни, к свободной теонии в отличие от автономии и гетеронии. Познание, мораль, искусства, государство, хозяйство должны стать религиозными, но свободно и изнутри, а не принудительно и извне. Никакая теология не регулирует внешне моего процесса познания и не ставит передо мной норм. Знание – свободно. Но я не могу уже осуществлять целей познания без обращения к религиозному опыту, без религиозного посвящения в тайны бытия. В этом я уже средневековый человек, а не человек новой истории. Я ищу не автономии от религии, я ищу свободы в религии. Никакая церковная иерархия не регулирует и не нормирует государственной и общественной жизни. И никакой клерикализм не может вернуть себе внешней силы. Но я могу слагать государство и общество, подвергнувшееся разложению, лишь на религиозных основах. Я ищу не автономии государства и общества от религии, обоснования и укрепления государства и общества в религии. Я ни в чем уже не хочу свободы от Бога, я хочу свободы в Боге и для Бога. Когда кончается движение от Бога и начинается движение к Богу, когда само движение от Бога приобретает характер движения к дьяволу, тогда начинается средневековье, кончается Новое время. Бог должен вновь стать центром всей нашей жизни, нашей мысли, наше-

го чувства, единственной мечтой нашей, единственной нашей надеждой и упованием. Моя жажда беспредельной свободы должна быть понята как моя распря с миром, а не с Богом.

Кризис современной культуры начался уже давно. Он со­знавался ее великими творцами. Войны, революции, внешние катастрофы только обнаруживали вовне внутренний кризис культуры. Революция внутри начинается раньше, чем выявление вовне. Культура по природе своей символична, в ней даны лишь символы, знаки иного духовного мира, но сам этот мир непосредственно реально не достигается. Эта символическая природа культуры часто не сознается теми, которые закованы в традиционные формы культуры.

Лишь символическое сознание понимает эту природу культуры, и оно же и стремится к преодолению символизма культуры и достижению реальности духовного мира. Так, историческая теократия была лишь символична, она давала лишь символы, а не реальности Царства Божьего. Этого могли не сознавать люди, создававшие теократию и с благоговением склонившиеся перед ними. Люди символического религиозного сознания должны стремиться к реальному Царству Божьему, т. е. к подлинному преображению жизни. Познание, искусство, мораль, государство, даже внешняя жизнь Церкви не преображали реально жизни, не достигали сами по себе нового бытия, а давали лишь символы преображения, лишь знаки наиреальнейшего бытия. Вот этот символизм культуры, в котором и было ее величие и красота, и переживает кризис. Цивилизация XIX и XX веков отрицает священную символику культуры и хочет наиреальнейшей жизни, хочет овладения жизнью и преображения жизни. Для этого она создает свою могущественную технику. Кризис культуры подготавливается, с одной стороны, реалистической цивилизацией, ее жаждой жизни и могущества. С другой же стороны, из глубины кризис культуры начинается в обнаружении религиозной воли к реальному преображению жизни, к достижению нового бытия, новой земли и нового неба. Воля к преображению культуры в бытие создает кризис культуры. Она ведома величайшим

людям культуры, и через них совершается кризис. Воля к последнему, истинно онтологическая воля, не может довольствоваться раздельными, автономными сферами культуры, она направлена к единству и целостности. Но кризис культуры есть вместе с тем упадок культуры в ее старых секулярных формах, упадок искусства, философии и проч. В нашу эпоху нет видимого и признанного духовного центра, центра умственной жизни эпохи. Университет перестал быть таким центром, он не имеет духовного авторитета. Властители дум нашей эпохи не академики. Ни академическая философия, ни академическое искусство не имеют никакого жизненного влияния. Совершенно так же, как официальная парламентская политика идет мимо жизни. Жизненные процессы в наше время осуществляются спонтанно, неофициальными путями. Так и должно быть в эпоху кризисов и переломов. Духовным центром в грядущую эпоху может быть только Церковь, как в средние века. Но сама жизнь Церкви ныне протекает и развивается какими-то неофициальными путями, внешне неприметными. Границы Церкви не сознаются отчетливо, на них нельзя указать пальцем, как на материальный предмет. Жизнь Церкви таинственна, и пути ее жизни непостижимы для рассудка. Дух дышит, где хочет. И в жизни Церкви происходят творческие процессы, которые внешним, официальным, чисто рационалистическим сознанием совсем не воспринимаются как церковные. Кризис культуры в том и заключается, что она не может остаться религиозно-нейтральной и гуманистической, что она неизбежно должна стать или безбожной, антихристианской цивилизацией, или священной, церковной культурой, христианским преображением жизни. А это предполагает творческий процесс в жизни Церкви, раскрытие христианской истины о человеке и его призвании в мире, а также окончательное раскрытие тайны творения, тайны жизни космической. Истины антропологии и космологии не были еще достаточно раскрыты христианством вселенских соборов и учителей Церкви. Церковь космична по своей природе, и в нее входит вся полнота бытия. Церковь есть охристовленный космос. Это должно

перестать быть отвлеченной, теоретической истиной, должно стать истиной жизненной, практической. Церковь должна перейти от по преимуществу храмового своего периода к космическому периоду, к преобразению полноты жизни. Религия в Новое время тоже стала дифференциальной частью культуры, ей было отведено отдельное и очень небольшое место. Она по-новому должна стать всем, силой, преобразующей и просветляющей всю жизнь изнутри. Она должна, как свободная духовная сила, преобразовать жизнь. В христианстве наступает эпоха, когда большую роль будет играть религиозная интеллигенция, подобно тому как это было во времена великих учителей Церкви, начиная со св. Климента Александрийского. «Народ» отпадает от веры, соблазненный атеистическим просвещением и социализмом. «Интеллигенция» же возвращается к вере. Это изменяет стиль христианства.

Новое средневековье преодолет атомизм новой истории. Этот атомизм преодолевается или ложно – коммунизмом, или истинно – Церковью, соборностью. Новое средневековье, как и старое, иерархично по своему строению. Новая же история отрицала иерархизм во всех сферах. Человек не атом бескачественного механизма вселенной, а живой член органической иерархии, он органически принадлежит реальным общностям. Сама идея личности связана с иерархией, и атомизм уничтожает личность в ее качественном своеобразии. Мы живем в эпоху, когда неизбежен повсюду свободный возврат к иерархическим началам. Лишь иерархические начала свидетельствуют о космическом ладе вселенной. Ведь и коммунизм, антииндивидуалистический, антилиберальный, антидемократический и антигуманистический, по-своему иерархичен. Он отрицает формальные свободы и равенства новой истории и вырабатывает свою сатанократическую иерархию. Он стремится быть лжецерковью и лжесоборностью. И коммунизму нельзя уже противопоставлять антииерархические, гуманистические и либерально-демократические идеи новой истории, ему можно противопоставлять лишь подлинную, онтологически обо-

снованную иерархию, подлинную органическую соборность. Ведь и старые правые, консервативные монархические идеи, которые господствовали в жизни некоторых стран до войны и революции, были индивидуалистическими идеями. В основе их лежал аристократический гуманизм, как демократический гуманизм лежал в основе идей левых и прогрессивных. Гуманистическое самоутверждение лежало в основе монархии Людовиков XIV и XV, как и монархии Вильгельма и Русской империи. Против аристократического, гуманистического самоутверждения всегда восстает демократическое гуманистическое самоутверждение, против абсолютной человеческой монархии – абсолютная человеческая демократия. Царь или дворянство имеют не больше прав на власть, чем народ, чем крестьяне или рабочие. Потому, что вообще не существует человеческого права на власть, всякая похоть власти есть грех. Похоть власти Людовика XIV или Николая I есть такой же грех, как похоть власти Робеспьера или Ленина. Власть есть обязанность, а не право, и власть тогда лишь правая, когда она осуществляется не во имя свое и не во имя своих, а во имя Божье, во имя правды. Новое время конструировало власть как право и интересовалось разграничением прав на власть. Новое средневековье должно конструировать власть как обязанность. И вся политическая жизнь, основанная на борьбе за право власти, должна быть признана нереальной, фиктивной, вампирической жизнью. В ней нет ничего онтологического. Политика на девять десятых всегда есть ложь, обман, фикция. И только одна десятая политики заключает в себе элемент реальный – осуществление власти, необходимой для существования мира, власти от Бога. Мы вступаем в эпоху, когда изверились уже во все политики и когда политическая сторона жизни не будет уже играть той роли, какую играла в новой истории, когда ей придется уступить место более реальным духовным и хозяйственным процессам. Естественный иерархизм жизни должен вступить в свои права, и личности с большим онтологическим весом, с большей одаренностью и годностью должны занять подобающее место в жизни. Без духовной аристократии жизнь

не может процветать. И должно быть движение, противодействующее той социальной энтропии, которая охватила современные демократические общества. Принцип *action directe*¹, спонтанность личностей и групп будут опрокидывать старую политику. Непосредственная, первичная жизнь получит преобладание над вторичной и отраженной жизнью политики. Политические партии и их вожаки, вероятно, потеряют всякое значение, и не через партии будут выдвигаться сильные люди. Окончательно отомрут парламенты с их фиктивной, вампирической жизнью наростов на народном теле, неспособных уже выполнять никакой органической функции. Биржи и газеты не будут уже управлять жизнью. В социальной жизни произойдет упрощение, возвращение к более элементарным процессам борьбы за существование. Социальная жизнь должна будет приобщиться к первоисточникам жизни, сделаться более природной, менее искусственной. Люди, вероятно, будут группироваться и соединяться не по политическим признакам, всегда вторичным и в большинстве случаев фиктивным, а по хозяйственным, непосредственно жизненным, профессиональным, по сферам творчества и труда. Старые сословия и классы отмирают, и на их место идут профессиональные группы духовного и материального труда. Профессиональным союзам, кооперациям, цехам принадлежит, конечно, огромное будущее* И это есть признак возвращения к средневековью на новых началах. Политические парламенты – выродившиеся говорильни – будут заменены деловыми профессиональными парламентами, собранными на основах представительства реальных корпораций, которые будут не бороться за политическую власть, а решать жизненные вопросы, решать, например, вопросы сельского хозяйства, народного образования и т.п. по существу, а не для политики. Будущее принадлежит синдикалистскому типу общества, конечно, не в смысле революционного синдикализма. Успех может иметь только политика,

* В этом отношении много верного можно найти в книге Р. Ю. Виппера «Круговорот истории», хотя основы его мирозерцания представляются мне совершенно ложными.

в которой решительный социальный радикализм будет сочетаться с иерархическими началами власти. И в анархизме есть своя доля истины, поскольку он противится власти политики и преувеличенному значению государства.

Новое средневековье неизбежно будет в высшей степени народно, но совсем недемократично. Отныне в судьбах государств будут играть большую роль трудящиеся массы, народные слои. Всякая будущая политика должна с этим считаться и искать путей для ограничения власти масс над культурой качеств. В России будет играть господствующую роль крестьянство. Но это совсем не значит, что народные массы, которые нельзя уже вернуть к состоянию до мировой катастрофы, непременно будут осуществлять волю к политической власти в политических демократиях, через всеобщее избирательное право и пр. Опыт русской революции наглядно показал, что народные массы не всегда стремятся выразить свое возрастающее социальное значение в демократии, в народоправстве. Демократии связаны с господством буржуазного слоя, с индустриально-капиталистической системой, отстаивающей свои интересы, с образованием слоя профессиональных политиков. Народные массы обычно равнодушны к политике и не в силах никогда осуществить воли к власти. Есть гораздо больше оснований думать, что крестьяне и рабочие, социальный вес которых неизбежно возрастет, будут стремиться к профессионализму, корпоративному представительству и самоуправлению, к «советскому» принципу, но в истинном и реальном смысле слова, а не в том фиктивном, которым прикрывается диктатура коммунистической партии в «советской» России. Спасать государство и общество от окончательного разложения и развала будут общественные союзы, в высшей степени жизненные, корпоративно-профессиональные, с одной стороны хозяйственные, с другой стороны духовные. Из этих союзов будут слагаться общество и государство нового средневековья. Должны быть удовлетворены материальные и духовные запросы масс, а не их стремление к власти. Власть никогда не принадлежала и не может принадлежать

большинству. Это противоречит природе власти. Власть имеет иерархическую природу и иерархическое строение. Так будет и в будущем. Народ не может сам собой править, он нуждается в правителях. В демократических республиках правит совсем не народ, а незначительное меньшинство вожаков политических партий, банкиров, газетчиков и т. п. Так называемый народный суверенитет есть только мгновение в жизни народа, лишь разлив народной стихии. Сложение общества и государства, образование социального космоса есть всегда процесс возникновения неравенства и иерархии, выделение правящего слоя. И вполне возможно, что единство обществ и государств в новое средневековье выльется в формы монархические. Народные массы сами могут пожелать монарха, узнают своего вождя и героя. Но если возможны еще монархии, то они будут, конечно, нового типа, не типа старой новой истории, ближе к средневековому типу, в них будут преобладать черты цезаризма. Я давно уже думаю и высказывал эту мысль еще в 18–19 гг., что мы, особенно Россия, идем к своеобразному типу, который можно назвать «советской монархией», синдикалистской монархией, монархией новой социальной окраски. Старый легитимизм умер, он принадлежал новой истории, и погоня за его восстановлением есть погоня за призраком. Монархии нового средневековья не будут формалистически легитимистическими монархиями. В них принцип социального реализма будет преобладать над принципом юридического формализма. Окружать монархию будут не сословия, а социальные и культурные профессии в иерархическом строении. Но власть будет сильной, часто диктаторской. Народная стихия наделит избранных личностей священными атрибутами власти. Принудить народ к монархии нельзя будет, народ реально-жизненными путями сам будет решать формы правления в зависимости от своих верований. Но такого рода «народный суверенитет», который в известном смысле всегда существовал, не означает демократии. Во всяком случае, вопрос о формах власти нужно считать проблематическим и второстепенным.

Будущие общества будут, конечно, трудовыми обществами. В основу их будет положен принцип труда духовного и материального, не бескачественного труда социалистов, а качественно-го труда. Такова всегда была христианская идея. Слишком большой досуг и праздность привилегированного слоя новой истории прекратятся. Аристократия сохранится навеки, но приобретет более одухотворенный характер, будет скорее психологической, чем социологической категорией. Жизнь станет более суровой и бедной, блеска новой истории более не будет. Наступают времена, которые потребуют огромного напряжения человеческого духа, огромного труда. Должно будет выработаться особого рода монашество в миру, особого типа монашеского ордена. Будет поставлена проблема о религиозном смысле и религиозном освящении труда, который не хотела знать новая история, так как стремилась освободить человека и классы от бремени труда. Самый труд должен быть понят как творчество. Капитализм и социализм механизмируют труд, и потому проблема труда для них не существует. Ограничение потребностей и большая напряженность труда всех классов общества характерны для нового исторического периода. Только так сможет существовать обедневшее человечество. Внутренне же центр тяжести жизни должен быть перенесен со средств жизни, которыми так долго были исключительно поглощены люди новой истории, на цели жизни. Это есть обращение к самой жизни, к ее внутреннему содержанию, а не к проецированию жизни вовне, во времени, в будущее. Идея «прогресса» будет отброшена как закрывающая истинные цели жизни. «Прогресс» прекратится с окончанием новой истории. Будет сама жизнь, будет творчество, будет обращение к Богу или к диаволу, но не будет «прогресса» в том смысле, в каком одержим был этой идеей XIX век. Необходимо остановить ускоряющееся движение времени, влекущее нас к небытию, получить вкус к вечности. Но наряду с этим будет действовать и воля к расширению власти фиктивной цивилизации, будет действовать и антихристов дух.

Характерным для нового средневековья мне представляется еще то, что в нем большую роль будет играть женщи-

на. Исключительно мужская культура истощила и подорвала себя в мировой войне. И в последние годы великих испытаний женщина начала играть огромную роль, она оказалась на большей высоте. Женщина более связана с душой мира, с первичными стихиями, и через женщину мужчина общается к ним. Мужская культура слишком рационалистична, слишком далеко ушла от непосредственных тайн космической жизни, и возвращается к ним она через женщину. Женщины играют большую роль в религиозном пробуждении нашего времени. Женщины предназначены быть женами-мироносицами. День был временем исключительного преобладания мужской культуры. Ночь есть время, когда вступает в свои права и женская стихия. Увеличение роли женщины в грядущий исторический период совсем не означает продолжения женского эмансипационного движения Нового времени, которое стремилось уподобить женщину мужчине и повести женщину мужским путем. Это было антииерархическое, уравнилельное движение, отрицавшее своеобразную качественность женской природы, вечную женственность. Мужское начало должно владеть женским, а не быть в рабстве у него, как часто бывало в новой истории, например во Франции. Не эмансипированная и уподобленная мужчине женщина, а вечная женственность должна играть большую роль в грядущий период истории. Это связано будет с кризисом стихии рода и родовой семьи, который составляет глубокую подпочву переживаемого мирового кризиса. Христианство не может осуществить своих упований в стихии рода, в той рождающей стихии, которая обращена к дурной бесконечности сменяющихся поколений. Основная проблема жизни и есть проблема преображения пола, просветление женственной стихии, претворение энергии рождающей в энергию творящую. Естественный род старого Адама должен быть претворен и преображен в духовный род нового Адама. Это связано с раскрытием мистического смысла любви, любви преображающей, обращающей не ко времени, а к вечности. Тут мы выходим из берегов новой истории, из ее рацио-

нального дня и вступаем в мистическую ночь средневековья. К этой теме нельзя прикасаться словами новой истории.

Для наступления нового средневековья характерно также распространение теософических учений, вкус к оккультным наукам, возрождение магии. Сама наука возвращается к своим магическим истокам, и скоро окончательно выявится магический характер техники. Религия и знание вновь приходят в соприкосновение, и рождается потребность в религиозном гнозисе. Мы опять вступаем в атмосферу чудесного, столь чуждую новой истории, опять возможна станут белая и черная магии. Опять возможны станут страстные споры о тайнах божественной жизни. Мы переходим от душевного периода к духовному периоду. Будущее – двойственно, и мы не верим в необходимость и принудительность отрадного, светлого, желанного будущего. Иллюзии земного счастья не имеют уже никакой силы над нами. Ощущение зла должно стать сильнее и острее в новом средневековье. Сила зла будет возрастать, принимать новые формы и причинять новые страдания. Но человеку дана свобода духа, свобода избрания пути. Христиане должны волю свою направить к созданию христианской общественности и христианской культуры, превыше всего искать Царства Божьего и правды его. Многое зависит от нашей свободы, от творческих человеческих усилий. Потому-то возможны два пути. Я предчувствую нарастание сил зла в будущем, но хотел определить возможные положительные черты будущего общества. Мы уже средневековые люди не только потому, что такова судьба и фатум истории, но и потому, что хотим этого. Вы еще люди новой истории, потому что не хотите сделать избрания. В предчувствии ночи нужно духовно вооружиться для борьбы со злом, обострить способность его различения, вырабатывать новое рыцарство.

Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн...
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены...

Размышления о русской революции

Революция в России случилась. Это – факт, который должен быть признан. Признание факта не связано с его оценкой. Революция есть явление природы. Нельзя спорить о том, следует ли признавать или не признавать японское землетрясение. Русская революция есть великое несчастье. Всякая революция – несчастье. Счастливых революций никогда не бывало. Но революции посылаются Божьим Промыслом, и потому народы многому в них научаются. Русская революция – отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может. Всякая революция бывает неудачной. Удачных революций никогда не бывало. Французская революция, признанная «великой», тоже была отвратительна и неудачна. Она не лучше русской революции, она была не менее кровавой и жестокой, столь же безбожной, столь же разрушительной в отношении ко всем историческим святыням. Русская революция не признана великой, она пока только большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые ее идеализируют и канонизируют в чине великой; создадут легенду, окружают ореолом, хотя потом явятся другие историки, которые разоблачат эту идеализацию и низвергнут легенду. Несчастные русские люди, жестоко пострадавшие духовно и материально от революции, забыли как будто бы, что такое революция, что такое всякая революция. Читать книги по истории революции приятнее, чем переживать революции. Слишком большое негодование против большевистской революции, слишком исключительное приписывание всякого злодеяния большевикам есть нередко результат идеализации революции, непреодоленной иллюзии, что революция может быть хорошей и благородной. Историческая память очень коротка у людей революционной эпохи. Слишком многие люди эпохи революции хотят по-своему направить ее и очень озлоблены, что это не удастся. Но забыли, что революцию вообще

направить нельзя, как нельзя ее и остановить. Революция есть рок и стихия. И большевики не направляли революции, а были лишь ее послушным орудием. Все почти господствующие оценки революции основаны на том предположении, что ее могло бы и не быть и ее можно было бы не допустить или что она могла бы быть разумной и доброй, если бы злодеи большевики не помешали. Так делается невозможным постижение смысла революции и духовное переживание ее трагического опыта. Нет ничего более жалкого, чем столь распространенные в русской заграничной среде споры о том, произошла ли в России революция или смута и кто будет отвечать за революцию. Это – самоутешение от совершенного бессилия и немощи*. Всякая революция есть смута. Всякая революция есть процесс разложения старого общества и культуры. Идеально-нормативные представления о революции совершенно должны быть оставлены. Революция никогда не бывает такой, какой должна быть, ибо нет должной революции и не может быть революция долженствованием. Революция есть рок народов и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить с достоинством, как с достоинством нужно пережить тяжелое заболевание или смерть близкого существа.

Совершенной потерей исторической перспективы нужно признать ту психологию, в силу которой хотят остановить революцию с точки зрения дореволюционных начал. Это есть нежелание понять, что такое всякая революция, закрывание глаз на ее природу, забвение того, что люди раньше знали о революции. Революция подобна тяжелой инфекционной болезни. Раз зараза проникла в организм, нельзя уже остановить неотвратимого течения болезни. В известный момент будет 41 градус температуры, будет бред. А потом температура па-

* В новейшей книге по истории французской революции, в книге Луи Мадлена «Французская революция», говорится об эмигрантах: «Франция, по их мнению, просто была запугана несколькими разбойниками. Запугиванию надо было противопоставить запугивание. Манифест, который мог бы испугать страну, бросить ее всю целиком к ногам короля. И тогда будет достаточно легиона Кондэ; он войдет с развевающимся белым флагом и тотчас положит конец всему» (т. 1, с. 306.) В истории многое повторяется.

дет до 36 градусов. Природа революции такова, что она должна дойти до конца, должна изжить свою яростную стихию, чтобы в конце концов претерпеть неудачу и перейти в свою противоположность, чтобы из собственных недр породить противоядие. В революции неизбежно должны торжествовать крайние течения и более умеренные течения должны быть извергнуты и уничтожены. В революции всегда погибают те, которые ее начали и которые о ней мечтали. Таков закон революции и такова, по гениальной мысли Ж. де Местра, воля Провидения, всегда незримо действующая в революциях. Революциями Бог карает людей и народы. Рационалистическим безумием нужно признать всякую надежду, что в стихии революции могут господствовать и могут ее направлять какие-либо более умеренные, разумные партии, жирондисты или кадеты. Это и есть самая несуществимая из утопий. В русской революции утопистами были кадеты, большевики же были реалистами. Не утопичны ли, не бессмысленны ли были мечты, что Россию вдруг можно превратить в правовое демократическое государство, что русский народ можно гуманными речами заставить признать права и свободы человека и гражданина, что можно либеральными мерами искоренить инстинкты насилия управителей и управляемых? Это была бы неправдоподобная революция, отрицание всех исторических инстинктов и традиций русского народа, более радикальное, чем отрицание большевиков, которые усвоили себе традиционные методы управления и использовали некоторые исконные инстинкты народа. Большевики совсем не были максималистами, они были минималистами, они действовали в направлении наименьшего сопротивления, в полном согласии с инстинктивными вожделениями солдат, истомленных непосильной войной и жаждавших мира, крестьян, вожделевших земель помещиков, рабочих, настроенных злобно и мстительно. Максималистами были те, которые хотели продолжения войны во что бы то ни стало, а не те, которые решили ее прикончить после того, как война внутренне разложилась. Те, которые потворствуют иррациональной стихии революции, действуют в своем роде более рассудительно

и реалистично, чем те, которые в этой иррациональной стихии хотят осуществить кабинетный рациональный план политики. Всех кабинетных рациональных политиков революция низвергает и уничтожает, и она по-своему права. В рациональной кабинетной политике не чувствуется никакой органической почвы, никакой стихии, никаких глубоких корней. В революции же есть извращенная и больная народная стихия. Большевизм есть рационалистическое безумие, мания окончательного регулирования жизни, опирающаяся на иррациональную народную стихию. Рационализм же либеральных политиков, готовый признать и некоторые права за иррациональным, ни на какую стихию не опирается. Большевизм был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи, и потому он победил. Помогло то, что у русских очень слабо иерархическое чувство, но очень сильна склонность к автократической власти. Ни о каком правовом, конституционном государстве русский народ и слышать не хотел.

Когда революция случилась в судьбе народа, когда стряслось это несчастье, то есть только один из нее выход. Нужно принять этот факт как ниспосланный Провидением, принять так, как должно принять все страдания и несчастья жизни, все великие испытания: противиться всеми силами духа соблазнам революции, оставаться верными своим святыням, унести светильники в катакомбы, пережить духовно и религиозно-просветленно это несчастье, постигнув его как искупление вины, помогать тем жизненным процессам, в которых революция переходит в свою противоположность, к положительному творчеству. Духовно ложно считать, что источник зла вне меня, а сам я сосуд добра. На этой почве рождается злобный и ненавистнический фанатизм. Винить во всем евреев, масонов, интеллигенцию есть такое же извращение, как во всем винить буржуазию, дворянство, старую власть. Нет, источник зла и во мне самом, и я должен и на себя переложить вину и ответственность. Это было бы верно и в отношении к старому самодержавию, это остается верным и в отношении к большевизму.

Лишь молекулярные процессы внутри народной жизни, духовные и материальные, ведут к окончанию революции, к выходу из нее. Гражданские войны во время революции являются роковой неизбежностью, и во время войн этих может быть проявлен большой героизм и самопожертвование. Но никакие гражданские войны не могут положить конец революции, не могут быть выходом из трагедии революций. Гражданские войны целиком принадлежат самой иррациональной стихии революции, они пребывают в революционном распаде и увеличивают этот распад. Гражданские войны революционных и контрреволюционных армий есть обычно борьба сил революционных с силами дореволюционными, революцией пораженными. Настоящую же контрреволюцию, полагающую конец революции, могут сделать лишь силы пореволюционные, а не дореволюционные, лишь силы, развившиеся внутри самой революции. Контрреволюцию, начинающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни. Кончил революцию во Франции «сын революции» Наполеон, а не дворяне, не эмигранты, не партии, которые революция вытеснила из жизни в своем стихийном потоке. Революция, как некий органический патологический процесс, вырабатывает в своих недрах силы, которые принесут избавление от ее демонов. Тот, кто находит выход из революции, из ее безвыходной стихии обычно «ее носил в самом себе». Она непреодолима извне. Бонапартизм – типичный исход революции. Сила Кромвеля и Наполеона в том, что они являются роковыми людьми, носителями рока революции. И опыт истории, и наш собственный духовный опыт научает тому, что революции могут быть преодолены лишь силами пореволюционными, лишь началами, отличными и от тех, что господствовали до революции, и от тех, что господствуют в самой революции. Все дореволюционное есть лишь внутренняя составная часть самой революции, самого революционного распада. Дореволюционное и революционное есть одно и то же, но в разные моменты. Революция есть догнивание

старого режима. И нет спасения ни в том, что начало гнить, ни в том, что довершило гниение. Спасение может быть лишь в зарождении новой жизни. Кончить революцию и избавить ее от кровавого кошмара не может ни русское земледельческое дворянство, желающее вернуть себе земли, ни старая русская буржуазия, желающая вернуть себе фабрики и капиталы, ни русская интеллигенция старого типа, желающая вернуть себе былой идейный престиж и осуществить свои старые политические программы. В русской революции в муках кончается Россия господская и Россия интеллигентская и нарождается новая неведомая Россия. Кончить русскую революцию может лишь русское крестьянство, лишь народившаяся в самой революции новая буржуазия, лишь красная армия, опомнившаяся от своего кровавого бреда, лишь новая интеллигенция, духовно углубившаяся в трагическом опыте революции и стяжавшая себе новые положительные идеи. Хорошо ли это или плохо, но это так. Таков рок, такова судьба. После революции нельзя ждать в России ничего особенно хорошего. Опустошения слишком велики. Деморализация ужасна. Культурный уровень должен понизиться. Но нужно прямо смотреть в глаза судьбе. Нет никаких оснований для розового исторического оптимизма. Христианство ему не научает. Мир идет к трагическому раздвоению и борьбе противоположных духовных начал. Но в путях этих имеет великий смысл устранение иллюзий, разоблачение подлинных реальностей. И революции, как и все в истории, служат не тому, чему думают служить, смысл их неведом самим деятелям революции. Воля же наша должна быть направлена к осуществлению гениального афоризма Ж. де Местра: контрреволюция должна быть не обратной революцией, а обратной революции.

Нельзя жить негативным чувством, чувством ненависти, злобы, мести. Нельзя негативными чувствами спасти Россию. Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью. Что будет с несчастной Россией, если контрреволюция отравит ее новой злобой и напоит ее новой кровью. Это будет продолжением кровавого кошмара революции, а не выходом из него.

Партия ненависти и злобы есть одна партия; в ней соединены коммунисты и крайние монархисты. Никакая жизнь не может быть создана отрицательным, в основу ее должно быть положено положительное. Наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти. Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков. В основе нашей политики должна лежать стихийная любовь к русской земле, к русской народной душе. Только такую направленность можно признать нормальным духовным устроением. Большевицкая революция была порождена отрицательными чувствами, она была делом злобы. Если против нее направить равные по силе отрицательные чувства, если низвержение ее превратить прежде всего в дело злобы, то продолжится дело разрушения. Между тем как с горестью нужно признать, что отрицательные и злобные чувства слишком часто владеют теми, которых революция жестоко обидела и обездолила. Это значит, что они не пережили революцию духовно, что они претерпели ее внешне, телесно. Поистине, величайшая задача, которая стоит перед Россией, как и перед всем миром, это – задача выхода из кровавого круга революций и реакций, перехода в другое измерение. На негативном пути, определяемом лишь отрицательными реакциями, открывается плохая бесконечность революций и реакций. Кровь порождает кровь. Кровь отравила уже народы. Революция сама по себе носит характер отрицательной реакции, она имеет реакционную природу. И нужно выйти из подвластности отрицательным реакциям. Это – наш духовный долг, долг христиан. Революция случилась, она и была мрачной и кровавой реакцией против дореволюционного зла, зла старой жизни, злой реакцией на злую реакцию. И все силы духа должны быть направлены к положительному добру. Реставрация старой дореволюционной жизни невозможна. Когда читаешь письма последней русской царицы к последнему русскому царю, то всем существом своим чувствуешь, что революция предрешена и неизбежна, что старый режим обречен и возврат невозможен. И это совсем не есть осуждение личности тех, которые оказались мучениками и как

люди были гораздо лучше нынешних правителей. Реставраций никогда не бывает. Бывают лишь судорожные конвульсивные движения сил, догнивающих в революции, сил, претерпевших распад в революции, и затем новые попытки сил, выдвинутых революцией, удержать свое жизненное положение. Бессмысленно реставрировать то, что привело к революции. Это есть пребывание в безвыходном магическом кругу. Выход из движения налево и направо может быть найден лишь в движении вглубь и ввысь. Идеиная контрреволюция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции. Революция уничтожила в России всякую свободу, и потому контрреволюция в России должна быть освободительным процессом, должна дать свободу, свободу дышать, мыслить, двигаться, сидеть в своей комнате, жить духовной жизнью. Вот парадокс, который нужно сознать до конца.

Нельзя внешне относиться к революции, видеть в ней лишь эмпирический факт, никак не связанный с моей духовной жизнью, с моей судьбой. При таком внешнем отношении только и может человека душить бессильная злоба. Революция совершилась не только вне меня и надо мной как факт, несоизмеримый с моим смыслом жизни, т. е. абсолютно бессмысленный, она совершилась также со мной как внутреннее событие в моей жизни. Большеизм в России явился и победил, потому что я таков, каков есть, потому что во мне не было настоящей духовной силы, не было силы веры, двигающей горами. Большеизм есть мой грех, моя вина. Это есть ниспосланное мне испытание. Страдания, которые мне причинил большеизм, есть искупление моей вины, моего греха, нашей общей вины и нашего общего греха. Все ответственные за всех. Только такое переживание революции может быть названо религиозным, духовно просветленным. Русская революция есть судьба русского народа и моя судьба, расплата и искупление народа и мои. Пусть «правые» не делают такого невинного, самодовольного и возмущенного выражения лиц. Грехи их велики,

и им надлежит пройти через суровое покаяние. Революцию нужно с достоинством, с духовной силой до конца изжить как несчастье, посланное Богом. Претерпевший до конца спасется. Поверхностно и ложно смотрят на большевизм те, которые видят в нем исключительно внешнее насилие над русским народом шайки разбойников. Так нельзя понимать исторические судьбы народов. Это взгляд или обывателей, пострадавших от революции, или активных борцов, ослепленных в яростной стихии борьбы. Большевики не шайка разбойников, напавших на русский народ в его историческом пути и связавшая его по рукам и ногам, и не случайна их победа. Большевизм есть явление гораздо более глубокое и более страшное, более зловещее. Шайка разбойников была бы более невинным явлением. Большевизм есть не внешнее, а внутреннее для русского народа явление, его тяжелая духовная болезнь, органический недуг русского народа. Большевизм есть лишь отображение внутреннего зла, живущего в нас. Большевизм не есть самостоятельная онтологическая реальность, он не имеет бытия в себе. Он есть лишь галлюцинация больного народного духа. Большевизм соответствует духовному состоянию русского народа, выражает внешне внутренние духовные распады, отступничество от веры, религиозный кризис, глубокую деморализацию народа. Советская власть – не демократическая власть и не поставлена каким-либо учредительным собранием. Но никакая власть не создавалась формально, ее всегда создает сила. И советская власть оказалась единственной возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев. Эта власть оказалась народной в очень нелестном для нее смысле. Но признать это важно для понимания революции. Другая власть не могла быть создана в стихии революции при той духовной и исторической обстановке, в которой эта стихия разбушевалась. Народ находился в лживом состоянии и создал лживую власть. Только большевизм мог как-нибудь организовать и сдержать раскованную им демоническую сти-

хию. Истинный принцип авторитета власти был утерян. Жалкая и бессильная роль Временного правительства показала, что власть не может быть организована на гуманистических началах, не может быть либеральной и демократической, не может быть и социалистической в умеренном гуманном духе. Принцип же монархический проклинали и разлагали в течение столетия. Он пал. Он существовал потому, что имел санкцию в религиозных верованиях народа. Авторитет власти всегда ведь держится религиозными верованиями народа. Когда религиозные верования разлагаются, авторитет власти колеблется и падает. Это и случилось в России. Религиозные верования народа изменились. В народ начало проникать полупросвещение, которое в России всегда принимает форму нигилизма. Только большевики сумели организовать власть в соответствии с изменившимися верованиями народа, в соответствии с кровавой стихией войны. Когда рушатся духовные основы войны, она превращается в кровавую анархию, в войну всех против всех. И тогда оказывается возможной лишь грубая и кровавая диктатура. Рухнули все начала, охранявшие культурный слой в России. Этот культурный слой, эта тонкая культура возможны были лишь благодаря монархии, которая не допускала буйного разлития народной тьмы. Россия была необъятным и темным мужицким царством с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживавшим это царство и не допускавшим растерзания народом этого культурного слоя. Пусть царская власть часто преследовала и гнала культурный слой, но она в прошлом делала возможным самое его существование, она до известного времени устанавливала качественную иерархию в русской жизни, градации и ступени. С падением царской власти в России наступило «упростительное смешение», низвержены были все качественные различия, разбита вся социальная структура русского общества, темная солдатско-мужицкая стихия ее затопила. Культурный слой, не имевший корней в крепких социальных классах, был низвергнут в бездну. В таких условиях монархическая власть могла быть заменена только советской властью. Произошло

страшное огрубение жизни, огрубение всего быта, воцарился солдатско-народный стиль. Большевики не столько создали эту грубую жизнь, грубый способ властвования, сколько отразили и выразили совершавшееся огрубение народной жизни. Власть, которая пожелала бы быть более культурной, не могла бы существовать, не соответствовала бы состоянию народа. Культурный слой, более утонченный, верный традициям, не мог более господствовать в России. Бог как бы передал власть большевикам в наказание за грехи народа. И потому во власти этой есть таинственная, им самим непонятная сила. Замечательно, что в русской революции нет борющихся сторон, нет активных партий. Этим она глубоко отличается от революции французской. Когда французский жирондист или монтаньяр шел на эшафот, он шел как гражданин, временно побежденный в борьбе. В русской революции нет чувства гражданства. У нас идут на расстрел с иным чувством, покоряясь роковой силе, безраздельно господствующей.

Русская культура была по преимуществу дворянской. Она кончилась. Дворянство низвергнуто. И оно само много сделало для своего падения. Оно выродилось и потеряло сознание своего призвания. Дворянский стиль культуры, который господствовал и в недворянских слоях, в буржуазии и интеллигенции, заменился стилем солдатско-мужицко-пролетарским. В этом стиле управлять страной может только советская власть, враждебная высшей культуре, объявившая войну всем качествам во имя количеств, грубая и жестокая в своих приемах. В первые ряды жизни выдвигает новый энергичный слой, прошедший школу на войне, жадный к жизни, завистливый и злобный, перенесший все приемы войны в управление страной, продолжающий войну во имя других целей внутри страны. Стиль советской власти – военный стиль. Это – стиль завоевателей. Но это менее всего означает, что завоеватели эти чужды состояниям самого народа. Народ и выдвинул их в момент своего падения и кровавого разложения. Большевики осуществили народный идеал черного передела. И они вполне отвечают русскому нигилизму. Это очень непопулярная и нелюбимая

власть. Но непопулярная и нелюбимая власть может оказаться единственной возможной властью, ее может заслужить народ. Русский народ во время падшей войны и разложившейся революции только и заслужил такой власти. И это не значит вместе с тем, что русский народ – большевик. Катастрофа произошла в самых первоосновах русского общества и русской культуры, она произошла в глубине духа народного. Русский народный слой, в сущности, никогда не мог не только социально, но и религиозно принять русский культурный слой и русское барство. Раскол между верхним и нижним слоями у нас всегда был таков, какого не знали народы Запада. Народ не принял войны, потом не принял гуманитарно-демократической власти. И в суждениях о революции и о путях спасения от нее нельзя игнорировать духовное состояние русского народа, состояние его верований или его неверия. Все определяется изнутри, а не извне. Никто не обязан поклоняться верованиям народа и воле народа, если он считает эти верования и эту волю злыми. Я не признаю принципа суверенитета народа. Но безумно было бы игнорировать духовное состояние народа. Власть не демократична по своей природе, но она должна быть народна. Все в конце концов определяется религиозными верованиями народа, ими определялось и существование самодержавной монархии. И если верования народные ложны и злы, то я все силы свои должен прежде всего направить на обращение моего народа к истинным и добрым верованиям. Духу принадлежит примат над политикой. Это теперь должно быть признано более чем когда-либо. *Русский вопрос есть сейчас прежде всего духовный вопрос.* Вне духовного перерождения Россия не может быть спасена. Неодухотворенная борьба за политическую власть сейчас лишь увеличивает ее болезнь, лишь усиливает разложение. Между тем как те, которые вели активную борьбу против революции и коммунизма, не имели великой идеи, которую они могли бы противопоставить идее коммунистической. И в Западной Европе невозможно активно идейное движение против большевизма, потому что не сознает она правды, во имя которой могла бы подняться в крестовый поход.

Мы переживаем состояние, схожее с падением Римской империи и античной цивилизации III века, когда только христианство духовно спасло мир от гибели и окончательного разложения. Варварские начала уже вошли в дряхлеющую и падающую культуру. Аристократические основы культуры потрясены. И необходима новая переработка варварской стихии, необходимо рождение света во тьме. Большевизм нельзя ликвидировать хорошей организацией кавалерийских дивизий. Кавалерийские дивизии сами по себе могут лишь усилить хаос и разложение. Они поддерживают то недолжное и опасное состояние, в котором власть создается лишь внешней военной силой, лишь солдатчиной. На этом пути и погибла Римская империя. Большевизм должен быть прежде всего преодолен изнутри духовно, а затем уже политически. Должен быть найден новый духовный принцип организации власти и культуры. Военный принцип в наши дни может стать и злым принципом, и необходимо искать выходов из его исключительного господства. Этому научает нас и нынешнее состояние Европы. Господство солдатчины грозит огрублением всей культуры и помимо большевиков. Вся европейская политика основана на насилии и лжи. И в Европе произошло страшное огрубение. Это мы видим и на таком интересном явлении, как фашизм. Итальянский фашизм вопреки распространенному мнению тоже был революцией, совершенной молодыми людьми, прошедшими школу войны, полными энергии и жажды преобладания в жизни. Эти молодые люди имеют психологическое сходство с советскими молодыми людьми, но энергия их направлена в другое русло и приняла не разрушительный, а созидательный характер. Мы живем в эпоху цезаризма. И значение будут иметь лишь люди типа Муссолини, единственного, быть может, творческого государственного деятеля Европы, который сумел подчинить себе и государственной идее воинствующе-насильнические инстинкты молодежи, дал выход энергии.

Я совсем не пацифист, наоборот, но бывают времена, когда необходимо восстать против того, чтобы исторические судьбы определялись исключительно военной силой. Россию

погубило превращение народа в войско. Войско разрушило государство. И спасти может только какой-то высший принцип. Буржуазно-капиталистический милитаризм сам себя разрушил, он уничтожил войну в старом благородном смысле слова. Войны роковым образом превратились в революции. И сейчас в мире все более и более побеждает тип революционных войн. Новые технические открытия грозят истреблением человечества. Нет, проблема большевизма не есть внешне-механическая проблема, разрешимая военной силой, это – прежде всего внутренне-духовная проблема. Нельзя исключительно военным путем освободить Россию и русский народ от большевиков как шайки разбойников, которая держит его связанным. Это – внешнее и поверхностное восприятие. Русский народ в огромной массе своей терпеть не может большевиков, но он находится в большевистском состоянии, во лжи. Это – парадокс, который должен быть понят до конца. Русский народ должен быть выведен из большевистского состояния, преодолеть в себе большевизм. Есть ли это проповедь пассивности в противоположность активности, которую проповедают те, которые хотят разрешить русскую трагедию исключительно военной силой? Когда падала Римская империя и рушился весь древний мир, Диоклетиан проявлял большую энергию, пытаясь укрепить империю. Но меньшую ли активность проявлял Бл. Августин и не принадлежит ли ему большее место во всемирной истории, чем Диоклетиану? Наше время есть прежде всего время дел, подобных делу Бл. Августина. Нам нужна вера и идея. Спасение ныне погибающих обществ пойдет от союзов и корпораций, имеющих крепкую основу, воодушевленных верою. Из них сложится новая ткань общества. Они должны укреплять связи в эпоху падения старых государств. А старые государства рушатся. Новая история кончается. И мы подходим к эпохе, аналогичной раннему средневековью. Реакционерами, людьми отсталыми должны быть признаны те, которые хотят удержаться на принципах новой истории, вернуться к идеям XIX века, хотя бы то была демократия, гуманистический социализм и пр. Революция, совершающаяся в

Европе, может производить впечатление реакции, как, например, фашизм. Но она, во всяком случае, направлена против начал новой истории, против бессодержательного либерализма, против индивидуализма, против юридического формализма.

Очень полезно в наши дни напомнить об идеях Ж. де Местра о революции, высказанных в его гениальной книге «*Considerations sur la France*»². Ему впервые удалось сказать что-то существенное о природе всякой революции. Революция – сатанична. В ней действуют не люди, а высшие силы. Революционеры лишь кажутся активными, в действительности они пассивны, они лишь орудие неведомой им силы. Но революции не только сатаничны, они также провиденциальны, они посылаются народам за их грехи, они есть искупление вины. Ж. де Местр не был человеком старого режима, дореволюционным человеком. Он понимал своеобразное величие революции, понимал ее роковой характер. Он, величайший идеолог реакции начала XIX века, глава теократической школы, роялист, думает, что революционеры, якобинцы действовали для славы Франции, в то время как контрреволюционеры, эмигранты хотели разделения Франции и победы над ней. Насильственную контрреволюцию де Местр признает решительным злом, он не хочет ее, он ждет терпеливо, чтобы созрела органическая почва для восстановления монархии. Ж. де Местр не любил эмигрантов эпохи французской революции и осуждал их, считал их деятельность ненациональной и непатриотической. Он настаивал на совершенном бессилии и ничтожестве французских эмигрантов. «Эмигранты ничто и не могут ничего». «Один из законов французской революций, что эмигранты ее могут атаковать лишь для собственного несчастья и совершенно исключены из какого бы то ни было дела, которое должно совершиться». «Они никогда ничего не предприняли, что бы удалось и даже что не было бы обращено против них. Они не только ничего не достигают, но и все, что они предпринимает, носит характер такого бессилия и ничтожества, что сложилось мнение о них как о людях, которые защища-

ют осужденное дело» (с. 124–125)³. Эмигранты «не должны более делать внешних усилий, быть может, даже желательно, чтобы их никогда не видели в угрожающей позе» (с. 127). «Эмигранты ничего не могут, и можно даже прибавить, что они ничто» (с. 128). Ж. де Местр, который имел такую устрашающую репутацию, был сторонником мягкой и бескровной, почти нежной контрреволюции, он решительный противник мести. У него есть также очень тонкая мысль, что не могут быть выразителями пореволюционной, контрреволюционной справедливости те, которые революцией обижены, так как они будут мстителями. «Самое большое несчастье, которое может случиться с деликатным человеком, это быть судьей убийцы своего отца, своего родственника, своего друга или похитителя своего имени. А это именно и случилось бы, если бы произошла контрреволюция такой, как ее ожидали; так как высшие судьи все почти принадлежали бы классу обиженному, и юстиция, даже если бы она только наказывала, имела бы вид мести». Вот изумительные по благородству слова, которые очень следует повторять в наши дни, когда жажда мести легко смешивается со справедливым судом. Де Местр тоже думал, что народ должен изжить горькие плоды революции и получить к ней отвращение, что революция должна сама себя пожрать. И он видит провиденциальную справедливость в том, что революционеры истребляют друг друга. Народы никогда не достигают того, к чему стремятся. И французская революция будет иметь положительное значение, но не то, которое пытались придать ей деятели революции. Сам Ж. де Местр был положительным результатом революции. Католическое и романтическое движение начала XIX века возможно было лишь после революции. Оно было настоящим завоеванием революции. Так будет и у нас. Положительным результатом революции будут религиозное углубление и возрождение. Начнется новая эпоха в христианстве, освобождена будет Церковь от власти государства. В суждениях пламенного революционера де Местра о революции была большая отрешенность. Об этих суждениях полезно напомнить в наше время. Но эмигра-

ция эпохи русской революции отличается от эмиграции эпохи французской революции. Страдания ее велики. Она более разнообразна, к ней принадлежит очень высокий культурный слой, и она может иметь большое положительное культурное значение, если преодолет в себе специфически эмигрантскую психологию. В русской эмиграции есть героически настроенная молодежь, способная к самоотвержению. Задачи русской эмиграции лежат прежде всего в области духовной и национально-культурной, а не политической. Но русская эмиграция пока не имеет вдохновляющих ее идей. Нельзя назвать идеей возврат к политическим формам, господствовавшим в недавнем прошлом или в жизни, или в сознании. Все старые политические формы, будь то монархия или демократия, отжили свое время и сами по себе не имеют цены.

Русская революция совершилась по Достоевскому. Он пророчески раскрыл ее идейную диалектику и дал ее образы. Достоевский понимал, что социализм в России есть религиозный вопрос, вопрос атеистический, что русская революционная интеллигенция совсем не политикой занята, а спасением человечества без Бога. И тем, которые хотят понять смысл русской революции, необходимо вдуматься в прозрения Достоевского. Можно открыть неисчислимое количество причин русской революции. Многие из этих причин бросаются всякому в глаза. Страшная война, которой духовно и материально не мог выдержать русский народ, слабое правосознание русского народа и отсутствие в нем настоящей культуры, земельная неустроенность русского крестьянства, зараженность русской интеллигенции ложными идеями – все это бесспорные причины русской революции. Но не на этих путях раскрывается основной смысл русской революции. Смысл этот раскрывается в ее духовном первофеномене. В историческом процессе действуют разнообразные причины, которые раскрывает историческая наука, но философия истории имеет своей целью раскрытие основных духовных феноменов, первофеноменов, в которых и нужно искать смысл исторических событий. Так,

для новой истории таким основным духовным феноменом являются гуманизм и его внутренняя диалектика. Он и лежит в основе французской революции, хотя она имела свои многообразные специфические причины. И вот я утверждаю, что в основе русской революции, разыгравшейся в полуазиатской, полуварварской стихии и в атмосфере разложившейся войны, лежит религиозный факт, связанный с религиозной природой русского народа. Русский народ не может создать срединного гуманистического царства, он не хочет правового государства в европейском смысле этого слова. Это – аполитический народ по строению своего духа, он устремлен к концу истории, к осуществлению Царства Божьего. Он хочет или Царства Божьего, братства во Христе, или товарищества в антихристе, царства князя мира сего. В русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада, отрешенность, он не чувствовал исключительной прикованности и привязанности к земным вещам, к собственности, к семье, к государству, к своим правам, к своей мебели, к внешнему бытовому укладу. Русский народ приковывался к земной жизни грехом, и грехи его были не меньше, даже больше, чем у народов Европы. Русский народ, вероятно, менее честный и добропорядочный народ, чем народы Запада. Но народы Запада добродетелями своими прикованы к земной жизни и к земным благам. Русский же народ добродетелями своими отрешен от земли и обращен к небу. В этом духовно воспитало его Православие. Европейский человек считает свою собственность священной и не позволит без жестокой борьбы отнять ее у себя. У него есть идеология, оправдывающая его отношение к земным благам. Русский человек, даже если грех корыстолюбия и стяжательства овладел его природой, не считает своей собственности священной, не имеет идеологического оправдания своего обладания материальными благами жизни и в глубине души думает, что лучше уйти в монастырь или сделаться странником. Легкость низвержения собственности в России произошла не только от слабости правосознания в русском народе и недостатке буржуазной честности, но от исключительной отрешен-

ности русского человека от земных благ. То, что европейскому буржуа представлялось добродетелью, то русскому человеку представлялось грехом. И русский помещик никогда не был до конца уверен, что он по правде владеет своей землей. Не случайно А. С. Хомяков думал, что он владеет землями лишь по поручению народа управлять ими. И русский купец думал, что нажился он нечистыми способами и раньше или позже должен покаяться. Православие внушало идею обязанности, а не идею права. Обязанности не исполняли по греховности, право же не считали добродетелью. Буржуазная идеология никогда не имела у нас силы и не владела русскими сердцами. У нас никогда не было идейно приличного обоснования прав буржуазных классов и буржуазного строя. Буржуазный строй у нас, в сущности, почти не считали грехом, – не только революционеры-социалисты, но и славянофилы и русские религиозные люди, и все русские писатели, даже сама русская буржуазия, всегда чувствовавшая себя нравственно униженной.

И европейского буржуа нельзя противопоставить русскому коммунисту. По духовному складу русского народа, русского человека так нельзя победить коммунизм, нельзя победить его буржуазными идеями и буржуазным строем. Такова Россия, таково призвание русского народа в мире. Хомяков и К. Леонтьев, Достоевский и Л. Толстой, Владимир Соловьев и Н. Федоров низвергают буржуазный строй и буржуазный дух не менее, чем русские революционеры, социалисты и коммунисты. Такова русская идея. И русским патриотам следует ее познать. Русский религиозный человек сознает, что перед лицом Божиим европейский буржуа не лучше, чем русский коммунист. И не может русский человек хотеть, чтобы на место коммуниста пришел европейский буржуа. Он не соглашается заменить коммунистические пороки буржуазными добродетелями, ибо добродетели эти он низвергает. Секуляризованная культура, добропорядочная и благоустроенная цивилизация не соблазняют русского человека, русского религиозного человека. Поэтому и социализм у нас носит сакральный характер, есть лжецерковь и лжетеократия. Русские люди всегда духов-

но противились власти буржуазно-мещанской цивилизации XIX века, не любили ее, видели в ней умаление духа. В этом Герцен и Леонтьев сходятся. И нельзя русским людям привить немецкий или французский патриотизм, западноевропейский национализм. Многие русские патриоты и националисты выглядят безнадежными инородцами, чуждыми душе России. Все это нужно помнить, чтобы понять характер русской революции. У нас никогда не было буржуазной идеологии. Никогда не было у нас и идеологии государственной. Катков не был характерным для России мыслителем. Русский дух не может признать верховенство государственной идеи, она всегда будет занимать подчиненное место, а часто и совсем отсутствовать. Русским людям присущ своеобразный анархизм. Русский народ устремлен к Царству Божьему, и этим объясняются не только его добродетели, но и многие его пороки. Ибо Царство Божье нудится и есть бремя послушания миру, которое должен нести человек на земле, есть долг в отношении к историческому процессу, который русские люди часто забывают. Вот почему наша несчастная и безобразная революция должна быть признана национальной. Душа русского человека устремлена к Царству Божьему, но она легко поддается соблазнам, подменам и смещениям, легко попадает во власть царства лжи. И царство лжи и подмены воцарилось в России. В большевиках есть что-то запредельное, потустороннее. Этим жутки они. Магические токи и энергия исходят из самого среднего большевика. За каждым большевиком стоит коллективная намагниченная среда, и она повергает русский народ в магнетический сон, заключает русский народ в магический круг. Нужно расколдовать Россию. Вот главная задача.

Русскую революцию нужно пережить духовно углубленно. Должен наступить катарсис, внутреннее очищение. Тот не пережил духовно революцию, кто пережил ее корыстно, кто хочет возвращения себе утерянного имущества, кто полон злобы и жаждет возмездия. Это – телесное, а не духовное – переживание революции, обывательское к ней отношение. Не ду-

ховно пережил революцию тот, кто к ней приспособился, не сумел отстоять в ней свободу своего духа, и тот, кто мечтает о реставрации старой, дореволюционной жизни, полный злобы и мести, не сознает своего собственного греха. Лишь подлинное покаяние делает переживание революции духовным. Через тайну и таинство покаяния раскрывается новая жизнь. Только покаяние освобождает от власти темного прошлого, от давящих его призраков. Психология христианского покаяния прямо противоположна не только психологии революционной, но и психологии реставрационной, всегда мстительно-злой. Жажда мести и жажда реставрации старой греховной жизни совсем не совместима с покаянием, всегда обращенным к новой жизни, это состояние нераскаявшихся грешников. Духовное и углубленное переживание революции должно признать глубокую серьезность переживаемого кризиса, русского и мирового. Нельзя продолжать делать вид, что ничего особенного не случилось, что произошло лишь буйство, безобразие и скандал, которому легко положить предел полицейско-военными мерами. Нет ничего более жалкого, как самоутешение людей, выбитых из первых рядов жизни, выражающееся в отрицании самого факта революции, в желании назвать ее смутой и бунтом. Я думаю, что не только произошла революция в России, но происходит и мировая революция. Происходит мировой кризис, подобный падению античного мира. И желать возвращения к тому состоянию мира, которое было до катастрофы мировой войны, значит совершенно не отдавать себе отчета в том, что происходит, не иметь исторической перспективы. Изжиты основы целой исторической эпохи. Все основы жизни потрясены. Обнаружились ложь и гнилость тех основ, на которых покоилось цивилизованное общество XIX и XX веков. И эти основы, которые в гниении своем породили страшные войны и революции, хотят реставрировать, вожделеют этой греховной и дурной жизни. Ужасен прогрессивный паралич, но не менее ужасен сифилис, на почве которого он произошел. И в России, и в Европе нет возврата к довоенной и дореволюционной жизни и не должно быть. Если бы совершился этот

возврат, то страдания и муки наших дней не имели бы смысла и оправдания. Дурное реакционерство и есть желание возврата к недавнему прошлому. Революция не создает новой, лучшей жизни, в ней совершается лишь гниение старой, греховной жизни. Но духовно пережитый опыт войны и революции должен обратить к новой, лучшей жизни. Это каждый духовно просветленный человек должен решить для себя независимо от того, оптимистически или пессимистически он смотрит на историческое будущее. Новая, лучшая жизнь есть прежде всего духовная жизнь. И каждый должен сказать себе: *fais ce que tu dois, advient ce qui pourra*⁴. Нет возврата к старому интеллигентному либерализму, народничеству, социализму, как нет возврата к старой монархии, старому дворянскому быту. Мы должны желать новой, лучшей жизни, осуществления права.

Кончилась барская, господская Россия, и все тленное и грешное в ней не должно быть возрождено. Вечное же в старой России неистребимо и должно войти во всякую новую жизнь. В аристократии есть вечное начало, и мир не мог бы существовать без аристократии. Но русскому дворянству как классу и сословию никогда не будет возвращено то социальное значение, которое оно имело в прошлом. Возделеть этого – значит наполнять свое сердце злобой и ненавистью. Никогда не вернет себе старого своего положения и русская буржуазия. В этом отношении произошел не внешний, а внутренний переворот. Революции совершаются не только для социальных интересов низших классов общества, но и для того, чтобы перестали говорить «ты» и начали говорить «вы». В этом отношении у нас случился бесповоротный бытовой переворот. Барско-господское отношение к народу более невозможно. Замена «ты» на «вы» и будет, вероятно, единственным бытовым завоеванием революции. Еще более глубокой революцией было бы, если бы все начали говорить друг другу «ты». Но к этому не ведут внешние революции, этого не могла достигнуть французская революция, хотя и пыталась. Отныне аристократия должна оставаться благородством породы. В России разрушена структура социальных классов. И это было легко сделать, потому что у нас ни-

когда не было сильных социальных классов. Но нужно отдать себе отчет в том, что в России сейчас все классы уничтожены, кроме крестьянства. Дворянства и буржуазии как социальных классов в России больше не существует. Коммунистическая революция уничтожила попутно и рабочий класс. Кроме крестьянства существуют лишь советская бюрократия и угнетенная интеллигенция. И совершенно непонятно, на какие слои думает опереться реставрация. Но в России образовался новый слой, не столько социальный, сколько антропологический слой. В русской революции победил новый антропологический тип. Произошел подбор биологически сильнейших, и они выдвинулись в первые ряды жизни. Появился молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззащитный. Его можно повсюду узнать, он повсюду господствует. Это он стремительно мчится на автомобиле, сокрушая все и вся на пути своем, он заседает на ответственных советских местах, он расстреливает, он наживается на революции. Этот молодой человек, внешне мало похожий и даже во всем противоположный старому типу революционера, или коммунист, или приспособился к коммунизму и стоит на советской платформе. Он заявляет себя хозяином жизни, строителем будущей России. Старые большевики, русские интеллигенты-революционеры боятся этого нового типа и предчувствуют в нем гибель коммунистической идеи, но должны с ним считаться. Чека также держится этими молодыми людьми. Это – новый русский буржуа, господин жизни, но это не социальный класс. Это прежде всего новый антропологический тип. В России, в русском народе что-то до неузнаваемости изменилось, изменилось выражение русского лица. Таких лиц прежде не было в России. Новый молодой человек – не русский, а интернациональный по своему типу. В России появился вкус к силе и власти, буржуазный вкус, которого у нас не было и рождения которого хотели наши буржуазные идеологи и который должны были бы теперь приветствовать. Война сделала возможным

появление этого типа, она была школой, выработавшей этих молодых людей. Дети, внуки этих молодых людей будут уже производить впечатление солидных буржуа, господ жизни. Эти господа проберутся к первым местам жизни через деятельность Чека, совершив неисчислимое количество расстрелов. И кровь не остановит их в осуществлении своей похоти жизни и похоти власти. Самая зловещая фигура в России – это не фигура старого коммуниста, обреченная на смерть, а фигура этого молодого человека. В ней может быть загублена душа России, призвание русского народа. Этот новый антропологический тип может свергнуть коммунизм, он может обернуться русским фашизмом. Но от этого еще не будет большой радости. Все дело не в поверхности жизни, именуемой коммунизмом и советской властью, а во внутренних процессах, совершающихся в России. Страшно именно то, что в коммунистической революции Россия делается впервые буржуазной, мещанской страной, какой она никогда не была. Ловкие, беззастенчивые и энергичные дельцы мира сего выдвинулись и заявили свои права быть господами жизни. Им неведома уже будет русская тоска по Небесному Иерусалиму. Царская, дворянская, мужицкая, монашеская, странническая и интеллигентская Россия никогда не была буржуазным мещанским царством. То, чего так безумно боялся К. Леонтьев, совершилось. И об этом нужно глубже задуматься, чем о способах свержения советской власти. Русская эмиграция недостаточно понимает, что русский вопрос совсем не в кучке большевиков, стоящих у власти, которую можно было бы свергнуть, а в огромном слое новых людей, пришедших к господству в жизни, которых свергнуть не так легко. Коммунистическая революция есть прежде всего материализация русской жизни, парадоксально связанная с развоплощением исторических тел. Коммунизм есть борьба против духа и духовной жизни. И его моральные последствия более ужасны, чем последствия государственные, правовые и экономические, они будут длительнее. Россия переживает эпоху деморализации, погони за наслаждениями жизни, аналогичную эпохе директории. Материализация и деморализация

захватили не только коммунистов, этот процесс гораздо шире. Русские люди привыкают к рабству, им более не нужна свобода, они предали свободу духа за внешние блага. Черное чувство зависти становится определяющей силой мира. И трудно остановить его возрастающую власть.

В России прерывается культурная традиция. Предстоит страшное понижение уровня культуры, качества культуры. Россия в преобладающей своей части сделается царством цивилизованного крестьянства. Новая русская буржуазия, под которой следует понимать не класс фабрикантов и банкиров, а победоносный социально-антропологический тип, предъявит спрос на техническую цивилизацию, но не будет нуждаться в высшей культуре, всегда аристократической. Процесс варваризации у нас неотвратимо должен произойти. Мы можем утешать себя тем, что после войны варваризация должна произойти и происходит частично и повсюду в Европе. Революция разбила не только русское дворянство, но и русскую интеллигенцию в старом смысле слова. Интеллигенция столетие мечтала о революции и готовила ее. Но осуществление революции оказалось ее гибелью, ее собственным концом. Одна часть интеллигенции стала властью, другая же ее часть была выброшена за борт жизни. Революция изобличила ложность идеологии, которой жила интеллигенция. Должна народиться новая народная интеллигенция, но она будет очень понижена в своем культурном уровне, ей не свойственны будут высшие запросы духа. Ведь и интеллигенция Чернышевского была уже значительным понижением культурного уровня по сравнению с интеллигенцией Чаадаева, Хомякова и Герцена. Когда русский мужик пожелает устроить свою жизнь, ему не понадобятся ни с.-р., ни кадеты, ни правые, он сам устроится. Грядущий образ России двоятся, он не может быть воспринят целостно. Старая, великая Россия была полна великих контрастов и полярных противоположностей. И все же был у нее целостный образ. Одна и та же Россия чувствовалась на вершинах русской культуры, у великих русских писателей и в самых темных недрах народной стихии. Этого, по-видимому,

более не будет. В России как бы происходит разделение на два царства. Качественно будет продолжаться существовать вечная Россия, Россия духовная, призванная сказать свое слово в конце истории, но количественно, может быть, будет преобладать Россия безбожной цивилизации. Но и повсюду в мире должно произойти разделение и повсюду, по-видимости, могут побеждать враждебные Христову духу начала. Наши усилия должны быть направлены к победе вечной, качественной России, и усилия эти не пропадут в нравственном миропорядке.

Старая интеллигентски-революционная психология теперь перешла к контрреволюционным эмигрантским кругам. Те чувства, которые раньше были направлены на самодержавие, переносятся на большевиков. Большевизм для русской интеллигенции заменил самодержавие и исполняет его роль. Подобно тому как раньше думали, что настоящая жизнь начнется лишь после крушения самодержавия, так и теперь думают, что настоящая жизнь начнется лишь после крушения большевизма. Так вся жизнь ставится в исключительно внешнюю перспективу, все ожидания связаны исключительно с внешним политическим переворотом. Контрреволюционная в отношении к большевистской революции интеллигенция осталась по психологии своей старолиберальной и старорадикальной. Но ничего нет бесплоднее в нашу эпоху, чем такого рода либерализм или радикализм. И опять следует напоминать о правде старых «Вех», эта правда остается в силе и при большевиках. Она прежде всего заключается в том, что жизнь определяется изнутри и духовно, а не извне и политически, как думают революционеры и подобные им контрреволюционеры, она призывает к духовной работе и нравственному оздоровлению. Нельзя верить в спасительность политических форм, демократических или монархических. Спасает дух, который создает свои новые формы. Для нового вина нужны новые меха. Легитимизм, все равно монархический или демократический, есть мертвая идея в катастрофические периоды истории. Монархия, да еще насильно навязанная народу, не может быть конкретной задачей в нашу эпоху и для монархистов.

Революция нанесла тяжелые раны России, от которых она с трудом сможет оправиться. Но в одном отношении революция будет иметь положительные результаты: она послужит делу возрождения Церкви и религиозной жизни в России. Революция всегда помогает проявить действительно религиозное состояние народа. В жизни религиозной у нас накопилось много лжи и лицемерия. Внешнебытовое и корыстно-утилитарное отношение к Православной Церкви преобладало у слишком многих. Авторитет косного православного быта должен быть разбит. У верхнего нашего слоя, у дворянства и бюрократии религиозность не была глубокой и христианство не принималось достаточно всерьез. Религиозность саддукеев всегда носит характер государственный, и в ней перспективы жизни временной всегда побеждают перспективы жизни вечной. В церковной жизни нашей были заметны признаки омертвения. Революция рассеяла лживую атмосферу вокруг Церкви и разрыхлила почву, на которой возгорается религиозный свет. В атмосфере революции нет уже никаких оснований притворяться православным, нет уже никаких внешних выгод от Церкви и государственная религиозность не имеет места. Революция изначально носит характер антирелигиозный и антихристианский. Она гонит христианство, и гонения эти приобрели безобразный характер. Но гонения никогда не были страшны для христианства. Гонение для Церкви лучше, чем насильническое покровительство. В гонениях христианство крепло и возрастало. Христианство есть религия распятой правды. Религиозные гонения революционной эпохи производят качественный отбор. Церковь потеряет в количестве, но выиграет в качестве. Христианство вновь требует от верных сынов своих жертвоспособности. И эта жертвоспособность в стихии революции была проявлена. Русские православные священники в лучшей своей части остались верны святыне, мужественно защищали Православие, мужественно шли на расстрел. Христиане показали, что умеют умирать. Русская Православная Церковь внешне унижена и растерзана, но внутренне возросла и возвеличена. Она имеет мучеников. Право-

славная Церковь показала, что внутреннее единство ее, внутренний свет ее и мистические основы ее остаются незыблемы и после того, как внешнее церковное управление и внешний строй Церкви разрушен. В России, несомненно, происходит церковное углубление. Русские люди, претерпевшие величайшие испытания, живут в религиозно-напряженной атмосфере. Суровость и серьезность жизни, близость смерти, падение всех внешних иллюзий и утеря тех внешних вещей, которые порабащают человеческий дух, – все это обращают к Богу и духовной жизни. Интеллигенция, которая столетие была враждебна вере и проповедовала тот атеизм, который ее привел к революции, начинает обращаться к религии. Это – новое явление. И в самой России это движение к религиозной жизни не носит корыстного характера, не связано с реставрационными планами и жаждой вернуть себе утерянные блага жизни. Русские люди пережили подлинный духовный опыт, изменили свое отношение к благам жизни. К сожалению, нужно сказать, что русская Православная Церковь на Западе за рубежом нередко подвергается угнетению и засилию правых политических партий, воспроизводящих в малом масштабе старые отношения Церкви и государства. На почве утилитарно-политического отношения в Церкви не будет ни возрождения Церкви, ни возрождения России. Церковь не может себя связать с какой-либо застывшей политической формой. Только бескорыстно-духовное отношение к Церкви, только согласие на жертвы и на отказ от привилегированных благ жизни могут вести к религиозному возрождению и спасению нашей Родины. Теперь не время ни для саддукеев, ни для фарисеев. Теперь время реализации в жизни евангельской истины. Будущее России зависит от религиозных верований русского народа. Это должны осознать все политики и покориться этой истине. Лучший из русских старцев накануне моей высылки из России рассказал мне, как к нему ходили каяться коммунисты и красноармейцы, и говорил, что надеется не на Деникина и Врангеля, а на действие духа Божьего в самом грешном русском народе. Это не только религиозно, но и национально более авторитетный голос,

чем голоса тех русских эмигрантов, которые почитают себя националистами и патриотами, но в русский народ не верят. Слова старца прозвучали как голос из иного мира, в котором нет «правых» и «левых», нет борьбы политических партий за власть и борьбы классов за свои материальные интересы. И мы сами должны обратиться к иному миру, чтобы в нем найти критерии для наших оценок и энергию для наших дел. Должно быть религиозно преодолено ложное идолопоклонство перед государством и национальностью.

Нельзя, невозможно и недолжно поставить себя вне России и русского народа, вне его единой судьбы. Произошло обобществление человеческой судьбы, и нет уже судьбы индивидуально-изолированной. Индивидуализм кончен. С русским народом и русской землей нужно до конца претерпеть все испытания и все страдания. Россия прежде всего там, где русская земля и русский народ. И само прикосновение к русской земле есть уже начало исцеления и обретения истоков жизни. Вот почему психология специфически эмигрантская есть греховная психология, убивающая источники жизни. Ее может и не быть у русских людей, живущих за границей. Спасена Россия может лишь изнутри, лишь через жизненные процессы, протекающие в самой России. Народ не хочет умирать и спасает себя жизнью. Большевицкая власть к жизни должна приспособляться. В советское строительство верить нельзя. Оно ужаснее и кошмарнее советского разрушения. Это – система Шигалева, система скотоводства, примененная к людям.

Большевики лишь внешне поражают своей силой. Но они до ужаса бездарны, и на делах их лежит печать пошлости и скуки. Они имитируют людей власти. Но русский народ за всем этим и несмотря на все это живет, он остался великим и одаренным народом. В недрах России, в ее первичных истоках происходят молекулярные процессы, которые и приведут к ее спасению. И вы сами можете быть участниками этих жизненных процессов и изменять их результаты, если вы духовно чувствуете себя внутри русского народа и русской земли. Нет ничего безнравственнее принципа: чем хуже, тем лучше.

Он возможен лишь для тех, которые чувствуют себя вне того, чему будет хуже или лучше. Кто с Россией, русской землей и русским народом, тот может лишь желать, чтобы ему было лучше. Да и конец большевизма придет от улучшения, а не от ухудшения положения России. Гнет голода и нищеты укрепляет большевиков. Жизнь в самой России есть мука, согласие на жертву и подвиг, на унижение. Но этой мукой, жертвой и подвигом спасается Россия. Самый факт жизни в советской России есть уже непрерывная духовная активность, духовное противление тем ядам, которые отравляют дыхание. Коммунистическая власть принуждает к повиновению голодом и подкупом. И слабым людям трудно устоять. Странно вспомнить о жалобах и негодованиях на отсутствие свободы и тиранию в старом строе. Тогда все-таки была огромная свобода по сравнению со строем советским. Все произойдет иначе, чем думает большая часть эмигрантов и представителей политических партий. Много неожиданностей предстоит. И освобождение придет не оттуда, откуда его ждут люди, а откуда его пошлет Бог. Нельзя ждать спасения от Европы, которой нет дела до нас и которая сама агонизирует. Нельзя изнасиловать русский народ, нужно способствовать его перерождению изнутри. Революция должна сама себя изжить, истребить себя. И то, что большевизм так долго существует, что он не был внешне и насильственно свергнут, имеет и хорошую сторону. Коммунистическая идея сама себя опозорила, она не может уже иметь никакого ореола, яд не может войти внутрь. Процесс выздоровления есть медленный, но органический процесс. Это есть прежде всего искупление от духа лжи, выход из царства призраков и фантомов к реальностям. Сейчас более всего необходимо утверждать примат духовной активности над политической. Необходимо духовно бороться с кровавым кошмаром, охватившим мир. Исключительное преобладание политики увеличивает этот кошмар и усиливает жажду крови. Теперь нужно спасать свободу человеческого духа. Опять перед христианскими народами стоит вопрос о том, принимают ли они всерьез свое христианство и хотят ли направить свою волю к его осуществлению. Если

христианские народы не сделают величайшего напряжения духа для осуществления христианского пути, если не проявят величайшей активности, то в мире будет торжествовать атеистический коммунизм. Свободный же дух должен действовать независимо от того, какие силы преобладают и торжествуют. Христианство возвращается к состоянию до Константина и должно вновь завоевывать мир.

Демократия, социализм и теократия

I

Меня интересуют духовные первоосновы демократии и социализма, и поэтому я сделаю предметом своего исследования не многообразные формы полудемократии и полусоциализма, а предельные выражения этих типов, их «идеи». Существуют разнообразные переходные формы между демократией и социализмом, их сближения и сочетания. Существуют многочисленные партии, которые именуют себя социал-демократическими. Но правы были большевики, когда они отменили наименование социал-демократов и дали себе имя коммунистов, т. е. вернулись к «Коммунистическому манифесту». Маркс был коммунистом. Он не был социал-демократом. И никогда Маркс не был демократом. Пафос его существенно антидемократический. «Научный» социализм возник и вошел в мысль и жизнь народов Европы не как демократическое учение. Также не демократичен и антидемократичен был и утопический социализм Сен-Симона, который был реакцией против французской революции и во многом родственен был духу Ж. де Местра. Демократия и социализм принципиально противоположны. Русские коммунисты правы в этом своем утверждении. Демократический социализм жоресовского типа, обосновываемый в рамках декларации прав человека и гражданина, не есть настоящий социализм. Это – полусоциализм, не чисто выражающий социалистическую идею. Наши

социалисты-революционеры и правые меньшевики тоже, скорее, левые демократы, чем социалисты.

Демократия носит формальный характер, она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания. Демократия не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели. В тот момент как демократия познает цель, к которой должна стремиться воля народа, обретет достойный предмет для своей воли, наполнится положительным содержанием, она должна будет эту цель, этот предмет, это содержание поставить выше самого формального принципа волеизъявления, положить в основу общества. Но демократия знает только формальный принцип волеизъявления, которым дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинять. Демократия безразлична к направлению и содержанию народной воли и не имеет в себе никаких критериев для определения истинности или ложности направления, в котором изъясняется народная воля, для определения качеств народной воли. Народовластие – беспредметно, оно не направлено ни на какой объект. Демократия остается равнодушной к добру и злу. Она – терпима, потому что индифферентна, потому что потеряла веру в истину, бессильна избрать истину. Демократия – скептическая, она возникает в скептический век, век безверия, когда народы утратили твердые критерии истины и бессильны исповедовать какую-либо абсолютную истину. Демократия есть крайний релятивизм, отрицание всего абсолютного. Демократия не знает истины, и потому она предоставляет раскрытие истины решению большинства голосов. Признание власти количества, поклонение всеобщему голосованию возможны лишь при неверии в истину и незнании истины. Верующий в истину и знающий истину не отдает ее на растерзание количественного большинства. Демократия носит секулярный характер, и она противоположна всему сакральному обществу, потому что она формально бессодержательна и скептическая. Истина сакральна, и общество, обоснованное на истине, не

может быть исключительно секулярным обществом. Секулярная демократия означает отпадение от онтологических основ общества, отпадение общества человеческого от Истины. Она хочет политически устроить человеческое общество так, как будто Истины не существовало бы, – это основное предположение чистой демократии. И в этом коренная ложь демократии. В основе демократической идеи лежит гуманистическое самоутверждение человека. Человеческая воля должна направлять человеческие общества, и нужно устранить все, что мешает изъявлению этой человеческой воли и окончательному ее господству. Этим отрицаются духовные основы общества, лежащие глубже формального человеческого волеизъявления, и опрокидывается весь иерархический строй общества. Демократия есть психологизм, противоположный всякому онтологизму.

Предпосылкой демократии является крайний оптимизм. Скептицизм демократического общества – оптимистический, а не пессимистический скептицизм. Демократия не приходит в отчаяние от утери Истины. Она верит, что изъявление воли большинства, механический подсчет голосов всегда должны вести к добрым результатам. Формальное изъявление воли народа ведет к какой-то правде, порождает какое-то благо. В основе демократии лежит оптимистическая предпосылка о естественной доброте и благостности человеческой природы. Духовным отцом демократии был Ж.-Ж. Руссо, и оптимистические представления его о человеческой природе передались демократическим идеологиям. Демократия не хочет знать радикального зла человеческой природы. Она как будто бы не предусматривает того, что воля народа может направиться ко злу, что большинство может стоять за неправду и ложь, а истина и правда могут остаться достоянием небольшого меньшинства. В демократии нет никаких гарантий того, что воля народа будет направлена к добру, что воля народа пожелает свободы и не пожелает истребить всякую свободу без остатка. Во французской революции революционная демократия, начавшая с провозглашения прав и свободы человека,

в 1793 году не оставила никаких свобод, истребила свободу без остатка. Воля человеческая, воля народная во зле лежит, и, когда воля эта, самоутверждающаяся, ничему не подчиненная и не просветленная, притязает самодержавно определять судьбы человеческих обществ, она легко сбивается на путь гонения против истины, отрицания всякой правды и угашения всякой свободы духа. Демократия возникла из пафоса свободы, из признания неотъемлемых прав каждого человека, и правдой демократии как будто бы является утверждение свободы совести, свободы выбора. Указывают защитники демократии на то, что демократия духовно родилась в провозглашении свободы совести религиозными обществами эпохи Реформации в Англии. Но формально бессодержательное и негативное понимание свободы таило в себе яд, который разъедал исторические демократии и уготовлял в них гибель свободы духа. Руссо отрицал свободу совести в принципе. Робеспьер истреблял ее на деле. Самодержавный народ может насиловать совесть людей, может лишать какой угодно свободы. Токвиль и Милль, которых нельзя назвать врагами демократии, с большим беспокойством говорят об опасностях, которые несет с собой демократия, об опасностях для свободы человека, для индивидуальности человека. Демократия индивидуалистична по своей основе, но по роковой своей диалектике она ведет к антииндивидуализму, к нивелированию человеческих индивидуальностей. Демократия – свободолюбива, но это свободолюбие возникает не из уважения к человеческому духу и человеческой индивидуальности, это – свободолюбие равнодушных к истине. Демократия бывает фанатической лишь в стихии революции. В мирном, нормальном бытии своем она чужда всякого фанатизма и она находит тысячу мирных и неприметных способов нивелировать человеческие индивидуальности и угасить свободу духа. Истинной свободы духа, быть может, было больше в те времена, когда пылали костры инквизиции, чем в современных буржуазно-демократических республиках, отрицающих дух и религиозную совесть. Формальное, скептическое свобододо-

любие много сделало для истребления своеобразия человеческой индивидуальности. Демократии не означают непременно свободы духа, свободы выбора, этой свободы может быть больше в обществах не демократических.

Демократия возникает, когда распадается органическое единство народной воли, когда атомизируется общество, когда гибнут народные верования, соединявшие народ в единое целое. Идеология, признающая верховенство и самодержавие народной воли, возникает тогда, когда народной воли уже нет. Демократия есть идеология критической, а не органической эпохи в жизни человеческих обществ. Демократия и ставит своей целью собрать распавшуюся народную волю. Но человеческая личность есть для нее отвлеченный атом, равный всякому другому, и задача воссоединения людей есть механическая задача. Демократия в силах только механически суммировать волю всех, но общей воли, органической воли народа от этого не получается. Органическая воля народа не может быть арифметически выражена, она обнаружима никаким подсчетом голосов. Воля эта обнаруживается во всей исторической жизни народа, во всем складе его культуры, и прежде всего и более всего она находит себе выражение в религиозной жизни народа. Вне органической религиозной почвы, вне единства религиозных верований не существует единой, общей воли народа. Когда падает народная воля, народ распадается на атомы. И из атомов нельзя воссоздать никакого единства, никакой общности. Остается только механическая сумма большинства и меньшинства. Происходит борьба партий, борьба социальных классов и групп, и образуется равнодействующая в этой борьбе. Демократия и есть арена борьбы, столкновение интересов и направлений. В ней все непрочно, все нетвердо, нет единства и устойчивости. Это – вечное переходное состояние. Демократия создает парламент, самое неорганическое из образований, орган диктатуры политических партий. Все кратковременно в демократическом обществе, все устремлено к чему-то, выходящему за пределы самой демократии. Под-

линая онтологическая жизнь находится за пределами демократии. Демократия слишком задерживается на формально бессодержательном моменте свободы выбора. Монархисты и социалисты с разных сторон подтачивают жизнь демократических обществ и требуют, чтобы выбор наконец совершился, чтобы содержание было найдено. Демократия признает суверенным и самодержавным народ, но народа она не знает, в демократиях нет народа. То оторванное человеческое поколение очень краткого отрывка исторического времени, исключительно современное поколение, даже не все оно, а какая-то часть его, возомнившая себя вершительницей исторических судеб, не может быть названо народом.

Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы, и деды наши. Воля русского народа есть воля тысячелетнего народа, который через Владимира Св. принял христианство, который собирал Россию при Великих Князях Московских, который нашел выход из смутной эпохи, прорубил окно в Европу при Петре Великом, который выдвинул великих святых и подвижников и чтит их, создал великое государство и культуру, великую русскую литературу. Это не есть воля нашего поколения, оторвавшегося от поколений предыдущих. Самомнение и самоутверждение современного поколения, превозношение его над умершими отцами и есть коренная ложь демократии. Это есть разрыв прошлого, настоящего и будущего, отрицание вечности, поклонение истребляющему потоку времени. В определении судьбы России должен быть услышан голос всего русского народа, всех его поколений, а не только поколения живущего. И потому в волю народа, в общую волю, органическую волю входят историческое предание и традиция, историческая память о поколениях, отошедших в вечность. Демократия не хочет этого знать, и потому она не знает воли народа, а знает лишь механическое суммирование воли ничтожной кучки современников. Кризис демократии давно уже начался. Первое разочарование принесла с собой французская революция, которая не

осуществила своих обетований. Новейшие демократии стоят на перепутье в мучительном бессилии и недовольстве. Они растерзаны внутренним раздором. В демократических обществах нет ничего органического, ничего прочного, ничего от духа вечности. Они свободолюбивы лишь в смысле равнодушия к добру и злу, к истине и лжи. Рождаются сомнения во всеобщем избирательном праве, совершенно механическом, рассматривающем человека как бескачественный атом. Ищут выхода в корпоративном представительстве, в возвращении к средневековому цеховому началу. Так думают обрести органические единства, в которых человек не будет уже оторванным атомом. Разочарование в демократии и кризис ее связаны с ее бессодержательно-формальным характером. Начинаются мучительные искания содержания народной воли, искания праведной, истинной, святой народной воли. Важно не то, чтобы народная воля, воля всех была формально изъявлена и количественное большинство определило судьбы общества согласно любому направлению этой воли. Важно, на что направлена воля народа, важно качество этой воли. Социализм подвергает пессимистической критике демократию, скрывает ее бессодержательность и переходит к определенному качественному содержанию. Он знает тот избранный народ, который хочет осуществления социальной правды, который имеет предметную направленность. Социализм выдвигает начало, диаметрально противоположное демократии.

II

Социализм, в противоположность демократии, носит характер материально-содержательный, он знает, чего хочет, имеет предмет устремления. Он не безразличен к тому, на что направлена народная воля, и не претендует на знание истины, и потому он не отдает решение вопроса об истине механическому большинству голосов. По психологическому типу своему социализм не скептичен. Социализм есть вера, он претендует быть новой верой для человечества. Утопический

социализм Сен-Симона и научный социализм Карла Маркса одинаково выступают с религиозными притязаниями, хотят дать целостное отношение к жизни, решить все вопросы жизни. Установка воли в социализме иная, чем в демократии, более напряженная, более цельная и централизованная, направленная к единому всеохватывающему предмету. Социализм по природе своей не может допустить парламента мнений, свободной арены борьбы партий и интересов, которую так любит скептическая демократия. Социализм ищет и находит народную волю, обладающую истинным содержанием, праведную волю, святую волю. Социализм утверждает не формальный суверенитет народа, нации, а материальный суверенитет избранного класса, воля которого обладает особенными качествами. Социализм имеет мессианский характер. Существует избранный класс – пролетариат, класс-мессия, он чист от первородного греха, в котором зачиналось все в истории, который лежит в основании всей культуры, «буржуазной» культуры, – греха эксплуатации человека человеком, класса классом. Этот мессианский класс и есть зачаток истинного человечества, грядущего человечества, в котором не будет уже эксплуатации. Пролетариат – новый Израиль. Все атрибуты избранного народа Божьего переносятся на этот мессианский класс. Он должен быть избавителем и освободителем человечества, он должен осуществить Царство Божье на земле. Древний еврейский хилиазм в секуляризованной форме вновь повторяется в поздний час истории. Избранный класс осуществляет наконец-то обетованное земное царство, блаженство во Израиле, которое не осуществил Мессия-Распятый. Это и есть тот новый мессия, устроитель земного царства, во имя которого был отвергнут старый Мессия, возвестивший царство не от мира сего. Суверенитет пролетариата противопоставляется суверенитету народа. Пролетариат и есть истинный народ, справедливый народ, обладающий всеми качествами, гарантирующими направленность воли к высшему типу жизни. Только пролетариату в нашу эпоху присуща подлинная жизнь, максимум жизни. Это – побеж-

дающий, а не только угнетенный класс, он развернет высшую мощь человечества, овладеет окончательно стихиями природы, максимально разовьет производительные силы. Переход власти к этому классу будет означать прыжок в царство необходимости, в царство свободы, мировую катастрофу, после которой и начнется истинная история или сверхистория. Таковы упования классического, революционного социализма. Он интереснее и показательнее, чем переходные и половинчатые формы фактической социал-демократии, которая оппортунистически приспособляется к буржуазной жизни.

Но ошибочно было бы думать, что, согласно классическому социалистическому сознанию, суверенитет должен принадлежать фактическому, империческому пролетариату как человеческому количеству. Суверенитет принадлежит не пролетариату как факту, а пролетариату как «идее». «Идее» пролетариата должно принадлежать господство в мире. В этом отношении социализм есть не имперический реализм, а идеализм. Носителем «идеи» пролетариата, знающим истину, является избранное меньшинство, наиболее сознательная кучка. Полнота власти должна принадлежать этому избранному меньшинству. В этом отношении социализм по-своему аристократичен, а не демократичен. Во имя этой «идеи», во имя истинной пролетарской воли, которая может быть достоянием лишь немногих, во имя сознанных немногими интересов пролетариата, которые суть также интересы человечества, над фактическим, эмпирическим пролетариатом можно производить какое угодно насилие. Пушками, штыками и батогами можно принуждать фактический пролетариат, несознательную человеческую массу к осуществлению «идеи» пролетариата. Социализм в принципе отрицает суверенитет народа, свободное изъявление воли народа и право каждого гражданина участвовать в этом волеизъявлении. В этом он существенно противоположен демократии. Но антидемократизм его идет дальше. Социализм не только признает лишь за избранным классом – пролетариатом, обладающим истинным направлением воли, право на свободное волеизъявление.

Это право принадлежит лишь избранной части пролетариата, лишь рабочим, обладающим социалистической волей, и не только социалистической, но истинно социалистической, т. е., например, «большевистской» социалистической волей, а не «меньшевистской» социалистической волей. Всех рабочих, которые не сознали «идеи» пролетариата, не обладают истинной социалистической волей, можно и должно лишить права на изъявление воли и направление общественной жизни. Отсюда принципиальное оправдание диктатуры, тираническое господство меньшинства, истинных носителей чистой социалистической «идеи», над большинством, пребывающем в тьме. Революционный, мессианский социализм не может не стоять за диктатуру, она вытекает из пафоса социализма, из его лжемессианского притязания. В резкой противоположности демократии социализм отдает полноту власти и наделяет атрибутами самодержавного могущества лишь волю определенного качества, волю социалистическую, т. е. истинную, праведную волю. Социализм принципиально нетерпим и эксклюзивен, он по идее своей не может предоставить никаких свобод своим противникам, инакомыслящим. Он принужден отрицать свободу совести. Он есть система Великого Инквизитора и Шигалева. Он хочет решить судьбу человеческих обществ, отрицая свободу духа.

Социалистическое общество и государство по типу своему вероисповедальное, сакральное, а не секулярное, не светское. В социалистическом государстве есть господствующее вероисповедание, и принадлежащие к этому господствующему вероисповеданию должны иметь привилегированные права. Это государство не равнодушно к вере, не индифферентно, как государство либерально-демократическое, оно декретирует свою истину и понуждает к ней. Те, которые не признают социалистической веры, должны быть поставлены в положение, аналогичное тому, в котором находились евреи в старых теократических христианских обществах. Вероисповедное социалистическое государство претендует быть сакральным, священным государством, осененным благода-

тью, не Божьей, а дьявольской, но непременно благодатью. В этом существенная противоположность социалистического государства правовому демократическому государству. Социализм так же отрицает свободу совести, как и средневековая католическая теократия. Он хочет принудить к правде добродетели, не оставляя свободы избрания, как либеральная демократия. В социализм перешло ложное притязание старой теократической и империалистической идеи, идеи внешнего, принудительного единства человечества, количественного универсализма. Социалистические утопии, которые слишком многим представлялись золотыми снами человечества, никогда не обещали никаких свобод. Они всегда рисовали картины совершенно деспотических обществ, в которых свобода была истреблена без остатка. В утопии Томаса Мора свободное передвижение из одного места в другое оказывалось не более легким, чем в самые тяжелые годы существования советской социалистической республики. В утопии Кабэ существует лишь одна правительственная газета и совершенно не допускается существование свободных органов печати. Утопии плохо знали или забыли и слишком вздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления. Большевиков считали у нас утопистами, далекими от реальных жизненных процессов, реалистами же считали кадетов. Опыт жизни научает обратному. Утопистами и фантазерами были кадеты. Они мечтали о каком-то правовом строе в России, о правах и свободах человека и гражданина в русских условиях. Бессмысленные мечтания, неправдоподобные утопии! Большевики оказались настоящими реалистами, они осуществляли наиболее возможное, действовали в направлении наименьшего сопротивления, они были минималистами, а не максималистами. Они наиболее приспособлялись к интересам масс, к инстинктам масс, к русским традициям властвования. Утопии осуществимы, они осуществимее того, что представлялось «реальной политикой» и что было лишь

рационалистическим расчетом кабинетных людей. Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее «совершенному» и более свободному обществу. Отныне не будут уже мечтать о социализме, о котором мечтали у нас почти все, не только социалисты. Ведь и русский либерал думал, что ничего выше социализма нет, но что социализм, к сожалению, не осуществим, и сам он не стоит на достаточной высоте героизма, чтобы такой высокий идеал осуществить. Теперь будут мечтать не о совершенном, а о несовершенном строе, т.е. более вольном строе. Свобода, по-видимому, связана с несовершенством, с правом на несовершенство. Социализм есть тип авторитарного общества, в этом он во всем подобен теократическому обществу и государству. Гениально остро К. Леонтьев, предвидевший торжество в России именно социалистической революции и предсказавший ее, говорит, что для социализма понадобятся вековые предания покорности, инстинкты повиновения. Он знал, что социализм будет основан не на розовой воде, а на крови человеческой. В этом он стоит бесконечно выше большей части русских людей, столетия мечтавших об идиллии социализма и воображавших, что социализм есть свобода. Нет уж, нужно выбирать – или социализм, или свобода духа, свобода совести человеческой. Это гениально понимал Достоевский. Социализм утверждает такого рода «сакральную власть» и «сакральное общество», что не остается места ни для чего «мирского», ни для чего вольного и переходного, для свободной игры человеческих сил. Социализм хочет владеть всем человеком, не только телом, но и душой его. Он претендует на самую интимную и сокровенную глубину человеческой души. В этом выступает он с притязаниями, подобными притязаниям Церкви. Только Церковь претендует на обладание душой человеческой и берет на себя задачу водить человеческими душами. Никогда государство не претендует на власть над человеческой душой, оно знает свои границы. Для государства остается

ся непроницаемой глубиной человеческого духа. Самое деспотическое государство не требует, чтобы души человеческие отделились ему в самом священном для них.

Государство сажало в тюрьмы и казнило, но не требовало духовного себе подчинения. Не требовало мирское, секулярное государство. Но требовало государство теократическое, выступавшее с универсалистическим притязанием, мнившее себя священным церковным государством. С этим же притязанием выступает социализм в небывалой по своей крайности форме. Он хочет выдрессировать механически человеческие души, вымуштровать их настолько, чтобы они чувствовали себя хорошо в социальном муравейнике, полюбили казарменную жизнь, отказались от свободы духа. Социализм хочет приготовить счастливых младенцев, не знающих греха. Христианство прежде всего дорожит свободой человеческого духа и потому не допускает возможности механической дрессировки человеческих душ для земного рая. Оно предоставляет это дело антихристу.

Социализм прав, когда он ставит предмет и содержание народной воли выше самой народной воли, выше формального волеизъявления. Если есть какое-либо качественное содержание народной воли и какая-либо высшая цель в жизни народа, то это содержание и эта цель должны быть поставлены выше самой формальной воли народа. Тогда релятивизм преодолевается, обретается достойный предмет. Та достойная цель, к которой устремлена народная воля, должна быть выше самой народной воли. Этой цели должна быть подчинена общественная жизнь. Но целью жизни может быть лишь духовная жизнь и содержанием жизни может быть лишь общественное содержание. Поэтому в основу человеческих обществ должны быть положены религиозно-духовные начала, которые должны быть поставлены выше всякого самоутверждения человеческой воли. И свобода человека, свобода духа может быть спасена лишь на почве узнавания и обретения таких религиозно-духовных начал, лишь только обращенностью к божественной воле, так как человеческое своеволие и человеческий произвол истребляют

свободу человека. Страшно человеку попасть в зависимость исключительно от человеческой воли, от человеческого произвола, от господства масс человеческих, не подчиненных никакой Истине, никакой Правде. Так ставится проблема неизбежного ограничения самодержавия демократии, как и всякого самодержавия человеческого, как и самодержавия монархического. Социализм обозначает собой кризис гуманизма, кризис человеческого самоутверждения, формулированного в демократии. Социализм переходит уже к какому-то нечеловеческому содержанию, к нечеловеческой коллективности, во имя которой все человеческое приносится в жертву. Маркс – антигуманист, в нем человеческое самоутверждение переходит в отрицание человека. Демократия еще гуманистична. Социализм уже по ту сторону гуманизма. Социализм есть реакция против новой истории и возврат к средневековью, но во имя иного бога. Новое средневековье должно быть подобно старому, в нем будет своя обратная теократия. Но когда кончается царство гуманистическое, царство секулярной гуманности, тогда раскрываются противоположные бездны. Социалистическое государство походит на теократию и имеет теократические притязания, потому что оно есть сатанократия. В нем общество, общественный коллектив становится неограниченным деспотом, более страшным, чем деспоты древней Ассирии и Персии.

III

Вл. Соловьев еще говорил, что для того, чтобы победить социализм, нужно признать его правду. С социализмом нельзя бороться «буржуазными» идеями и нельзя противопоставлять ему капиталистическое и буржуазно-демократическое общество XIX и XX веков. Буржуазное общество и породило социализм, и довело до него. Социализм есть плоть от плоти и кровь от крови капитализма. Они стоят на одной и той же почве, один и тот же дух или, вернее, одно и то же отрицание духа движет ими. Свое безбожие социализм унаследовал от буржуазно-капиталистического общества XIX века – поис-

тине самого безбожного, какой только знает история. В нем уже нарушено было должное отношение человека к человеку и человека к материальной природе. Экономизм цивилизации XIX века, извративший иерархический строй общества, и породил экономический материализм, верно отразивший самую действительность XIX века. В этой действительности духовная жизнь была только надстройкой, отражением, приспособлением. Поклонение мамоне вместо Бога одинаково свойственно и капитализму, и социализму. Социализм не есть утопия или мечта, социализм есть реальная угроза и предостережение для христианских народов, суровое напоминание им о том, что они не исполнили завет Христа, что они отступили от христианства. Иногда обосновывают капитализм тем, что человеческая природа зла, что насильственно этого зла не победить, что социализм предполагает добрую природу. Но забывают, что может наступить исторический час, когда зло человеческой природы, именно зло ее примет новую форму. Злая природа создает социализм. Капитализм, как духовно-этическая категория, появился потому, что природа человека во зле лежит. Но потому же возникает и социализм. Отступничество от христианства, измена духовным основам и духовным целям жизни должны вслед за стадией капитализма привести к стадии социализма. Или нужно начать реально осуществлять христианство и обратиться к духовной жизни, восстановить иерархически нормальный строй жизни, подчинить экономику духу, ввести политику в подходящие ей границы.

Социализм притязает иметь содержание и цель, притом истинное содержание и истинную цель. Этим он отличается от демократии, которая раскрыта для всех содержаний и всех целей. Социалистическое содержание жизни и социалистическая цель жизни таковы, что они вызывают фанатическую настроенность у своих адептов. Но что это за содержание и что это за цель? Содержание социализма есть фикция, он так же бессодержателен и так же неонтологичен, как и демократия. Что в социализме должно быть отнесено к содержанию и цели жизни, что не есть лишь средства и орудия жизни, целей, вне

самого социализма находящихся? Обобществление орудий производства не есть ведь цель и содержание жизни. В экономике вы не найдете ничего, чтобы относилось к целям, а не средствам жизни. Экономическое равенство не цель жизни и не содержание жизни. Организованный производительный материальный труд, который обоготворяется социализмом, тоже ведь не есть цель жизни и содержание жизни. Социалистическое обоготворение без качественного материального труда рождается от утери цели и смысла жизни. Цели человеческой жизни померкли в ту эпоху, которая выдвигает социализм, и окончательно подменялись средствами жизни. Они померкли раньше, они закрылись еще в буржуазной цивилизации XIX века, в экономизме этого века, в поглощенности внешним устройством жизни. Духовного содержания нет ни в социализме, ни в демократии. А поистине содержание жизни и цели жизни можно искать лишь в духовной действительности, лишь в духовной культуре. Цели жизни и содержание жизни могут быть лишь духовными, они не могут быть социальными, их нельзя полагать в политических и экономических формах. Никакая социальная и политическая идеология не доходит до истинного содержания, если она не обретает его в духовной жизни, в подчинении всех социальных и политических форм духовной цели. Содержательность социализма кажущаяся. Социализм в роковой своей диалектике лишь раскрывает духовную бессодержательность современной цивилизации. «Идея» пролетариата, во имя которой льется столько крови, которая вызывает такую фанатическую себе преданность, оказывается совершенно бессодержательной идеей. Она говорит об орудиях жизни, но ничего не говорит о самой жизни. До целей жизни социализм так и не доходит. Жалкий лепет о новой пролетарской душе и новой пролетарской культуре вызывает некоторое чувство неловкости у самих социалистов. Никаких признаков нарождения новой души нет, душа остается старой душой ветхого Адама, полной корысти, зависти, злобы имести. Ново лишь то, что в этой душе ослабело чувство греха и затруднилось для нее покаяние. Никаких признаков новой

пролетарской культуры, нового пролетарского творчества нет. Существует лишь понижение качества культуры, принижение ее до требований технической цивилизации. Социализм живет за счет буржуазной культуры, умственно питается материализмом буржуазного просветительства. В социализме есть новое – возникновение нечеловеческого коллектива, нового Левиафана. Но в этом жутком коллективе, страшном чудовище погибают все цели и содержания жизни, угашается всякая духовная культура, в нем нет новой человеческой души, потому что нет уже никакой человеческой души. Внутренняя диалектика демократии и социализма научает нас, что нельзя искать содержательной и праведной народной воли по внешним, социальным и политическим признакам. *Нет праведной воли вне самой праведности воли, вне самой святости воли.* Необходимо реальное достижение праведности, победы над грехом, просветление и преображение, чтобы воля человеческая, воля народная осуществляла праведную жизнь, чтобы творилась жизнь в Истине. Никакими внешними знаками, никакими симуляциями нельзя заменить реального преображения. Переодевание, перемена одежд мало помогает. Под буржуазными или социалистическими одеждами может скрываться одно и то же содержание или одно и то же отсутствие содержания. Перед каждым обществом, перед каждым народом стоит прежде всего религиозная задача. Ибо просветление и преображение воли, наполнение ее божественными предметами есть задача религиозная, а не социально-политическая. И все социально-политические задачи должны быть подчинены этой религиозной задаче. Содержание жизни может быть лишь религиозным содержанием. Содержание жизни есть вхождение в Божью жизнь, т. е. подлинное бытие. Воля народа, воля пролетариата есть грешная воля, и потому она причастна небытию и может создать царство небытия. Эта воля должна склониться перед высшей волей, перед святой волей, перед Божьей волей. Тогда она осуществляет бытие. Суверенитет принадлежит не народу, не пролетариату, а Богу, т. е. самой Истине, самой Правде. И Божьей, а не своей воли нужно

искать в жизни общества, в жизни государства. Это положение должно быть направлено не только против «левых», демократов и социалистов, но и против «правых», монархистов. Демократии нельзя противопоставлять насильственного выражения человеческой воли привилегированных групп обществ. Задача духовного просветления и преображения, обретения Божьей воли и Божьей правды не есть только личная задача, стоящая перед индивидуальной душой. Это также задача общественная, задача историческая, стоящая перед целыми народами. Духовные силы, Божьи энергии действуют не только в личной душе, но также в душе обществ, в душе народов, в истории. Не о личном совершенствовании тут идет речь, а о духовных изменениях и обретениях в жизни обществ и народов, в судьбах истории. Личность и общество не могут быть оторваны и изолированы друг от друга. На этих путях мысли мы приходим к постановке проблемы теократии. Разрешается ли в теократическом типе поставленная нами проблема?

IV

В жизнь европейских обществ победно вошли сначала демократия, а потом социализм, потому что старые теократические общества внутренне разложились. Это был неотвратимый процесс. Такова судьба. Одна судьба объединяет путь человеческий от теократии до социализма. Неудача и неосуществимость теократии роковым образом влекли к опыту демократии и опыту социализма. Так изживалась одна историческая неудача за другой, и причина неудачи всегда одна – реальное преображение жизни заменяется внешними и формальными знаками того, что общество – теократически-сакрально или социалистически-сакрально. Теократия была сознательно символична, социализм же в сознании своем реалистичен. Но и там, и здесь достигаются лишь знаки того совершенного строя, к которому стремятся, лишь симулируют его. И старые теократии, западная, папистская, и восточная, императорская, потерпели неудачу и разложились, потому что в них реально не

достигалось Царство Божье на земле, а лишь внешне символизировалось, формально ознаменовывалось. Теократическое государство выродилось в симуляцию священного царства, все более и более теряя свое священное содержание. Средневековый теократический замысел – один из величайших замыслов истории. Но свобода человеческого духа, соглашающаяся на осуществление Царства Христова на земле, не была в нем принята во внимание. Царство Божье не может быть осуществлено насильно. Искание свободы и толкнуло народы на путь демократии. Человек пошел путем автономного самоопределения, самоопределение перешло в самоутверждение, самоутверждение привело к самоистреблению человека. Такова трагедия новой истории. От гетерономии неизбежен был переход к автономии. Общество, основанное на гетерономии, не может вечно существовать, автономное сознание неизбежно пробудится. Но автономия должна быть лишь путем к теонии, к высшему состоянию, к свободному принятию воли Божьей, свободному подчинению ей. В новой истории автономия привела не к теонии, а к аномии. Но в аномии автономия сама себя пожирает, перерождается в злейшую гетерономию. Это мы и наблюдаем в социализме. В старом теократическом обществе теонии не была автономной, и потому подлинная, реальная теократия не достигалась. В новом автономном обществе теонии совсем нет, и потому общество это не имеет никакого онтологического содержания. Символизм старой теократии имел все-таки до времени, до известного возраста человечества подлинно священное значение. Старые общества были полны священной символики. И это имело огромное значение в воспитании и водительстве христианских народов. Но должен был наступить момент в жизни народов, когда они пожелают перейти от символизма к реализму, к наиреальнейшей жизни. Но это не будет реализм онтологический и мистический, реализм просветления и преображения жизни, это будет реализм эмпирический и даже материалистический, иллюзорный, мимический реализм. Этот реализм не будет иметь никакого существенного содержания, он будет формалистичен, весь будет во внешних

ознаменованиях, а не бытийственных достижениях. Есть один только путь к Царству Божьему, к истинной теократии, – это реальное его осуществление, т. е. подлинное достижение высшей духовной жизни, просветление и преображение человека и мира. Вне реального достижения высшей духовной жизни, т. е. вне перерождения, вне нового духовного рождения, никакое совершенное общество и совершенная культура недостижимы. Нельзя только символизировать высшую духовную жизнь и в конце концов симулировать ее, нужно реально ее достигать. Реальное же достижение высшей духовной жизни не имеет слишком приметных признаков. И потому сказано, что Царство Божье приходит неприметно. Слишком приметное осуществление Царства Божьего всегда подозрительно и всегда указывает на фальшь. К старым теократиям, западной и восточной, нет возврата, ибо нет возврата к внешнему ознаменованию Царства Божьего без реального его достижения. Симуляция «христианского государства» не поможет. Эта симуляция и привела к краху, к опыту демократии и социализма. А как создать подлинное христианское государство, христианское общество? Для этого необходимо духовное просветление и преображение. Быть может, катастрофы и великие испытания приведут к нему. Но подлинно христианское государство не будет уже государством. Необходимо не выбрасывать все вовне, не ознаменовывать и не симулировать внутреннюю жизнь, а погружать все в духовную жизнь, вернуться на родину духа. Это – революция более глубокая, чем те, которые делают внешние революционеры.

Мы переживаем мировой кризис всех социально-политических идеологий и форм. Все уже как будто изжито во внешней жизни, и ничто уже не может слишком вдохновлять цивилизованные народы. Наступает социально-политическая старость. Только русский народ обнаружил еще огромную энергию разрушения и попытался осуществить самую безумную из утопий. Рушатся старые общества, в которых были еще остатки теократических санкций. Делаются судорожные попытки их реставрировать. Но это дело безнадежное. Старое

теократическое государство восстановить нельзя, к нему нет возврата, потому что оно не осуществляло Божьей правды, лишь во внешних знаках делало вид, что осуществляет ее. Вл. Соловьев объяснял падение Византии тем, что она не делала даже попыток на деле осуществлять христианство. Это можно сказать с некоторыми вариациями и смягчениями про все старые теократические государства, несшие в себе семя гибели. Можно было бы сказать, что не христианство не удалось, а не удалось дело Константина Великого, хотя оно и имело провиденциальное значение. Христианство как бы возвращается к состоянию до Константина. Русская Православная Церковь определенно к этому состоянию вернулась. Быть может, христианство предназначено к тому, чтобы вернуться еще дальше назад, к катакомбному состоянию и оттуда вновь победить мир. Мало есть шансов на то, что новое царство Кесаря пожелает быть христианским. И никакие новые симуляции христианского государства не приведут к подлинно реальным бытийственным достижениям. Мы вступаем в эпоху убийственных разоблачений, когда придется жить разоблаченными реальностями. В этом значение нашей трагической и безрадостной эпохи. Христианский исторический пессимизм вступает в свои права. Необходимо отказаться от розовых иллюзий, от слащавого пессимизма. Но этот относительный пессимизм не должен помешать нашей устремленности в глубь духовной жизни. Падение внешних иллюзий обращает к внутренней жизни.

Безбожная и лицемерная цивилизация XIX и XX веков и торжествует свои победы, и переживает смертельный кризис о своих основах. Она породила мировую войну – детище безграничной похоти жизни в современной цивилизации. И мировая война оказалась началом ее разрушения. И напрасно мечтают о мирной буржуазной жизни, о возврате к основам буржуазной цивилизации XIX века, которая представляется утопией чуть ли не совершенного общественного состояния. Катастрофы неслыханных войн и революций были заложены в основах этой цивилизации, и о возвращении к состоянию общества до

начала мировой войны мечтают лишь безумцы, хотя бы безумие их казалось очень рассудительным. Трагизм современного кризиса в том, что в глубине души никто уже не верит ни в какие политические формы и ни в какие общественные идеологии. Только коммунизм пытается еще утверждать себя с демоническим напряжением воли и кровавым фанатизмом. Но он погибает от смертельных ударов, которые он сам наносит собственной идее. Не только монархии рушатся, но и демократии переживают кризис, напоминающий агонию. Рушатся старые системы государства и хозяйства, и европейские общества вступают в эпоху, схожую с ранним средневековьем. Проблема демократии перестала уже быть политической проблемой, она стала проблемой духовно-культурной, проблемой духовного перерождения общества и перевоспитания масс. Демократии провозгласили свободу выбора, но нельзя долго задерживаться на этой свободе, нужно ею воспользоваться, нужно сделать выбор правды, подчиниться какой-то истине. А это выводит за пределы демократии. Единственным оправданием демократии будет то, что она сама себя преодолевает. В этом будет ее правда. Современные демократии явно вырождаются и никого уже не вдохновляют. Веры в спасительность демократии уже нет. Демократы – это те, про которых сказано, что они не холодны и не горячи и потому будут извергнуты. Количесвом нельзя добыть истинной жизни. Монархисты, несмотря на значительность самого монархического принципа, движутся негативными и бессильными чувствами, нередко полны злобы и мести, и сама монархия для слишком многих из них есть лишь орудие восстановления их нарушенных интересов. И по-старому принудить народы к монархии будет нельзя. Народы должны свободно ее захотеть, чтобы она могла осуществиться, но в этом случае она будет совсем новой. В жизни хозяйственной, в строе социальном рушится капитализм, пораженный смертельными ядами, им самим выработанными. К тому индустриально-капиталистическому строю, который существовал до мировой войны, возврата нет, ибо он и породил все несчастья человечества. Но поколеблена уже надежда и на то, что капиталистиче-

ская система может быть заменена системой социалистической. В социализм уже нельзя верить. Он перестал быть невидимой вещью, которая обличается в вере, он стал видимой вещью. И как видимая вещь, которая может быть обличена в знании, он переживает кризис не меньший, чем капитализм, он ведет человеческое общество к окончательной безвыходности. Духовные основы труда, мотивация труда определяют хозяйственную жизнь народов. Эти духовные основы труда разрушены, и народам грозит голод. Мотивация труда капиталистических обществ не может быть восстановлена. Народы нельзя будет принудить к той дисциплине труда, которая господствовала в капиталистическом обществе, в этом отношении случилось что-то бесповоротное. Социализм же сам по себе менее всего способен создать новую дисциплину труда, дать новое его духовное обоснование. Он обоготворяет труд, делает из него кумира и совершенно его разлагает, упраздняет тот рабочий класс, во имя которого готов совершить какие угодно кровавые насилия. Экономический вопрос, как и политический вопрос, в современном человечестве становится духовным вопросом, он сам по себе неразрешим. Восстановление труда предполагает духовное возрождение. Но социализм рушится вслед за капитализмом не только в силу своей хозяйственной негодности, но также в силу своей духовной порочности. Выявляется сатанократическая природа социализма. Социализм претерпевает такую же страшную неудачу, как и все формы общественности. И это будет самой роковой неудачей до перехода на новый путь. Существует христианский социализм. Но не следует придавать слишком большое значение словам. Я готов и себя признать христианским социалистом. Но это очень несовершенное словоупотребление. Христианский социализм не есть настоящий социализм, и настоящие социалисты его терпеть не могут. Социализмом в строгом смысле слова следует называть направление, которое внешним, материально-насильственным путем хочет разрешить судьбы человеческого общества. Не таков христианский социализм. Он только признает неправду индивидуалистически-капиталистического строя. Но главная

беда в том, что старый христианский социализм есть очень паллиативное, нерадикальное по своему принципу направление. И потому влияние его не может быть сильным. Христианство глубже должно брать проблему общественности.

Угасает вера в политическое и социальное спасение человечества. Подводятся итоги ряду столетий, в течение которых происходило движение от центра и внутреннего ядра жизни к периферии, на поверхность жизни, к внешней общественности. И чем более общественность делается пустой и бессодержательной, тем сильнее становится диктатура общественности над всей жизнью человеческой. Политика обвила человеческую жизнь как паразитарное образование, высасывающее у нее кровь. Большая часть политической и общественной жизни современного человечества не есть реальная онтологическая жизнь, это фиктивная, иллюзорная жизнь. Борьба партий, парламенты, митинги, газеты, программы и платформы, агитации и демонстрации, борьба за власть – все это не настоящая жизнь, не имеет отношения к содержанию и целям жизни, во всем этом трудно добраться до онтологического ядра. В мире должна начаться великая реакция или революция против господства внешней общественности и внешней политики во имя поворота к внутренней духовной жизни, не только личной, но и сверхличной духовной жизни, во имя содержания и цели жизни. Людям, находящимся во власти внешнего, это должно казаться призывом к уходу из жизни. Но что-нибудь из двух – или духовная жизнь есть величайшая реальность и в ней нужно искать большей жизни, чем во всем шуме политики, или она нереальна, и тогда ее нужно отрицать, как ложь. Когда все ощущается изжитым и исчерпанным, когда почва так разрыхляется, как в нашу эпоху, когда нет уже надежд и иллюзий, когда все разоблачено и изблещено, тогда почва готова для религиозного движения в мире. Так всегда бывало. Так было и в эпоху античного мира. Мировое значение социализма я вижу в том, что он ставит человечество перед дилеммой: или единение и братство людей во Христе, или единение и товарищество людей в антихристе. Все остальное, как переходное

и поверхностное, разлагается и распадается. Дело уже так далеко зашло, и важно сознать это. Это понимал Достоевский, понимал и Вл. Соловьев. Это должны и мы понять до глубины. Понимать такие вещи – в традициях русской мысли. Русская революция помогает этому пониманию. Революция произошла в России, когда либеральная демократия уже изжила себя и отцветает, когда гуманизм новой истории подходит к концу. И в русской революции осуществляется крайний антигуманистический социализм. Русский народ, согласно особенностям своего духа, отдал себя в жертву для небывалого исторического эксперимента. Он показал предельные результаты известных идей. Русский народ, как народ апокалиптический, не может осуществлять срединного гуманистического царства, он может осуществлять или братство во Христе, или товарищество в антихристе. Если нет братства во Христе, то пусть будет товарищество в антихристе. Эту дилемму с необычайной остротой поставил русский народ перед всем миром.

СОЧИНЕНИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА

Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1904; Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907; Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1909; Духовный кризис интеллигенции. Ст. по общественной и религиозной психологии. СПб., 1910; Философия свободы. М., 1911; Душа России. М., 1915; Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., 1916; Национализм и империализм. М., 1917; Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1918; Философия Достоевского. Пг., 1921; Конец Ренессанса. Пг., 1922; Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922; Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923; Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, 1923; Изд. 2-е. Париж, 1969; Изд. 3-е. Париж, 1974; Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин, 1923; Изд. 2-е. Париж, 1970; Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин, 1934; Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. Ч. 1–2. Париж, 1927–28; Марксизм и религия (Религия как орудие господства и эксплуатации). Варшава, 1929; Основная антиномия личности и общества // Современные записки. Париж. Кн. 47. 1931; О социальном персонализме // Новый Град. Париж. Кн. 7. 1933; О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931; Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм. Париж, 1932; Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и об-

щения. Париж, 1934; Человеческая личность и сверхличностные ценности // *Современные записки*. Париж, 1937; Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. Париж. Кн. 63, 64. 1937; Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // *Новый Град*. Париж. Кн. 13. 1938; О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж, 1939; Изд. 2-е. Париж, 1972; Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – н. XX в. Париж, 1946; Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация. Париж, 1947; Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж, 1949; Царство Духа и царство Кесаря. Париж, 1949; Изд. 2-е. 1951; Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952; Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955; Изд. 2-е. 1973; Репринт: М., 1990; Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989; Эрос и личность. Философия пола и любви. М., 1989; Философия неравенства. М., 1990; Мое философское мирозерцание / Пер. с фр. // *ФН*. 1990. № 6; Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и н. XX в. // *О России и русской философской культуре*. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990; Н. А. Бердяев о русской философии. Ч. 1, 2. Свердловск, 1991; Автобиография // *ФН*. 1991. № 2; О духовной буржуазности // Там же. 1991. № 5; О фанатизме, ортодоксии и истине // Там же. 1991. № 8; Самопознание: опыт философской автобиографии. М., 1991; Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1991; О самоубийстве. Психологический этюд. М., 1992; О назначении человека. М., 1993 (вошла также: «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»); Философия свободного духа. М., 1994 (вошли также: «Я и мир объектов», «Судьба человека в современном мире», «Дух и реальность»); Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995 (вошли также: «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии», «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация»); Истина и откровение. Прологомены к практике Откровения. СПб., 1996 (вошел также: сб. ст. 1947 г. «На пороге новой эпохи»).

ПРИМЕЧАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ НЕРАВЕНСТВА

(Письма к недругам по социальной философии)

Книга написана летом 1918 г., впервые опубликована в 1923 г.

Печатается по изданию: *Бердяев Н.* Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990.

¹ Specificum – особенность (*лат.*).

² Sui generis – в своем роде, своеобразный (*лат.*).

³ Parvenus – выскочки (*фр.*).

⁴ Zusammenbruch – всеобщее разрушение (*нем.*).

⁵ Contradictio in adjecto – противоречие в определении (*лат.*).

СМЫСЛ ИСТОРИИ

Печатается по изданию: М.: «Мысль», 1990 (с издания YMCA-Press, Paris, 1969)

Печатается по изданию: *Бердяев Н.* Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, 1923.

¹ Лекции о методе академического исследования (*нем.*).

² Философия истории рода человеческого (*фр.*).

³ Государство – это я (*фр.*).

НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(Размышление о судьбе России и Европы)

Опубликовано впервые в 1923 г.

Печатается по изданию: *Бердяев Н.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин, 1924 г.

¹ Прямое действие (*фр.*).

² Рассуждения о Франции (*фр.*).

³ Цитаты из книги Ж. Де Местра, указанной выше.

⁴ Поступай так, как ты должен поступить, и будь то, что будет (*фр.*).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адам (библ.), первый человек, созданный Богом и вместе с Евой изгнанный из Рая – 80, 171, 226, 375, 381–382, 411, 423, 545, 592.

Адонис (миф.), в финикийской мифологии бог плодородия, с V в. до н.э. его культ распространился в Древней Греции – 407.

Александр Македонский (356–323 до н.э.), царь Македонии с 336 г. до н.э., полководец и завоеватель, воспитанник Аристотеля – 70, 87–88, 94, 96, 412.

Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. – 473.

Ариман (Агра-Майнью), в зороастризме олицетворение зла, злой бог, находящийся в непрерывной борьбе с добрым богом Ахурамаздой – 245, 333.

Аристотель (384–322 до н.э.), древнегреческий философ – 328, 425.

Баадер Франц Ксавье фон (1765–1841), немецкий ученый и религиозный философ – 355.

Байрон (Byron) Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт – 500.

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), русский революционер, философ и публицист, теоретик анархизма – 228, 461.

Белох (Beloch) Карл Юлиус (1854–1929), немецкий историк античности, представитель теории цикличности – 415, 516.

Белый Андрей (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева, 1880–1934), поэт и писатель, теоретик символизма – 463.

Бёме (Bohme) Якоб (1575–1624), немецкий философ-

мистик – 5, 13–14, 56, 250, 353–354, 382, 514.

Блуа (Blois) Леон (1846–1917), французский философ – 281, 399, 496.

Бональд Луи Габриэль Амбруаз (1754–1840), французский политический деятель, философ-традиционалист, публицист – 305.

Борджиа Цезарь (Чезаре; ок. 1475–1507), сын папы Александра VI, с 1499 г. правитель Романьи, послуживший прототипом государя для Н. Макиавелли – 447.

Боссюэт, Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь (1627–1704), французский писатель, церковный деятель, епископ – 333.

Боттичелли Сандро (1445–1510), итальянский живописец флорентийской школы – 428.

Брэстед Джеймс Генри (1865–1935), американский египтолог, директор Восточного института Чикагского университета – 395.

Венера (миф.), в римском пантеоне богиня весны, цветов и винограда, позже отождествленная с греческой богиней любви Афродитой – 428.

Виктор Эммануил II (1820–1878), король сардинский в

1849–1861 гг. и первый король объединенной Италии в 1861–1878 гг. – 500.

Вильгельм I (1797–1888), король Пруссии с 1861 г., германский император с 1871 г. Из династии Гогенцоллернов – 540.

Виндельбанд Вильгельм (1848–1915), немецкий философ, глава баденской школы неокантианства – 316, 499.

Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954), советский историк, академик АН СССР (1943) – 513, 541.

Владимир Святославович (ум. 1055), князь Киевский, равноап. святой, креститель Руси – 582.

Вольтер (псевдоним Мари Франсуа Аруэ; 1694–1778), французский писатель, философ, историк – 31, 309.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, участник белогвардейского движения, с апреля 1920 г. главнокомандующий Русской армией в Крыму – 574.

Галилей Галилео (1564–1642), итальянский ученый и мыслитель – 452.

Гартман Эдуард фон (1842–1906), немецкий философ – 331.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ – 119, 351, 366, 476, 499.

Гераклит Эфесский (р. ок. 544–540 гг. до н.э. – год смерти неизв.), древнегреческий философ – 59, 349.

Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий философ-просветитель – 439, 456, 461, 499.

Герцен Александр Иванович (1812–1870), революционер, писатель и философ – 566.

Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий философ и мыслитель – 119, 298, 340, 439, 457, 461, 499–500, 519, 523.

Гоголь Николай Васильевич (1808–1852), русский писатель – 2, 428, 473, 511.

Гумбольдт Вильгельм фон (1767–1835), немецкий государственный деятель, родоначальник философии языка в Германии, эстетик и писатель – 171, 461.

Гуссерль Эдмунд (1859–1938), немецкий философ, родоначальник феноменологической школы – 452.

Даниил (библ.), древнееврейский пророк, автор Книги

пророка Даниила, входящей в состав Ветхого Завета – 305, 329.

Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт, философ, политический деятель – 94, 420–421, 500.

Деникин Антон Иванович (1872–1947), с осени 1918 г. до начала апреля 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и зам. верховного правителя России адмирала А. В. Колчака – 574.

Джотто ди Бондоне (1266/1267–1337), итальянский живописец, представитель искусства Проторенессанса – 420.

Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (245–316), римский император с 284 по 305 г.; ввел административное и территориальное разделение власти – «тетрархию»; в 305 г. отрекся от престола – 459–460.

Дионис (миф.), в древнегреческой мифологии бог производительных сил природы, виноградарства и виноделия – 25, 59–60, 232–233, 284, 407–408, 496.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель, публицист и мыслитель – 100–200, 309, 281, 466, 473–474,

492, 494, 496, 511, 517, 563, 565, 588, 601–602.

Древс Артур (1865–1935), немецкий философ, популяризатор мифологической школы в религиоведении – 331.

Заратустра (по разным датировкам, между XIII–VI вв. до н.э.), пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зороастризма; ему принадлежит составление «Гат», древнейшей части «Авесты» – 446.

Ибсен Генрик (1828–1906), норвежский драматург – 281, 466.

Иеремия (кон. VII – нач. VI вв. до н.э.), древнееврейский пророк – 329.

Иоанн Богослов, один из апостолов, автор Евангелия и Откровения (Апокалипсиса) – 492.

Иоанн Безземельный (1167–1216), английский король из династии Плантагенетов, младший сын Генриха II, не получивший, в отличие от старших братьев, владений во Франции (почему и прозван «Безземельным»); в 1215 г. подписал Великую хартию вольностей – 316.

Иов, библейский праведник, безропотно переносив-

ший посланные ему свыше страдания, главный персонаж Книги Иова, входящей в состав Ветхого Завета – 389–390, 396.

Исайя (VIII в. до н.э.), древнееврейский пророк – 393.

Кабэ (Кабе) Этьен (1788–1856), французский публицист, выдвинувший идею коммунистического переустройства общества – 203, 587.

Кант Иммануил (1724–1804), немецкий философ – 37, 167, 318, 363, 391, 452, 499.

Карлейль Томас (1795–1881), английский историк, философ и публицист – 24, 119, 135, 196, 316, 496.

Кейзерлинг Герман фон (1880–1946), немецкий философ и писатель – 513.

Климент Александрийский Тит Флавий (ок. 150 – ок. 215), христианский теолог, писатель, один из видных представителей раннехристианской апологетики – 539.

Коген Герман (1842–1918), немецкий философ, глава Марбургской школы неокантианства – 391, 452.

Кондэ (Конде) Луи Жозеф (1736–1818), принц, родственник французских Бурбонов,

командующий контрреволюционной армией эмигрантов; после мира в Люневиле (заключенного в 1801 г., после разгрома 2-й антифранцузской коалиции) армия Конде была распущена, а сам он бежал в Англию; вернулся во Францию в 1814 г. в обозе Людовика XVIII – 548.

Константин I Великий (ок. 285–337), римский император (с 306 г.), легализовавший христианство – 597.

Конт Огюст (1798–1857), французский философ и социолог, один из основоположников позитивизма – 48, 54, 452–454, 476, 524.

Кромвель Оливер (1599–1658), вождь английской буржуазной революции XVIII в., с 1653 г. – лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии – 551.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), русский революционер, теоретик анархизма, ученый-географ – 461.

Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825–1864) – деятель немецкого рабочего движения, мелкобуржуазный социалист – 194, 209, 526.

Левиафан (библ.), огромное чудовище, напоминающее

крокодила; после одноименного трактата Т. Гоббса – олицетворение государства – 63, 185, 204, 593.

Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский художник, инженер, ученый и философ – 298, 443, 499, 519.

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), русский философ, писатель и социолог – 70–72, 100, 119, 184, 474, 495, 511, 565–566, 570, 588.

Лессинг Готхольд Эфраим (1729–1781), немецкий философ, литературный критик, один из вождей немецкого Просвещения – 439, 499.

Лессинг Теодор (1872–1933), немецкий писатель и философ – 513.

Людовик XIV (1638–1715), французский король с 1643 г. – 97, 454, 540.

Людовик XV (1710–1774), французский король с 1715 г. – 540.

Лютер Мартин (1483–1546), основатель немецкого протестантизма – 298, 435.

Мадлен Луи (1871–1956), французский историк буржуазно-консервативного направления, автор работ, посвященных главным образом Великой французской рево-

люции и Первой империи – 548.

Мамона, в Новом Завете обозначение демонической власти собственности – 591.

Маркс Карл (1818–1883), немецкий философ и экономист, деятель немецкого и международного рабочего движения – 28, 31, 37, 39, 48, 82–83, 142, 157, 192, 194, 198, 209, 215–216, 253–255, 312–315, 333, 385–386, 401, 446–450, 453, 457, 476, 488, 577, 584, 590.

Матвей, отец (Константиновский Матвей Александрович; 1792–1857), ржевский протоиерей, один из корреспондентов Н. В. Гоголя после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» – 428.

Мейер Эдуард (1855–1930), немецкий историк древности – 191, 415, 483.

Местр Жозеф де (1753–1821), французский философ, писатель и дипломат – 30, 50–54, 83, 454, 552, 561–562, 577.

Микеланджело Буонарrotти (1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт – 429, 499–500, 516, 519.

Милль Джон Стюарт (1806–1873), английский философ-

позитивист, логик и экономист – 162, 580.

Мор Томас (1478–1535), английский государственный деятель и писатель, один из основоположников утопического социализма – 203, 587.

Навуходоносор, царь Вавилонский (605–562 до н.э.), завоеватель, ликвидировавший Иудейское царство (4 Цар. 24, 1) – 329.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский полководец и государственный деятель, император (1804–1814) – 87, 94, 96, 246, 438, 551.

Нибур Бартольд Георг (1776–1831), немецкий историк античности – 325.

Николай I (1796–1855), российский император с 1825 г. – 540.

Николай II (1869–1918), последний российский император в 1894–1917 гг. – 454.

Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ и поэт – 279, 281, 446–449, 456–457, 466, 496, 499.

Новалис (наст. имя и фамилия Фридрих фон Гарденберг; 1772–1801), немецкий поэт и философ, представитель раннего романтизма в Германии – 499.

Ньютон Исаак (1643–1727), английский физик, астроном, математик, основоположник классической и небесной механики – 452.

Озирис (Осирис), в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы – 407.

Ормузд (Ахурамазда), верховный бог в зороастризме, доброе начало, ведущее постоянную борьбу со злым богом Ариманом (Анхра-Майнью) – 245, 333.

Пан, в древнегреческой мифологии лесной демон, получеловек с ногами козла, козлиной бородой и рогами, возбуждавший панический ужас («панику») – 262, 408.

Парацельс (наст. имя и фам. Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; 1493–1541), философ, естествоиспытатель, врач и алхимик – 464.

Парменид (р. ок. 540 до н.э.), древнегреческий философ, представитель Элейской школы – 345, 349.

Петр I Великий (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. – 34, 94, 582.

Пикассо Пабло (1881–1973), испанско-французский художник – 462–463.

Платон (428/427–348/347), древнегреческий философ – 62, 91, 136, 149, 194, 214, 328, 345, 387, 390, 396, 415, 425, 516.

Плотин (204/205–270), греческий философ-неоплатоник – 345.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт и писатель – 28, 111, 119, 148, 473, 510, 585.

Ранке Леопольд фон (1795–1886), немецкий историк – 481.

Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский художник – 429.

Ренан Жозеф Эрнест (1826–1892), французский писатель, историк религии, филолог-востоковед – 388–389, 392, 394.

Риккерт Генрих (1863–1936), немецкий философ, один из основателей Баденской школы неокантианства – 316, 336.

Робеспьер Максимилиан (1758–1794), деятель Великой французской революции, один из лидеров якобинцев – 26, 30–31, 540, 580.

Руссо Жан-Жак (1712–1778), французский философ, писатель и композитор – 81–82, 157–158, 175, 579–580.

Савонарола Джироламо (1452–1498), итальянский религиозно-политический деятель, поэт, боровшийся с папской властью и потерпевший в этой борьбе поражение – 428.

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский мыслитель, социолог, социалист-утопист – 194, 453–454, 577, 584.

Сократ (ок. 470 – 399 до н.э.), древнегреческий философ – 396, 403, 415.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), русский философ и поэт – 5, 14, 28, 79, 119, 474, 511, 565, 590, 597, 601.

Соломон, царь израильско-иудейского государства (965 – ок. 928 до н.э.), автор Книги притчей Соломоновых, Песни песней, а также Екклесиаста, вошедших в Ветхий Завет – 396.

Спенсер Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма – 11, 476.

Спиноза Бенедикт (1632–1677), нидерландский философ – 351.

Токвиль Алексис де (1805–1859), французский социолог, историк и политический деятель – 162, 171, 580.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель и мыслитель – 28, 41, 52, 71, 96, 148, 205, 228–230, 252, 281, 298, 473, 511, 565.

Трубецкой Николай Сергеевич, русский языковед, культуролог и этносоциолог, один из основоположников евразийства, сын С. Н. Трубецкого – 518.

Тэн Ипполит (1828–1893), французский философ и историк, один из основоположников социологии искусства – 323.

Тютчев Федор Иванович (1803–1873), русский поэт – 514–515.

Фабр Д’Оливе Антуан (1768–1825), французский литератор и поэт – 98, 438.

Челлини Бенвенуто (1500–1571), итальянский скульптор, ювелир и писатель – 426.

Чемберлен Хьюстон (Хаустон) Стюарт (1855–1927), немецкий социолог английского происхождения, представитель расово-антропологической школы – 103–104, 331.

Шекспир Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт – 430, 500, 519.

Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), немецкий философ – 17, 119, 322, 333, 342, 354–355, 378, 401, 499.

Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства – 499.

Шлейермахер Фридрих (1768–1834), немецкий философ и теолог – 499.

Шопенгауэр Артур (1788–1860), немецкий философ – 5, 12, 119, 499.

Шпанн Отмар (1878–1950), австрийский философ, социолог и экономист – 513.

Шпенглер Освальд (1880–1936), немецкий философ, историк и публицист – 495–497, 513, 602.

Штейнер Рудольф (1861–1925), немецкий философ, основатель антропософии – 37, 464.

Эйкен Генрих, немецкий историк – 470.

Энгельс Фридрих (1820–1895), немецкий философ, историк, публицист, соратник К. Маркса – 216, 314.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ФИЛОСОФИЯ НЕРАВЕНСТВА **(Письма к недругам по социальной философии)**

<i>Письмо первое.</i> О русской революции	19
<i>Письмо второе.</i> О религиозно-онтологических основах общественности	47
<i>Письмо третье.</i> О государстве	75
<i>Письмо четвертое.</i> О нации.....	99
<i>Письмо пятое.</i> О консерватизме	118
<i>Письмо шестое.</i> Об аристократии	135
<i>Письмо седьмое.</i> О либерализме	154
<i>Письмо восьмое.</i> О демократии	171
<i>Письмо девятое.</i> О социализме.....	191
<i>Письмо десятое.</i> Об анархизме.....	221
<i>Письмо одиннадцатое.</i> О войне	237
<i>Письмо двенадцатое.</i> О хозяйстве.....	251
<i>Письмо тринадцатое.</i> О культуре	269
<i>Письмо четырнадцатое.</i> О Царстве Божьем.....	285
Послесловие	299

СМЫСЛ ИСТОРИИ

Предисловие	304
<i>Глава I.</i> О сущности исторического. Значение предания	305
<i>Глава II.</i> О сущности исторического. Метафизическое и историческое	322
<i>Глава III.</i> О небесной истории. Бог и человек	343
<i>Глава IV.</i> О небесной истории. Время и вечность	361
<i>Глава V.</i> Судьба еврейства	382
<i>Глава VI.</i> Христианство и история	401
<i>Глава VII.</i> Ренессанс и гуманизм	420
<i>Глава VIII.</i> Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Вхождение машины	439
<i>Глава IX.</i> Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа	458
<i>Глава X.</i> Учение о прогрессе и конец истории	474
<i>Приложение.</i> Воля к жизни и воля к культуре	495

НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(Размышление о судьбе России и Европы)

Предисловие	512
Новое средневековье	512
Размышления о русской революции	547
Демократия, социализм и теократия	577
Сочинения Н. А. Бердяева	602
Примечание	604
Указатель имен	606

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 80 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 25.05.2012 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 30,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.

Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
- Платонов О. История царевубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)